

ТЕРБЕРГ

В. ФРАЙКЕ

**СТЕКЛЯННАЯ
ЗАПАДНЯ**

ГЕРБЕРТ
В. ФРАНКЕ

СТЕКЛЯННАЯ ЗАЩИЩАЯ

Перевод с немецкого

Москва «Радуга»

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА
ФРГ

ББК 84.4Ф

Ф83

Составитель Ю. Новиков

Предисловие Вл. Гакова

Художник В. Роганов

Ф83 Франке Г. Стеклянная западня: Современная фантастика ФРГ. Пер. с нем./Составл. Ю. Новикова; Предисл. Вл. Гакова.— М.: Радуга, 1992— 733 с.

Г. Франке — известный западногерманский писатель-фантаст, его книги уже выходили в Советском Союзе (рассказы, роман «Игрек минус»).

Г. Франке не только мастер сюжета и отличный стилист, но и философ, осмысливающий нашу историю и нашу современность, человек, стоящий на позициях гуманизма и антимилитаризма, призывающий использовать достижения науки и техники на благо человека.

В книгу вошли романы «Стеклопанная западня», «Башня из слонової кости», «Сириус-Транзитный», «Холод Вселенной» и рассказы разных лет.

Ф $\frac{4703010100 - 420}{030(01) - 92}$ 59 — 90

© Составление, предисловие, художественное оформление и перевод на русский язык издательство «Радуга». 1991

ISBN 5-05-002533-8

СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

(Об «адском картографе» Герберте Франке, его предшественниках и окружении)

Книга, которую вы, читатель, держите в руках,— это продолжение знакомства¹ с ведущим писателем-фантастом Западной Германии.

Обычно перед автором вступительной статьи стоит очевидный выбор: вести рассказ об авторе, об эволюции его творчества или погрузиться в анализ включенных в сборник произведений. Я однозначно выбираю первое. То, о чем пишет Герберт Франке, проблемы, которые составляют и наполняют его творчество, настолько серьезны, что, пожалуй, следует поговорить о корнях, о «литературных координатах» Герберта Франке, о его месте в пространстве — времени немецкоязычной фантастики.

И поскольку наш читатель вообще мало наслышан об этой литературе, есть резон начать — с начала. С истории.

«Главная трудность для всякого пишущего о немецкой научной фантастике состоит прежде всего в поиске вторичных источников — справочного материала, ибо можно констатировать почти полное отсутствие как литературы критической, так и сколько-нибудь солидных библиографий по этой теме»². Этими словами, как будто нарочно сказанными с целью отбить охоту у конкурентов заняться столь неблагоприятным делом, открывает свой обзор фан-

¹ Первый сборник произведений писателя «Игрек минус» выпустило в 1986 году издательство «Мир».

² *Anatomy of Wonder. A Critical Guide to Science Fiction* (Ed. by Neil Barron). Third Edition. New York & London, 1987, p. 379.

тастики на немецком языке (трудность, как видим, преодолимая!) живущий в Вене критик и редактор Франц Роттенштайнер.

То, что подобное вспомогательное «вторсырье» — серьезные критические штудии и обстоятельные библиографии — все-таки есть, убеждает лишь беглый просмотр источников, на которые ссылается сам Роттенштайнер. Конечно, критико-библиографической немецкой литературы на порядок-два меньше, чем аналогичного материала на английском языке, но это неудивительно: и собственно научно-фантастической литературы авторы обеих Германий, Австрии и немецкоязычной Швейцарии поставляют к читательскому «столу» неизмеримо меньше, чем их англоязычные коллеги. Все же общая картина, восстанавливаемая по этим вторичным источникам, достаточно многогранна и по-своему поучительна.

Собственно «научная фантастика» (термин, нигде и никем из критиков внятно и однозначно не объясненный, однако интуитивно угадываемый читателями этой литературы) в рассматриваемом языковом регионе не может похвастать титанами, подобными Жюльо Верну или Герберту Уэллсу. Тем не менее имеются две боковые генеалогические ветви, которыми современный фантаст, пишущий на немецком языке, вправе гордиться.

Во-первых, он с понятным трепетом назовет плеяду имен воистину великих, чьи обладатели всем творчеством или отдельными произведениями навечно вписали себя в анналы *фантастики романтической*. Новалис, Гофман, Тик, Шамиссо... Эти имена для читателя-фантазера, любителя всего таинственного и несбыточного, звучат притягательно (как равнозначно — Александр Грин для читателя советского!). А особо пристрастное увлечение немецкого романтизма образами «пограничными», рожденными на узкой полоске ничейной земли, поделившей суверенные территории научно достоверного и вымышленного, — всеми этими «одержимыми» автоматами, големами и двойниками (Doppelgänger), — не могло не дать обильного всхода в веке XX. С самого его начала хватало тревожных раздумий о границе человеческого в человеке, о «достижениях» науки и техники, не отягощенных мо-

ральной рефлексией; в те же первые десятилетия века впервые, кажется, пришло отдельным светлым умам *откровение* — образ заведенного, подобно маятнику, «научно» скроенного государства, в коем человеку и не осталось иной роли, как быть исправным «винтиком»... Обо всем этом в начале века писали Густав Мейринк и Альфред Кубин, почти не известный у нас Оскар Паницца и не нуждающийся в представлениях Франц Кафка.

С другой стороны, немцы отличаются замечательной тягой к *порядку*, олицетворяемому в литературе *утопией*¹. Плеяда немецких писателей-утопистов выглядит не менее впечатляющей.

Почти век понадобился европейской общественной мысли нового времени, чтобы вслед за пионерским сочинением Томаса Мора «раскачаться» на вторую по счету утопию. «Христианополис» Йоханна Валентина Андреа в 1619 году открыл счет «идеальным будущим» в немецкоязычной литературе. А наибольшее число их пришлось на канун нашего столетия, попытавшегося реализовать многие из подобных проектов на практике и цену за то заплатившего, как мы сейчас понимаем, дорогую. Более того, сам термин «утопизм» XX век дискредитировал, как ни одно столетие до него...

Утопия — только зеркало, в коем отражаются чаяния и надежды пишущего, у каждого *свое* представление об идеале... И если, к примеру, весьма критичная по отношению к кайзеровской Германии Вильгельма утопия Михаэля Георга Конрада «В пурпурном мраке», вышедшая в 1895 году, была, вне всяких сомнений, навеяна сочинениями Ницше, то другие «идеалисты» черпали вдохновение в иных книгах, например в трудах социалистов. Две утопии той поры — «Социал-демократические картины будущего» Ойгена Рихтера и «Взгляд в грядущее» Рихарда Михаэлиса — это, по сути, прямое подражание (или, наоборот, острая полемика) знаменитому утопическому

¹ Нужно иметь в виду, что в немецкоязычной литературной критике это и так достаточно емкое слово трактуется еще более широко, чем, скажем, в критике англоязычной: это вообще любая рациональная, то есть не обязательно отягощенная научно-фантастической «машинерией» модель будущего.

роману американца Эдварда Беллами «Взгляд назад», в 1890 году переведенному на немецкий язык.

Были в Германии, как и в любой другой национальной литературе, утопии патриархальные и технократические, религиозно-мистические и социалистические, преисполненные шовинизма и пафоса интернационализма... Чтобы читатель представил себе всю широту диапазона, напомним еще о двух. Первая — это технократическая утопия австрийца Теодора Герцки «Земля свободных» (1890), о которой у нас много писали. О второй, напротив, наши критики предпочитали в данном контексте — история утопической литературы — стыдливо помалкивать. А между тем вышедшая спустя двенадцать лет после произведения Герцки книга «Новая родина» (1902) одного из крупнейших идеологов сионизма (в первоначальном, историческом значении этого слова, а не в трактовке какого-нибудь современного «охотника на масонов»!) Теодора Герцля — это, по парадоксальному замечанию Ф. Роттенштайнера, единственная литературная утопия, которая, хотя и с издержками, осуществлена на практике!

Говоря о писателях-визионерах, грезивших светлым будущим, нельзя обойти молчанием одинокую фигуру Пауля Шеербарта, прусского пацифиста, который, как говорят, умер в 1915 году в результате голодовки, объявленной по случаю начала мировой войны. В литературном отношении все, что написал Шеербарт, — это классическое творчество *аутсайдера*, никому не наследовавшего и не оставившего после себя учеников. Его какая-то «детская» проза искушенному читателю может показаться упражнениями графомана. Однако если рассматривать сочинения Шеербарта в контексте эпохи — эпохи предвоенной, революционной и «упадочно-декадентской», — то трудно не заразиться его особым светоносным пафосом.

Прилагательное «светоносный» я употребил не для красного словца. Ощущение света, мистического, играющего, льющегося отовсюду, пронизывает страницы произведений Шеербарта. Он как религиозный подвижник истово верил в исцеляющую силу света и даже строил вполне серьезно проекты какой-то невообразимой «прозрачной» архитектуры... Не принадлежа формально ни

к какой литературной школе, своим противопоставлением романтических звездных далей мерзкой, погрязшей в мелочных заботах Земле писатель определенно строил свою собственную утопию. Самая известная из его книг — «Лезабендио» (1913) — это лишь на первый взгляд научно-фантастический роман о возведении разумными червеобразными обитателями астероида Паллас их собственной «вавилонской башни». Сквозь привычный для любителей фантастики антураж проступает пусть наивная, но иступленная, до конца выстраданная мечта; целый калейдоскоп визуальных образов, метаморфоз увлекает, отрывает читателя от опостылевшей повседневности.

Однако подобных наивных оптимистов в немецкой литературе указанного периода немного. Век XX вносит в построения утопистов коррективы. Грядущее противоречие между благородной целью «осчастливливания всего человечества» и ценой, за которой не постоят «инженеры» всеобщего человеческого счастья (куда там до одной-единственной слезинки, о коей, помнится, сокрушался Алеша Карамазов!), многие авторы почувствовали остро и своевременно. И к утопии все чаще стали подгонять тревожную приставку «анти»... Пришествие машин, в которое некогда так верили, больше не сулило панацеи от социальных невзгод, да и сам взлет научно-технического прогресса кого-то по привычке манил, зато у других вызывал легкопредставимый ужас.

Две ипостаси прогресса — пока в традиционной черно-белой разрисовке — отражены в двух известных немецкоязычных произведениях. «Метрополис» Теи фон Харбу обязан славой быстро последовавшей в том же, 1926 году экранизации, которую осуществил муж австрийской писательницы, «гений немого кино» Фриц Ланг. Это, безусловно, «черная» утопия, показывающая механизированный ад мира-фабрики. А известный нашему читателю «Туннель» (1913) Бернхарда Келлермана — наоборот, выражение «веры без берегов» в благотворную сущность технического прогресса.

В то время когда над Европой сгустилась ночь, роман Келлермана во всех отношениях оставался «белым

пятном». Обратим внимание на дату выхода книги в свет: самый канун войны, на полях которой, сожженных и изрытых воронками от снарядов, технический прогресс впервые показал свои зубы. Кое-кто из коллег Келлермана оказался прозорливее; та же дата стоит на последней странице другого знаменитого романа — уэллсовского «Освобожденного мира», где пророчески предсказана *атомная война...*

Но вернемся к утопистам (а они теперь с неизбежностью все чаще будут выступать в амплуа «антиутопистов»). В свое время огромной популярностью пользовался роман Альфреда Дёблина «Горы, моря и гиганты» (1924) — впечатляющая иллюстрация к знаменитому философскому труду Освальда Шпенглера «Закат Европы», которым, кстати, многие зачитывались как увлекательным *романом*. Свой собственный «закат Европы» рисует и Дёблин, причем его книга оказывается тем яйчком, что пришло к Христову дню. Нужно помнить, что за котел вскоре забурлит в Германии; здесь, в самом сердце Европы, жители униженной и растоптанной страны ежедневно ожидали конца света, каких-то катаклизмов — словом, черт знает чего. И — подсознательно — реванша и нового возрождения!

В масштабах описываемых событий автор романа себя не стесняет. Ему не до тщательной разработки характеров, счет идет на столетия, на людские *массы*, на идеи. Смертоубийственная европейская война усугубляется конфликтом внешним — европейцев с азиатами, а кроме того, открыто противостоят друг другу «машинные» идолопоклонники и неолуддиты. В книге множество интереснейших догадок: синтетическая пища, генная инженерия, даже циклопический проект растопления льдов Гренландии. Причем вторжение в экологическое равновесие приводит к появлению новой расы «гигантов» — это даже не люди, а какая-то новая форма жизни, «разбуженная» упоенным своим технократическим всемогуществом человечеством, — и появление ее ничего хорошего человечеству не сулит...

Мрачная фреска Дёблина (я коснулся ее только вскользь) соединила в себе две стороны утопизма, не многими

в те годы замеченные. Естественный титанический порыв человека «переломить» Природу — и в то же время неизбежно следующий за этим слом человеческого в человеке. Потребность в социальных свершениях, своего рода подстегивании общественных процессов, — и неотвратимая месть Истории за это насилие над нею.

Последовавшая затем вторая мировая война, еще более кровавая, отягощенная ужасами фашизма, окончательно поставила крест на проспектах безоблачной идеальной жизни, сконструированной по умозрительному проекту. Немецкоязычные утопии 30—40-х годов — а прежде всего нужно отметить многоплановое философское полотно Германа Гессе «Игра в бисер» (1943) (обстоятельный разговор об этом произведении увел бы нас слишком далеко) — это, может быть, последние попытки такого рода. В мире, неотвратимо погрузившемся в национал-социалистские мерзости, писателям, по точному выражению Ф. Роттенштайнера, «было донельзя сложно оживить почти полностью растоптанные ценности западного ума и сердца».

За редкими исключениями — я еще постараюсь напомнить о них, — утопическая линия в немецкой литературе прервалась. В немалой степени благодаря выросшему на немецкой же почве течению мысли — тоже по-своему *утопическому*! — позже первым из всех идеологий объявленному трибуналом в Нюрнберге *преступлением против человечества*. Кто мог предвидеть, что так необратимо закончится круг судьбы немецкого утопизма...

А теперь обратимся к собственно *научной фантастике*, к тому жанру или виду литературы, который так себя называет.

Не сомневаюсь: у большинства читателей, не слишком хорошо знакомых с нею, немедленно возникнут ассоциации с космосом. Звездолеты, экспедиции на другие планеты...

Да, с космических приключений научная фантастика и началась.

Германия не составила исключения. Достаточно упо-

мянуть одно из первых произведений фантастики вообще и космической в частности — «Сон» великого астронома Иоганна Кеплера. Пионером освоения «научно-фантастического» Марса по праву следует назвать другого астронома, Эберхарда Киндермана, автора скучнейшего романа под длинным названием «Быстрое путешествие, совершенное пятью молодыми людьми на воздушном корабле» (1744). С некоторой натяжкой можно причислить к космической фантастике и произведения уже упоминавшегося Пауля Шеербарта, которого, кстати, критика не случайно окрестила «немецким Фламарионом» — в честь известнейшего французского астронома и писателя, автора научно-популярных и фантастических книг.

Если же разбираться пристрастно, то с научной фантастикой Кеплера и Киндермана роднила больше их основная профессия, нежели их сочинения. А вот «непрофессионал» — в вопросах науки — популярный немецкий беллетрист Курд Лассвиц более других претендует на титул «отца немецкой научной фантастики». Его самый известный роман «На двух планетах» вышел в свет в 1897 году и был переведен, в частности, на русский язык. Лассвиц первым, вероятно, в Германии смог облечь различные научно-фантастические *идеи* в адекватную художественную форму. И хотя его произведения литературными шедеврами назвать нельзя, это все-таки уже романы или рассказы, а не скучные трактаты или более «раскованные» описания сновидений. Кроме того, они полны самых удивительных — и осуществимых! — проектов, вроде зависших над полюсами планеты гигантских орбитальных космических станций...

Любопытно, что космическая фантастика в Германии развивалась в начале века бок о бок с практической космонавтикой! Идеи основоположников и активных членов немецкого Межпланетного общества, из которых наиболее известными были Отто Гайль, Герман Оберт и Макс Валье, часто преподносились читателям в увлекательной научно-фантастической форме. Что же касается серьезных трудов членов общества, то для широкой публики, да и науки в целом, они представляли собой чистейшую *фантастику* от начала до конца.

Первые десятилетия века ознаменовались в Германии рождением еще одного феномена. Речь идет о специфической журнальной и «сериальной» фантастике, которой американская литература, к примеру, обязана появлением Рэя Бредбери, Айзека Азимова, Курта Воннегута (я мог бы продолжить список до конца страницы, но ограничусь только этими, самыми известными именами). Американцы и по сей день глубоко убеждены, что столь любимая ими научная фантастика — это явление типично американское и рождение ее датировано совершенно точно: апрелем 1926 года, когда вышел в свет первый номер первого специализированного журнала научной фантастики — «Эмейзинг сториз».

Между тем еще до начала первой мировой войны многие немецкие газеты и журналы охотно печатали фантастику. Были и специальные периодические издания, типа «Журнал собеседования и научных знаний» („Das Magazin der Unterhaltung und des Wissens“), где подобная литературная продукция подавляла порой все остальные материалы.

Особой популярностью среди читателей-подростков пользовались и специфические немецкие «грошовые серии» брошюрок, из которых бесспорным лидером была серия «Воздушный пират»; начав выходить в 1908 году в Берлине, она в последующие пять лет стала любимым чтивом немецких школьников.

К сожалению, их духовный рацион составляли отнюдь не одни только приключения «воздушного пирата» — бесстрашного и благородного Капитана Морса, помеси звездного Немо со звездным Робинем Гудом. Период между войнами вывел на авансцену немецкой фантастической литературы еще одну ее разновидность.

Самой заметной фигурой в этом жанре становится Ганс Доминик. По профессии инженер, он начал свой путь в литературе с рассказов «о технике», обращенных преимущественно к молодому читателю. Однако в научно-фантастических романах Доминика, из которых наибольшую популярность завоевал роман «Власть трех» (1922), лозунг «Техника — молодежи» постепенно приобретает специфический оттенок. Настолько специфиче-

ский, что автор обращает на себя внимание новых руководителей Германии. Чем же им так потрафил писатель-фантаст?

Все романы Доминика строятся сюжетно вокруг какого-нибудь чудесного изобретения, будь то новый вид топлива, способ добывания электроэнергии из воздуха или даже «невидимость» в духе уэллсовского Гриффина. Но суть не в этом. Каким бы ни было открытие или изобретение, судьбу ему автор определяет неукоснительную: служить вящей славе фатерлянда! Герои Доминика словно предвосхищали (и как знать — не послужили ли примером) будущих вернеров фон браунов, ковавших железные мускулы германской нации, которой свыше ниспослана власть над миром.

А в поздних произведениях Доминика техника преподносилась новой немецкой молодежи и вовсе в расово-мистических одеждах, что также было ко двору. К чему приводит эта пестрая взрывоопасная смесь тривиальной фантастики вкупе с шовинизмом и мистикой (Атлантида, бредовые теории «полой Земли», исчезнувшие расы гигантов, космология Вечного Льда и прочее в том же духе), я полагаю, наш читатель научной фантастики наслышан¹. И хотя справедливость требует отметить, что в 1939 году все научно-фантастические издания в «третьем рейхе» были безоговорочно причислены к «Schmutz und Schund»² и запрещены, запрет, как выяснилось, обычно пунктуальные и законопослушные немцы выполняли нестрого. Милую сердцу идеологов фашизма «астрально-националистическую» фантастику словно взял под свое крыло ангел-хранитель.

Но если сочинения Ганса Доминика назвать «нацистской пропагандой», строго говоря, было бы некорректно (больше им подходит изобретенный западной критикой ярлычок «мягкий шовинизм»), то о сочинениях таких авторов, как Ханс-Хайнц Эверс, это можно говорить вполне определенно.

¹ Подробнее об этом см.: Г а к о в Вл., Б а б е н к о В. Холод прошлого // Наука и религия. 1987. № 8—9.

² Грязь, аморальность, распущенность (нем.) — термин нацистской пропаганды, применявшийся в оценке литературы и искусства.

Традиции оказались живучи. Уже в наши дни «грошковые серии» о похождениях сверхчеловека, на плечах которого — бремя власти над миром, возродились в ФРГ в облике Перри Родана.

Герой серии (выпуски ее, а их более сотни, исправно поставляет целая авторская команда), как ни странно, подкачал по расовой линии. Он американец, а значит — не совсем ариец, правда, и его нынешний «фатерлянд» простирается до границ Галактики. Но вот враги Перри Родана — все те же: недочеловеки, слабые, безвольные, дегенеративные космические расы — слабые, впрочем, не настолько, чтобы не представлять никакой угрозы его империи... Есть и другие занятные детали. Доведенный до идиотизма пунктуальный подсчет присоединенных миров и пущенных в расход врагов. Несомненная печать «фюрерства» на челе «защитника расы» Перри, без железной воли и гения которого нового порядка в Галактике не навести. Отмечу, что и «гений» его — специфический, не нуждающийся даже в рудиментах культуры и образованности.

Вообще при чтении подобных опусов не покидает ощущение: стоит этому «Гитлеру планетарной эпохи» (такую характеристику дал Перри Родану австрийский публицист Роберт Юнг) услышать слово «культура», как рука его непроизвольно потянется к «лазерному» пистолету...

Чтобы закончить с темой фашизма, а она приобретает особый смысл, коль скоро речь зашла о *немецкой фантастике*, хотелось бы привести пример прямо противоположный. (В противном случае я рискую оставить читателя наедине с размышлениями весьма пессимистическими — они и автора этих строк посещали...)

В 1984 году франкфуртское издательство «Ульштайн» выпустило в свет роман Томаса Циглера (псевдоним Райнера Цубайля) «Голоса ночи». Эта книга — по-моему, явно недооцененная критикой — являет пример так называемой «альтернативной» (или «параллельной») истории, которую писатель-фантаст создает, задавшись простым вопросом: *что было бы, если?..*

На этом приеме основано много интереснейших произведений, в частности англоязычной научной фантастики. Если говорить о конкретной ситуации — что было бы,

если б вторую мировую войну выиграли нацисты, — то критики обязательно отметят романы англичанина Сарбана «Звук охотничьего рога» и американца Филиппа Дика «Человек в Высоком замке»; с упомянутыми образцами охотнее всего сравнивают и роман Циглера — редкий, если не единственный пример такого рода в научной фантастике ФРГ.

Самое удивительное, однако, что «альтернативная история» на сей раз разворачивается вовсе не в мире, в котором нацистская Германия *выиграла* вторую мировую войну! Нет, Гитлер проиграл, и его поражение оказалось даже более сокрушительным, чем в реальной истории: на Берлин была сброшена атомная бомба, а «план Моргентау» — проект полной деиндустриализации Германии — был приведен в действие. И что же в результате? В «параллельной» Европе, так и не вставшей из развалин, не прекращаются партизанские вылазки фанатичных эсэсовцев-«вервольфов». А главные руководители «третьего рейха» заблаговременно подались в Южную Америку — там, в бункерах, надежно упрятанных в Андах, не прекращаются мечты о реванше.

Но это пример, повторяю, редкий.

В целом сегодня Западная Германия по количеству издаваемой научной фантастики если кому и уступает в Европе, то, пожалуй, одной Англии, имеющей прочные связи с могущественным американским книжным рынком. Эту литературу издают в специальных сериях ведущие фирмы «Хайне», «Гольдман», «Ульштайн» и другие. Но изучение того водопада, который ежегодно низвергается на прилавки книжных магазинов, показывает, что собственно *немецкой* научной фантастики издается в Федеративной Республике мизерное количество. Ее и выпускают-то чаще всего как стыдливый, унижительный доводок к основной массе переводной американской продукции.

Если поскрести по сусекам литератур ФРГ, Австрии и Швейцарии, то буквально — десять-пятнадцать книг, вообще достойных упоминания. Вольфганг Йешке, «не-фантаст» Карл Эмери (выпустивший, кстати, редкую — в наши дни! — утопию «Падение города Пассау»), несколь-

ко вселяющих надежду имен молодых авторов, объединенных в группу «Science Fiction Times». И, пожалуй, все.

Что и говорить, в стране столь богатых литературных традиций — негусто... Хотя читатель, может быть, уже успел забыть: все это была лишь длинная присказка. «Сказку» он держит в руках: романы и рассказы Герберта Франке, творчество которого заметно изменяет только что нарисованную, в общем, унылую и бесперспективную картину.

Польские читатели и писатели-фантасты давно не обижаются, когда критики ведут разговор отдельно о «польской фантастике» и о «фантастике Станислава Лема». Тут никаких намеков на культ личности, боже упаси! Просто нужно отдавать себе отчет в том, что это совершенно несопоставимые по величине (разнопорядковые, как скажут ученые-естественники) литературные миры... С тем же основанием, но на меньшей шкале можно говорить отдельно о современной фантастике ФРГ и о творчестве Герберта Франке.

Родился он в Австрии, в 1927 году. После окончания Венского университета и защиты диссертации молодой инженер переселяется в Мюнхен, где и живет, насколько мне известно, по сей день. Инженер в промышленности, преподаватель одного из первых курсов компьютерной эстетики (!) в Мюнхенском университете, получивший звание профессора, создатель серии научно-фантастических радиопьес, технических рекламных роликов с тогда еще редким использованием «электронной графики», член Экологического общества ФРГ — и прочая, и прочая... И в заключение — плодovitый писатель, популяризатор науки и автор научно-фантастических книг.

В научной фантастике Герберт Франке дебютировал в конце 50-х годов. Поначалу из-под его пера выходили только короткие, сверхэкономные рассказы-миниатюры, вошедшие затем в первый сборник Франке «Зеленая комета» (1960). По данным на 1988 год, писатель издал еще четыре сборника рассказов — «Наследники Эйнштейна» (1972), «Заратустра возвращается» (1977), «Рай 3000» (1981) и «Дыхание Солнца» (1986).

Советский читатель знаком с рассказами Франке (многие из них включены, в частности, в сборник издательства «Мир»), что избавляет от необходимости подробно на них останавливаться. Отмечу только их *сверхкомпактность*. Как мне кажется, стремление следовать золотому правилу «словам тесно — мыслям просторно...» в ряде случаев оборачивается против писателя. Рассказ — жанр художественной прозы — превращается в тезис, служит только экономному изложению идеи. «Франке вовсе не великий стилист или рассказчик, — замечает Ф. Роттенштайнер, — но в одном ему нельзя не отдать должное. Он удачно нашел емкую литературную форму для изложения своих собственных, часто глубоких и оригинальных научных идей».

Славу Франке принесли, однако, не рассказы, а романы (учитывая их небольшой объем, можно было бы называть их повестями). На сегодняшний день их количество приближается к полутора десяткам; по западным стандартам это немного, хотя читатель Герберта Франке, «проглотивший» все его романы подряд, рискует запутаться. Дело не в том, что писатель неизобретателен, вследствие чего переписывает сам себя, нет, скорее он постоянно себя *дописывает*. Подобно американцу Филиппу Дикю, с которым Герберта Франке охотно и часто сравнивают критики, немецкий писатель словно пишет и все никак не может закончить свой «главный» роман. Откладывает (отчего некоторые произведения оставляют впечатление незавершенных), затем возвращается снова и снова откладывает...

Те же критики отмечают, что Филипп Дик смело переходит границы научно достоверного, когда они начинают его теснить как писателя; Франке же вследствие своей редкой «лояльности» по отношению к науке никогда не посмеет этого сделать.

Он серьезнее многих коллег по перу относится к этой внешне дежурной приставке «научная». Экспериментальная авангардно-наркотическая проза, оккультная «жуть» и сказочная *fantasy* — все это не для него. «Я пишу научную фантастику, — сказал Франке в интервью американскому журналу «Экстраполейшн», данном в 1977 году, —

предпочитая оставаться на твердой почве реальности (в смысле научно допустимого). Хотя, конечно, это не может пройти безболезненно для писателя-фантаста... И вместе с тем все, о чем я пишу, подчиняется только моим желаниям. Никаких ограничений, если не считать тех, о которых я сказал выше. Что касается давления рынка, то я давно выработал для себя формулу поведения со своим читателем. Я все время стараюсь оставаться разумным, рациональным, повествуя о том, что читатель в принципе способен понять и чему внутренне готов следовать».

В период с 1961 по 1965 год писатель буквально «выстрелил» обоймой из пяти романов, которые условно составляют его ранний период творчества. Это «Сеть мысли» (1961), «Клетка для орхидей» (1961), «Стеклянная западня» (1962), «Стальная пустыня» (1962) и «Башня из слоновой кости» (1965). Постараюсь воздержаться от пересказов, тем более что с тремя из перечисленных романов читатель будет иметь возможность познакомиться самостоятельно; обращаю внимание лишь на некоторые сюжетные и структурные детали.

С первых же крупных произведений Герберт Франке утвердил себя в научной фантастике как последовательный, если не сказать — *одержимый* «антиутопист». Это не значит, что его мучит мизантропия, а мир предстает перед ним лишь в черном свете. Хотя за ним и закрепились репутация писателя мрачного, беспросветного, «неутомимого адского конструктора, представляющего читателю один проект технократической преисподней за другим» (Ф. Роттенштайнер), сам Франке смотрит на собственное творчество иначе.

«Я не считаю,— сказал он в упоминавшемся интервью,— что мои научно-фантастические романы столь пессимистичны. Хотя и постулирую некоторые тенденции развития, которые могут привести нас к чрезмерно опасным последствиям... Но сам я не верю, что дело пойдет так далеко. Это не предсказание, не пророчество — я просто ставлю вопросы, веду с читателем на равных своего рода интеллектуальную игру. Даже в ситуации полного распада — есть ли выход? Думаю, что он всегда есть».

Как не хотелось мне приводить изрядно затасканное сравнение со «светом в конце туннеля»! Но что поделаешь — вон и в заглавие статьи оно перекочевало — ранние произведения Герберта Франке вызывают в сознании именно этот образ. В его каталоге антиутопий обязательно присутствует — не надежда даже, а какой-то еле уловимый намек на нее. На мой вкус, *слишком* законспирированный — как будто автор всякий раз одергивает себя, пообещав человечеству благоприятный исход. Быть может, из-за боязни определенным образом «разоружить» читателя — поверит, понадеется и руки опустит? Не знаю... Но с другой стороны, и особой *завороженности* нарисованным триумфом Зла — а ею, как мне кажется, грешат и произведения трех «китов» современной антиутопии: Замятина, Хаксли, Оруэлл — в произведениях Герберта Франке я не обнаружил.

Пробежим взором по страницам этих новых «картада», как назвал научную фантастику известный английский писатель Кингсли Эмис.

Гедонистический, утопающий в праздности «рай сытых» в романе «Клетка для орхидей», несомненно, навеян идеями Олдоса Хаксли. Как и в «Дивном новом мире», рай оказывается таковым лишь на первый взгляд. Возложив все заботы насущные на автоматизированных слуг, цивилизация платит за «беспроблемность» существования бесчеловечностью, переходит в прямом и переносном смысле на существование растительное. («А они думают?» — «Зачем им думать — они счастливы». — «А они размножаются?» — «Зачем, если они бессмертны»...)

А в романе «Сеть мысли» Франке отдает дань Замятину и Оруэллу, рисуя мир-застенок, где строгой регламентации подлежат не только поступки, не только мысли, но и сфера подсознательного. Самый страшный криминал — обладать воображением, фантазией, видеть сны, совершать нелогичные поступки; за все это преступника ждет принудительная лоботомия...

«Стеклянная западня», как убедится читатель, — это модель ада милитаризованного, мир-казарма. При чтении романа припомнится, наверно, и философствующий идеолог-палач О'Брайен из великой книги Джорджа Оруэлла

«1984». То же упоение правящей элиты властью, своего рода безумие, при котором удовлетворение приносят уже не страдания жертв, не вырванное под пыткой заверение в лояльности, а скорее наоборот — наблюдение за непрекращающимися попытками заключенных этого мираторьмы вырваться на волю, которая, само собой разумеется, представляет собой лишь фантом, иллюзию... «Допустим, ты пробил головой стену. Но что ты будешь делать в соседней камере?» — мрачно шутил польский сатирик Станислав Ежи Лец; лучшего эпиграфа к роману Франке, как мне кажется, не сыскать.

А у тех читателей, кто хорошо знаком с американской научной фантастикой, это произведение вызовет понятные ассоциации с романом Роберта Хайнлайна «Воины звездного корабля», где проводится похожая мысль о казарме как высшей кузнице человеческого духа. Милитаристы у Франке эту мысль развивают долго и охотно. Хотя, впрочем, разве только у Франке? Только у Хайнлайна? Только в научной фантастике?..

«Башня из слоновой кости» — это своего рода сборная солянка из нескольких «частных» антиутопий, до того уже разрабатывавшихся в других романах Франке. Они причудливым образом (по-моему, даже несколько искусственно) перемешаны. Тут и механизированный рай-ад, и замаятинско-оруэлловский тоталитарный мир «всеобщего равенства и братства» (в котором, однако, «некоторые животные равнее других»), и тихое, беспроблемно стагнирующее общество — без цели, без будущего... Что автор добавил нового к своим «картам ада», так это, как мне кажется, небольшое предвосхищение (обратите внимание на дату выхода книги) — леворадикальную, ультрареволюционную утопию, и в романе, и, как скоро убедились читатели Франке в Западной Европе, в жизни быстро сменившую ориентацию на утопию с приставкой «анти».

Как видим, не зря он заслужил титул «адского картографа». И чтение подряд нескольких крупных произведений писателя могло бы превратиться в затею попросту невозможную (без риска впасть в депрессию), если бы...

Если бы автор, как я уже сказал, не забывал вовремя зажигать тот самый «свет». Правда, в самом-самом конце туннеля.

Экспедиция, прилетевшая на планету-застенок спустя века после описываемых событий, застаёт тоталитарную цивилизацию (интересно, можно ли ставить рядом эти два слова?) лежащей в развалинах, а человеческую мысль, фантазию — главных внутренних врагов насаждаемого против воли порядка — живыми (это финал «Сети мысли»). Из заключительных страниц романа «Клетка для орхидей» мы узнаем, что «растительная» цивилизация — к счастью, все-таки не наша, не земная; так что землянам дается шанс задуматься над своим собственным путем развития. И даже несколько напоминающее пресловутый рояль в кустах «Заметки издателя» в финале «Стеклянной западни» сообщит, хочу надеяться, читателю некоторый заряд оптимизма, как и открытый для споров и различных интерпретаций финал романа «Башня из словновой кости».

А что потом? Ведь со времени выхода последнего из «ранних» романов немецкого писателя прошло ни много ни мало — четверть века.

Герберт Франке продолжал активно работать все это время.

Однако я потому так пунктуально останавливаюсь на каждом из ранних романов, что их сюжетные схемы, их идеологический каркас еще не раз послужили Франке в последующие годы. Он словно пробовал их на прочность. Вновь и вновь возвращался к своим «частным» антиутопиям, еще раз перелистывая «карты ада», словно пытаюсь с высоты новых знаний и опыта разглядеть какую-то пометку или неточность. Это как игра в калейдоскопе, причудливое разнообразие узоров которого тем более поразительно, что составлены они из все тех же немногочисленных осколков...

Раньше я уже говорил о завидном писательском упорстве — даже упрямстве Герберта Франке, всю жизнь практически создающего свой «главный» роман. Две книги

70-х годов — «Зона-нуль» (1970) и «Игрек минус» (1976) — на мой взгляд, самые удачные из многократно переписанных версий; после знакомства с ними все предыдущие предстают скорее рабочими эскизами.

Подробно говорить о романе «Игрек минус» мне нет нужды, советский читатель с ним знаком. Отмечу только, что и в этом произведении можно проследить определенное влияние великих предшественников-антиутопистов — на сей раз это, видимо, Олдос Хаксли. Изображенный Франке мир будущего построен из кирпича, обожженного еще великим английским писателем: обеспечивающая социальную гармонию *иерархия каст* — вот на чем покоится здание. (Только вот «биологический» репрессивный механизм Герберт Франке согласно новым веяниям заменяет на «информационный»...)

Это на первый взгляд совершенное общественное устройство по идее должно быть населено *довольными* гражданами (не будем говорить о *счастье* — его кое-кому может недоставать и в мире повального сытого довольства...). Между прочим, об этом — и рассказ Франке «Папа Джо», с которым вы познакомитесь. Однако, как помнит читатель, любая попытка — и эта не исключение — внедрить в живой общественный организм нивелирующий абсолютизм содержит в себе червоточину — отдельно взятого индивидуума. Уникальное и никогда до конца не программируемое, упрямое своеобразие человеческой личности.

Вот об эти-то личности и спотыкается всякий раз утопия. Созданный, быть может, с самыми благими намерениями, проект *счастья для всех* ввиду своей конечной конкретности какую-нибудь отдельную личность (которая не может быть «как все») да заденет, подавит...

Еще одна знакомая сюжетная линия перекочевала в «Игрек минус» из раннего романа «Сеть мысли». Оказывается, правящая прослойка, каста «игрек минус», вынужденная скрывать под рубищем изгоев истинную свою власть, не может функционировать при отсутствии самого «несовершенного» из всех человеческих качеств — без *фантазии!*

И в этой книге, финал которой трагичен, писатель не

отступает от возложенной им на себя миссии «фонарщика»: в преддверии финала мы снова видим узкую полосу света вдаль.

Зато роман «Зона-нуль» — лучшее, на мой взгляд, произведение Франке — вопреки этому принципу заканчивается на абсолютно беспросветной ноте.

В книге соединены, точнее сказать, выставлены друг против друга на идеологическом ристалище две полярные по форме антиутопии, из тех, к которым писатель уже обращался. Изнеженный мир занятых лишь наслаждениями «младенцев» уже встречался в «Клетке для орхидей», а жестко расписанный «от и до» мир-казарма — в «Стеклянной западне» (и частично — в «Сети мысли»). Возникшая на Земле ситуация — это результат опустошительной войны, после которой остатки (счастье, что не останки) двух противоборствовавших систем разделены, изолированы зоной сплошных разрушений, «зоной-нуль».

Герой, выросший в мире жестокого подавления личности, в обществе социально-активном и дисциплинированном, обнаруживает в заповедной зоне людей совсем иного типа. Их жизнь беспечна, похожа на безоблачный мир детства, ибо благосостояние этих новых слоев обеспечивают автоматы. Все время они проводят в бесконечных играх, наслаждаются эротикой, а также тратят время на занятия, напоминающие пародию на науку (отчего вспоминаются лапутяне Свифта)... Вырвавшись из этого сонного царства, герой возвращается к «своим» — и немедленно подвергается лоботомии. В *его* обществе сказочки о «праздном, сытом рае» совершенно ни к чему...

«Для меня — немца, — признавал Франке в уже упомянутом интервью, — это в значительной мере отражение реальной Стены между нашими мирами... В моем романе роль ее играет «ничейная земля», какие-либо контакты с которой (даже радиосообщение!) строжайше запрещены. Идет время, и вот уже никто не в состоянии даже вообразить, что же в действительности происходит на «той» стороне. Разумеется, я старался держаться подальше от прямых политических аналогий, но кто-то из читателей, несомненно, прочтет эту книгу как метафору нашего нынешнего разделения мира на «Восток» и «Запад».

Если следовать этой параллели дальше, то я рассказываю в романе о шоке, который постиг жителей «Востока», когда в один прекрасный день они обнаружили, что никаких замков на границе больше нет и путь на «ту» сторону свободен! Ждет же их «там» — *абсолютно* непостижимый мир...»

Как уже было сказано, в этом произведении свет надежды в финале так и не зажигается. Но удивительнее всего то, что мрачную атмосферу нарисованной Франке картины двуликого ада развеяла — *жизнь!*

...Я заканчивал эту статью в ноябре 1989 года — в те самые дни, когда известные события в Германской Демократической Республике открыли новую страницу истории двух немецких государств. Представьте себе, что чувствовал я, выстукивая на пишущей машинке только что приведенную цитату и кося глазом на экран телевизора. А там как раз творилось чудо материализации того, о чем в 1977 году с едва скрытой надеждой говорил в своем интервью Герберт Франке! Толпы жителей Берлина запрудили площадь у Бранденбургских ворот, вблизи контрольно-пропускного пункта, чтобы воочию убедиться: Стена начала давать трещину...

Если бы научная фантастика не баловала нас, своих поклонников, время от времени этим редким чудом — свершившимся пророчеством, — разве любили бы мы ее столь беззаветно!

Десятилетие 1980-х прошло для Герберта Франке в мучительных поисках. Новые романы все также регулярно поступали к читателю — «Сириус-Транзитный» (1979), «Смерть бессмертного» (1982), «Трасплутон» (1982), «Холод Вселенной» (1984), «Конец времени» (1985)... Книг, как видим, предостаточно — чего не скажешь о новых идеях, сюжетных находках. Писателя, как мне показалось, самого тяготили эти многочисленные «самоповторы», отчего он неоднократно пробовал как-то разнообразить форму (например, ввел элементы кинематографического «монтажа» в романе «Сириус-Транзитный», с которым читатель познакомится).

Но все-таки ощущение если не кризиса, то какой-то — хотелось бы верить, что временной, — «пробук-

совки» в творчестве Франке меня не покидает все это последнее десятилетие.

Причем дело не в литературном уровне — он-то как раз совершенствуется от книги к книге (читатель, надеюсь, убедится в этом на примере романа «Холод Вселенной»). Как все немцы, прилежный и педантичный, Франке постоянно учится и шлифует то, что наработал ранее; если читать его произведения в хронологическом порядке, творческий рост налицо. Но... как уже было сказано, сильная сторона его творчества — не «литература», а «идеи». Они же словно попали в какую-то гравитационную ловушку: постоянно вращаются вокруг одного и того же, не в силах вырваться на новый простор.

...И все-таки досадно было бы заканчивать эту статью, не обнаружив света в конце туннеля применительно к творчеству самого героя очерка! К счастью, свет забрезжил.

В 1988 году издательство «Зуркамп» выпустило новый роман Герберта Франке — «Звезда Иова». В нем снова описано общество, напоминающее то, что было изображено в деталях в книге «Игрек минус». Но Франке вводит новый мотив: в антиутопии зреет мечта об... утопии! О далекой планете в системе неведомой звезды, где найдут приют беглецы-«диссиденты». Их возглавляет революционер и бунтарь против порядка Иов (думается, прозрачный намек на знаменитого библейского пророка, посмеявшегося жаловаться самому Всевышнему, неслучаен). Он один знает, где эта звезда. И с течением времени вера в светлое будущее уже не требует доказательств: в конце концов беглецы исполняют свой дерзкий план и улетают. Но куда? Есть ли такая звезда во Вселенной — или некогда условное название плана побега, «Звезда Иова», трансформировалось в умах, обретя смысл *цели*, земли обетованной? Автор оставляет вопросы без ответа.

Но интереснее другое. «Контрразведчик», долгое время ловивший бунтаря Иова, в финале его находит. Однако... что-то изменилось и в страже порядка. Все глубже погружаясь в планы «диссидентов», в их мечту о далеком зазвездном будущем справедливости и расцвета человеческой личности, представитель правящей элиты все более

этими мыслями *заражался!* И если проблематична судьба очередной утопии там, у звезд, то будущее вполне конкретной антиутопии *здесь*, на Земле, тоже внушает вполне понятные сомнения.

Так что же... Сказал наконец немецкий писатель Герберт Франке все, что столь долго и мучительно вынашивал? Открыл ли для себя самого источник света, который хоть и слаб, почти призрачен, но все же дает возможность человеку пройти весь путь по туннелю, который и есть жизнь? Посмотрим, почитаем его новые книги.

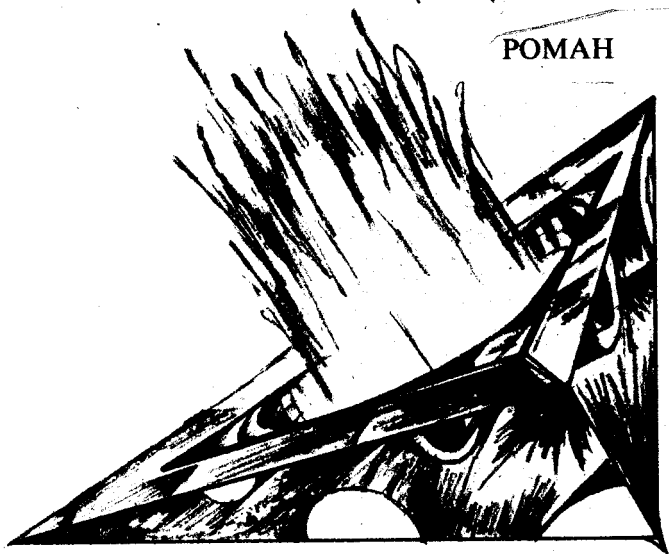
1989

Вл. Гаков

СТЕКЛЯНАЯ ЗАПАДНЯ

РОМАН

***DIE GLASFALLE
EIN UTOPISCH-TECHNISCHER
ROMAN***

*Перевод Н. Литвинец
Редактор Е. Приказчикова*

В сравнении с этим остальное не имело значения, и изменить уже ничего было нельзя: майор должен умереть.

Абсолютно ровная территория казармы являла собой строгий квадрат. С четырех сторон ее ограничивали четыре вытянувшихся по периметру здания. Лишь складское помещение да еще машинный цех имели окна, остальные здания были обращены внутрь двора глухими стенами, и назначение их было неизвестно.

В казарменном дворе располагались учебные плацы, полосы препятствий, были проложены аккуратные дорожки, камнем вымощены площадки; несколько барачных стояли вдоль и поперек площадки. Строения были серыми, почва — желтой. Желтой были и форма, и лица солдат, и небо было желтым, затянутое плотной дымкой неба, низко нависавшее над поселком. Огромная казарма представляла замкнутый мир, мир в себе, мир желтых и серых оттенков.

Батальон выстроили на большом учебном плацу. Шесть тридцать — время утренней поверки. В едином строю замер личный состав перед майором: по десять в шеренгу тысяча солдат, перед ними на дистанции в три шага сотня капралов, еще впереди, снова на дистанции в три шага, десять сержантов. Майор стоял на значительном удалении от всех, одинокий и величественный, выпрямившись во весь рост, лицом к строю. Его слова, усиленные миниатюрным громкоговорителем, разносились по плацу. Он

говорил о чести солдата, о долге, о повиновении, о беспрекословном выполнении приказа. Ежедневно произносил он эти слова, и строй внимал им с благодарностью. В них черпали они веру, радость, воодушевление. И силы для нелегкой службы. И храбрость, и мужество при боевых упражнениях.

«...Для солдата нет ничего дороже чести. Он должен быть всегда готов встать на ее защиту. Всегда готов он поразить все, что угрожает воинской чести...»

После проверки они разойдутся, приступят к выполнению конкретных задач: начнутся упражнения в стрельбе, классные занятия, спортивная подготовка, строевая подготовка, и весь день в сознании их будут звучать эти слова. Служба и в самом деле была тяжела, вечерами без сил, без мыслей падали они на койки, но, даже проваливаясь в тяжелый сон, помнили эти слова и чувствовали себя счастливыми.

«...Беспрекословное подчинение приказу — основа воспитания солдата. Каждый из вас — звено в большой цепи, накрепко скованной подчинением. Мгновенно и не задумываясь исполняет солдат приказ своего командира...»

Тысяча сто девять мужчин замерли, не шелохнувшись, под тяжело нависшим желтым небом, вслушиваясь в слова майора.

Тысяча сто девять мечтали об одном — доказать свою высокую боеготовность, оправдать оказанное им доверие. А один в строю мечтал убить майора.

Абель стоял пятьдесят шестым в седьмой шеренге. Вместе со всеми, замерев навтыжку, вслушивался он в слова майора и в то же время продумывал сложный план. Неведомо сколько прожил он в казарме, не утруждая мозг ничем, кроме текстов боевых песен, инструкций о порядке чистки оружия да солдатского устава, который они зубрили на классных занятиях. А теперь мысли его словно соскользнули с накатанной колеи, они отклонялись все дальше и дальше, теряясь в неведомом бесконечном пространстве. Что-то, хранимое до поры за семью печатами, вырвалось вдруг наружу, и теперь он бессилен

был контролировать этот процесс. Мысли неотступно кружились вокруг одного — смерти майора. Смерть эта виделась как последовательная цепь шахматных ходов, нацеленная на неотвратимый мат, как просчитанная система уравнений со многими неизвестными, имеющая, однако, одно-единственное решение, каким бы путем ни прийти к нему в итоге.

Напряжение немного отпустило Абеля. Он заметил, что майор окончил речь. Минуту царила тишина. Затем последовал приказ:

— Для приема таблеток разойдись!

Как обычно, тут же сорвались с места десять сержантов, они похожи были на единый, хорошо подогнанный механизм. Залп извергнутых ими команд прогремел над строем. Неподвижные шеренги быстро пришли в движение; затем настал момент хаоса, бессмысленной толкотни, небольшой даже давки, наконец целеустремленность сознательно исполняемого долга отлилась в легкий, почти автоматический бег; на какое-то время все словно забыли майора, покачивавшегося в одиночестве, широко расставив ноги и прищурив глаза.

Только сейчас мысли, взбудораженные бессонной ночью и нелегкой службой, начинавшейся так рано, потекли спокойнее. У него пока еще не было желания исследовать причины, докапываться до тайного смысла, он лишь поразился собственному равнодушию к происшедшей в нем перемене и принял ее как непреложный факт. Ему было абсолютно ясно, что послужило толчком к перемене, к тому же момент этот играл существенную роль в дальнейших его планах. Это была завязка, и именно в этом пункте он надеялся на дальнейшую помощь: он хорошо помнил маленький, возможно случайный, вчерашний инцидент при раздаче таблеток.

Сейчас они точно так же, как вчера, повзводно стояли перед окошечками в стене склада медикаментов. Хорошо бы удалось повторить то, что случилось вчера, с одной только разницей: теперь это случится не с ним одним.

В стене было десять круглых отверстий, из которых выступали короткие, похожие на водосточные, желобки. Солдаты один за другим подходили к ним, прикладывали

левую руку с контрольным кольцом на мизинце к регистрационной пластинке слева от желобка, раздавался сухой щелчок, после шорох, и в подставленную правую руку падала пластиковая упаковка с таблетками.

Абель дожидался своей очереди, украдкой наблюдая за стоявшими рядом. Справа стоял Артур, уголком глаза Абель мог видеть выдвинутый вперед подбородок и низкий, покатый лоб. Не годится, подумал он. И скосил глаза влево. Остин был на сантиметр ниже его, посмуглее. Самым примечательным на лице его были глаза, черные, матово поблескивающие изнутри. Но в глазах этих не было выражения — они тупо уставились в пустоту.

Абель выбрал Остина.

Когда подошла очередь их взвода и Абель получил прозрачную пластиковую упаковку, он сделал почти то же, что и остальные. Отошел в сторону и аккуратно надорвал пакетик. На ладонь выкатились таблетки. Две большие, белые, чем-то смазанные, чтобы легче было их проглотить, одна маленькая, желтоватая, сладкая на вкус, и черный шарик, величиной с дробинку. Абель проглотил одну большую, почувствовал, как она двинулась по пищеводу. Потом проглотил вторую и маленькую желтоватую. Его поразила мысль, что у него нет зубов, впрочем, у остальных солдат их тоже не было. Только у майора были зубы, они блестели, когда он отдавал команды. Но в данный момент это было неважно. Он огляделся... момент был удачен, все вокруг заняты таблетками, капрал глядит в сторону... Абель зажал в ладони черный шарик, незаметно сунул его в карман... снова огляделся... прошло!

Но самое трудное было впереди. Он наблюдал за Остином, который как раз отошел от желобка и занялся своей упаковкой. Абель незаметно придвинулся ближе. Две большие таблетки Остин уже проглотил, сейчас он извлекал черную, он хотел, должно быть, сладкую, желтоватую оставить напоследок, чтобы подольше ощущать ее вкус. Абель резко повернулся, локтем задел ладонь Остина. Таблетки покатались по земле. Абель проследил за черной. Когда она замерла на месте, он придавил ее по-

дошвой. Сильно нажал и растер — словно противную назоyleливую букашку.

Остин наклонился за желтоватой таблеткой, поднял ее. Испуганный, немигающий взгляд его остановился на темном пятне, оставшемся на камнях. Механически сунул он желтоватую таблетку в рот. И наконец поднял взгляд на Абеля, по-прежнему растерянный и беспомощный. Абель, пожав плечами, отвернулся. Остин обязан был доложить о происшествии — но в данный момент он не мог этого сделать. Разговоры в это время были запрещены. Все му рядовому составу. Лишь в час десять, на дневной поверке появится у Остина возможность обратиться к начальству, но Абель надеялся, что она не будет использована.

Теперь Абель мог заняться другими деталями собственного плана. До сих пор он, как все остальные, был жестко скручен распорядком дня. Исполнение каждодневных обязанностей поглощало целиком, и ему хорошо было в броне предписаний, обязательных команд, упражнений, надежно защищавшей от любых посторонних влияний — тревожных, смутных, сбивавших с толку и потому безусловно вредных. Теперь он вдруг понял, сколь непрочна на деле была эта броня. Он словно заново учился сейчас видеть, ощущать, прошлое похоже было на сон, во время которого отключается какой-то участок сознания, быть может даже наиболее важный участок. Но теперь он проснулся, и неведомо откуда накатило вдруг все это: чувства, образы, забытые понятия — пока еще словно в тумане, не разберешь. Ясно лишь: что-то неведомое перевернуло, потрясло его существование, и он с восторгом отдался ему.

Рота, солдатом которой он был, маршировала по серой бетонной дорожке вдоль барakov. Она была единым целым, единым организмом. Солдаты четко отбивали шаг, маршируя по плацу, где ежедневно выстраивались на поверку, по асфальтированным, сплошь серым спортивным и учебным площадкам. Они горланили песни, которые разучивали на специальных занятиях: с одиннадцати до двенадцати и с пяти до семи. Песни помогали держать

шаг, мерно взмахивать руками. Чем громче орали солдаты, тем лучше: тексты они зазубрили, не понимая смысла, тексты о воинском долге, о верности приказу, о четком исполнении устава. О величии армейской службы.

Рота маршировала по серым бетонным дорожкам, по незаасфальтированным участкам желтовато-грязного песка, и Абель маршировал со всеми. Вместе с другими горланил он песню, но про себя тихо повторял в такт совсем другие слова: майор — должен — умереть. Майор — должен — умереть. Как положено, он глядел в затылок марширующему впереди Артуру 6/56, но сегодня он видел больше обычного: словно спала с глаз невидимая пелена и раздвинулось необычайно поле зрения, теперь он видел каждую складку на подтянутых солдатских формах, фиксировал каждое движение своей шеренги, равномерное, пульсирующее, просветы между рядами, тусклый свет унылого желто-серого неба, большую часть которого закрывал нависающий над лицом край каски.

Он был частью огромного тела, которое маршировало, горланило песни, переходило на бег, бросалось на землю, затем мигом вновь поднималось, маршировало, переходило на бег. Он наблюдал это с внезапно открывшейся ему новой точки зрения, словно со стороны, будто интересно заснятый учебный фильм. По-настоящему же осмысленное существование началось лишь после упражнений в стрельбе, в момент чистки оружия.

На складе оружия они получили пистолеты, теперь все сидели в укрытии и чистили их. Пистолет состоял из двенадцати отдельных частей, все они могли с закрытыми глазами разобрать и собрать его снова. В конце получаса, отведенного на чистку оружия, капрал лично проверял, насколько безупречно почищены пистолеты и смазаны ли они сульфидно-молибденовой пастой. После проверки он снова их отбирал.

Абелю необходим был пистолет. Это была наиболее трудная часть его плана, но он уже знал решение. На контрольном кольце Абеля выгравирован был номер 7/56. Это значило, что по росту он шел седьмым в пятьдесят шестой шеренге, седьмым он шел и когда его взвод, всегда занимавший одну комнату, выстраивался в ряд. Если

капрал начинал переключку справа — а так он делал всегда, — Абель оказывался седьмым. За ним следовали еще трое. Их оружие капрал мог проверить минуты за две. По расчетам Абеля выходило не так уж и мало; чтоб разобрать и снова собрать пистолет, ему требовалось лишь тридцать секунд, однако пришлось все-таки прибегнуть к трюку, чтоб отвлечь внимание. Больше подходил для этой цели номер 9/56, товарищ по взводу Аллан, туповатый парень, но с достаточно умелыми руками.

У Абеля не было часов, да и в казарме их тоже не было; подъем, построение на плацу и окончание упражнений, тренировок, дежурств, равно как и отбой, отмечались звонками, от центральных часов сигналы по радио разносились по всем помещениям. К центральному пункту подключены были также крошечные наушники, с которыми не расставались капралы; сигналы и приказы, поступавшие к ним, оставались тайной для рядового состава. Поэтому Абелю приходилось спешить с пистолетом. Он провел пальцами по подошвам сапог, затем старательно нанес пыль на внутреннюю поверхность ствола. Все это время он наблюдал за капралом, пока не заметил, как непроизвольно дернулись у того веки — знак, что время, отведенное на занятия, истекло. И тут же послышалась команда:

— Внимание!

Многие уже закончили чистку и теперь просто полировали ствол. При команде «Внимание!» каждый обязан был выпрямиться, каблуки вместе, руки по швам, и устаться на капрала. За секунду все вскочили, вытянулись по стойке «смирно». Абель вместе со всеми.

— К проверке оружия приступить!

Секунды Абелю оказалось достаточно — он подменил своим пистолетом пистолет Аллана, лежавший у того за спиной на светлой пластмассовой поверхности стола. Будем надеяться, что Аллан и на сей раз сработал добросовестно, подумал он.

Было очевидно, что капрал всякий раз обязан наказать по меньшей мере одного из них. Попастись мог любой — вне зависимости от того, как вычищен пистолет. Но тем

вернее настигала кара того, кто в самом деле оказывался небрежен.

И вот капрал перед Абелем. Взял оружие у него из рук и медленно повертел перед глазами. Абель услышал собственное учащенное дыхание. Глаза с расширившимися серыми зрачками, не мигая, уставились на оружие. Пальцы капрала погладили ствол, нажали на спусковой крючок. Раздался щелчок электрического зажигания. Капрал вернул Абелю пистолет. Абель бесшумно перевел дух. Нужно было чуть-чуть подождать, потом действовать дальше.

Неотвратимый рок поразил Аллана.

— Интересно, о чем вы при этом думали?

Кaprал произнес свой вопрос угрожающе спокойно. Аллан в полном недоумении уставился на него.

Кaprал придвинулся к нему вплотную.

— Что, не слышно? О чем думали, я спрашиваю!

Рука капрала потянулась к портативному мегафону.

— Почему не отвечаешь, мешок с дерьмом! Что, совсем оглох?

Усиленные мегафоном, слова капрала гулко раскатывались по помещению.

— Шаг вперед!

Аллан быстро выступил вперед, вытянулся по стойке «смирно». Капрал поднес усилитель вплотную к уху Аллана.

— А сейчас вы слышите лучше? Может, теперь соблаговолите ответить?

— Я был недисциплинирован, прошу меня наказать, — произнес Аллан.

Но капрал уже вошел в раж. Он вновь поднял мегафон.

— Я спросил, лучше ли ты теперь слышишь? Почему не отвечаешь, свинья?

Все знали, что это значит. Такова была обычная процедура: прелюдия перед вынесением приговора. Приговор, естественно, обжалованию не подлежал.

— Час в музыкальной комнате.

Осужденный вернулся в строй. Он был обречен провести час отдыха с трех до четырех в озвученной тюремной

камере, применявшейся также для тренировки выдержки и самообладания.

Резко зазвенел звонок. Капрал закончил проверку.

— Построиться перед баракom! Марш, марш!

Взвод устремился к дверям, потом выстроился в ряд.

— Приготовиться к сдаче оружия! Шагом марш!

У самого склада они остановились. Нужно было подождать — перед ними еще два взвода, они стояли в ряд. Каждый подавал пистолет капралу, тот принимал его и вкладывал в отверстие в стене. Щелкало счетное устройство, и пистолеты один за другим исчезали внутри.

— В казарму, шагом марш!

Они зашагали в обратном направлении.

— По помещениям разойтись! Приготовиться к занятиям спортом!

Солдаты поспешили к шкафчикам, чтобы переодеться в спортивную форму. Пока они переодевались, Абель сунул кое-что под матрац своей койки. Когда всеобщее внимание приковано было к Аллану, Абель у него за спиной разобрал и вновь собрал пистолет. Теперь один из пистолетов, хранившихся на складе, был недоукомплектован. В нем не было батареек с зажигательным устройством. Но по внешнему виду обнаружить это было невозможно.

2

Сначала был только серебристый туман. Ничего, кроме лишенного очертаний серебристого тумана.

В течение нескольких секунд он пытался собрать все свои силы, но слабая искра сознания, внезапно вспыхнувшая в нем, погасла, и вновь он провалился в бездонную тьму.

Долгое время пребывал он в невесомой неосязаемой пустоте.

Потом вновь стал осязаемым туман. И вновь мучительно напряглось что-то внутри, пытаясь выйти за пределы бесформенного.

Вдруг выступил причудливый черный орнамент и белые завитки на фоне каких-то серых прямоугольников, за-

тем, словно в проектируемой картине наконец-то установили резкость, все сложилось в ясную, прозрачную систему.

Он увидел металлический круг, окантовывающий матовое белое стекло. Из середины выступал крюк, на котором висел шнурок какой-то проводки. Слева находилась развернутая к нему прямоугольная рама — внутри сплеталось, переплеталось множество непонятных проводков.

Окружающий мир он всегда постигал быстрее, чем себя самого. Только сейчас осознал он, что существует, что это он, его «я» находится перед этими вещами, перед металлическим кругом и прямоугольной рамой. Он быстро попробовал сесть, но воля его проваливалась в ничто. Попытался повернуть голову... ничто вроде бы не мешало, но голова не шевельнулась.

Медленно скосил он глаза вправо...

Там было движение...

Посреди немыслимого сплетения серебристых трубочек и шлангов висел резиновый красный баллон, напоминающий воздушный шар, он то раздувался... то обвисал без воздуха... то раздувался... то обвисал.

Процесс этот поражал своей регулярностью; увеличиваясь в размерах, баллон становился похож на тугий мяч, уменьшаясь, превращался в лоскуты, складывавшиеся подобно вееру. При этом всякий раз возникал тихий шелестящий звук, подобный приглушенному мышинному писку.

Рядом находилось другое приспособление: поршень медленно скользил вверх и вниз в стеклянном цилиндре. По трубке туда поступала красная жидкость, поршень заталкивал ее в широкую плоскую посудину, где она пенилась и бурлила, пока не уходила вся сквозь сито.

Лаборатория?

Кругом были рубильники, выключатели, всевозможные датчики, провода, прозрачные трубки... значит, все-таки лаборатория.

Как он попал сюда? И что он здесь делает? Что с ним произошло?

Он закрыл глаза, в сознании смутно пронеслись неясные воспоминания, но они ничего не объяснили. Прошрое

вносило беспокойство в его скорлупу, где было тихо и отсутствовали всякие желания, хотелось поскорее отделаться от него. Мысли заставляли напрягаться. Мысли причиняли боль. Следовательно — не думать. Отдаться приятным ощущениям. И пока он лежал, закрыв глаза, медленно начали просыпаться другие органы чувств, они впитывали то, что приятно струилось на него извне: обволакивающее тепло, ощущение парящего в пространстве собственного тела, незнакомый, но приятный запах каких-то неведомых химикалиев, тихое, усыпляющее потрескивание приборов, равномерно прерываемое приглушенным писком красного баллона. Чего еще желать? От воспоминаний осталось лишь полумифическое представление о какой-то изматывающей нервы деятельности, смутное чувство страха, порождаемого постоянным преследованием, — неясная тревожная тень, позволяющая разве что с двойной приятностью ощутить преимущество нынешней ситуации.

Он дал полную свободу мыслям. Граница между реальностью и фантазией была пока стерта, так что желания переполняли его, он представлял себе то, что ему хотелось увидеть, отдавался ощущениям, которые ему приятно было испытывать, переживал то, что переживать было приятно, — приключения из старой увлекательной книжки, не настолько жизненные, чтобы подействовать на настроение, не настолько зрелищные, чтобы надоесть. События происходили с незнакомыми людьми, их окружали незнакомые вещи: все это занимало и одновременно развлекало, позволяло примериться к наслаждениям, никогда прежде не являвшимся предметом его мечтаний, но в то же время легко, без проблем достижимым.

Позже в мир его попытались проникнуть голоса — жесткий, приказывающий, повелительный и мягкий, нежный, уступчивый, но он отгородился от них, и они умолкли. Грезы перешли в настоящий сон, и сновидения полностью подчинили его себе.

Время дневной поверки медленно приближалось. С одиннадцати до двенадцати тренировка с повышенной физической нагрузкой. На сегодня назначен был бег с препятствиями. Все десять рот находились на беговых дорожках стадиона, солдаты маршировали, бегали, ползали по земле, карабкались через препятствия и перепрыгивали канавы. Они были при полной выкладке: тяжелые сапоги, ремни, сумка с противогазом, ранец определенного веса, каска из сверхпрочной стали. Капралы стояли возле препятствий, наблюдали, делали пометки в блокнотах. В центре находились сержанты, они медленно передвигались по кругу, чтобы держать в поле зрения свою роту, — ощущение такое, словно они дергали людей за невидимые нити, однако даже марионетки не смогли бы исполнить все более слаженно, чем эти солдаты по команде из мегафонов. Как бы резко ни звучали отдельные крики, все вместе они сливались в постоянный гул, приглушенный поднятой с земли пылью и усиленный отраженным от казарменных стен эхом. Но из этой мощной мелодии каждый солдат прекрасно выделял голос своего сержанта, словно триумфальные фанфары, и реагировал на него мгновенно и четко.

- Встать, марш, марш!
- Внимание!
- Ложись!
- Вперед, марш!
- Ползком!
- Стой!
- Вперед, марш!
- Вперед, марш!

Пятая рота, рота Абея, бежала в противогазах. Таким образом, у Абея была возможность сквозь круглые защитные стекла незаметно наблюдать за Остином, бежавшим слева от него в том же ряду. Каждую незначительную паузу между минутами напряженнейшего внимания он использовал, чтоб бросить этот взгляд влево, жадно отыскивая признаки того, что попытка его оказалась удачна и в будущем у него будет товарищ.

— Противогазы снять!

На бегу тянули они резиновые ремни, вытаскивали из пряжек, протягивали сквозь петли, стягивали маски с залитых потом лиц, накручивали лицевую часть на клапан, потом засовывали превратившуюся в неприметный резиновый рулон маску в цилиндрическую сумку.

— Взводным принять команду!

Тренировка с повышенной физической нагрузкой закончилась. Ротные колонны разделились каждая на десять рядов, они вышли со стадиона и по отдельности устремились к казармам. За ними тянулся след грязи и глины, лужи — все это предстояло убрать во время вечерней уборки.

От ожидания Абель устал. Остин вел себя как обычно. Либо он был слишком хитер, чтоб позволить другим что-нибудь заметить, либо Абель просто ошибся.

С песней они маршировали со стадиона, пока резкий голос капрала: «Отставить песню!» — не заставил их замолчать. Теперь каждый должен был постараться как можно быстрее пройти в свое помещение, как можно быстрее раздеться, как можно быстрее...

Короткая интермедия между окончившимися и еще предстоявшими упражнениями.

— Взвод, стой!

Они остановились в четырех метрах у ворот.

— Разойдись, марш, марш!

Они бросились к темному прямоугольнику, и коридор поглотил их. Капрал следовал за ними неспешно, но и не так уж медленно — как бы то ни было, целых восемь секунд солдаты оставались вне его наблюдения.

Абель схватил Остина за руку и тихо, но внятно произнес:

— Ты не должен глотать черную таблетку. Понял? Черную таблетку не глотать!

Остин бросил на него быстрый короткий взгляд. Искры в глубине его глаз вспыхнули. Потом прошипел:

— Придержи язык!

Произнес он это зло и агрессивно, но Абелю важно было, что он ответил ему, все равно каким тоном. И хотя гарантии, что Остин не донесет на него, все еще не было,

Абель уверен был, что рассчитал правильно: черная таблетка была виной, что они непрерывно пребывали в сумеречном состоянии, в тупой эйфории, заставлявшей поверить, что служба — это награда, приказ — источник радости, казарма — дом родной, а майор — бог, при этом они не различали уже справедливость и несправедливость, способность к критике отсутствовала полностью, как, впрочем, и воля, и способность принимать решения. Черный шарик — химический препарат, отравляющий мозг или парализующий железы, нарушающий гормональное равновесие или блокирующий нервные пути. Его тайком вводят в организм вместе с продуктами питания. Черный шарик виновен в том, что они — солдаты.

Дневная поверка прошла как обычно. Остин ничего не сказал. Весь день у Абеля не было возможности переговорить с ним; теперь он рассчитывал на ночь. В шестнадцать сорок пять, при второй выдаче таблеток, он следил, как Остин поднес черный шарик ко рту, но не проглотил его, а только сделал вид, будто проглотил. Потом украдкой сунул в карман. Чуть менее опасно, чем просто уронить на землю.

Два часа занятий в классе прошли, потом еще уборка и мытье в душевой. Двадцать часов двадцать минут — время укладываться в койку. В двадцать тридцать выключают свет. Ровное дыхание некоторых свидетельствовало, что они уже снят, хотя капрал еще не проходил с последним обходом. Абель не чувствовал усталости. Он тихо лежал под кусающимся серым одеялом и не мог дожидаться, когда наконец появится капрал пожелать всем «спокойной ночи».

Капрал не заставил себя долго ждать. Ярко вспыхнул свет, и солдаты в постелях слышали тяжелые шаги. Ногой он пихнул несколько табуреток, потом отворил шкаф, вытащил из-под кровати сапог. Проверил каску Альберта и подушку Абрахамса. Напряженное ожидание повисло в помещении. Сегодня капрал не спешил...

На сей раз под горячую руку попал Антон. От него потребовали показать ноги, под ногтями там осталась грязь.

— Встать, грязная свинья!

Антон вскочил с постели, вытянулся по стойке «смирно». Капрал внимательно разглядывал его.

— Наверно, устал, правда? Быстро в койку!

— Встать!

— Лечь!

— Встать!

— Лечь!

— Ну что? Не получается? Так я вас научу! Всем встать, быстро! Вам необходимо взбодриться. Все во двор, бегом марш!

На улице царила хмурая тьма. Горело лишь несколько фонарей, на большом расстоянии друг от друга. Небо было черно-серым, с легким оттенком грязноватой желтизны.

— В шеренгу становись, равняйся!

В одном белье, босиком было холодно, ноги сильно мерзли, они с трудом заставляли себя стоять спокойно, не дрожать от холода.

— В душевую, шагом марш!

Словно серые призраки, двигались они к длинному барaku, где размещались душевые, умывальники, краны, шланги и ведра.

— Всем под душ, быстро!

Капрал сам отвернул кран. Солдаты стояли под дождевиком тонких водяных струй. Горячая вода в такое время была, естественно, отключена.

— Один за всех и все за одного!

Вода лилась на коротко стриженные головы, текла по лбу, затылку и вискам, проникала внутрь под белье, что холодным компрессом прилипало к окоченевшей спине, груди, животу, стекала по ногам вниз. Ноги давно уже стояли в пенящихся лужах.

— Запевай!

Они затянули одну из песен о чести, верности долгу и приказу.

— Сменить песню!

Они затянули, дрожа от холода, другую песню о чести, верности долгу и обязанности выполнять приказ.

— Теперь вы чистые?

— Так точно, господин капрал!

— Разойдись! Быстро по койкам, марш!

Они бежали по каменным плитам и сырой земле, подстегиваемые колючим ветром; из темного коридора, толкаясь и налетая друг на друга, они влетели в казарму. Повалились в постели, мокрые, как были, натянули до ушей одеяла. Свет еще горел. Глухо зазвучали шаги капрала.

— Среди вас есть грязная свинья, не моющая как следует копыта. Ему плевать, что за это расплачивается весь взвод. Парни! — прорычал капрал. — Вы сами позаботьтесь о том, чтобы подобное не повторилось! Надеюсь, вы знаете, что следует предпринять! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, господин капрал!

Дверь захлопнулась, свет погас. Мгновение не было слышно ни звука. Потом началось сопенье, толкотня, кого-то тащили по комнате, раздались первые удары, пинки ногами, потом донеслись вздохи, стоны и пыхтенье, слабые вскрики и хрипы, толпа бушевала, пока злоба не улеглась, потому что злость не прошла и не осталось ничего, что могло бы сопротивляться.

Стало тихо.

И воцарился ночной покой.

4

Сами сны были не так приятны, как это парение в полудремоте, между сном и бодрствованием, пусть даже никаких подробностей он не запоминал. Он открыл глаза и тут же зажмурился — ярчайшее солнце ослепило его. Он попробовал повернуть голову, но это не удалось, как и в прошлый раз. Последовательно пытался напрячь мускулы — результат был далеко не обнадеживающим. Пальцы на руках и ногах — вот все, что повиновалось его воле. И еще глаза.

Дышал ли он? Этого он не ощущал. Грудная клетка словно застыла, окостенела. А между тем удушья не было. И объяснения всему этому тоже.

Он пошевелил пальцами рук и ног, попробовал согнуть их, потом выпрямить. Сначала это удавалось с трудом, миллиметр за миллиметром, но постепенно они подчинились ему.

Он попробовал представить себя со стороны... Скорее всего, он лежал. Тела он не ощущал вовсе, ноги были вытянуты. Руки, как ему показалось, тоже были вытянуты, да еще широко разведены в стороны, словно на кресте.

Он продолжил упражнения с пальцами, пока кончик указательного на правой руке не наткнулся на какое-то препятствие... Он явно до чего-то дотронулся. С новыми усилиями попробовал он согнуть и вытянуть пальцы, теперь уже средний и безымянный тоже до чего-то дотронулись, тоже твердый предмет, чуть в стороне от указательного. И на него можно было нажать... Раздался тихий щелчок.

— Вы проснулись,—произнес незнакомый голос.— Вы очень долго спали...

Говорить—пронзило его мозг... Сможет ли он говорить?

— Успокойтесь! Все будет в полном порядке.—Голос был нежным, и слушать его было приятно. Еще хоть бы несколько слов!

— С каждым днем вам будет становиться лучше. Доктор сейчас осмотрит вас.

Он находился в больнице. Теперь понятно. Но почему в больнице? Он заболел. Или ранен. Что с ним произошло?

— Не пытайтесь сейчас говорить! Вскоре речь вернется сама собой. А сейчас говорить не надо. Опустите веки в знак того, что вы меня поняли.

Он на мгновение прикрыл глаза. Он понял.

— Вы хорошо себя чувствуете? Вам что-нибудь нужно? Вы ощущаете боли?

У него не было болей.

— Боли не должны вас мучить,—продолжал голос.— Доктор Миер с этим прекрасно справится.— И после короткой паузы:—Я медсестра Кристина. Но все зовут меня Крис. Если вам что-то понадобится, нажмите снова кнопку. Я здесь специально для вас.

На мгновение в поле его зрения появилось лицо. Карие глаза, чистая, слегка загорелая, отливающая румянцем кожа, нежно очерченный рот, волна белокурых волос, выбившихся из-под белой повязки. Лицо исчезло. Снова ти-

хий щелчок. И тишина... Только тихое гудение приборов, равномерное периодическое посвистывание баллона.

Крис. Она здесь специально для него. Вновь почувствовал он удовлетворение собственным состоянием и всем, что его окружает.

Он болен. Ну что ж, с этим ничего не поделаешь. И потом, он ведь поправится. Он этого не хотел, но, если б он знал, как все будет, он бы сам стремился к этому. Теперь он понимал тех ребят, что сознательно старались надыхаться радиоактивными аэрозолями или чуть-чуть смазывали кожу фосфором, а потом поджигали. Но то, что он слышал прежде о госпиталях, что видел сам, не соотносилось с тем, что он переживал в настоящий момент. Добро бы он был государственным деятелем или генералом! Но он был всего лишь лейтенантом — лейтенантом резерва — и никакой особой ценности не представлял. Когда каждую секунду тысячи разрываются на куски, сжигаются в адском пламени, задыхаются в ядовитых испарениях, жизнь отдельного человека не имеет значения. Произошло, должно быть, что-то невероятное, пока он пребывал без сознания. Но это что-то не было плохим — иначе бы его, скромного, незначительного человека, не окружили столь расточительной заботой.

Он подумал о Крис. Всего несколько дружеских слов. Милое, нежное лицо. Как приятно, когда рядом такое создание. У него было много знакомых, несколько очень близких друзей, но никто сейчас не был ему ближе Крис. Он попробовал представить себе, какая у нее фигура, как она ходит. Желание вернуть речь укрепилося в нем. Но сейчас он устал, ему нужно поспать. Он почувствовал, как наваливается на него усталость, и, прежде чем провалиться в сон, он твердо решил вновь научиться говорить...

Проснувшись, он лежал какое-то время без сна, осознавая нынешнее свое положение и вспоминая события последних часов. Он вспомнил медицинскую сестру и свое решение вновь научиться говорить. Надежда вспыхнула еще ярче, когда он сумел подвигать языком, шевельнул губами. Но из уст его не вырвалось ни звука. Чего-то явно не хватало, и он принялся анализировать процесс рождения звука, в обычной жизни такой простой и естествен-

ный, он разложил его на составляющие, чтобы продумать каждую деталь, и тут понял, что не хватает главного — воздуха. Воздуха, который проходил бы через голосовые связки, вызывал бы звуковые колебания в гортани. Он не мог вдохнуть воздух, не мог выдохнуть. Он пытался втянуть воздух носом, но в легкие он не попадал. Что-то с ним было пока не в порядке.

Раздумывая об этом, он продолжал свои мысленные фонетические упражнения. Произносил «а», и губы его слегка округлялись, мысленно произносил «е», и они растягивались, а язык тянулся вверх, к нёбу... Сначала он прошел гласные, потом согласные. Если бы он еще понял, как набирать в легкие воздух, как выдыхать его, он немедленно заговорил бы. Он не боялся, плохого с ним ничего случиться не может, иначе его не определили бы в число пациентов, которых имеет смысл лечить. Возможно, легкий парез, который скоро пройдет... ?

Упражняясь, он осознал, что каждому звуку соответствует строго определенное положение губ и языка. Похоже на игру, на некий код. Но ведь тогда его можно понять. Конечно, можно. Странно, что он раньше не додумался. Быстро нащупал он пальцами нужную кнопку.

— Что-то беспокоит? — спросила Крис, и лицо ее склонилось над ним.

Губы его беззвучно слепили слова: «Вы меня понимаете?»

Ее глаза смотрели с тревогой.

— Не пытайтесь сейчас говорить. Пока это невозможно, — сказала она.

Я не пытаюсь говорить, нормально говорить, подумал он, но она должна понимать меня так... Он попробовал еще раз.

«Вы меня понимаете?»

Тревога в ее глазах вдруг пропала — осталось лишь напряженное внимание, она с интересом следила за движениями его губ. Потом сказала:

— Да, понимаю. Я могу читать по губам.

От радости он закрыл на мгновение глаза. И тут же принялся сыпать беззвучными своими вопросами: «Где я? Что со мной?»

Она поняла сразу.

— Я расскажу все подробно,— услышал он в ответ.— Но сейчас следует набраться терпения. Такое напряжение вам пока не по силам. Даю слово, что со временем вам все расскажу.

На мгновение она запнулась, взгляд ее устремился в сторону, ей словно стоило огромных усилий отбросить от себя какую-то мысль.

— Вам сейчас прежде всего необходим покой.

И вновь навалилась на него усталость. Последним усилием слепил он беззвучные слова: «Побудьте еще со мной, пожалуйста».

— Я буду здесь,— пообещала она. Лицо исчезло из поля его зрения, но это могло быть и потому, что сами собой у него закрылись глаза.— Я сяду здесь,— сказала она.— Я буду рядом, пока вы будете спать.

Когда он проснулся, Крис не было. Он не знал, сколько проспал, но чувствовал, что сил у него прибавилось. Самым большим желанием было немедленно нажать кнопку, но он сдержал себя. Вместо этого принялся вновь проверять, насколько лучше подчинялось теперь ему тело. Он мог уже нормально шевелить пальцами рук и ног, и появилось еще нечто новое: шейные мускулы слегка дрогнули, когда он попробовал их напрячь. Если мускулы эти начнут ему повиноваться, можно будет лучше разглядеть помещение. Он ведь даже не знал, откуда падает свет, из окна или от лампы. После того как он несколько раз безуспешно попытался приподнять голову, ему неожиданно удалось нечто иное, о чем он даже не подумал: он повернул голову вбок. Сначала в одну сторону, влево — здесь стояли прямоугольные и цилиндрические приборы, а может, емкости, от них тянулись к нему трубочки, провода и шланги. Он не мог видеть, куда они подключаются: для этого угол его зрения был слишком мал. Через несколько минут он повернул голову в другую сторону, вправо. Взгляд его упал на своего рода распределительный пульт, стоявший по отношению к нему наискосок: на пульте были всевозможные датчики со шкалами,

на некоторых плясали стрелки, на электронном табло сменяли друг друга цифры, одни менялись медленно, другие стремительно быстро, на небольших округлых светящихся экранах вздымались и падали, подобно набежавшим волнам, синусоиды. И оттуда тянулись к нему какие-то провода.

Послышался негромкий шорох — в глубине комнаты отворилась дверь.

Вошла Крис, он мог видеть ее почти целиком; только ноги ниже колен были пока недоступны его взгляду. Облик ее вполне соответствовал его представлениям — это была свежая, подвижная, прекрасно сложенная девушка, не красавица, зато в точности отвечающая идеальному образу сестры.

— Вы уже можете улыбаться, — сказала она. Потом осторожно взяла его голову двумя руками и вернула в прежнее положение.

— Нужно быстро подготовиться, сейчас подойдет шеф.

Крис хлопотала вокруг него, и он не мог понять, что она делает. Он слишком устал, чтоб попытаться еще раз повернуть голову. Он видел лишь то, что случайно попало в круг его зрения: руки девушки брали какие-то пробирки, большой, пропитанный чем-то ватный тампон зажал пинцет, капли с него падали в лоточек, мелькающие проворные руки облачились в резиновые перчатки, из одной трубочки выполз небольшой кусочек пасты, шпатель начал растирать его на вогнутой поверхности. Потом какое-то время вообще ничего не было видно, только ноги его время от времени ощущали легкие прикосновения. Что-то тихо позвякивало.

Если бы у него было зеркало. Интересно, какое у него сейчас лицо? И что с его телом? Неужели он изуродован сильнее, чем допускается положением о медицинской помощи? В последние дни войны, когда число раненых катастрофически росло, она сводилась, как правило, к категории «Д», что означало «помощь имеющимся в наличии военно-полевыми медицинскими средствами». Но при легком ранении он давно бы уже был на ногах...

Взгляд его упал на металлические предметы вверх в по-

толке, отражавшие движения суетившейся медсестры, и он сразу ухватился за открывшуюся ему новую возможность. Это было зеркало, пусть кривое, искажающее, но все-таки зеркало, дающее представление о том, что находится внизу. Он выбрал самую большую гладкую полированную металлическую поверхность — это было нечто похожее на ручку или рычаг посреди круглого предмета прямо у него над головой. Предмет он принял за лампу. С трудом стал расшифровывать пятна света и тьмы, из которых складывался серебристый блеск, пытаюсь понять, где же окружающие его приборы, где комната и где он сам. Отражение было крошечным, мизерным и к тому же сильно искаженным. Единственное, что сумел он выделить и различить, были голова и руки. Руки действительно вытянуты были в стороны, как он и ощущал. Остальное тело упрятано под странным стеклянным куполом, из которого выползало множество проводов и сосудов, они тянулись к аппарату слева. Что было под стеклянным куполом, разглядеть не удалось, купол находился в тени.

Что со мной, хотел спросить он, но не выдавил ни звука. Он не мог говорить — только сейчас он вспомнил это. Он попытался беззвучно проартикулировать слова: «Что со мной?» Но девушка не слышала его немых вопросов.

«Что со мной?»

Вновь и вновь безуспешно изображал он эти звуки. Собрав все силы, рывком повернул голову вправо... Но сестра хлопотала где-то в ногах, он не видел ее, а она его. Прямо перед ним светился один из экранов пульта, острые кривые стремительно взметались вверх, словно на датчике работающего ракетного двигателя, секунду они пребывали в неподвижности, потом отгорали ядовитым зеленым пламенем.

Он закрыл глаза.

— Сестра, пациент беспокоится! — произнес мужской голос.

С трудом разомкнув веки, он увидел прямо перед собой парящую в воздухе руку, указывающую перстом на экран со стремительно вздымающимися вверх кривыми.

В ответ раздался голос Крис:

— У него все нормально, господин главный врач.

Теперь он мог разглядеть мужчину. На нем был белый медицинский халат. Он был высокого роста, с хорошей выправкой. Лицо строгое и уже не молодое, но выражение явно доброжелательное. Склонившись, он принялся разглядывать пациента.

— Вы выглядите отлично, Фил Абельсен,— сказал он.— Не беспокойтесь, мы вас подштопаем. Как чувствуете себя, мой мальчик?— Повернувшись к сестре, он спросил:— Он уже реагирует на слова?

— Он делал даже движения губами, я могла их прочесть.

Рука доктора Миера появилась перед правым глазом Фила и раздвинула ему веки. Вспышка карманного фонарика ослепила его, но пальцы врача не позволили зажмуриться.

— Реакция зрачка значительно улучшилась,— заметил врач.— Можно постепенно снимать тетралин.

Он вновь повернулся к пульту.

— Все идет прекрасно, мой мальчик,— сказал он.— Но с вами пришлось здорово потрудиться. Посмотрели бы, что это было, когда я вас подобрал.

— Господин главный врач,— сказала сестра.— Я еще ничего не говорила пациенту. У него может быть шок...

— Не будьте столь трепетны, дева,— сказал врач, скользнув по девушке каким-то особо бесцеремонным взглядом, так что в душе Фила мгновенно все возмутилось.— Вас разодрало как быка на бойне,— продолжил врач.— Осколок угодил прямехонько в грудь. От нее, прямо скажем, немного осталось, разве что голова кое-как болталась на позвоночнике. Я уже многим удачно подштопал шкуру, но вы— мой шедевр. Сердце сгнуло—его просто не было, легкие в клочья, не говоря уже о пищеводе, диафрагме, желудке и других бесполезных вещах. Тяжелейшая потеря крови, выжат как лимон. Что хоть чуть-чуть уцелело из кожи, в клочьях, в нарывах, обожжено, обморожено—смотря какое место. Но не бойтесь. Я вытащил вас. Вы давно вне опасности. А что пока еще беспокоит—плевое дело. Вы мне верите? Вы поняли?

Фил кивнул.

— Ну и хорошо,— сказал главный врач.— Постепенно

я приведу вас в полный порядок. Хотите взглянуть на тело?

Не дожидаясь ответа, он приподнял левой рукой голову пациента, правая сопровождала объяснения. В глубине комнаты Фил увидел девушку. Перед ним, надо всем его телом лежал стеклянный купол. Он накрывал своего рода ванну, наполненную слегка мутноватой жидкостью. В жидкости плавал он сам — его тело.

— Все важные артерии мы подсоединили к искусственному сердцу. Взгляните — вот оно, этот насос. — Врач показал на поршень, что в равномерном ритме двигался вверх-вниз. — Функцию легких также выполняет электрическое устройство. Вон эта штука, похожая на воздушный шар или мехи. Малый круг кровообращения, от правого желудочка в легкие, а оттуда в левое предсердие, свершается, естественно, вне организма. Все, что вы видите здесь, — он показал на пульт с правой стороны от Фила и на многочисленные сосуды с левой стороны, — все это принадлежит сейчас вам, это часть вашего тела. И функционирует, кстати, лучше, чем органические материалы. — Он тихо рассмеялся и продолжил: — Я мог бы оставить вас висеть на этом приборе всю жизнь. Но я прекрасно понимаю, что подобная перспектива не обнадеживает. Вам нечего тревожиться. Консервированных органов достаточно. Об этом позаботилась война. В ближайшие дни я поставлю вам полное оснащение. Сильное сердце, возможно, лучше даже, чем прежнее. Отличные легкие. Сегодня я как раз отобрал их, они уже разморожены и лежат в питательном растворе. Час назад я проверил, как бьется сердце. Это впечатляет... Месяцы, а может быть, и годы было оно мертво, и вот подключается ток, дается импульс, и оно снова живет.

Он опустил голову больного. Фил закрыл глаза.

— Вы сильный мужчина, Абельсен, и должны уметь выносить удары судьбы, — сказал врач. — Я за честность, за правду. Вот почему я ничего от вас не скрыл. Сегодняшний врач кажется порой пациенту инженером. Свято верящий в прогресс, он экспериментирует с человеческим материалом, и лишь собственное тщеславие побуждает его с помощью различных трюков поддерживать суще-

ствование тяжелобольных и нежизнеспособных людей, независимо от того, достойно это существование человека или нет. Я не таков. Для меня важен человек в естественной своей форме и с полной свободой действий. Для меня важно сохранить высшее и наиболее ценное в человеческом роде. Я говорю вам абсолютно открыто: я не лечил бы вас, если б не был уверен, что восстановлю полностью.

Рука его лежала на каком-то регуляторе, слегка поворачивая его, он наблюдал за показаниями стрелки.

— Я позаботился, чтобы вы себя хорошо чувствовали. Мы располагаем ныне химическими средствами, позволяющими почти полностью управлять любыми чувственными впечатлениями, неважно, физические они или эмоциональные. Вам нечего бояться, вы не испытаете ни страха, ни боли. Обещаю вам вновь: вы станете полноценным членом человеческого общества.

5

Абель не знал точно, сколько времени прошло, но продолжалось все это долго. Он надеялся, что ночную тревогу на сей раз объявят не слишком скоро. Он лежал на самом верху трехъярусной кровати, снизу его трудно будет разглядеть, даже если внезапно вспыхнет свет. Не рекомендовалось вставать с постели без неотложной причины, ворочаться, тем не менее он принялся отодвигать от стенки матрац, матрац из стекловолокна, в обшивке которого он во время мертвого часа проделал дыру и где теперь лежали спрятанные части пистолета. Он отодвигал матрац и сдвигал, пока не образовался валик посередине и щель вдоль стены, позволяющая видеть нижний ярус. Там лежал Остин.

Осторожными движениями, замирая и прислушиваясь, он медленно придвигался к стенке, пока ухо его не прижалось к щели. Какое-то время он слушал. Его широко раскрытые глаза зорко вглядывались в пустоту. Вокруг лежала лишенная очертаний ночная тьма, свет подобно холодной дымке струился из окон, густые тени, словно полог, укрывали койки. Размытые контуры распластан-

ных, свернувшихся в комок тел угадывались под одеялами. Ритмичные вдохи и выдохи чередовались с механической размеренностью и напоминали ровно работающий насос, и Остин тоже дышал спокойно, но через какое-то время он повернулся на другой бок, потом принял прежнее положение.

— Эй, Остин! — прошептал Абель через щель вниз. — Остин, ты слышишь меня?

Вдохи и выдохи поутихли... потом прекратились совсем.

— Остин, ответь что-нибудь!

Абель услышал тихий шорох, потом неожиданно и ужасно громко прозвучал голос Остина:

— Чего тебе?

Остин приподнялся, и теперь голова его находилась прямо под щелью.

Абель вздрогнул и осторожно огляделся. Только потом ответил:

— Мне надо поговорить с тобой!

— Оставь меня в покое.

Внизу скрипнула койка. Зашуршало одеяло.

Абель сказал:

— Не строй из себя дурака! Если сейчас в твоей башке есть хоть искра разума, этим ты обязан мне. Слышишь? Только у нас двоих ясные головы в этом бараньем стойле. И нужно держаться вместе! — Он помолчал несколько секунд. Внизу было тихо. Он снова зашептал во тьму: — Слушай внимательно. У меня есть план. Это совсем не просто, но возможно. Понимаешь? Это возможно! Он должен умереть! И если ты...

Со средней койки донесся глухой звук. Остин быстро выпрямился. Его рот вновь был у отверстия.

— Кто должен умереть?

— Майор, конечно. Кто же еще? — Абель представить не мог, что же тут непонятного. — Майор — это ведь очевидно!

— Ты свихнулся, — сказал Остин.

— Послушай! — сказал Абель. — Все получится. Поверь мне. Я все продумал. Я убью его из пистолета. И уже

знаю, как его добыть: нужно стащить одну часть за другой. А из них собрать новый пистолет.

— Ты сошел с ума!

— Тсс!

На соседней постели один из спящих со стоном перевернулся на другой бок. Абель и Остин застыли... Через какое-то время оттуда донесся громкий храп.

— Все продумано,— шептал Абель.— Не сорвется. А патроны я добуду во время учений на стрельбище.

— Почему ты хочешь его убить?

— Почему?— медленно повторил Абель.

Почему? Станный вопрос. Это же было очевидно, а он спрашивает— почему!

— Майор должен умереть, и я убью его,— невыразительно повторил он.

— Парень, ты все ставишь на карту,— сказал Остин.— Какое нам дело до майора. Подохнет он или будет жить— мне от этого ни жарко, ни холодно.

— Что я ставлю на карту?— спросил Абель.

— Свободу. Что же еще? Как ты собираешься смыться, если устроишь здесь театр?

— Смыться? Я не собираюсь смываться. Я хочу убить майора. Я должен убить майора. И я убью его.

— А потом?

Вопрос застиг Абе́ля врасплох. Что потом? Этого вопроса он себе не задавал. Этот вопрос еще впереди.

— Послушай,— сказал он.— Ты можешь делать, что хочешь. Я тебе помогу. Но сначала помоги ты мне.— Мысли его вновь вернулись в наезженную колею.— Будь внимателен: несколько деталей я смогу раздобыть, и никто ничего не заметит. А потом мы должны будем... Ночью...

— Пустые фантазии,— перебил его Остин.— Делай со своим пистолетом, что хочешь, но без меня. Я хочу вырваться отсюда. Вот единственное, чего я хочу. Вырваться. Понимаешь?

— А что тебе надо там, снаружи?— спросил Абель.

— Снаружи, парень, ну... Глупый вопрос. Ну, там...

Теперь запнулся Остин.

— Что там снаружи, Остин?

Остин сделал новую попытку.

— Снаружи — там нет казармы, нет учебного плаца, нет командиров. Нет формы...

Он вновь замолчал.

— Ну, а что там есть? — настаивал Абель.

— Все просто: нормальный мир, нормальная жизнь... Словом, свобода.

— Пустая болтовня, — прошептал Абель. В сознании его вспыхнул слабый свет, но он угас, не вызвав воспоминаний.

— А как ты думаешь... Что там снаружи? — спросил Остин. И чуть громче добавил: — Должно же там быть хоть что-то!

— Тише, — прошипел Абель. Рука, на которую он опирался, онемела, и он осторожно сменил позу. — А почему что-то должно быть снаружи? — спросил он. — Мне кажется, снаружи ничего нет! Мир ограничен. Для каждого человека мир ограничен. Существует предел, за который он выйти не может. Мы не можем выйти за пределы казармы. Вот и все. А цели нужно искать в пределах собственного мира. Я так и делаю. Майор...

Остин встал на колени и прижал рот к краю матраца.

— То, что ты сейчас говоришь... это ведь у тебя не отсюда! Это из какого-то другого мира. Абель, попробуй вспомнить... Что было прежде? До казармы?

И вновь вспыхнул в сознании Абеля свет. Картины сменяли друг друга и исчезали, а он не успевал их ухватить. Он напряг всю свою волю, не понимая, что это работает внутри, вызволяя картины, запрятанные в глубинах памяти. На лбу у него выступил пот.

— Что-то... да... возможно, было. — Он говорил беззвучно, почти неслышно. — Но не за стенами казармы. Быть может, в прошлом? — Он взял себя в руки. — Теперь-то какой в этом смысл? В любом случае другое недостижимо. Останься здесь и помоги мне убить майора. Тогда все будет хорошо. Вот увидишь!

— Абель, — донеслось из отверстия у стены, — Абель, я знаю, что там снаружи — ангелы. Снаружи должны быть ангелы!

Внутри у Абеля что-то сжалось. Одна струна внесла

диссонанс. От товарища его отделяла пропасть. Остин уже был однажды у них — у ангелов. А он, Абель, не был. Каждые четыре недели после медицинского обследования отбирали четырех солдат. В один из вечеров их забирали, и они возвращались только к утру. Никто не знал, какие критерии определяли выбор. Это не была награда, ибо награда у них не существовало. Высшей наградой являлось сознание исполненного долга. Это не было и наказание, которое иногда оказывалось обоснованным, иногда нет. Это была сама неопределенность: нечто иррациональное, счастье, томление, надежда.

Абель еще ни разу не видел ангела. Но избранные рассказывали о них: о белой коже и мягких губах, о чувстве защищенности, материнском тепле, ощущении дома. О мягком, все скрывающем шлейфе волос.

Внезапно и резко прозвучала сирена. Зажегся тусклый белый свет. Одежда полетела в сторону. Солдаты в белосером нижнем белье выскакивали из постелей, распахнулась дверь...

И в этой поднявшейся суете Остин сказал:

— Делай что хочешь, а я хочу вырваться отсюда!

Верхний ярус кровати давал Абелю особое преимущество — свет ламп падал сюда косо, и увидеть его снизу было трудно. Так что хватило времени поправить матрац, прежде чем спрыгнуть вниз — как раз в тот момент, когда капрал распахнул дверь.

— Внимание!

Он стоял вместе с другими, повернувшись к командиру лицом, ноги вместе, руки по швам. Внизу у запястья, там, где застегивались манжеты формы, он ощущал приятный холодок металла — зажигательное устройство пистолета, которое он пристроил к пуговице. Ощущение было жутким и сладостным одновременно. Искра вытолкнет смертельную пулю из ствола, загонит ее в массивное тело майора.

— Тревога! Надеть походную выкладку. Через минуту всем быть в окопах. Разойдись!

Они лихорадочно натянули одежду, зашнуровали сапоги, подвязали ремни.

— Быстрее, ленивые собаки!

Они впряглись в ремни ранцев, надели каски на гладко выбритые затылки.

— Быстрее, вперед!

Стоя в дверях, капрал разглядывал пробежавших мимо. Последнего он задержал. Это был Абель.

— Доложите во время дневной поверки!

— Слушаюсь, господин капрал!

Мгновение они разглядывали друг друга в упор, потом Абель опустил глаза. Капрал отпустил его, и он помчался догонять остальных.

Небо затянуто было серой дымкой, сквозь которую пробивался рассеянный свет. Сильный ветер не мог разогнать холодный влажный туман. На касках солдат, как муравьи разбежавшихся по позициям, мерцали нанесенные светящейся краской личные номера. Учебный плац, вдоль и поперек изрезанный окопами, превратился в истоптанную, перемешанную ногами глиняную топь. Через несколько секунд столпотворение кончилось; на поле осталось лишь десять темных фигур, сержанты. Чуть в стороне неподвижно возвышалась одиннадцатая темная фигура — майор.

— В атаку! Из окопов! Вперед!

Они выкарабкались из окопов, бросились вперед.

— Штурмовики на бреющем с юга!

Они рухнули на землю, прямо в сырую глину, втянули головы и замерли на несколько секунд, готовые к следующему броску...

— Встать, бегом марш!

Глина липла к сапогам, к одежде, подошвы с трудом отрывались от земли.

— По окопам, марш!

Они скользили, спотыкались, скатывались в глубокие, в человеческий рост, окопы, по дну которых струилась вода.

— В атаку! Вперед! Марш!

Окопы были шириной примерно в полметра, черные провалы на коричневом глинистом поле, перепаханном

ногами тяжело бегущих солдат. Абелю знакома была картина; не стоило и выглядывать из окопа, где он остался лежать. Он распластался на дне, прямо в потоке лениво текущей воды.

— Лечь! Окопаться!

Его товарищи наверху раскрыли складные саперные лопатки, зафиксировали их в наиболее подходящем положении. Лежа разрывали они лопатами мягкую землю, отбрасывали в стороны слипшиеся комья, использовали любое углубление, зарываясь вглубь словно какие-нибудь земляные насекомые — их уже и отличить нельзя было от земли, ведь вся одежда облеплена была сырой глиной, словно панцирем.

Абель тоже рыл землю. Он наслаждался неведомым прежде ощущением самостоятельного действия, пусть внешне и согласного с приказом. В боковой стене окопа в двух метрах влево от поворота, на высоте примерно полуметра он вырыл узкое прямоугольное отверстие сантиметров на тридцать вглубь. Поспешно закатав рукав куртки, он расстегнул пуговицу на рукаве белья.

— Встать! Вперед! Вперед!

Они сейчас побегут! Абель выхватил из рукава зажигательное устройство. В пластиковом пакете, который он утаил во время раздачи таблеток, оно не отсыреет. Он завязал пакет ниткой, выдранной из тряпки для чистки оружия.

— Всем назад! Быстрее! Быстрее!

Он аккуратно засунул пакетик в отверстие, вытащил наружу кончик нитки, сантиметра примерно на три. Потом залепил отверстие глиной.

— Занять окопы! Живее! Живее!

Абель утрамбовал глину вокруг отверстия. Быстро огляделся. Первые солдаты уже прыгали сверху в окоп — черные силуэты на фоне желтовато-серой небесной дымки. Абель застегнул пуговицы, опустил рукав куртки. Его товарищи сидели вокруг скрючившись, тяжело дыша, втянув головы в плечи.

Никто в его сторону не смотрел.

Никто ничего не заметил.

— Всем укрыться в окопах!

Медленно, тяжело вваливались в окопы остальные.

— В атаку! Всем из окопов! Вперед! Вперед!

Абель бегал и прыгал вместе с другими около часа, до полного почти изнеможения. Но поддерживало его теперь не счастливое чувство исполненного солдатского долга, а опьянение первым успехом.

Школа представляла собой барак без внутренних перегородок. Доска, одиннадцать узких лавок, десять в ряд друг за другом для простых солдат, одиннадцатая справа у стены для капралов — вот и вся мебель. Занятия проводил сержант.

Вопросы всегда задавались лишь сидящим на первой скамье. Порядок был таков: после часа занятий взвод передвигался на одну скамью вперед. Таким образом, на первой скамье оказывались все по очереди.

Сержант поучал:

— Ношение оружия — это одновременно честь и большая ответственность. Оружие не является нашей собственностью. Его вручают нам для выполнения важнейших наших задач, для ведения боевых действий в той великой войне, к которой устремлены должны быть все наши помыслы. Отсюда вытекает наша обязанность постоянно совершенствовать владение оружием. Этой цели служат упражнения в стрельбе. Всем ясно?

Хор тут же ответил:

— Ясно, господин сержант!

— Другой важной обязанностью солдата является уход за оружием, которое нам доверено. Согласно предписанию, мы должны чистить его ежедневно. Чтоб держать оружие в постоянной боевой готовности, мы должны хорошо знать механизм его действия. Знать все части, чтобы даже во сне суметь разобрать и собрать пистолет. Как называется эта его часть, солдат Дэниел?

Сержант направил указку на доску, слегка постукивал ее кончиком по указанному месту. Дэниел вскочил, встал навывтяжку. Он уставился на рисунок, схематично изображавший пистолет в разрезе.

— Спусковой механизм, господин сержант!

— А это что, солдат Дерек?

Другой солдат вскочил и вытянулся.

— Зажигательный механизм...

В угрожающей тишине Дерек напряженно размышлял около секунды. Потом с облегчением вздохнул, вытолкнул нужные слова:

— Зажигательный механизм с батареейкой.

— Правильно, зажигательный механизм с батареейкой. Они считаются одной частью. При чистке оружия их не следует разделять. Запомните это, солдат Дерек!

— Слушаюсь, господин сержант!

Взвод Абеля разместился на последней скамье — накануне они сидели на первой.

Зажигательный механизм с батареейкой, подумал Абель. Винты. Магазин. Он немного придвинулся к Остину и выждал, пока впереди не начался снова опрос. Не поворачивая головы, он прошептал:

— Сегодня после обеда чистка оружия.

Остин ответил не сразу. Сначала бросил внимательный взгляд вперед. Потом тихо спросил:

— Ну и?

— Сегодня я раздобуду магазин.

— Делай что хочешь.

— У меня уже есть зажигательный механизм с батареейкой, пружина и три винта. Всего их пять, но два лишние. Они крепят рукоятку. Мне она не нужна.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Мне не нужны рукоятка и спусковой крючок. Зажигание в действие я приведу пальцем.

— А мне-то что до этого?

— Я хочу тебе доказать, что дело верное. Хочешь мне помочь?

— Нет.

Разговор прерывался бесчисленными паузами. Иногда они молчали минутами.

— Так хочешь вырваться отсюда или нет? — спросил Абель.

— Да, — неохотно буркнул Остин.

— И ты уже знаешь, как?

Остин молчал.

— А я знаю выход,— сказал Абель.

Остин только пожал плечами.

Абель шепотом продолжил:

— Вокруг нас сплошные постройки. Нельзя даже выглянуть наружу. Но есть одна дверь...

— Где? — спросил Остин.

— Я покажу, если ты мне поможешь!

— Врешь!

— Ты уверен?

— Я сам ее найду!

— Возможно, но придется долго искать.

— Время у меня есть.

Они снова помолчали. Зычный голос сержанта заполнял помещение:

— Для чистки пистолета служат соответствующие принадлежности. Это тряпка, круглая щеточка и тюбик чистящей пасты. Для чего используется тряпка, солдат Дональд?

Абель еще ближе придвинулся к Остину.

— Если б не я, ты сейчас вообще не размышлял бы о том, что снаружи. Был бы тупицей, как все остальные, от таблеток, внушающих послушание и убивающих память. Это я освободил тебя.

— Я не просил тебя об этом.

Абель вновь помолчал какое-то время. Потом сказал:

— Ну хорошо. Ты все равно мне поможешь, так или иначе.

Остин на это ничего не ответил, и Абель не возвращался больше к разговору.

6

Состояние Фила улучшалось, об этом сообщил ему и доктор Миер. Фил чувствовал, что выздоравливает. С каждым днем замечал, как ему повинуется все новые мускулы. Потом пришел срок большой операции. Он погрузился в долгое забытие, а когда проснулся, почувствовал нечто, чего давно был лишен,— собственное тело, подергивание мускулов при мысли о движении, хотя его

верхняя часть тела по-прежнему оставалась неподвижной. Но даже без настоящего или только мысленно совершаемого движения он ощущал полноценное «я». Все еще скользил вверх и вниз поршень в цилиндре, не работали сердце и легкие, хотя и были уже размещены в грудной клетке с искусственными ребрами и ювелирно вмонтированы в мышечную ткань, в тончайшую сеть артерий и нервов. Все еще раздувался красный баллон. По-прежнему из грудной клетки и живота тянулись прозрачные, эластичные трубочки и платиновые проводки, но уже приживались новые органы, занимали в организме подобающее им место, реагировали на раздражения, жили.

Фил Абельсен был счастлив. Он уважал и боготворил доктора Миера как творца собственной жизни — к безграничной преданности подмешивалось, правда, порой холодное дыхание неопределенного страха. Сестра Крис была словно обещание дивного подарка в будущем. В других людях он не нуждался, никто и не появлялся. Время проходило между сном и грезами наяву. Ему не хотелось вспоминать прошлое или строить планы на будущее — он ничего не забыл, но сейчас ему не хотелось ни о чем думать, и все воспоминания он отодвигал как можно дальше от себя. Общая его слабость играла ему на руку — любой всплеск эмоций утомлял его бесконечно. И прежде чем какая-нибудь мысль поднималась на поверхность сознания, он уже спал. Во сне многое из прошлого оживало — но стоило ему проснуться, воспоминания гасли.

Его необычное состояние полной удовлетворенности и отсутствия каких бы то ни было интересов держалось долго. Требовался какой-то особый толчок, чтоб пробудить дремлющие в нем силы, мобилизовать волю и желание действовать, чтоб вернуть ему сосредоточенность, неудовлетворенность своим положением, недоверчивость, постоянную готовность принимать решения, в том числе и за других, выбирать даже что-то неприятное, если это необходимо, выбирать путь, пройти который другие были не готовы. Толчок был дан, когда доктор Миер предпринял решающий эксперимент с сердцем Фила.

Доктор пришел в назначенный час.

— Как чувствуете себя? — спросил он.

— Спасибо, господин доктор,— ответил Фил.

Его новые легкие еще не были подключены к системе кровообращения, но дыхание уже понемногу возобновлялось, пусть пока слабое, способное разве что разрабатывать мускулы грудной клетки. Но этого дыхания хватало уже на отрывистые, тихие фразы.

Врач пододвинул вертящуюся табуретку ближе к пульту и принялся внимательно наблюдать за датчиками.

— На экране вы можете следить за функциями собственного тела,— сказал он.— Вот эта кривая, например, отражает мозговую деятельность. Видите, какие сейчас зубцы? А теперь умножьте-ка быстро 17 на 29... Вот видите— дальше можете не считать,— реакция уже намного сильнее, зубцы на экране в три раза выше, чем прежде.— Он повернулся к другому прибору.— А это показатель количества перекачиваемой крови— простой счетчик текущей жидкости, его еще применяют на бензоколонках. Он присоединен к главной артерии нашего насоса. А вот здесь потом появится электрокардиограмма.

Он нажал кнопку, и слабое зеленоватое свечение появилось на экране. Показалась отдельная точка, быстро вспыхнув, она, медленно мерцая, вернулась к горизонтальной черте.

Крис вновь появилась в глубине комнаты. Как всегда, она словно растворялась, когда входил ее начальник, но сейчас она спросила:

— Наркоз, господин главный врач?

— Нет, зачем?— ответил тот.

Потянувшись к грудной клетке, которая уже не лежала больше в ванне с питательным раствором, он свернул два выступавших из кожи проводка. Потом подключил их к двум клеммам электроимпульсного прибора— стимулятора работы сердца. Поставив указатель на деление 20 микровольт, врач нажал кнопку дистанционного включателя.

Что-то вздрогнуло в теле Фила, потом успокоилось.

— В порядке,— сказал доктор Миер. Ногой он отодвинул стимулятор подальше от кровати.

— Поставьте теперь на тридцать,—приказал он.

Крис чуть подвинула указатель — 30 микровольт.

Врач быстро нажал на кнопку, потом стал нажимать регулярно, с интервалом в секунду. Он смотрел не на Фи-ла, а на экран, при каждом нажатии сплошная черта раз-леталась там в клочья. Удары били в грудь Фи-ла, как мо-лот. Потом врач остановился. Зеленая сплошная линия вздрогнула еще раз и успокоилась.

— Пятьдесят микровольт,—сказал врач.

Снова его палец начал в такт нажимать кнопку. Удары разрывали Фи-ла. Дыхание его стало прерывистым, со стоном. Палец отпустил кнопку, и зеленая линия успокои-лась.

— Придется попробовать по-другому,—пробормо-тал врач. И громко добавил: — Двести микровольт.

Крис перешла к дециметровой шкале и установила указатель на втором делении.

Палец нажал на кнопку.

Фи-ла подбросило на кровати. Мускулы, давно уже без-жизненные, проснулись и напряглись в судороге. Ремни, привязывавшие его к кровати, глубоко врезались в кожу. Он задыхался. Палец уже отпустил кнопку, но внутри Фи-ла все еще дрожало и дергалось, что-то поворачива-ло его, трясло... Потом он откинулся на постель. Про-шло.

— Почти! — сказал врач. — Четыреста микровольт.

Крис переставила стрелку на четвертое деление.

Палец быстро, твердо нажал на кнопку.

Молния разорвала Фи-ла. Что-то взорвалось внутри, ка-кой-то великан всколыхнулся, потом что-то понеслось, стремительно, дико, спотыкаясь, оно несло и не оста-навливалось, стуча поначалу громко, а потом все спокой-нее.

Фил смотрел на экран не отрываясь. Точка взмывала вверх и спускалась в долины, споткнулась поначалу о ма-ленькое возвышение, потом влетела на высочайший склон, спустилась вниз по другой стороне, вновь верну-лась к исходному пункту и начала свое путешествие снова. Это было его сердце — то, что сейчас билось. Только те-перь оно стало его сердцем.

Измученный до предела, он отвернулся от экрана к стене, пот лил со лба, все плыло перед глазами. На сером и бежевом фоне словно реклама пробежали одна за другой светящиеся зеленоватые точки.

— Хорошо получилось,— произнес врач.— Оно бьет. Сделайте ему укол ревитала! Пока не спускайте с него глаз. Если удары станут слабее, вызовите меня. А завтра я его осмотрю вновь. До свидания!

Фил ощутил прикосновение к щеке, затем перед затуманенным его взором мелькнул белый халат.

Доктор вышел из комнаты.

Итак, он вновь вернул Фила к жизни — он был упорен, этот врач, упорен, как никто другой. И он сделал все возможное и невозможное для того, чтобы Фил вновь стал человеком.

И, несмотря на это, Фил не выносил его. Вдруг он понял это совершенно отчетливо: он его ненавидел.

7

Теперь у Абеля был еще и магазин. Как и остальные части, он спрятан был в окопе, вмазан в глину, надежно укрыт от любых поисков. А вдруг они уже начались? У шести пистолетов недоставало отдельных частей — это могло броситься в глаза, но Абель не заметил никаких признаков тревоги. Установили ли они взаимосвязь? Вполне возможно. Понятно, что какая-то часть пистолета могла потеряться случайно, но такое количество потерь случайностью быть уже не могло. Правда, связать их с ним никто напрямую не смог бы. Он знал: при существующей организации выдачи и хранения оружия пистолеты каждый день переходили в другие подразделения, к другим солдатам. Подозрение на него могло пасть с таким же успехом, как и на любого другого.

Абель лежал без сна в постели и, как бывало уже не раз, заново продумывал свой план. Перед глазами разворачивались сцены во всей их реальности. В мыслях его

майор был уже мертв, и от этого Абель ощущал легкое удовлетворение. Он лежал на жесткой постели, поперечные штанги, поддерживавшие матрац, врезались в спину, но он не чувствовал этого. Тело его наслаждалось отдыхом, он был все еще разгорячен ночным учением, вымотавшим его до предела, и теперь парил в приятной усталости. Только мысль его, не занятая сейчас службой и не оглушенная одурманивающим ядом, была абсолютно бодрой и трудилась.

Как каждую ночь, вокруг дышали и храпели спящие товарищи, но вдруг какой-то новый звук проник сквозь завесу привычных приглушенных ночных шумов. Звук, колебание? Еле заметно дрогнула стойка кровати. Абель напряженно прислушивался, замерев. Он не ошибся: что-то шевелилось внизу. Он услышал глухой звук... крадущиеся шаги... скрип дверцы шкафа. Осторожно повернув голову, он глянул через край подушки. Он увидел, что и ожидал: Остин одевался, то и дело оглядываясь, чтоб убедиться, что никто не проснулся. Затем он подкрался к двери... приоткрыл ее, проскользнул наружу. Дверь тихо закрылась.

Абель выпрыгнул из кровати... тихо побежал к окну. Сначала он не видел ничего. Потом заметил Остина, в нерешительности стоявшего у дверей. Абель бросился к своему шкафчику, накиннул плащ, схватил башмаки и торопливым мелким шагом двинулся босиком к двери.

Теперь он стоял в коридоре с десятью дверями, каждая из которых вела в спальное помещение. Сквозь окно он увидел Остина, кравшегося вдоль стены по направлению к складам. Абель надел ботинки, наспех зашнуровал их и вышел из барака. Быстро, но неслышно двинулся он за Остином.

Он поразился смелости Остина, впрочем, и собственной тоже. Должно быть, причина в резком сокращении количества яда в организме — еще вчера он ни за что бы не решился во время мертвого часа покинуть постель, и уж тем более выйти из спального помещения.

Остин бегом пересек пустую площадку и укрылся в те-

ни соседнего здания. Абель выждал, пока тот крадучись не двинулся дальше, потом, пригнувшись, тоже быстро пересек плац, как этому учили на учениях, и помчался следом за Остином. Абель вспомнил о бесконечных напряженных физических тренировках, спортивных занятиях — теперь все, чему он научился, находило реальное применение. Тело его реагировало на любые команды мгновенно, ни холод, ни усталость не мешали приятной игре мускулов. Ветер, правда, проникал под плащ, но это было бодрящее прикосновение, и ощущать его было приятно.

Остин подкрался к одному из складских зданий и теперь возился с дверью. Абель напряженно следил за ним из-за угла. Вот дверь раскрылась, и Остин исчез внутри. Абель бросился за ним. Прежде чем скользнуть в слегка приотворенную дверь, он огляделся вокруг — и вздрогнул. Площадь перед зданием пересекал кто-то в плащ-палатке и каске, он шел выпрямившись, спокойным, уверенным шагом. Он был еще далеко, но направлялся явно сюда.

Абель тихо проскользнул в дверь, не выпуская его из глаз: охрана! Как он не предусмотрел этого?! Ему в голову не пришло.

В глубине склада послышался шорох. Абель быстро оглянулся, но ничего не увидел — глаза еще не привыкли к такой темноте. Чья-то рука обхватила сзади грудь, другая сдавила шею, колено больно двинуло по спине... Он потерял равновесие и рухнул вперед. Из груди вырвался стон, он судорожно пытался глотнуть воздух.

— За чем шпионишь за мной? — спросил Остин. — Ты что, думал, я тебя не замечу?

Абель хотел ответить, но из груди вырвался только стон, он подавил его. Хотел показать рукой на дверь, но получился беспомощный жест, которого Остин явно не понял.

Первый испуг прошел. Мысль заработала снова. Остина он не боялся, тот был не сильнее его, лишь внезапность обеспечила ему преимущество. Абель повернул голову в сторону, чтобы освободить глотку,

давление немного ослабло. Он выжал два слова:

— Пусти! Перестань...

Остин не дал ему договорить, вновь сжал пальцы:

— Тебе бы очень этого хотелось, правда? — произдевался он.

Схватив его за руку, Абель попытался хоть чуть-чуть ослабить хватку. Ему это удалось, зато колено Остина все сильнее прижимало его к земле. Острая боль вступила в позвоночник. Все это можно было вынести, лишь сознание, что с каждой секундой часовой метр за метром приближается к двери, повергало в отчаяние. Ноги его были свободны, и он попробовал правым носком дотянуться до двери, но они уже откатились примерно на метр. Напрягшись изо всех сил, он потянулся к двери вместе с висевшим на нем Остином и наконец смог коснуться ее носком ботинка. Собрав все силы, он попытался помешать Остину блокировать освободившуюся ногу. Потом медленно и бесшумно прикрыл дверь. Щелкнул замок.

Лишь теперь он дал выход злости. Из всех сил двинул свободной ногой Остина по голове. Тот сразу ослабил хватку, Абель высвободился, развернулся, чтоб нанести еще удар. Снаружи послышались шаги...

Остин сделал слабый выпад против Абеля и получил сильнейший удар в правый бок. Теперь он уже не сидел, а навзничь опрокинулся на землю...

Шаги были перед самой дверью.

Абель схватил товарища за шиворот... Пригнувшись, пробежал несколько шагов в глубь помещения, волоча его за собой, в спасительную тень стеллажа. И сам бросился ничком рядом, в самый последний момент...

Дверь распахнулась, обозначился кусок темно-серого неба... на фоне его человеческий силуэт... луч фонарика скользнул по помещению, выхватил упаковку сложенных солдатских сорочек, ящик с касками, выстроенные в ряд банки, ранцы, ремни, сапоги. Чуть тронув стеллажи, за которыми спрятались солдаты, он задержался на защитного цвета треугольниках двухместных палаток, развешанных на веревках для просушки, упал на застекленные рамы, прислоненные к боковой стене, оттуда отраженный

луч прыгнул на пол... Свет погас. Силуэт исчез. Глухо захлопнулась дверь. С минуту Абель и Остин лежали неподвижно. Потом Абель подкрался к окну и выглянул наружу. Часовой удалялся, отмеривая ровные, уверенные шаги...

Абель обернулся. Остин выпрямился. Теперь он масировал подбородок.

— Дурак,— сказал Абель.— Неисправимый дурак.

— Зачем ты шпионишь за мной?— спросил Остин.

— Ты еще собираешься указывать мне, что делать?— вопросом на вопрос ответил Абель.

Остин сделал неопределенное движение рукой.

— Делай что хочешь,— сказал он,— но меня оставь в покое.

Он повернулся и направился к стене. Медленно прошел вдоль.

— Ты, конечно, ищешь дверь!— сказал Абель.

Остин не ответил. Он искал дверь. Складские запасы не волновали его. Его интересовала только стена— задняя стена склада, соприкасающаяся с миром. В помещении было темно, ему приходилось на ощупь исследовать каждую щель.

Абель наблюдал за ним, стоя рядом. Его гораздо больше интересовали запасы. Ничего, что могло бы ему пригодиться,— ни оружия, ни боеприпасов. Ну что ж, он и не рассчитывал на это. Конечно, это сэкономило бы ему силы, сократило избранный им путь, однако он был чуть ли не рад, что все оказалось не так просто. Оружия здесь не было. А собственно оружейный склад обследовать не имело смысла. Он стоял в центре учебного плаца, дверей не было. Выдача оружия проводилась автоматически, стоило капралу приложить свою печать.

Абель наткнулся на полку с карманными фонарями. Взял пару; один положил в карман, второй протянул Остину, тот взял его после минутной заминки.

В задней стене двери не было. И прохода в соседнее здание не было, пришлось выйти наружу и попробовать открыть дверь в машинный зал. Она тоже отворилась без труда.

Здесь в воздухе царило тихое гудение и слабо пахло озоном. Свет карманных фонариков, прикрытых руками, сразу выхватил единственное, что двигалось в этом зале, по крайней мере на первый взгляд,—тяжелые поршни, легко и упруго скользящие взад-вперед. А большой маховик, от которого исходило гудение, казался абсолютно неподвижным — блестящая зеркальным блеском, совершенно гладкая металлическая болванка. Только винт сбоку описывал быстрые ровные круги.

Остин тотчас направился к задней стене. Абель внимательно огляделся.

— Здесь тебе, возможно, повезет,—сказал он.— Снаружи это здание такого же размера, что и склад, а внутри уже. Выходит, сзади должно быть еще одно помещение.

Остин искоса взглянул на него.

— А тебе все это зачем?

— Да так,—ответил Абель. Он подошел к большому распределительному щиту и попробовал понять, что к чему. Подкрашенные люминесцентной краской стрелки прыгали под стеклом на своих шкалах. Внизу располагился длинный ряд выключателей и рубильников, связанных между собой и с соответствующими шкалами.

Наморщив лоб, Абель стоял перед щитом, как перед чем-то удивительно знакомым, когда-то изученным и теперь забытым, в чем невозможно разобраться заново. А ведь это был инструмент власти. Правильно используемый, он подарил бы ему господство над всей территорией и людьми. Мысль эта опьянила его. Он почувствовал искушение повернуть все выключатели, рвануть рубильники, а потом... но он подавил в себе безумное желание. Пока не разберется в их назначении...

Он сосредоточился на чертеже. Вот это, похоже, схема электропроводки: круг с волнистой линией — это источник энергии, а дальше пучки проводов... Да, теперь он понял систему освещения. В общем она соответствовала плану расположения казарм и складов. С горькой улыбкой отметил он, что ни одна из линий не вела наружу за пределы казарм... Скорее всего, за пределами их поселка не было вообще ничего, вот еще одно до-

казательство, но Остину он об этом ничего не сказал.

Свет вряд ли мог быть полезен Абелью. А не стоит ли вывести из строя передатчик? Он поискал его на схеме — и нашел. Руки чесались одним движением парализовать всю систему связи их небольшого поселка — он знал, насколько важна система громкоговорителей и радиовещания для нормального функционирования их подразделений, — но он подавил в себе и это желание. Занялся рубильниками, выступавшими из пластмассового щитка рядом с реле, включающим передатчик. Он долго изучал схему, но не уловил связи. Лишь отдельные знаки были понятны: деления с 1 по 12, разветвления электропроводки, потенциалы, а между ними роза ветров. Наконец он положил руку на кнопочный переключатель и слегка нажал. Потом внимательно огляделся вокруг, он не знал, что может произойти, но обязан был заметить мельчайшее изменение, чтоб не навредить себе... В самом деле: что-то изменилось, но он пока не понял, что. Он вдруг испугался. Похоже, он вызвал к жизни что-то ужасное. Затравленно оглянувшись, он заметил небольшую шкалу со стрелкой, которая пришла в движение: она колебалась как маятник с амплитудой в несколько делений — вот, собственно, все. Он заставил себя улыбнуться. Осторожно нажал на кнопку снова, затем слегка еще раз. И опять ничего не изменилось... Потом вдруг задребезжало стекло от порыва ветра, и тут он понял, что произошло, понял интуитивно, не успев еще как следует подумать: ветер усилился. Он рассмеялся над своими страхами, но смех внезапно застрял комом в горле. Он уставился на руку, все еще лежавшую на кнопке. Прозрение чудовищной, невыносимой взаимосвязи родилось в нем. Он отпустил кнопку, прислушался. Стекло все еще дребезжало, но уже не так сильно, вскоре стало совсем тихо. Ошибки быть не могло.

Руки Абеля дрожали. Ураган и буря, подумал он. Роза ветров. Дождь и снег. Жара, холод. Свет и темнота. Вновь обожгла мысль: капралы, несущие сейчас караульную службу, — они знают?..

Он бросился к окну, выглянул наружу. Нет, иначе караульный пост давно уже был бы здесь. Они ничего

не знают. Для них ветер — это ветер, а дождь — это дождь. Они ведь тоже принимают таблетки. Тем лучше. Наверно, знал это лишь один из них — майор. И еще он, Абель.

На самом верху в пластмассовом корпусе помещался циферблат часов. Стрелки показывали около трех. Время у него еще было, ночные учения закончились в этот раз довольно рано.

Абель огляделся, ища Остина. Он направился в глубь помещения, туда, где еще недавно слышал его шаги. Из чуть приоткрытой раздвижной двери падала полоса тусклого света. Дверь была тяжелая, металлическая. Ее запирали рычагами, но сейчас все они были сдвинуты в сторону. Абель вошел в коридор. Тусклые ночные лампочки излучали слабый свет, но после тьмы все равно на секунду пришлось закрыть глаза. Он мгновенно открыл их снова — Остина не было. Лампочки мерцающей жемчужной цепью уходили в глубь коридора. В стенах находилось множество дверей. Все, кроме той, в которую они вошли, были закрыты — и все во внутренней стене. Внешняя стена была сплошной, серой, бетонной громадой, она тускло поблескивала от множества капелек сконденсировавшейся влаги.

Должно быть, Остин исчез за поворотом. Абель двинулся по коридору. У каждой двери он замирал и прислушивался. Всюду тихо. Двери были удивительно тяжелые. Их закрывали вращающиеся вокруг собственной оси рычаги, но это вряд ли были запоры от людей, ведь ничто не мешало рычаги повернуть, отворив двери. Абель готов был поверить, что они не запираются изнутри — точно так же, как дверь, через которую они вошли. От людей не нужны запоры. Абель вспомнил о черных шариках — вот это был куда более надежный запор от таких, как он. Он подошел к следующей двери — рычаги отброшены. Дверь была притворена, но она тут же бесшумно отъехала на шарнирах в сторону, стоило Абелю взяться за рукоятку.

Кисть его судорожно сжала металл. Внутри ярко горел свет, в его лучах кто-то стоял спиной к нему. Длинные светлые волосы падали на хрупкие плечи, обтянутые крас-

ным пуловером. Узкая синяя юбка облегла округлые бедра. Ноги обтягивал красновато-коричневый нейлон. А ниже — искрящиеся синие туфельки на высоченных каблуках.

Чистый высокий голос произнес:

— ...Сад, живая изгородь, косули... Сосны, озеро. Ежевика, запах свежего сена... Плющ на стене. Солнце... Да, самое главное — настоящее солнце.

Девушка стояла возле блестящего хромированного устройства. Несколько небольших соединенных друг с другом кубов и пирамид. Щелкало реле, бежала перфолента.

— ...Луг, осока, болотце. Тепло... журчит ручеек. И солнце...

Реле щелкало, бежала перфолента. Потом две секунды было тихо. Ничто больше не двигалось. Девушка терпеливо ждала... Наконец раздался короткий звонок. Открылось какое-то маленькое отверстие. Девушка протянула руку. Из желобка выскользнул пластиковый пакетик. Пальцы тут же подхватили его, другая рука задрала юбку, сунула пакетик под чулок, вновь разгладила юбку, поправила складки.

Девушка резко подняла голову, прислушалась. Потом бросилась к двери, распахнула ее... Абель мгновенно закрыл рукой красный покрашенный рот, заглушил крик. Крепко держа девушку в руках, он притворил дверь, оставив небольшую щелку.

Впервые он видел перед собою женское лицо. Женщина. Бледное, грустное лицо в мелких морщинках. Широко раскрытые глаза, глядящие на него в упор. Длинные, красиво изогнутые ресницы. Карие глаза. Неясные воспоминания всколыхнулись в Абеле. Он прижал женщину к себе, ощутил тепло ее тела, запах волос... зарылся лицом в светлую, мягкую, шелковистую массу...

Опомнился он, когда она укусила ему палец. Способность рассуждать вернулась, он отвел в сторону дивное лицо... но выражение ее глаз было иным, чем он предполагал. Не возмущение, не злость — скорее ужас. Ужас нахлынул из другого помещения — глаза ее, не мигая, уставились на дверь. Абель взглянул туда же — перед ним

стоял майор. На расстоянии вытянутой руки, глядя на него в упор. Ледяной страх сковал Абеля. Майор вытянул руку... она исчезла из поля зрения... дверь закрылась. Повернулся рычаг. Их можно было поворачивать изнутри и снаружи. Майор запер дверь.

Только теперь Абель перестал зажимать женщине рот. Красная губная помада размазалась у нее по щекам.

— Пусти меня,—потребовала она.

Абель повиновался. Она отвернулась и пошла прочь. Абель помедлил мгновение и бросился вслед. Услышав шаги, она обернулась.

— Не прикасайся ко мне! — сказала она.

Он все равно шел следом.

— И что ты вообще здесь делаешь? — спросила она. Постепенно она избавлялась от страха. — Как ты сюда попал? — Голос у нее был низкий и хрипловатый. Остановившись, она взглянула на Абеля. — Ты проявил самостоятельность, мой мальчик. Брось, все это ничего не даст.

Абель не мог отвести взгляда от ее глаз.

Это насторожило ее.

— Что ты так на меня уставился? Может, однажды уже был со мною?

Абель по-прежнему молчал. Она ласково потрепала его по щеке и произнесла:

— Милый, милый мальчик! Мне тебя жаль. Они разделяются с тобой.

Она направилась к двери, распахнула ее.

Абель увидел помещение, полное каких-то труб. Она вошла туда, а когда он хотел войти следом, сказала:

— Ты должен остаться здесь!

— Подождите! — попросил Абель.

— Ничего не получится! Сегодня и так едва не сорвалось. Не бойся, я на тебя не донесу. И забудь обо мне.

Она исчезла за дверью, закрыла ее за собой.

Несколько мгновений Абель стоял в нерешительности.

Потом стряхнул с себя изумление и попробовал привести в порядок мысли. Он встретил одного из «ангелов». Но какое это имело значение? В его плане это ничего не меняло. И все-таки кое-что он выиграл, к мозаике добавился последний камушек: теперь он знал, как добраться до майора. Сколько раз он воображал, как осуществит свой план, как выскочит во время поверки из строя и прошьет его пулями, как выстрелит на параде прямо из проходящего мимо строя или как подкрадется к майору во время ночных учений, так что сможет направить пистолет прямо в затылок. Но все это было не так надежно, и главное — он оставлял майору уж очень мало времени. А ведь это было важно: майор должен был понять, прежде чем умрет, должен был понять, что другой оказался сильнее, что не все происходило исключительно по его воле, что его дивный мир солдатского братства рассыпался, словно картонный домик.

Больше Абеля здесь ничто не удерживало. Лучше всего вернуться сейчас кратчайшим путем в казарму: в ее надежность, в безопасную анонимность, в массу. Нельзя непродуманными шагами подвергать опасности свой план.

Но здесь еще находится этот дурак Остин. Абель спросил себя, зачем ему тот вообще нужен; все ведь спланировано так, что он и один в состоянии справиться! Возможно, с самого начала ему нужен был другой как разумный свидетель его героического поступка — ведь Остин единственный способен понять всю чудовищность и величие его замысла. Но он мог и испортить все в последний момент! Абель отправился на поиски. Он пробежал коридор, свернул два раза за угол и вдруг увидел то, чего никак не ожидал: во внешней стене распахнут был люк.

На четвереньках он пополз внутрь. Здесь не было освещения, и он включил карманный фонарик. Помещение, в которое он попал, похоже было на пещеру. Несколько шагов он прошел во весь рост, потом начались ступеньки, они вели наверх. Впереди он услышал шорох. Что-то глухо покатилося. Он крикнул:

— Остин!

Конус света карманного фонарика плясал перед ним,

прыгал по крутым, грубо вытесанным каменным ступеням, что вели все выше и выше. Наверно, он давно уже достиг высоты пятиэтажного дома — хотя в окрестностях казарм явно не было пятиэтажных зданий. Но он уже ничему не удивлялся. Единственным его желанием было вернуть Остина.

Он нашел его через несколько шагов. Ступени здесь кончались. Вокруг лежал мусор, обломки горных пород. Видны были только башмаки Остина. Он как-то прополз между глыбами, вполз внутрь груды вклинившихся друг в друга обломков, закрывавших пространство спереди и сверху. В глубине что-то каталось и громыхало, потом показались ноги Остина, наконец его тело, руки выгребли небольшую грудку камней. Потом он снова исчез.

— Эй, Остин! — крикнул Абель и дернул товарища за ногу.

Вновь показалось тело Остина, должно быть, внутри он свободно поворачивался. Медленно выполз он из норы.

Лицо его было грязным от пота и грязи, но оно сияло. Губы дрожали.

— Я нашел его! Выход должен быть здесь!

— Уже поздно, — сказал Абель. — Самое время нам исчезнуть!

— Но здесь есть выход наружу. Ты что, не понял? Взгляни сам. Там внутри дверь!

Абель недоверчиво глянул в отверстие. Посветил карманным фонариком, но так ничего и не увидел.

— Если немного проползешь вперед — увидишь! — настаивал Остин.

Абель вытянул руку с карманным фонариком и пополз на животе вперед. Над головой его нависали, неплотно прилегая, каменные глыбы. При каждом движении из расщелины сыпался песок. Наконец он увидел то, что имел в виду Остин: впереди вверху поблескивала гладкая поверхность с круглой металлической ручкой, такими крышками задраивают люки на подводных лодках.

Абель выбрался назад. Остин схватил его за руку.

— Ну как, видел?

— Может, это лишь случайно попавший туда обломок металла. А может, ты прав. Не знаю. В любом случае тебе придется поработать, пока не разгребешь эту гору мусора. Выглядит так, словно выход был завален взрывом. Ну, так ты идешь?

Радость на лице Остина погасла.

— Ты прав,—сказал он разочарованно.— Пошли. Но я приду сюда снова!

В пятом часу они вернулись в казарму.

Лежа под одеялом, Абель вспоминал приключения последнего часа, но не как нечто реально пережитое — скорее, как сон, бред. Вскоре он и вправду заснул, но мысль по-прежнему бодрствовала, одна сцена сменяла другую, как в спектакле, охрана шарила кругом прожектором, свет настигал его... От света на теле оставались ожоги; а в объятиях у него лежала девушка... Вдруг от нее ничего не осталось, только ворох тряпок да светлые волосы, струящиеся до пола; майор подошел к нему, майор огромного роста, он вытянул руку со шприцем, собираясь сделать ему укол, и сказал:

— Снаружи нет ничего, бездна. И сейчас я сброшу тебя туда!

Резко прозвенел звонок. Привычный автоматизм сработал: он выпрыгнул из кровати, быстро натянул спортивную форму и вместе с другими побежал умываться. В висках пульсировала тупая боль, от холодной воды стало чуть-чуть легче. Он постарался восстановить ясность мысли, не хотелось терять ни секунды, тем более расслабляться, он должен быть постоянно сосредоточен на своем плане. Сейчас перед ним встала новая задача, не сложная, но достаточно важная — как любая в цепи усилий, направленных к единой цели.

Блок личной гигиены представлял собой единое помещение, поделенное пластмассовыми перегородками высотой примерно по грудь. В глубине помещались нужники, среднюю часть занимали разделенные на кабины душевые, у входа выстроились умывальники: два ряда вдоль

стен, два — с обеих сторон невысокой перегородки. В полу были вмонтированы решетки водостоков, и все-таки он почти сплошь был залит водой.

У каждого было полотенце и кусок мыла. Полотенца меняли раз в неделю. Мыло раздавалось во время дневной поверки. Капралы записывали, кому и когда они его выдали.

Абелю нужен был кусок мыла, точнее, ему нужен был еще кусок. Один он лишь вчера получил и спрятал в шкафчике, в сапоге.

Он встал в ряд с незнакомыми солдатами, сознательно отколовшись от своего взвода. У соседа его был целый кусок мыла, потому-то он и пристроился к нему.

— Поторопись, сонное царство!

Сливаясь с плеском воды, крики капралов тонули в душном, влажном воздухе. Абель намылился своим обмылком, от которого ничего почти уже не осталось.

Теперь надо было выждать подходящий момент, и, судя по всему, он наступил. Парень, отложив мыло в сторону, сунул голову и плечи под кран. Мыло лежало на краю умывальника. Абель положил туда свой обмылок, схватил хороший кусок. Украдкой огляделся — никто не заметил подмены. Он повернулся и помчался назад, в казарму.

8

Он долго лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к ударам в груди. Отсюда волны распространялись по всему телу, здесь был передатчик, который теперь посылал лишь одно сообщение: проснись, проснись, проснись... Оно странно бодрило, оживляло, настойчиво билось в груди. Он подумал о чувствах, которые издавна соотносили именно с сердцем, о дружбе, привязанности, любви — удивительно, если вспомнить, что такое сердце

на деле: комок мускулов, выполняющих роль насоса. И все же у него было ощущение, будто с первыми ударами сердца в него влились новые чувства, приятные и неприятные, но чувства живого существа.

Хотя глаза у него были закрыты, он ощутил близость Крис.

— Когда я снова смогу ходить? — спросил он.

— Первые шаги... возможно, недели через две, три.

Две, три недели — это долго. Они наверняка окажутся намного длиннее месяцев, что он уже здесь провел, он не сможет ждать так долго. Нетерпение овладело им. Чуть не с отвращением смотрел он теперь на безупречно работающие, бездушные приборы, к которым был прикован, — мерно двигался вверх и вниз поршень, раздувался и опадал красный баллон.

— Зачем все это работает? — спросил он. — Я могу дышать, и сердце мое бьется.

— Конечно, сердце бьется, и скоро все будет в порядке. Но пока еще сердце слишком слабо, чтобы перекачивать всю кровь, и эта машина помогает ему.

— Но это же сильное сердце, и оно бьется, — упрямо повторил Фил.

— Возможно, оно окрепло уже достаточно, но мы не имеем права рисковать. Через несколько дней мы попробуем отключить аппарат на короткий срок, потом на более долгий, пока не сумеем отказаться от него совсем. Тогда вы сможете садиться, а потом снова научиться ходить.

— Что значит — научусь ходить? Ноги-то у меня целы!

— Мускулы ваши ослабли. Слишком долго вы лежали без движения.

Некоторое время Фил молчал, размышляя, потом спросил:

— А какова сегодня обстановка? Я имею в виду там, в стране. И что на войне? А может, — вдруг поразила собственная мысль, — война кончилась?

— Война кончилась, — тихо ответила Крис.

— И кто же победил? Скажите — кто?!

— Кто может победить в такой войне? Никто.

— Но что случилось?— спросил Фил.— Это военный госпиталь? А где другие раненные?

— Большинство давно в порядке, у нас осталось только четыре пациента. Один из них завтра,— она запнулась, словно подыскивая нужное слово,— уйдет.

— Но где мы?— воскликнул Фил. Он давно уже раскрыл глаза и теперь судорожно пытался приподняться, чтобы увидеть Крис. Вот она, сидит возле стены, у него в ногах, в черном пластмассовом кресле. Она тут же вскочила и бросилась к нему. Ласково, но твердо заставила лечь на подушки.

— Не надо волноваться! Все в порядке! Успокойтесь!

Фил был слишком слаб, чтоб оказывать сопротивление. Он вынужден был подчиниться, но мысль его работала. В прошедшие дни он тоже иногда задавал вопросы, но так, мимоходом, не ожидая, да, в общем, и не желая получить ответ. А теперь он не понимал — как мог пребывать в неведении?

— Вы мне обещали, Крис,— напомнил он.— Вы собирались мне все рассказать!

— Обещала, но я ведь не сказала, когда. Поймите: сейчас, после всех этих нагрузок, момент очень неподходящий. Как только вы немного окрепнете, я сдержу свое слово.

— Ну ладно, делайте со мной все, что хотите,— сказал Фил.— Прекрасно. Больше я не стану вас спрашивать. И вы мне сейчас не нужны, сестра. Оставьте меня, пожалуйста, одного!

Глаза Крис удивленно расширились. Но он не смотрел на нее, он равнодушно уставился в потолок.

— Я останусь здесь столько, сколько нужно,— сказала Крис и направилась к своему креслу. Фил услышал, как она беспокойно ерзает в нем. Он задел ее, и это его порадовало. В этот миг он был ожесточен, ожесточен против всех. Все—это доктор Миер и Крис, обращающиеся с ним, как с мебелью.

Он закрыл глаза и постепенно успокоился. Через какое-то время произнес:

— Я не хотел вас обидеть, Крис!

— Я не обиделась,— ответила она.

Сейчас, когда он медленно вновь превращался в человека, наделенного волей и разумом, ему особенно невыносима была собственная слабость, хотя и уменьшавшаяся с каждым часом. С радостью ощущал он, как мускулы начинают повиноваться ему. Упражнялся он теперь регулярно. Ремни приковывали его к постели, не позволяя двигаться, он довольствовался тем, что натягивал их, пытаясь приподняться, и вскоре у него это стало получаться. Упражнялся он молча, ожесточенно, скрывая свои занятия от сестры и врача. Для такой скрытности не было особых причин, но таков уж был его характер,— хотелось, чтоб и у него было что-то свое, недоступное другим.

Через четыре дня после того, как забилося его сердце, удалось вытащить правую руку из петли, сковывающей его запястье.

На следующий день он сумел протянуть правую руку к ремню, стягивающему левое плечо. Он долго возился, пытаясь пальцами расстегнуть его, потом еще дольше пытаясь застегнуть. Но застегнул он его так, что никто и предположить бы не смог, что он его расстегивал.

Еще через день ему удалось освободить обе руки. Теперь он мог опираться на них в своих упражнениях.

Спустя еще четыре дня он сумел ослабить ремень, стягивающий грудную клетку, и ему удалось приподнять тело на два сантиметра.

Обретенная свобода движения позволила ему лучше изучить палату. Вскоре он точно знал каждую деталь, знал, что над его головой в стену вмонтирован видеофон, а над ним два ряда люминесцентных ламп, что несколько медицинских приборов, назначение которых он пока не выяснил, расположены у него в ногах возле стены, и там же шкаф со стеклянными стенками, а внутри в ящиках серебристо отсвечивающие приборы и сосуды. К большому его сожалению, в палате не было окон. И невозможно

было установить, где он находится. Неоднократно пытался он нажать клавишу видеофона, но безуспешно: кровать была слишком далеко от стены.

Единственный участок, который он пока не в состоянии был осмотреть, находился под ним. Он решил исследовать его на ощупь. Рука нащупала какой-то ящик со множеством клавиш и кнопок, укрепленный на поперечной штанге. Недолго думая, он нажал на клавишу.

Под ним что-то тихо заурчало — пять секунд, не больше, — потом вновь стало тихо. Слева от него на стене, наполовину скрытой различными приборами, что-то изменилось, но он пока не понял, что.

Он убрал правую руку с клавишной панели и оперся на локоть, чтобы повернуться влево. Ему удалось это с трудом, ремень на груди был стянут, и он поспешно расстегнул его. Снова попробовал нащупать точку опоры, соскользнул, снова оперся на локоть и на несколько сантиметров продвинулся вперед. Внезапно сопротивление ослабло, плечо выскользнуло из углубления, и вот уже его голова над краем кровати. Быстро повернувшись влево, он бросил взгляд между приборами...

Сначала он ничего не понял. Только то, что снаружи была ночь. В слабом освещении заметна была часть широкого серебристого диска да сходящиеся к нему прямые серебристые лучи. На темном заднем плане видны были белые мерцающие точки — небо, под ним было темное звездное небо. У него внезапно закружилась голова, показалось, будто он падает в бездну. Ножки его кровати упирались в пустоту, и вместе с кроватью он падал в черную пропасть. Он потерял сознание.

Открыв глаза, он увидел перед собой полное дружеского участия лицо, чуть приоткрытый рот, светлые пряди волос.

— Крис, — прошептал он.

Вытянув руку, притянул ее лицо к своему. Оно было теплым и нежным, он прикрыл от счастья глаза, пальцы поглаживали ее светлые локоны на затылке. Ее рука гладила его волосы, виски. Потом она высвободилась, но какое-то время еще оставалась совсем близко, так что он даже не мог отчетливо разглядеть ее черты.

— Так это... значит... мы в космосе,— выдавил он.

— Я зашторила иллюминатор,— сказала она.— С нами ничего не случится. Мы на космическом корабле. В полной безопасности.

— Но... Земля?..

— Земля от нас далеко. Мы очень далеко удалились от нее... От Земли.

— Но что случилось?.. Что происходит?..

— Почему ты все время спрашиваешь? — В размытых чертах ярко выделились карие глаза. Мягкая рука легла ему на лоб. Взгляд у него стал молящим.

— Земля,— сказала она,— нашей Земли больше нет. Что от нее осталось — это океан горящей лавы и пепла. Шеф сказал, выгорел весь дейтерий. Что это значит, вам, наверно, лучше понятно, чем мне. Кто-то где-то применил супербомбу. Мы даже не знаем, кто. И начала гореть вода. Вся вода, что была на Земле. Ручейки, реки, озера, моря: Ученые утверждали, что это невозможно. Теперь все наверняка мертвы — никто и не понял, в чем было дело.— Крис подперла рукой подбородок и продолжила: — Я находилась над Землей на этом корабле, на расстоянии двадцати тысяч километров. Я видела, как это было. Пошло откуда-то слева, с восточного побережья Канады. В море это расплзлось, как красные чернила по промокашке. Там, где доходило до побережья, в материки врезались огненные языки, они разветвлялись, становясь все тоньше и тоньше — оранжевые, с ядовито-зеленой каймой. А потом был уже только белый жар. Я больше не могла туда смотреть — это было как Солнце. Мы задраили люки и помчались прочь от Земли.

Крис замолчала.

— Что было со мной? — слабым голосом спросил Фил.

— Вы тоже были на этом корабле. Без сознания. Вам повезло.

— Говори мне, пожалуйста, «ты», — попросил Фил.

— Ты был без сознания,— сказала Крис.— Тебе повезло.— Потом, помолчав, через некоторое время она добавила: — Я никогда не смогу ничего забыть. Это был конец. После такого все теряет смысл.— И,

вновь помолчав:— Я боялась говорить тебе...

Фил глубоко вздохнул. Чуть отдающий химикалиями воздух заполнил легкие, не ставшие еще в полной мере его собственными легкими.

— Молчанием ведь ничему не поможешь.

— Ты еще не понимаешь до конца,— сказала Крис.

— Возможно, ты и права,— ответил Фил.

Крис поднялась.

— Давай я снова затяну ремни. Может зайти доктор Миер. Ты не должен больше этого делать.— Она разложила, как положено, тонкие руки больного.— Ты мог бы просто погибнуть. Голова твоя свисала с кровати. Шланг, ведущий к аорте, был согнут и сильно сдавлен. Как можно быть таким легкомысленным! Людей сейчас осталось мало.

Теперь Фил мог спросить все что угодно, и он получил бы ответ, в этом сомнения не было. Но сначала ему надо было обдумать услышанное. Он покорно позволил ей делать все что нужно.

— Сейчас ты будешь облучаться,— сказала Крис.— Ультрафиолетовыми лучами. Это важно. Организм нуждается в них, чтобы восстановить ферментную систему. Пока ты еще питаешься внутривенно, но ведь рано или поздно начнет работать желудок. Постепенно мы перейдем к нормальному питанию. А это необходимая подготовка.

Она надела Филу очки с толстыми защитными стеклами, взяла за ручки металлический предмет, по-прежнему висевший над ним, опустила его вниз, потом включила прибор, и стекловидная поверхность внутри металлической сферы начала с тихим гудением раскаляться, словно наполняясь идущим изнутри светом. Свет будто инеем покрыл лицо и верхнюю часть туловища Абельсена, он словно окутал его мягким бархатным покрывом, который не грел.

Через пять минут сестра отключила прибор, отвела в сторону ультрафиолетовую лампу. Наклонившись к Филу, она бегло коснулась губами его губ.

— А теперь спи,— приказала она.

И вышла.

На утренней поверке майор сказал:

— Каждый день солдата — это подготовка к великой войне. Мы не знаем, когда нападёт враг, но мы готовы отразить это нападение. Когда бы он ни нанес первый удар, на удар мы ответим ударом. Мы будем сражаться, пока не победим или погибнем. Мы выполним наш воинский долг, отстаивая свободу и отечество.

Выстроенные шеренги замерли в едином порыве. Жесткие, целеустремленные лица были обращены к майору. Абель стоял рядом с Остином. Оба уставились на майора, не мигая.

— Мы должны постоянно работать над собой, чтобы сохранить максимальную боевую готовность. Мы должны неослабно бороться против внутреннего врага. Мы, солдаты, всегда смотрим только вперед. Ничто не может помешать нам исполнить свой долг. Вдумайтесь в это, соратники: ничто не мешает!

Впервые майор шевельнулся — он расправил плечи и теперь стоял прямее обычного, один среди плотной массы своих солдат.

— Каждый день может разразиться война. Мы должны быть готовы к этому. В любой момент. Возможно, война ближе, чем мы подозреваем.

Он замолчал. Солдаты не шелохнувшись ждали следующего приказа:

— Для приема таблеток разойдись!

Как нечто единое, слитное, выросли перед строем десять сержантов, они передали команду дальше. Залпы отрывистых слов громыкнули над строем. Неподвижность сменилась внезапной толчеей, наступил момент хаоса, бессмысленной давки и толкотни, солдаты рассредоточились, исполненная долга целеустремленность и автоматическая готовность все приказы исполнять бегом способствовали мгновенной перестройке рядов — выстроившись елочкой, взводы готовы были разойтись в разных направлениях.

Всякий день начинался в точности, как другие. Все

приказы звучали одинаково, не было различия между вчера, сегодня, завтра. Или все-таки было?

Абель слышал волнение в голосе майора, предрекающего им скорую войну. Часто ли прежде он говорил об этом? Абель не помнил. Уголкем глаза он наблюдал за майором...

И все-таки отличие было. Майор стоял не один — десять сержантов выстроились перед ним в ряд. Он что-то говорил, но только сержантам, мегафон был отключен, майор держал его в руке.

И еще одно отличие. Когда они выстроились для приема таблеток, рядом с круглыми раздаточными отверстиями склада медикаментов стояли сержанты.

Когда из желобка вылетел целлофановый пакетик, Абель почувствовал на себе взгляд сержанта. Медленно, чтоб выиграть время, он разорвал пакетик, сунул в рот одну таблетку за другой, в том числе черную; пришлось держать ее под языком, пока он снова не стал в строй. Лишь тогда он ее выплюнул.

Итак, у них возникли подозрения. В таком случае у него не так уж много осталось времени. Но ему и не нужно было теперь много времени.

Стрельбище находилось на краю учебного плаца. Мишени развешаны были на стене, их обрамляло довольно сложное устройство, позволявшее после каждого выстрела опускать мишени вниз и контролировать точность попадания. После чего большие, светящиеся цифры на черном табло слева демонстрировали количество выбитых очков. В пятидесяти метрах от мишеней находился огневой рубеж, откуда производились выстрелы.

Сейчас перед ним стояли десять солдат из пятидесяти шестого взвода.

— На огневой рубеж, марш!

Они бросились вперед, легли, заняли позицию.

— Всем построиться, быстро!

Капрал стоял на сухой бетонной дорожке. Солдаты — в жидкой грязи. Во всех ямках, углублениях стояла вода.

— На огневой рубеж, марш!

Они бросились врассыпную. Брызги воды. Комья грязи. Форма залеплена грязью и глиной. Гроыхнул артиллерийский залп, в тот же миг они рухнули на землю, заняли позицию.

— Слишком медленно! Всем построиться! Кругом, марш! Воздух, всем в укрытие! Встать, бегом марш! Воздух! Встать, бегом марш! Отделение, кругом! Воздух, в укрытие!

Земля была мягкой. Лежать было хорошо. Но форма, намокая, становилась все тяжелее. На коленях и локтях она давно уже промокла насквозь. Лица измазаны глиной.

— Встать, бегом марш! На огневой рубеж!

На ходу они извлекали пистолеты. Падая, тут же изгибались к стрельбе.

— Стреляем по мишеням,—сказал капрал.— Каждому пять выстрелов. Арчи пятьдесят шесть дробь один начнет. Считаю: раз, два, три, огонь! По команде «огонь» — стрелять. Внимание: раз, два, три, огонь!

Прогремел первый выстрел. Мишень опустилась. Слева зажглась цифра «три».

Арчи попробовал успокоиться. Примерился, тщательно прицелился, спустил курок. «Два». Потом он выбил «семерку», «четверку» и снова «четверку».

Капрал взревел:

— Это скандал! Хлопушка чертова! Баран! Арчи! Доложитесь во время дневной поверки! Ясно?

Арчи вскочил:

— Так точно, господин капрал!

— Слушаюсь, господин капрал! Так следует отвечать! — Капрал рычал в мегафон как зверь. — Почему отвечаете шепотом? У вас что, легкие слабые? А может, дух захватило? Тогда потренируйтесь — сто приседаний. Руки перед собой! Начали!

Некоторое время капрал наблюдал за ним. Потом вздохнул:

— Следующий! Адам пятьдесят шесть дробь два! Вы стреляете лучше. Поняли? Я приказываю стрелять лучше, наш взвод должен показать лучший результат. Это приказ. Все поняли?

Они мгновенно вытянулись, будто кто-то дернул их за невидимую веревочку.

— Так точно, господин капрал.

— Хорошо,—сказал капрал. Он разглядывал свой взвод. Подбородок выдвинут вперед. Он резко поворачивал головой, переводя взгляд с одного на другого.

— На огневой рубеж! Кто не выбьет лучший результат, чем этот,—он презрительно показал на Арчи,—с тем я разделаюсь как следует. Это я обещаю. Итак, Адам! Внимание! Раз, два, три, огонь!

Адам стрелял лучше, но тоже не очень хорошо. Подошел черед следующего.

Выстрелы следовали короткими сериями. Медленно приближалась очередь Абеля, седьмого в ряду.

В магазине у Абеля было пять патронов, но он не собирался расстрелять их все. Патроны нужны были для другого. Трех попаданий в мишень вполне должно было хватить.

— Абель пятьдесят шесть дробь семь. Покажите свое мастерство!

Абель был хорошим стрелком, и капрал ждал от него многого. Но сегодня Абелю придется его разочаровать. Два выстрела мимо мишени — по меньшей мере два часа дополнительных упражнений. Но он займется этим с удовольствием.

— Внимание! Раз, два, три, огонь!

Первый выстрел как обычно. «Десятка». Он взвел курок и вновь прицелился. Капрал стоял достаточно далеко. Сейчас Абелю придется рискнуть...

Огневой рубеж далеко вытянулся в длину. Всего сто мишеней. Сто человек выполняли упражнение вместе, в лучшем случае десять из них получали команду «огонь» одновременно. Выстрелы раздавались непрерывно, когда ближе, когда дальше. Треск выстрелов прочно врезался в сознание Абеля. Прежде, до обретения собственной воли, Абель испытывал удовольствие, представляя себе на досуге стаккато пистолетных выстрелов; такое же удовольствие доставляли ему грохот марширующих колонн, хриплые, отрывистые приказы. Сегодня для него это было невыносимо.

Он знал закон пистолетной стрельбы. Крайне редко звучал одинокий выстрел, чаще это были два выстрела, один за другим, еще чаще — три выстрела. Четыре выстрела подряд звучали уже намного реже, еще реже — более длинные серии.

Абель ждал отдельного выстрела, и как только после короткой паузы выстрел прозвучал, он положился на судьбу: выстрел должен был открыть очередную короткую серию, — и он оказался прав. Он сделал вид, будто нажал курок, дернул рукой, будто от отдачи, и снова взвел курок.

Мишень пришла в движение...

Да, мишень опускалась — он не мог понять почему: ведь он не сделал выстрела. Он покосился на капрала... глаза его были прищурены, он ждал результата.

— Очень прилично, Абель, — произнес он.

Абель глянул вперед: там светилось «двенадцать». Неужели по рассеянности он нажал курок? Он собирался повторить трюк при следующем заходе, но сейчас осторожность уже не имела смысла. Один выстрел он сделал нормально и выбил «девятку». Два последних он только изобразил: результаты были «десять» и «восемь».

Абель не мог понять, что произошло. Он верил в успех придуманного им трюка, он положился на то, что выстрелы шли сериями, и учел миниатюрный микрофон за ухом капрала, ослаблявший его слух, он готов был понести наказание за два промаха. Но необъяснимым образом все удалось даже лучше, чем он предполагал. Он не стал дальше ломать себе голову. Главное — все удалось.

После него стреляли еще трое, но он не прислушивался к стрельбе. Извлек из магазина три неизрасходованных патрона, теперь они, маленькие и твердые, лежали в его ладони — крошечные, металлические цилиндры, несущие боль и кровь. Он держал в руке смерть. И впервые с тех пор, как помнил себя, он был счастлив.

Когда после обеда они вернулись в казарму, их встретил невиданный хаос. Все шкафчики были открыты и сдвинуты с мест; содержимое в беспорядке валялось на

полу — плащи, брюки, куртки, шапки, парадная форма, которую надевали по воскресеньям, заучивая вслух уставочные тексты на неделю, а еще на парад, который принимали майор и унтер-офицеры; ранцы, противогазы, палаточные брусья, полотенца, мыльницы, нижнее белье, спортивная форма, сорочки — словом, весь скудный и однообразный солдатский скарб. Ящики с сапожными и одежными щетками были раскрыты, щетки, тряпки, тюбики валялись повсюду. Даже одеяла, подушки, матрацы валялись рядом с кроватями, чьи пустые металлические каркасы непривычно возвышались в помещении.

Сержанты провели инспекцию. В солдатских мозгах заработала мысль о возможных ошибках, упущениях, недочетах. Все ли стояло на положенном месте? Все ли было чистым? Хотя они постоянно принимали возможную инспекцию в расчет и, убираясь, старались соблюдать предписанный порядок, всех не оставляло чувство вины. Каждый знал: сержанты всегда и везде найдут что-нибудь такое: засохший комок на башмаках или на одежде, грязный отпечаток на пряжке ремня, неправильно сложенное одеяло, скрипящую дверцу шкафа — что-нибудь, о чем никто не подумал и что могло оказаться решающим, ибо ничтожный, крошечный беспорядок нарушал порядок целого. Грязная бахрома на спортивных брюках вносила беспорядок не только в службу отдельного солдата — она вносила беспорядок в жизнь взвода, роты, всей казармы. И наказание должно было быть соответствующим.

Солдаты метались по помещению. У них было десять минут, чтобы навести порядок, потом придет капрал, и им надлежит быть в постелях, а одежда должна быть аккуратно сложена на табуретках.

Абель тоже не мог избавиться от общего страха. Хотя он сделал все, чтобы подозрение на него не пало, ни в коем случае, но сейчас, разбирая, как и все остальные, предметы своего нехитрого обихода, он под тяжестью страха и чувства вины отчетливо представил вдруг возможные огрехи своего плана, собственную небрежность: распоротый шов, стекловата, вылезавшая из матраца, тайник.

Разумеется, тайник был пуст. Части пистолета давно

уже находились в надежном месте на учебном плацу, украденное мыло он уже расплющил, и теперь оно лежало тонкой прокладкой на внутренней стороне его каски, а каска была на нем, и три боевых патрона он спрятал под подкладкой кармана. Он чувствовал их изнутри сквозь тонкую ткань. Если бы что-то произошло, если наметилось бы дальнейшее расследование, личный досмотр с перетряской одежды, он просто проглотил бы их. И все-таки возникали сомнения, а вдруг они нашли распоротое место в матрасе, а вдруг уловили тут взаимосвязь? Абель рисовал себе мрачные картины: вот капрал объявляет обнаруженные нарушения и назначает строгое расследование, штрафную службу, гауптвахту, быть может, специальный медицинский тест с помощью аппаратуры. Тогда все его надежды и мечты пойдут прахом. Майор сможет торжествовать. От этой мысли все внутри сжалось. Он вдруг ощутил, как невыносимо давит воротник шеи. Ожидание делалось невыносимым.

На мгновение его охватило страстное желание бежать, скрыться где-нибудь в надежном месте, переждать поверку в отдаленном окопе на плацу, подальше от всех их досмотров. С трудом подавил он это желание. Оно было лишено смысла. В настоящей безопасности он был только среди других. Он постарался побороть засевший в нем страх, сосредоточившись на собственном плане. Только не поддаваться! Железное самообладание, которому научили его начальники, должно теперь обратиться против них, против всех, кто обожествляет майора. Борясь с ним, он боролся с системой.

Порядок был восстановлен, шкафчики поставлены на места, одежда развешана, несколько солдат уже разделились и теперь складывали одежду на табуретках. Абель схватил веник с совком и принялся подметать. Мусора было не так уж много, лишь несколько свежих кусочков грязи, только что принесенных с улицы, но подмести было нужно, и для него это была возможность остаться на короткое время одному. Он опрокинул содержимое совка в ведро, отнес ведро к боковой стене барака, там стояли ящики с мусором. Осторожно приподнял крышку... вблизи никого не было... Низко наклонившись, он снял каску

и отковырнул расплющенное мыло. Оно ровно распределилось по поверхности, он быстро извлек его. Не прошло и пяти секунд, как каска снова была на голове, и он направился в барак. Мыло теперь лежало в кармане.

На обратном пути необходимо было еще кое о чем позаботиться. Он остановился, прислушиваясь, под дверью. На ней висела, как на всех других дверях, рамка, открытая сверху и обрамленная с боков округлой пластмассовой дугой. В каждую рамку всунут был кусок желтой четырехугольной фольги, на которой черным выбит номер помещения. Абель быстрым движением выхватил фольгу, сунул под куртку и зажал под мышкой. Вернувшись к товарищам, он поставил мусорное ведро на положенное место. Потом подошел к шкафчику, снял башмаки, наскоро почистил их и поставил на нижнюю полку. Коробку с сапожным кремом он зажал в руке и еще взял полученный вчера кусок мыла. Сделав вид, будто ему нужно поправить еще что-то на постели, он поднялся наверх. Он был бос, но остальная одежда еще была на нем, укрывшись наверху от посторонних взоров, он сунул оба куса мыла, банку с сапожным кремом и фольгу под одеяло. Теперь у него было все для самых последних приготовлений.

Капрал не заставил себя ждать. Бегло осмотрел комнату. Один из солдат шевельнулся под одеялом, и капрал тут же заметил это. Он крикнул:

— Эй, парень, сейчас послеобеденный отдых! У вас приказ — спать! Но вы, должно быть, не устали? Вон из постели, Аллан! Поскольку вы так бодры, даю вам возможность подвигаться. Пятьдесят кругов вокруг казармы. Начинай, дырявый мешок!

Он шумно прохаживался среди кроватей.

— Как вы сложили одежду, Адам! Вон из кровати! Взгляните на это! — Ногой он смахнул одежду с табурета. — Сложите аккуратно свои шмотки! И побыстрее!

Адам повиновался.

— Слушайте все! — сказал унтер-офицер. — Сегодня была произведена инспекция комнат. Майор проводил ее лично. И знаете, что он обнаружил? — Он раскрыл записную книжку. — Арчи пятьдесят шесть дробь один. Вы...

Вы знаете, кто?.. Под вашим шкафом полно пыли. Кроме того, на сапоге оторвалась подметка. Лежите, мы поговорим позже!

— Аллан! Где он? Ах да, бегают кругами! Антон! На ваш противогаз посмотришь — блевать хочется. Тупая скотина! Сколько недель вы его не чистили! Стекла чем-то залеплены. Фильтр воняет. И еще на вашей форме не хватает пуговицы. Альберт...

Все это было скверно, но Абель чувствовал себя увереннее по мере того, как капрал подбирался к нему. Майор проявил поразительное внимание. Ничто не укрылось от его взгляда. Он испугался? А может, почувствовал угрозу? В массе замеченных недостатков промахи Абеля должны затеряться.

— Абель пятьдесят шесть дробь семь. Вы, идиот, храните мыло в сапоге. Может, вы рехнулись? А для чего вы используете мыльницу? Болван! Ваша одежная щетка заросла грязью. В вашем матрасе — дыра. Почему вы не доложили об этом? Остин...

Пронесло. Дыра в матрасе — мелочь. Но мыло в сапоге! Он забыл об этом, совершенно забыл. Это было потрясающее открытие: и он может что-то забыть. И он совершает ошибки. Человек, которым стал Абель, перестав принимать одурманивающие средства, совершил ошибку. Теперь придется защищаться не только от других, но и от себя самого.

— Я еще не закончил, — сказал капрал. — У меня еще одно сообщение. На складе украден карманный фонарь. Он найден за соседним бараком, засунутым в водосточную трубу. Кто знает, как попал туда этот фонарь? Кто видел что-то подозрительное?

Стало тихо. Никто не осмеливался шевельнуться. Произошло что-то чудовищное. Саботаж. Любое движение сейчас, после сообщения унтер-офицера, могло вызвать подозрение.

— Так никто ничего не видел?

Остин. Это, конечно, Остин. Абель бросил свой фонарь в шахту для мусора, в эту закрытую крышкой яму сбрасываются все отходы; с шумом падают они в глубину. Однажды, опустошая мусорный бак, Абель заглянул

туда — жидкость растворяла любые предметы за несколько секунд. Там шипело и булькало, а потом ни следа от мусора не оставалось. Он посоветовал Остину сделать то же самое, но этот дурак не пошел с ним, когда они возвращались в барак. Только теперь Абель узнал, что тот делал.

— Майор приказывает доложить о самых незначительных наблюдениях.

Капрал сделал паузу. Потом сказал:

— Если кто оказался соучастником, но доложит об этом сейчас, он освобождается от наказания. Никто ничего не вспомнил?

Молчание.

— Майор великодушен. Если кто что-нибудь заметил, он должен был доложить об этом сразу. И все-таки он не будет наказан.

Вновь он сделал паузу.

— Кто доложит нечто, способствующее расследованию, сходит разок к ангелам.

Слова эхом отдались в помещении, ударили в голову. Их даже никто сразу не понял.

Капрал повернулся на каблуках и вышел из барака.

Наверно, никто из солдат сегодня не смог скоро уснуть. Абелю пришлось действовать чрезвычайно осторожно. К счастью, не надо было делать ничего такого, что производило бы шум. Он увлажнил маленькие кусочки мыла слюной и принялся мять их под одеялом один за другим, пока они не стали эластичны и не соединились в один кусок. Для ствола этого было достаточно. Теперь он добавил немного сапожного крема. Украдкой он несколько раз извлекал кусок из-под одеяла, чтоб убедиться, что краска нанесена равномерно и достаточно плотно. Постепенно масса приобрела тот оттенок, какого Абель и добивался, — матовый блеск металла.

Когда, к его радости, это удалось, он скатал массу в тонкую колбаску, чтоб потом завернуть ее в фольгу. Быстрыми, ловкими движениями раскатывал он массу, сильно сдавливая руками, так что диаметр ее постепенно уменьшался, пока не получился нужный размер пистолетного ствола.

Вновь Абель откинул одеяло, испытующе разглядывая дело рук своих. Получилось чересчур длинно. Он откусил по кусочку с обоих концов, потом отполировал ствол об остов кровати. Еще раз проверил результат: со стороны отличить имитацию от настоящего пистолетного ствола было невозможно.

Окончательно он завершил свои приготовления при чистке оружия. Всего несколько движений рукой — это было даже легче, чем утаивание в каждый из предыдущих дней одной части пистолета. Не было даже необходимости особенно прятать муляж. Слегка прикрытый рукой, он выглядел частью пистолета. Внешнее подобие стало почти полным, когда Абель палочкой, служащей для чистки ствола, продырявил в мыльной массе отверстие — входное отверстие ствола. Не сомневаясь в удаче, Абель сунул муляж в карман, дожидаясь заключительной проверки. На сей раз не нужно было даже подводить товарища, чтоб разыграть отвлекающий маневр. За спиной он ослабил винт, отделил от пистолета настоящий ствол, вставил свою самоделку, снова затянул винт, мыльная масса легко поддалась его действиям.

Капрал ничего не заметил, принимая у Абеля пистолет. Ничего не подозревая, он сунул его в боковое окно склада. Настоящий ствол Абель спрятал под подкладкой куртки.

10

Понятно, что рассказ сестры вызвал у Фила подобие шока, но, проанализировав собственные ощущения, он понял, что вовсе не утратил от этого вкуса к жизни. Не стало это помехой и в тайных его упражнениях.

Как и раньше, его чрезвычайно занимал ящик с клавишами и кнопками. Похоже, Крис не рассказала главному врачу о случившемся, и это наверняка было против правил; Филу не хотелось втягивать ее во все новые конфликты, и он не стал расспрашивать о назначении отдельных кнопок. Но как только представилась возможность, он попробовал нажать одну за другой; оказалось, они помо-

гали, не вставая с постели, менять кое-что в палате: открыть или зашторить иллюминатор, сделать воздух теплее или, напротив, прохладнее, включить и выключить вентилятор, подрегулировать освещение. Кнопок с более сложным назначением обнаружить не удалось.

Потом Фил открыл, что кровать его на колесиках и, освободив тормоз, можно чуть-чуть передвигаться. Вращая колесико вниз, можно было, словно в коляске, катиться вперед и назад, правда, лишь настолько, насколько позволяли тянущиеся от приборов провода и трубки.

Предметом особых его усилий был видеоаппарат. Он пытался подкатить кровать ближе, и наконец это удалось — пришлось, правда, чуть подтащить за собой пульт со шкалой и экраном кардиографа.

Сначала он дотянулся до доски, висевшей рядом с телеэкраном на крючке. На ней записано было несколько номеров: центральный узел — 006, шеф — 011, канцелярия — 283, дежурная ночная сестра — 268, и еще какие-то, интересные для него лишь тем, что их он не стал бы набирать ни при каких обстоятельствах. Наконец он нажал кнопку включения и прислушался. Тихий писк подтвердил, что аппарат включен. Фил выбрал наудачу номер 631 и с усилием повернул диск: 6-3-1. Он внимательно смотрел на экран, но тот остался темным. Может, номеров было не так много?

Он набрал 531, потом 431 — без успеха. Наконец пошел по восходящей от 431: 432, 433, 434 и так далее. Попытав счастья с большими номерами, он уже готов был отказать от своих попыток, но экран вдруг засветился.

— Да? — услышал он мужской голос.

— Кто говорит? — спросил Фил.

— Гас Морлей, — с готовностью ответил мужчина. Но на экране не появился.

— Я — Фил Абельсен, пациент, — представился Фил.

— Парень, я сойду с ума! — раздалось из динамика. — Пациент — какое счастье! Я давно уже не пытаюсь ни с кем связаться!

— Вы тоже ранены? — спросил Фил.

— Можно и так это назвать. Ампутация обеих ног. Сейчас они пришили мне новые. А у тебя что?

— Мне угодило прямо в грудь. Пока прикован к постели. Поэтому не могу показаться.

— Я тоже пока не встаю. Но главное, есть еще кто-то, кроме меня.

— Как это понять? — спросил Фил. Он наконец подрегулировал громкость и теперь мог удобно беседовать лежа.

— Другие, наверно, поправились. Больше я ничего о них не слышал. Да и кто вспомнит калеку, когда сам уже на ногах?

Фил раздумывал, знает ли его собеседник о происшедшем. Осторожно он осведомился:

— Вы знаете, где мы находимся?

— На космическом корабле. Ты этого не понял?

— Понял, — ответил Фил.

— Самое худшее для нас позади. Мы в безопасности. Где-нибудь устроим новую жизнь.

— А Земля?

— Наплевать и забыть. И слава богу, что взорвалась. Всю жизнь мне было там тошно. А сейчас впервые хорошо.

— А где другие?.. Те, что поправились?

— Не знаю. Шеф мне об этом ничего не говорил. А с ним иногда можно потолковать. Благородный человек. Но моя сестричка... Лимон покажется сладким в сравнении с этой тухлой тощей макарониной.

— А моя мила, — сказал Фил.

— Значит, повезло. У моей явно не все дома. Захочешь поговорить с ней, она тут же в слезы и все рыдает о Земле.

— Теперь мы должны закончить разговор, — сказал Фил. — Не знаю, разрешены ли они здесь, не хочу, чтоб меня засекли с первого раза. У меня нет часов. Как узнать, что наступила ночь, когда мне никто помешать не сможет?

— Сейчас четыре часа пополудни, — сказал Гас. — Нужно набрать 222, и магнитофон сообщит точное время. У тебя какой номер?

Фил еще не подумал об этом, теперь он осмотрелся; ведь где-нибудь он должен быть. На глаза ему попалась

доска, он взял ее в руки, принялся внимательно разглядывать. На оборотной стороне увидел цифры 4-1-2.

— Думаю, что 412,— ответил он.

— А мой 447. Всего хорошего. Я с тобой соединюсь.

— Прекрасно! — ответил Фил. — Желаю быстрее поправиться! До свидания!

Вскоре в палату вошла Крис. Она принесла с собой пластиковую флягу, из которой Филу разрешено было выпить немного теплого сладкого раствора. Впервые после ранения он мог что-то выпить сам. Он не знал, как до этого питался, должно быть, с помощью трубочек, что подведены были к животу.

Подслащенная водичка была для него сейчас лучшим в мире напитком, но его тут же вывернуло. Крис привела его в порядок, потом подготовила к облучению кварцем.

— А что происходит с теми, кто уже поправился? — поинтересовался он.

— Не знаю, Фил,— ответила Крис.

— Что-то плохое? — допытывался он.

— Я правда этого не знаю,— заверила она. — Шеф не так уж много разговаривает с нами. Он презирует женщин. Возможно, если его спросишь ты, тебе он ответит.

— Но откуда я узнаю, что он сказал правду?

Фил лежал под ультрафиолетовыми лучами, глаза его были закрыты очками.

— Сколько людей на космическом корабле? — спросил он.

— Должно быть, больше тысячи.

— И все раненые?

— Большинство раненых. Доктор Миер с несколькими ассистентами лечил их, мы, четыре медсестры, ухаживали за ними, и еще несколько здоровых мужчин, в основном члены экипажа, помогали нам.

Фил вновь вернулся к своему вопросу:

— А что с этими людьми сейчас?

— Они находятся в другой части корабля. Нам, сестрам, ходить туда запрещено.

— И ты никогда не задумывалась, что с ними? Никогда не пыталась заглянуть туда?

Крис вздохнула.

— А почему я должна задумываться? Здесь медсанчасть космического корабля, и это мое рабочее место. Я медсестра, а не солдат и не шпионка. Мое дело заботиться о больных.

— А когда я поправлюсь?

Крис стояла в изножье его постели, она ничего не ответила.

— Что будет, когда я поправлюсь? — настойчиво спрашивал Фил.

— А чего ты, собственно, ожидаешь? — тихо спросила девушка.

Теперь уж Фил задумался над ответом. А чего он, действительно, мог ожидать? На что рассчитывал? Что должно с ним произойти? И что у них запланировано? Какой во всем этом смысл?

— На борту корабля больше тысячи мужчин, — продолжила Крис. — И всего четыре девушки. Ты думаешь, я смогу остаться с тобой?

Крис была права. Такое ему и в голову не пришло. Это была чрезвычайная ситуация, и он не знал, какие здесь возможны решения. Знал ли их доктор Миер?

— Кто еще находится на борту... кроме бывших и нынешних пациентов, четырех сестер и главного врача? Есть ли командир корабля, офицеры, экипаж?

— Доктор Миер — командир корабля. Это один из лучших, самых современных кораблей, что когда-либо были построены. Почти все функционирует автоматически. Доктор Миер — самый главный начальник. Его слово — закон для всех.

Постепенно до него начал доходить смысл ее слов. Никто был высшим начальником для тысячи человек; в общем, ничего особенного здесь не было. Но люди эти были отрезаны друг от друга, разобщены, возможно, они вообще считали себя одинокими; тогда дело принимало уже другой оборот: врач получал неограниченную власть над человечеством, превращался в императора, в бога. А девушки? Фил боялся додумать до конца эту мысль. Он поднял глаза. Крис сидела в кресле у стены, понутив голову. Сквозь толстые стекла очков он не мог ясно ее разглядеть, но ему показалось, будто она плачет. Он вновь прикрыл

глаза. Все в нем восставало против собственных догадок. Больше он ничего не спрашивал, не хотел напрасно волновать девушку. Надо было как-нибудь ее успокоить, но нужные слова не приходили.

Поздним вечером он набрал номер Гаса Морлея... Никто не отозвался, хотя он ждал достаточно долго. И тогда он нажал кнопку на проводе, все еще лежавшем возле правой его руки.

Вскоре скрипнула дверь, вошла Крис:

— Ты плохо себя чувствуешь?

Он подождал, пока она закроет дверь, потом спросил:

— Где Гас Морлей?

Она недоуменно взглянула на него.

— Что ты сказал? Кто это?

— Я хочу знать, где сейчас Гас Морлей! — сказал Фил. — Это другой пациент, я сегодня разговаривал с ним по видеосвязи. Теперь его там больше нет. Никто не отвечает по номеру 447. Где он?

— Я его не знаю, — сказала Крис, — и не знаю, где он.

Фил нетерпеливо взмахнул рукой.

— Ты не знаешь этого. Хорошо, я верю тебе. Но почему ты все принимаешь с готовностью? — Он говорил громче обычного, с трудом заставил себя успокоиться, но уже на следующей фразе снова сорвался: — Так сделай что-нибудь! Оглядись! Поговори со своими друзьями! Иди, расскажешь мне потом, что узнала. Слышишь? Иди и возвращайся скорее.

Крис не возразила ни единым словом. Возбуждение Фила передалось и ей. Она направилась к двери и вышла.

Хотя она вернулась через пять минут, Фил еле мог сдерживать свое нетерпение.

— Ну, выяснила? Что с ним?

Девушка запыхалась от бега. Она перевела дыхание, прежде чем ответить.

— Ничего особенного. За ним ухаживала сестра Магда. Его выписали как выздоровевшего.

— Но он не поправился, — сказал Фил. — Сегодня после обеда он еще не мог вставать. Что с ним случилось?

— Неужели что-то плохое? — спросила Крис. — Никто из нас прежде не думал ни о чем таком.

Теперь уже заговорил Фил — спокойно, тщательно продумывая слова:

— Не обязательно что-то плохое, Крис. Но нужно знать, что. Когда человек не задумывается над тем, что происходит с другими, он ставит крест и на себе самом. Тогда не остается ничего, как только смириться. Вот почему я хочу знать, что произошло с Гасом и остальными. Не потому, что я предполагаю что-то ужасное, просто хочу представить, что здесь творится.

Крис кивнула, однако у Фила не было ощущения, что она его поняла.

— Подойди ко мне, — сказал он, протянув правую руку. Она взяла ее, и он привлек ее ближе. У постели она села на табуретку.

— Я обдумывал наше положение, — продолжил он. — Оно не из приятных, хотя ничто не доказывает, будто его нельзя изменить.

— Но как? — спросила Крис.

— Пока не знаю, как, — ответил Фил. — Но хочу узнать. Поэтому надо что-то делать. Или ты считаешь, что все в порядке?

Крис покачала головой.

— Когда человек получает неограниченную власть и воля его становится единственным законом, это никогда не кончается добром. Мне не ясны цели главного врача — его трудно понять. Но он не патриарх, считающийся с желаниями своих сородичей. Если он что-то заберет в голову, он проведет это любой ценой.

Длинная речь потребовала от Фила большого напряжения сил, но он словно не замечал этого. Уверенным голосом он продолжил:

— Кто позволяет вызревать подобным вещам, никак им не противодействуя, делается соучастником. Можно считать, будто все позади и все решено, — но ничего ведь не решено, пока существует хоть один, сопротивляющийся насаждаемому порядку. И я пока еще существую. Крис. Пусть я беру на себя слишком много. Я ведь ранен,

болен, слаб, прикован к постели. Но я верю в себя и готов бороться. Ты хочешь мне помочь?

— Если смогу — да. Пусть даже это бесполезно, хуже не будет.

— Хорошо. Ты знаешь, когда доктор Миер ложится спать?

Крис помедлила с ответом. Потом сказала:

— Около полуночи. Иногда позже.

— Тогда слушай внимательно! Ты выжидаешь до трех часов ночи. Потом отправляешься в ту часть корабля, где находятся остальные. Посмотришь, что они делают, в каком они состоянии.

Крис резко вскочила.

— Но, Фил, я не смогу!

— Почему? — жестко спросил он. — Разве эти помещения заперты или как-то защищены?

— Я не знаю, но...

— Ты пыталась?

— Нет, но...

На мгновение Фил вышел из себя. Он вскинулся так резко, что жалобно скрипнула кровать, звякнули пробирки в стенном шкафу.

— Проклятие! Тогда я пойду сам... Не важно, что потом со мной будет... Если никто ничего не делает...

Он высвободил правую руку из петли и уже готов был расстегнуть ремень, стягивающий грудь. Крис удержала его руку, отвела в сторону. Мускулы его достаточно окрепли, и ей пришлось собраться с силами, чтоб утихомирить его. Но сил хватило ненадолго. Потратив столько энергии, он смертельно побледнел, его охватил озноб, но он все еще сопротивлялся, когда она затягивала ремни. Тяжело дыша, он лежал, повернув голову к стене.

Крис погладила его по волосам. Потом сказала:

— Я сделаю это.

Она ждала. Он медленно повернулся к ней лицом.

— Я это сделаю, Фил, — сказала она.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь уходи. Нехорошо, если кто-нибудь застанет тебя здесь.

Постояв мгновение, она вышла.

Фил не мог заснуть, хоть и пытался расслабиться. Он больше не принимал болеутоляющие средства, ему приятно было чувствовать собственное тело. Сердце билось сильно и равномерно — ему нравилось вслушиваться в эти ровные удары. Дыхание тоже было ровным; лишь иногда пронзала межреберная колющая боль. И вообще что-то вздрагивало порой в его теле без видимой причины, тянуло или щемило, потом так же неожиданно отпускало. В желудке чувствовалась непонятная тяжесть, время от времени перемещающаяся. Иногда судорогой сводило мускулы, и тогда он приподнимался, несмотря на врезающиеся в кожу ремни, пробовал повернуться на другой бок. Хуже всего был зуд: то и дело где-нибудь, обычно там, куда он не мог протянуть руки, начинало чесаться и кусаться, потом это прекращалось и тут же начиналось в другом месте.

Естественно, он размышлял о своем положении, но не мог прийти ни к какому решению: мысли его блуждали по кругу. Когда наконец он провалился в беспокойный сон, скрипнула дверь — перед ним стояла Крис.

— Ну, что видела? Как дела? Рассказывай скорей!

— Я нашла их, — сказала Крис. Как прежде, она усе-лась на табуретку у постели Фила. — Космический ко-рабль — это прежде всего центральная цилиндрическая часть. В одном конце нечто вроде навигационной рубки — с радиопередатчиками, принимающими устройствами, радиолокаторами, термодетекторами и тому подобными вещами. В средней части находится реактор, за ним хра-нилище рубидия, потом идут испарительные камеры и ио-низационная установка, на другом конце ионные двигате-ли.

Пока она переводила дыхание, Фил, пораженный, спросил:

— Откуда ты это знаешь? Все технические детали?

— Очень просто. Я не могла заснуть, а время тяну-лось невыносимо медленно. Тогда я пошла в читальный зал и отыскала микрофильм с информацией о корабле.

Фил кивнул. Посеянные им семена давали первые всходы.

— Вокруг центральной цилиндрической части расположены концентрические кольца. Всего три. Они связаны друг с другом переходами. Они словно образуют конус, раскрытый вперед. Представляешь? С центральной цилиндрической частью это выглядит как волчок.

Фил вспомнил то, что видел сам.

— И в кольцах жилые отсеки? — спросил он.

— Да. Мы сейчас находимся в среднем — это медсанчасть. Во внешнем находится жилой отсек, там помещаются медсестры и шеф. Когда у нас было много раненых, мы на время большинство помещений переоборудовали под палаты. Но теперь они пусты. В этом кольце — мы называем его третий этаж — есть гостиная, есть общие помещения с баром и маленьким салоном для танцев, есть кино- и видеозал, читальный зал, душевые, столовая. К столовой примыкает кухня и продовольственный отсек. Все вещи не самой первой необходимости расположены на первом этаже, во внутреннем кольце.

— И все это вращается, — сказал Фил, это был не вопрос, а скорее констатация.

— Да, вращается, — подтвердила Крис. — В результате во внешнем кольце создается нормальная сила тяжести, во внутренних кольцах она чуть меньше.

— Я заметил это, но не сразу, — сказал Фил, — а когда впервые попробовал по-настоящему сесть. Заметил, что у нас здесь сила тяжести меньше. А когда я смотрел наружу, мне казалось, что звезды вращаются.

— Кольца соединяются шахтами. Там лифты. Прежде я никогда не бывала на первом этаже. Зачем мне складские помещения?

Фил молчал, и Крис сделала небольшую паузу, у него возникло впечатление, будто она намеренно затягивает рассказ, будто что-то мешает ей перейти к сути.

— Итак, ты спустилась на первый этаж, — сказал он, побуждая ее говорить дальше.

Погруженная в свои мысли, Крис разглаживала складки на простыне, обтягивающей надувной матрац.

Потом снова заговорила:

— Я спустилась на лифте. Это удивительное чувство, когда едешь на лифте. Он приходит в движение, как обыч-

ный лифт, и ты чувствуешь толчок. А потом возникает ощущение, будто он замер, хотя на самом деле он движется, и когда наконец он вправду останавливается, чувство такое, будто летишь в бездну, глубже и глубже. Это чувство остается надолго, даже когда выходишь. Из лифта я попала в коридор. Все в точности как на втором и третьем этажах. Множество дверей справа. А слева огромные иллюминаторы. Сквозь них видна корма, а за нею вдали Земля, Солнце. Землю видно до сих пор. Она самая яркая звезда в той части неба.

Крис взглянула на ручные часы.

— Мне нужно спешить. Так вот, я вошла в коридор и заглянула наугад в несколько отсеков — внутри были запасы, емкости самых немыслимых форм, картонные и пластмассовые упаковки, стекло, а еще крупные предметы, детали каких-то машин, несколько тракторов, катера на воздушной подушке, они упакованы целиком, и еще несколько огромных предметов, разобранных на отдельные части. Должно быть, это краны, конвейеры, машины с горючим и тому подобное.

— Дальше, — настаивал Фил, когда Крис вновь сделала паузу. — Ты нашла их там, внизу, рядом со складами?

— Да, — сказала Крис. — Но это... это что-то призрачное. Я ужасно испугалась... но это ведь не обязательно что-то плохое. Просто я не сразу поняла...

— Что это было? — нетерпеливо перебил Фил.

— Я подошла к двери. Открыв ее, я тут же увидела — это необычный склад. Сначала я различила несколько каталок, применяемых для перевозки больных. Было темно, глазам надо было привыкнуть. Вдруг у меня возникло чувство, что я не одна. В тусклом полумраке что-то шевелилось... Я словно почувствовала это движение. Может, еще и потому, что услышала что-то — какой-то тихий плеск... Потом я увидела... Помещение вытянуто в длину, как все большие отсеки на корабле. Вдоль обеих стен — стеллажи, а на них — большие стеклянные резервуары, по форме и размеру похожие на гробы. В них лежали они, друг подле друга, очень аккуратно упакованные. Их нельзя было отчетливо разглядеть, все окутывал какой-то туман или дымка. Стекла изнутри запотели.

А головы их были в масках, словно на всех надели противогазы, возможно, это и были противогазы, но без стекол для глаз. Смотреть жутко... Словно все они слепые. Но самым страшным было другое — они не спали. Нет, сном это назвать нельзя...

Она внезапно замолчала, казалось, это было выше ее сил. Фил погладил ее по руке, дал несколько секунд передохнуть. Потом сказал:

— Но ведь они не могут быть... мертвы?

— Нет, ты представить себе такого не можешь, — прошептала Крис. Она смотрела вдаль мимо Фила, а там было что-то страшное. — Они не мертвы. Они шевелятся. Но они и не бодрствуют... Их движения неуклюжи, словно они деревянные... И абсолютно механические, будто внутри мотор, заставляющий их двигаться, как манекены на витрине. Да, они двигались, будто упорно и отчаянно стремились освободиться из захлопнувшейся стеклянной западни. Не все, но многие из них. Потом некоторые успокаивались, впадали в неподвижность, и начинали двигаться другие, до тех пор не шевелившиеся, они вздрагивали, барахтались, дергались... Не сильно, так, слегка... словно намеревались сделать что-то определенное. Нечто безжалостное заставляет их двигаться — и в то же время не дает свободы...

Склонившись, она опустила голову на плечо Филу. С трудом выстроенное здание ее самообладания рухнуло.

— Фил, — прорыдала она, — я не могу больше думать об этом, я не выдержу... при мысли о них... при мысли, что ты...

— Успокойся, — сказал он. Не имело смысла говорить что-то другое. Не важно, что он скажет, лишь бы успокаивало. — Успокойся! Не плачь! Все будет хорошо!

Он шептал вечные слова сочувствия и понимания, которыми утешают детей, когда они разрыдаются. Он говорил и гладил ее волосы, щекотавшие ему щеки. И хотя больным был он, а она медсестрой, сейчас он чувствовал себя сильнее, он понимал, что она ищет у него защиты, и готов был ее защитить. Он вдыхал аромат ее светлых волос, ощущая его как высший дар. Его охватило

желание бороться за девушку, доверившуюся ему и готовую подчиниться его воле. Это был подарок, самое ценное, что только можно вообразить в этом огромном мертвом мире,—преодоление безграничного одиночества.

Несколько минут было тихо. Когда он заметил, что дыхание ее успокоилось, он приподнял ее подбородок и заставил взглянуть себе в глаза.

— Сейчас мы должны держаться вместе,—сказал он.— Вместе мы найдем путь, что выведет нас отсюда. Как бы плохо ни обстояли дела, пока есть воля изменить ситуацию к лучшему, есть и надежда. Ты веришь мне?

— Да,—выдохнула Крис.

— Тогда запомни это. Навсегда запомни. И сразу будет легче. А сейчас иди к себе. И не забывай, что я сказал.

Крис попробовала улыбнуться. Провела носовым платком по лицу. Потом наклонилась и поцеловала его в губы, в щеки. Он почувствовал, как что-то встревожило ее вновь. Она прошептала ему на ухо:

— И еще одна вещь...

Но дальше говорить не смогла. Поцеловав его еще раз, она вышла.

Главный врач внимательно осматривал Фила.

— Вы добились большого прогресса, Фил Абельсен,—сказал он.— Я вами доволен. Сегодня вы впервые почувствуете себя свободным человеком. На несколько минут я отключу вас от машины.

Он повернулся к Крис, как тень стоявшей сзади.

— Подготовьте кислород на всякий случай. Если потребуется, дадим чистый кислород!

Рука врача скользила по пульту. Фил не успел еще ничего почувствовать, он только увидел, что красный баллон больше не надувается — чуть-чуть вздрогнул, а потом повис, сморщенный, опавший, словно высохший. На мгновение Фил ощутил удушье, интуитивно он со стоном вдохнул воздух, закашлялся, вдохнул глубже, почувствовав, как ему сразу стало легче. При следующем приступе удушья он опять глубоко вдохнул, еще и еще раз...

Ему казалось, будто он на волоске между жизнью и смертью, страх сжал ему горло. Взгляд метался по палате, наконец замер на лице девушки, чьи карие глаза смотрели на него в упор, словно хотели вдохнуть мужество. Этот взгляд прогнал страх, он овладел собою и принялся равномерно наполнять легкие воздухом, выталкивая его и снова вдыхая.

— Ну, сестра, разве это не удача? — спросил доктор Миер. — Может, попробуем сразу и с сердцем?

Мгновение Крис смотрела на него без всякого выражения. Потом по-деловому сказала:

— Как вам будет угодно, господин доктор.

— Не надо дуться, красавица, — сказал врач. Он вновь взялся за выключатель, медленно повернул его. Фил следил, как все медленнее двигаются поршни. Потом машина словно замерла. И тут же Фил почувствовал себя так, словно на грудь ему навалили тяжелый груз. Сердце сдавила железная рука, а оно билось и билось, не уступая ее нажиму. А он будто исключен был из этого процесса, такого жизненно важного, происходившего у него внутри; Фил не мог понять, почему безрезультатны его невидимые усилия. Руки у него сжимались и разжимались, словно хотели ухватить нечто ускользающее, невидимое, челюсти стиснуло, будто под воздействием неведомой силы, он скрипнул зубами.

И почувствовал, что исход внутренней борьбы определен, определен в его пользу. Облегчение огромное, он не мог уже думать ни о чем другом — лишь о том, что тело его живет вновь. Он ощутил слабость и дрожь, но все равно был счастлив; остальное отступило за экран.

Врач наблюдал за датчиками на пульте.

— Сердце ведет себя хорошо, — сказал он, — да и легкие в полном порядке. Через несколько дней вам не понадобится вся эта аппаратура. Через несколько дней вы будете здоровы полностью.

Здоров! Возможность ходить, бегать... Но все-таки тут что-то... Фил медленно возвращался к реальности.

— А что будет со мною, когда я поправлюсь? — спросил он.

— Вы уснете,—сказал врач.—Все мои бывшие пациенты уснули и будут спать, пока мы не достигнем цели.

Пока мы не достигнем цели, подумал Фил.

— А что это за сон, господин врач?—спросил он.—Искусственный летаргический? Своего рода зимняя спячка?

— Именно так, мой мальчик,—сказал врач. Он подвинул ногой табуретку ближе и сел возле кровати.—Этот корабль рассчитан всего на двести пассажиров. Я разместил на нем больше тысячи ста человек. При этом мы летим в неведомое. Никто не знает, как долго продлится полет. Мы должны правильно распределить запасы, экономить энергию. Лучшее решение—искусственный сон.

Увидев гримасу на лице Абельсена, он сказал:

— Бояться не нужно. Прежние недостатки этого метода преодолены. Все без исключения возвращаются к жизни. Никакой атрофии мускулов, последующих эпилептических припадков. Решить эту проблему было отнюдь не трудно: пришлось лишь подумать, как сохранить функциональную готовность всех органов. Не только мозга, но и конечностей. Другими словами, нельзя позволить им разрушаться от полного бездействия. Надо ставить перед ними задачи. Вы видели когда-нибудь футбольный матч, Абельсен? Вы заметили, как зритель порой невольно повторяет движения игроков, представляет себя на месте нападающего, один на один с вратарем? Вот он сам стоит перед мячом, который нужно послать в ворота. Малейшие движения зрителя повторяют движения футболиста, даже не только одного футболиста: зритель наблюдает за другими игроками своей команды, за противником, смотрит, кто из игроков открыт, взвешивает, нужно ли отдать мяч или оставить у себя. Вы когда-нибудь переживали нечто подобное?

— Да, господин главный врач,—ответил Фил.

— Вот на этом и основана система,—продолжил доктор Миер.—Никто не сможет долго находиться в покое. Прямо в мозг я направляю сигналы, которые побуждают к действиям. Это не настоящие движения, лишь попытки, намерения—этого достаточно, чтоб поддерживать тело

в активном состоянии. Несколько простых импульсов, правильно посланных в нужные мозговые центры, способствуют возникновению ассоциаций. Все остальное — уже собственная фантазия. Я разработал программу, рассчитанную на все виды мускулов и поддерживающую мозговую деятельность. Я добился и другого: программа разработана так, что помогает сохранить активность не только мышечной системы, но и тех психических сил, что мобилизуют положительные свойства характера. Понимаете, Абельсен, всё вместе — это упражнение! После такого сна человек духовно и физически способен на большее.

Фил вспомнил вздрагивающие тела, описанные Крис. Не слишком ли мрачно она это восприняла? Он попробовал поймать ее взгляд, но она не поднимала головы. Неподвижно стояла в глубине. Такое ощущение, будто она прозрачная и вся светится.

— А можно узнать, какие у вас дальнейшие планы?

Доктор Миер настроен был дружелюбно. Он улыбнулся Филу.

— Конечно, — сказал он. — Это не тайна. Да и цель очевидна. Дело всей моей жизни — сохранение человечества. — Он немного помолчал. — Мы пережили, — сказал он, — ад. А ведь такое можно было предвидеть. Это ведь не в первый раз. Вспомните всемирный потоп. И всегда *находился Ноев ковчег — как наш корабль. Но всякий раз в новый век проникал больной, вырожденческий дух. Вспомните последние дни Земли и как все к этому шло. Вспомните, какие были люди: распущенная, беспорядочная, постоянно из одной крайности в другую бросающаяся масса. Каждый хотел своего, невыносимая путаница мнений и желаний, бессмысленные действия, жизнь сегодняшним днем, пусть все идет, как идет, — царство хаоса, распущенности, забвения долга, бесчестия. Что оставалось в этом человеческого?

Он задумчиво разглядывал прыгающую точку кардиограммы. Потом продолжил:

— Я все это предвидел. Оружие было слишком мощным. Сопротивление стало абсурдным. Смерть косила слишком широко; захватывала и храбреца и труса, рабо-

тящего и неспособного к труду. Может, и к лучшему, что так получилось. Теперь мы можем начать сначала.

— Что начать сначала? — спросил Фил.

Но главный врач не слышал его. Он говорил теперь сам с собою.

— Я оборудовал корабль под лазарет. Я настоял, чтобы этот корабль конфисковали под госпиталь, хотя он предназначен был для военных целей. Ученые ставили перед ним задачи более масштабные, чем спасение раненых. Когда загорелся дейтерий, я был на орбите между Землей и Луной. Прямое попадание разнесло нашу космическую станцию, на корабле полно было раненых. Их было больше, чем обычно, правда, чаще легкие случаи — многие успели своевременно надеть скафандры. Мы вылавливали их сетью, как рыб. Я тут же дал команду на старт. Первой целью стала Эр-Зет 11, ближайший наш сосед в межгалактическом пространстве, намного ближе, чем Альфа Центавра. Лишь недавно астрономы обнаружили ее лазерным телескопом. Планеты Солнечной системы казались мне ненадежными. Я не знал, какие последствия может иметь пожар Земли. Не исключено, что катастрофа дойдет и до них. А может, Солнечная система распадется, перестанет существовать.

— А станции на Луне, Марсе, Венере? — спросил Фил.

Врач поглядел на него прищурившись.

— Давно уже были распущены. Люди отозваны для боевых действий на Землю. А станция на Луне была практически уничтожена.

— Что вы будете делать, когда мы достигнем цели? — спросил Фил.

— На космическом корабле есть все, чтобы построить небольшую станцию. Неважно, как будет выглядеть островок, к которому мы пристанем. У меня есть термобомбы, я могу, если понадобится, выпарить моря и передвинуть горы. Все транспортные средства и машины управляются с центрального пульта корабля. На складе достаточно сборных домиков для всех. Чтобы создать немного комфорта, в нашем распоряжении мебель корабля. Реактор можно переоборудовать и применять для любых других целей. А кроме того, у меня достаточно исходных

материалов для комбинированных пластмасс, можно, если понадобится, залить ими целую долину. Вы знаете, эта штука поднимается, как тесто для домашнего пирога, стоит добавить туда природные материалы. Есть также полный комплект медицинского оборудования для диагностики и для терапии, со всеми необходимыми приборами. Чего же еще желать!

— Вы хотите заселить планету? — спросил Фил.

— Я создам систему, где будут царить порядок и дисциплина, — сказал врач. — Я позабочусь, чтоб крошечная земная колония функционировала образцово. Мне не нужен прогресс, не нужны изменения. Моя система будет статичной. Я позабочусь, чтоб она прицпла в движение, а потом крутилась по инерции, когда меня не станет. Маленькая группа людей, у которых будет все, что им нужно.

Теперь он глядел на Фила, на худое его лицо, утонувшее в подушках.

— Ты когда-нибудь думал о том, что человеку нужно? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Это сложная проблема, возможно самая сложная. Для начала должны быть созданы физические предпосылки. Человек не выносит больших отклонений от привычных условий существования. Температура, давление, сила тяжести, спектр излучения, освещенность и еще многое другое, о чем мы обычно не думаем, должны быть соответствующими. Впрочем, это все достаточно изучено — по сути, это вопрос энергии и ее возможного преобразования, этим вопросом мы овладели. Химические реакции организма, обмен веществ, дыхание, питание — и эти проблемы решаемы. То же самое вода. В питании придется приспособиться чуть-чуть к обстоятельствам. Организм будет получать все, в чем нуждается, — усиленное питание, углеводы, белки, витамины, редкие элементы. Только в самом потреблении придется отойти от привычного. Все будет предлагаться в форме концентратов — несколько таблеток, вещество в чистом виде, без шлаков. У нас на борту есть синтезатор, он может создать любое питательное вещество из любых субстанций, если в них присутствуют необходимые элементы. Это повлечет за собой, естественно, некоторую перестройку организма. Кое-что

станет излишним — жевательный механизм, какие-то части пищеварительного тракта, желудок и кишечник с их функциями. Но с этим мы справимся. Подобные ограничения будут лишь способствовать общему оздоровлению населения. Но это лишь первая часть. Другая потруднее, и мы слишком поздно задумались над проблемой. Человек ведь не дизель, работающий, пока есть топливо и кислород. Человеку необходим смысл, ему необходим авторитет, и ему нужна цель.

В чем смысл его жизни? Прежде он вынужден был работать сам, и это придавало наполненность бытию. Когда машины взяли работу на себя, начался духовный упадок. Никто не подумал тогда, что занятие человеку необходимо и он должен быть убежден, что оно имеет смысл. Сегодня мы знаем, человеку не обязательно нужна работа — не так уж важно, что он делает, лишь бы это заполняло его, напрягало его физические и духовные силы. Итак, я хочу придать жизни, которая нам предстоит, смысл. Теперь об авторитете. Была некогда эпоха, когда очень много рассуждали о свободе. Сегодня ясно каждому: свобода — это иллюзия, и даже мысль о ней вредна. Человек нуждается в ком-то, кто приказывает ему, кто подавляет склонность к неповиновению. Это придает ему опору, за которую можно держаться. Роль командующего я возьму на себя. Не думайте, что мне это нравится. Командовать — самое трудное. Мы не приучали людей к повиновению с детства, и эта ситуация принципиально новая. Мне понадобятся психотропные средства, чтоб добиться повиновения. Такие средства существуют, и они у меня есть. По сути, ведь все равно, каким образом поддерживается порядок. И теперь о третьем, о цели. Человек так устроен, что хочет видеть причину и следствие. Следствие выступает тогда как смысл причины. В мелочах это функционирует безупречно, зато в серьезных вещах воспринимается болезненно. Тут связь просто не действует. Смысл жизни, смысл рода человеческого! Этот смысл необходимо создать искусственно. И так как этого не может никто, проблемой займусь я. Я дам нашей будущей жизни смысл, который даст смысл каждому отдельному существованию.

Главный врач говорил теперь, как перед большой аудиторией. Закончив, он огляделся. В глубине стояла девушка с поникшей головой. Перед ним лежал больной с прикрытыми глазами. Главный врач вздохнул и кивком подозвал сестру.

— Мы вновь подключаем машины. Помогите мне!

Он наблюдал за светящимися экранами и стрелками, крутил ручки, нажимал кнопки и клавиши.

— А как будет продолжаться жизнь?—спросил Фил.— Я имею в виду—у вас ведь всего четыре женщины...

— Это я тоже предусмотрел,—сказал врач.— Четыре женщины—немного. Но все они молоды. Еще по крайней мере лет двадцать пять они сохранят способность к оплодотворению. Этого хватит. Естественно, мы не сможем требовать от них вынашивать каждый плод. Но к счастью, проблема эктогенетического созревания плода решена. На корабле есть биологический инкубатор.

Врач взглянул сначала на Фила, а потом на сестру. Оба старались не глядеть на него.

— Не будьте столь целомудренны,—сказал он резко.— В нашем положении это неуместно. Подумайте лучше о преимуществах! Женщина освобождена от изнуряющих беременностей. И кроме того, можно контролировать наследственность. Следующее поколение будет еще более совершенным, чем нынешнее, поверьте мне!

Он вытащил из кармана записную книжку, полистал страницы.

— Завтра мы отключим машины на два часа, послезавтра—на четыре, и так далее. Через пять дней вы будете здоровы, Абельсен! Пошли, сестра!

Он открыл дверь и подождал, пока вышла Крис. Затем вышел следом.

11

Над военным городком стояла ночь, окна в зданиях были темны, учения кончились. Солдаты и унтер-офицеры отправились отдыхать; лишь часовые вышаги-

вали свои одинокие круги. Возможно, майор тоже обходил территорию — этого никто не знал.

Абель лежал в кровати, скрестив руки под головой. Сквозь окно ему виден был смутно расплывшийся во тьме пустынный участок бетонной полосы. Пора. Сегодня была его ночь. Это был конец, и это было начало, пусть даже он не знал, чему предстояло начаться.

Он выждал еще немного. Медленно сполз на коврик у кровати. На второй кровати он заметил движение. Остин приподнялся, сел.

— Ты куда?

— Тише,—предостерег Абель. Он натянул брюки, куртку, сапоги, подошел к двери. Сзади раздался шорох — Остин.

— Что ты собираешься делать? — спросил Остин.

— Почему ты спрашиваешь? Это ведь тебя не интересует! — ответил Абель.

Остин цепко схватил его за рукав.

— На твои бредовые идеи мне наплевать, но не смей срывать мои планы!

— Так уж и не смей?

Абель подошел к окну и стал наблюдать за часовым.

— Ну не упрямясь,—попросил Остин.— Я теперь знаю, как можно уйти. Слушай, я взорву выход...

— Чем? — спросил Абель.

— Где-то должна ведь быть взрывчатка. Динамит. Гранаты. Бомбы.

Динамит, гранаты, бомбы. Бомбы. Абель уже однажды слышал эти слова. Он знал, что они означают. Все понятно. Они были в военном городке, у военных должна быть взрывчатка. Взрывчатка. Тяжелые орудия. Ракеты. Ракетные базы. Подводные лодки. Космические станции. Бомбы, бомбардировщики, атомные бомбы. Они были у военных, у военных есть все. Но где все это?

— Ты думаешь? — спросил он.— А где?

— Где-нибудь в хранилищах, на складах. Где-нибудь.

— И как ты туда доберешься?

— Но ведь здесь ничего не запирают. Где ты видел замки?..

— Правильно,—сказал Абель.— Одежда, палатки,

карманные фонарики. И прочее барахло — бери, что хочешь. Но пистолеты-то под замком. Где ты видел оружие?

Часовой показался слева, в самом конце склада. Медленно шагал он по бетонной полосе.

— Я что-нибудь придумаю.

Часовой появился возле окна; слышны были его шаги. Абель и Остин втянули головы. Шаги становились все тише... затихли совсем.

— Ну как можешь ты быть таким равнодушным! — сказал Остин. Голос у него подозрительно дрогнул. — Подумай о мире там, снаружи. О свободе. Есть возможность удрать отсюда, прочь из этой тюрьмы. Здесь мы пленные! Похороненные где-то под землей.

Под землей, подумал Абель. Убежища, бункеры. Продезинфицированный воздух. Искусственный климат. Пленные. Но тогда снаружи есть... Однако он знал, что это не так. Все не так просто. Остин этого не понимал.

— Тебе же не может быть все равно, — молил Остин. — Ведь это ты не можешь поставить на карту! Дай мне время, еще хоть пару часов!

Абель прошел к двери и тихо отворил ее.

— Ведь и тебе не без разницы то бесконечное время, что мы здесь провели. И в этом виноват майор. Ты ошибаешься, Остин. Гонишься за призраком. Снаружи не может быть ничего, кроме пустоты. Я нашел для себя единственно реальное дело, которое можно осуществить: я убью майора. Я убью его этой ночью.

Он вышел. Остин перестал его волновать.

Он направился к окопам, держась по возможности в тени построек. Свободное пространство между последним баракком и ближайшим окопом он преодолел двумя прыжками, убедившись предварительно, что поблизости никого нет.

Он крался по окопам. Систему их он знал досконально, знал, где свернуть за угол, где идти прямо. Он двигался по лабиринту на первый взгляд бессмысленных поворотов, вправо-влево, вперед-назад, но скоро оказался там, куда стремился, — у своего тайника. У него не было карманного фонаря, но свет ему был не нужен, он нашел

бы запасные части пистолета и в том случае, если бы нитки, которые он скоро обнаружил, не подсказали место.

Он открыл свой тайник. Части пистолета были грязными, замасленными, но такими они бывали часто. Можно отчистить. Он взял с собой тряпки, даже сульфидномолибденовую пасту. В последний раз занялся он чисткой пистолета и сборкой, тем, в чем ежедневно упражнялся. Через пять минут он держал в руке настоящий заряженный пистолет. Три патрона лежали в магазине, трех патронов ему должно было хватить.

Пригнувшись, он побежал по окопам обратно. Здесь он был в безопасности. Лишь время от времени он приподнимал голову и оглядывался. В эту ночь часовых было больше. Вдруг он увидел сразу трех часовых. Двое стояли на открытом пространстве между бараками, третий медленно поворачивал за угол.

Медлить больше было нельзя. Они уже не чувствуют себя так уверенно. Неужели двери заперты? На них ведь не было запоров, а так быстро оборудовать ими большое количество дверей невозможно. Абель был убежден, что есть и другие двери, ведущие в тот длинный коридор; не могли же они все охраняться. До сих пор он знал, что солдатам нечего делать в машинном зале, как и во многих других зданиях. Следовательно, они не имели права туда входить, это было твердо определено.

Чем яснее становились мысли Абеля, тем больше он поражался, насколько легко, в принципе, мог возникнуть здесь любой бунт. И тем очевидней становилась для него незримая мощь системы, в тайну которой он случайно проник,—мощь и господство благодаря черным шарикам. Пока солдаты их принимают, они физически неспособны послушаться приказа. А пока они выполняют приказы, они принимают таблетки. Заколдованный круг для любого, в него попавшего. Двойная надежность благодаря тому, что никто не знает о действии таблеток.

Теперь он приблизился к границе окопного лабиринта с другой стороны, не там, где входил, а как можно ближе к машинному зданию. Оглядевшись, он быстро выпрыгнул из окопа и бросился к двери. Наступил решающий момент... Неужели дверь охраняют? Он выхватил из карма-

на пистолет, сделал глубокий вдох. Потом распахнул дверь, ворвался внутрь и кинулся к левой стене, там возвышалась гора изоляторов и проводов. Вновь выждал мгновение и стал вслушиваться в темноту.

Гудение маховика наполняло помещение. Тихо потрескивали провода вверх. Ему казалось, что над ним заплескал голубоватый свет, но, как только он глянул в ту сторону, свет погас.

Он привстал и выглянул в окно. На другой стороне у склада оружия в тени что-то двигалось. Он всмотрелся во тьму. Остин рыскает там в поисках взрывчатки. Если они его схватят, поднимется тревога. Абель не знал, хорошо это для него или плохо. Возможно, вообще никак, ведь пока все складывается удачно, скоро он будет у цели.

Он отступил назад к стене, на ощупь отыскал дверь, рычаг. И эта дверь была пока не заперта. Он рывком открыл ее, быстро проскользнул внутрь и закрыл снова, чтобы свет неоновых ламп не пробивался наружу. Рычаг он тоже опустил вниз.

Пустой коридор тянулся вправо и влево. Абель крепче сжал пистолет и пошел тем же путем, что и в первый раз. Кто попадется ему навстречу? Если майор — это удача. Женщина? Сержант? А кто вообще может входить сюда?

Слишком мало он знал. Все новые вопросы вставали перед ним. Для чего нужны эти казармы? И как попал сюда он сам, Абель? А что было здесь прежде?

Он остановился там, где встретил вчера женщину. Дверь была закрыта. Он долго прислушивался, потом медленно повернул рычаг вправо. Дверь слегка отъехала на роликах в сторону. В глаза ему ударил неприятно яркий свет. Он слепил.

В помещении не было ни души. Абель вошел. Он напряг все свои органы чувств — ничего подозрительного. Большая машина выключена. На первый взгляд она казалась хаотичным соединением тускло поблескивающих, зеленовато отсвечивающих по краям стеклянных трубок с расширениями на концах, внутри видны были проволочные спирали, венчавшиеся золотыми наконечниками трубки окружали какие-то кольца и шины. Кабель соединял металлические части, все линии сопрягались только

под прямым углом. Перед машиной стояли друг на друге несколько ящиков, маленькие сверху. Серые пластмассовые ящики, в которых просверлены были маленькие круглые дырочки. Края ящиков заделаны темно-серым металлом, с серебряными заклепками. Самый нижний ящик был по размеру со стол, толстая труба соединяла его с правой стеной, которую пересекала черная обвязка, обитая серым пластиком. Одна плита была поднята и стояла на полу, прислоненная к обшивке. Тут можно было заглянуть внутрь — горизонтальные, вертикальные, диагональные проводки образовывали сплошную сетку, точки пересечения их были стянуты кольцами.

Абель подошел ближе. Быстро огляделся. Он оставил дверь открытой, щель отсюда казалась темной, словно окно в ночи. Возможно, это объясняло, почему майор не заметил его вчера — свет слепил. Объяснение слишком простое, но Абель готов был принять его. Хотя он и не был ни в чем уверен, странное недоверие шевелилось в нем, страх, что его обманывают каким-то непонятным образом.

Он вернулся и подошел к машине. Рядом с башней из ящиков стоял треножник с микрофоном: проводка тянулась из боковой части нижнего ящика, а крышка его напоминала своего рода пульт. Рядом с большим тумблером вмонтировано было несколько кнопок с написанными рядом химическими формулами; трубка, выведенная из стеклянной конструкции, приводила справа от пульта к какому-то непонятному углублению.

Абель ощутил легкий раздражающий запах. Принюхиваясь, он втянул в себя воздух — пахло горелым, и запах этот шел снизу. Он наклонился — вверх вилась струйка дыма... рядом с подставкой для микрофона что-то тлело. Окурки сигареты. На мгновение он закрыл глаза. Сигареты, кока-кола, музыка по радио, телевизор. Печенье и орехи... Все это где-то было. Или было очень давно. Или будет. Но не для него.

Тлеющий окурки сигареты. Это что-то значило. Накатившие мысли вернули его в реальность. Значит, недавно кто-то был здесь. Сигареты — это роскошь. Значит, май-

ор. Или женщина? Он поднял тлеющий белый окурок... Следов губной помады нет. Значит, майор.

Абель стоял, чуть согнувшись. Пистолет лежал в кармане. Он сунул руку внутрь и обхватил дуло. Потом направился к левой стене, в которой была дверь — раскрытая дверь.

Он попал в другой коридор. Ничего не понимая, остановился. Посмотрел на кресла из алюминиевых трубок, закрепленные вокруг низкого столика с черной пластмассовой поверхностью. В большом горшке рос фикус, достававший листьями почти до потолка. У стены стояли два канцелярских шкафа, створки были открыты, внутри виднелись ряды скоросшивателей. Одна полка сплошь забита была перфокартами. На столике стояла автоматическая пишущая машинка с диктофоном, в одном из ящиков внизу — большой магнитофон.

Шум заставил Абеля прервать осмотр. Он тут же отступил за дверь. Лег на пол и выглянул за угол. В поле зрения появился человек, потом еще один. Они пришли из той части помещения, что была за креслами, туда он еще не входил и не мог разглядеть со своего места.

Первым шел солдат в парадной форме. На глазах у него была темная повязка, и двигался он неуверенно. За ним шагал, подталкивая и направляя, сержант. Оба исчезли в маленьком коридоре с другой стороны. Шаги затихли, раздался стук. Дверь открылась, и Абель услышал женский голос:

— Ну, входи, малыш.

Непонятные шорохи. Дверь захлопнулась. Снова показался сержант. Он подошел к шкафу, вынул одну из папок, раскрыл, полистал бумаги.

Не зная, что предпринять, Абель лежал в укрытии и наблюдал. Он оценил расстояние от себя до сержанта — всего двадцать шагов. Если бы тому понадобилось подойти к агрегату, он сделал бы это в секунду.

Абель не хотел рисковать больше, чем то было необходимо. Он поискал глазами место, куда мог бы отползти, чтоб его нельзя было заметить от двери. У стены за каким-то стеклянным сооружением стояло на столах множество предметов, являвшихся, очевидно, электрически-

ми приборами; углы и ниши между ними оставались свободными.

Абель спрятался в одной из ниш, пережидая. Стена здесь образовывала выступ, а перед пультом стоял вращающийся табурет. Сидевший здесь сквозь маленькое окошко мог видеть плац.

Абель прислушался к шорохам из соседнего помещения... Ничего тревожного. Он сел на табурет и глянул в окно. Теперь он понял, где находится: рядом с большой площадкой, перед домом, где жил майор.

Шум заставил его лечь на пол, в тень столов и электроприборов. Он услышал голоса, помещение искажало их, но кое-какие обрывки фраз он сумел разобрать.

— ...Уже твоё время, дружище?

— ...Через пять минут. Так ведь?

— Что ты думаешь об усиленной охране?

— Учебное мероприятие. Что ещё?

— А пропавший фонарик, это как?

— ...Тоже учебное мероприятие...

— Мне дело кажется достаточно серьёзным... Саботаж чистой воды... В голове не укладывается...

— Вот именно, дружище. Поэтому у меня собственное мнение на сей счёт.— Он понизил голос, зато теперь легче стало разбирать слова.— Убедён, что майор сам спрятал его в водосточной трубе.

— ...Зачем?

— Ну, это ясно, дружище. Капралам слишком уж хорошо живётся. Надо заставить их шевелиться. Им нужно поднапрячься. Лучше смотреть за рядовыми. Нести дополнительную службу. Проверять часовых.— Голос его постепенно усиливался.— Начальник является примером для солдата. Он никогда не должен расслабляться... Только постоянная работа над собой... Для этого, собственно, служба, учения, занятия. Он должен постоянно... И даже больше, чем долг... Верность солдата... Честь...

— Конечно. Ты прав, дружище.

Они верят в то, что болтает майор, подумал Абель. Такие же щенки, как мы. А сам майор?.. Страшная мысль пронзила его: а вдруг и сам майор не свободен духом? Вдруг и он не главный виновник, а всего лишь инстру-

мент? Чей инструмент? Он отбросил эту мысль. Они находились в замкнутой системе без связи с другими пространствами. Майор — движущая сила, мотор этой системы, он виновен в том, что они такие, как есть. Теперь он вновь осознал это.

— ...Быть точным. Вдруг он придет на смену караула?

— Сегодня нет. Он уже повесил табличку.

— И все же. Порядок превыше всего. Не унывай, дружище!

— И ты не унывай!

Шаги, дверь захлопнулась...

Появился сержант. Абель услышал тихий шорох бумаги.

Он выпрямился и глянул в окно. Двор казармы уже не был пуст. Десять солдат в стальных касках стояли в строю. Они стояли абсолютно неподвижно, можно было принять их за скульптуру. Теперь в поле зрения попал одиннадцатый человек, это был сержант, проводивший смену караула. Он остановился на расстоянии десяти метров от выстроившихся солдат.

С противоположной стороны подходила другая шеренга. Они маршировали по прямой, пока не поравнялись с ожидающим караулом. Рывком замерли на месте.

Звук через окно не проникал, поэтому ночное представление воспринималось еще более театральным. Размеренные движения, четкий шаг, резкие повороты, вытянувшиеся по стойке «смирно» тела. Деревянные марионетки на ниточках. Сцена, кулисы. Церемониал. Игра людей без собственной воли.

Оба строя расходились в разные стороны. Сержант оставался на месте, пока они не исчезли из вида. Затем повернулся и направился к зданию.

Открылась дверь. Абель пригнулся.

— Все в порядке?

— Конечно. Функционирует нормально.

— Никогда нельзя успокаиваться на достигнутом, учит майор.

Голоса на какой-то момент затихли. Потом зазвучали снова.

— Ты еще долго будешь работать, дружище?

— ...Закончил.

Скрипнули створки шкафа.

— Я иду в караулку.

— А я пошел спать.

— Спокойной ночи, дружище. И не унывай!

— Не унывай!

Щелкнули каблучки сапог. Открылась и закрылась дверь. Тишина.

Абель решил покинуть укрытие. Направился к двери. Опасности не было. Осторожно оглядываясь кругом и прислушиваясь, он крался вперед. Теперь он стоял возле кресел. Позади выступа стены, загораживавшего ему видимость, была дверь, через нее входили и уходили сержанты. Перед ним лежал еще один небольшой коридор. На правой стене висели картины — гравюры, плакаты и цветные фото мужчин. Мужчин в военной форме. Генерал Веллингтон, Фридрих Великий, генерал-фельдмаршал Роммель, полковник Го Фэн, commodор Мелизандер. На двух скрещенных, укрепленных в стене кольцами древках висели знамена. Одно в красно-желто-голубую полосу, другое — желтое с черным крестом. На куске пергамента аккуратно выбиты были слова: «Высшая ценность — честь. Наша честь — быть солдатом».

В левой стене он заметил четыре узкие двери: в них были небольшие окошки с занавесками. Занавеска на первой двери была плотно закрыта, на второй сдвинута. Свет лампы на ночном столике выхватывал из тьмы тахту, слабо освещая крошечную комнатку. В ней едва помещалось немного мебели: металлический шкаф, ночной столик, плетеное кресло. Прикрепленная к стене столешница была опущена. На ней стояла ваза из голубого стекла.

Абель не стал задерживаться. Из следующей комнаты раздался голоса. Занавеска была задвинута. Абель приложил ухо к пластмассовой обшивке. Женские голоса.

— ...Но я не совсем уверена.

— А ты сделала бы это? Ну, если б не было запрещено?

— Сделала бы.

— Но ведь это же не решение.

— Конечно, нет.

— Возьми еще кусочек пирога. Да, и я бы сделала это.
— Тебя застукают. И их он застукает тоже.
— И что тогда?
— Пирог отличный. Ты должна дать мне рецепт.
— Я тебе его запишу. У тебя есть ручка?
— А я все время думала бы о том, что тогда произойдет.

— Вот это и важно. Появляется «тогда».

Абель скользнул к следующей двери. Занавеска была закрыта. На двери булавкой прикреплена была записка: «Занято». Абель услышал шепот и непонятные шорохи, слов разобрать он не смог.

За четырьмя узкими дверьми коридор делал поворот и выводил прямо на большую дверь. На ней висела табличка: «Вход воспрещен».

Должно быть, это здесь — святая святых, жилище майора. Абель вытащил пистолет из кармана. Он почувствовал, что напряженное ожидание внутри усилилось. Еще шаг по направлению к двери. «Вход воспрещен». Неужели эта дверь заперта? Вряд ли.

Его взгляд упал на руку. Она не дрожала. Он был хорошим стрелком. Пистолет заряжен. Он сам собрал его и вложил патроны. На мгновение у него возникло сомнение: правильно ли вставлен магазин? Чтобы именно заряженный патрон лежал у спускового крючка. Он вынул магазин — для этого даже не надобно снимать рукоятку, у его пистолета рукоятки не было. Поэтому он не очень удобно лежал в руке, достаточно, однако, чтоб прицелиться и попасть в цель.

Магазин был вставлен правильно; три пули сидели в верхних гнездах, остальные были пусты. Три выстрела — вполне хватит для одного человека. Абель сделал еще кое-что: вытолкнул одну пулю и осмотрел ее, словно что-то могло быть не так. Но все было в порядке, это была пуля, как тысячи других пуль, которыми он уже стрелял, — серебристо-серая, продолговатая, с тонким каналом вдоль оси.

Внезапно он вздрогнул. Шорох? Все тихо. Наверно, это из комнаты, где беседовали женщины. Абель рассмеялся над собой. Вот он стоит с заряженным пистоле-

том у пещеры льва. И о чем думает? Пули в магазин, магазин в пистолет... секунда, даже меньше, чем секунда.

Больше он не медлил. Вплотную подошел к двери. Снова звук оттуда... Крик, сдавленный, приглушенный. Донесся из-за двери майора. Значит, майор не один?

Наплевать. Никто не выстрелит быстрее человека, у которого пистолет наготове и который уже несколько дней горит желанием выстрелить.

Абель взялся за ручку двери, нажал ее вниз, медленно, словно движение минутной стрелки. Он почувствовал легкое сопротивление пружины, затем толчок. Теперь он нажал от себя. Половинка двери поддалась. Он вновь сдержал нетерпение, приоткрывая дверь миллиметр за миллиметром.

Шум стал громче. Слова прервал грохот. Теперь Абель понял:

— Вторая батарея — огонь! Третья батарея — огонь! Открыть бомбовые люки! Внимание — ракетный удар с севера! Приготовиться к штурму! Уланы по коням!

Теперь уже Абель приоткрыл дверь на ладонь. Но видно пока было мало: стулья, географическая карта на стене.

— Торпеды к бою! Огонь! Огнеметы вперед! Внимание — танки противника слева! Дымовую завесу — готовы! На штурм укреплений вперед! Применить газы!

Абель широко распахнул дверь. Почти пустая комната. Практически без мебели. Походная кровать. И на ней майор. С закрытыми глазами он выкрикивал свои команды.

— Броненосец вперед! Атомную бомбу на крепость! Стены проломить — и на штурм! На штурм!

Лицо его было красным, пот каплями стекал по лбу, волосы в беспорядке разметались по голове.

Абель поднял пистолет и крикнул:

— Господин майор!

— Примите командование десятым полком! Врывайтесь в крепость с фланга!

— Господин майор! — крикнул Абель.

Майор открыл глаза. Бессмысленно уставился на Абеля.

— Великолепное сражение, дружище. Как вы думаете?

— Господин майор! — крикнул Абель. С поднятым пистолетом он подошел к лежащему майору. Крошечные пузырьки слюны скопились в уголках его рта. В волосах пробивалась седина. С трудом он сел на постели.

— Нужно продержаться, — бормотал он. — На карте наша честь. Это великая война. Наш солдат всегда выполнял свой долг. Мы готовы к последней битве.

Абель был в отчаянии. Майор должен понять! Держа пистолет перед его глазами, Абель схватил майора за плечи, встряхнул:

— Майор! — заорал он. — Мы не на войне. Мы — в казарме. Проснитесь же! Мы не на войне!

Красное опухшее лицо покачивалось перед Абелем. Глаза смотрели бессмысленно. Абель помолчал и выпустил его. Майор рухнул вперед, с грохотом ударившись головой о стол, стоявший возле кровати.

— Война всегда, — пробормотал он. Его сжатые в кулаки руки расслабились, пальцы дрожали. Словно маленькие зверюшки в смертельной схватке. Рядом лежал пустой пластиковый пакетик.

Руки, голова, стол вдруг как-то странно расплылись — глаза Абеля наполнились слезами. С пистолетом в руке он прошел к стене, прислонился к ней. Майор задышал громко и хрипло. Рука Абеля все еще сжимала пистолет, но теперь уже он не пытался стрелять. Он признался себе, что не может. Не может, пока майор в бессознательном состоянии.

Мир внутри него рушился. Мир, который он создал сам, один, мир великого его плана, который значил больше, чем искупление или месть, — это была его вера, религия, что-то непостижимое, оставшееся от внешнего мира или от прошлого. Теперь душа его выжжена и беззащитна.

Что делать? Вернуться? А почему нет? Никто его не заметил, путь назад свободен. Он мог проскользнуть в казарму, забиться в постель, натянуть одеяло на уши и сделать вид, будто ничего не произошло. Ненависть его растаяла, а равнодушие — это не опора. Без ненависти или без черных шариков это невозможно.

А может, подождать, пока майор очнется? Но появится ли у него тогда желание выстрелить? И имеет ли смысл этот выстрел? До сих пор он не задавал себе такого вопроса. Возможно, это и не имеет смысла. Возможно, ничто не имеет смысла.

Он вздрогнул. Резкий звонок разорвал тишину. Звук с ночного столика в изголовье: там телефон. Звонок повторился. Майор слегка пошевелился. Абель быстро подошел к телефону и снял трубку. Он хорошо знал голос майора.

— В чем дело? — резко спросил он.

— Говорит дежурный капрал, из караульного помещения. Господин майор, осмелюсь доложить: назначенная инспекция помещений проведена. Мы установили... в комнате пятьдесят шесть, господин майор, отсутствуют двое солдат. Абель пятьдесят шесть дробь семь и Остин пятьдесят шесть дробь восемь. Объявить тревогу? Поднять всех на розыск?

Абель размышлял недолго.

— Нет, — пролаял он в трубку. — Не сейчас. После подъема.

— Господин майор... Судя по всему, речь идет о дезертирстве. Не следует ли немедленно...

— Вы, кажется, не поняли, — резко перебил его Абель. — Сосредоточьте посты в помещениях, чтобы люди не разбегались. До подъема ничего не предпринимать! Все.

Он положил трубку.

Итак, решено. У него есть время до шести. Эти несколько часов вместили все, что ему оставалось сделать. Он мог дожидаться здесь или бежать. Застрелить майора, застрелить себя или троих других. Он мог... А что еще он мог?

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. На ней табличка «Вход воспрещен». Он торопливо пересек коридор и отправился тем же путем, каким пришел сюда час назад. Тогда он сгорал от желания убить.

Этой ночью Фил почти не спал. Он чувствовал себя нехорошо; возможно, сказались волнения прошедшего дня, возможно, вчерашнее отключение от приборов на несколько минут.

В конце концов, не все ли равно, отчего. Перед обедом к нему вошла Крис, он заметил, что глаза у нее покраснели и опухли.

— Я не могла прийти раньше, — сказала она. — Он все время ходил по коридору, когда я хотела зайти к тебе. Он меня... Он потребовал...

— Чего? — слабо спросил Фил.

— О, Фил, что нам делать?

Она села на его кровать, не на табуретку на этот раз, а прямо на кровать. Низко склонившись, она поцеловала его. И снова спросила:

— Что нам делать?

— Что-нибудь придумаем.

Фил и сам заметил, как неубедительно звучат его слова. Он думал всю ночь и ничего не придумал. Но нужно было сказать слова утешения.

— Есть ли на корабле оружие? — спросил он. — Ты видела у кого-нибудь пистолет? Может, в складских отсеках?

— Не думаю... Я не обращала внимания на это. Да и зачем тебе?

— Тогда можно будет диктовать ему свою волю, — неуверенно сказал он.

— Но ведь это то же самое. Зачем?

Да, зачем? Он не ответил.

— Ах, все это ужасно, Фил, — прошептала она. — Намного ужаснее, чем я до сих пор думала. А ведь все было и так скверно.

— Это звучало разумно, — сказал Фил. — Все, что он сказал.

Она взвилась.

— Это же все ложь!

— Я не почувствовал в его словах фальши, — сказал он безвольно.

— Все это ложь,—еще раз проговорила она; будто желая защититься, она повторяла эту фразу.

— Если б я не был таким беспомощным,—глухо пробормотал он. Ему стоило больших усилий сохранять спокойствие, но тут боль и разочарование от крушения надежд одержали верх: он сжал кулаки, заметался по подушке.

— Если б я не болтался на этом поводке... Крис... Я сделаю все...

Она погладила его по щекам, снова поцеловала.

— Я обещаю тебе, Крис,—бормотал он,—когда ко мне вернутся силы... я найду выход... обещаю тебе!

— Успокойся,—сказала она, приблизив к нему лицо.—Я ведь знаю это...

Он ощутил ее дыхание. Руки его еще покоились в ремнях, но стоило чуть-чуть приподнять голову, и можно было прикоснуться к ее лицу, они целовались снова и снова, истосковавшись по близости, молча и отчаянно.

— Сестра Кристина, вы забываетесь.—В прямоугольнике открытой двери стоял главный врач. Они не услышали ее скрипа. Крис вскочила и быстро отошла к стене.

— Вы знаете, я могу добиться от вас повиновения,—спокойно сказал доктор Миер,—но этого не потребуются! Отправляйтесь в свою комнату. Мы поговорим позже!

Он подождал, пока девушка не ушла. На Фила она больше не взглянула.

— Кристина — милая девушка, — сказал доктор Миер.—Без сомнения, самая милая из четырех женщин, которых мы спасли во имя человечества. Я понимаю, она вам нравится, Абельсен. И даже не имею ничего против, коли вы влюбитесь, но на расстоянии, да позволено мне будет заметить! Запомните это, Абельсен: она моя. В нормальное время я бы сказал, что она моя невеста. До сих пор вы этого не знали. Теперь знаете. И действуйте соответственно!

Он повернулся к двери.

— Господин главный врач! — крикнул Фил.

Полуобернувшись, врач смотрел на Фила через плечо.

— Что еще?

— Вы не можете этого сделать,—сказал Фил,—того,

о чем здесь вчера говорили. Женщины не ваша собственность. И уж конечно, не Крис!

— Так,—сказал врач,—вот оно что. Вы бунтовщик. Один из тех, кто неизвестно чего ради восстает против бога и всего мира. Сеет смуту и пожинает хаос. Этого мне только недоставало. Но я займусь вами. Я сделаю из вас полезного обществу человека. А сейчас приказываю: перестаньте преследовать девушку. Она здесь не для вас. Для вас меньше всего. Надеюсь, вы поняли!

Он все еще стоял, полуобернувшись в дверях. Теперь он взялся за ручку и распахнул дверь. Вышел. Фил увидел, как мелькнул белый халат. Потом дверь закрылась.

И этой ночью Фил спал плохо. Вновь и вновь просыпался он от страшных безумных снов и прислушивался. Но скрипа двери, которого он так ждал, не было. Понятно, он тосковал по Крис, но его не удивляло, что она не приходит. Возможно, за ней следили, если вообще не заперли. Он был бы рад, если б хоть кто-то нарушил его одиночество, даже главный врач, но и в эту ночь никто не пришел к нему. Из всех долгих ночей, которые он провел один на больничном одре, эта была самой тяжелой.

Лишь под утро он на короткое время забылся в тревожном сне, но картина, многократно возвращавшаяся, заставляла его вновь и вновь просыпаться в холодном поту: он лежал, не в силах шевельнуться, на конвейере, который нес его к огромной стеклянной западне, с грохотом захлопывающейся за ним.

Проснувшись окончательно, он почувствовал себя разбитым, зато немного успокоился. Ожидание чего-то, что должно случиться, пусть даже совершенно неведомое, казалось ему не таким уж невыносимым. Как-нибудь все образуется, всегда ведь все как-то образовывалось.

Потом открылась дверь, и вошла незнакомая молодая женщина в халате медсестры, с грубым, чуть глуповатым, но добродушным лицом.

— Доброе утро,—сказала она.—Как спали?

— Где сестра Кристина?—спросил он.

Сестра намочила губку, побрызгав на нее жидкостью

из пластиковой бутылки. Запах дезинфицирующего средства распространился по комнате.

— Она получила другое задание,— сказала сестра и вытерла губкой лицо Фила.— Я ее подменила. Меня зовут сестра Берта.

— Что с ней? Где она?

Сестра Берта не прерывала работы.

— Да не волнуйтесь вы так,— сказала она.

— Приведите ее! — закричал Фил.— Немедленно!

— Успокойтесь! — нетерпеливо приказала сестра.

Фил отвернулся в сторону, чтоб уклониться от губки, мешавшей ему разговаривать.

— Хватит! — резко крикнул он.— Я хочу видеть Крис!

— Но послушайте,— сказала сестра,— что за представление?

Она выпрямилась, взглянула на него.

Он попытался сдержать нетерпение.

— Ну пожалуйста, сестра,— попросил он,— сходите к ней. Скажите, чтоб она пришла.

— Ей запрещено приходить,— сказала она.— Вы что, не понимаете? Это ведь очевидно: ей запрещено, и она не может нарушить запрет!

— Вы видели ее? — спросил Фил.— Сегодня?

— В комнате сестер, разумеется. Кстати, она просила передать вам привет. Она желает вам скорейшего выздоровления.

Фил ничего не ответил, и сестра Берта продолжила обтирание. Время от времени она выжимала губку над тазиком и смачивала снова.

— Сестра,— сказал Фил,— сделайте для меня доброе дело, пожалуйста! Скажите, можно мне позвонить Крис?

— Да, но я не стану вас соединять с нею.

— Какой у нее номер?

— А почему я должна его называть? Вам запрещено с ней разговаривать. Шеф запретил. Он сказал, вы слишком возбуждаетесь от этого.

— Послушайте,— воскликнул Фил.— Я должен с ней поговорить. И она должна прийти... Как-нибудь!

— Обращаю ваше внимание, что вынуждена буду доложить, если вы сию минуту не успокоитесь.

Через какое-то время она спросила уже более дружелюбно:

— Вы, должно быть, влюбились в нее, да?

Фил не ответил, и она продолжила:

— Вы не представляете, как часто больные влюбляются по уши в сестер. Три раза в неделю, это уж точно. Я могла бы вам рассказать потрясающие истории. Я на эту удочку не попадусь. Стоит вашему брату поправиться, он про нас и не вспомнит. У меня была когда-то подруга, ее звали Элли. Вот уж она влипла. Это было, когда я еще в Сантьяго работала. Однажды туда привезли...

— Протрите мне лицо, сестра,— сказал Фил.

Она выполнила просьбу. Потом сказала:

— Да не принимайте вы так близко к сердцу! Выбросьте Крис из головы. Тут уж ничего не поделаешь! Ей вы тоже здорово вскружили голову. Ходит вся зареванная. Но доктор ей найдет занятие.— Она бросила на Фила быстрый испытующий взгляд.— Не переживайте. Это пройдет. Нам тоже несладко. Пляшем под его дудку, да еще как. А что тут поделаешь, в такой ситуации?

Она бросила губку в тазик, зажала бутылку под мышкой и вышла.

Под вечер пришел главный врач. Он остановился у постели Фила и принялся изучающе разглядывать его.

— Хорошие новости, Абельсен,— сказал он.— Маленькое солнце, к которому мы направляемся, уже показалось в телескоп. Свет у него очень слабый, судя по всему, оно довольно холодное, но, как бы то ни было, это солнце.

Он нажал одну из клавиш на пульте у кровати. Шторы раздвинулись. На ближнем плане — серебристая стенка внешнего кольца, за ней бесконечный космос. Звезды медленно вращались вокруг оси, находившейся вне поля его зрения.

— Сейчас покажется,— сказал врач.— Вот смотрите! Там, где три яркие звезды образуют равнобедренный треугольник. Там наша Эр-Зет 11... В правом углу треугольника. Невооруженным глазом пока, увы, не разглядеть. Но самого интересного вы еще не знаете: у нашего солнышка есть планеты. По крайней мере одна. Я устано-

вил легкое уменьшение интенсивности света. Продолжается сорок пять минут. Скорее всего, это проходящая по орбите планета. Там мы и сядем. Через несколько дней я включу систему торможения. Точного расчета пока еще нет.

Гордо подняв голову, он глядел в черную пустоту. В этой пустоте он открыл остров, на котором могла закрепиться жизнь.

— Как выглядит планета, я, естественно, пока не знаю. Наверняка не слишком приветливо. Но у нас есть все, чтобы там зацепиться и как-то ее обжить. Другого выбора все равно нет. Продолжать полет в неизвестность — это было бы слишком дорого. Слишком много времени, слишком много энергии.

Он вновь нажал клавишу пульта, и шторы закрылись.

— Кстати, Абельсен, это для вас, — сказал он, показывая на ящичек под кроватью. — Возможно, ваши руки уже достаточно окрепли.

Он ощупал плечо и предплечье Фила.

— Попробуйте!

Он расстегнул ремень на правой руке пациента. Фил сделал вид, будто с напряжением пытается поднять руку. Закусив губы, он бессильно поёрзал по подушке, словно не мог совладать со своими мускулами.

— Оставьте, не напрягайтесь, — сказал врач. — Вы еще не окрепли. Давайте я снова пристегну вас. Иначе вы можете не совладать с собой, если вдруг сведет мышцы.

Он застегнул ремни, и Фил с благодарностью отметил, что он не стал затягивать их ту же, чем прежде.

— Да, — сказал врач. — Мы скоро достигнем цели, я должен начать подготовку. Что делать с вами? Хотелось бы как-то вас убедить. Вы ведь достаточно интеллигентны. Когда-то были лейтенантом.

— А что, сейчас уже нет? — спросил Фил.

— Нет, — сказал главный врач. Лицо его приняло почти доброжелательное выражение. Он все еще стоял рядом с постелью Фила, похожий на монумент, воплощение судьбы. — Вы подумали о том, что я вам сообщил? — спросил он.

Фил кивнул.

— Да.

— Вы признаете, что мой план правилен?

Фил молчал.

— Эта история с Крис... Поверьте, я понимаю вас. Но такие вещи легко преодолимы, даже если поначалу болезненны. Вы ведь согласны, что женщины обязаны выполнить свое предназначение, верно?

— Это бесчеловечно,— ответил Фил.

— Выходит, не понимаете. Мне бы хотелось, чтоб кто-то меня понял. Меня и все значение моего плана. Жаль. Но если вам не хватает ума и интеллигентности — придется обойтись без понимания. Вы готовы добровольно сотрудничать в решении той великой задачи, что нам предстоит? Пусть даже не понимая железной логики необходимости? Вы готовы подчиниться мне добровольно?

Фил молчал, и он продолжил приглушенным, но твердым голосом:

— Я предпочел бы, чтоб вы добровольно проявили готовность к сотрудничеству. Тогда со временем вы все-таки признали бы мою правоту. Быть может, вы не в состоянии следить за ходом моих мыслей, столь внезапно все это на вас свалилось? Я желаю вам добра, Абельсен. У вас еще есть шанс. Ну?

Губы у Фила пересохли. Он боролся с собой. Не то чтобы он согласен был подчиниться. Но разумно ли было восставать открыто? Кому от этого будет лучше?

— Подумайте все-таки, Абельсен! — сказал врач. Он уже начал терять терпение. Плохо скрытое раздражение звучало в его голосе. — Я вовсе не прошу вас о любезности! Я могу сделать с вами, что захочу. Мне не стоило бы никакого труда заставить вас подчиниться моей воле. Средства для этого у меня есть! — Он похлопал рукой по карману халата. — Но я не горю желанием их применять. Я хочу, чтобы вы добровольно признали мою правоту!

Фил уже понял, как ему нужно себя держать.

— Это не так легко,— сказал он.

— Что не так легко? — спросил врач.

— ...Вас понять,— ответил Фил.— Ситуация невероятно сложная. И план ваш далеко не простой. Он гигантский.

— По крайней мере это ты понял, мой мальчик,— пробормотал врач. И добавил громко: — А вы не хотите попытаться вникнуть в него?

— Я пытаюсь,— ответил Фил.

Врач что-то обдумывал.

— Я не могу дать вам на обдумывание много времени. Торможение начнется уже завтра. При повышенной силе тяжести мы все недееспособны. Но я все-таки хочу попытаться...— Он запнулся и испытующе взглянул на Фила.— А не хотите ли вы просто выиграть время, Абельсен? И не замышляете ли какой-нибудь трюк? Вы действительно готовы подчиняться моим требованиям?

— Разумеется, готов,— подтвердил Фил. Оставалось надеяться, что это прозвучало искренне.

— Вы согласны отказаться от Кристины?

— Да,— ответил Фил. Голос у него был сдавленный. И прозвучало это наверняка фальшиво.

— Так,— сказал врач. Он внимательно посмотрел Филу в глаза.— Не уверен, что могу вам доверять. Придется подвергнуть вас испытанию.— Он взял из рук Фила кнопку звонка и нажал. Через несколько секунд вошла сестра Берта.— Помогите мне! — приказал он.— Мы переставим кровать!

В ответ на удивленный взгляд сестры он сказал резко:

— Что уставились! Беритесь!

Он рывком развернул кровать, приставив к стене, на которой помещался матовый экран видеофона. Голова Фила оказалась на расстоянии примерно метра от него, экран был прямо перед ним.

Доктор Миер повернул диск. Раздались длинные гудки.

— Смотрите на экран,— сказал он.— Думаю, это поможет вам увидеть реальность в истинном свете.

Подойдя к двери, он сделал знак сестре. Фил остался один.

Абель чуть не проскочил мимо Остина. Тот сидел на корточках, упершись в колени подбородком, у боковой стены склада.

— Что с тобой? — спросил Абель.

Остин поднял к нему лицо — светлое пятно во мраке; он молчал.

— Я искал тебя, — сказал Абель. — Где твоя взрывчатка?

Остин пожал плечами.

— Нет никакой взрывчатки. Ты был прав!

— И что теперь ты хочешь делать?

— Ничего. Майор убит?

— Нет, — сказал Абель. — Это теперь не имеет смысла.

— Это никогда не имело смысла.

— Может, и раньше это не имело смысла. Но тогда я твердо верил в это. А сейчас... Как подумаю... Откуда мы вообще знаем, что имеет смысл, а что нет...

Они молчали несколько секунд. На противоположной стороне показался часовой, он прошел по дороге, свернул за угол барака.

— У нас нет пути назад, — сказал Абель. — Они провели инспекцию помещений.

— Откуда ты знаешь?

— Только что узнал.

— И что ты теперь будешь делать?

— Ничего. Как и ты.

Остин встал.

— Абель! — попросил он. — Давай попробуем еще раз. Вместе.

— Что? — спросил Абель, хотя и знал ответ.

— Вырваться отсюда. Через ту дыру в проходе. Может, получится и без взрыва. Там есть один блок... узкое такое место. Но если мы вместе...

— Хорошо, — прервал его Абель. — Мне все равно. Я пойду.

— Секунду, — прошептал Остин. — Подожди.

Он исчез в темноте. Через несколько минут он вернулся. В руках у него была тяжелая штанга.

— Это центральная опора десятиместной палатки,— пояснил он.— Можно использовать как лом. И два фонаря у меня в кармане. Они нам понадобятся. Пошли!

Они пробежали к машинному залу, проникли через ворота в освещенный коридор, потом в темный проход и по ступенькам вверх; никто их не задержал.

Остин нырнул в расщелину между скал.

— Поддай мне лом,— сказал он.

Абель протянул штангу, и Остин изнутри направил ее в нужное место, потом вылез. Они положили фонарик на скалу так, чтобы свет падал в нужном направлении, потом навалились на штангу. Она выширала вверх на высоте колен, словно оглобля повозки.

— Так не пойдет,— сказал Абель.

Он задумчиво огляделся, потом уселся на землю, упираясь ногами в штангу-лом. Остин уселся рядом в такой же позе.

— Давай!

Штанга оказалась гибкой, но из очень прочного металла. Она гнулась, распрямлялась, снова гнулась... Скрежет, грохот, пыль вырывались из расщелины.

Остин хотел сразу же нырнуть в пещеру, но вынужден был вернуться, откашливаясь и отплевываясь.

Пришлось подождать.

Абель поднял фонарик и немного огляделся.

— Похоже, что это натуральная горная порода,— сказал он, направив луч света на коричнево-красные прожилки. Подняв с земли обломок скалы, он поцарапал по стене.— Сплошь вулканические извержения, осадочных пород нет,— добавил он.

— Этот проход был пробит взрывом,— предположил Остин.— Вот сюда закладывали взрывчатку.— Пальцем он провел по гладкому вогнутому желобку.

Абель взобрался на выступ скалы, чтобы рассмотреть породу повыше.

— Такое чувство, будто здесь теплее,— сказал он.— Ты не замечаешь?

Остин вытянулся во весь рост, положил ладони на шер-

шавую темную поверхность, испещренную мелкими кристаллами.

— Возможно, ты прав. А это что?

Из ниши он вытащил маленький ящик, по форме напоминающий кирпич. Углы окантованы темным металлом, стенки из прочной пластмассы. Сбоку от ящика тянулся кабель, вложенный в металлическую спираль, он вел к тубусу. Больше ничего приметного не было, ни индикатора, ни кнопки, только два углубления для глубоко ввинченных болтов.

— Что бы это могло значить? — спросил Абель.

— Понятия не имею, — сказал Остин. — Пыль рассеялась. Давай дальше!

Он вновь попробовал вползти в расщелину, но обломки скал загромождали ее, пришлось сначала расчистить проход. Присев на корточки, он удалил сначала крупные камни, потом сгреб щебень в сторону. Как только отверстие расширилось настолько, что можно было туда проползти, он протиснулся внутрь, осторожно перемещая большие обломки к ногам, там их принимал Абель, убирая с дороги. Так они проработали полчаса, потом Остин кряхтя вылез.

— Смени меня. Я должен чуть передохнуть.

Абель взял фонарь и протиснулся в отверстие. Это была узкая, тесная дыра, в которой едва хватало места. Пытаясь поднять голову, чтобы глянуть вверх, он больно ударился о выступ скалы. Пришлось держать голову опущенной, лишь иногда он бросал взгляд на свои руки. Предстояло выгрести еще огромную грудку камней, он с трудом дотягивался до них, хотя они лежали прямо под носом.

Он почувствовал, как на затылке образовалась шишка. Сначала она болела, болели и сведенные судорогой мышцы, болели локти и колени, в которые вонзались острые камни. Потом боль постепенно ослабла, усилилась жара, он превратился в машину, ничего не чувствующую и ни о чем не думающую, он просто рыл и разгребал, как экскаватор.

Сантиметр за сантиметром, с огромным трудом, он продвигался вперед. Когда луч фонарика, который он,

чтоб освободить руки, зажал во рту, осветил пространство впереди, он увидел, что крышка прямо перед ним. Он вытянул руку — пальцы его коснулись металла. Силы отказали, и несколько секунд он пролежал без движения.

— Что с тобой? — спросил Остин.

— Вытяни меня за ноги, — простонал Абель. — Фонарь я оставляю для тебя.

Остин вытащил его, Абель помогал, как мог, руками. Сначала пришлось отдышаться, только потом он смог произнести:

— Осталось уже немного. Я смог дотянуться до запора... Быть может, еще минут на десять работы.

Остина невозможно было удержать. Он полез в отверстие, и Абель услышал, как он там возится.

Постепенно Абель собрался с силами. Он встал на колени у входа, попытался разглядеть, что происходит внутри. Остин продвинулся вперед уже довольно далеко.

— Здесь возле крышки углубление, — крикнул он. — Можно опереться. Сейчас выброшу еще несколько камней, тогда будет свободнее.

Абель наполовину влез в расщелину, чтобы принимать обломки. Остину стало легче теперь их выталкивать изнутри, и вскоре они расширили лаз.

— Если устанешь, пусти меня, я продолжу!

— Пробую отвернуть крышку! — Послышалось тяжелое дыхание, потом вздох облегчения. — Она поворачивается!

Абель услышал тихий скрип, затем снова грохот, скрежет, будто тащили что-то тяжелое.

— Прошу — дверь открыта!

— Подожди! — крикнул Абель.

Он быстро схватил второй фонарик и пролез в щель. Теперь ползти было относительно сносно. Он дополз до люка — круглое отверстие было открыто... Абель посветил внутрь, прежде чем лезть туда. Отвинченная крышка лежала на земле. Опираясь руками, Абель пролез внутрь, это была абсолютно пустая, круглая маленькая камера, стены которой, в отличие от ведущего к ней прохода, были тщательно забетонированы.

— Остин! Подожди! — крикнул Абель еще раз.

Только что он слышал его, теперь было тихо. Остин уже покинул камеру через другой люк, устроенный точно так же, как первый. Снова надо было отвинтить крышку, теперь она лежала на полу, как и первая. На выпуклой поверхности Абель заметил знак — красная треугольная фигура на светло-сером фоне.

Слабый блеск проникал снаружи, тянуло каким-то холодным удушливым газом. До Абеля донесся слабый заморающий крик. Быстро пересек он узкое пространство. Сквозь отверстие в люке увидел край металлической лестницы. Едва он протянул руку, чтоб схватиться за ступеньки, наверху что-то загрохотало, с шумом посыпались вниз камни, потом что-то глухо несколько раз ударило по ступенькам... Тело Остина, словно мешок, упало к ногам Абеля. Он дернулся еще раз на полу и замер. Абель хотел перевернуть его, уложить поудобнее, тут взгляд его упал на лицо — это была сплошная черная короста.

Абель не терял больше ни секунды. Он понял. Поднял крышку и плотно завернул ее. Плита была невероятно тяжелой — наверняка проложена свинцом. Так же быстро скользнул он во внутреннее отверстие; здесь он тоже тщательно завернул крышку. Потом протиснулся сквозь расщелину и выпрямился. Тихое шелканье послышалось сверху. Он посветил вверх — там стоял обнаруженный Остином прибор.

Абель дрожал всем телом и не мог понять, от напряжения это, от ужаса или отвращения. Он почувствовал, как в нем разрастается ярость, на сей раз не бессмысленная, слепая, захлестывающая ярость, а холодная и спокойная, от которой по телу бежали мурашки. Он сунул руку в карман, за пистолетом. Тот был на месте. Он вытащил магазин; пули находились в ячейках на нужном месте. Он повернул пальцем втулку зажигательного устройства — блеснула искра. Вновь собрал он пистолет и помчался вниз к лестнице. Ничто на этот раз не помешает ему спустить курок.

И тут на него упал луч фонарика.

— Кто здесь?

Это был незнакомый мужской голос, во всяком случае не голос майора.

Абель держал оружие наготове — это давало ему ощущение превосходства, он чувствовал себя настолько уверенно, что не стал пускать его в ход.

— Как вы со мной разговариваете! — крикнул он, не замедляя шага. — Стоять смирно, когда ко мне обращаетесь!

Абель не рассчитывал, что человек примет его за майора, он рассчитывал на автоматическую реакцию солдата, услышавшего команду, да еще в такой резкой форме.

Расчет оправдался. На мгновение луч фонарика соскользнул с него, человек вытянулся... Абель тут же оказался рядом и нанес правой сильный резкий удар, их в обязательном порядке осваивали все солдаты. Часовой беззвучно рухнул на землю. Обучение приемам ближнего боя оправдало себя. Абель быстро склонился над поверженным и посветил фонариком. Это был сержант. Оружия при нем не было. Абель направился к двери.

Коридор, как всегда, был пуст — тусклые матовые лампы по бокам сливались вдаль в сплошную линию. Быстрее по коридору вдоль этих тусклых светильников. На бегу он считал двери, толкнул ту, что вела в машинный зал, средоточие его помыслов.

Часовой преградил дорогу, рука с пистолетом невольно дернулась, но Абель и тут запретил себе расходовать понапрасну пули.

Он сунул пистолет в карман и бросился на часового. На мгновение увидел перед собой ошеломленное лицо, рот, раскрытый для крика, — и тут же нанес левой удар прямо в челюсть, правый кулак угодил в живот противнику. От толчка оба отлетели к стене... Упали, сцепившись, на пол, дюжина сложенных пластмассовых канистр рухнула на них... одна раскололась. Абель лежал на противнике, зажимая ему ладонью рот, посреди тысяч черных шариков, как жуки разлетевшихся на полу. Абель почувствовал, как противник отчаянно пытается схватить ртом воздух, он использовал ситуацию, чтоб другой рукой зажать ему нос; извивающееся тело он крепко сжал ногами; коленями придавил руки.

На рукаве куртки блеснул серебряный уголок — этот

человек был капралом. Он дернулся еще пару раз... Тут Абель услышал голоса:

— ...А вы прочешете с вашими людьми бельевого склад. Ясно?

— Так точно, господин сержант!

— Тогда начинайте с центра!

Одна из дверей открылась. Снова кто-то что-то говорил, но тише, чем прежде, и Абель не смог разобрать слов. Потом он услышал топот сапог. Они приближались к нему. Молниеносно принял он решение. Сунув пистолет стволом вниз в сапог, он громко постучал в дверь.

Шум шагов смолк.

— Войдите!

Абель распахнул дверь. Сержант изумленно оглядел его.

— Что вы здесь делаете, рядовой?

Абель щелкнул каблуками и выкрикнул:

— Прошу разрешения доложить господину майору!

— Да вы, похоже, свихнулись! Пройдите!

Он указал на дверь, Абель прошел вперед, сержант за ним. Два капрала в полном походном снаряжении появились в коридоре, они вылупились на него, как на диковинного зверя.

— Ну, докладывайте! Вы что, не знаете, что не имеете права покидать казарму во время ночного сна? И что вход в эти помещения вам запрещен? Слушаю вас.

Абель прикинул, скоро ли капрал придет в себя. Решил, что нужно спешить. Он сказал:

— У меня важное донесение для господина майора. Прошу разрешить мне пройти к господину майору!

— Он хочет к майору! — вскричал один из капралов. — Да он просто хотел попасть сюда, это понятно.

Сержант оборвал его.

— Солдат будет наказан, это ясно. — Он вновь повернулся к Абелю. — Сообщите ваше донесение мне. Быстро!

— Я могу сообщить его только лично господину майору, это срочно!

Сержант подал капралу знак.

— Возьмите-ка его в работу. Немного штрафных упражнений научат его дисциплине.

— Речь идет о карманном фонарике, господин сержант,— выкрикнул Абель.— Его взял Остин пятьдесят шесть дробь восемь. Он дезертировал, а я преследовал его. Майор гарантировал освобождение от наказания... Кто сообщит что-нибудь об этом случае, не будет наказан. Я лишь выполнял свой долг!

Сержант немного подумал.

— Поглядим,— сказал он.— Следуйте за мной!

Он прошел впереди Абеля мимо четырех узких дверей. Комнаты женщин. Потом остановился. Еще раз испытующе поглядел на Абеля.

— Ну и вид у вас, солдат! — сказал он осуждающе. Затем постучал в дверь майора. Тишина после глухих ударов длилась всего несколько мгновений, но для Абеля они были невыносимы.

— В чем дело? — раздалось из комнаты.

— Господин майор, со мной солдат, который имеет донесение относительно недавних событий.

— Пусть войдет!

Сержант открыл дверь и протолкнул Абеля вперед. Оба вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь майору.

Майор стоял перед географической картой, спиной к ним. Они видели его руку, державшую кусочек мягкого мела и чертившую дуги на плане, что висел над кроватью: короткая дуга опоясывала небольшую группу прямоугольников, а та, что подлиннее, противостояла точно такой же с другой стороны.

Наконец он опустил руку.

— Битва при Ватерлоо,— сказал он.— Классический пример образцовой тактики. Непревзойденный шедевр. Веллингтон — гений.— Он слегка коснулся мелом дуги.— Здесь — первая армия генерала Блюхера, здесь — вторая. Даже если бы контрудар последовал отсюда... — Он резко повернулся: — Ну, что у вас?

— Господин майор,— доложил сержант.— Этот солдат...

— Хорошо, сержант,— прервал майор. Впервые он взглянул на Абеля. Лицо его приобрело привычное жест-

кое выражение, нездоровая краснота исчезла. Зубы блестящие.— Что вы имеете сообщить?

— Я могу доложить это только вам лично,— ответил Абель.

Легкая ирония скользнула по лицу майора. Он пристально посмотрел на Абеля.

— Выйдите, сержант. Закройте дверь!

— Слушаюсь, господин майор.

Сержант вышел из комнаты. Абель услышал, как захлопнулась дверь. Майор повелевающе поднял руку с мелом. Другая была в кармане куртки. Выпрямившись, он стоял перед Абелем, словно поощряя его. Он полностью подставил ему грудь.

Рука Абеля скользнула к ноге. Он выхватил пистолет, прицелился. Указательный палец нажал на крючок. Раздался выстрел, потом еще один, и еще. Тонкий прозрачный дымок потянулся от ствола.

Майор по-прежнему стоял перед Абелем, медленно опускавшим пистолет. Сколько времени пройдет, пока пули подействуют? Он целился прямо в грудь. Так почему же не видно входных отверстий?

Дверь распахнулась.

— Господин майор, что случилось?

— Свихнулся, чертово отродье? — прорычал майор. — Как смеете врываться ко мне без стука? Вон!

Дверь снова захлопнулась. Абель не оглянулся. С сомнением он смотрел майору в лицо.

— Вот видите,— сказал майор. Он был абсолютно спокоен.— Этот трюк с пистолетом... Все очень просто.— Он положил мел на темный стол, подошел к Абелю и бережно взял оружие у него из рук. Из патронного подсумка за поясом он извлек пулю.— Вот это — пуля настоящая.— Он повертел ее между пальцами и подал Абелю.— Она отличается от учебных плотностью. Обратите внимание на канал. Как вам известно, в учебных пулях имеется сквозное отверстие, проходящее от острия вдоль оси до самого основания. Его назначение я вам объясню. Но прежде о наиболее важном, о материале. Материал здесь не плотный, во всяком случае не столь плотный, как в настоящей

пуле. Он состоит из легированной смеси ртути, сурьмы и некоторых других металлов, которые под действием тепла, образующегося при разрыве, плавятся и на выходе из ствола немедленно испаряются. Это одно из наиболее естественных условий безопасности, не только моей личной, но и безопасности моих людей. Ведь пуля легко может отлететь в сторону! А каждый из моих солдат мне дорог!

Майор извлек из пояса еще несколько пуль, вынул магазин и задумчиво заполнил его. Потом снова вставил обратно. Взвесив пистолет в руке, он тихо засмеялся.

— Как здесь спускают курок? — спросил он. — Грустно видеть такую замечательную вещь без спуска, без рукоятки. Вот как это делается! — Он быстро прицелился и нажал курок. Штык со звоном упал со стены. Шнур, на котором он висел, был прострелен.

Майор доброжелательно взглянул на Абеля.

— Это чтоб вы лучше поняли, — заметил он. — На чем я остановился? — Он задумался, потом сказал тихо, но с угрозой в голосе: — Солдат Абель пятьдесят шесть дробь семь, я вас о чем-то спросил! Итак, на чем я остановился?

Абель молчал.

— Не хотите отвечать. Ну что ж. Тоже неплохо. Я должен еще объяснить вам назначение канала. Вот что. Вы ведь умник и наверняка сейчас ломаете голову, каким образом из такого пистолета можно поразить на учебных стрельбах цель, так ведь? Ну, тут все очень просто: детонация порохового заряда — достаточно сложная химическая реакция — сопровождается световым эффектом. Лучи проникают как раз через тонкий канал и попадают, если вы хорошо прицелились, прямо на мишень. Разумеется, эффект слабый, но он не настолько слаб, чтоб его нельзя было зарегистрировать фотоэлементами. Каждое кольцо мишени является фотоэлементом. Вызванный вспышкой разряда импульс содержит определенный потенциал, щетки снимают его и передают на счетное устройство. Теперь понятно? Есть еще вопросы?

Абель не ответил.

Майор несколько мгновений разглядывал его.

— Я с удовольствием побеседую с вами еще кое о чем. Абсолютно невероятно, что вы сумели вырваться из моей системы!

Он нажал на кнопку в стене у изголовья кровати. Через несколько секунд в дверь постучали.

— Войдите!

Вошел сержант и, согласно уставу, вытянулся перед майором. Абель стоял ссутулившись, руки вяло опущены.

— Отправьте его в музыкальную комнату!

— Слушаюсь, господин майор! Господин майор! Разрешите доложить? Время утренней поверки.

— Хорошо, сержант, иду.

Из ящика ночного столика он взял хомутик мегафона.

— Включите в музыкальной комнате громкоговоритель. Он должен прослушать мое еженедельное обращение.

— Слушаюсь, господин майор! — выкрикнул сержант.

Майор взял фуражку с вешалки у двери. Потом поднял в приветствии руку и вышел.

Сержант несколько секунд стоял, отдавая честь. Затем повернулся к Абелю:

— Походным шагом, марш!

14

После обеда сестра Берта отключила на час машину «сердце—легкие». Этот час прошел без осложнений — осталась только свинцовая усталость. Недавняя беседа с главным врачом утомила Фила, он ощущал свое бессилие, невозможность бороться. Без сил лежал он на надувном матрасе, уставившись на темный экран. Ничто там не двигалось, по-прежнему раздавались длинные гудки. Когда он закрывал глаза, они словно становились громче, звучали угрожающе. Хотя от видеоэкрана не могло исходить никакой опасности, он, казалось, излучал ужас. Мука усиливалась оттого, что Фил не знал намерений врача, связанных с его странными приготовлениями. Он охотно отдохнул бы несколько минут, но не мог заставить себя закрыть глаза. Экран магически притягивал его. Он ста-

рался отвернуться в сторону, чтоб забыться, но что-то заставляло его вновь и вновь глядеть на серый, матово поблескивающий экран.

Затем гудки внезапно прекратились, и экран засветился — маленькое бело-желтое пятно в центре быстро заполнило собою весь экран, краски обрели яркость, установилась нормальная резкость, на экране появилась часть комнаты. Должно быть, кто-то включил аппарат по указанию главного врача. Филу обстановка была незнакома, как, впрочем, и во всех остальных помещениях космического корабля, за исключением его палаты. Должно быть, это жилой отсек, чуть, может, больше, чем обычный, впрочем, точно определить это по изображению было трудно.

Фил напряженно вглядывался в безобидную декорацию, словно ожидая в любой момент драматических событий. В помещении стоял низкий столик, черная пластмассовая плита, закрепленная на алюминиевых трубках, рядом обычный стул. За этой нехитрой мебелью виден был угол тахты, застеленной серым покрывалом, на котором валялось несколько подушек. Над тахтой на стене висела, похоже, географическая карта.

Потом по изображению промелькнула тень, словно кто-то прошел возле самой камеры, так что Фил увидел только размытые контуры, зато отчетливо услышал шаги. Сцена вновь опустела... прошло пять или десять минут.

У Фила болели глаза. Когда на экране вновь что-то мелькнуло, он уже сомневался, не обман ли это зрения. В глубине помещения возле стула стоял главный врач. Он был в домашних туфлях и купальном халате. Он что-то доставал, Фил не мог разобрать, что, потом поднес руку ко рту. Взял в рот сигарету. Вспыхнул огонек зажигалки. На экране огонек казался обрамленным черным кантом. Зажигалка погасла. Главный врач затянулся, потом выпустил облачко дыма. Он повернулся влево и прошел чуть вперед. Тихо потрескивал экран. На мгновение Филу показалось, что он смотрит ему прямо в глаза.

Раздался стук в дверь.

— Да-да! — крикнул врач.

Лицо его было теперь прямо перед камерой. Слегка прищуренные глаза разглядывали объект, находившийся вне поля зрения Фила.

Дверь скрипнула.

— Ты точна,—сказал врач. Теперь он тоже исчез из поля зрения.— Закрой дверь!

Голос стал заметно тише, он явно отошел от микрофона.

Послышались непонятные шорохи, потом звук поцелуя.

— Ты пришла по доброй воле?—спросил врач.

— Да,—ответил женский голос.

Фил прислушался.

— Ты не была здесь уже неделю,—сказал главный врач.— Берта пресна. Она мне надоела.

Теперь на экране появились два человека, Фил видел их со спины. У женщины были светлые волосы, они свободно падали на плечи; на ней был халат. Врач подошел к ней сзади, так что Фил увидел его широкую спину. Голова опущена была вниз, руки вытянуты вперед, к женщине. Похоже, он целовал ее.

— Подойди сюда.

Это был голос врача.

Женский голос спросил:

— Но зачем?

Раздался тихий смешок.

— Потому что я так хочу.

В груди у Фила разразилась буря. Он уже догадался и теперь, стиснув зубы, ждал подтверждения своей догадки. И вот это произошло: лицо Крис появилось прямо перед ним. В натуральную величину, в естественных красках, пластичное, почти осязаемое. Он мог разглядеть каждый отдельный волосок в рассыпавшемся по плечам золотом море, черные точки в карих ее глазах, морщинки губ. Выражение ее лица было удивленным. Должно быть, она стояла прямо перед камерой, но Фила видеть она не могла, он лежал вне поля зрения камеры, установленной в его палате. Он расстегнул ремни, пытаясь сесть, чтобы она увидела его. Но ничего не получилось.

— Что это? — недоуменно спросила она. — Почему ты соединился с одной из палат?

— Не думай об этом, дорогая, — ответил голос врача. — Иди, сядь!

Оба исчезли, потом Крис появилась снова — она опустилась на стул и свободно откинулась на спинку. Главный врач сел на тахту.

— А что это, собственно, за история с твоим пациентом. Как же его звали... Абельсен, так, кажется?

— Да, Абельсен, Фил Абельсен.

Голоса звучали тихо, но можно было разобрать каждое слово.

— Ну, и как все это произошло? Он ведь с ума сходит по тебе. Ты что, нарочно соблазняла его?

— Нет.

— Все выглядело так, будто и он для тебя что-то значит. Как ты могла опуститься до пациента?

— Не знаю... Я не могу этого объяснить.

— Похоже, он увлек тебя разговорами, нарасказывал каких-нибудь сказок?

— Нет, ничего такого не было.

Голос ее звучал очень тихо, почти неслышно.

— Это была для меня тяжелая минута, когда я застал вас обоих в его палате... Ты помнишь, вчера. От тебя я никак этого не ожидал. Ты понимаешь, что заслужила наказание?

— Да.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Благоразумие всегда заслуживает похвалы.

Главный врач быстро поднял голову, Филу показалось, что он иронически подмигнул ему.

— Хорошо, оставим это. Все это неважно. Все прошло. Не так ли? К тому же, я могу объяснить, почему столь незначительный человек произвел на тебя такое впечатление. Причиной была его беспомощность. Тебе стало его жаль. В каждой женщине дремлет инстинкт материнства. Он пробудился и в тебе. Но гораздо сильнее в каждой женщине тяга к мужчине сильному, умному, деятельному. Ты понимаешь это, Кристина?

— Да, понимаю. Это была жалость.

— Здесь я — тот мужчина, сильный, умный, деятельный. Ты сделаешь все, что я от тебя потребую. Ты любишь меня.

— Я сделаю для тебя все. Я люблю тебя.

— Тогда все в порядке, Кристина. Сейчас мы это отметим.

Он встал и исчез с экрана. Обезумевший Фил, метавшийся в бессилии по постели, услышал тихое позвякивание стекла. Главный врач поставил два бокала на стол и налил из бутылки красную жидкость.

— Бургундское, — сказал он. — Красное бургундское. Спасенное из ада. Экспортированное в космос. За наш звездный час! Твое здоровье, дорогая!

Они чокнулись. Выпили.

— Сядь ближе ко мне, — потребовал мужчина.

Она исполнила его желание. Ее халат распахнулся на груди. Глаза прикрыты. Мужчина притянул ее к себе. Обнял, рука скользнула под распахнувшийся на груди халат. Двинулась к плечу, пальцы скомкали воротник, халат медленно сполз с плеч.

Больше Фил вынести не мог. В нем бушевала ненависть, он хотел одного — убить. Руку он освободил давно. Теперь он кипел желанием разнести вдребезги безжалостный экран. Но ненависть сделала его рассудительным, и он отказался от первого порыва. Выпрямившись, он потянул проводки, связывавшие его с датчиками. Дернул сильнее, рванул. Экран осциллографа погас.

Теперь правая его сторона была свободна. Слева его удерживали тонкие трубочки, соединенные с аппаратом «сердце — легкие». Рывком он скатился с постели. Оказалось не так высоко, но удар на секунду оглушил его.

Он собрался с силами... пополз к стенному шкафу; аппарат, к которому он был подключен, пришлось немного протаскать за собой. В шкафу в одном из отделений лежало то, что ему было нужно: локтем он разбил стекло, извлек несколько больших артериальных зажимов и хирургические ножницы, лежавшие рядом с перевязочным материалом.

Вчера и сегодня, когда главный врач и сестра Берта отключали его от аппарата, он внимательно изучал после-

довательность их действий. Он откатил кровать в сторону и снова пополз, волоча за собой аппарат к пульта. Он внимательно следил, чтоб не попасть в «поле зрения» камеры видеофона. Случайно он бросил взгляд на экран — любовная игра шла своим чередом, но теперь это означало для него только одно: возможность действовать, не опасаясь, что его остановят.

Он поставил оба регулятора аппарата «сердце — легкие» на ноль, сделал это плавно, постепенно, деление за делением. И внимательно следил за собственными ощущениями: почувствовал, как сильнее забилося сердце в груди, потом ощутил легкую тошноту — так было и вчера, и сегодня, когда его отключали, все остальное шло нормально.

В полулежачем положении брал он зажимы, перекрыв пластиковые трубочки как можно ближе к телу, потом перерезал их вблизи от зажимов. С тихим свистом вышел воздух из трубки, тянувшейся к искусственным легким. Из трубочки, подводящей к сердечному насосу, выплеснулась струйка крови. Желудочная трубка была вообще ни к чему не присоединена, из нее время от времени выделялась желтая слизь.

Опустошенным взглядом скользнул он по собственному телу. Он не способен был больше ни на какие чувства, все ему было безразлично — его положение, его жизнь, Крис. Одно желание полыхало в нем: убить врача. Он зажал в кулаке ножницы. Его бил озноб. Он пополз к кровати. Рывком стянул простыню и укутался в нее. Потом поднялся на колени и нажал на ручку двери... Дверь заскрипела... Он рухнул вперед лицом вниз.

Теперь он лежал на животе. Страшная тяжесть в желудке.

Это был коридор. Свет показался ему тусклым и серым. Зеркальные иллюминаторы отражали его, словно вода. Вовне свет не проникал. Там была ночь. Фонари... купе в поезде...

Нет. Космический корабль. Вселенная. Главный врач.

Фил встал на подгибающиеся ноги, передвигая их, как ходули. Пошел по коридору. Руками он держался за стену. Стена. Двери. Стена. Двери.

Зеленый свет. Должно быть, это лифт. Он нажал на кнопку... Ничего не изменилось... Подождал... Нажал еще раз... Хрипло рассмеялся. Зеленый. Значит, путь свободен. Отпустить сцепление, нажать газ. Дорожные знаки, гудки. Заднее стекло мутновато. Ближний свет, дальний свет. Снег. Снег, как конфетти. Полицейский машет рукой. Проезжай, проезжай быстрее. Остановка запрещена, дальше, дальше. Маленький талисман. Раскачивается перед глазами туда-сюда. Сейчас дать газ, третья скорость. В зеркале отражаются фонари. Еще прибавить газ, быстрее. Шоссе, скоростная автострада, движение в два ряда. Тормоз. Пристегнуться ремнем...

Он навалился на дверь, она поддалась.

Кто-то выключил свет... Теперь было снова светло. Светящаяся кнопка: третий этаж. Он ударил по ней кулаком...

Он скорчился на полу. Невидимая сила прижимала его все сильнее. Он лежал на боку, словно приклеенный... Рывок. Кабина все еще медленно поднималась... Неужели подъем не закончился?

Но коридор снаружи поднимался вместе с кабиной. Весь этаж поднимался вместе с ним. Неужели продолжается подъем?

Да нет, это ему кажется! Он выполз... хотел подняться... колени дрожали и подгибались...

Он пополз по коридору.

Поезд несется по долине. Мелькают фонари. Летят искры. Это сварочный аппарат. Человек держит аппарат в руках. Маска на лице, маска майя. Глаза, широко раскрытые в ночи. Джордж Ширинг. Ураган Дора. Калитка заперта. Испанская школа верховой езды. Молись и трудись неустанно. Лисица в западне...

Ужасно болели колени. Он лежал на чем-то очень твердом. Это пол, какая-то сила все еще прижимает его к полу. Он встал на колени и снова пополз. Он искал главного врача.

На дверях были таблички. Вычислительный центр. Дальше! Спортивный отсек. Дальше! Душ. Дальше!

Затылок сдавило словно клещами. Он уперся локтями

в пол, пытаясь противостоять давящей силе. Теперь он мог снова поднимать голову, чтобы читать таблички.

Канцелярия. Ординаторская. Секретариат. Главный врач.

Он поднялся перед дверью на колени. В правой руке он держал ножницы. Левой искал на ощупь на гладкой, серой, пластмассовой поверхности ручку. Рука неуверенными рывками ползла все выше. Ногти царапали пластмассовую поверхность... Рука соскользнула.

Так не пойдет. Он должен встать на ноги! Он попробовал сесть на корточки. Поставил правую ногу на пол и осторожно перенес на нее вес.

Мышцы напряглись. Разбег. Семь метров десять сантиметров. Центр тяжести вы должны перенести вперед. Тонизирующий напиток «Триумф» поможет вам. Проверка на алкоголь. Распиленная пополам девушка в цирке. Школа трактористок. Просека становится шире. Не провалитесь под лед.

Он преодолел...

Теперь он стоял на непослушных, подгибающихся ногах. Покачнулся. Восстановил равновесие. Вот сейчас он стоял нормально.

Он ухватился левой рукой за ручку и навалился на нее всем телом. Дверь поддалась и медленно отворилась.

Он чуть не потерял равновесие. Выпрямился, в глазах туман, оглядел помещение. Это был небольшой отсек. У правой стены письменный стол, под ним наполовину задвинутый вертящийся табурет. Стопки чистой бумаги, календарь. Папка с бумагами. Скоросшиватель. Напротив вешалка с одеждой, белый медицинский халат. Обитая чем-то мягким дверь...

Туман в глазах Фила сгустился и стал черным. Зарябило. Туман начал клубиться под порывами ветра.

Дверь. Он сделал шаг вперед.

Туман надвинулся снова, теперь черно-фиолетовый. Подождать, пока он не рассеется под порывами ветра.

Дверь.

Он рискнул сделать еще один шаг. Остановился. Собрался с силами. Прислушался: удары сердца похожи были на резкие отрывистые удары молотка. Легкие работа-

ли, как паровая машина. Он почувствовал, как к нему возвращается энергия. Ему нужно было ее немного — хватило бы лишь распахнуть дверь и вонзить ножницы в горло главному врачу.

Внезапно откуда-то сбоку налетел порыв ветра, он едва удержался на ногах. Пригнув голову, сделал шаг, потом еще один навстречу мягкой выпирающей стене. Он шел сквозь черный туман.

Медлить больше нельзя! Он поднял руку с острыми, как бритва, продезинфицированными хирургическими ножницами. Подошвы прилипали к полу, он с трудом отрывал их.

Энергия вдруг потекла из него, как из сита. Осталась лишь бумажная оболочка, не способная ни на какое движение, клонившаяся к полу. С ужасом заметил он, что стал сомневаться. Он сомневался теперь, удастся ли ему вообще попасть в комнату. Подошвы казались приваренными к полу.

Но не могло же все быть напрасным!

Лихорадочно замелькали мысли.

Он должен что-то предпринять. Если он не сможет добраться до главного врача, он должен хотя бы доказать, что всегда найдется кто-то, готовый к сопротивлению. И что убить это в человеке нельзя.

Он сосредоточил все свои усилия на правой ноге, ее необходимо было оторвать от пола. Ему удалось оторвать ее всего на сантиметр, но этого было достаточно, чтоб продвинуться вперед. Потом вновь накатила слабость, левая рука на ощупь принялась искать, за что бы ухватиться. Он вцепился в белую материю медицинского халата.

Одна из картин мелькнула в сознании Фила, одна из тысяч, что мелькали вокруг, сбивали с толку, преследовали, отвлекали от цели. Сегодня главный врач постучал по карману своего халата: «У меня есть для этого средства!» Рука Фила скользнула по белому нейлону вниз, оказалась в кармане. Пальцы нащупали стеклянную трубочку, вытянули ее.

Снова пришлось подождать, пока черный туман не рассеется... Теперь он вновь мог видеть: в стеклянной трубочке было несколько черных шариков — словно бусины

из черного дерева. В мгновения, когда черный туман рассеивался, он видел их вполне отчетливо.

Лицо его скривилось от отвращения. Он выпустил трубочку, словно это была ядовитая змея. Она скользнула обратно в карман.

Он прикинул расстояние до двери — осталось еще два-три шага...

Тут вновь из него потекла энергия. Ручейком заструилась по полу. Он почувствовал, что падает. Собрав последние силы, он протянул руку и распорол ножницами обшивку двери. Теперь они криво торчали в ней. Он провалился в черный туман.

15

Абель 56/7 повидал на своем солдатском веку, как и любой другой, немало наказаний, в том числе музыкальную комнату. Но, должно быть, существовали различные степени самого наказания, и нынешнее наверняка принадлежало к наиболее изощренным пыткам.

Шумы — свист колес, шелест листвы, топот бегущих ног. Голоса и музыка. Они могут быть, оказывается, очень громкими, неприятно громкими, мучительно громкими. Так продолжалось полчаса. Голос майора — невыносимо громкий. Раскаленным сверлом все это вонзалось в уши, потом все сменяла равномерная вибрация — и боль. Затем зазвучала песня, вполне нормальная громкость, и постепенно Абель вновь научился слышать. Он слышал нормально, но то, что ему только что пришлось пережить, придавало слуху особую чувствительность, и каждый посторонний звук, каждое повышение тона действовали на него как взрыв. А потом наступила тишина. Оказывается, могло быть тихо, очень тихо, и даже абсолютно тихо. Абель никогда еще не переживал такой тишины. Он не подозревал, что тишина может быть столь невыносима. Теперь он понял это, понял, почему они отправили его в музыкальную комнату, что в сравнении с другими наказаниями выглядело довольно безобидно.

Стены были абсолютно звуконепроницаемы. Ни ма-

лейшего звука не проникало снаружи. Стены обиты мягкой пористой резиной, помещение совсем пустое, за исключением динамиков, зияющих, словно разинутые пасти, с трехметрового потолка, да неоновой лампы в центре. Дверь никак не выделялась на фоне обивки; изнутри замка не было.

В мозгу Абеля все еще звучали голоса товарищей, песни, которые они пели, знакомые солдатские песни. Затем все смолкло, стало тихо. Но когда стало совсем тихо, когда тишина стала распространяться все дальше, подчиняя себе все, он вновь услышал голоса: выкрики, смех, визг, голоса, издевающиеся и приказывающие... Они обрушивались на него ниоткуда и отовсюду, сверху и снизу, они были внутри его самого... Он думал, что сможет безучастно выслушивать все это. Не удалось. Он попробовал закрыть уши руками, но крики не затихали... Он закричал сам, он кричал, кричал и кричал.

Затем в динамике щелкнуло. Чей-то голос произнес:

— Повиновение — высшая доблесть солдата.

И еще раз, более резко:

— Повиновение — высшая доблесть солдата.

Потом снова, еще резче:

— Повиновение — высшая доблесть солдата.

Голос повторял это снова и снова, каждый раз чуть резче и неприятнее, он звучал, как царапающий по тарелке нож, как пилочка, обрабатывающая ногти, от него бросало в дрожь, он проникал до мозга костей.

Слов давно уже нельзя было разобрать, но ритм сохранялся прежний, и прежняя последовательность звуков, пусть даже искаженных до неузнаваемости, тоже сохранялась... всякий раз, когда тело его пронзала отвратительная дрожь, в мозг ввинчивались слова:

— Повиновение — высшая доблесть солдата.

Когда приоткрылась дверь и ворвался дневной свет, Абель уже не смог бы сказать, как провел последние часы. А может, минуты? Стены кружились вокруг него, и любой звук доходил до барабанной перепонки словно сквозь толстый слой ваты.

Два сержанта повели его на учебный плац. Он был

пуст. Товарищи наверняка упражнялись сейчас в помещении. Ясно, что они не должны были его видеть.

Два сержанта, чтобы муштровать одного солдата.

— Встать, вперед марш! Ложись! Встать, вперед марш! Ложись! Встать, вперед марш!..

Когда один срывал голос и не мог уже больше кричать, другой сменял его.

— Встать, вперед марш! Ложись! Внимание! Кругом, вперед марш! Внимание! Воздух! Встать, бегом марш!

Один постоянно был рядом, он дергал за шиворот, давал пинка коленом или просто бил кулаком, если Абель реагировал недостаточно быстро.

— Внимание! Сто раз отжаться на руках! Быстрее!

Сержант поставил сапог на затылок Абеля и в быстром темпе прижимал его голову книзу.

— Быстрее!

— Встать, бегом марш!

— Внимание!

— Кругом, марш!

— Внимание!

Через час, когда Абель уже еле держался, появился майор и какое-то время понаблюдал за дрессировкой.

— Солдат еще может стоять на ногах! — рявкнул он. — Абель пятьдесят шесть дробь семь, ко мне! Быстрее! Сержанты, кругом, марш! Воздух! В укрытие! Слишком медленно! Встать, вперед марш! Внимание! Воздух! В укрытие! Парни, не бойтесь сунуть нос в дерьмо! Внимание! Слишком медленно! И вы еще хотите чему-то научить других! Две недели штрафной службы. Свободны!

Оба сержанта удалились быстрым шагом.

— Мои люди ненавидят меня, — сказал майор. — Они боготворят меня, и они меня ненавидят. Все правильно. — Он обвел глазами двор казармы, который сейчас был пуст, перевел взгляд на желто-серое, затянутое дымкой небо. — Любовь — это чувство слабых. Только ненависть порождает настоящую силу. Но надо всем стоит повиновение. — Только теперь он взглянул на Абеля. — Пошли, — сказал он.

Они шли рядом: высокий, широкоплечий, держащийся очень прямо майор в скромной и отутюженной форме

и Абель, выглядевший рядом с ним существом низшей расы, согнутый, неуверенно держащийся на ногах, измученный, в грязной форме.

Короткими жестами майор показывал дорогу. Через дверь рядом с караулкой они вошли в первое помещение, небольшой холл с креслами из легких трубок, уже знакомый Абелю. Сержант как раз наговаривал что-то в диктофон, соединенный с пишущей машинкой, при виде майора он вскочил.

— Продолжайте, — кивнул майор, когда сержант собрался отдать рапорт.

— Слушаюсь, господин майор, продолжать!

Он стоял навытяжку, пока его главный начальник и Абель не прошли мимо. На Абеля он бросил взгляд, исполненный отвращения.

Майор отвел Абеля в свою комнату, закрыл дверь. Указав на узкую дверцу в правой стене, которую едва можно было разглядеть, поскольку она была оклеена теми же серыми обоями, он проронил:

— Приведите себя в порядок! Примите душ!

Порылся в ящике и вытащил махровое полотенце, кусок мыла и щетку.

Маленькая каморка была оборудована под душевую. На левой стене вмонтированы два металлических крана, один с голубым, другой с красным эмалированным ободком, под ними умывальник, над ним стеклянная полочка, на которой стоял стакан с зубной щеткой, три различного цвета тюбика и сложенная голубая махровая рукавичка. На высоте человеческого роста висело зеркало, над ним круглый настенный телефон. В глубине помещения стоял напоминающий виселицу душ. Пол был там чуть ниже и выложен кафелем. В центре водосток, закрытый сеткой.

Абель бросил взгляд в зеркало. Это был он. Победенный неудачник. Лицо бледнее, чем обычно, почти сплошь залеплено грязью, беззубый рот, похожий на рану. Нос вымазан глиной, как у клоуна. Абель тихо расмеялся.

Майор показался в дверях, бросил ему махровый халат.

— Выстирайте одежду под душем. И повесьте здесь

сушиться.— Он указал на гармошку радиатора справа от двери.— А сами наденьте это!

Он снова вышел. Абель услышал, как он ходит по комнате взад-вперед.

Погруженный в свои мысли, Абель разделся, положил одежду в углубление под душем, пустил воду. Потом сам стал под дождик. Теплая, почти горячая вода действовала удивительно благотворно, и все же он почувствовал сильную усталость. Не в силах больше держаться на ногах, он закрыл глаза, пошатнулся и чуть было не упал, но вовремя ухватился за кран. Должно быть, он повернул его, поскольку вода пошла холоднее. Оставив ее чуть теплой, Абель занялся одеждой. Стекавшая с нее вода напоминала густой желтый бульон. Абель попробовал руками отстирать засохшую грязь, а когда ему это не удалось, стал просто топтать одежду босыми ногами. Комья глины, не растворявшиеся в воде, он давил пятками. Потом долго держал выстиранную форму под сильной струей воды. Напоследок он смыл грязь с башмаков. Одежду он развесил на радиаторе, башмаки поставил под ним. Потом еще раз встал под душ и растер все тело щеткой, кожа покраснела и теперь приятно горела. Он завернул краны и вытерся полотенцем. Без шума воды стало тихо и жутковато. Шаги вышагивающего по комнате взад-вперед майора звучали громко и тревожно.

— Готовы? — крикнул он.

Майор распахнул дверь. Абель натянул махровый халат, мягко окутавший тело.

— Вот тапочки,— сказал майор. Он подошел к радиатору и принялся внимательно разглядывать одежду.

— Обувь могла бы быть чище,— заметил он.— Ну, выходите!

Майор шел впереди, Абель молча за ним. Их путь лежал через несколько помещений, явно использовавшихся под склад материалов. Упакованные в полиэтиленовую пленку, там лежали металлические и стеклянные части шкафов, полки, дюжины больших коробок сложены были в большие пирамиды. На них были надписи крупными черными буквами, но смысл надписей Абелю был неясен.

Майор подождал, пока Абель подойдет к нему, потом показал на сложенные предметы.

— Чтобы поддерживать здесь жизнь,— объяснил он,— мне нужно много машин, производящих энергию и управляющих ею. Любые запасные части, которые когда-либо смогут понадобиться, лежат здесь. А в этом бронированном помещении содержатся запасы энергии на тысячелетия.

Он подошел к стене, на которой смонтирована была сложная система рычагов и сочленений. Два из них соединены были с системой из пяти клавишей, вверху щупальца уходили в стену. Между ними находилась напоминающая камин шахта, также изгибом уходящая в стену. Перед нею стояла табуретка.

Майор уселся и заглянул в устье шахты.

— Поглядите сами! — приказал он и освободил Абелю место.

Абель сел на табуретку. Камин оказался своего рода перископом, с помощью которого можно было оглядеть соседнее помещение. Справа он увидел сотни тускло поблескивающих стержней, длиной метра полтора, диаметром сантиметров десять. Каждый стержень находился в углублении и на определенном расстоянии от соседнего. Похоже на металлический лес, растущий из бетонного пола.

Слева находился бассейн с чистой прозрачной жидкостью; если бы в нем были рыбы, можно было бы принять его за аквариум, но рыб там не было.

Над лесом стержней бегал маленький кран на колесах, но вместо обычного для крана крюка у него был круглый захват. Похожий кран помещался и над бассейном, только там вместо захвата была огромная пипетка.

В центре помещения находилось металлическое чудище, передняя сторона которого усеяна была всевозможными датчиками.

— Урановые стержни,— пояснил майор,— если можно так выразиться, спички для тяжелой воды в бассейне слева. Из соображений безопасности между ними и реактором свободное пространство. Это реактор типа ESCE, производящий энергию непосредственно в виде электри-

ческой. Разумеется, это простая модель, зато очень надежная в работе. Время от времени — это значит раз в два года — нужно пополнять тяжелую воду, наш горючий материал. Тогда необходимо на какое-то время остановить реактор, потом его вновь разогревают урановыми стержнями. Ремонтные работы производятся только с помощью манипуляторов. Взгляните!

Он воспользовался одним из рычагов, и с потолка спустилось устройство в виде огромного паука с пятью щупальцами. Майор двигал пальцами, и щупальца, то вытягиваясь, то складываясь, соединялись и снова расходились.

— Есть несколько таких манипуляторов, все разной величины, и установить их можно в любом положении. — Майор подождал какое-то время, потом продолжил нетерпеливо: — Пошли дальше. Это не самое важное.

Он вошел в следующую дверь. Вновь оказались они в большом, огибающем все помещения коридоре. Перешли на другую его сторону. Наконец майор открыл одну из дверей и втолкнул Абея внутрь. Теплый, влажный воздух окутал их. Они находились в мягко освещенном зале, напоминающем химическую лабораторию с многочисленными рабочими столами. К каждому столу подсоединен был шкаф, похожий на большой холодильник.

Майор подошел к одному из столов и нажал кнопку. На матовом экране появилось изображение, похожее на микроснимок: прозрачное существо на темном фоне, то и дело вздрагивающее и меняющее позу, похожее на земноводное с зачатками рук, ног и коротким хвостом.

— Хорошо видно? — спросил майор. — Или лучше поставить светлый фон?

Он повернул небольшой рычаг, и негатив сменился позитивом, все, что было до сих пор светлым, стало темным, и наоборот.

— Это человек, — сказал майор, — или, если говорить точнее, из этого получится человек. — Он глубоко вздохнул, потом продолжил: — Что стоила бы моя работа, если б я не знал, что она переживет меня? Какой смысл в порядке и воспитании настоящих мужчин, если все кончится одним поколением?

Голос майора звучал торжественно.

— В нашем распоряжении четыре женщины, значит, мы не обречены на вымирание. Но мы не можем дожидаться, пока оплодотворенная яйцеклетка созреет. Для этого у нас нет времени, но это и не проблема! Здесь мы можем с пользой применять достижения медицины и биофизики. Надеюсь, что удастся выращивать плод в инкубаторе до тех пор, пока он не станет пригоден к систематическому военному воспитанию, то есть намного дольше, чем в обычных обстоятельствах. Таким образом, я рассчитываю добиться лучших результатов, чем мои предшественники. У меня есть еще одно преимущество в сравнении с ними: я могу решать, какие мужчины достойны размножения. Это весьма важная часть моей системы: я должен позаботиться, чтобы в следующих поколениях не было случаев, подобных вашему. Это необходимо, ибо способ и стиль правления, избранные мною, основаны на бесспорном подчинении. Возможность подобного отбора предоставляет мне диагностическая установка. Каждый мужчина, имеющий способность к оплодотворению, подлежит тестированию по всем параметрам, не только по доминирующим, но по рецессивным, второстепенным. Я допускаю к размножению лишь мужчин с первоклассной наследственностью. Понятно, что при этом я обращаю внимание на физические и эмоциональные предпосылки, способные создать лучшие условия для процветания воинского духа.— Он взглянул на Абеля и добавил с сожалением: — Боюсь, что вы не попадете в число избранных.— Он похлопал его по плечу: — Выше голову! Речь ведь идет не об индивидууме. Речь идет о системе. Важно, чтобы воинский дух существовал вечно.

Майор нажал кнопку, и изображение на экране исчезло.

— Пошли,— сказал он.

Они вновь оказались в комнате майора. Физически Абель был совершенно без сил и едва держался на ногах, но мысль его странно, лихорадочно бодрствовала; на то, что реально открывалось его взгляду, наслаивалось все больше образов, запечатленных в сознании сцен, увиден-

ных и пережитых в последние дни, даже в последние часы — урановые стержни и манипуляторы, инкубаторы, выращивающие человеческий плод, человека, которому суждено стать солдатом.

Абель стоял у стола, опираясь руками, чтобы не упасть.

Майор внимательно наблюдал за ним. Потом сказал:

— Сядьте!

Абель опустился на табуретку. Чтобы иметь возможность прислониться, он подвинул ее к стене.

— Сигарету? — спросил майор. — Может, хотите выпить глоток?

Он достал из шкафа бутылку, налил немного бесцветной жидкости в стакан, протянул стакан Абелью. Абель поднес его к губам — у жидкости был сильный, неприятный запах, но когда он сделал осторожный глоток, она побежала, как огонь, заметно оживляя и освежая мысли. Окружающие предметы немного отодвинулись, и он почувствовал приятную усталость. Пришлось подпереть голову руками, настолько она была тяжела. А все-таки майор неплохой парень, подумал он против воли. Кто и когда уже произносил эти слова?

— Поговорим, — предложил майор. — Вы должны многое мне рассказать. Как, собственно, вы пришли к идее убить меня?

Абель с удовольствием бы ответил, но язык не повиновался ему.

— Выпейте еще глоток, — предложил майор и сунул ему в руку стакан. — Пейте!

Абель опрокинул в себя содержимое стакана. Он выпил и почувствовал, как жидкость, словно чужеродное тело, проникла в желудок. Она слегка обожгла внутренности, но взбодрила его.

— Вы принимали таблетки не так, как предписано, ясно, — сказал майор. — Но почему? Вот это интересует меня больше всего. Неужели в моей системе ошибка? — Он говорил, словно обращаясь к себе. — Но в системе не может быть ошибки! — Он подошел к Абелью и сказал: — Вы должны мне помочь. Как вы пришли к идее не принимать черные шарики?

Абель с удовольствием объяснил бы, но не мог. Не знал он ответа. Что побудило его не принимать шарики? Должно быть, нечто столь глубокое и потаенное, что он сам этого не понимал.

— Вы пытаетесь всеми силами сопротивляться,— сказал майор.— Но это, увы, бессмысленно. Попробуем по-другому. Как вы попали сюда?

— Через машинный зал,— сказал Абель.— Дверь была открыта.

— Дверь была открыта,— повторил майор.— Естественно. А почему она должна быть закрытой? Вам ведь нечего делать в машинном зале. Как вы могли нарушить предписание?

Он опустился на кровать, достал из ящика портсигар и вытащил сигарету.

— Хотите закурить?— спросил он и протянул Абелю раскрытый портсигар.

— Спасибо. Нет.

Майор сунул сигарету в рот. Вспыхнула зажигалка. Он слегка затянулся и выпустил колечко дыма.

— Вы смогли нарушить предписание, потому что не принимали черных шариков. Но так мы не продвинемся дальше. Тут что-то другое. Мы нашли вашего соучастника Остина. И знаете, где?— Он не стал дожидаться ответа.— Разумеется, знаете. Ведь это вы завинтили люк. Вы знаете, что вам несказанно повезло, Абель?

Абель кивнул. Да, ему действительно несказанно повезло.

— Мы оставили Остина в шлюзе. Как устрашающий пример— на случай, если еще раз произойдет нечто подобное... Абель, дружище,— воскликнул майор,— у предписаний ведь есть свой смысл! Они ведь не вздорные указы, высосанные из пальца каким-нибудь идиотом! Каждый параграф я крутил и продумывал тысячу раз, прежде чем делать его законом. Нет ни одной команды, не имеющей емкой и лаконичной формы. Нет ни одного шага, который, будучи осуществлен так, как предписано, не привел бы к цели кратчайшим путем. Ничего лишнего, все имеет определенный смысл...

Он глубоко и резко затянулся.

— Итак, что произошло с Остином? Отвечайте!

— Остин хотел вырваться. Вырваться отсюда прочь!

— Вырваться. Невероятно,— пробормотал майор.—

Вырваться! Нет ни одной строчки в уставе, которая бы позволяла солдату вырваться. А вы знаете, что это значит? Это значит, что хотеть вырваться бессмысленно. Это значит...

В дверь постучали.

— Что там?— спросил майор.

Женский голос спросил:

— Вы будете пить чай?

— Две чашки,— ответил майор.

Минута молчания. Затем голос неуверенно произнес:

— Я не поняла... Вы сказали, две чашки?

— Ты оглохла?— крикнул майор.— Две чашки! И поживее! Итак, Остин хотел вырваться,— продолжил он.— Хорошо. Я сделаю из этого выводы. Это свидетельствует, что в вас, ребята, еще тлеет где-то искра неповиновения. Что есть еще такие, кто не может приспособиться. Вечные революционеры. Аутсайдеры в приличном обществе. В животном мире их отторгли бы остальные. Если б не разодрали в клочья. Эту искру я сумею затоптать, можете мне поверить! Хорошо, дальше. Как мог Остин так забыть? Я имею в виду: как мог он решиться действовать против предписаний? Вы вынудили его к этому? Он что, тоже не принимал черных шариков?

— Нет,— тихо произнес Абель.— Я уничтожил его шарик.

— Случайно или намеренно?

— Намеренно,— сказал Абель.

— Итак, лавина шла от вас, Абель. Но как вы могли...

Впрочем, понятно, именно потому, что вы не принимали свои шарики. Мы движемся по замкнутому кругу.— Он замолчал и задумался.

В дверь снова постучали.

— Чай, господин майор!

— Да! Войдите!

В комнату вошла женщина. Она несла поднос. Это была та блондинка, которую Абель уже видел. Они не взглянули друг на друга. Когда она поставила чашки на

стол, одну — перед майором, другую — перед Абелем, майор обнял ее левой рукой за талию и привлек к себе.

— Абель пятьдесят шесть дробь семь! Вы что, не можете встать, когда входит дама? — Он заорал громко, лицо его покраснело. — Развалился здесь, как... Внимание! Смирно! Руки перед собой! Пятьдесят приседаний!

Абель вскочил, словно пробужденный от сна. В купальном халате и тапочках он стоял перед майором, ноги на ширине плеч, руки прижаты к телу.

— Присесть, сгибая колени! Вы что, стоите на ходулях?

Абель присел, выпрямился, снова присел...

Майор громко шлепнул женщину ниже спины.

— Исчезни, — приказал он.

Он встал и повернулся к карте на стене. Взгляд его внимательно изучал красные и голубые линии, сплетающиеся подобно иероглифическому узору.

Через какое-то время он позвонил. Сержанту, который немедленно появился в дверях, он приказал, указывая пальцем на Абеля:

— Увести его — в кино!

16

Он долго пребывал в каком-то темном, обволакивающим тумане, лишь время от времени пробивался сквозь него мутный свет и снова пропадал, словно свет прожектора в ненастную ночь. Иногда к нему приближались какие-то белые лица. Шумы давили на барабанные перепонки, но лишь немногие достигали границ его медленно угасающего сознания. Он почувствовал, как его понесли, чем-то накрыли. Снова понесли. Потом он начал куда-то проваливаться. Раскачивались и скрипели двери. Кто-то звал его по имени... Крики доносились откуда-то очень издалека. Лежать ему было тепло и уютно.

Он открыл глаза. Главный врач смотрел на него сверху вниз. За его спиной он узнал очертания палаты, его собственной палаты. Такое чувство, будто он вернулся домой.

В локтевом суставе он почувствовал легкий укол. Сестра Берта протерла ватным тампоном кожу, потом попробовала согнуть руку. Дотронулась его ладонью до плеча. Он ничего не ощущал, рука была словно чужая.

Он перевел взгляд на главного врача.

— Мой эксперимент удался,— произнес тот.— Он не принес положительного результата, но свою задачу выполнил. Больше я не рассчитываю на добровольное сотрудничество. Впрочем, я в нем и не нуждаюсь. Наверно, с моей стороны это было сентиментально, и лучше, что все кончилось именно так.

Он повернулся к сестре.

— Вы свободны. Этому пациенту больше не понадобится ваша помощь.

Сестра Берта молча вышла.

— Не могу, Впрочем, не воздать вам должного: вы совершили невероятное. Как жаль, что вы направили свою волю по ложному пути! Впрочем, возможно, и это признание — тоже сентиментальность. Воля нужна лишь тому, кто повелевает. Он один знает, насколько ограничены возможности его выбора. Появление любой другой воли лишь нарушает порядок — так было всегда. Здесь порядок воплощаю я. Кто против меня, тот сеет хаос.

Лицо главного врача отделило от Фила матовое стекло.

— Скоро мы приблизимся к неведомой планете. И тогда все начнется сначала. Ты сейчас заснешь, Абельсен, и в утешение тебе я скажу: будь уверен, в нашем прекрасном новом мире каждый получит то, что необходимо. Не будет больше вавилонской башни, не будет всемирного потопа, не будет исхода. Мы достигнем цели, которую никому никогда не удавалось сформулировать правильно: создание прочной структуры отнюдь не божественного, но элементарного человеческого порядка.

Фил уже ничего не видел сквозь матовое стекло. И главного врача тоже. Мир распался на куски, их по отдельности увлекал за собою поток, и сознание Фила распалось тоже. Оно словно расщеплялось на отдельные части. Одна часть восприняла нечто прозрачное, струящееся. Другая — слабый сладковатый запах. Третья хоте-

ла ответить на последние произнесенные врачом слова. Он знал ответ, но произнести его больше не мог.

Казалось, от него остался лишь костный мозг — ни рук, ни ног, ни костей, ни мускулов не было. Он стал бесплотным и прозрачным — облачко неизбывной горечи, легкий сгусток ужаса. Конвейер уносил его сквозь лабиринт молочного тумана, мимо желтоватых прозрачных саркофагов, внутри которых подергивались в жидкости слепые человеческие существа. Западня. Она захлопнулась за ним.

17

Два капрала и сержант привели Абеля в шестиугольное помещение. Поначалу ему показалось, будто в помещении ничего нет, кроме большого матового экрана: лишь потом он понял, что пол, потолок и три стены были зеркальными.

Капрал вывернул Абеля руки за спину, стянул их ремнем. Двойной хомут стянул и его ноги — чуть повыше косточек, потом звякнула цепь — капрал соединил ремни на руках и ногах, стянул их туже. Ноги у Абеля подогнулись, он упал на колени. Один из капралов просунул со спины руки ему под мышки, скрестил ладони на затылке. Абель не в состоянии был шевельнуться. Второй вытащил резиновую пробку из небольшого флакона, обмакнул туда кисточку, нанес ею густую, прозрачную жидкость на глаза Абелю.

— Не шевелись, — сказал он, — а то будет очень больно!

Ловким движением он оттянул веко правого глаза и вставил туда линзу. То же самое он проделал и с левым глазом. Было немного больно, но терпимо.

— Все нормально? — спросил сержант, наклоняясь к Абелю.

Сквозь линзы Абель отчетливо видел лицо, только сильно увеличенное, огромная рука потянулась к нему, он непроизвольно хотел зажмуриться, но не смог: линзы были настолько выпуклыми, что не позволяли опуститься

векам. Он не имел права закрывать глаза, он должен был видеть все, что ему сейчас покажут.

— Желаю получить удовольствие,—связвил капрал. Потом они ушли.

Как только неприметная в зеркальной стене дверь тихо затворилась, погас свет, ровно освещавший комнату сквозь белое матовое стекло задней стенки. Потом во тьме появились марширующие сапоги, вполне осязаемая картина в натуральных красках. Они надвигались на Абеля со всех сторон. Они были на потолке, вылезали из-под пола там, где он стоял на коленях. Поначалу это было вовсе не страшно и даже не утомительно. Томил лишь страх перед тем ужасным, что должно наступить, что он обязательно должен увидеть. Абель не знал, что это будет, и от этого делалось жутко.

Сапоги исчезли, из темноты выступил круг света, который делался все ярче и ярче. Режущий свет проникал в отдаленнейшие уголки сознания. Он повернулся, пополз на коленях по полу, отыскивая уголок, где можно было бы укрыться от невыносимого света, но такого уголка не было, свет доставал его всюду. Он бросился на гладкую поверхность пола, больно ударившись о него подбородком, но раскаленное солнце было и там. Казалось, оно описывает стремительные круги, то слева направо, то справа налево, то в двух направлениях одновременно. Он попробовал защититься, разглядывая собственное отражение в зеркале,—отвратительную рожу с огромными, вылезающими из орбит глазами,—но режущий свет бил по нему со стороны.

Потом свет перешел в движение, теперь он не только излучался стенами, он был и внутри помещения. Он метался взад-вперед, описывал круги, закручивался спиралью, быстрее, быстрее... Движения эти запечатлевались в мозгу Абеля, образовывали моток спутанной, раскаленной проволоки — скульптуру безумца. Потом вдруг солнце погасло, но безумная скульптура еще искрилась, меняла окраску, превращаясь из зеленой в желтую, потом в голубую, потом в темно-фиолетовую, пока не погасла совсем.

Вновь появились сапоги, печатающие быстрый шаг,

зазвучала песня: «Как прекрасно быть солдатом...», сотни охрипших глоток измученных маршем, выложившихся до предела солдат в едином порыве извергали бодрые слова.

Теперь сапоги уже не маршировали по ровному плацу, они были всюду, опускались и поднимались по стенам, низвергались с потолка на пол и вновь карабкались вверх, маршировали по потолку. У Абеля закружилась голова. Такое чувство, будто и он кружится вместе с ними, он попробовал сопротивляться, но желудок судорожно сжался, он задыхался.

И вновь воцарилась тишина... Тишина раскаленного солнца. Оно медленно поползло в сторону, замерло, поползло назад. Появилось второе солнце... Исчезло... Или солнце все-таки одно, просто оно быстро меняет положение?.. Но вот снова второе солнце, а вот первое... Теперь они двигались быстрее, вверх-вниз, вверх-вниз, в глазах рябило. Два солнца излучали свет, то в едином ритме, то вразнобой... Непрерывно. Они вовсе не были столь ярки, как огненный круг прежде, зато они мерцали, и это равномерное мерцанье действовало на нервы, мучило несказанно.

Абель сопротивлялся достаточно долго, теперь он сдался. Он лежал, скрючившись на боку, без мыслей, без чувств, без сил, без воли. Возможно, он потерял сознание, но глаза его были открыты, и он смотрел, смотрел, смотрел...

Мерцающее солнце погасло.

Сапоги появились снова, они маршировали. Звучала песня.

«Как прекрасно быть солдатом...»

Сапоги маршировали по кругу, вокруг него. Абель уже не понимал, что происходит и что все это значит.

Сапоги маршировали по кругу. Людей не было, были лишь ноги, сросшиеся в единое марширующее чудовище. Чудовище на тысяче ног маршировало вокруг Абеля, круг сужался.

Абель лежал на нарах. Чьи-то руки массировали его. Он открыл глаза. Режущая боль пронзила его мозг, как

только он увидел свет. Он попробовал отвернуться к стенке.

Он вдруг почувствовал холод, его обдали водой, и он лежал на сырой подстилке, подступил озноб.

— Он пришел в сознание, господин майор.

Голос донесся откуда-то издалека.

— Хорошо. Вы свободны.

Абель повернулся.

Словно в тумане, он увидел майора. Майор стоял возле лампы, завешивая ее носовым платком. Потом он накрыл Абелья махровым халатом.

Это были весьма скромные проявления, но Абель ощутил вдруг глубокую признательность. Майор был добр.

— Мне очень жаль, Абель,— услышал он голос майора, тихий и почти нежный. Слова отозвались в нем эхом: мне очень жаль, Абель, мне очень жаль, Абель, мне очень жаль, Абель...— Пришлось обойтись с тобой довольно жестоко. Теперь тебе уже лучше, правда? Все прошло. Ты только должен сказать мне, как возникло у тебя нежелание принимать черные шарики. Ты знал, что они служат воспитанию в солдатах повиновения? Кто-то сказал тебе об этом? Быть может, есть еще кто-то, кто... Тебе кто-нибудь это сказал?

Абель покачал головой.

Майор продолжил:

— Конечно, это могло быть просто случайностью. Странное совпадение самых разных обстоятельств. Хотя... Нет, я не могу принять вариант случайности. И ты это понимаешь, Абель. Я ведь должен быть уверен в системе. И я должен выжать из тебя признание. Представь, где-то в тебе затаилось зло, глубоко внутри, в самой глубине, и мы сообща должны вытащить его оттуда. Разве я не прав?

Абель кивнул. Слова майора звучали убедительно. Теперь Абель знал, что его так растрогало. Майор говорил ему «ты», словно родной отец.

— Это трудно для нас обоих. Тебе пришлось перенести страдания, а я вынужден был заставить тебя страдать. Но ты поймешь, это было направлено не против тебя са-

мого, а против того очага зла, что затаилось в тебе, словно опухоль. Ты ведь против подпольной борьбы и анархии, Абель? — спросил вдруг майор.

Абель был, естественно, против. Майор и сам уже понял это.

— Ты ведь понимаешь, какие это будет иметь последствия, если я оставлю хоть крошечную возможность, одну тропинку, что приведет от каких-то темных, неясных побуждений к мятежу. Тогда система, которую я с таким трудом построил, развалится. Черные шарики — важная составная часть этой системы. Без них я не удержу в узде тысячу сто четырнадцать человек. Люди глупы, и от них можно ждать чего угодно. Предоставь их самим себе, и они погибнут, словно слепые котята. Им постоянно необходима твердая власть, сила, что держит в подчинении. Будь они разумны и рассудительны, необходимость в химическом препарате отпала бы.

Голос майора дрогнул, в нем послышалась подлинная скорбь. Он уселся на нары у него в ногах.

— И потом, это затрагивает будущее. Нет никого, кто мог бы заменить меня. Когда-то очень давно я мечтал о преемнике. Какое-то время я даже приглядывался к тебе. Но и ты не состоялся, нет никого, кто сумел бы меня понять. Поэтому я должен так отладить систему, чтоб она функционировала сама по себе. Число распоряжений, которые отдаю я сам, сведено к минимуму. Я запишу их на магнитную ленту. В ответ на любое донесение существует лишь один разумный вариант приказа, при этом, естественно, должны приниматься в расчет обстоятельства. Наиболее разумные варианты приказов можно заложить в логическую программу. Ее я тоже зафиксирую на ленте. Средствами связи будут передатчики, микрофоны, динамики. С их помощью будут передаваться все донесения и приказы. Решения будет принимать простое электронно-вычислительное устройство. Все продумано до деталей. Сейчас я даже начал записывать свои воскресные обращения к солдатам. Теперь для тебя не секрет, почему мне так важно понять твои действия. И почему пришлось обойтись с тобой так жестоко.

Абель кивнул. Майор был абсолютно прав.

— Может, это был произвольный, спонтанный поступок, причина которого в твоём характере, в твоём сознании? А может, это какие-то последствия прошлого, которые мне не удалось исключить? Или в самой системе таится ошибка, которую я не предусмотрел? Я должен это понять. Если причина в тебе, тебя я могу отключить, погасить сознание, и навсегда. Но ошибка в системе... Нет, этого не может быть. В ней не должно быть почвы для какого бы то ни было неповиновения. Непредвиденное действие, сознательное пренебрежение приказом... Последствия были бы ужасны. Конечно, я постараюсь учесть все, что только можно предвидеть. Но как можно учесть то, что не повинуется законам, как можно просчитать хаос? Это единственное, чего я боюсь по-настоящему.

Лицо майора приняло жесткие очертания.

— Да, боюсь,— добавил он.— От хаоса нельзя застраховаться на все сто процентов. А он способен уничтожить дело моей жизни. Я должен исключить его навсегда, навечно. Итак, Абель, как это было? Как ты пришел к мысли не принимать черные шарики? Не какие-нибудь там витамины или концентрированное питание. Нет, именно те самые, решающие!

Абель с удовольствием помог бы майору. Он готов был признать — в нем действительно таилось зло. Он напряг свою память. На глазах у него выступили слезы.

— Я не могу вспомнить,— прошептал он.

— Ты не можешь вспомнить,— повторил майор. Он вскочил и заорал: — Не можешь вспомнить! Да ты не хочешь вспомнить! Лжец, свинья, дерьмо! Ты у меня заговоришь! — Он отстегнул ремень и принялся избивать Абеля. — Говори! Кто тебя подстрекал? Как ты пришел к этой мысли?

Махровый халат распахнулся, ремень хлестал по голому телу. В такт ударам майор кричал:

— Го-во-ри! Го-во-ри! Го-во-ри!

Абель не шевелился. Он лежал, наполовину отвернувшись к стене. Он был без сознания.

Майор выставил вперед подбородок, разглядывая худощавое тело Абеля. Потом вновь застегнул ремень.

Снова уселся в ногах. Прикрыв глаза, он какое-то время просидел неподвижно.

Снаружи слышались шаги.

Майор подошел к двери, распахнул ее.

Сержант доложил, вытянувшись по стойке «смирно»:

— Личный состав для парада построен!

— Хорошо, — ответил майор. — Иду.

Он закрыл за собою дверь, повернул ключ в замке.

Песня выстроившихся в ожидании солдат едва слышна была в тюремной камере.

Абель пришел в себя от холода. Сырость мокрого матраца проникла до костей, его трясло. Он провел рукой по спине: кожа кое-где была ледяной. Ощупал рубцы на спине и сбоку, дотрагиваться до них было больно.

В голове был полный туман. Время от времени он сознавал, где находится, потом мысль ускользала и он вновь принимался размышлять. Перед глазами его проходили картины, образы, явно из другого мира, да и звуки, всплывающие время от времени в сознании, были звуками из какой-то неведомой страны.

Он заметил, что образы и звуки, боль и тошнота чуть отступали, когда он лежал неподвижно. И он постарался не двигаться, хотя мерз все сильнее. Он слышал грохот марширующих сапог, отрывистые команды и солдатские песни и не мог понять, реальность это или игра воображения.

Потом вдруг на него упал золотой дождь, что-то бархатное, мягкое окутало лицо, что-то теплое нежно прижалось к телу.

— Вставай! — прозвучал чистый колокольчик. — Вставай, пойдем со мною! Только быстрее, а то меня кто-нибудь здесь застукает.

Итак, это был не колокольчик, это был голос человека, который чего-то хотел от него, чего-то вновь хотел от него.

Он отвернулся к стене.

— Да очнись же! Неужели ты не хочешь выбраться из этой сырой норы?

Теперь он вновь ощутил холод и сырость на спине. Быстро закутался в махровый халат, и это движение вернуло его к реальности. В глазах еще был туман, но он разглядел лицо, устремленные на него глаза, рот...

— Ну, пожалуйста, пойдем!

Он не в состоянии был выполнить сейчас ни единого приказа, но это был не приказ, это была просьба, и она подняла его с нар. Он уселся на краю, черные волны накатывались толчками, затемняли сознание. Чьи-то руки надели ему на ноги тапочки, поддержали сбоку.

— Пойдем, пожалуйста, пойдем!

Они прошли немного по коридору, свернули за угол, вниз на несколько ступенек, еще один небольшой коридор. Кресла, шкаф с папками и скоросшивателями... Он уже когда-то был здесь. Четыре узкие двери подряд в стене.

Он рухнул на тахту. Было тепло и приятно. Свет приглушен. Розовый соборенный абажур на лампе. Гора подушек. Бумажные цветы рядом с цветной фотографией в рамке, маленький домик, в ряду точно таких же других, двое стариков на балконе.

Он почувствовал, как его накрыли чем-то теплым, голова утонула в мягких, почти невесомых подушках, пахли они сухой листвой и пылью. Он закрыл глаза. Вокруг него было какое-то движение, быстрые, поспешные шаги, шелест платья, позвякивание чашек и приборов, тихое бормотанье — приятные негромкие звуки.

— Сейчас все будет готово, потерпи немного!

Потерпеть — это не проблема. Он мог бы лежать так вечно — приятные сумерки, полусон-полудрема и что-то очень доброе, ласковое, струящееся на него извне.

Рука нежно приподняла его затылок, возле рта появилась чашка, источающая удивительный аромат, он начал пить маленькими глотками, тепло разлилось по телу, растопив остатки льда, еще таившиеся в нем.

Он вновь откинулся на подушки и, слегка приподняв голову, разглядывал из своего угла странную и необычайно уютную обстановку. Краешек подушки, рядом скатерть с вышитыми звездочками, полосатый плед, красиво сочетающийся с разноцветными корешками книг, пуза-

тый чайник, а за ним горный ландшафт из складок небрежно брошенного пальто, укрывавшего его ноги.

И в этом волшебном ландшафте суежилась женщина с тонкими белыми руками, она поворачивалась то в одну, то в другую сторону, тянулась к настенной полке, за чем-то наклонялась, с тахты ему не было видно, за чем.

Наконец лицо снова появилось перед ним. Туман, сквозь который он все еще смотрел на мир, сделал ее моложе — он стер горькие складки, разгладил морщинки, мягко очертил красивый полный рот, обнажив вдруг забытую, давно, казалось бы, поблекшую красоту.

— У тебя еще что-нибудь болит? — спросили губы.

Абель покачал головой. У него больше ничего не болело.

— Побудь со мной, — попросил он.

— Успокойся. Все хорошо. И я пока с тобой.

Говорили не только губы, говорили глаза, говорили руки.

Абель раскинулся на подушках, ощущение покоя разлилось по всему телу. Он был не одинок. До сих пор он не ощущал собственного одиночества. Быть может, оно таилось в глубинах души, подтачивая и разрушая ее, но он не умел тогда думать, не умел выразить это словами. И вот одиночество кончилось. Он ощутил рядом другого человека, совсем рядом. Ему не нужно было видеть — чувство доносило эту близость, влечение, нежность гораздо острее, чем зрение и слух. Он задремал на мгновение и проснулся — и то, и другое было прекрасно, погружение в спокойный, безмятежный сон и ощущение удивительной реальности, открывшейся ему как дар.

Быть может, вся эта суета вокруг оттого только, что он очень мало знал, что он никогда еще не был у ангела? Как нужно себя вести, чего добиваться, за что бороться? Тихо, но настойчиво зашевелились вопросы: почему это не может быть вечно, то, что происходит сейчас? Прежде, позже, всегда? Почему так длинны обходные пути, приводящие к единственно верному решению. Вопросы о «прежде» или о «потом» и омрачают мгновения счастья. Вопросы разверзают пропасти и взрывают обретенные было пути, вопросы разрушают чары.

А ведь это были действительно чары. Он попробовал избавиться от мыслей, которые вызвало это слово, но оно звучало в нем: чары. Чары, легкие, как облачко... как дуновение ветерка, вздох... улетающие в никуда... и навсегда.

И все же это были не чары, это была действительность, пусть фантастическая, невероятная действительность. Чудо было как раз в том, что это было на самом деле, что он переживал это реально. Он чувствовал мягкое тепло постели. Чувствовал женщину рядом с собой. Он открыл глаза. И увидел женщину. Она действительно была рядом. И она была прекрасна. Ангел. Это была реальность. Никаких чар, никакого колдовства. Реальность. Реальность, у которой есть прошлое, настоящее и даже чуть-чуть будущего.

— Почему ты привела меня сюда? — спросил Абель.

Женщина приподнялась на локте и с тревогой взглянула на него.

— Тише. Молчи!

— Ну пожалуйста, я должен знать. Почему ты сделала это?

— Не знаю. Я не думала об этом. Я все время вспоминала тебя. С той ночи... Сколько времени прошло с тех пор?

— Много. Так много, что его невозможно измерить.

Они помолчали. Потом женщина сказала:

— Возможно, это была жалость.

— Жалость, — шепотом повторил Абель. Он попробовал слово на слух, словно пытаюсь понять его смысл. — Жалость.

— Когда я встретила тебя тогда во внешнем коридоре, я не знала, что будет дальше, но знала, что-то наверняка произойдет. Но я знала и то, что это кончится. Конец был предопределен сначала.

— А конец близок?

— Он уже начался.

— А какой он будет... этот самый конец?

— Пожалуйста, не спрашивай об этом.

— А то, что сейчас... здесь... вот этот наш час... это тоже конец?

— Нет,— сказала женщина.— Этот час вне всего. Его не предвидел никто. Ни я, ни ты. Даже майор не смог предусмотреть его в расчетах. Быть может, это и побудило меня больше всего: желание сделать нечто, никем не просчитанное. Мы не знаем, какие будут последствия, но что всё имеет последствия—это факт. Значит, будут последствия, которые снова никто не сможет предусмотреть, а у них будут свои непредсказуемые последствия, и так вечно.

— И ты этого хочешь?

— Да, хочу. Наверно, я такая же, как ты. Ведь ты тоже хотел именно этого. Быть может, чуть иначе, чем я. Ты хотел убить майора. В сущности, это одно и то же.

— А можно сделать так, чтобы конец не наступил?

— Нет, невозможно.

— Тогда какой во всем этом смысл?

— Конец ожидает лишь отдельных людей—тебя, меня, любого. А остается совсем другое—надежда.

Они долго молчали, слышно было только дыхание. Постепенно сознание Абеля окончательно прояснилось, туман рассеялся. Расширился и обзор, теперь он мысленно мог видеть не только то, что было непосредственно перед глазами. А там, во внешнем мире, было зло, внушающее страх. Он взял женщину за запястье, поднес к глазам ручные часы—11.45.

— Парад, наверно, кончился,—сказал он.

В тот же миг он почувствовал себя усталым, отчаявшимся, конченным. Мускулы у него болели, в голове что-то монотонно пульсировало. Вновь зашевелились вопросы, теперь он мог формулировать их четче, но все более проясняющееся сознание отчетливо выявляло их бессмысленность, а заодно и бессмысленность ответов, которые он мог бы получить, и бессмысленность любых действий. Глухая стена отгородила все разбуженные в нем желания. Он стоял у черной пропасти безнадежности.

— Парад скоро кончится,—повторил он.— Я вернусь в камеру. Ты сама знаешь, так будет лучше.

Он откинул одеяло, заставив себя не заметить, какого напряжения воли стоило ему это простое движение.

— Не печалься,— сказал он.

Теперь, несмотря ни на что, он был сильнее. Крепко стянул пояс халата, надел тапочки. Женщина лежала на тахте. Она отвернулась к стене, закрыв руками лицо.

Абель не смотрел в ее сторону. Он не мог туда смотреть. Он открыл дверь и вышел.

В прилегающем помещении никого не было. Он вышел в большой коридор. Первая дверь справа — вход в его камеру. Он прошел мимо. Внимание его привлекло окно, стекла слегка дребезжали. Он подошел и выглянул наружу.

Серые бараки похожи были на скалы под желтым, затянутым дымкой небом. Окна как норы. Забетонированные дорожки разрезали желтоватый грунт на аккуратные прямоугольники. По большому плацу, описывая круги вокруг склада оружия, единым строем маршировал батальон, единое тело двигало двумя тысячами ног в маршевом ритме. Бетон гудел.

Они проходили строем мимо сотни капралов, десяти сержантов и майора. Майор возвышался над всеми на постаменте. Он глядел на бесконечные колонны солдат, маршем проходящие мимо. Видел ли он их реально или они были лишь фоном, на котором разворачивались волнующие события, исполненные мужества и воинского духа? Этого никто не знал. Он застыл в приветствии, отдавая марширующим солдатам честь, неподвижный, похожий на монумент.

Земля дрожала. Абель чувствовал это даже здесь. Тысяча левых, потом тысяча правых ног попеременно впечатывали в землю тяжелый шаг. Тысяча солдат. Лишь сейчас Абелю пришло в голову: не тысяча, а девятьсот девяносто восемь. Двое отсутствовали. Остин и он.

Уголки глаз у Абеля дрогнули, он был потрясен. Всего двое отсутствовали, но это не могло не сказаться на целом. Батальон не был укомплектован полностью, он уже не был столь безупречен, появился новый источник воздействия на будущее через поколения, через годы, и этот источник уже нельзя было уничтожить.

Так значит, это и есть надежда? Быть может, та самая,

о которой говорила женщина. Но ему самому надеяться было не на что.

Абель повернулся и быстрым шагом прошел мимо двери в камеру через помещение, где стояли кресла из алюминиевых трубок, в зал, где была машина. Он встал перед пультом и положил руку на рычаг.

— Погрузиться в сумерки. Разноцветные подушки. Одеяло в полоску. Картина на стене...— Он говорил без выражения, но громко и ясно. Тихо шелестела перфолента.— Приятное тепло. Запах чая... Его вкус. Светлые волосы, лицо. Глаза, рот, руки. Ее руки, ее глаза, ее рот.

Щелкнуло реле, быстрее побежала перфолента. Тихо. Он ждал. Стало страшно, вдруг машина оставит его в беде...

Наконец система взвыла. Открылось маленькое окошечко, что-то прошуршало — пластиковый пакетик. Он быстро схватил его, сунул в карман. И направился по коридору назад. В окно он больше не взглянул. Открыл дверь в камеру, затворил за собой. Несколько секунд отсутствующим взглядом он смотрел на единственный предмет мебели — нары. Потом поправил подушку. В камере было прохладно. Он вытянулся на нарах.

Дрожащими руками он надорвал пластиковый пакет. Пять шариков выкатились на ладонь. Он сунул все пять в рот и быстро проглотил. Ощутил: как двигаются они по пищеводу. Он подложил руку под голову и закрыл глаза.

Теперь пусть приходят. Он готов.

18

ДОКУМЕНТ 7/12

М (нацарапано на кончике магнитофонной пленки)

Борьба — первооснова всех вещей.

Вы часто слышали эту фразу и все же вряд ли представляете себе масштаб мудрости, скрывающейся в ней.

Борьба — первооснова всех вещей.

Она начинается много раньше ракетных ударов, тотальных бомбардировок, артиллерийской подготовки и торпедных атак. Она началась много раньше, чем появились мушкет, арбалет, духовое ружье, копье, дубинка, кастет. Она началась, когда еще не было кулаков, разрывающих на части когтей, клыков и змеиного жала. Она началась в момент зарождения жизни, нашей с вами жизни. Она укоренилась в нас настолько глубоко, что мы не были бы собой, не будь борьбы.

Борьба — первооснова всех вещей.

А это значит: побеждает сильный, слабый погибает. Это звучит жестоко, и так на самом деле и есть. Но это правда. И необходимость.

В науке это называется по-другому. Это называется: принцип выживания.

Я восхищаюсь биологами. Они никогда не прятались от правды. Сколь бы неприятной она ни была. Но не обязательно быть биологом, чтоб эту правду понять. Кто не ощущает этой истины в себе, кто никогда не испытывал радости борьбы, стремления к победе и к полному уничтожению противника, пусть попробует объяснить эту стихию логически. Я не знаю, являются ли логические доказательства более убедительными и сможете ли вы их понять, но попробую подключить и их тоже. Для вас ведь очень важно понять руководящую и направляющую силу нашей общей и вашей собственной жизни.

Отправным моментом является для нас эволюция. Это означает развитие видов. Некогда люди удивлялись тому, что на Земле поразительным образом имеется все, что необходимо для поддержания жизни — к примеру, воздух, вода, углеводород, сера, фосфор и такие металлы, как кальций, железо, магний и многие, многие другие. Это как раз те простые элементы, из которых состоят растения и живые существа. И еще многое другое способствует жизни на Земле: приемлемая температура, давление, сила тяжести и тому подобное. Сегодня всем давно очевидно, что это не планета Земля приспособлена для жизни, а жизнь приспособилась к планете Земля. По данным исследо-

ваний других планет ракетными зондами, по данным лабораторных опытов сегодня очевидно, что жизнь может приспособиться и к совершенно иным, повторяю, совершенно иным условиям. Понятно, что тогда она развивается совершенно иными путями и в совершенно иных формах. Механизм подобного приспособливания и есть эволюция.

Она основана на том, что не все живые существа одного вида, даже ближайшие родственники, имеют единые особенности. Как распределятся эти особенности, решает случай. Спокойно смириться с мыслью, что в чем-то вы обойдены.

Суть в том, что природа постоянно производит больше живых особей, чем это необходимо для сохранения вида, больше даже, чем могут выжить, возможно, в силу нехватки для всех пропитания, жизненного пространства или чего-то другого жизненно важного. И поскольку — чтобы выразить это предельно просто — каждое живое существо хочет жить, оно пытается получить все, что необходимо ему для поддержания жизни; всему, что мешает ему в этом, оно пытается противостоять. Оно защищается или нападает само. Короче — борется. Борется с тяжелыми внешними обстоятельствами, как, например, наступлением воды или резким похолоданием, борется с врагами, с другими живыми существами. Борется вместе с другими представителями своего вида или в одиночку против другого вида, захватывающего что-то для него жизненно важное, борется и против сородичей, если не прямо, то косвенно — оттесняя их, отбирая у них пищу и так далее. Таков закон природы.

Я подчеркиваю: поскольку природа производит слишком много экземпляров одного вида, часть из них изначально обречена. И если существо не хочет погибнуть без сопротивления, оно должно бороться. Надеюсь, теперь вы поняли, почему я определяю борьбу как нечто данное нам изначально. Но вы не поняли пока, почему борьба является жизненно важной и какую она играет принципиальную, регулирующую роль.

Как бы парадоксально это ни звучало: борьба действительно жизненно важна. Не для каждого отдельного су-

щества, которому угрожает смерть, но для общего развития жизни.

Я говорил о различных, случайно возникших особенностях живых существ и о вынужденной борьбе всех против всех. Подумайте только, как все это взаимосвязано! Есть особенности, которые в общей конкуренции, в обеспечении себе места под солнцем, выживании вида не играют решающей роли, их мы отбросим. Но другие, имеющие определяющее значение: сила, быстрота, сообразительность, например, возможности органов чувств, размеры конечностей и мозга—это наиболее важные. При жесткой конкуренции преимущество, естественно, у того, у кого наиболее благоприятные индивидуальные особенности, полученные по наследству. Он выживет, он продолжит свой род и соответственно передаст свои особенности по наследству дальше. Упрощенно можно сказать: хорошие особенности сохраняются, плохие исчезают. Я прошу, однако, не забывать о правильных временных масштабах подобных процессов. Пока осуществится принцип естественного отбора, пройдут многие, многие поколения с бесконечными мыслимыми и немислимыми случайными индивидуальными особенностями. Но когда у эволюции достаточно времени, она свершается блистательно. Это статистическая закономерность: статистика—это математика жизненных проявлений.

Полагаю, теперь вы поняли, как жизнь способна приспособливаться к окружающей среде. В процессе естественного отбора исчезают именно те особенности, что не соответствуют условиям внешней среды, не позволяют соперничать с более сильным конкурентом. Семья эскимосов, плохо переносящая холод полярных широт, станет не только жертвой льда и снега, она станет еще и жертвой соперников в борьбе за выживание, животных и людей.

Но такое понимание ситуации жизненного пространства было бы возможно лишь в весьма скромных пределах, а вскоре и темпы эволюции замедлились бы, природа ведь не предлагает все новых и новых индивидуальных особенностей. Великий биолог Дарвин, которому мы обя-

заны открытием закона естественного отбора, открыл и сформулировал этот закон, не понимая, откуда берутся новые особенности,— в те времена это было выдающееся достижение. Мы узнали это, вступив в век биофизики: мутации, изменения в молекулярной структуре генов, где кодируются все определяющие особенности живого существа, все его физические и духовные отличия. Возможно, вам трудно это представить,— все особенности живого существа кодируются в микроскопически малом объеме. Ближе всего вы подойдете к истине, если допустите, что в генах содержатся мельчайшие доли элементов, из которых состоит живое существо, и всё в одной молекуле. И если из зародыша начинается развиваться нормальное живое существо, телу необходимо лишь достаточное количество строительного материала, чтобы воспроизвести себя по имеющемуся в нем образцу, по заложенному в генах плану.

Поскольку в генах мы имеем дело с микроскопическими объемами, достаточно незначительного внешнего воздействия, чтобы видоизменить их. Наиболее известное воздействие, приводящее к подобным сдвигам в генной структуре, к мутациям — радиоактивное облучение, проникающее повсюду. Один квант излучения — и вот уже цепочка атомов в молекуле располагается иначе, а значит, создается некая новая особенность. Попутно я хотел бы заметить, что все эти возникающие благодаря случаю новые особенности в большинстве своем вредны для особи и потому исчезают в процессе эволюции. Гораздо более важны немногие положительные полезные особенности — они наследуются, они в тех или иных обстоятельствах закрепляются, в отличие от тех, что не столь благоприятны.

Природа, можно сказать, испытывает, исходя из имеющихся жизненных форм, все сколько-нибудь отличные друг от друга варианты, чтоб затем дать преимущество тому, который лучше всего оправдал себя. Процесс повторяется бесконечно, и вот в итоге из одноклеточных развиваются слон, или муравей, или человек. Или одна из бесчисленных жизненных форм, существующих на других планетах Вселенной. Мы знаем все эти планеты, но, вероятно, никогда не долетим до них.

Теперь вы понимаете смысл борьбы за существование? Без нее, без этого постоянного выкорчевывания менее годных и менее усердных, невозможен был бы прогресс. Если прекратится эта постоянная война, мы не только расплодимся до бессмысленных масштабов, мы остановимся в развитии. Естественно, возникает вопрос, сохранились ли эти принципы в наше время.

Вне сомнения, сегодня имеется достаточно средств, чтоб предотвратить бессмысленное гигантское размножение. Но это приводит нас к тяжелым конфликтам. Это ведь означает нарушение основных прав человека. И все-таки проблема так или иначе решается, например, по системе: одна семья — двое детей.

Гораздо сложнее проблема другая, следует ли и если да, то каким образом воздействовать на наследственность. Если не делать этого вовсе, начнут распространяться негативные особенности, которые прежде бесследно исчезли бы в борьбе за существование. Человек в такой ситуации все больше стал бы удаляться от биологической первоосновы прототипа, все чаще жизнь поддерживалась бы искусственно с помощью искусственных органов чувств, искусственных конечностей, искусственного мозга. Нормальное стало бы исключением, отклонение от нормы — правилом. Человечество было бы обречено.

Остается единственный выход — контроль за наследственностью. Здесь возможны были бы два пути: первый, возвести в ранг закона сохранение такого человеческого типа, который сегодня признан нормальным. Такое решение, несомненно, свело бы к минимуму негативные последствия генетически неуправляемого размножения. Но при этом всем нам должно быть абсолютно ясно одно: тем самым мы добровольно отказываемся от дальнейшего развития, от превращения человека в высокоразвитое существо. Такое решение меня удовлетворить не может.

Иной возможностью было бы сознательное управление процессом дальнейшего развития человечества. Но вы только представьте себе, какие при этом поднимутся вопросы! Кто должен определять дальнейшее направление

развития человека? Политики? Врачи? Биологи? Философы? Священники? И какое государство? Какая раса? Следствием был бы хаос. Начались бы эксперименты над человеческой жизнью. И окончательно растоптали бы ее смысл вообще. И вновь получили бы шанс всевозможные отклонения.

Во всех этих спорах, где сталкивались самые разные мнения, лишь немногим удалось сохранить ясную голову. Здравый человеческий смысл сам подсказывает решение: старый опробованный метод лучше всего. Зачем искусственно менять то, что регулируется самой природой, и регулируется прекрасно? Борьба — первооснова всех вещей. И не нужно нам никакого ограничения рождаемости, никакой евгеники. Предоставим этот контроль борьбе за существование, которая была всегда и будет вечно.

Понятно, что сегодня мы не поджидаем друг друга с дубиной в засаде. Если мы признаем естественный ход вещей, а это значит, признаем борьбу за существование, нам останется лишь правильно интерпретировать естественный ход вещей в применении к сегодняшним временам. А это значит, что борьба должна вестись наиболее эффективными средствами из тех, что имеются в нашем распоряжении. Но речь ведь при этом, как правило, идет не столько о средствах, сколько об оружии, транспортных средствах и так далее. И еще о солдатах, о качествах солдат. Ибо классические качества солдата являются лучшей гарантией выживания. Это наиболее благоприятные особенности и в дарвинском понимании принципа естественного отбора. Любой ответственный человек, которому доверена судьба других людей, должен, исходя из этого, высшей своей задачей считать воспитание солдата, воспитание в мужчине таких качеств, как дисциплина, стремление к порядку, беспрекословное подчинение приказу, осознание воинского долга, выдержка и требовательность к себе.

Один из важнейших принципов воспитания солдата основан на учении Павлова об условном рефлексе. Павлов исходил из того, что слюнные железы подопытных собак, как и других млекопитающих, активизируют свою деятель-

ность в процессе приема пищи; не случайно говорят: «слюнки потекли». Потом какое-то время Павлов одновременно с приемом пищи подавал сигнал колокольчиком и позже установил, что уже одного только звонка колокольчика, без пищи, достаточно, чтоб у собак началось усиленное слюноотделение.

Подобные условные рефлексы Фридрих Великий использовал задолго до Павлова в военных упражнениях. С точки зрения науки — это формирование условного рефлекса под воздействием той или иной команды. Только если солдату привит подобный способ поведения, не затрагивающий мыслительных центров мозга, он, не раздумывая, выполняет приказ, подобно павловской собаке. Если нужно, он кинется по команде под пулеметный огонь или в огневое заграждение огнеметов. Только когда он готов выполнить, не задумываясь, любой приказ, он обретает высшую степень воинской боеготовности.

Разумеется, возможны ситуации, которые не будут благоприятствовать созданию жесткой системы военного порядка. Но всегда можно найти какое-то решение. Средства современной химии, физики, биофизики, медицины и техники всегда подскажут соответствующий выход.

Теперь вы понимаете, почему я говорю: борьба — первооснова всех вещей. Почему я считаю подготовку к борьбе высочайшим долгом человека и почему высшим призванием для него должно быть ремесло солдата. Быть солдатом — значит нести ответственность за бесконечное развитие человечества в будущем. Быть солдатом — значит достичь всего, на что только способен человек!

19

Заметки издателя

«Наша родина — радиоактивная пустыня. Тусклое солнце восходит каждые десять дней над неровными горными вершинами, окружающими нас со всех сторон, и бро-

сает свои слабые красноватые лучи в глубокий кратер, где мы расположили свои селения. Не согрев ничуть холодную почву, оно через три дня скрывается за горизонтом, и мы остаемся во тьме.

Нелегко было очистить почву от радиоактивной стеклянной коросты, происхождения которой мы не знаем. Ученые не исключают, что здесь когда-то произошла катастрофа, подобная той, что случилась на нашей родной планете, которую называли Земля. Правда, здесь до сих пор не обнаружено никаких следов прежней жизни, но этого скорее всего нельзя было и ожидать. Физический процесс цепной ядерной реакции описан в оставшихся книгах и документах и не представляет больше для нас загадки. Гораздо менее понятны нам побудительные мотивы тех людей, что подобными реакциями управляли. Возможно, документ 7/12 (приложение), речь, записанная на магнитофонную пленку, несет в себе какую-то разгадку, но до сих пор мы не нашли ему окончательного истолкования.

На сегодняшний день мы расчистили пять больших площадок, имеющих примерно форму круга, и поставили там свои дома. Не так давно, чтобы обеспечить защиту от радиации, мы соединили все пять площадок подвесной канатной дорогой, проходящей достаточно высоко над загрязненной местностью. Это огромный прогресс в сравнении с прошлым, когда мы могли пересекать зараженную местность только в защитных костюмах и со счетчиками Гейгера, пробираться через поле излучения по узким, кривым, плохо обозначенным тропкам, связывавшим зоны наименьшей радиоактивности. И горе тому, кто заблудится во тьме! В отдельных местах излучение настолько сильное, что в течение нескольких секунд оно сжигает кожу. А теперь даже наши женщины могут посещать соседние поселки — нужно только надеть кислородную маску.

Но все эти успехи не должны особенно обнадеживать нас, предстоит еще тяжелая работа, чтобы быть готовыми к тому моменту, когда иссякнут наши запасы. Это не относится к энергии: расщепляемые материалы для реактора окружение наше способно предоставить в достаточном

количестве. Не относится это и к продуктам питания, поскольку мощности нашего синтезирующего устройства способны производить пищевые концентраты для пятидесяти тысяч человек, а это в десять раз больше, чем все сегодняшнее население. Однако у нас осталось всего десять тонн комбипласта, и, по мнению химиков-технологов, у нас нет возможности производить для него исходные продукты в обозримом будущем. Определенную надежду вселяет зато смелая идея одного строителя, с которой он выступил некоторое время назад: он предлагает использовать нерадиоактивные горные породы, встречающиеся на территории наших поселков, в качестве строительного материала в раздробленном и затем спрессованном виде. Будем надеяться, что удастся осуществить эту идею! Еще тяжелее ситуация с запасами питьевой воды. Несмотря на регенерацию, которой мы пытаемся подвергнуть любое, даже самое незначительное количество использованной воды, запасы эти убывают — основная причина в испарениях с поверхности человеческого тела. Мы пытаемся добывать воду из минералов, но до сих пор это удастся лишь в лабораторных условиях. И наконец плохо обстоят дела с воздухом; атмосфера содержит лишь незначительное количество кислорода. Хотя у нас еще достаточно большие его запасы, мы все же должны стремиться к разработке методов синтеза, ведь наше население постоянно растет, мы уже сейчас еле поспеваем с расчисткой территории и строительством бункеров; каждый бункер вмещает триста кубометров воздуха, и, несмотря на постоянное совершенствование конструкции шлюзов, определенный процент воздуха постоянно теряется.

Принимая во внимание тяжесть нынешнего нашего положения, я счел необходимым обосновать данную публикацию, которая потребовала не только времени, но и магнитофонной пленки.

Параллельно с работой на тракторе, основной моей обязанностью, я взял на себя задачу написать историю нашего сообщества, задачу, которая, с тех пор как Жильбер ее сформулировал, выполнялась пятью моими предшественниками и мною вполне добросовестно. Таким образом, сегодня у нас уже есть хроника нашего развития по-

сле освобождения. Само собой получилось так, что при каждом удобном случае мы, естественно, обращаемся к прошлому — постоянно возникает связь с теми странными событиями, о которых мы так мало знаем и смысл которых долгое время оставался для нас сокрытым.

Дальше всего в прошлое уводило точное историческое описание освободительной борьбы Жильбера в публикации моего предшественника Эрнеста, составленное по устным рассказам. Хочу подчеркнуть, что моя работа ни в коем случае не ставит целью умалить значение подвига Жильбера; его подвиг останется, как и прежде, основой нашего сообщества. Это он однажды воспротивился приказам радиопередатчика, проник на центральную станцию и уничтожил магнитофонную бобину, на которой записаны были приказы, это он принял на себя руководство и уничтожил все запасы черного яда, державшего мужчин в повиновении. Мы знаем, что затем был раскол, восстание и бои, в результате которых обрушился потолок подземелья и осталось лишь то, что охраняли прочные стены. Какое счастье, что они выдержали обрушившуюся горную породу, выдерживают до сих пор, являясь источником наших энергетических и других запасов! Мы знаем, с каким пророческим предвидением сумел Жильбер охранить женщин, обеспечив тем самым продолжение человеческого рода. Мы знаем благодатные последствия всех его решений; ему мы обязаны высшим нашим счастьем — мирной и радостной семейной жизнью!

Все это существует в нашей памяти, даже проступает со временем все более отчетливо, благодаря информации, к которой нам не так давно открыла доступ наука. Это касается эпизодов из жизни человека, которого звали Абель, или Фил Абельсен, и который жил поколением раньше Жильбера. Среди бумаг, найденных в одном из ящиков с книгами, имелась тетрадь с непонятной надписью СТЕНОГРАММА, содержавшая странные, необычные письма. Их не могли прочесть даже представители первого поколения землян. Лишь месяц назад удалось этот язык расшифровать и прочитать текст. Это текст, который в данной публикации я делаю достоянием общественности.

Если нас не обманывает ряд признаков, речь идет о заметках того, уже почти ставшего мифом, майора, который некогда командовал военным городком. Таким образом, речь должна идти о личности, что в самом деле играла ту ключевую роль, которую мы ей приписали. Хотя еще не определено, правильно ли мы расшифровали все значки, документ все равно имеет решающее историческое значение. Прежде всего, в нем достоверно описываются события, происшедшие еще до нашей эры, о них у нас остались лишь разрозненные сообщения представителей первого поколения, во многом противоречащие друг другу. В определенном смысле этот манускрипт отодвигает нерешенные вопросы чуть дальше в глубь времен. Он объясняет, при каких обстоятельствах наши предки попали на эту планету и как началось здесь их существование, но практически ничего не говорит о том, что предшествовало этому. И если мы сегодня по рукописям и книгам можем составить определенное представление о жизни на Земле, то причины определившего нашу судьбу бегства во Вселенную остаются для нас скрытыми.

Центральное место в записках занимает одна фигура, уже упоминавшийся здесь Абель; такое впечатление, будто майор пытается разобраться в человеческих мотивах событий, которые он описывает. Из заголовков и заметок на полях, каковые не всегда поддаются прочтению, почему и пришлось отказаться от их публикации, я выяснил, что майор не всегда четко представлял себе ситуацию. Точное описание касается лишь тех событий, свидетелем которых был он сам, большинство же событий, разыгравшихся в его отсутствие,— всего лишь предположения.

В этой связи мне представлялись особенно важными поиски дополнительной информации. Исследования привели меня к убеждению, что Абель идентичен тому не называемому по имени лицу, что встречается в разрозненных очерках и воспоминаниях первых лет после освобождения. К сожалению, это всего лишь информация из третьих рук и ей не хватает достоверности, вот почему мы до сих пор не придавали подобным вещам особого значения. Лишь новейшие результаты исследований позволяют уви-

деть их в ином свете. Это касается судьбы одной из четырех прилетевших с Земли женщин и ее взаимоотношений с мужчиной — с тем, кто, по моему мнению, и должен быть Абелем. Лишь незадолго до своей смерти она, судя по всему, рассказала об этом другой женщине. Она умерла на год позже майора — за шесть лет до освобождения.

Предлагаемый обработанный текст достаточно точно воспроизводит оригинал, его фактическая сторона никоим образом не менялась. В основу положена СТЕНОГРАММА, имеющиеся в ней пробелы я заполнил упомянутыми уже воспоминаниями женщины, в той мере, в какой они соответствовали основному тексту. Лишь в нескольких местах мне пришлось взять за основу догадки майора.

Последовательность изложения также определяется рукописью майора, который не стремился воспроизводить события в их хронологической последовательности. Порядок его записей гораздо больше призван был служить выявлению внутренней взаимосвязи событий. Очевидно, они представляли для майора определенный интерес даже тогда, когда Абель не был для него опасен.

Что во всех этих открывшихся нам событиях особо волнует, так это прямая связь с освободительной борьбой, разыгравшейся двадцатью шестью годами позже, а возможно, и с личностью самого Жильбера. С учетом этого потребуются, очевидно, более тщательные исследования. В любом случае я позволю себе утверждение, что Абель является по крайней мере одним из предшественников Жильбера, и мы должны чтить его память, хотя борьба его не привела к успеху и он снова потерялся в безликой массе солдат. Записки майора обрываются внезапно. Мы не знаем, когда умер Абель. Несмотря на интенсивные поиски, следы его потерялись.

Указание Жильбера заниматься историей вызвало немало возражений, поскольку это отнимает рабочее время, столь необходимое для строительных работ. Но я верю, что именно такие результаты научных исследований, как предлагаемый вашему вниманию, докажут, насколько был он прав. Планета, которую мы осваиваем, враждебна

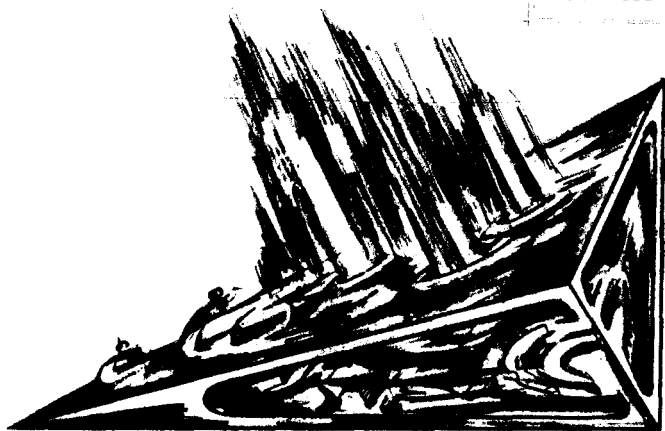
людям. Воздух не пригоден для дыхания, не хватает тепла и света, сырья и продуктов питания, почва излучает смертоносные лучи.

Но мы согласны мириться с такими трудностями — они ничто в сравнении с тем огромным злом принуждения, под знаком которого началась наша история. Без свободы нет человеческого достоинства. Лишь тот, кто знает, что такое подавление человека и что такое свобода, способен радоваться настоящему и с надеждой смотреть в будущее!»

БАЛЛАДА ОБ РАДНИКАХ КОСТЫ

ПОМАН

DER ELFENBEINTURM

***Перевод Ю. Новикова
Редактор М. Финогенова***

Солнечные лучи, проникавшие сквозь стеклянную стену, время от времени нагревали воздух выше установленного предела, и тогда с тихим щелчком включалась система охлаждения. Свежее дуновение ветерка проносилось по стеклу, на мгновение оставляя на нем молочно-белую пленку из мельчайших водяных капелек.

Мортимер Кросс оторвал взгляд от серебристой вершины и от синевы вечных снегов, оплывающих в уже закипающей дымке. Он чуть откатил свое мягкое кресло-лежак от прозрачной обзорной панели; повинуясь нажатию кнопки, спинка поднялась на ширину ладони и защелкнулась. Мортимер с удовлетворением ощутил, как плотно прижались к его плечам обтянутые кожей и пенорезиной подлокотники, так что теперь на его отвыкшей от всевозможных травм коже не останется безобразных следов от углов и кантов.

Тепло, тихое журчание голосов вдалеке, смутные грезы и приятная послеполуденная усталость — все это глушило любые желания. Из всех ощущений осталось лишь чувство легкой меланхолии, отделяющей человека от абсолютной пустоты.

Мортимер попытался освободиться от пут этой летаргии, но ему пришлось сделать глубокий вдох и выдох, прежде чем он смог поднести ко рту микрофон и заказать кофе. Быстро подкатила по направляющим рельсам робот-тележка и поставила никелированную чашку с ароматным дымящимся напитком на магнитную поверхность стола. Мортимер сделал живительный глоток. Вместе

с биением пульса он ощутил, как в нем пробудилась жажда действия, он слегка выпрямился.

Взгляд его заскользил по гостям, собравшимся в зале. Третью столов заняли мужчины и женщины, преимущественно одиночки, которые любовались ландшафтом, листали журналы или просто наслаждались покоем и тишиной. Если они делали какое-то движение, то только для того, чтобы поудобнее устроиться в кресле или поднести ко рту чашку, причем жесты их были медленными, словно они невероятно устали или, наоборот, еще не пришли в себя после отдыха. Их лица отливали матовым гляncем.

Мортимер изменил фокус своих солнцезащитных очков. Стеклопанная стена стала темно-лиловой, и он увидел собственное отражение: приятное, несколько худощавое лицо с глубокими складками, блестящая пышная шапка волос, белокурых или седых — было почти невозможно установить при рассеянном свете.

Сдавленный смех вывел его из задумчивости. Он подействовал словно удар гонга, ибо это было единственное, что выделялось на монотонном звуковом фоне: жужжание резиновых колес, катившихся по рельсам, шипение охладительной системы и приглушенные людские голоса.

Мортимер незаметно бросил взгляд на соседний столик. Две девушки, которых он разглядел сквозь шпалеру вьющихся орхидей, пробудили какое-то давнее воспоминание. У обеих были темные волосы, однако, кроме этого, у них не было ничего общего: одна подчеркивала свой рассказ (а она, должно быть, рассказывала о чем-то) живыми, хотя и очень сдержанными жестами нервных рук. Это была Льюсин. Вторая слушала ее со скептической улыбкой, полуприкрыв глаза. Ее звали Майдой. Мортимер и сам не понимал, откуда он знает их имена. Но тут не было ничего сверхъестественного, в сонной атмосфере этого отеля, или санатория, как бы сейчас его назвали, ничто не побуждало к серьезным размышлениям. Так уже нередко бывало: искра воспоминаний внезапно вспыхивала и тут же гасла, не успев разгореться.

Мортимер разглядывал гладкие лица девушек, словно желая что-то прочесть на них, нечто такое, что было скрыто от непосвященных — как бы закодировано... Но все

усилия оказались тщетными. Единственное, что он сумел вызвать в своей памяти,— это то, что обе девушки были ему симпатичны.

Мортимер встал, подошел к соседнему столику, улыбнулся и отвесил поклон.

1

Они встретились на еженедельной пресс-конференции в большом зале Дома деловых встреч. Пока журналисты наговаривали в микрофоны заранее подготовленные вопросы, Мортимер незаметно оглядывался по сторонам. Он не знал того, с кем должен был встретиться, но подумал, что это, должно быть, тот самый высокий африканец, который, прислонясь к колонне, быстро вытянул из пачки сигарету и зажал ее в углу рта. Если он не ошибся, оба они явились сюда слишком рано, однако до окончания пресс-конференции им не следует покидать зал, если они не хотят вызвать подозрение.

А конференция шла своим чередом. Мортимеру не был виден большой экран на сцене, однако и здесь, сзади, установили несколько малых телеэкранов, по которым ползли печатные полосы, появлявшиеся из прорези выдачи. Ко всеобщему неудовольствию, спикер еще и зачитывал эти тексты.

— ... Первым пунктом в Белом Плани было строительство лыжного стадиона, а также завода по производству искусственного снега на восточном участке внутреннего городского пояса. Трибуна, рассчитанная на миллион зрителей, обогревается с помощью нового метода электронной диффузии.

Вопрос: Почему население сразу же не было оповещено перед восстаниями в дистрикте Массай?

Ответ: По расчетам ОМНИВАК, преждевременное оповещение могло привести к повышению уровня беспорядков во всем африканском регионе на одиннадцать процентов выше нормы. Правительству было бы трудно про-

известить обратное включение отошедших групп в систему государственного подчинения.

Раздались одобрителные аплодисменты. Мортимер, стараясь унять легкую нервную дрожь, бросил взгляд на большой циферблат в глубине зала: пресс-конференция затягивалась на пять минут.

Вопрос: Пять процентов населения все еще не имеют автомобилей. А в районах бедствия — семь процентов. Когда, наконец, начнется давно объявленная бесплатная раздача стандартных моделей нуждающимся?

Мортимер не вслушивался в ответ. Ах, эти невежды с их смехотворными проблемами! — подумал он. Ну что ж, часы мирового правительства сочтены!.. Он искоса поглядывал на африканца, стоявшего возле колонны, и когда их взгляды встретились, Мортимер быстро отвел глаза. Неожиданно он ощутил легкий толчок в спину и увидел рядом приземистого мужчину в жокейской кепочке, не удостоившего его даже беглого взгляда. Под мышкой у него торчал вчерашний номер «Конфиденшнл», раскрытый на нужной странице с оторванным уголком, там, где обычно стоит номер полосы. Условный знак! Значит, африканец здесь ни при чем.

Еле сдерживая раздражение, Мортимер дожидался окончания пресс-конференции, и когда все наконец поднялись с мест и разбрелись по зданию, он последовал за незнакомцем, который без особой спешки вышел на улицу и направился в сторону Восточного района.

Мортимер впервые увидел членов группы действия. В пустой квартире шестидесятиэтажного привилегированного арендного дома его поджидали трое. Сразу обратил на себя внимание мужчина с короткой стрижкой и грубым лицом, какое, по представлениям Мортимера, было у всех революционеров. Он не производил впечатления человека

высокого роста, но все же оказался на голову выше Мортимера, и тот невольно вытягивался, стоя рядом с ним. Еще один прислонился к стене и отступил от нее лишь затем, чтобы испытующе оглядеть Мортимера. Ему было около тридцати. Он немного сутулился, темно-каштановые волнистые пряди падали на лоб. Его можно было принять за художника. Третьей в комнате оказалась молоденькая темноволосая девушка.

— Он вел себя как идиот, — сказал приземистый, который привел Мортимера.

Мужчина с кудрями художника лишь вопросительно глянул на него.

— Сначала он едва не привлек внимание одного из чужих, а затем шел за мной по пятам, словно детектив в приключенческом фильме. Просто чудо, что нас не сцапали по дороге.

Вся троица молча разглядывала новичка.

— Но ведь Никлас о чем-то думал, когда выбирал его, как по-вашему? — Великан повернулся к Мортимеру. — Впредь будь осторожнее! Нам тут не до шуток. Ну ладно. Это — Майда. О Бребере ты наверняка слышал. Спенсера ты уже знаешь. А меня зовут Гвидо.

О Бребере, действительно, не слышать было нельзя — этот человек был олицетворением мужества и непреклонности. Там, где много риска, в любом ответственном предприятии, в любом опасном начинании он всегда оказывался в гуще событий. Его жестокость стала притчей во языцех — он не щадил своих противников. С той поры, как во время одного из ежегодных психологических обследований он был зарегистрирован как психически ненормальный, он все время находился в бегах. Мортимер с любопытством искоса поглядывал на него, стараясь делать это не слишком заметно.

Гвидо был единственным, кто протянул ему руку.

— Что я должен делать? — спросил Мортимер.

— Ему не терпится, когда он сможет корчить из себя героя, — насмешливо бросил Бребер.

— Мы должны дождаться Никласа, — объяснил Гвидо.

Он подошел к окну и выглянул наружу. На западе,

там, где только что село солнце, громоздились тучи запланированного ночного дождя. На гладких коробках высотных домов лежали пестрые тени, плоскости, обращенные к западу, казалось, были покрыты оранжевой пылью. Шапку висящего над городом смога окружала охряно-желтая радуга. Откуда-то из глубины улиц доносился шум вечернего движения.

Мортимер, все еще чувствуя себя в центре внимания и чтобы преодолеть смущение, забормотал что-то похожее на какое-то объяснение:

— Рад, что могу участвовать...

Презрительная улыбка на лице Бребера сбивала его с толку, и он повернулся к Гвидо, все еще стоявшему спиной к нему.

— ...Я должен был бы знать... я... у меня мало опыта, но вы можете на меня положиться. Мне отвратительна правящая система, так же как и вам... Ах, как я ее ненавижу!

— Ну, это само собой, детка,— бросил Бребер.— И это все, что ты можешь сказать?

В разговор вмешалась девушка по имени Майда.

— Оставь его в покое! — потребовала она.

Гвидо обернулся и прислонился к подоконнику.

— Хватит болтать!

Все замолчали. И вдруг, словно сигнал тревоги, тишину разорвал звонок. Они напряженно вслушивались в чередовавшиеся короткие и длинные звонки, и наконец Спенсер пошел к двери.

Мортимер услышал скрип резиновых шин на гладком стирозиновом полу, в дверях появилось кресло-коляска с закутанной в плед фигурой, у человека, сидевшего в коляске, виден был лишь высокий лоб и тонкогубый рот. Глаза прятались за темными контактными линзами. Мортимер почувствовал, как у него забилося сердце. Это был один из легендарных руководителей организации — шеф группы «Север»! Черт побери, с ним, Мортимером, они наверняка затевают что-нибудь грандиозное.

Спенсер выкатил коляску на середину комнаты, за ней шел худощавый молодой человек, у которого была такая

короткая верхняя губа, что казалось, будто он все время скалит зубы.

— Привет, Никлас! — сказал Гвидо.

Мужчина в коляске не двигался, трудно было даже понять, слышит ли он, что к нему обращаются. Наконец он нетерпеливо взмахнул рукой, и Спенсер подкатил его к Мортимеру.

Слепой без всякого вступления спросил:

— Чего ты ждешь от нашей организации?

Мортимер почувствовал себя словно на экзамене — и вместе с тем испытал облегчение, ибо уже тысячу раз задавал этот вопрос самому себе... Щеки его зарделись.

— Она должна спасти человечество! Если теперешняя форма правления в ближайшее время не сменится другой, наша культура окончательно погибнет. Унифицирование, стремление к стандарту душат личность — человек превращается в стадное животное. Нельзя допустить, чтобы личность задохнулась в массе, надо вновь создать человеку возможность развить свою инициативу, проявить свою индивидуальность. Организация борется за лучший мир. В этом ее основная цель!

— Но сначала... — заговорил Бребер, однако под тяжелым взглядом Гвидо тут же умолк.

— Мортимер прав, — отрывисто произнес Никлас. Он повернул голову к новичку и немного помолчал. Потом продолжал: — Мы боремся уже тридцать лет. Когда тебя еще не было на свете, наш удар по Стратегическому Бюро окончился неудачей. Именно тогда я лишился ног. Либеральная партия была запрещена, но она продолжала существовать в подполье. Мы ждали десять лет, но ждали не пассивно. Собрали вокруг себя всех здравомыслящих, всех тех, кто сознавал чудовищную опасность, нависшую над человечеством, и наконец атаковали Научный центр в Женеве — Мейрин. Там находилась команда советников правительства, его мозговой центр. Но и эта операция окончилась неудачей, я попал в плен. С помощью наркотиков они пытались сделать из меня предателя, однако я принял противоядие. С тех пор дневной свет навсегда померк для меня, но я им ничего не сказал. — Никлас на мгновение задумался. — И вот теперь, спустя двадцать

лет, предпринимается третья попытка. За это время правительство вместе со своими научными советниками и ОМНИВАКом перебралось на Луну. Мы никогда еще не были в столь трудных условиях, но нам нельзя больше терять время, понимаешь?

Мортимер кивнул, и Никлас продолжал:

— Сейчас речь идет уже не о политическом перевороте, а о спасении мира. И, кроме того, о памяти жертв, памяти наших товарищей, уничтоженных и замученных в лагерях. Нас, старую гвардию, судьба сплотила в единое сообщество. Для нас не существует более личных целей или мыслей — все подчинено общей задаче. И тот, кто намерен бороться вместе с нами, должен быть таким же фанатичным, таким же твердым и безжалостным. Ты готов к этому?

— Да! — хрипло проговорил Мортимер.

Готов ли он? Да, у него были и воля, и убежденность.

— Готов ли ты расстаться с родными, со своим привычным существованием? Готов ли поставить на карту свою жизнь и идти с нами до конца?

Мортимер вспомнил своего отца и его безуспешную борьбу против автоматизированных цюкол, обучающих машин, программированного обучения и информационной педагогики, он вспомнил известные труды Кёрнера и Петёфи, которые он во время уроков читал под партой, вспомнил и друга Гервига, который был художником и которого обезличили за его нонконформизм.

И он сказал: «Да!» — теперь уже решительным тоном уверенного в своей правоте человека.

— Ладно. Я верю тебе, — сказал слепой. — Гвидо, установи связь!

Великан подошел к телевизионному устройству и нажал на клавиши. Экран засветился, затем побежали полосы и на экране возникло мясистое, грубое лицо.

— Кардини! — с невольным ужасом вырвалось у Мортимера.

Цветной и объемный, глядел на них сверху вниз всемогущий шеф Всемирной полиции. Позади был виден его секретарь Бушор.

Голос Кардини загремел из динамика:

Вы все продумали и подготовили?

До мельчайшей детали,— отвечал Никлас.

Тогда я даю знак к началу. Ведите свое великое дело к победе, и человечество отблагодарит вас. Я желаю вам всем счастья в этом мире!

Изображение на экране расплылось и исчезло, Гвидо выключил систему.

Мортимер не мог прийти в себя от изумления.

Кардини все известно? — пробормотал он.

Он на нашей стороне. Да, на этот раз козыри в наших руках. А ты, Мортимер, посвящен теперь в великую тайну. Это доказательство нашего доверия.

2

Гвидо сам привез его на новом, работающем на батареях кабрио на окраину города — далеко за внешний пояс, в район предместий, откуда давно уже выселили жителей и где старые одно- и двухквартирные дома с возникшими между ними, выстроенными без всякого плана и разрешения властей постройками образовали сложный лабиринт, напоминающий древние восточные крепости в археологических заповедниках. Оцепление они миновали без всяких осложнений. Гвидо знал один проход, ведущий через заброшенный водоотводный канал, впрочем, полиция мало беспокоилась о закрытых зонах, покуда кто-нибудь не пытался обосноваться там.

Они шли мимо гаражей, садовых участков, крольчатников, откуда еще не выветрился запах старой соломы и помета, они проходили через пропахшие гнилью подвалы и пробирались мимо ржавых решетчатых ограждений, колючей проволоки и полуразрушенных стен. Повсюду буйно разрослись одичавшие бегонии и вечнозеленая роза, побеги фасоли и плети декоративных тыкв, обвивавшие постройки и заборы, превращая этот район в настоящие джунгли, пробираться по которым стоило большого труда. Наконец Гвидо указал на какой-то барак, на крыше которого еще был заметен полустершийся красный крест.

Пожилой мужчина в испачканном двубортном костю-

ме, вышедший им навстречу, показался Мортимеру знакомым. Но только лишь когда Гвидо поздоровался с ним, он вспомнил, где видел это угловатое лицо с беспокойным взглядом: на фотографиях из судебных репортажей в журнале «Уголовные преступления и секс». Это был процесс, во время которого невролог доктор Прокофф обвинялся в том, что помогал преступникам путем пересадки мозга избежать осуждения и наказания.

— Проклятье, почему вы заставляете так долго ждать вас? — пробурчал врач и повел их в приемную. — Паспорт и деньги при тебе?

Гвидо постучал по нагрудному карману.

— Конечно. Только с этим попозже. Как дела у тебя? Все готово?

Врач вложил в руку Мортимеру электробритву, отдернул занавеску перед умывальной нишей и снял фильтр с радиумной лампы. Свинцовосодержащее флюоресцирующее вещество бросило сноп зеленоватого света.

— Долой роскошные локоны! — воскликнул он.

Мортимер оглянулся на Гвидо, тот кивнул ему и пожал плечами: так надо. Прежде чем жужжание кольцевых ножей поглотило все остальные звуки, он успел услышать, как доктор Прокофф сказал: «Я готов. Перципиент уже с утра лежит в заднем помещении. Но это в последний раз — можешь передать своим коллегам!»

Но вот последний клоч темных волос упал на пол, и Мортимер присоединился к остальным. У него было такое ощущение, словно он уже расстался с частью своей личности. Врач провел рукой по его черепу, лишенному волос.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Мортимер.

— Для выполнения задания тебе нужна хорошая маскировка, — пояснил Гвидо. — Пока довольствуйся этим.

— Маскировка! — насмешливо подхватил доктор Прокофф. — Неужели он даже не подозревает, что ему предстоит?

— Не твоя забота, — резко ответил Гвидо. — Начинай!

— Тогда идем!

Они вошли в процедурный зал, походивший скорее на вычислительный центр. Большой щит с несколькими

экранами осциллографов, словно барьер, перегораживал зал посередине, за ним возвышались два помоста, от которых отходили многочисленные сплетения забранных в металл проводов. Над изголовьями двух хирургических столов, укрепленные на штативах, висели металлические колпаки, из которых торчали барашковые винты.

Доктор Прокофф дотронулся до главного тумблера — с тихим вздохом заработал насос. Затем врач исчез в соседней комнате и вскоре появился вновь, толкая перед собой каталку. На ней покоилось завернутое в простыню неподвижное тело. Невролог подкатил каталку поближе, и Мортимер увидел длинное худое лицо с высоким лбом и светло-русыми волосами, рассыпавшимися по белоснежной ткани.

Гвидо оценивающе переводил взгляд с этой фигуры на Мортимера.

— Совершенно разные типы, — заметил он.

— Ты еще веришь в Кречмера? — возмутился хирург. — Ведь самое главное, чтобы были одинаковыми частоты состояния покоя и коэффициенты модуляций токов мозга. Тогда-то уж меня никто ни в чем не сможет упрекнуть. Из всех возможных вариантов этот подходит больше всего.

Он взял бритву и, подойдя к лежащему на каталке человеку, стал сбривать у него волосы.

— Ты что, не мог этого раньше сделать? — спросил Гвидо.

— Они слишком быстро отрастают, — ответил доктор. — Если хочешь, чтобы дело шло быстрее, лучше помоги-ка мне. — Он передал аппарат Гвидо, а сам снова повернулся к щиту.

Мортимер почувствовал на себе взгляд Гвидо — холодный, немного сочувствующий и вместе с тем презрительный. И тут впервые чувство гордости стало угасать в нем, его вытеснил страх, знакомый всем живым существам, когда те узнают, что попали в ловушку, из которой им уже не вырваться.

Внимательно посмотрев на Мортимера, доктор положил ему на лоб ладонь и почувствовал, что она стала влажной от пота.

- У него температура,— заключил он.
Гвидо прервал свою работу и подошел ближе.
— Чепуха. Это у него от страха.
— Тоже плохо! Он должен быть совершенно спокоен, ты знаешь это не хуже меня!
— Сделай ему укол! — предложил Гвидо.
— Слишком поздно.

Гвидо положил руки на плечи Мортимера. Взгляд его снова стал доброжелательным.

- Что с тобой, малыш? Тебе нехорошо?
— Вы действительно собираетесь... пересадку мозга?..
— Ну и что? — спросил Гвидо. — Мозг совершенно нечувствителен к боли. Так что ты ничего не почувствуешь, тебе будет казаться, будто ты уснул, а потом проснешься совсем другим человеком! Чего ты боишься?

— Я думаю, что не выдержу этого,— прошептал Мортимер.

— Но ты же дал слово Никласу! Еще час назад ты был готов пожертвовать всем, в том числе и жизнью!

— А я стану... Я имею в виду: я останусь самим собой?

Гвидо посмотрел на доктора Прокоффа.

— Он останется самим собой?

Врач отвернулся.

— Меня эта проблема не интересует. Я устанавливаю синхронизацию, фокусировку на синапсы — и все. Перенос содержимого памяти происходит автоматически.

— А как было у других ваших пациентов? — спросил Мортимер. Он нервно проглотил слюну.

— Те заказывали чистый процесс — это значит, что я трансферирую в кору головного мозга накопленную информацию, а вовсе не сам мозг, как полагают некоторые. Более глубокие слои остаются в неприкосновенности иначе будет повреждена кровеносная система, возникнут ошибочные рефлексy и так далее. Вы же хотите...

— Кончайте с этим! — перебил Гвидо, не скрывая своего отвращения. — Так ты хочешь или не хочешь? — прошипел он, наклонившись совсем близко к Мортимеру. — Или ты все забыл? Ты же хотел спасти человечество! Или нет? Куда же подевались все твои идеалы? Человеческое достоинство, свобода, защита индивидуальности?

Ты уже забыл, что мы поклялись пожертвовать всем? Забыл о том, что произошло с Гервигом? Неужели цель жизни твоего отца стала для тебя пустым звуком? — Он яростно тряс Мортимера. — Ну, говори же!

Я... я хочу, — прохрипел, задыхаясь, Мортимер, с трудом подавляя рыдание.

Тогда за дело! — приказал Гвидо и сделал знак врачу.

Тот покачал головой.

Мозг в состоянии покоя, ты что, не понимаешь? Никаких душевных движений, кривая ЦНС ниже нулевой отметки! С меня хватит, я ухожу.

Он положил пальцы на главный тумблер.

— Стой! — прогремел Гвидо. В руке его блеснул гамма-пистолет, он не спускал глаз с врача. Левой рукой он вытащил из кармана куртки коробочку. Раздавил бумажную оболочку, выудил оттуда обернутую целлофаном пилюлю и сунул ее в руку Мортимеру.

Прими это, только быстро! — Правым локтем он подтолкнул его к каталке. — Ложись. — Он подождал, пока Мортимер выполнит его приказ, затем повернулся к врачу и приказал: — Начинай!

3

Резиденция правительства на Луне была замкнутым миром. Окруженный непроницаемой и задерживающей лучи синтетической пирамидой, здесь был выстроен целый город, который хотя и зависел еще в вопросах обеспечения от Земли, однако всеми силами старался, используя достижения современной науки, избавиться от этой зависимости. Полиплоидные колонии водорослей поставляли концентраты питательных веществ, гормоны роста повышали урожайность гидропонных садов, изолированная мышечная ткань поросят и телят посредством искусственно выращенных вирусов обеспечивала постоянный прирост. И только обеспечение энергией не было проблемой — атомный реактор пока даже не запускали в полную силу, а запасов плутония должно хватить на столетия.

С вершины пирамиды светило искусственное солнце — небольшой трансформирующий реактор, превращающий ядерную энергию в свет, его стержни автоматически вводились и выводились, имитируя смену дня и ночи. Ни один из десяти тысяч жителей не имел возможности видеть Землю, если только он не уезжал в отпуск или не принадлежал к числу ученых, исследовавших кратеры или с помощью радарных телескопов и подзорных труб изучавших космическое пространство. С другой стороны, так же малодоступна была для граждан всеохватывающего Всемирного государства внутренняя жизнь правительственного города, откуда властители распоряжались их судьбами. И все же правительство заботилось о том, чтобы постоянно напоминать о себе: от углов трехгранной пирамиды исходил красный, синий и зеленый свет, как символ единства всех рас, и с помощью низкочастотных электромагнитных волн посылались и собирались потоки информации, поступали распоряжения и рапорты об исполнении.

Вот уже три недели Мортимер находился в городе-пирамиде. Это был период подготовки, вживания, утверждения. Но все эти меры предосторожности едва ли были необходимы — в его памяти не обнаружилось пробелов. С уверенностью сомнамбулы он управлял бегающим по направляющим рельсам седороллером, разъезжал вверх и вниз в лифтах, бродил по бесконечным переходам. Он наизусть знал план города, окрестности своего жилого района и заводские территории, лежащие напротив, внешний пояс безопасности и кольцо садов, с их пышными трикодиловыми папоротниками и, наконец, отлично знал забранный в стекло центральный блок управления. Он входил туда и выходил, будто делал это всю жизнь — и в известном смысле так оно и было. Стратег планирования, который уезжал в отпуск на Землю и спустя четыре недели возвращался, окрепший и хорошо отдохнувший, — вот и все. У него были отпечатки пальцев Стэнтона Баравалы, его же радужная оболочка глаз и все показатели крови, он проходил через посты с подлинными документами. Что же касается его остриженной наголо головы, то кому до этого дело? Главное, он располагал всеми сведениями и воспоминаниями. Поначалу его охватывал

страх, когда к нему кто-то обращался по имени либо просил сообщить коэффициенты экстраполяции или дату ближайших соревнований в кегли. Но потом некий внутренний голос отвечал за него, спокойно и раздумчиво, иногда даже иронично-весело. Самые скверные минуты он переживал не тогда, когда оказывался среди людей, а вечерами, когда оставался один, в тиши звукоизолирующих, обтянутых пенорезиной стен своей квартиры, в те короткие мгновения перед сном, когда было сделано все, что он запланировал... Тогда в нем пробуждались чувства прежнего человека, который, как ему казалось, продолжал жить в его теле, чужие желания вторгались в его собственные, незнакомые настроения смешивались в полное противоречий шизоидное целое, вызывавшее у него самого отвращение, но он не мог этому противостоять. Он ловил себя на том, что одобряет вещи, ранее для него неприемлемые, и его охватывают побуждения, предававшие его собственные прежние идеалы, а где-то в глубине его существа пробуждалось нечто могущественное, и его невозможно было заглушить, оно вселяло страх.

Единственной ниточкой, связывавшей его с организацией, была Майда.

Еще два года назад она была внедрена в качестве стюардессы на линии пассажирского сообщения между Землей и Луной; хотя полеты обслуживались главным образом роботами, нередко к этой работе привлекались женщины. Однажды Мортимер и Майда встретились как бы случайно, но с той поры их можно было видеть вместе.

Как-то раз ночью, в тот период, когда они еще старались держаться на расстоянии, Майда предложила прогуляться — Мортимер понял, что уже недолго будет испытывать его терпение. Тщательно готовившийся удар должен был положить конец его сомнениям.

...Пока они не произнесли ни одного неосторожного слова. Приходилось считаться с тем, что здесь полно агентов тайной полиции, всюду установлены подслушивающие устройства и тщательно замаскированные экраны наблюдения, впрочем, возможно, все эти опасения были совершенно беспочвенны — правительство ублаживало себя сказками о собственной безопасности. И все-таки

заговорщикам следовало быть начеку. Майда взяла его под руку, и они не спеша побрели по вымощенным пемзовыми плитками дорожкам, мимо папоротникообразных кустов, которые высаживались специально для очистки городского воздуха. С каждым глотком воздуха они испытывали такое ощущение, будто глотали чистый кислород, легкие словно наполнялись живительным эликсиром. Нашприцованные в песок влажные пенопластовые волокна были покрыты зелеными водорослями, имитировавшими газон. Сквозь сильный запах защищающего от гниения хинозоля пробивался тяжелый аромат роз «Форсайт» и еще какой-то смолистый дух.

Майда включила транзисторный приемник на своем браслете. Зазвучала тихая музыка. Искусственное солнце, установленное на минимальное освещение, давало лишь слабый зеленоватый свет, отчего все листья казались покрытыми налетом плесени.

— Здесь мы можем разговаривать спокойно, — сказала Майда. — Аппарат излучает интенсивный ультразвук. Если кто-нибудь и попытается преследовать нас со звуковым фокусом, он все равно ничего не поймет.

— Это не опасно — носить при себе такой генератор помех?

— Прибор устроен так, что все будет выглядеть как случайное повреждение. Однако нам надо беречь время. Будь внимателен! Приказ действовать получен. Твое основное задание — разрушить память ОМНИВАКа. Ты знаешь, что внутри компьютера накоплены данные, от которых зависит власть правительства. Тебе придется применить ионизатор, который необходимо пронести в шахту воздухообеспечения, находящуюся в нижнем этаже блока памяти — накопителя. С его помощью воздух станет проводником, и статично распределенные заряды деполяризуют молекулярные клетки накопителя.

— А откуда я возьму ионизатор?

— Он замаскирован под электронный сварочный аппарат. В центральный блок его доставят вместе с обычным инструментом. Изменения в конструкцию внесены с применением полимеров и токопроводящих трубок, так что рентгеноконтроль ничего не даст.

— А как мне отличить нужный прибор?

— Мы подкупили одного человека, он пронесет ионизатор под землю якобы для ремонтных работ на стеклянной стене и вечером оставит его там. Пойдем, я покажу тебе это место.

Майда украдкой огляделась по сторонам. Судя по всему, они здесь были совершенно одни. Она быстро повела Мортимера в сторону от главной дороги, на мощенную брусчаткой площадь. Пористый материал под ногами поглощал шум шагов, и вскоре они оказались возле стеклянного ограждения. Словно башни таинственного замка высились перед ними гигантские кубы — лаборатории и залы программирования, залитые зеленым светом и хрустально блестящие; чуть в стороне виднелся купол, под которым находился мозг всего этого механизма, огромный, величиной с дом компьютер ОМНИВАК, который безупречно нес свою непрерывную вахту; рядом находился лишенный окон тюремный блок, где политические заключенные обычно ждали приговора. Чаще всего приговор этот был стереотипным: обезличивание.

Майда указала на несколько матовых участков на стеклянной стене.

— Здесь нужен срочный ремонт. Заметь это место! Завтра тебе предстоит обнаружить его изнутри. Тут, под штабелем сверл, будет спрятан сварочный аппарат.

Мортимер предупреждающе поднял руку.

— Постовой! Бежим прочь отсюда!

За стеклянной стеной к тому месту, где они стояли, приближался мужчина с гамма-пистолетом в руке.

Майда задержала Мортимера.

— Возможно, он уже засек нас. Придется остаться.

Она бросилась на землю и притянула Мортимера к себе.

— Поцелуй меня!

Мортимер сделал вид, будто ласкает ее, а сам искоса наблюдал за охранником по ту сторону стеклянной стены.

— Интересно, есть ли у них система аварийной сигнализации? — шепнул он.

Майда обняла его.

— Делай вид, будто не замечаешь его...

Дежурный замедлил шаг и наконец остановился. Наклонился и застыл с пистолетом наготове.

Мортимер больше не решался поворачивать голову в его сторону, несмотря на то, что отчетливо слышал звук шагов совсем рядом. Сердце его бешено колотилось. Он стал целовать Майду в щеки, в губы, в шею. Руки его скользили по ее волосам. По ту сторону стены было тихо — казалось, время тянется бесконечно долго. Затем снова послышались шаги — сначала четкие, громкие, потом они стали глуше и окончательно затихли вдали.

Мортимер все еще держал Майду за плечи, стоя возле нее на коленях. Оба смотрели сквозь стену — вслед медленно удаляющемуся охраннику.

Майда слышала порывистое дыхание мужчины, ощущала его объятья. Наконец она провела рукой по его голове и поднялась.

— Опасность миновала, — сказала она.

4

Следующий день до самого полудня Мортимер провел в Стратегическом Бюро, шла дискуссия по поводу запроса, где предлагалось вновь разрешить бои быков — это послужило бы клапаном, который помог бы «выпустить пар» — нейтрализовать агрессивные настроения. Было несколько перерывов, во время которых ОМНИ-ВАК взвешивал накопленные данные: на одной чаше весов были данные о судебном производстве, тюремных помещениях, мерах по надзору и тому подобное, а на другой — расходы на организацию соревнований и модуль активности против понижения уровня волнений.

Эти паузы Мортимер использовал, чтобы поразмыслить о своих делах. Вот уже три недели, как он ждет заветного дня, когда кончится его ожидание и будет восстановлено внутреннее равновесие. Он вовсе не обманывался в отношении своей роли во всем этом: в самом деле, задание получено, приказ вручен, и предписанные шаги будут сделаны автоматически, при этом сам он будет чувствовать себя лишь инструментом в этой операции.

Но вчерашняя ночь оказалась для него чем-то большим, чем просто сигналом к началу операции. Когда он держал девушку в своих объятиях, он почувствовал, словно прорван шлюз, охранявший его от мыслей *другого*. Его охватили незнакомые ему ранее чувства, которые он прежде отметал, тогда они для него ничего не значили, выше всего было чувство долга, заставлявшее его направить все силы на выполнение задания. Теперь же все разом изменилось, равновесие было нарушено...

В обеденный перерыв он покинул правительственное здание и направился в космопорт. Одна из ракет была уже на старте, группки отпускников и их родственники, полицейские и работники технических служб смешались в огромную кипящую толпу, напоминавшую муравейник. Этот корабль заберет и Майду. Они уже все обговорили накануне, но Мортимеру просто захотелось еще раз увидеть девушку.

Не желая вызывать ее через громкоговоритель, он решил дожидаться Майду у служебного входа. Сказал какие-то необязательные слова, Майда ответила в том же духе. Они прошли по трубообразному переходу из синтетического стекла, который вел к обзорной галерее. Перед ними лежало покрытое густой пылью дно кратера. На западе оно было покрыто стекловидной коркой — там была посадочная площадка для ракет, возвращающихся из дальних рейсов — с Марса и Венеры. Пассажиры, собиравшиеся продолжить путь к Земле, пересаживались здесь в космические паромы. Несколько мужчин в космических костюмах работали на большой высоте, что они делали, издалека не было видно. Они казались крошечными насекомыми. Дальше, там, где поднимались склоны кратера, находилась большая верфь. Иглы ракет, сверкающих в лучах солнца, вонзались в темное небо.

Перед нижним рядом кресел обзорной платформы стоял заправочный тягач, в который закачивался из топливозаправочной колонки жидкий газ, по всей вероятности водород. Шум вырывающихся паров хотя и не был слышен, но от вибрации дрожала земля и весь павильон наполнялся глухим гулом.

Здесь можно было перекинуться несколькими словами без опасения быть услышанными.

Почему ты так неосторожен! Нас ведь могут взять на заметку! — шепнула Майда.

— Ты полагаешь, они приказали следить за нами? Я подумал, после того, что произошло вчера, было бы совсем странно, если бы мы не встретились.

Майда задумчиво посмотрела на него.

Возможно, ты прав. Ну, так чего ты хочешь? Что-нибудь неясно?

— Просто мне захотелось еще раз повидать тебя, — признался Мортимер. В косых солнечных лучах, пробивавшихся сквозь туман из водородных капелек, лицо Майды казалось необычайно мягким. Ресницы отбрасывали большие тени, глаза влажно блеснули.

— Что с тобой? — спросила она. — Сейчас мы должны помнить только об одном — о задании. Нам не нужно никакого центрального правительства и никакого раздающего приказы компьютера. Мы не нуждаемся во врачах, которые предписывают нам, сколько лет мы имеем право жить и от кого нам иметь детей. Мы обойдемся без питательных таблеток, спортивной формы, водных праздников и приключенческих фильмов — без всей этой тошнотворно заорганизованной жизни. Все, что нам нужно, — это спокойный уголок, домик, пусть даже просто хижина, цветы, работа, общение с людьми, которых мы любим, мирные закаты и тихие ночи. Ради этого стоит сражаться. Пока мы не достигнем нашей цели, ничего другого для меня не существует. Ничего.

— Какая же ты черствая! — сказал Мортимер.

Оба помолчали, глядя вдаль, где играли краски вечера, который здесь, снаружи, длился целую неделю.

Наконец Мортимер спросил:

Как ты оказалась в организации?

Майда ответила не сразу.

Я жила с одним мужчиной — тайно, без разрешения властей. Возможно, ты уже слышал это имя: Сергей Лементов.

Мортимер вспомнил:

— Человек, освободивший Никласа из штрафного лагеря на Ганимеде? Невероятная история...

— Ему было всего двадцать два года, когда я его потеряла, — прошептала Майда. — Они схватили его и обезличили.

— Это случилось года два назад?

— Еще и двух лет не прошло.

Мортимер приблизился к Майде, взял ее руку.

— Я понимаю тебя, — сказал он тихо.

Лицо Майды снова застыло.

— Я продолжаю его работу, как могу. Вот почему я вступила в организацию.

Мортимер представил себе, какое тягостное одиночество испытывает эта девушка в обществе фанатиков, и подумал, до какой трагедии надо было дойти, чтобы даже самые слабые включались в борьбу. Он понимал, что эта девушка сама решила продолжать дело своего возлюбленного, и в то же время какой-то внутренний голос протестовал: никто не имеет права подвергать риску все, что создано поколениями, ведь не исключено и возрождение нищеты, от которой они наконец избавились. И все же чувства его оказались сильнее.

— Мы еще увидимся?

— Если все пойдет, как намечено...

Майда не ответила на его вопрос. Что-то восстало в Мортимере.

— Что вы со мной сделаете, если наша операция пройдет успешно? Почему мне об этом почти ничего не говорят?

— Сергея предали... — беззвучно произнесла Майда.

— Предали? — До него не сразу дошло, что она имеет в виду. — Ты считаешь... что я могу... Разве я не доказал, что готов выполнить любой приказ? Неужели ты меня подозреваешь?

На лице Майды появилась жесткая усмешка.

— Ты еще не знаешь, каким слабым бывает человек!

Мортимер на секунду замер, затем повернулся, собираясь уйти, но Майда тихо дотронулась до его руки. Он сердито обернулся и увидел, что ее лицо смягчилось. Май-

да по-прежнему сжимала его локоть, и Мортимер вдруг разом забыл о своем раздражении.

— Да? — спросил он.

— Видишь там, в фермах, ракету дальнего следования?

Это была модель, каких он еще не видел, очевидно, совершенно новая — ее гигантский корпус цвета слоновой кости тускло блестел на солнце.

— Это исследовательская ракета одной группы ученых, — пояснила Майда. — Она готова к старту.

Мортимер сдвинул брови.

— Ну и что?

— Ничего... Хотя, возможно, у тебя еще будет случай вспомнить об этом...

Он кивнул, не понимая.

— Тебе пора идти, — произнесла Майда. — Они уже выкатывают нашу ракету. Через восемь часов она вернется обратно — и с ней прилечу я. Прощай!

Неуклюжая сигара пассажирского корабля вместе со стартовыми фермами медленно и бесшумно двигалась по рельсам. Ее заостренное тело матово поблескивало, и Мортимер невольно поднял глаза вверх — бледно-зеленый, в серебристом венце, висел высоко мощный серп Земли, на нем различались и длинный язык Южной Америки, и тени Анд, словно морщины, прорезавшие кожу континента. «Земля стоит борьбы, — думал Мортимер. — Чего бы эта борьба ни стоила».

— Еще одно я хотел бы узнать, — шепнул он. Гул стал ослабевать, и теперь их могли услышать.

— Что именно?

— Когда ты вчера... — он запнулся, — я хочу сказать, когда мы вчера целовались, о ком ты думала: обо мне или о ком-то другом? О Баравале?

— Что за нелепый вопрос!

Она кивнула ему и стала быстро подниматься по ступеням. Мортимер долго задумчиво глядел ей вслед сквозь стену из свинцового стекла, пока она не затерялась в глубине кассового зала.

На часах было двадцать ноль-ноль. Мортимер сидел за клавиатурой своей кодирующей машины. С ее помощью параметры различных социальных данных преобразовывались в двоичные цифры и по прямому проводу передавались в ОМНИВАК, где они перерабатывались согласно инструкции. Компьютер менял программы самостоятельно на основе полученной информации — законы с каждым разом составлялись все более точными — на базе всеобъемлющей статистики, сравнительные данные корректировались после ежедневного ввода. Там, где возникала угроза равновесию, ОМНИВАК изучал все возможные способы разрешения, определял те, которые имели лучшее соотношение между затратами и результатом, исключая все, что противоречило юридическим, религиозным и этическим нормам, а затем направлял список всех заслуживающих внимания мероприятий в соответствующий отдел. Выбором из этого списка, в сущности, и занималось правительство, или, точнее, специальные его подразделения. Центральная комиссия, высшая правительственная инстанция, вмешивалась лишь в тех случаях, когда референт объявлял о своей некомпетентности.

Ионизатор Мортимер получил сравнительно легко. Он затребовал монтажную машину, передвижную автоматическую лабораторию для несложного ремонта — якобы необходимой замены помутневшего стекла в своем рабочем помещении. Получив машину и заменив стекло, он, прежде чем отослать лабораторию обратно, прервал связь с ОМНИВАКом и направил машину с помощью теленаведения к стеклянной стене. Он спрятал ионизатор в шкафу для одежды, затем снова восстановил связь с ОМНИВАКом и сообщил о том, что у него на время прервалась подача электроэнергии, причина этого, разумеется, не была установлена.

Мортимер подошел к окну. Искусственное солнце работало в четверть наката, и все же отсюда, с самой высокой точки расположения Стратегического Бюро, можно было

видеть весь город, и еще дальше — подступающие синефиолетовые и ядовито-зеленые папоротниковые леса, отсюда были хорошо видны жилые кварталы, ничем не отличавшиеся от предместий любого крупного города где-нибудь в Америке, Африке или Евразии. «Где бы ни появился человек, — думал Мортимер, — всюду он убивает природу, всюду вносит атрибуты массовости и однообразия». «Где бы ни появился человек, — возражал другой голос, — он укрощает хаос и осваивает новые области жизненного пространства». За спиной у Мортимера раздавалось торопливое пощелкивание пишущей системы.

...Самой большой проблемой оказалось найти предлог, чтобы остаться после смены. И тут он кстати вспомнил о проблеме третьей степени неотложности: новые медицинские способы регенерации сосудов победили инфаркты, атеросклероз и еще целый ряд заболеваний, в результате чего рост населения угрожающе опережал рост производства. Необходимо было найти способ ограничить прирост населения. В качестве основной меры были предложены повышение канцерогенных субстанций в сигаретной бумаге или добавление малой дозы метилалкоголя в алкогольные напитки. Мортимер запросил в Центральном управлении разрешение задерживаться в бюро после окончания рабочего дня и тотчас получил согласие: он мог теперь работать до двух часов ночи. Все посты охраны были об этом оповещены.

...После некоторого раздумья Мортимер подошел к блоку выдачи информации, оторвал полоску, испещренную цифрами, и выбросил ее в мусорный люк. Трудно было придумывать новые задачи, для которых сверхбыстроуму ОМНИВАКу потребовалось бы больше времени. Все еще поглощенный своими мыслями, Мортимер уселся за пульт и принялся зашифровывать вопрос: какие последствия может иметь увеличенное потребление алкоголя на число участников религиозных празднеств. Ответ он получил прежде, чем успел подняться со стула. ОМНИВАК располагал всеми данными и потому с незначительными погрешностями мог ответить на любой вопрос обо всех и каждом. Не существовало ничего, что не подвергалось

бы предварительному просчитыванию, и это было невыносимо. Что бы человек ни делал, думал или чувствовал, все было заранее известно; все было скалькулировано, предопределено, и уже не оставалось ни малейшего пространства для собственного мышления и собственных решений. Эту детерминированность обеспечивала регистратура ОМНИВАКа, масса данных, огромный, постоянно пополняющийся статистический материал. Сомнений не было: этот бездушный мозг необходимо уничтожить. «И вправду необходимо? — усомнилось его второе «я». — Все ведь взаимосвязано, целое оказывает влияние на часть, а часть определяет целое. Не потому ли мы становимся так свободны, когда закрываем на это глаза?..»

Мортимер с силой ударил кулаком по клавишам. Мгновенно вспыхнуло красное матовое стекло с надписью «Ошибка!». Не обращая на это внимания, он пошел в умывальную, поставил лицо и руки под холодную воду. Затем достал из шкафа ионизатор. До сих пор ему не приходилось иметь дела со сварочными аппаратами, но, насколько он мог судить, прибор выглядел как настоящий. Ничего удивительного, насколько он помнит, применяемые при сварке электроны были зарядами; ионизатор же тоже был не чем иным, как прибором для производства зарядов, хотя, конечно, с более интенсивным действием.

И по форме, и по величине прибор напоминал электрическую дрель, и Мортимер без труда уложил его в ящик для хранения перфокарт. И отправился в путь.

В здании бюро ему нечего было опасаться. В этой секции, которую он знал как свои пять пальцев, он передвигался без труда. И только когда он вышел из лифта на одном из нижних этажей, Мортимер почувствовал легкое беспокойство. Здесь ему еще не приходилось бывать, и, хотя он хорошо помнил поэтажный план правительственного центра, все здесь показалось ему незнакомым. Самый нижний этаж предназначался для систем поддержания жизнеобеспечения. Здесь находились, так сказать, основные органы гигантского индивидуума, состоявшего, как любое другое живое существо, из отдельных клеток.

От каждого органа шли соединения к каждой клетке: устройства для обеспечения очищенным, подогретым до нужной температуры воздухом и для отсасывания отработанного, коммуникации для подачи воды и сжатого воздуха, провода, по которым результаты замеров и команды на корректировку выходили из соответствующих помещений или поступали в них: показатели влажности воздуха, содержания двуокиси углерода и пыли, температура.

То, что на поэтажных планах было обозначено не очень четкими фиолетовыми прямоугольниками, здесь представало в виде громко пульсирующих, выпускающих пар, шипящих и клопочущих чудищ из алюминия, стекла и синтетики.

Мортимер остановился возле лифта и огляделся. Дверь позади него закрылась и как бы отрезала его от внешнего мира. Он с трудом подавил желание нажать на кнопку вызова и решительно прошел в коридор. Попытался сориентироваться — установка кондиционирования должна находиться там, сзади, или нет, скорее там...

Мысленно сверившись с планом, Мортимер двинулся по проходу между машинами. Его словно накрыло куполом из шумов и полутеней, осветительные стены давали лишь слабый рассеянный свет, скрадывавший истинные размеры помещения. Только теперь Мортимер заметил, что все время напряженно ловит любой шорох, тишина дарила успокоение.

Он прислушивался к шуму и всматривался в темные углы. Все здесь было непривычным, и потому он не уловил ничего подозрительного. Несмотря на шум, он по-прежнему старался ступать как можно тише, он почти крался. Крепко сжав рукоятку ящика, он шел, каждый раз съеживаясь от движения какого-нибудь поршня или клокотания, неожиданно раздававшегося в каком-нибудь котле.

Вдруг он остановился как вкопанный — на этот раз ни какого самообмана, вся неуверенность исчезла. На левой боковой стене вспыхнул красный свет, погас и снова зажегся... Мортимер быстро шагнул в боковой проход, остановился согнувшись, прижав к телу руки, и прислу-

шался... Сомнений не было, он услышал шум лифта! Желудок словно налился свинцом, по телу растекалась слабость. Мортимер бросился вниз между двумя машинами, втиснулся под толстую трубу. Зашипела пневматическая дверь лифта... что-то появилось в зале — он скорее почувствовал это, чем услышал.

Что-то заскользило вдоль ряда машин, остановилось возле бокового прохода, где затаился Мортимер, и свернуло... Монтажный автомобиль! Тяжесть в желудке у Мортимера растаяла, монтажный автомобиль, значит, полиция здесь ни при чем.

Но приборы могут его зафиксировать и сообщить об этом в Центр управления, тупо, как всякий автомат...

Автомобиль покатился дальше, оставив его без внимания. В конце коридора он остановился, вытянул одну из своих искусственных рук, похожую на протез — вместо кисти в нее был вмонтирован гаечный ключ, — и с коротким жужжанием навинтил гайку. Проблесковый сигнал на стене погас, автомобиль снова проехал мимо Мортимера по боковому проходу в средний тракт, дверь лифта распахнулась, и тихое пощелкивание подъемника затерялось в остальных шумах.

Поддавив смешок в пересохшей гортани, Мортимер поднялся и пошел, не оглядываясь по сторонам, к своей цели — воздухораспределителю. Это было громоздкое сооружение, из которого выбегали сотни малых и больших шлангов и трубок, расположенных в строгом порядке, однако являвших собою полную путаницу для непосвященного. Мортимер пошел, следя за нумерацией, и вскоре нашел подпитывающую линию, которая должна была привести его в зал накопителя. Теперь он действовал решительно и быстро. Он отключил автоматические сигнализаторы ошибок и отвинтил барашковые винты, которые крепили смотровое окошко к толстой, в две ладони, трубе. Осторожно высвободил стекло, заметив, каким образом было установлено уплотняющее кольцо, и поставил ионизатор вдоль сильного воздушного потока. Повернув рукоятку на полную мощность, зафиксировал ее в этом положении и снова вставил стекло с уплотнителем. Затем быстро закрутил винты.

Сделать это было очень просто — никто не рассчитывал на такой вид диверсии. Насильственное вторжение в Центр и даже похищение секретных материалов — от этого зал был надежно защищен. Никто не мог переступить его порог незамеченным, тройное ограждение с автоматическими контролерами, которым любой визитер обязан был предъявить свои полномочия и документы, страховало от всяких неожиданностей. К тому же людям здесь вообще делать было нечего.

Считалось, что опасность может исходить от групп, желавших завладеть правительственной властью и для этого нуждавшихся в информации. И совершенно не учитывалось, что кто-то, даже не помышляя о власти, станет действовать, исходя лишь из альтруистических мотивов. Роковая ошибка. Даже машина дала сбой. Она приняла в расчет человеческий эгоизм как постоянную величину. И эта ошибка стала губительной для нее.

Мортимер огляделся — ничего подозрительного, насколько хватал глаз. Он поднял ящик из-под прибора и двинулся в обратный путь. Еще работали агрегаты, поток приказов еще бежал к передатчику, который посылал их на Землю, парализуя центр жизнеобеспечения человечества. Но скоро этот поток иссякнет. Донесения станут запутанными, ошибочными, превратятся в бессмыслицу и в конечном счете прекратятся. Люди снова станут действовать без принуждения, свободно.

С наслаждением рисовал Мортимер в своем воображении разрушительную работу ионов в мельчайших элементах запоминающего устройства. Трудно вообразимый, абстрактный процесс, однако имеющий огромное практическое, жизнеопределяющее значение. Он живо представил себе, как заряды ударяются о молекулы, выводя их из покоя, как они переориентируют их, меняют их полюса. Он видел, как вместо упорядоченных рядов возникает тахистическая неразбериха, как блуждают двоичные цифры, рушатся матрицы... Собственно говоря, кто сейчас видел все это? Может, это был его неразлучный противник, тот, другой, его искунитель — Стэнтон Бараваль? Или на этот раз его незримый оппонент со своими нравственными сомнениями не просил слова? Слезы выступили на гла-

зах Мортимера от радостного предвкушения успеха. Мир спасен! На этот раз он победил все мешавшие ему голоса.

Едва он вошел в лифт, как завывла сирена.

6

Мортимеру следовало бы еще раньше заметить: что-то тут не так, но восторг ослепил его. Он остановился, прислушался и различил топот бегущих откуда-то из глубины машинного зала, услышал крики, доносившиеся сверху через шахту. Он уже поднял было руку к табло с кнопками, однако, вместо того чтобы нажать на кнопку с цифрой 16 — номер своего этажа, непроизвольно нажал клавишу с надписью «вниз». И прежде, чем успел осознать свои действия — ведь он был уже на одном из самых нижних этажей, — лифт понесся вниз.

Кажется, он проехал больше трех метров, составлявших один этаж, кабина остановилась, и половинки двери разошлись в стороны. Здесь царила тишина. Убедившись, что опасности нет, Мортимер вышел из лифта. Он обнаружил, что все еще сжимает рукоятку ящика, и быстро вставил его между половинками двери. Теперь они уже не сомкнутся и никто не сможет вызвать лифт наверх — путь преследователям отрезан.

Мортимер осмотрелся. Этого этажа на плане не было. Должно быть, здесь находилась самая секретная часть установки, ведь на плане как раз не хватало данных о двух отсеках: бюро тайной полиции и месте, где расположен передатчик. Душераздирающий скрежет вдруг заставил его вздрогнуть. Мортимер еще успел увидеть, как двери лифта сомкнулись, раздавив ящик словно щепку. Он неверно рассчитал! Несмотря на то что кабина лифта была закрыта неплотно, она все же пришла в движение, при этом торчавшие из дверной щели металлические части ящика были срезаны словно бритвой.

Все сорвалось. Произошло что-то необъяснимое, не поддающееся осмыслению, и операция провалилась. Ви-

димо, они давно обнаружили ионизатор — из-за нарушения циркуляции воздуха и повышения температуры; в момент тревоги любое отклонение становится существенным, и сейчас монтажный автомобиль наверняка уже занимался устранением постороннего прибора. Мортимер был в отчаянии. И не оттого, что испугался за свою жизнь, ему было обидно, что и на этот раз все сорвалось.

И тут, словно молния, его пронзила мысль: передатчик! Он был таким же аллергетиком системы, как и накопитель, хотя и не столь чувствительным — передатчик можно было восстановить, в то время как разрушенные объемы информации были безвозвратно потеряны. Но, может быть, достаточно отвоевать хоть немного свободы, возможно, даже временное освобождение из-под власти приказов приведет к падению правительства. Если люди почувствуют хоть малейшие проблески свободы — уже одно это, возможно, приведет к восстанию! Необходимо разрушить передатчик — может быть, судьба переворота все еще в его руках!

Он предполагал, что передатчик находился в центре Лунного города, на одинаковом расстоянии от направленных антенн на углах треугольной площади в основании пирамиды, и потому повернул направо. Он использует то обстоятельство, что в правительственной системе действует минимальное количество людей — большинство функций выполняли компьютеры либо управляемые компьютерами аппараты, роботы. Эти были повсюду, но Мортимер мог не опасаться: приказа высших правительственных учреждений об отключении блокирующих устройств, которые не позволяли роботам нападать на людей, пока не было.

Мортимер наугад бросился вперед и тут же убедился, что нашел кратчайший путь к передатчику — об этом говорили надписи на стенах.

Впереди засветилось табло: «ПЕРЕДАЮЩИЙ ЦЕНТР. АБСОЛЮТНАЯ ТИШИНА!» Мортимер рванул дверь на себя. У пульта спиной к нему стоял мужчина. Он испуганно обернулся, и Мортимер, оглядевшись в поисках какого-нибудь оружия, схватил маленький микро-

фонный штатив с тяжелым основанием и тут же опустил руку — перед ним был Гвидо.

— Что тебе здесь надо? — спросил тот и угрожающе двинулся к Мортимеру. — Тебе нечего тут делать, это не имеет отношения к твоему заданию!

— Заговор не удался! Они подняли тревогу! — Мортимер с трудом переводил дух. Подняв штатив, он бросился к генераторным лампам. — Надо поскорее разрушить передатчик!

— Стой, погоди! — воскликнул Гвидо. Мортимер уже занес над головой свое орудие, но Гвидо схватил его за руки.

— Пусти, это ведь единственный путь к спасению! — Мортимер отчаянно пытался высвободиться.

— Ты сошел с ума! — крикнул Гвидо. Стиснув Мортимера железной хваткой, он попытался вырвать у него штатив. Он был явно слабее Мортимера, но ловким приемом заставил Мортимера разжать пальцы и выпустить штатив, тот с грохотом упал на пол.

Из коридора донеслись шум и крики.

— Ты что же, ничего еще не понял? — спросил Мортимер. — Вероятнее всего, наш план уничтожить накопитель памяти сорвался. Но если разрушить передатчик... Отпусти меня, Гвидо, и лучше помоги мне!

Тот разжал руки, но ногой придавил валяющийся на полу штатив. Мортимер побежал к большим, тускло светящимся лампам, словно собирался уничтожить их голыми руками.

— Это ты ничего не понял! — быстро проговорил Гвидо. — Не паникуй и не делай глупостей. План гарантирован на сто процентов, все продумано и учтено. Передатчик нужен нам самим. А теперь беги отсюда, не то ты выдашь меня. Не мешай мне выполнять мое задание.

Он вытолкнул Мортимера в узкую боковую дверь и захлопнул ее. Мортимер на минуту остановился, но не успел он опомниться, как дверь снова распахнулась и целая вереница роботов-автомобилей с выдвинутыми захватами покатились через нее.

Видимо, зал, в котором он находился, служил кино- и звукоархивом, с пола до потолка тянулись стеллажи, за-

полненные бобинами киноплёнки и магнитолент, роликами с ампексом.

Мортимер никак не мог найти выход, и страх, что он попал в ловушку, отозвался острой болью в животе. Нужно взять себя в руки. Он побежал, касаясь стены рукой, надеясь, что так скорее наткнется на какую-нибудь дверь, за ним по пятам, словно свора собак, мчались монтажные роботы. Значит, приказ получен из самых высоких сфер!

Пока ему еще удавалось обгонять своих преследователей, но ведь роботы не знают усталости, а он всего лишь человек, и надолго его сил не хватит. Мортимер, пробегая, сбрасывал с полок штабеля бобин, вынуждая роботы объезжать их, однако расстояние между ним и его преследователями угрожающе сокращалось.

Он лихорадочно соображал, как выбраться отсюда, отметив, что даже в этой сложной ситуации не утратил способности сосредоточенно думать. В самом деле, эти монтажные автомобили — всего лишь бездушные автоматы. Если они даже имеют радиосвязь с ОМНИВАКом — а это, скорее всего, именно так, — тот мог действовать только в соответствии с получаемой информацией. А роботы двигались как слепые, они «видели» так, как видят летучие мыши в пещерах — с помощью ультразвука, которым они «ощупывают» окружающий мир. Анализируя спектральное распространение длины волны, они могли фиксировать температуру визированного объекта и таким образом установить присутствие человека.

Именно на этом решил Мортимер построить свой трюк: он стащил на бегу куртку, набросил ее на лестницу-стремянку, которую он поставил на пути у роботов, и с удовлетворением наблюдал, как они накинлись на одежду, еще хранившую тепло его тела, вцепились в нее всеми своими захватами, и те переплелись между собой.

Это была короткая передышка, но Мортимер немедленно воспользовался ею. В конце коридора он увидел проход и мгновенно проскочил в него. И тут же с отчаянием увидел, что роботы снова пустились в погоню за ним. Он снова стал сбрасывать все, что лежало на полках стеллажей — теперь это были уже не магнитоленты.

а связки перфокарт. На архивных столах Мортимер заметил карты с отпечатками пальцев, а также снимки людей анфас и в профиль. Очевидно, он находился в пресловутой картотеке Всемирной полиции, где хранились данные на каждого жителя страны.

Добежав до стены, он и здесь не обнаружил выхода. Кажется, он и в самом деле попал в западню. Роботы, продолжавшие свою свирепую охоту за человеком, приближались, и Мортимер заметался как загнанный зверь. Первый робот был уже в двух шагах от него, две стальные клешни поднялись к нему... Мортимер отпрянул назад, лоскут, вырванный из его брюк, остался в захвате. Наконец Мортимер, отчаявшись, стал взбираться на стеллаж, карабкаясь по направляющим полкам, как по лестничным ступенькам. Добравшись до верха, он почувствовал себя в относительной безопасности — внизу роботы беспокойно сновали взад и вперед, словно хищники в клетке. Однако долго находиться в таком положении он не мог. пальцы немели, мышцы сводила судорога. Он уперся ногами в две противоположные полки и теперь держался цепко, точно трубочист в каминной трубе. Однако, едва он попытался продвинуться таким образом вперед, роботы под ним тоже переместились, очевидно, убежать от них было просто невозможно.

Из соседнего помещения доносились крики — видимо, по тревоге поднялись и люди, в просветах между полками Мортимер видел синие мундиры агентов Всемирной полиции. Понимая, что его жалкая попытка бегства обречена на неудачу, Мортимер двигался между полками, затем с трудом протиснулся над боковиной и проскользнул в последний ряд. И тут у него снова появилась надежда: он увидел в стене устье шахтного ствола, в начале которого на убегающих в темное чрево рельсах стояла маленькая приземистая вагонетка, нагруженная кассетами, полными перфокарт. Шахта, по-видимому, ведет в помещение, где проводится анализ личностных данных, но ему сейчас это было безразлично. Важно лишь одно: в это устье шахты свободно проходил человек. Одним прыжком Мортимер соскочил вниз, но неловко зацепился... замешкался... и роботы набросились на него... он почувство-

вал удары по спине, по ногам... но рыбкой проскользнул в отверстие, бросившись в него, словно тигр сквозь горящее кольцо, и упал на пустую вагонетку. Его обволокла темнота. Он услышал, как свистит воздух вокруг него, и понял, что мчится куда-то.

7

Весь путь занял несколько секунд, затем световое пятно расширилось, и, словно гигантская пасть, выплюнула его. Он свалился на длинный архивный стол, перевернулся, связка перфокарт рассыпалась по полу, одна из кассет тоже разлетелась вдребезги.

Мортимер выпрямился, и взгляд его уперся в лицо опухшего, заплывшего жиром человека, который растерянно уставился на него.

— Как ты попал сюда? Кто ты такой? — Мортимер увидел направленное на него дуло гамма-пистолета: маленький черный кружок, источник разрушительных, всепроникающих гамма-лучей...

— Это, наверное, тот самый саботажник, о котором нас предупреждали, — раздался хриплый голос Бушора. Он кивнул на Мортимера, продолжая прятаться за спину своего шефа. — А ну-ка руки вверх, приятель!

— Кардини, вы же меня знаете! — воскликнул Мортимер. — Ведь вам известно... Три недели назад вместе с Никласом и Бребером...

— Руки вверх, если не хочешь поджариться, — прошипел Бушор.

— Вы же должны вспомнить, вы еще пожелали нам удачи! — заклинал Мортимер.

Кардини недоверчиво поднял брови.

— О чем это он? — спросил он.

— Понятия не имею. Вызовите сейчас же поисковую команду.

Голос Мортимера срывался:

— Нет, Бушор! Подождите! Вы должны знать, вы же были при этом.

— Вы знаете этого парня? — спросил Кардини.

— Никогда не видел, шеф.

— Он лжет! — Кардини подошел к микрофону переговорного устройства. — Разыскиваемый находится здесь. Нет, ничего не случилось. Кажется, он без оружия.

Мортимер сделал последнюю попытку:

— Послушайте, Кардини, еще не все потеряно! Вы еще можете спасти дело. Пошлите наверх поисковую команду. Прикажите роботам вернуться на склад! За это время мы сможем уничтожить передатчик.

— Уничтожить передатчик? Парень, видно, не в своем уме...

— И очень опасен, — добавил Бушор.

— У него вид сумасшедшего, анонимное сообщение по телефону оказалось верным.

На огромном письменном столе задребезжал сигнал.

— Немедленно ко мне! — крикнул Кардини в микрофон. Несколько человек в форме окружили Мортимера. Подавленный и опустошенный, в разорванной одежде, он устало привалился к стене и не в силах был больше сделать ни одного шага. Наступали последние минуты. Он проиграл. И все-таки он должен сохранять самообладание, как и те, кого уже постигла схожая судьба, как Никлас или Легентов. Если бы он постоянно твердил себе, что так или иначе обречен, он бы, возможно, воспринял все это иначе.

Вошли двое мужчин в штатском.

— Усыпить? — спросил один из них.

— Нет, лишите чувствительности только руки и ноги, доктор Селзник, — распорядился Кардини.

Этот маленький невзрачный человечек был всемирно известным неврологом, психопатологом и пропагандистом, который по поручению правительства контролировал медико-технические институты. Он подошел к арестованному и сделал ему несколько уколов. Мортимер почувствовал, будто свободно парит в воздухе, а затем с грохотом рухнул на пол.

— Приготовить все для допроса, — приказал Кардини, — и через пять минут доставить в комнату для снятия показаний. Посмотрим, что кроется за всем этим.

Мужчины раскрыли чемоданчики с инструментами. Вначале у Мортимера сняли отпечатки пальцев, затем взяли на анализ кровь, определили наличие белка в организме и составили генную карту. После этих процедур Мортимера уложили на носилки, и тележка отвезла его к лифту, который поднял его на шестой этаж — там размещались медицинские лаборатории. В зале, облицованном белым кафелем, где стояло несколько аппаратов непонятного назначения, его сняли с носилок. Мортимер попытался пошевелиться, но ноги и руки были нечувствительны, будто и не существовали вовсе. В конце концов ему удалось выпрямиться, двое мужчин в белых халатах усадили его на стул и защелкнули у него на животе изогнутую скобу, плотно, словно ремнем, притянувшую его к спинке стула.

Через две минуты все, кого Мортимер уже видел раньше в кабинете Кардини, окружили его, казалось, они чего-то ждут, поэтому и не начинают допрос. Раздался какой-то шум в дверях, и в комнату вошел Перье, глава правительства и президент государства, а с ним и члены его штаба. Мортимер сразу узнал О'Гери, руководителя Социально-Стратегического бюро, своего начальника.

Перье подошел вплотную к Мортимеру и принялся изучать его, словно диковинное насекомое, затем повернулся к О'Гери.

Человек из вашего отдела?

Да, сэр.

Мне жаль, но я должен приказать арестовать вас. — Перье раздраженно махнул рукой. — Живо укол и привязать покрепче! — Он позвал Кардини: — Итак, объясните, как могли произойти все эти невероятные события?

У нас раздался телефонный звонок, сэр, — начал свой рапорт шеф полиции. — Звонил неизвестный. Мы попытались установить, откуда, очевидно, звонок был из южноамериканского дистрикта...

Личность этого человека установлена? — перебил его Перье.

Нет, сэр.

Тогда не отвлекайте нас мелочами! Чего он хотел? Он предупреждал нас. Говорил о каком-то револю-

ционер, члене запрещенной либеральной партии. И о том, что этот субъект будет болтаться в правительственном здании, якобы он готовит диверсию.

— Он был вооружен? Представлял опасность? О чем сигнализировали детекторы? Взрывчатые вещества? Уран? Плутоний? Яды?

— Нет, сэр. Ничего этого не было, сэр.

— Безобразия! — сказал Перье. — Вы, конечно, тут же подняли тревогу? Все правильно. Ну и где же вы обнаружили этого молодчика?

— У меня в рабочем кабинете, сэр. — Кардини запылся... — Он пришел... он появился из соединительной шахты, ведущей к персональному архиву...

— В вашем кабинете? — Глава правительства наморщил лоб. — В высшей степени занимательно. Загадочно. Что ему понадобилось у вас?

— Не знаю, сэр... — Кардини выглядел уже совсем не таким уверенным, как прежде.

— Вы знакомы с этим типом? Видели его раньше?

— Нет, сэр.

— Черт побери, что же он искал у вас? Он что же, пытался застрелить вас?

— Не знаю.

— Так. И этого не знаете. — Перье повернулся к доктору Селзнику. — Начинайте допрос.

— Химический, сэр? Или по методу фокусировки...

— Уймитесь вы со своим методом! Делайте что-нибудь, только побыстрее!

— Предлагаю легкий наркотический шок, а затем гормональную активизацию, чтобы он заговорил...

Перье рывком придвинул стул и сел.

— Хорошо. Только быстро. Кто знает, какая заваруха уже поднялась!

Мортимер следил за тем, как доктор Селзник приблизился к стенному шкафу, выдвинул ящик, извлек и надломил ампулу, набрал в шприц жидкость. Затем подошел один из ассистентов и заслонил от него врача. Он закатал у Мортимера рукав и перетянул жгутом предплечье. И тут снова перед ним возник врач со шприцем. Укола в вену Мортимер не почувствовал. Он пытался сопротивляться,

напрягая те мышцы, что еще не онемели, хотя и понимал, что это бессмысленно. Врачу уже ничего не стоило удерживать его на месте.

...Мортимер сидел посреди комнаты, словно на сцене. Две дюжины глаз безжалостно сверлили его. Он ждал боли, пытаясь уловить малейшие ее признаки, он боялся, что она застигнет его врасплох. Он водил языком по нижнему ряду зубов — словно в этом была его последняя опора, последняя гарантия от предательства. Он выдвинул челюсть и нащупал языком затвердение. Одно еле заметное движение, и его жизнь завершится...

Боли он не ощутил. Вместо нее по всему телу разлилась слабость, поначалу даже приятная. Затем он почувствовал легкое головокружение, пустоту в голове, и его замутило. Мортимер боялся шевельнуться, ему казалось: малейшее движение, стоило лишь мигнуть или проглотить слюну, может ввергнуть его в бездонную пучину мучений.

Доктор Селзник делал что-то за его спиной с одним из аппаратов, наконец он снова появился перед Мортимером, держа в руке прибор, соединенный кабелем с каким-то тихо гудевшим ящиком. Прибор был похож на фен для сушки волос, однако оканчивался типичной зонтичной антенной для воздействия на мозговые центры. Мортимер понял, что у него остается так же мало шансов на свободу действий, как у тех подопытных петухов и уток, которым предшественники современных неврологов вживляли в мозг концы проводов, чтобы по приказу возбуждать у них то сонливость, то агрессию, то половой инстинкт. Когда врач остановился перед ним и опустил зонтичную антенну на его голову, покрытую короткими, чуть-чуть отросшими за последние три недели волосами, боязнь стать предателем снова овладела им, он превозмог вялость и тошноту, решительно выставил вперед нижнюю челюсть и снова нащупал затвердение возле наполненного ядом зуба. Его опять охватили сомнения, он подумал, что вот сейчас все останется позади: чувства и мысли, надежда и страх, ненависть и любовь — все то, что наполняет жизнь человека смыслом. Любовь! Сразу вспомнилась Майда. Как он надеялся вновь увидеть ее...

Что-то вибрировало на темени, вонзалось в его мозг, буравило и сверлило его голову, безболезненно, но неотступно...

Вокруг были разные животные... Крокодил, змеи, черепахи, антилопа-гну — посреди комнаты и рядом, вместо белых лиц, обращенных к нему... И вдруг звери исчезли, словно декорации в панорамирующей кинокамере, и появились цифры, формулы, объем пирамиды, закон параллелограмма... он находился в детском саду, его просили прочесть стихотворение, а он никак не мог вспомнить начало — все молча ждали, уставившись на него... Нет, это были не учителя, родители или школьные товарищи, это были Никлас, Бребер и Гвидо, они смеялись и хлопали ладонями по бедрам, а он стоял перед ними в ночной рубашке и ревел, потому что боялся ужей, которых они напустили ему в постель... Затем его челюсти непроизвольно разжались, и он запел, широко раскрывая рот, сложив губы в форме буквы «О»: «С днем рождения, с днем рождения...», они были его друзьями, он любил их, ему хотелось броситься к ним, похлопать по плечам, пожать руки... И он взывал к ним: «Слушайте, слушайте...»

— Мы хотим спасти мир! — крикнул он. — Я уже четыре года как с либералами...

— Центр сообщений у меня в фокусе, — сказал доктор Селзник. — Можете допрашивать его, теперь он скажет все без запинки.

— Меня зовут Мортимер Кросс, я уже три недели нахожусь на Луне, работаю в Стратегическом Бюро... — Слова неудержимым потоком лились из уст Мортимера. Он слышал себя со стороны, словно это говорил кто-то другой, он напрягал все силы, чтобы заставить себя замолчать, но тщетно. — Сегодня я занимался вопросом прироста населения, через двадцать лет людей будет вдвое больше...

Кардини поставил микрофон посреди комнаты.

— Теперь все по порядку. Ты подложил бомбу?

— Нет! — сказал Мортимер. — Никакой бомбы нет...

— Тогда что же? — прервал Кардини. — Диверсия с помощью ядовитого газа?

Мортимер осознал, что именно сейчас он выдаст

и план, и своих товарищей. Он ожидал самого худшего: побоев, пыток, уколов — и считал, что у него хватит сил выдержать все это. Но им удалось отключить его волю. Слова вылетали из его уст, и он не имел ни малейшей возможности остановить это извержение; пока он не сказал ничего существенного, однако каждое слово могло обернуться предательством — предательством по отношению к товарищам, к их общей цели. Мортимер стиснул челюсть и почувствовал, как что-то хрустнуло во рту, на языке появился сладковатый вкус, он быстро глотнул и продолжал говорить:

Никакого ядовитого газа. Никто не должен быть ранен. Для нас главное — исключить влияние правительства, прекратить надзор и вмешательство в личные дела. Вы же все знаете, Кардини, вы же сами пожелали мне успеха! Речь о том...

Глава правительства вскочил со своего места.

Что такое? Кардини известно о вашем выступлении?

Мортимер с ужасом сознавал, что сейчас он выдаст все. Надо выиграть хоть несколько секунд, должен же яд подействовать наконец! Он прикусил язык, надеясь хоть как-то удержать поток слов, почувствовал боль, но голосовые связки — или что-то там еще — продолжали издавать звуки, хотя и несколько невнятные.

Кардини знает все. Бушор тоже участник. Именно поэтому на сей раз операция не должна была кончиться неудачей...

— Арестуйте их! — вскричал Перье, указывая на обоих. Полицейские бросились к Кардини и Бушору.

Шеф полиции, побледнев, отшатнулся к стене.

— Ничего не понимаю... Это ужасное недоразумение!

— Может быть, он лжет? — обратился Перье к доктору Селзнику.

— Исключено!

— Тогда сделайте им по уколу и перенесите в соседнее помещение. Потом допросим и этих. Какой подлый заговор! А теперь вернемся к Баравалю. — Он постучал пальцами по груди Мортимера. — Ну, выкладывай! Что ты успел натворить? О какой диверсии ты говорил?

Лицо его исказил нервный тик, он склонился к Мортимеру и яростно потряс его.

— Не надо! — воскликнул доктор Селзник. — Вы собьете фокусировку, он и без того заговорит.

— ...Мы собирались вывести из строя накопитель ОМНИВАКа, уничтожить информацию...

— Но каким образом, черт побери?!

— С помощью ионизатора. Я установил ионизатор в вентиляционной трубе, ионы деполяризуют...

Перье повернулся к своей свите.

— Ради всего святого! Что мы можем предпринять в этом случае?

— Главный инженер должен знать... — ответил один из безмолвных зрителей.

— Соедините меня с ним! — потребовал Перье.

«Они еще не обнаружили ионизатор», — подумал Мортимер. От радости кружилась голова. Может быть, операция все-таки удалась? Он неудержимо продолжал говорить.

— ...Информация выражена в заряженных и сориентированных молекулах. Ионизированными частичками газа они гасятся, как магнитофонная лента, если по ней провести магнитом.

Перье прорычал в переговорное устройство:

— Надо найти способ спасти накопитель памяти. Что можно сделать против ионов?

В ответ из динамика раздался бесцветный голос:

— Сначала нужно убрать ионизатор. Затем отравленный ионами воздух как можно скорее удалить из помещения. Вряд ли поможет что-нибудь другое...

— Мы должны действовать. Ваши предложения?

— Лучше всего подсоединиться к внешнему вакууму. Тогда весь воздух в здании, где находится накопитель, вместе с ионами мгновенно будет замещен.

— Как это сделать?

— Минуту, я как раз смотрю план... Нашел! Не все еще потеряно. Под помещением, где находится накопитель, идет коридор к передающей мачте три, а через запасной выход существует связь с внешним миром. В конце коридора имеется старая строительная шахта, так что по-

требуется лишь открыть две шлюзовые двери. На все это уйдет не более пяти минут.

— Распорядитесь об этом!

— Понятно!

Перье отключил переговорное устройство и снова опустился на стул. Лицо у него было усталое.

— Доктор Селзник, заканчивайте допрос!

Врач повиновался. Он быстро спрашивал, и Мортимер отвечал. Кросс сообщил о своей встрече с Бребером и Никласом, о тех приказах, что он получил, о докторе Прокоффе и пересадке мозга, которую произвел этот ученый. Он рассказал о Майде и их ночной прогулке в саду. Поведал и о том, как нашел Майду на космодроме...

Внезапно этот поток слов прервал звук сирены — сигнал тревоги. Доктор Селзник прекратил допрос, Перье подбежал к переговорному устройству и вызвал центральный пост надзора.

— Что случилось, кто дал тревогу?

Взволнованный голос сообщил:

— Тревога включилась автоматически, на посту номер шестнадцать!

— Где это?

— Это проход к передатчику три, который только что был эвакуирован.

— Срочно установите причину тревоги!

— Сейчас узнаем... Контрольный мобиль уже в пути...

Но пока нет никаких сообщений... Внимание! Только что получено донесение поисковой группы номер четыре: в установке кондиционирования не найдено ничего, если не считать обычного сварочного аппарата за распределителем, в переходе к залу накопителя памяти. Ионизация воздуха не зафиксирована. Содержание электричества в воздухе повсюду нормальное.

— Странно. Может, есть смысл арестованных еще раз...

— Внимание! Есть картинка с поста номер тринадцать... Я перевожу ее на ваш приемник.

Большой флюоресцирующий экран ожил, засветился, и сразу появилось изображение — коридор, по которому бежали мужчины в вакуумных костюмах... Один из них,

казалось, бежал прямо на зрителей, его фигура, увеличиваясь все больше и больше, заполонила весь экран, он поднял какой-то предмет, швырнул его прямо перед собой. Изображение исчезло.

— Это Бребер,—крикнул Мортимер.— Вы видели его? Это Бребер, о котором я рассказывал! Они идут! Наша взяла!

8

Пять минут спустя Мортимер был освобожден.

В комнату ворвались два десятка вооруженных мужчин, они скрутили полицейских и арестовали членов правительства. Доктора Селзника заставили сделать Мортимеру инъекцию, и к тому вернулась власть над своим сознанием и телом. Чуть пошатываясь, он стоял перед ними, хотя чувствовал себя совершенно здоровым и бодрым. Одно лишь мучило его, хотя сейчас это уже не имело значения: в конечном счете он выдал своих товарищей.

— Идем с нами,—сказал ему Гвидо.— Ты один из немногих, кто уже бывал в этом доме. Пойдешь со мной в Центральный блок. Я буду оттуда руководить дальнейшими действиями. Ты останешься при мне—будешь моим личным советником.

— Ты все еще доверяешь мне?—спросил Мортимер. Он открыл дверь и показал, куда надо идти—направо, к лифту.

— Почему бы нет? Ты ведь отлично справился со своим заданием.

— Нет, Гвидо,—возразил Мортимер.— Кое-что не получилось—я говорю о капсуле с ядом. Она не сработала.

— Ты действительно готов был убить себя? Недурно!

— Я говорю серьезно: я выдал вас, Гвидо,—повторил Мортимер.— Они сделали мне укол и навели фокус. Я вынужден был говорить. Я не мог иначе. Понимал, что не имею права, но это просто выливалось из меня само по

себе — и я рассказал все, что я знал о тебе, о Никласе, о Кардини и Бушоре, о нашем нападении на центр накопителя...

— Не мучайся, все в конце концов удалось.

Гвидо последовал за Мортимером в лифт, и тот нажал кнопку с цифрой 40. На сороковом, самом верхнем, этаже располагались апартаменты членов правительства и центральный пульт, куда сходились все коммуникации и откуда управлялся ОМНИВАК.

— Нет, Гвидо, для меня это совсем не так просто, как тебе представляется. Я не выдержал. Я предал вас...

— Давай кончим с этим, — резко оборвал его Гвидо. — У каждого из нас были свои задачи, закулисную сторону которых он не был обязан знать. Я сам с молодых лет состою на правительственной службе — правда, потом был смещен на Землю и лишь четырнадцать дней как вернулся. Я тоже до вчерашнего дня не знал обо всех деталях плана. Так что тебе нечего терзаться угрызениями совести. Мы же сказали тебе, что все запланировано. Все! Ясно тебе или нет?

Мортимер почувствовал легкое головокружение — то ли от резких слов Гвидо, то ли от быстрого движения лифтовой кабины.

— Все? Ты имеешь в виду... даже мое предательство?

— Да, говорю тебе... А в зубе у тебя был раствор глюкозы. Так что у тебя нет ни малейшей причины винить себя.

— Но зачем? Зачем вы это сделали?

— Очень просто. Мы собирались передать сторонникам старого режима некоторые сведения, которые должны были выглядеть абсолютно достоверными. Поэтому мы тебя и препарировали. Все прошло великолепно.

Мортимер начал понимать.

— Значит, и мой плен был тоже предусмотрен? Вы что же, нарочно передали меня в лапы полиции?

— Ну, конечно! — улыбнулся Гвидо.

Лифт остановился. Словно во сне Мортимер вышел из кабины и направился к Центальному блоку. Гвидо догнал его и положил руку на плечо.

— Не принимай близко к сердцу — иначе было нельзя. Нам пришлось обмануть тебя. Если бы мы посвятили тебя в свои истинные планы, ты бы наверняка выболтал и их. Сегодняшние методы допроса столь совершенны, что никто не может устоять. Они даже из мертвых ухитряются добывать информацию. — И, видя, что Мортимер молчит, он добавил: — Когда речь идет о нашем общем деле, на чувства отдельных людей приходится не обращать внимания. Пойми же!

Мортимер понимал. Все было просто и ясно, и, наверное, все было правильно. И все же он не мог с этим смириться. Его обманули! Получив задание, он дал себе клятву выполнить его во что бы то ни стало, даже ценой собственной жизни. Он испытал подлинное вдохновение, когда его посвятили в заговор мирового масштаба, и тяжкое разочарование — на допросе, от сознания собственного бессилия, а теперь оказывается, что это задание — заранее обусловленная игра, обманный маневр, в котором ему отводилась двусмысленная и жалкая роль.

Но разве в конечном счете он не послужил партии — именно так, как он поклялся, без оглядки на личные интересы и пристрастия? Когда берут на себя такое задание, то идут до конца. Очевидно, тут была задета его гордость, потому что он и хныкал, как малое дитя.

— Все будет правильным, — произнес он тихо, — если мы добьемся успеха.

— Разумеется! — с жаром подхватил Гвидо. — А разве ты в этом сомневаешься? Мы ведь почти выиграли.

Вооруженный человек в штатском ждал их у двери, ведущей в Центральный блок.

— Все в порядке. Эту часть здания мы удерживаем прочно. Сопротивления почти не было.

Мортимер не знал никого из людей, ожидавших их.

— Привет, Гвидо! Хорошо, что ты здесь. Что нам нужно захватить в первую очередь, реактор или склад с оружием?

— Компьютерный зал, — сказал Гвидо. — Действуйте!

Перед каждым был микрофон, они наблюдали за происходящим на экране или принимали сообщения. Гвидо уселся на вращающийся стул перед распределительным

щитом ОМНИВАКа и похлопал рукой по гладкой панели.

— Теперь ты поработаешь на нас, старина.

Он повернулся на стуле к Мортимеру, единственному, кто оставался безучастным к лихорадочным приготовлениям, словно все это его не касалось.

— ОМНИВАК! — произнес Гвидо. — Это самое важное. Завладев им, мы будем властвовать над жизнью и смертью, над прошлым и будущим. И уж потом по списку идут запасы плутония и водородные бомбы.

Мортимер был озадачен.

— Я думал, что они уже несколько сот лет как уничтожены.

— Чепуха! Кто станет уничтожать столь ценный материал? До такой глупости не додумались даже бывшие демократы с Востока и Запада.

Один из мужчин вскочил, размахивая бумажной полосой.

— Компьютерный зал взят. Только в южном крыле еще обороняются мощные отряды полиции. Отряд номер семь с Хасаном во главе пытается их выкурить. Эскадрилья кораблей с Земли подлетает сюда.

— Ну с этими-то мы справимся, — рассмеялся Гвидо. — Ведь ракетные базы ответного удара управляются именно отсюда. — Он поискал глазами на пульте какие-то кнопки, нажал их. — Сейчас они подойдут. Как только они окажутся на достаточно близком расстоянии, я пошлю поприветствовать их нескольких стальных гонцов.

— Сколько наших здесь? — спросил Мортимер.

— Двести человек, — сказал Гвидо. — Они приземлились на двух грузовых транспортниках. Я сам отключил радарную защиту. Самое трудное было доставить наших ребят в правительственный центр. Но тут нам помог гениальный план Никласа: мы имитировали нападение на накопитель памяти. Это как раз и входило в твое задание, хотя ты об этом даже не подозревал. Мы знали: они делают все, чтобы сохранить запасы информации. Так и случилось: они прибегли к единственному средству, которое могло спасти их, — включили прямое соединение с внешним вакуумом — и таким образом сами открыли

нам путь. Зал накопителя соединен с передатчиком номер три подземным коридором, именно там мы и ждали перед шлюзом, надев космические скафандры. Когда автоматические крышки люков поднялись, мы вошли внутрь, и тот, кто шел последним, снова запер их. Добравшись до зала накопителя, мы взорвали стену. Атмосферное давление снова восстановилось, и мы сняли скафандры. Остальное было уже проще. Мы...

Один из дежуривших у приборов сообщил:

— Отряд два с Геркези захватил склад с оружием. Он готовит все для взрыва.

Гвидо вскочил.

— Взрыва? А кто говорил о взрыве? Он у тебя на связи? Я должен с ним немедленно говорить.— Он склонился к микрофону.— Геркези, это ошибка! Зачем взрывать? Нам ведь тоже нужно оружие!

Хриплый, словно простуженный, голос отвечал:

— Отныне в мире не будет никакого оружия—ведь я за это боролся. Через пять минут мы взрываем. Отбой.

— Сумасшедший!—воскликнул Гвидо.— Кто там ближе всех к нему? Петр со своим отрядом? Он должен предотвратить это.

— Петр охраняет установку воздухооборудования,—предупредил один из мужчин.

— Да пусть она лучше останется без охраны!—Гвидо тяжело упал на стул.— Ох уж мне эти фанатики с их ребяческими идеями! Ничего не стоит все дело поставить под угрозу!

Он принял еще несколько донесений и дал команду отрядам, действовавшим внутри правительственного центра. Неожиданно из динамика послышалось: «Внимание всем! Кардини удалось скрыться. Доктор Селзник тоже исчез. Они не должны уйти далеко. Нужно арестовать их немедленно, а в случае необходимости уничтожить! Внимание, внимание...»

— Как это могло случиться?—упавшим голосом спросил Гвидо. На мгновение уверенность покинула его.— Джек с отрядом номер четыре должны были его охранять. Где Джек?

— Он не отвечает. Связь прервана.

— Надо установить, что произошло.

Человек, поддерживающий связь с отрядами, отдал приказ найти Джека. Через некоторое время он сообщил:

— У меня на связи человек из отряда номер четыре. Джек проник в эмиссионный банк. Его люди погрузили ящики с дорожными чеками на транспортные тележки и увезли их к шлюзу.

— Проклятье! — крикнул Гвидо. — Он пойдет под военно-полевой суд. Но прежде всего нужно поймать Кардини. Каждому отряду немедленно выделить по пять человек в поисковые патрули. — С подавленным видом он опустил на стул.

— Но ведь Кардини с нами, — робко начал Мортимер и тут же пожалел о своих словах. Ответ он мог бы и сам предвидеть.

— Кардини никогда не был с нами, — медленно, с расстановкой произнес Гвидо, словно хотел показать, что терпение его безгранично. — Совсем наоборот. Он один из самых опасных людей в правительстве, Кардини человек совсем иного склада, чем этот шут Перье. Надо было прежде всего устранить Кардини. Он единственный, кто мог почуять неладное, что-то заподозрить. — И, поймав взгляд Мортимера, он ответил на его немой вопрос: — Торжества при открытии Гибралтарского проекта мы сняли на ампекс и одну сцену оттуда передали на экран. Она отлично вписывалась в наш план. Никлас долго тренировался, чтобы вставлять свои ответы точно во время пауз.

«Так вот как это было, — размышлял Мортимер. — И это тоже обман, тоже ложь». Но об этом лучше было не вспоминать. В эту революцию он поплатился больше, чем собственной жизнью, — он утратил веру, утратил вдохновение и уверенность в правильности избранного пути. Он считал, что пусть погибнет он один, зато мир был бы спасен. И это было единственным мерилom ценностей. Но действительно ли мир был бы спасен? — спрашивал он себя. Однако вместо ясной цели он обнаружил хаос идей, стремлений и заблуждений. Разве так спасают мир?

Мортимер был слишком слаб, чтобы противиться этому голосу в себе. Он даже не задавался вопросом, были ли

это мысли другого, Баравалья. Сейчас ему это было безразлично. Он примирился со всеми. Даже с Баравалем.

— Эй, Гвидо, ракеты!

Словно малюсенькие клинышки, тянущие за собой комочки ваты, появились они на экране. Позади них висел сине-зеленый серп Земли.

— Дистанция? — спросил Гвидо.

— Шестьсот двадцать три километра.

— На шестистах я даю пуск, — шепнул Гвидо. Не отрывая взгляда от экрана, он нащупывал рукой красную кнопку.

Кто-то монотонным голосом передавал данные: «...двадцать, шестьсот пятнадцать, шестьсот десять...»

Кто-то повернул рукоятку радиолокационного индикатора, и ракеты стали крупнее, теперь это была внушительная эскадрилья серебристых кораблей, гордо несущихся в космическом пространстве.

— ...пять, шестьсот!

Рука Гвидо дрогнула, как от удара электрическим током. Раздался негромкий щелчок.

— ...пятьсот девяносто, пятьсот восемьдесят пять...

— Сейчас появятся наши космические торпеды.

— А если они пролетят мимо?

— Этого быть не может. Они сами наводятся на цель.

Голос бубнил:

— ...пятьсот пятьдесят, пятьсот сорок пять...

— Ну что там с торпедами?

— Ты получил обратный сигнал?

— Квитирующий сигнал не получен!

Гвидо еще раз нажал на кнопку, затем ударил по ней кулаком.

— Не действует!

— Что же делать?

— Через десять минут они будут здесь!

Гвидо сжал голову руками. Когда он ее поднял, на щеках алели пятна.

— Свяжись напрямую с центральной рубкой на корабле. Придется говорить с Никласом.

Один из мужчин подошел к краю пульта, откуда регулировалась настройка передатчика, переключил несколь-

ко тумблеров и опустил передвижную заслонку, наблюдая за контрольными лампами. Потом, покачив головой, попробовал другие переключатели.

— Система включения не реагирует. Непостижимо!

Один ряд ламп вдруг замигал, загудел и тут же смолк зуммер...

— Кто-нибудь трогал здесь что-либо?

Вопрос был риторическим — никто не двигался с места.

— Поставь главный включатель! — крикнул Гвидо, но тут же сам подбежал к ящичку с запломбированными сменными выключателями и рванул их все сразу вниз. Ничего... Лишь ракеты на светящемся экране стали еще крупнее и отчетливее, уже видны были их сплюснутые острия, люки и надписи на кормовых стабилизаторах.

Внезапно погас свет — все вокруг поглотила непроницаемая тьма, погас люминесцентный радиолокатор, отключились и контрольные лампы. Только центральный экран продолжал светиться. Из динамика загремел голос: «Говорит Кардини. Вы в моих руках. Любое сопротивление бессмысленно. О соединении с моими помещениями вы ведь ничего не знали, верно? Утешьтесь, об этом никто ничего не знал. Отныне ОМНИВАК принадлежит мне. Роботы разоружат вас. Я давно ждал этой минуты, и наконец вы предоставили мне эту возможность, я должен вас за это поблагодарить. Но я не сентиментален... Сдадитесь вы или не сдадитесь — мне все равно... Новое правительство обезличит вас. Новое правительство — это я!»

9

В динамике щелкнуло, лицо на экране стало бесцветным и исчезло. Наступила полная темнота. Постепенно глаза свыклись с ней, зеленый свет, идущий от окон, казалось, стал ярче, он проникал в помещение, высвечивая контуры фигур стоящих и сидящих людей, превратившихся в заложников.

— Мы проиграли! — пробормотал кто-то.

— Да, мы проиграли,— подтвердил другой из темноты.— Но мы будем защищаться, пока сможем дышать!

В голосе третьего послышались истерические нотки:

— У нас есть шанс! Пройдет еще двадцать минут, до того, как корабли сядут. Главное сейчас— устранить Кардини!

— Чепуха, мы должны стать его союзниками!— раздался чей-то возбужденный голос.— В таком случае...

— Трус проклятый! Да это же самое последнее дело— связаться с Кардини!

— Мы пробьемся!— воскликнул молчавший до этого мужчина.— Через двадцать минут мы уже будем возле наших космических кораблей. Нужно только разделаться с несколькими роботами!

Снова раздался взволнованный голос:

— Кардини должен умереть. Кто идет со мной?

Никто не отзывался. Кто-то из стоявших позади сказал:

— Роботы сильнее нас.

— Но они ничего не сделают человеку!— снова подал голос взывавший к мести, и в голосе этом был проблеск надежды.

— Попробуем!

Снова щелкнуло в динамике. Бесстрастный голос автоматического переговорного устройства произнес в темноте монотонно и четко:

— Внимание всем! Сдавайтесь. Часть здания с блоком управления окружена. Все пути отрезаны. Задействован новый тип полицейских роботов. У них нет никаких ограничений, исключаящих нападение на людей. Это наше последнее предупреждение. Сдавайтесь!

Один из мужчин вдруг бросился к пульту и схватил микрофон:

— Мы сдаемся! Вы слышите? Сдаемся...

Вперед выскочил еще один. Он поднял руку, и по комнате пробежала светящаяся змея. Микрофон упал на пол. Человек, державший его, закачался и рухнул как мешок. Но другой поднял микрофон и, перекрывая шум, пробасил:

— Мы никогда не сдадимся! Никто не лишит нас на-

шей чести. Да здравствует Никлас! Да здравствует свобода! Мы будем бороться!

Раздались восторженные крики, заглушившие робкие протесты. Мортимер ощутил легкий сквозняк. Он огляделся, и ему почудилось, будто дверь тихонько закрылась. Кто мог уйти? Мортимер подумал, что давно уже в хоре голосов он не слышит голоса Гвидо, но тут же подавил это недостойное подозрение. Он осторожно подался назад, тихо отворил дверь и проскользнул в щель. Впереди, в коридоре, слышались поспешные шаги.

Он почувствовал, что с него свалился тяжкий груз — может быть, этим грузом было постоянное напряжение, готовность совершить какой-то отчаянный поступок, а может, то была последняя связь с этими людьми, каждый из которых стремился к своей цели, а всех вместе объединяла лишь жажда разрушений. Былое возмущение по поводу того, что кто-то тайно улизнул, сменилось сознанием того, что это было единственное, что еще стоило попытаться совершить.

Он постоял за дверью и двинулся вперед по коридору. Когда крики, доносившиеся как глухие раскаты грома, стали медленно угасать и распадаться на отдельные возгласы, он повернул налево. Мортимер с удивлением отметил, что совершенно спокоен, словно кто-то другой отныне руководил его действиями. Он спрашивал себя, куда ему теперь идти, и отчетливо осознал, что ему нужно попасть в переход между блоком управления и исследовательским центром. Но где-то в глубине души он чувствовал, что его влечет еще одна цель, еще более важная и, безусловно, стоившая борьбы, — встреча с Майдой. То, что он смутно ощущал в последние дни, приобрело конкретные черты, и теперь он уже не страшился думать об этом. Словно в фильме, перед ним проходили их встречи, и тут он вдруг вспомнил ее фразу, когда они прощались, вспомнил, как она указала на исследовательский корабль с обшивкой цвета слоновой кости, победно сверкавшей в солнечных лучах.

Теперь наконец он понял, или так по крайней мере ему казалось, что он понял: это спасительная соломинка, за которую можно уцепиться, если

будешь тонуть! Но правильно ли он понял ее? Видимо, Майда не могла сказать ему больше, чем сказала, и теперь он знал почему: если бы он догадался о том, что происходит на самом деле, он мог проговориться в состоянии транса, рассказать своим мучителям о том, о чем следовало молчать. А так... Майда действовала правильно. Она сделала это ради него.

Он быстро шел по прохладному сумрачному коридору, пересекая снопы зеленоватого света, падавшего из окон. То, что он изучил план, послужило ему на пользу, он без труда нашел кратчайший путь к запасной лестнице, но дверь оказалась запертой и даже не дрогнула, когда он навалился на нее всей тяжестью.

Мортимер повернул назад к лифту. Это был опасный, но единственно свободный путь. Он нажал на клавишу вызова, однако красная лампочка не загорелась, это означало, что кабина не движется. Неужели отключена вся система?

Он попробовал раздвинуть половинки двери, и, к его удивлению, это ему удалось — они разошлись в стороны. Значит, электрическая блокировка отключена. Перед ним зияла совсем черная на фоне сумрачного коридора лифтовая шахта. Мортимер просунул руку за дверную филенку и убедился: кабины нет. Вместо нее он нащупал горизонтальную распорку, а ниже еще одну. Он немного поколебался, но шаги и крики, слышавшиеся в коридоре, шипение гамма-пистолетов и постукивание колес роботов-автомобилей словно подстегнули его... Он забрался в шахту и начал наощупь спускаться вниз.

Теперь все зависело от его чутья. После первого же движения нога его соскользнула с опоры, и он повис над пропастью, удерживаясь лишь на пальцах рук. Но вскоре ноги его снова нащупали спасительные выступы. Теперь он плавно погружался в черный мрак и при этом не забывал ощупывать окантовки дверей, считая этажи.

Иногда он задевал свисающие провода — по-видимому, обесточенные электрические кабели, и его бросало в дрожь при мысли, что кто-нибудь неожиданно вновь включит систему и тогда по кабелям побежит ток,

магнитные двери закроются и кабина начнет опускаться прямо на него, пока не сожмет или не раздавит его. И все же он решил не торопиться и благополучно добрался до пятнадцатого этажа, откуда переходный тоннель вел в соседнее здание. Стараясь двигаться бесшумно, он приближался к выходу в тоннель — здесь проходила граница, отделяющая занятую революционерами часть здания; его осторожность оказалась не лишней: он заметил тень полицейского, которого узнал по фуражке, когда тот сделал шаг назад и попал в полосу яркого света. И тут уж осторожность не помогла: из динамика раздался металлический голос:

— Внимание! Пост номер семнадцать. Приближается человек. Расстояние пока двадцать два метра. Сейчас он остановился...

Мортимер повернулся и побежал, стараясь держаться в тени. Видимо, сработали автоматические наблюдающие системы! Им ведь даже свет не нужен, они реагируют на тепло.

«Тепло? — размышлял он. — А что, если их можно обмануть? Как избавиться от тепла собственного тела? Вода!» — вдруг осенило его. Холодная вода, холод испарения! Он знал, где находятся душевые, забежал в первую же и прямо в одежде встал под душ. Воду не отключили, какое счастье! Ледяные струи обдали его, но он не торопился завернуть кран, пока не промок насквозь. Его трясло от озноба, однако возбуждение перекрывало все остальные ощущения. Он снова приблизился к постовому. На расстоянии двадцати двух метров должна быть критическая точка... Сейчас он находился примерно там, где его обнаружил термоглаз... Здесь он пробирался мимо него... Вот уже дистанция сократилась до двадцати метров... до пятнадцати... до десяти... Полицейский повернулся и, казалось, прислушался.

Мортимер бросился бежать прямо на него. Он рассчитывал на то, что здесь дежурит не так уж много охранников и что этот резервный, не каждому известный выход, скорее всего, охраняется одним-единственным постовым...

Полицейский повернулся, видимо, еще ничего не пони-

мая... Мортимер был уже в двух шагах... Неожиданно с другого конца прохода ударил флюоресцирующий луч... Мортимер бросился к полицейскому и, сжавшись в комок, загородился им... Это было его единственным спасением... Кто бы ни был стрелявший, человек или робот, — он сейчас защищен — ведь сотрудники полиции носили униформу из особой ткани, от которой луч длительно-стью в тысячную секунду так рефлектировал, что оружие отключалось само собой... Мортимер обеими руками держал перед собой ошарашенного полицейского, а когда он начал сопротивляться, ударил его кулаком в лоб, и тот обвис мешком, больше не помышляя о сопротивлении. Однако Мортимеру не оставалось ничего другого, как вновь отступить. Таща за собой полуоглушенного охранника, он пополз назад, а когда, оглянувшись, увидел в проходе какую-то фигуру, выхватил у полицейского гамма-пистолет и послал луч. Он предусмотрительно целился в точку рядом с противником, чтобы не произошло самоотключение. Этого предупреждения оказалось вполне достаточно, его преследователь отпрянул назад, и Мортимер тут же вскочил и бросился бежать, не выпускаемая из рук излучателя. Теперь он был по крайней мере вооружен.

Что теперь? Кажется, его больше не преследовали, вполне естественно при такой нехватке полицейских, но все могло в любой момент измениться. Деблокирующий отряд уже наверняка высадился и мог находиться где-нибудь поблизости.

Мортимер снова мысленно представил себе план здания, и его осенила идея.

Надо подняться этажом выше! На сей раз он воспользовался пожарной лестницей, до которой он добрался, расплавив замок двери гамма-лучом, и снова побежал в том же направлении — к переходной галерее. Этот этаж находился как раз на уровне ее крыши. Сквозь окно он видел эту крышу — гладкую, двускатную, с зеленовато поблескивающими краями, — и все же это была вожделенная дорога к свободе! Вряд ли здесь есть сторожевой пост — и все же ему следовало торопиться. С помощью гамма-пистолета он прорезал синтетическое оконное стекло,

пролез через отверстие и заскользил, словно с ледяной горки, к фасаду противоположного здания. Хотя край крыши находился от него более чем в полутора метрах, у него закружилась голова, а ровная поверхность под ним, казалось, опускалась и вздымалась, словно палуба корабля в штормовую погоду. Он чувствовал, как облепила все его тело влажная одежда, и боялся, что вот-вот соскользнет вниз. На секунду закрыв глаза, он попытался сосредоточиться. Затем снова открыл их, заставляя себя не отводить взгляд от тупо загнутого конька крыши, и как можно бесшумнее стал продвигаться дальше. Добравшись до окон на противоположном конце галереи, он поднял гамма-излучатель. Раскаленная точка с тихим шипением поползла по синтетическому стеклу, оставляя после себя тонкий разрез. Мортимер не стал вырезать круг целиком, чтобы избежать шума падающего стекла, а отогнул его внутрь, точно клапан, несколько минут он напряженно вглядывался в темноту за окном, но, не увидев ничего подозрительного, пролез в проем.

И тут же отпрянул назад, так как его встретили встревоженное пересвистывание и визг и еще какой-то острый звериный запах. Он понял, что попал в виварий, где содержатся подопытные животные. Он попытался разглядеть что-либо в полумраке, ожидая увидеть клетки, но вдруг что-то теплое коснулось его ноги, потом какое-то существо вскочило ему на плечо, и Мортимер почувствовал, как острые зубы вонзились ему в шею. Это оказался загон для крыс, глаза его различали длинные заостренные тела больших белых крыс, снующих от стены к стене и словно раздумывавших, напасть на него или подождать. Он с омерзением сбросил с плеча тяжелое животное и побежал к двери. Она казалась запертой, но, к счастью, она отпиралась изнутри, Мортимер опрометью бросился вон, преследуемый стайей свистящих крыс.

Он находился в биологическом отсеке, в той части здания, которую знал хуже, хотя и представлял, где он находится и куда ему бежать дальше.

Крысы отстали, видимо, разбежались по коридорам, так как до него временами доносился легкий топот и глухое попискивание. Пробегая мимо широкого окна,

он бросил из него взгляд и увидел внизу несколько открытых грузовиков, заполненных людьми в униформе. Они наверняка постараются вначале отрезать служебную часть здания, а это значит, что у него еще есть реальный шанс спастись.

Мортимер еще не пришел в себя после столкновения с крысами и потому старался не задерживаться в незнакомых помещениях, где его могло ждать высокое напряжение, низкие температуры, нейтронные лучи или ядовитые газы. Только когда он добрался до статистического отдела, где раньше уже бывал, Мортимер перевел дух. Здесь с ним уже ничего не могло случиться. Он знал, что тут помещаются электронные тумблеры, читающие и пишущие приборы, анализаторы — и, конечно, никаких крыс.

Когда он, спокойно спустившись в лифте, добрался до первого этажа, к нему подкатил робот-автомобиль. Первой мыслью было выхватить гамма-пистолет и послать в машину огненный луч, но тут он заметил, что это был вовсе не полицейский автомобиль, а один из тех, что несут общую службу надзора.

— Специальный контроль, — возвестил динамик приятным голосом диктора новостей, модуляция которого была положена в основу всех автоматических разговорных систем оповещения.

— Я — Стэнтон Бараваль. У меня переработка, — объявил Мортимер.

— Тембр голоса в порядке, — сообщил робот. — Контроль радужной оболочки.

Мортимер положил подбородок на специальную дугу, и яркая молния на миг ослепила его левый глаз.

— Радужка в порядке. Анализ крови.

Мортимер вставил палец в углубление и почувствовал легкий укол. Кажется, все идет гладко, но он теряет драгоценные секунды.

— Кровь в порядке, — объявил автомат. — Проходите.

Мортимер со вздохом облегчения открыл дверь и от неожиданности втянул голову в плечи. Справа от него шел настоящий бой, из-за дверей гаража неслись раскаленные фиолетовые трассы от ракетной винтовки, повсюду раздавались взрывы — это осаждающие бросали газо-

вые бомбы, надеясь захватить окруженных живыми. Потом неожиданно светящиеся нити исчезли, и из укрытия вышла полицейская машина, которая приблизилась к гаражу — видимо, полицейские хотели убедиться, что газ сделал свое дело. Внезапно она остановилась, распахнулись двери гаража и оттуда, стреляя на ходу, выполз танк, он завернул за ближайший угол и помчался дальше, к свободной территории. В ту же секунду за ним устремились несколько седороллеров. Танк подошел к стеклянной стене и с грохотом пробил ее. И хотя преследователи оказались возле пробоины уже через несколько секунд и исчезли в ней, у Мортимера было впечатление, что бегство удалось. В зеленой чаще уйти от погони было не так уж трудно.

Он и сам стремился как можно быстрее укрыться среди зеленых насаждений. Мортимер решил рискнуть. Он подбежал к гаражу, не заботясь о прикрытии, оседлал седороллер и направил его прямо к только что проделанной бреші. Возле самой стены он притормозил и спрыгнул с машины. Ему удалось остаться никем не замеченным. Он юркнул в пролом и быстро оглянулся... Все оказалось так просто! Бесчисленные тропинки вели через большой парк, не отделенный никакими ограждениями от жилого квартала.

Слева послышались выстрелы, и Мортимер побежал направо. В город он вошел, никем не остановленный. По всему было заметно, что произошло что-то необычайное. Ночь еще не кончилась, а кругом группками толпились люди, о чем-то спорившие. Сначала Мортимер удивился, что жителям не запретили выходить из домов, что на улицах не видно отрядов полиции, но тут же вспомнил, что с начала восстания — как ни трудно было в это поверить — не прошло и часа. Все эти охранные меры еще последуют, в этом можно не сомневаться, но пока что полиция занималась революционерами в центре. Следовало использовать выигрыш во времени, который у него еще был. Чтобы не бросаться в глаза в изодранной и мокрой одежде, нужно как можно быстрее раздобыть машину. Автоматическое такси быстро доставило его в аэропорт, и он не спеша вошел в просторный зал ожидания, откуда от-

кывался отличный вид на стартовую зону. Да, там, вдали, по-прежнему стоял корабль, обшитый светлым синтетическим материалом, гордый и далекий от всего, что происходило у людей, он, как и прежде, сверкал в лучах яркого солнца, находившегося почти в той же точке, что и тогда... Мортимер быстро сориентировался. Трапы выходят в гражданскую стартовую зону, а за ними, слева, точно такие же трапы, только ведут они к двум секторам космоплавания — исследовательскому и транспортному. Большинство трапов были в собранном состоянии, их стеклянные стены и крыши телескопически втянуты одна в другую, лишь один, развернутый, выбегал в поле ракетододрома, и это был как раз тот самый, что вел к стартовым фермам нового исследовательского корабля. Мортимеру это показалось хорошим признаком. До сих пор он не был уверен, что не гоняется за фантомом, всякий раз избирая этот корабль своей целью. Но теперь он верил, что Майда подсказала ему именно это решение. Он подумал, где может располагаться подход к этому соединительному проходу, и пошел налево. Снова на всякий случай вынул гамма-пистолет, спрятанный под тужуркой, — ведь никто не пропустит его просто так в тот сектор, который закрыт для обычных пассажиров. Он быстро направился к одной из дверей, предполагая, что за ней находится исследовательский сектор. Удивительно, что нигде нет ни души. Конечно, час поздний, и охрану несут роботы вместо обычного персонала, но хоть несколько живых охранников должны же быть здесь?! И тут он увидел их, как только заглянул за ограждение пульта, — на земле лежали трое или четверо мужчин в униформе, очевидно, они были без сознания.

Мортимер уловил позади шорох... Не успел он обернуться, как кто-то изо всей силы ударил его ребром ладони по руке, и он выронил оружие. Кто-то резко повернул его, втащил в дверь, и вот он уже стоит перед двумя вооруженными людьми.

— Кто ты? Что тебе здесь надо? — спросил один.

— Послушай, давай влепим ему заряд! — предложил другой и поднял газовый пистолет.

Мортимер сжался в комок, будто это могло защитить

его от дурманящего облака, но мужчина с пистолетом медлил. Мортимер понял, что перед ним вовсе не сотруди-ники службы охраны, скорее они принадлежат к восстав-шим.

— Я один из ваших,— сказал он быстро.— Я Морти-мер, Мортимер Кросс.

— Не знаю такого,— мужчина покачал головой.— Ладно, пойдешь с нами.

Третий, скрутивший ему руки за спиной, пинком под-толкнул его вперед. Они вели его к установке дуплексной теле- и видеосвязи, с помощью которых обычно поддер-живается связь наземного отряда обслуживания с рубкой готовящейся к старту ракеты. На экране появилось лицо, хорошо знакомое Мортимеру. Но Бребер сделал вид, что не узнал задержанного.

— Этот человек утверждает, что он один из наших,— доложил командир маленького отряда.— Говорит, что его имя Мортимер Кросс.

Бребер оставался невозмутим.

— Не предусмотрено — выключите его.

Прежде чем Мортимер успел осознать вынесенный ему приговор, на светящемся экране появилось другое ли-цо — женское.

— Майда! — закричал Мортимер.

— Бребер ошибается! — воскликнула девушка. — Он наш. Впустите его!

На какие-то доли секунды на экране вновь возникла разъяренная физиономия Бребера, потом экран погас. Че-ловек с газовым пистолетом пожал плечами и снова под-нял свое оружие... И тут внимание его отвлекли громкие крики, донесшиеся из зала ожидания. Пока один из охран-ников буравил дулом пистолета спину Мортимера, двое других всматривались в то, что происходит за дверью. Большими прыжками к ним мчался мужчина.

— Это я, Гвидо,— пробасил он, задыхаясь.— Немед-ленно стартуем, они висят у меня на хвосте.

Из дверей показалась группа преследователей. Не-сколько светящихся трасс прошли весь зал из конца в ко-нец, но восставшие тут же ответили огнем, вынудив пре-следователей остановиться. Из затененного пространства

выкатились сразу пять роботов и стали угрожающе быстро приближаться.

— Скорее! Уходим! — приказал Гвидо.

Роботы были уже у самой двери. Охранники и Гвидо быстро повернулись и бросились бежать к проходу. Никто из них больше не обращал внимания на Мортимера, и тот, не раздумывая, помчался следом за ними. Впереди открылась дверь, и они влетели в нее. Отошла вверх бронированная плита, и за ней обнаружилась вторая дверь, беглецы выскочили из шлюза и вошли в корабль. Зазвенел звонок. Ровный голос автомата несколько раз повторил: «Внимание, быстрый старт. Внимание, быстрый старт...» Он произносил эти слова так спокойно и приветливо, словно приглашал всех на чашку чаю. Раздался оглушительный рев, корабль задрожал, закрихтел, сила тяжести навалилась на них, — все лежали на полу, там, где их застал подъем, словно придавленные чьей-то мощной лапой.

10

Когда они вновь обрели способность думать, корабль находился уже в пятидесяти километрах над Луной.

Гравитация была очень сильной, и к тому же она застала их не в мягких, обтянутых пенорезиной навигационных креслах, а на твердом полу. Мортимер чувствовал себя разбитым и по бледным, искаженным лицам остальных понял, что им приходится не лучше. У одного хлынула кровь из носа, другой в растерянности вынимал осколки бутылки из-под виски из кармана своей куртки. Каждый был занят своим делом, видимо, поэтому никто не обращал никакого внимания на Мортимера. Он встал, убедился, что цел и невредим, и нерешительно двинулся вдоль изогнутого дугой коридора.

Но не успел он еще уйти далеко, как откатилась в сторону раздвижная дверь, и на пороге появилась Майда. Через секунду она была уже в его объятиях. Она целовала его, и он ощутил соленый привкус слез. Его самого душил

ком в горле, и он не мог вымолвить ни слова, только беспомощно гладил ее спину.

Чей-то крик вырвал их из забытья.

— Дорогу, черт побери!

Мужчина с трудом катил на колесах ящик с перевязочным материалом — ускорение все еще заметно превышало одно g — и без всяких церемоний оттолкнул парочку, оказавшуюся на его пути.

Мортимер откашлялся.

— Если бы не ты, лежал бы я сейчас без сознания в ракетной гавани.

— Не надо об этом! — Лицо Майды стало суровым, словно она стыдилась своих чувств.

Мортимер был тоже заметно смущен, но слова его прозвучали жестко:

— Значит, бегство тоже было запланировано...

— Как последний выход — да, — подтвердила Майда.

— А я должен был остаться, — констатировал Мортимер.

— Да, ты должен был остаться. Потому что это не бегство из трусости, как ты, вероятно, думаешь. Единственная его цель — не дать умереть идее революции. Для этого нам нужны все, кто доказал, что сможет начать все заново, все сначала.

— И я не вхожу в их число, — с горечью заключил Мортимер. Майда испытующе посмотрела на него.

— Нет, — ответила она. И тут же улыбнулась чуть печально: — Ты — нет.

— Зачем же тогда ты меня спасла? — допытывался Мортимер.

Лицо ее снова стало жестким.

— Потому что я была глупа, глупа и сентиментальна.

Она решительно повернулась и пошла, а он так и остался стоять в недоумении. Мортимер слишком устал, он чувствовал себя таким разбитым, что неспособен был даже на внутренний протест. Им овладела невероятная апатия и ощущение абсолютной пустоты, он наконец осознал всю бессмысленность происходящего. Он стоит тут, в этом пустынном коридоре, в окружении лю-

дей, с которыми у него нет ничего общего, его выжали, как лимон, и сейчас он мечтает только об одном: при-
ткнуться где-нибудь, забыться, умереть...

Голос диктора вывел его из полусонного состояния. Мортимер пришел в себя, увидел, что стоит, прислонившись к стене с закрытыми глазами, да у него и не было ни малейшего желания открывать их, вот только уши закрыть он не мог.

— Всей команде на палубу «А»!

Приказ повторили еще несколько раз. Наконец Мортимер очнулся от своей летаргии, просто не имело смысла и дальше оставаться в этом углу, ничего не видеть, не ощущать, не думать, не слышать. Он выпрямился, словно только сейчас пробудившись от сна, и впервые осознал смысл приказа: «Всей команде на палубу «А»!» Он не знал, где находится эта палуба «А», но несколько мужчин быстро, насколько им это позволяла гравитация, прошли мимо него, и он решил последовать за ними.

Палуба «А» оказалась помещением в носовой части корабля, заполнявшим всю ее вплоть до лестниц и лифтовой шахты,— собственно, это помещение служило соединительным переходом между центральной рубкой управления и диспетчерской, расположенными в носовой части, и другими помещениями, находившимися в среднем секторе. Окон тут не было, как, впрочем, и в коридорах и проходах, которые Мортимер мельком успел увидеть, у него было такое впечатление, будто он находится в цокольном этаже электростанции, генераторы которой посылают вибрацию в глубину земли, так что ее можно скорее слышать, чем ощущать.

...Мортимер вошел одним из последних. Примерно двадцать пять мужчин и около десятка женщин уселись полукругом, съездившись из-за давящей силы гравитации. В центре был Никлас в своем кресле-каталке, за ним, как и во время первой их встречи, расположился худощавый молодой человек с оскаленными зубами, рядом с ним на табурете уселся Гвидо с повязкой на шее. Затем Мортимер увидел Бребера, присевшего на корточки в первом ряду, и Майду, прислонившуюся спиной к стене. Наверняка были здесь и те трое, схватившие его в гавани, но Морти-

мер уже не помнил их лиц. Один из мужчин подвинулся, Мортимер благодарно кивнул ему и опустился рядом.

Никлас поднял руку. Смолк последний шепот.

— Соратники,— начал Никлас,— мы собрались по весьма печальному поводу, но нужно смотреть фактам в лицо. Наша революция потерпела поражение. То, что мы готовили годами, ради чего жили и боролись, окончилось неудачей. Вы можете спросить, друзья мои, как получилось, что в наш план, так хорошо продуманный и выверенный до последней детали, могла вкрасться ошибка. У вас есть на это право. Сегодня я хочу ответить вам лишь одним словом — «предательство». Другого не может быть — нас предали!

Гул возбуждения прошел по рядам. Никлас вновь поднял руку.

— Я назначу комиссию, которая изучит все детали и сообщит о результатах.

Он запрокинул голову, и его жуткие прикрытые линзами глаза уперлись в потолок. Это был один из тех редких моментов, когда с него словно спала застывшая на лице маска и черты его расплывались, подобно тонкому слою льда, тающему на солнце. Он был похож на слепого певца или на прорицателя, который даже в минуту смерти выкрикивает свои пророческие слова.

— И все же, соратники, мы не сдадимся! Нас мало, но вполне достаточно, чтобы не погасли искры любви к свободе. Как бы смешно это ни звучало, но нас вполне достаточно, чтобы достичь цели. Мы та элита, о которую рано или поздно споткнутся нынешние правители. Сейчас мы спасаемся бегством, но когда-нибудь мы вернемся и вновь подарим человечеству свободу!

Никлас снова вытянулся в своем кресле и бессильно поник, склонив голову набок, словно она была слишком тяжела для него.

С минуту царила тишина, затем первым зашевелился бледнолицый молодой мужчина, неподвижно застывший позади Никласа; подтолкнув коляску, он покатил ее к лифту.

Гвидо поднялся со своего места.

— Я хочу еще кое-что сказать по поводу сегодняшней

ситуации. Мы захватили этот корабль — и это было предусмотрено планом нападения на правительственный центр: в случае неудачи мы должны были спасти небольшую группу наших лучших людей. Никлас уже объяснил, какая задача стоит перед вами. Я считаю, мы должны восхищаться этим человеком, не теряющим мужества даже в самой отчаянной ситуации. И нам надо радоваться, что мы имеем такой образец человека-борца!

Глухой стук костяшек пальцев по синтетическому покрытию пола заменил аплодисменты — этот звук напоминал дробь града по железной крыше, и тут же все стихло, словно слушатели устыдились сами себя.

— Положение у нас очень серьезное, — продолжал Гвидо, — но не отчаянное. У нас есть даже козырь в игре: этот корабль. Это один из тех проектов, на которые ученые не жалели денег, заработанных народом. Вместо того чтобы создать лучшую жизнь для людей, они стремились достичь чужих миров. Этот корабль должен был первым преодолеть межзвездное пространство, пробиться в соседние галактики.

Снова волна возбуждения прошла по рядам собравшихся. Гвидо пришлось повысить голос, чтобы добиться тишины.

— Но мы вовремя узнали об этом замысле и рады, что смогли помешать этому. Не то что мы имеем что-либо против космического перелета, но сначала необходимо решить другие задачи: охрана природы, медицинские исследования, воспитание критически мыслящих членов общества, поощрение людей искусства. — (Снова костяшки пальцев застучали по полу.) — Этот корабль пришелся нам кстати — он оборудован для многолетних экспедиций, на нем созданы жизненные условия, которых еще никогда не было на космических кораблях. Его оболочка изготовлена из нового, чрезвычайно огнеупорного и поглощающего протоны керамического материала. Корабль развивает такую скорость, какую получали пока лишь частицы в синхрофазотронах. Это значит, что мы недостижимы для любых преследователей.

...Теперь закричали все разом и захлопали в ладоши. Они

не спали около тридцати часов, но неожиданно появившаяся надежда заставила их забыть про усталость.

— А теперь перейдем наконец к практическим вопросам. Мы будем соблюдать здесь двадцатичетырехчасовой день, как и на Земле и на всех станциях Солнечной системы, обслуживаемых людьми. Сейчас мы больше всего нуждаемся в отдыхе, и потому я объявляю, друзья мои, этот момент нулевой точкой отсчета времени. Пожалуйста, сверьте ваши часы! — Когда процедура была завершена, Гвидо сказал с плохо скрываемым волнением: — Отныне начинается не просто новый день, но новый этап нашей жизни. — Он жестом погасил вспыхнувшие было аплодисменты и добавил уже без всякого пафоса: — Спенсера вы все знаете. Он укажет вам ваши кабины. Разумеется, дежурная команда остается на своих постах. Подъем завтра в пять часов. Благодарю вас, друзья. Спокойной ночи!

11

Спальные места были разыграны по жребию, и Мортимеру повезло — он получил отдельную кабину: собственно говоря, это был крохотный чулан, где помещались лишь стул, откидной столик, стенной шкаф и ложе, впрочем, довольно удобное — с пенорезиновым матрасом, посредине которого было углубление, соответствующее форме тела взрослого человека. Ни подушек, ни одеяла не было, зато в избытке форсунки и распылители, антенны и переплетения проводов. Мортимер предположил, что все это, скорее всего, части кондиционера, поддерживавшего на нужном уровне температуру и влажность воздуха, а также иные, не известные ему, но необходимые для обеспечения жизнедеятельности человека показатели, поэтому одеяла и тому подобные вещи были здесь просто не нужны. Имелось еще множество рычагов, назначения которых Мортимер не знал, но они ему и не понадобятся. Он разделся до нижнего белья и улегся, прикрывшись брюками.

По всей вероятности, он тут же заснул, ибо, когда поз-

же он попытался восстановить события, память не сохранила ни одной подробности и не было никакого свидетельства того, что он хоть раз повернулся во сне. Однако позднее, вспоминал он, его охватил гнетущий страх. Неожиданно он поймал себя на том, что у него даже пот выступил на лбу, ему казалось, что на него навалилась невероятная тяжесть, он был словно в полусне. Он сам так объяснил причину всего этого: необычное положение, сверхмощная гравитация. В мозгу роились беспорядочные мысли, обрывки каких-то эпизодов, случившихся в последние дни или часы. Вдруг привиделась ему Майда с каким-то призрачным искаженным лицом. Мортимер знал, что это всего лишь продолжение его лихорадочных грез, и тщетно пытался оживить в памяти черты ее правильного, нежного и своенравного лица: чуть впалые щеки, темные волосы,—но за этим не было зримого образа, и что-то неясное, невообразимо пугающее затаилось где-то в глубине его сознания; оглядываясь назад, он подумал, что это, должно быть, предчувствие, смутный и оттого непреодолимый страх перед теми силами, которые могли прочесть его мысли, глубоко вторгнуться в его сознание и беспрепятственно творить там все что угодно.

Наверное, он бился как в припадке, потому что вдруг вспомнил, как больно ударился тыльной стороной ладони о какой-то твердый край, подскочил словно ошпаренный и проснулся. А потом долго лежал, вслушиваясь в темноту, чувствуя, как что-то неведомое приближается к нему. Внезапно он привстал с постели и нанес удар по белой массе, которая была уже совсем рядом и пыталась накрыть его, несмотря на его отчаянные попытки сопротивляться. Он лихорадочно шарил вокруг, пока руки его не наткнулись на какую-то оболочку, обтянутую пенорезиной,—полую форму, которая плотно облегает человеческое тело, словно литейная форма—только что отлитую металлическую деталь. У него было ощущение, будто его размололи, что он уже не в состоянии протиснуть свое тело сквозь еще остававшийся зазор, он сник, однако все еще греб руками и ногами, пока и они не вошли в предусмотренные для них углубления, он дрожал всем телом и ощущал себя совершенно расплюснутым. Он почув-

ствовал, что форма принимает его тело, и несколько раз вздохнул, преодолевая удушье. Он жадно ловил ртом воздух, стараясь делать как можно меньше движений, он словно слился в единое целое с предательской западной из искусственной кожи, пенорезины и полиэтилена и готов был уже смириться со своей участью...

И тут его тело неожиданно расслабилось, возможно, просто оцепенело, возможно, было раздавлено тяжестью и уже вообще больше не существовало, но это не было похоже на Ничто, на абсолютную черноту, безмолвие и опустошенность, нет, он различал какие-то смутные образы, видел каких-то незнакомых людей, например пожилого мужчину благородной наружности, с коротко остриженными белыми волосами, тот без конца сцеплял и расплепывал гибкие пальцы, которые, словно играя, ощупывали сами себя. Морщинистое желтовато-коричневое лицо. А рядом — другое лицо с большими, преданными карими глазами, юное и древнее одновременно, узкая гибкая спина под белым пальто, распущенные волосы, профиль молодой женщины или девушки, световые блики на щеке, тонкий нос и узкий подбородок. Он улавливал душевные волнения этих и других не знакомых ему людей, затем почувствовал короткий импульс, направленный на него самого. Мысли его путались. И тут послышался громкий голос — на сей раз это не был голос главного диктора-информатора, — голос этот произносил слова,* которые Мортимер хотя и не слышал, но каким-то другим, не поддающимся объяснению образом улавливал:

То, что вы делаете, безрассудно! Ваши идеи устарели. Ваши замыслы обречены на провал. То, что происходит, совершается вовсе не по вашему желанию. Вам нетрудно убедиться в этом — проведите тайное голосование, и пусть каждый скажет, чего он в действительности хочет! Поставьте на обсуждение идеи, не совпадающие с вашим официальным мировоззрением! Рискните вернуться на Землю! Скажем, тайно приземлитесь в одном из уединенных природоохранных парков, смешайтесь с обычными людьми и попытайтесь жить так же, как они. Откажитесь от ваших искаженных идеалов и вкусите хотя бы крупицу

удовлетворенности, как и все остальные 60 миллиардов людей, живущие сегодня на Земле!

Мортимер чувствовал, что слова эти искренни и убедительны, хотя не было в них ни навязчивости, ни желания подавить чью-то волю, как это бывает при гипнозе. Он воспринимал их легко и свободно, и не потому, что они действовали на его чувства, а потому что в них была неумолимая логика. Но, в отличие от интуитивного восприятия, для осознания этой логики необходимо время...

Мортимер снова обрел спокойствие и самостоятельность мышления, освободился от посторонних впечатлений, попытался разобраться в своих мыслях и определить, как он должен действовать. После нескольких робких попыток мыслить он почувствовал себя увереннее. Ему казалось, что он освобождается от сковывающей его движения пелены, он ждал... но ничего не происходило, Мортимер старался не дать разочарованию овладеть собой и шел всеми возможными, иной раз странными и запутанными путями — он словно настраивал незнакомый музыкальный инструмент и, вслушиваясь в извлекаемые звуки, собирался продолжать эксперимент в зависимости от полученных результатов. На какой-то миг он почувствовал как бы дуновение и всеми силами старался продолжать это мысленное прощупывание, это напоминало скорее действие, чем мышление... сковывающая его пелена поднялась еще выше и наконец полностью освободила его.

Словно кто-то резко повернул выключатель — сразу прояснилось его сознание, что-то неуловимо менялось, хотя он не смог бы точно сказать, что именно, — это было похоже на легкие шорохи при переключении микрофонов. Мортимер приподнялся на своем ложе, взглянул на светящийся циферблат часов. Они были установлены по новому корабельному времени, провозглашенному Гвидо, и показывали половину второго. Он чувствовал себя словно после ночного кутежа. Шатаясь, он встал и ощупью пошел к двери.

Снаружи горел тусклый свет. Мортимер уже наметил свой путь и начал взбираться по винтовой лестнице в узкой цилиндрической шахте, которая связывала все этажи корабля между собой, он направлялся наверх, к палубе

«А», где еще оставалось двое дежурных. По настоянию Мортимера один из них провел его к Гвидо, и они разбудили его.

Кабина Гвидо была не больше той, что занимал он сам, и лишь отличалась чуть большим комфортом — два стула, укрепленный в полу пульт, служащий письменным столом. Гвидо сделал ему знак, предлагая сесть.

— Что случилось? Только, пожалуйста, покороче! — Повязка на его шее казалась белым шелковым шарфом и даже придавала Гвидо элегантность.

Мортимер рассказал о своем странном приключении.

— Здесь, по-видимому, какое-то влияние, находящееся вне нашего контроля, — добавил он. — Возможно, существует какой-то вид радиосвязи с Землей или с лунным центром, непосредственно влияющий на наш мозг. Это может оказаться очень опасным!

Гвидо потер лоб.

— Не могу себе представить, что это означает. Мы ведь контролируем радиосвязь. Правда... — Мортимер видел, что его собеседник колеблется, не зная, стоит ли ему продолжать, — ...правда, есть кое-что, о чем я пока еще никого не оповещал, чтобы не тревожить людей.

Он бросил испытующий взгляд на Мортимера.

— Ну ладно, завтра все равно узнаете: на борту остались люди, которые не пошли за нами... Может быть, они...

— Кто они?

— Ученые. Несколько исследователей, собиравшихся совершить на корабле пробный полет; потому-то он и стоял в полной готовности — перед стартом. Женщины и мужчины. Нам пришлось усыпить их с помощью инъекций. Их уже не успевали снять с корабля.

— Где эти люди?

Гвидо взмахнул рукой, словно ловя насекомое.

— Пришлось запереть их в лазарете. Справиться с ними не составило труда. Они все удалились от жизни, убежали от действительности, заблудившись в собственных сложных умопостроениях. Мы их усыпили.

— Но если то, что я испытал, исходит от них, значит, они не обезврежены и не удалились от жизни.

Гвидо спрыгнул с койки и тут же согнулся пополам — он забыл о гравитации. Наконец он выпрямился и сделал знак Мортимеру.

— Пойдем посмотрим!

Они миновали несколько коридоров, прошли через шахту и попали в среднюю часть корабля, где размещались лаборатории. Перед дверью они увидели дежурного, который при их появлении встал.

— Что с пленными? — спросил Гвидо.

— А что с ними может быть? Лежат, не шевелятся.

Гвидо прислушался, нет ли шума за дверью, и приказал:

— Открой, только осторожно.

Вахтер отпер замок и слегка откатил дверь в сторону. В образовавшуюся щель он направил дуло гамма-излучателя, приготовившись к любой неожиданности, но за дверью не было ни малейшего движения, и он откатил ее полностью.

В больничном помещении находились около двадцати мужчин и женщин. Большинство в белых халатах или комбинезонах, и лишь немногие были в гражданской одежде. Одни лежали на полу и на больничных койках, другие, погрузившись в сон, сидели в операционных креслах. Мортимер с волнением узнал среди лежащих двух мужчин и девушку — это они являлись ему во сне, или как еще можно назвать это состояние.

— Это они, сомнений быть не может, — сказал он. — Я видел их, хотя и мельком.

— Они еще без сознания, — заметил Гвидо. — Неужели в них причина тех странных вещей, что ты пережил?

Он подошел к лежавшему ближе всех мужчине и, опустившись перед ним на колени, поднял его руку и закатал рукав.

— Странно! Посмотри-ка на эту кожу! — Он нажал большим пальцем на предплечье, на коже осталась вмятина, словно в тесте. Кожа очень медленно принимала первоначальную форму, и вмятина постепенно исчезла.

Мортимер опустил руку рядом с Гвидо и тоже взял эту безжизненную руку — она была холодной, как пластилин. Мортимер открыл молнию на груди мужчи-

ны, разорвал рубашку и приложился ухом к коже. Ощущение было отвратительное — словно он прикоснулся к резиновой кукле. И все же он вздохнул с облегчением:

— Они живы! Сердце бьется. Но они в странном состоянии. Я насчитал лишь десять ударов в минуту.

Гвидо пожал плечами.

— Это в принципе неважно. Они выведены из строя и не смогут причинить нам вреда. Вот что сейчас важнее всего.

— Какой газ вы применили?

— Сомналь-бета. Нормальной плотности.

— Они должны были давно пробудиться,— пробормотал Мортимер.

— Оставь их и идем. Нам самим нужно отдохнуть!

— Что с ними будет?

— А что с ними должно быть? Нас и без того уже слишком много. Придется от них избавиться. Другого выхода нет...

И он махнул рукой дежурному:

— Закрывайте!..

12

На следующее утро беглецы снова собрались на палубе «А».

— Соратники,— начал Гвидо,— нам не удалось в эту ночь как следует разместить вас. На корабле всего тридцать кабин, а нас больше пятидесяти. Но впредь мы позаботимся о том, чтобы каждый получил собственное спальное место. Это по поводу размещения, а теперь я скажу несколько слов о проблеме питания. После окончания нашей беседы каждый получит завтрак. О горячем обеде мы тоже позаботились, время и место будут объявлены позже...

И тут отворилась дверь, Беннет, тень Никласа, вкатил коляску со своим подопечным, Никлас пошептался с Гвидо, и тот объявил:

— Внимание! Никлас хочет вам кое-что сказать.

Никлас сидел, вцепившись в подушки. Лицо его, как

всегда, напоминало лик мумии, губы сложились в тонкую серую ниточку. Наконец он выпрямился и обратился ко всем:

— Соратники, нас постигла нелегкая судьба. Но нет такого удара, который способен был бы выбить нас из колеи, уничтожить наши идеалы. Сейчас мы должны сплотиться, как никогда раньше. Каждый должен быть готов прийти на помощь другому, все должны быть готовы пожертвовать собой и, если надо, отдать последнее ради правого дела.

Нам предстоит длинный трудный путь. Те, кому принадлежит власть на Земле, уверены, что победили нас. Им неведомо, что победить нас невозможно. Однажды...— Он старался говорить как можно громче, но издавал лишь дребезжащие хрипы,— настанет день, когда мы вернемся и откроем глаза всем тем, кто предпочитает вести тупую, стадную сытую жизнь, мы освободим всех, кто мечтает вырваться из золотой клетки. Да здравствует свобода, да здравствует либеральная партия!

Еще несколько секунд он сидел, выпрямившись, затем откинулся на спинку. Беннет увез его из комнаты.

Гвидо вновь завладел вниманием собравшихся.

— Поблагодарим Никласа за его слова. Они укрепляют нашу решимость не сдаваться, как бы тяжело ни было. Что же касается продовольствия, то для начала мы будем распределять его экономно. Корабль был предназначен для генерального испытания, и пропитания нам должно хватить на годы, однако пока что мы не нашли основного склада. Думаю, что мы просто не успели еще как следует осмотреть корабль. Где-то должны быть плантации водорослей, баки с гидропоникой, помещения для разведения жирных червей, чтобы обеспечить команду белками, углеводами и витаминами.

— Какие еще, к чертям, жирные черви?—крикнул один из мужчин.

— Специально выведенная порода червей, если их разрезать на части, они быстро вырастают до размеров взрослых особей. Они питаются остатками пищи и отходами и производят пригодные для питания белковые вещества. Мне очень жаль, что это звучит неаппетитно, но все это

крайне важно для длительных космических перелетов больших экипажей.

— Ну, тогда приятного аппетита! — снова крикнул мужчина.

— Тише, пожалуйста! Вы не на увеселительной прогулке! — Гвидо с железным спокойствием пропустил мимо ушей все упреки. — Нам придется еще больше ограничить себя, например, в том, что касается воздуха. Здесь положение такое же, как и с продовольствием. Агрегатов, обеспечивающих регенерацию воздуха, которые мы пока обнаружили, надолго просто не хватит. Это означает, что мы должны и здесь экономить — никаких лишних движений, никаких спортивных снарядов, сигарет и тому подобного.

Кто-то крикнул:

— Тогда заморозьте нас сразу же!

Все рассмеялись.

— Мы это обдумаем, — пообещал Гвидо. — А теперь о переключающих устройствах в кабинах. Для тех, кто незнаком с ними, пользоваться этими приборами небезопасно. Поэтому всем, кроме инженеров, запрещается даже прикасаться к ним.

Теперь о распределении работы. Команда подобрана таким образом, что для выполнения каждой технической задачи у нас есть соответствующие специалисты. О распределении обязанностей я скажу в конце. Я думаю, не надо лишний раз подчеркивать, как важно...

Никто не узнал, что было важно. По лестнице с верхнего этажа в зал скатился мужчина, по его виду нетрудно было определить, что это опытный астронавт.

— За нами погоня! — выкрикнул он. — Мы должны разогнаться до трех г, а может быть, даже больше. Через две минуты начнется спектакль! Займите свои места на койках, если не хотите, чтобы вас превратили в отбивные котлеты. Ну, живо!

Все рассыпались по кабинам, словно бумажки, разметенные ветром. После небольшой суеты у лестницы ни души не осталось на палубе «А». А еще через секунду мощная сила ускорения придавила их, и они почувствовали себя маленькими и жалкими.

Мортимер лежал на своей пенорезиновой койке. За несколько секунд давление дошло до критической отметки. Он чувствовал себя расплюснутым, как камбала, ощущал, как сердце судорожно пытается справиться с перегрузками, как сжимаются сосуды, а желудок словно погружается куда-то в глубину тела. Может, они превысили ускорение и перешли за три g? Однако невыносимее всего была неизвестность. Как долго сохранится это состояние, сколько мучительных часов должно еще пройти, пока не кончатся эти перегрузки, эта противная, подкатывающая к горлу тошнота...

А мозг судорожно искал выхода, перебирал все варианты спасения. Мортимер вспомнил прошедшую ночь, и неожиданно ему блеснул лучик надежды. Он знал, что это запрещено, но сейчас ему было не до запретов. Его рука поползла вверх, тяжелая, словно свинец, она с трудом преодолевала упругую силу ускорения, инерцию массы — сантиметр за сантиметром. Перед ним был пульт. Множество рукояток. Какая из них нужная? Он вспомнил, как в момент пробуждения на тыльной стороне ладони отпечаталось бледно-голубое пятно... Должно быть, вот эта... или та? Нет, скорее эта... Он уже не в состоянии был дольше держать руку кверху и с силой нажал на первую попавшуюся... Рука словно стокилограммовый груз упала на резиновую подкладку... На минуту все замерло. И вдруг он увидел, как кирпично-красный потолок придвинулся к нему, как он опустился ниже и его самого окутал занавес. Свет погас. Треснула искра. Контакт возник...

Он больше не чувствовал тяжести, не чувствовал и боли. Вокруг него заиграл поток образов и мыслей.

Перед ним возникли очень ясно и отчетливо блок-схема, прямоугольники, менявшие свои места. Постоянно меняющиеся узоры.

Затем смутно: терраса, ползучие орхидеи, а вдали — изломанная лунная горная цепь.

И словно пунктиром пронеслось: дискуссия о стратегии, о планах по поводу корабля...

А потом пошло и вовсе неопределенное: любовь, страсть, печаль, девичья головка, знакомые черты, но

словно сфотографированные через мягко рисующий объектив. Имя: Люсин.

Дальше возникло что-то требовательное: призыв, воззвание, вопрос, приглашение.

Потом опять мягко: рука, скользящая по клавишам, стрекочущий звук клавикордов.

И снова вспыхнуло ярко: раздражение, какие-то слова, написанные или произнесенные. Сначала искаженно, затем отчетливо: *Это преступники, поверь мне, это асоциальные типы, больные. Иначе они не стали бы прибегать к насилию, уничтожать жизнь!*

И голос в ответ, а может, просто акцентированное мышление: *«Я не могу поверить, что асоциальные типы способны создать такую сложную организацию. Ведь нападение было отлично спланировано...»*

...и в конце концов все же провалилось!

«Я, насколько мне позволили детали, ознакомился с количеством информации в плане: он содержит восемнадцать процентов избыточности. Если учесть фактор риска, это приближается к оптимальному значению. Это доказывает, что все участвующие мужчины отличаются высоким уровнем интеллекта!

Но интеллект не в счет, если социальное значение образа действий дегенерировано. Эти люди — чудовища. Их цель не созидание, как у нормальных людей, а разрушение, уничтожение порядка. Они не думают о других и без оглядки идут к своим деструктивным целям, не обращая внимания на то, что при этом гибнет. Они убийцы! Убийцы...»

Мы не убийцы!

Удивление, изумление, вопросы...

Мы не убийцы!

Никаких букв, никакой речи. Прямая коммуникация.

Мортимер вырывался из плена чужих представлений, сливавшихся в хаотические потоки образов, ставших для него миром изображений, открывшихся внезапно прозревшему; царством звуков, обрушившихся на избавившегося от глухоты.

Потом Мортимер понял, что он сам ответил на вопрос. Это был его собственный ответ. Он «разговаривал».

А теперь он снова «слушал».

Эй, где ты, отзовись! Кто ты? Пожалуйста, отзовись!

«Как я должен отозваться? — спрашивал себя Монтимер. — Как я могу выйти на связь с вами? Кто вы и в каком состоянии находитесь?»

Теперь звучало медленно и чрезвычайно вятно:

Мы относимся к команде корабля. К группе исследователей. Лишь пятеро из нас присоединены к коммуникационной сети. Остальные даже мыслительно парализованы.

Мортимер был сбит с толку и не находил пока, что ответить. И тут снова появился мягкий задумчивый голос:

• Я ведь знаю тебя: ты Стэнтон Бараваль. Ты не помнишь меня — Деррека Хири из Кибернетического центра? Мы вместе работали в группе планирования семь. Где ты? Что-то изменилось в тебе! Как ты попал на корабль? Можем ли мы помочь тебе?

В Мортимере ожили воспоминания — или по крайней мере в той его части, которую он не мог отделить.

«Я был сломлен, поглощен кем-то неизвестным и отдан ему в беспомощном состоянии. Спасите меня!» Он собирался так ответить, но подавил это абсурдное желание. Вместо этого он сделал упор на другое:

«Преступники — это вы! Живете в роскоши, преследуете свои личные интересы, забыв о человечестве, хотя могли бы ему помочь! Вы морите людей голодом, держа в руках ключ к изобилию. Вы оставляете детей умирать, заперев лекарства в ваших сейфах. Я не Стэнтон Бараваль и не хочу, чтобы вы меня спасали. Я ненавижу и презираю вас!»

Ему хотелось только одного — отключиться от этой сети, которая грозила опутать его мягкой паутиной, он хотел отделиться от этих голосов, на которые в нем отзывались те струны, которые звучали совсем иначе, нежели только что данный им ответ.

И тут оборвалась связь, погасла искра, Мортимер почувствовал озноб и тяжесть в желудке, он лежал на своем ложе, отданный во власть слабости и боли, и вдруг понял, что всхлипывает, и почувствовал, как по вискам его бе-

гают слезы и у него нет сил вытереть их. Но больше всего его терзала не сама боль, а страдание оттого, что он отверг искреннее участие, грубо попрал сострадание, правда, на что-либо другое у него просто не хватало сил. Он все еще цеплялся за то, что было для него истиной, хотя она уже давно не казалась ему столь неоспоримой, как когда-то. И все же она еще стояла того, чтобы ее защищать — жертвуя собой.

13

Хотя официальным предводителем считался Никлас, фактическое руководство перешло к Гвидо. Когда три дня спустя команда вновь собралась, на всех сказалось напряжение последних дней. Лица осунулись, щеки ввалились, у всех покраснели глаза.

— Никлас хочет сказать вам несколько слов, — объявил Гвидо.

Слепой, как всегда, восседал в своем кресле. Голос его звучал тише, чем в прошлый раз, но в нем еще чувствовалась несломленная воля:

— Соратники! Последние дни выдались трудными для всех. Но это лишь закалило нас. Мы должны выстоять. Выстоять! — Он сделал длинную паузу, казалось, что он уже закончил свою речь, и тут он заговорил опять: — Наша цель священна. Наше предназначение — освобождение человечества. Мы не должны погибнуть. Мы должны победить!

Последние слова они разобрали с трудом. Беннет, обменявшись взглядом с Гвидо, вывел Никласа из комнаты.

Слово взял Гвидо.

— Соратники, я созвал вас, ибо есть проблемы, которые я могу решить лишь с вашим участием.

— Гравитация раздавит нас! — выкрикнул кто-то. — Когда вы наконец прекратите все это?

— Нас продолжают преследовать, — пояснил Гвидо. — Дюжина космических крейсеров мчится за нами. Но наш корабль быстрее, мы можем уйти от них. Вот почему мы вынуждены наращивать скорость, а это влечет за со-

бой увеличение гравитации. Вы же не хотите попасть в лапы полиции?

Раздались громкие крики:

— Нет, никогда! Мы не сдадимся!

Гвидо кивнул.

— Я так и думал. Давление — не самое большое зло. Если захотим, мы сможем еще больше увеличить скорость. Ионный двигатель позволит нам увеличить ее в двадцать раз....

— А кто это вынесет? — перебил его чей-то голос.

— ...У меня есть ободряющая весть. Мы уверены, что на этом корабле существует антигравитационная система, нейтрализующая воздействие силы тяжести. Однако мы еще не знаем, как ввести ее в действие...

Снова кто-то прервал его:

— Дилетант!

Но Гвидо не дал сбить себя.

— ...Мы доверили корабль группе опытных астронавтов. Нет никаких причин сомневаться в их добросовестной работе. Если у нас и возникают трудности, то только потому, что корабль этот построен по новым принципам. На это никто из нас не рассчитывал. Здесь есть приборы и системы, назначение которых загадка для нас. Мы рады, что по крайней мере знаем, как управляться с двигателями и навигационным оборудованием.

Намного сложнее другое, и я думаю, лучше открыто сказать вам об этом: пока нам не удалось обеспечить непрерывное снабжение воздухом, водой и пищей. Мы нашли соответствующие агрегаты, но их мощность недостаточна. В режиме длительного пользования они обеспечат снабжение в лучшем случае десяти человек. Такая команда, как наша, сможет продержаться при самых оптимальных условиях в течение недели. Затем установки начнут работать на замену использованных запасов.

— Но ведь корабль предназначался для межзвездных экспедиций и был соответствующим образом оборудован! Здесь что-то не так!

— Возможно, это каким-то образом связано с новой системой. Но мы решим проблему. Одна наша группа уже работает над увеличением мощности агрегатов.

— Но в нашем распоряжении всего четыре дня! — слышался недоумевающий голос.

— Нам это известно, — ответил Гвидо. — Но все мы сидим в одной лодке, и нам ничего другого не остается, как набраться терпения. Прежде всего это значит: сократить потребление до минимума. Расходовать сейчас воду на умывание, а уж тем более на купание нельзя. Количество углекислого газа в воздухе на грани допустимого, поэтому не делайте никаких ненужных движений, оставайтесь на своих койках, отдыхайте, это необходимо. И главное — железная дисциплина. Кстати, нам снова придется уменьшить рацион питания на одну треть. На сегодня все.

Мортимеру жизнь на корабле казалась дурным сном. Переживания последних дней не остались без последствий, разочарование опустошило его душу. Чужеродные мысли, снова и снова вспыхивавшие в его мозгу, точно тлеющие угольки, приводили его в замешательство. Голод и частые фазы ускорения вызывали слабость, а недостаток кислорода — тупую боль под переносицей. Он мог лишь с трудом обдумывать мучившие его проблемы, но не принимал никаких решений.

Его пребывание на корабле не было предусмотрено, а потому для него не нашлось и никакого задания. Его использовали на случайных работах, а в последнее время вместе с несколькими мужчинами он занимался расширением гидропонических плантаций. Они собрали все емкости — чтобы облегчить эти работы, корабль дважды в день снижал ускорение до половины g , — но вскоре они вынуждены были признать самим себе, что все их усилия бесполезны. Прежде чем они смогут вырастить килограмм фасоли или бананов, они умрут от голода. Они перестали обсуждать сложившееся положение, ни у кого уже не было ни малейшего сомнения в том, что все они обречены на гибель от голода, жажды или удушья.

В один из редких часов, когда ускорение было снижено до нормального, Мортимер, осматривая корабль, попал в одно из носовых помещений, судя по всему, оно служи-

ло совещательной комнатой. Всю переднюю стену занимал огромный экран. Комната была погружена в полумрак, но экран светился, и Мортимер увидел на нем изображение Вселенной. Это было первое зримое свидетельство того, что они находятся в космосе, ибо корабль был одет в толстую броню, защищающую от гамма-излучений и протонных ливней, и не имел ни одного иллюминатора — только несколько плоских антенн. В увеличенном изображении звезды казались цветными роями, искрами пастельных тонов или радужной вуалью. Мортимер сел на стул возле двери. Когда глаза его привыкли к сумраку, он заметил, что он здесь не один — впереди в нескольких метрах от него сидел еще кто-то, и, к своему изумлению, он обнаружил, что это Майда. Она наверняка заметила его, но ничего не сказала и даже не шелохнулась. Он медленно встал, прошел вперед и молча уселся рядом с ней. Оба следили за увеличенным фрагментом звездного неба, и, хотя ни один из них не произнес ни слова, оба чувствовали, что их ничто не разделяет.

Перед ними чередовались звездные туманности, мириады солнц, сгустившиеся в причудливые облака, туманные пятна, спирали, диски и ядра. Впервые они почувствовали, как одиноки они посреди этой бескрайней пустоты и как нужны друг другу, чтобы противостоять этому одиночеству.

На шестой день путешествия Мортимер принял решение. Он разыскал Гвидо и предложил ему объединиться с учеными.

— Я убежден, — сказал он, — что на этом корабле предусмотрены все условия для многолетнего пребывания в космосе. Но все это бесполезно для нас, ибо мы не знаем, как этим пользоваться. Нет никакого сомнения в том, что исследователи знают, как обращаться с этими системами. Мы должны их заставить помочь нам.

— А зачем им это? — спросил Гвидо, но Мортимер предвидел заранее это возражение.

— Когда весь кислород будет израсходован, они тоже погибнут.

— Они все еще находятся в зачехленном состоянии, — засомневался Гвидо. — У меня такое впечатление, будто они делают это умышленно. Как же нам установить с ними контакт?

— Я уже сделал это. — И Мортимер рассказал о странном разговоре, который он вел.

Гвидо задумался.

— Вообще-то говоря, ты нарушил приказ. Кто знает, может быть, это опасно — устанавливать такие контакты? Если все так, как ты говоришь, то, очевидно, мы имеем дело с каким-то внушением. А может, это и хорошо, что ты попытался разгадать эту загадку. Я пока ничего не скажу остальным. А то могут расценить твою беседу как сделку с врагом. И все же возможно, в этом кроется выход. Если же не удастся... — Гвидо не договорил. Оба понимали, что их ждет, если «это не удастся». Гвидо размышлял, не повторить ли эксперимент Мортимера.

Они прошли в его кабину, и Мортимер опустился на свое ложе. Он решительно дернул рычаг вниз. Механизм действовал безотказно, потолок опустился. С помощью своего рода мысленного входа в зацепление была установлена связь. Снова его захлестнул поток мыслей, представлений, эмоций...

Но Мортимер не обращал сейчас на это внимания, он думал о Дерреке — как бы мысленно пытался произнести это имя, не делая ни малейшего движения губами.

«Алло, Деррек! Алло, Деррек! Отзовитесь!»

Это ты, Стэнтон? — ответил кто-то. — *Говорит Деррек. Кто меня зовет?*

«Я, Мортимер Кросс. Мне поручено вступить с вами в переговоры. Я бы хотел поговорить с вашим шефом».

О! — Это было не возгласом, а каким-то соответствующим ему знаком удивления. — *Минуто, я разбужу его.*

Мортимер услышал, как несколько раз позвали: *Профессор ван Стейн! Профессор ван Стейн!* Перед ним возник образ старика с коротким седым ежиком — лицо пленного ученого, которого Мортимер уже видел.

На связи желающий вести переговоры, профессор!

Возник новый голос, глухой и неопределенный:

По мысленному каналу?

Да!

Хорошо, я готов.

Мортимер с удовлетворением отмечал, что уже может сосредоточиться на отдельных потоках в сумятице представлений. Очевидно было, что и ему удалось добиться, чтобы его понимали, так как ему отвечали без промедления.

«Говорит Мортимер Кросс. Хочу быть кратким, профессор. Вы наверняка сознаете особенность вашего положения».

Да, конечно. Что дальше?

«Вы в наших руках, и лучше вам признать это. У нас возникли некоторые проблемы с обслуживанием систем корабля, и мы требуем, чтобы вы помогли нам».

Вы не справляетесь с системой? Этого следовало ожидать. А в чем трудности?

Мортимер на минуту задумался. Он понял, что умалчивать о чем-либо не имеет смысла.

«У нас трудности с питанием, с водой и кислородом. Нам не хватит имеющихся запасов».

Вы, видимо, полагали, что летать в межзвездном космическом корабле так же легко, как ездить на почтовых лошадях? А преодолеть предел ускорения и протонной стены можно и на летающем океанском пароходе? Предел скорости движения, за границей которого безобидный свет звезд становится смертельным дождем гамма-лучей, период жизни одного человеческого поколения, за пределы которого не может выйти целесообразная исследовательская работа,— все это вы, вероятно, собираетесь пережить в таком комфортабельном вагоне-ресторане с видом на звездные туманности! Что значат в этих условиях вопросы питания и регенерации воздуха!

«Для нас они означают многое—по крайней мере, в данный момент. А если быть точными—и для вас тоже».

Безмолвный вопрос был реакцией на эту реплику. Мортимер понял, что имелось в виду.

«Если воздух не содержит более кислорода, то и вы, и все остальные члены вашей группы погибли. В каком бы состоянии вы ни находились, вам нужен кислород. Как

только он будет израсходован, вы погибнете».

Заблуждаетесь! Благодаря гормональному вмешательству, которое я сейчас не могу описать подробно, мы снизили свой метаболизм до одной пятой нормальной скорости реакции. Если мы применим все наши вспомогательные средства, то сможем пойти еще дальше. Одним словом, наша потребность в кислороде составляет одну пятую той концентрации, которая обычно требуется для человека и в которой нуждается вы и ваши люди. Это значит, что мы еще долго будем жить после того, как вы погибнете от удушья. Можете поверить моим словам: в течение длительного времени, когда мы будем находиться на корабле, бессмысленно расходовать физическую энергию — необходимо только мышление при минимальном потреблении энергии. Так как всем нужно поддерживать связь, мы установили в изголовьях своих коек антенны, способные принимать токи мозга; кстати, для этого вам не нужно записывать антигравитационные кассеты. Эти токи после некоторых усиливающих фаз направляются в компьютер, который анализирует их и очищает от всего лишнего, не содержащего информации. Затем эти токи направляются во все места, где расположены комбинированные принимающие и передающие устройства. Там они наконец фокусируются и передаются в автоматически запеленгованные центры в коре головного мозга. Итак, вы видите, тут нет никакого волшебства, это всего лишь высокоразвитая биотехника.

«Мы ни минуты и не думали о волшебстве», — возразил Мортимер.

Тем лучше! Тогда вы по крайней мере знаете, с чем вам придется столкнуться. Не предавайтесь иллюзиям — именно для этого я вам все и рассказываю.

«Не сомневаюсь в истинности того, что вы сказали. Но несмотря на ваши выдающиеся технические знания, факт остается фактом: мы можем делать с вами все, что сочтем нужным. Большинство моих соратников, например, за то, чтобы без всякого сожаления выставить вас в вакуум, поскольку вы для нас бесполезны. Помогите нам — и вы сохраните себе жизнь».

А как вы гарантируете мне это?

«Никак»,— отвечал Мортимер.

Тогда я считаю разговор законченным.

Поток мыслей оборвался, и вместо него снова отчетливее выступил фон прочих впечатлений. Мортимер обратил внимание, что теперь ему все легче удастся изымать и воспринимать отдельные нити—так из хора улавливают голоса отдельных ораторов.

«Минуту, профессор, останьтесь-ка».

Просьба оказалась тщетной, ван Стейн больше не отзывался. Наоборот, шумы стали слабее, образы бледнее, было такое впечатление, будто один за другим участники ментальной связи отключались.

Мортимер уже собирался прекратить попытки наладить связь, как вдруг снова обозначился поток мыслей, тонкий ручеек смутных представлений, а затем он уловил робкий вызов:

Мортимер Кросс, вы еще здесь? Вы слышите меня?

Он тотчас сконцентрировался и установил контакт—он увидел юное лицо и снова узнал девушку в белом платье, которая бросилась ему в глаза во время осмотра пленных, девушку, чей образ оставался в его памяти еще перед первой попыткой установить контакт—очевидно, как сохранившееся представление о ней человека, того, кто любил ее. Теперь он узнавал ее—не как фотографическое изображение, а скорее как нечто давно знакомое и близкое.

«Говорит Мортимер Кросс. Да, я еще здесь. Что вы хотите?»

Голос или то, что соответствовало голосу, был трогательным.

Я Люсин Вилье. Ассистентка профессора ван Стейна. Я слышала ваш разговор.

«Ах, вот как! Чем могу быть полезен?»

Послушайте! Остальные отключились, они спят, если вам так угодно это называть. Никто нас не подслушивает, я уверена.

«Прекрасно,—отозвался Мортимер.—Что же вы хотите мне сообщить?»

Собственно, ничего. Но, пожалуйста, останьтесь, не исчезайте! Позвольте только один вопрос: вы нас действительно убили бы?

Это было больше, чем просто вопрос, это были не только слова — желание жить, существовать и сохранить молодость, и еще страх, что все это можно потерять. Все эти чувства были переданы и восприняты одновременно.

«До этого дело не дойдет, — твердо ответил Мортимер. — Ваши коллеги поймут, что им ничего другого не остается, как помочь нам».

А я уверена, что этого они делать не станут. Они не позволят себя принуждать. Лучшие умрут. Они говорят, что нам не придется страдать, мы даже не почувствуем боли. Но ведь после этого все будет кончено, не так ли?

Мортимер не ответил.

Вы нас действительно убили бы? Я не могу в это поверить. Если я верно понимаю ваши мысли... Вы же не преступник! Вы не сделаете этого — просто не сможете!

«Скажите, как нам наладить регенерацию воздуха или по крайней мере замедлить течение физических процессов в организме, и вы уже поможете нам. Тогда с вами ничего не случится — это я гарантирую».

В ответе он почувствовал разочарование и грусть.

Как вы можете предлагать мне такое! Что вы обо мне думаете? Даже если бы я захотела, это все слишком сложно: для замедления жизненных процессов нужна инъекция белковых препаратов, для каждого человека — своя. Не трудитесь, вам ее не получить. Мне жаль вас, Мортимер. Вы, пожалуй, мне симпатичны, хотя и ожесточены. Прощайте!

Они сидели на полу, безучастные ко всему, и чего-то ждали, хотя и не надеялись больше. Они изнемогали от слабости и истощения, их рацион был сведен к мизерным порциям, которые только возбуждали аппетит, но не насыщали. Воды, правда, еще было достаточно, но воздух был таким спертый, что каждый боялся сделать лишнее движение, чтобы не задохнуться.

— Соратники, — сказал Гвидо, — благодарю вас за то, что пришли. Вы знаете сами: положение наше отчаянное. Мы достигли того рубежа, когда нужно принимать решения. Запаса воздуха хватит еще на два дня. продо-

вольствие можно было растянуть, но какой в этом смысл в данных обстоятельствах? Вы можете верить нам — мы сделали все, что могли, но у нас просто нет больше запасов и регенерационные установки не справляются. Практически у нас осталось два выхода — или мы сдаемся...

— Это было бы хуже смерти!

— Об этом и речи быть не может!

— Ведь это означает, что нас ждет обезличивание!

Гвидо взмахом руки погасил шум.

— Или летим дальше и погибаем от удушья...

Все молчали. Затем слова попросил мужчина с рыже-вато-бурыми волосами и загорелым лицом.

— Есть компромиссное решение. Двадцать пять из нас примут смерть добровольно, десять останутся жить. Для них регенераторов хватит!

Все сразу ожили, апатии как не бывало, словно кто-то с кнутом прошелся по рядам.

— Кто же эти десять избранных?

— Самые молодые, разумеется!

— Это потому, что ты к ним относишься...

— Будем голосовать!

— Нет, будем тащить жребий!..

И тут открылась дверь грузового лифта, показалась коляска Никласа. Беннет вкатил ее и жестом приказал всем успокоиться.

— Тихо! Никлас хочет говорить с вами! — крикнул Гвидо.

Слепой вздрогнул. Он поднял голову, покачивающуюся из стороны в сторону, словно буюк на волнах. Медленно, как бы нехотя, смолкли негодующие крики.

— Соратники, час испытаний настал. Теперь главное — выдержать. — Никлас запнулся, тяжело задышал. — Если мы выдержим, мы победили! Мы должны преодолеть самих себя... во имя победы! Выстоять, выстоять... — Он подтянулся, поднял голову, невидящие глаза уставились в пустоту. — Судьба закаляет нас. Мужайтесь, друзья...

Мужчины, все еще очень взволнованные, слушали Никласа с растущим беспокойством. Наконец кто-то не выдержал и крикнул:

— Болтовня!..

На мгновение все смолкли. А потом словно вихрь прокатился по рядам:

— Хватит!

— Нам не нужны проповеди!

— Дай нам кислород!

— Убирайся!

Никлас сидел как каменный. Даже голова перестала качаться. Трудно было понять, теплится ли еще жизнь в этом теле. Беннет быстро вкатил коляску в грузовой лифт. Дверь за ними закрылась.

Возмущение улеглось, но тут же вспыхнула новая дискуссия. Гвидо опасался, что теперь с падением авторитета руководителя восстания падет и дисциплина. Он пробовал перекричать шум, но это ему не удавалось. Маленькая, приземистая женщина с пронзительным голосом завладела всеобщим вниманием.

— Во всем виноваты ученые, которые спят где-то на корабле и крадут у нас последние остатки кислорода. Нам нечего больше ждать! Выбросьте их за борт, паразитов! В вакуум их!

В ответ раздался ропот. Казалось, пламя гнева вспыхнуло еще ярче, прежде чем окончательно угаснуть.

— Где они? Вон их!

Несколько рассудительных членов команды попытались унять страсти, но они не смогли ничего сделать — слепая лихорадка психоза уже успела охватить почти всех.

Неожиданно дверь грузового лифта снова открылась. Некоторые сразу заметили это, и шум постепенно улегся. Была мертвая тишина, когда из двери вышел, пошатываясь, белый как мел, Беннет.

— Никлас исчез! — крикнул он. — Что-то случилось. Вы только послушайте! — Он поднял небольшой магнитофон и включил его. Раздался глухой голос Никласа: «Это последнее испытание. Если мы выстоим, мы спасены. Я иду первым, следуйте за мной. Мы уходим в свободу, в вечную свободу...» С тихим щелчком запись оборвалась.

— Мы должны найти его! — крикнул Беннет. — Помогите мне! Иначе что-нибудь случится!

— Что еще может случиться? — отозвался кто-то. — Он просто сошел с ума, вот и все.

— Он не мог уйти далеко, в своей коляске он передвигается слишком медленно.

Внезапно раздался истеричный крик молодого мужчины:

— Давление падает! Мы теряем воздух! На помощь, мы задохнемся!

Все вскочили, и тут неожиданно ожил бортовой динамик:

— Говорит центральный отсек. С палубы «В» ушел воздух. Непосредственной опасности для жизни нет. Падение давления незначительное. Переборки безопасности закрыты. Членам ремонтной группы в вакуумных костюмах немедленно прибыть на палубу «В». Повторяю: членам ремонтной группы в вакуумных костюмах прибыть на палубу «В». Ждите новых сообщений. Конец передачи.

Несколько мужчин бросились к лестнице. Остальные, бледные, взволнованные, толпились возле динамика.

Что-то снова щелкнуло, и возбужденный голос выкрикнул:

— Шлюз открыт! Человек за бортом!

Теперь уже ничто не удерживало их вместе, один за другим они исчезали в дверях.

Мортимер вспомнил об экране в совещательной комнате и поднялся вверх. Он включил систему, притушил освещение и стал лихорадочно крутить ручки вертикального и горизонтального перемещения... Звезды тихо проплывали на экране. Вот! На экране возникло нечто чуждое, постороннее: кресло-коляска, парило в искрящемся небе, медленно крутясь по инерции... Вот опрокинулась спинка, и стала видна фигура человека, сидевшего без защитного костюма, пристегнутого двумя узкими ремнями. Нижняя часть тела была прикрыта пледом. Это был Никлас. Медленно вращаясь, он становился все меньше, лицо с тускло блестящими линзами было поднято, словно он прислушивался к чему-то, только одному ему понятному, словно он и после смерти снова призывал к вниманию — одинокий и недоступный, как всегда.

Когда коляска удалилась настолько, что превратилась в маленькое темное пятнышко, растворявшееся в пелене звездной туманности, Мортимер почувствовал руку на своем плече. Это был Гвидо, позади него стоял Бребер.

— Мы хотим предпринять еще одну, последнюю попытку — объединиться с учеными, — сказал Гвидо. — Они не говорили о том, что нам надо вернуться на Землю и где-нибудь высадить их?

— Говорили, конечно. При первом же моем контакте.

— Тогда они должны нам помочь, — заключил Гвидо. — Иначе мы не сможем выполнить их пожелание.

— Вы собираетесь повернуть назад, к Земле? — Мортимер не скрывал своего удивления.

— Посмотрим. Пошли! Сейчас я объясню тебе, что мы затеваем.

Придя в свою кабину, Мортимер лег на койку. Он уже хорошо изучил маленький операционный щит на стене и не сомневался, что сможет включиться в коммуникационную сеть и при этом избежать погребения под потолочным матом, который хотя и защищал его от гравитации, но зато отрезал от окружающего мира. Он надавил кнопку и, действительно, в ту же секунду начал воспринимать чужие мыслительные образы.

«Вызываю профессора ван Стейна! — мысленно произнес он, стараясь четко отделять слова одно от другого. — У нас есть предложение. Просим ответить!»

Он ощущал различные оттенки эмоций — от категорического отказа и возмущения до напряженного ожидания. Ему удалось даже уловить волнение Люсин Вивье, он не удержался и послал ей закодированный ободряющий импульс.

Говорит ван Стейн. Что вам угодно?

«Я веду переговоры по поручению руководства корабля. Мне велено заявить, что мы готовы сохранить жизнь

вам и вашим людям, готовы вернуться на Землю и высадить вас так, чтобы вы смогли связаться с вашими властями и вновь занять свои рабочие места. Но тогда вы должны нам немедленно помочь!»

Ваше предложение устарело и обсуждению не подлежит. Время работало на нас. Скоро мы будем освобождены, и для этого нам не потребуется даже пальцем пошевелить.

Мортимер громко сказал Гвидо:

— Он отклоняет.

Гвидо молча кивнул. Мортимер снова сосредоточился на своем партнере.

«Вы ошибаетесь! Так как нас уже ничто не спасет, мы уничтожим корабль».

Небольшая пауза, явная растерянность. Мортимер почувствовал, что уверенность его растет.

Я не верю вам. Ни один человек не сдаст позиций, пока еще существует надежда, а надежда существует, пока человек жив. И если вы думаете о схеме замедления, о бомбе замедленного действия или еще о чем-то подобном, то это безрассудство. Мы отключим их, как только вы потеряете способность двигаться.

Мортимер уловил выражение какого-то чувства, какого-то мнения или позиции, которое вновь заставило его усомниться: чувствовалось, что профессор поймал проблеск надежды и усилил свой натиск. Мортимеру пришлось прибегнуть к последнему отчаянному средству.

«Слушайте меня внимательно, профессор! До сих пор вы имели дело только с людьми, чьи физические силы и побуждения соответствовали средним значениям. Мы вовсе не чудовища, какими нас считает один из ваших сотрудников, однако мы готовы принести себя в жертву и пренебречь собственными интересами ради достижения цели. К тому же положение у нас безвыходное. Вы можете торжествовать победу, но это очень опасно для вас. Люди, доведенные до крайности, действуют не всегда в соответствии с нормами. И если вы полагаете, что при голосовании у нас те, кто цепляются за жизнь, окажутся в большинстве, то могу вас заверить: голосовать мы не будем. Среди нас есть люди, абсолютно не считающиеся с жела-

ниями остальных. И один из них — Бребер. Вы, наверное, уже слышали о нем. Он вооружен, в отличие от меня, и я даже не смогу помешать ему сделать то, что он задумал».

Мортимер не пытался скрывать свои взгляды и чувства, напротив, старался как можно откровеннее излагать свое мнение о Бребере и свои оценки — все, что знал о нем. Он восстанавливал в памяти детали, подробности операций, которые возглавлял Бребер, вспоминал о его жестокости и жажде разрушения. Он рисовал дикие сцены, картины гибели и хаоса — раскаленные перегородки, расплавленный металл, взрыв корабля...

Неужели он станет... — Видимо, ван Стейн не решался довести мысль до конца.

«Он это сделает, — подтвердил Мортимер. — Будьте уверены!»

Мортимер почувствовал, что у его партнера зарождается страх, вполне обоснованный и пока еще сдержанный, — очевидно, он думал о своих сотрудниках, о корабле, о том, какую задачу ему предстоит выполнить, но все же это был страх. Снова Мортимер поймал себя на чувстве удовлетворения от того, что он выиграл, однако готовность его партнера к уступкам тут же замкнулась. Мортимер совершенно отчетливо ощущал: нарисованная им картина разрушения возымела свое действие, но, очевидно, профессор боялся, что окажется в положении человека, застигнутого врасплох или обманутого.

Кто даст гарантию, что вы действительно будете выполнять наше соглашение? — выразил свое сомнение ван Стейн.

«Профессор, я вижу, вы еще не полностью осознали свое положение. Сейчас пятнадцать часов сорок минут. Бребер немедленно отправится к реактору и разогреет его. Не пройдет и двадцати минут, как будет достигнута критическая отметка. Единственный, кто может остановить Бребера, это вы. Я делаю последнее предложение. Но сначала ответьте мне на один вопрос: вы в состоянии в кратчайший срок выйти из вашего оцепенения? Сколько времени вам на это потребуется?»

Профессор медлил с ответом, и Мортимер продолжал:

«Можете не отвечать мне. Если вы не в состоянии сделать то, о чем вас просят, все потеряно. Советую вам: возвращайтесь как можно скорее в нормальное состояние. Я буду ждать вас, а потом отведу к реактору. Вы сможете сами во всем убедиться и затем действуйте, как сочтете необходимым».

Мортимер поднялся и отключил связь.

— Нам не миновать этого! — сказал он.

— А не лучше ли было попробовать силой заставить его подчиниться?

— Нет, — ответил Мортимер. — Мы зависим от его доброй воли. наших знаний недостаточно, чтобы определить, не пытается ли он с помощью технических трюков провести нас. Он может с нами сотворить все что угодно — например, окутать нас смертельной газовой смесью и тому подобное. В действительности наша судьба в значительно большей степени зависит от него, чем он сам считает. Нам остается лишь надеяться, что он верит в честную игру и потому будет придерживаться правил.

Дверь открылась, на пороге стоял Бребер.

— Кончайте. Хватит копаться! Пора действовать. Я им сейчас задам жару. — Он выбежал.

...Охранник, дежуривший перед лабораторией с плененными учеными, открыл дверь. Гвидо и Мортимер с беспокойством наблюдали за неподвижной фигурой ван Стейна.

— Будем надеяться, что он сможет сам себя разбудить, — сказал Гвидо.

— Не сомневаюсь, — ответил Мортимер. — Они так хорошо овладели искусством управления мозговыми импульсами, что, без сомнения, могут с помощью определенных ментальных операций, например введения в действие кодов, комбинаций букв и тому подобного, вызвать включение мозга. При известных обстоятельствах может оказаться достаточно одних лишь сновидений. Вероятно, контрольным автоматам, защищающим человеческую

жизнь, мы обязаны тем, что они предохраняют нас от того, чтобы ван Стейн уже сейчас не отдал какой-нибудь губительный для нас приказ.

Гвидо ответил скептической ухмылкой.

— Чего это он так долго тянет?

Через несколько минут профессор ван Стейн пробудился. Дрожь прошла по телу ученого, его щеки порозовели, дрогнули веки, пальцы рук начали сжиматься и разжиматься.

Гвидо взглянул на часы.

— Еще семь минут.

Мортимер подошел к ван Стейну, чтобы помочь ему встать на ноги, но рука профессора, за которую он взялся, бессильно упала.

С кормы корабля донесся шум.

— Лишь бы не опоздать! — Гвидо не в силах был сдерживать свое нетерпение. Мортимер указал на лицо профессора. Глаза его были открыты. Губы шевелились. Произносимые шепотом слова были уже слышны, хотя почти неразличимы.

— Еще минутку... Я сейчас... Я в порядке.

— Если он не поторопится, Бребер поджарит нас, как цыплят на вертеле, — заметил Гвидо. — Малопривлекательная перспектива.

Профессор, однако, правильно рассчитал время. Через минуту он поднялся, хотя и с усилием, оторвался от топчана и сделал несколько неуверенных шагов. Гвидо и Мортимер, поддерживая его, подвели к лифту. Через тридцать секунд они уже стояли в блоке управления, в средней части корабля, откуда управлялись реактор, установка водородной ионизации и система ускорения. Бребер сидел в передвижном кресле оператора, зажав в углу рта сигарету и держа в руке бутылку виски — неизвестно, где он ее раздобыл! Он полузакрыв глаза, и по лицу его разлилось блаженство.

Ван Стейн оторвался от своих помощников и двинулся к операционному щиту. Скорость разогрева мезонноантимезонной плазмы была максимальной. Черная стрелка температурного индикатора приближалась

к красной зоне. В камере бушевали 400 миллионов градусов мезонной температуры.

— Блеф! — объявил профессор, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы еще не так удивитесь, — заявил Гвидо.

450 миллионов градусов.

500 миллионов — рубеж безопасности.

— Неприкрытый маневр, — прохрипел ван Стейн. — Автоматическая контролирующая система выключится сама, как только возникнет опасность.

Гвидо молча указал на ту часть пульта управления, с которой был снят щит. Даже для непосвященного было ясно, что вся схема нарушена — несколько проводов были прикреплены к контактам пружинными зажимами, выключив таким образом промежуточные элементы.

Достав из кармана платок, ван Стейн вытер лоб.

— Не дойдет же он до такой степени безумия...

Гвидо шагнул к нему, схватил его за плечи.

— Ради бога, неужели вы не понимаете, что мы действительно пойдем до конца?!

Профессор затряс головой.

Помещение наполнилось угрожающим гулом. Потом к нему присоединился звон, похожий на пение циркулярной пилы. Бребер с наслаждением вслушивался в эти звуки, словно это была прекрасная музыка. Мортимер с тревогой наблюдал за ним.

550 миллионов градусов...

600 миллионов градусов...

— Блеф! — снова бросил ван Стейн. — Предел безопасности учтен. Вам он хорошо известен, но и мне тоже, он наступает лишь при температуре семьсот миллионов градусов.

Установка кондиционирования уже не справлялась с охлаждением. От боковой стенки исходил жар; словно хищное животное, вползал он в помещение, пожирая остатки кислорода.

650 миллионов градусов...

700 миллионов.

Последний рубеж перейден. Жара парализовала дыхание. Пот ручьями стекал по коже. Неожиданно красный

отсвет лег на приборы, на стены, на одежду, на искаженные лица людей. Его отбрасывало пурпурное пятно на боковой стенке, которая была ближе всего к плазменной камере. Все сильнее чувствовался запах горелого. Лак на металлических поверхностях плавился и пенистыми ручейками стекал на пол. Пятно на стенке стало оранжево-красным, потом ярко-желтым... затем края его вдруг вспучились, и разжиженный изолирующий материал выдавился наружу как гигантская капля, она упала вниз и стала растекаться по полу, гоня перед собой волну обугливающегося коврового покрытия.

800 миллионов градусов!

Ван Стейн не выдержал:

— Прекратите! Вы сошли с ума! Я сдаюсь. Я принимаю ваши условия. Только немедленно прекратите!

Гвидо подбежал к пульту и схватился за рукоятку регулятора температуры. Но Бребер, быстро обернувшись, оттолкнул его. Лицо его превратилось в ухмыляющуюся маску. Из углов рта сбегала слюна.

— Убери пальчики! — прорычал он.

Гудение и визг заглушали голоса, но жесты Бребера не вызывали никаких сомнений. Он поднял гамма-пистолет и направил его на Мортимера, от неожиданности тот попятился.

— Бребер, послушай же, он согласен! — закричал Гвидо и бросился к нему, но гамма-луч, опаливший пол перед ним, заставил его остановиться.

— Прекрати, Бребер! Отключай!

— Не верь ему! — рычал Бребер. — Старый негодяй задумал провести нас. Я ставлю точку. Гибель в огненном хаосе! Адский финал!

Ногой он отшвырнул табурет к раскаленной стене, ярко вспыхнуло пенорезиновое сиденье. Все вокруг заволело дымом. От удушливой вони перехватило дыхание. Ван Стейн бросился на пол.

Мортимер прижал к носу мокрый от пота платок. Ему казалось, что он на пределе сил, и все же он надеялся, что у них есть еще шанс и они смогут спасти корабль, а значит, и собственную жизнь. Сквозь пелену слез он следил за Бребером, который, зажав в правой руке излучатель,

водил им из стороны в сторону, а левой хватал все предметы, до которых мог дотянуться, и швырял их в огонь. Ручеек расплавленного металла уже подбирался к нему справа, и тут с грохотом отвалился кусок потолка, и Бреберу пришлось отскочить в сторону... В ту же секунду Мортимер нажал на выключатель, который он нащупал позади себя, помещение превратилось в раскаленный и дымящийся вулканный ландшафт, дьявольская тень Бребера, отпрыгнувшего в сторону, вдруг покачнулась, на мгновение замерла и осела на пол. Его крики—или то был безумный хохот?—заглушили даже адский вой пламени.

Мортимер снова нажал на выключатель—тусклый свет, напоминающий прозрачную жидкость, залил помещение... Тело Бребера неподвижно застыло в дымящейся лаваобразной массе. Нечеловеческим усилием Мортимер передвинул рукоятку регулятора температуры вниз. Кожа его пальцев осталась на раскаленном шарике... Он искоса следил за тем, как Гвидо распахнул дверь и вытащил ван Стейна наружу. Мортимер почувствовал, что ноги у него подкашиваются. Комната погрузилась в темноту—видимо, расплавилась проводка. Со всех сторон его окружала кипящая масса дыма и лавы. В последнем проблеске сознания, боясь погрузиться в беспамятство, он бросился к открытой двери, почувствовал на лице прохладное дуновение... и рухнул на пол. Сильные руки подхватили его и потащили прочь от бурлящего пекла. Затем все поглотила темнота.

Какое это было наслаждение—всею кожей ощущать золотистое тепло солнца, купаться в ярком свете. Но это и утомляло.

Они опустились на скамейку, обращенную к широкому, вероятно застывшему языку ледника. Они почти не разговаривали, словно драгоценным даром, наслаждаясь этой близостью друг к другу, этим покоем, чувством надежной защищенности и согласия с собственным внутренним миром, сознанием того, что они у себя дома.

Мортимер вытянул руку вдоль спинки; сверканье про-

было созвучие вневременности. Он запустил руку в песок, зачерпнул пригоршню и стал медленно выпускать сухие песчинки сквозь пальцы, словно лаская их. Более крупные кристаллики отскакивали в сторону и возвращались в свою стихию. Мортимер зачерпнул еще, потер песчинки между пальцами и высыпал их на ладонь: они были с острыми краями, неровно обломанные, блестяще-черные или пастельных тонов, и почти все — прозрачные. В некоторых кристалликах различались концентрирующиеся вокруг центра, наподобие слоев луковицы, молочно-матовые шаровые поверхности — следы излучающих включений.

Ожил легкий ветерок, пробежался по листьям и взъерошил их, охладил согретую солнцем кожу.

— Может, вернемся в отель? — спросил Мортимер.

Майда задумчиво смотрела на облако легких, как перышки, летучих семян, которое медленно удалялось, поднялось над землей, потом неожиданно остановилось, будто наткнувшись на препятствие, и плавно пошло вниз, делая изящные повороты, словно стайка макрелей, и наконец налетевший порыв ветра разметал семена. Майда попробовала поймать долетевший до них комочек пуха, но он уклонился, поднялся выше и унесся вдаль.

Они долго сидели молча, наслаждаясь покоем, и каждый понимал, что и двое других ощущают то же самое и между ними нет сейчас никаких границ.

— Не надо, мне не холодно.

— Вы уже ходили в ту сторону? Куда ведет эта дорога? Пойдемте посмотрим!

Люсин, вскочив на ноги, указала на плоский холм, к которому вела извилистая тропинка.

— Пойдемте. — Мортимер протянул Майде руку и помог ей встать. Она сбросила с себя оцепенение и улыбнулась, словно понимая, что ее застали врасплох.

Они неторопливо зашагали по хрустящему стеклянному песку, порой останавливаясь возле каких-то необычных цветов, перед клумбами и живым изгородями из низких мохнатых кустарников, перед стелющимися по земле ползучими растениями. Тут и там над этим морем зелени поднимались странные, высокие стебли зонтичного расте-

ния с цветками, как бы вросшими друг в друга, какие-то коричневые соцветия лежали на мху, подобно игрушечным шарам, то и дело попадались бесцветные растения-альбиносы; словно стариковские бороды, свисали воздушные корни.

Наконец они достигли конца пути — цепи, преградившей им дорогу.

— Жаль! — сказала Люсин.

Пришлось повернуть обратно, они двинулись назад, к скальной террасе, обогревавшейся инфракрасными лучами. Солнце заметно опустилось, за один час оно обошло четверть небосклона.

Они поднялись в лифте в рабочий кабинет, расположенный под куполом здания. Облокотившись о парапет, они с высоты окинули взглядом местность. Отсюда долина казалась очень уютной и почти игрушечной — возможно, это ощущение возникало из-за соседства суровых и грозных скал, окружавших их со всех сторон. Скалы уже закрыли часть света, словно чудовищное теневое покрывало окутало западные склоны. Они почти осязали, как темнота и холод подминали под себя теплую зелень; и от этой силы, этой тяжести по зеленому морю заходили волны, поднятые ветром и, казалось, вздымавшие в листве и цветах юркие убегающие гребни. Граница между светом и тенью медленно, но неуклонно отступала, и когда она достигла вершины холма, где кончалась дорога, началась причудливая игра света — словно лучи изгибались вокруг холмов, и там, позади, обнажилась полоска ландшафта, обычно невидимая. Мортимер неожиданно обнаружил, что не может оторвать глаз от того, что появилось там, позади, и это видение было отталкивающим, отвратительным и в то же время знакомым и притягательным — оно наполняло его тревогой: ворота, встроенные в скальную стену, вещь из чужих сфер, указание на то, что долина была вовсе не тем, чем казалась вначале. Это был неведомый мир.

Профессор сдержал слово. Большая часть людей на корабле мирно лежала на своих койках в кабинах или на аварийных кроватях в антигравитационном помещении, избежав страданий и боли. Инъекции сделали свое дело, они все погрузились в сон, охвативший все, кроме мозговой деятельности, которая, как объяснил ван Стейн, шла на более низком энергетическом уровне и потому могла сочетаться с оцепенением, или, вернее, с замедлением прочих физиологических функций. Сон контролировался с помощью сложной системы — постоянно регистрировался пульс, измерялось кровяное давление, потребление кислорода, выделение двуокиси углерода. Как только отмечались какие-либо отклонения, спящего тут же будили и вместе с ним — прикрепленного к нему врача. Когда потолочные и напольные части коек в кабинах сопрягались друг с другом, одновременно закрывались сети из гравитационных лееров, своего рода клеток Фарадея, снижавших силу тяжести, уменьшавших воздействие гравитации. Из бесчисленных сопел, соединенных с климатической установкой, поступал воздух определенной температуры и влажности — при этом автоматически регулировались необходимые в каждом отдельном случае дозы. В изголовье каждого спального места была прикреплена антенна, воспринимающая токи головного мозга, так что лежащий мог вступать с остальными в процесс обмена мыслями. Вместе с тем, отдав мысленный приказ, он мог отключаться на любой срок, оставаясь контактным для интенсивных импульсов, так что в случае опасности каждый был досягаем. Правда, те, кто был размещен в непригодных помещениях, не были подсоединены к коммуникационной сети, однако о контроле за их состоянием тоже позаботились.

Бодрствовали всего лишь шестеро: ван Стейн, его ассистентка Люсин, медик, бывший анализы крови, Гвидо, Ольсон, главный инженер и он же пилот корабля, а также Мортимер, выполнявший роль своего рода посредника между учеными и повстанцами. Консервацию команды пришлось проводить в большой спешке, так как кислород

был почти на исходе. Для шести остальных кислорода, обеспеченного регенерационной установкой, вполне хватало, и они уже отметили, что в отсеках постепенно улучшался состав воздуха.

Инженер Ольсон осмотрел реактор и установил, что последний эксперимент погибшего Бребера, если не считать незначительного повышения радиации и разрушения оборудования и нескольких переборок, никаких других неприятных последствий, к счастью, не имел. Подкосные соединения каркаса и сама электростанция остались невредимыми. Ольсон повернул корабль, чтобы осуществить замедление и затем направиться к Земле.

Обсуждать больше было нечего, корабли преследователей давно исчезли из поля зрения, на какое-то время опасность отдалилась. Лишь в момент сближения с Землей они снова могли возникнуть у них на пути, но до этого было еще далеко. Сначала корабль снизит скорость до начальной, и лишь после этого начнется собственно возвращение. Если бы они все находились на своих койках, они могли бы замедляться намного интенсивнее, чем с одним g, но это пугало Гвидо.

— По крайней мере один из нас должен нести вахту. Может случиться такое, что потребует немедленных действий.

Тщетно пытался профессор отговорить его:

— С помощью коммуникационной системы вы всегда сможете следить за установками и даже включать и выключать их по мере надобности. Мы бы выиграли во времени!

— Спешка нам ни к чему,— возражал Гвидо.— Хотя ваши установки и работают безукоризненно, я все-таки предпочитаю полагаться на человека.

Они сидели в центральной рубке в носовой части корабля, откуда могли обозревать на восьми экранах восемь октантов поля зрения. Ольсон, принявший участие в дискуссии, указал вдруг на один из светящихся экранов.

— Это уже ни на что не похоже! Посмотри — что это за световое явление, вон там?

Действительно, на экране засветился неопределенным зеленовато-синим светом флюоресцирующий цилиндр,

затем исчез, появился снова, слегка сдвинувшись в сторону. Он двигался параллельно продольной оси корабля и сужался на обоих концах до нити, которая терялась в черной бездне космоса.

Ван Стейн, взволнованный, поспешил к приборной доске, сменил некоторые программы, стал наблюдать... Цветной линейный всер спектрограммы вспыхнул на матовом стекле.

— Притом эти флюоресцирующие линии...— пробормотал ван Стейн. Он нажал несколько кнопок скоростного вычислителя, сравнил цифры на бегущей бумажной ленте с таблицей, которую он после нескольких быстрых манипуляций со считывающим устройством спроецировал на стену.

Совершенно обессиленный, он опустился на вертящийся стул.

— На это я не рассчитывал,— прошептал он подавленно.

— Оружие?— спросил Ольсон.

— Лазерный луч,— отвечал ван Стейн.— Из усилителя высоких частот. Своего рода гигантский гамма-пистолет. Только луч этот идет параллельно и точно совпадает по фазе. Мы замыслили нечто совсем другое. А теперь...

— ...Теперь вашим оружием стреляют в вас!— подхватил Гвидо. Несмотря на то что ему самому угрожала опасность, он не мог удержаться от злорадства.

— Уже несколько столетий ни одно из научных открытий не используется в целях разрушения,— тихо сказал ученый как бы себе самому.— Я не понимаю этого!

— Кардини плевал на это,— подливал масла в огонь Гвидо. Но тут вмешалась Люсин:

— В нас могут стрелять? Ради бога, надо же что-то делать!

— Люсин права,— поддержал ее врач.— Мы можем уклониться?

Тем временем цилиндр переместился на другую сторону. Несколько раз он находился в угрожающей близости.

— Для этого нам надо мчаться быстрее света,—

резюмировал ван Стейн.— В лучшем случае мы можем отклониться от нашего маршрута, чтобы уйти из поля обстрела.

Ольсон сел за операционный пульт, после нескольких манипуляций с настроечными рукоятками словно какая-то сила попыталась лишить их равновесия, сместить их в сторону. Корабль снова повернулся, все длилось около тридцати секунд—это было заметно по полосам света, бежавшим теперь по обзорным полям под косым углом. Затем Ольсон увеличил ускорение почти на два g. Они медленно вышли из опасной зоны.

— Теперь мы в безопасности?—спросила Люсин.

— Пока да. Но они наверняка запеленгуют нас радаром. Неизвестно, как долго это продлится. Ведь они могут обнаружить нас довольно быстро.— Ван Стейн снова склонился над вычислителем, бормоча при этом себе под нос какие-то числовые данные и физические термины:— Отдаление от Земли... десять миллиардов семьсот двенадцать миллионов километров. Скорость света триста тысяч километров в секунду... Это составляет... восемь часов пятнадцать минут. Время, необходимое, чтобы гамма-луч с Земли дошел до нас. Такое же время им требуется, чтобы определить изменение нашего курса. Это напоминает стрельбу дробью. Точно прицелиться на таком расстоянии невозможно, им остается надеяться, что хоть один выстрел попадет в цель. То есть в нашем распоряжении примерно двойное количество времени, чтобы уклониться. Это немного. В конце этого промежутка нам надо снова менять курс. И снова, и снова...

— И тогда мы будем в безопасности?—поинтересовался врач.

Ван Стейн втянул голову в плечи.

— Нет, конечно. Речь идет только о вероятности попадания. Минутку, я попытаюсь высчитать...— Он снова забормотал:— Угол рассеивания может быть...— Он взглянул на светящийся экран, на котором было изображение только что покинутого кораблем сектора. Нити света все еще шли поперек.—...Скажем, сто двадцать километров... Ширина лучевого пучка составляет около... ста метров. Длительность импульса равна...— Он нажал

на кнопку хронометра, понаблюдал за появлением луча и засек время.— Одна десятая секунды. Предположим, что мы внутри поля рассеивания, это означает, что... минутку... да, вот данные: им нужно послать четырнадцать тысяч четырехста импульсов, чтобы нащупать всю поверхность цели. Другими словами, они нас накроют самое позднее через пять лет.

Люсин следила за рассуждениями профессора с широко раскрытыми глазами.

— Как вы можете думать сейчас о числах!— испуганно сказала она.— Скажите лучше, что произойдет, если в корабль попадут!

Профессор показал на световые нити на экранах.

— Сами гамма-лучи невидимы. То, что мы видим на экране, это высвеченные ими частички межзвездной материи, которые либо взрываются, вспыхивают, либо уносятся прочь. От этих ударных процессов и происходит свет—явление флюоресценции. Корабль, правда, защищен против излучения, но пучок такой интенсивности...— Он не решился закончить свою мысль.

Гвидо пришел в себя.

— Нам надо поразмыслить, что можно сделать. Единственное, что совершенно исключается,— это то, что мы сдадимся.— Лицо служителя муз дергалось от нервного тика. Он попытался справиться с собой и спросил:— Можем ли мы уклоняться от курса в течение нужного нам времени, как вы считаете, профессор? Ведь, пожалуй, нам ничего другого не остается, как только удирать отсюда поскорее! В конце концов, должен же лазерный луч где-нибудь стать слабее?

Ван Стейн покачал головой:

— Речь идет о луче почти идеальной параллельности.— По выражению лица Гвидо он уловил, что тот ничего не понял, и добавил:— Он не расширяется и потому не теряет энергии. Он так же быстр, как свет, то есть достанет нас без труда.

— Но что-то ведь мы должны...— начал Гвидо, но ван Стейн перебил его, хлопнув ладонью по столу:

— Стоп! Есть еще одна возможность.— Он задумался.— Да, это возможно. Хотя мы не в силах убежать

от гамма-луча, но мы в состоянии разогнаться настолько, чтобы гамма-излучение стало для нас безобидным светом. Мы, так сказать, убежим от частоты. Хотя для этого нам придется на... несколько сотысячных долей «с» ускориться, но это не проблема — в нашем распоряжении энергия в неограниченном количестве, а стену ускорения мы преодолеем с помощью антигравитационных сеток. В результате мы еще совершим запланированную межзвездную экспедицию!

Его голос снова обрел твердость и четкость, в нем слышалась надежда.

— Вот что я предлагаю,— сказал он.— Мы ускоримся с сотней g —это наивысшая достижимая тяга. Разумеется, все мы должны улечься на защитные койки. Из вашего дежурства ничего не выйдет, Гвидо!— Он повернулся к врачу.— Подготовьте все необходимое, доктор Цик. А я тем временем займусь выработкой программы, согласно которой мы, раз уж это неизбежно, произведем маневры уклонения. На наше счастье, паузы между сменами курса будут быстро удлиняться! Поторопитесь — любая минута, пока мы еще будем тащиться с одним g , может оказаться смертельной.

У них не оставалось другого выбора. Они улеглись на койки, восприняли инъекции как необходимость, прекрасно сознавая, что уменьшенная вероятность попадания еще вовсе не означает, что угроза их жизни миновала. Судьба их была пока неясна. Они не знали, как долго продлится обстрел гамма-лучами, как долго им придется убегать. На Земле могут пройти столетия, пока они будут мчаться в космическом пространстве, почти не старея — и дело тут не только в их заторможенном метаболизме, но и в дилатации времени, которая уже сказывалась при подобных скоростях. Они двигались навстречу массовому полю Вселенной, тогда как Земля пребывала в относительном покое. Они выпадали из своего времени, из своего столетия. Никогда они уже не ступят на Землю, которую знали прежде; и все цели, ради которых они жили, теряли сейчас свое значение. Это было неотвратимо. Они становились отверженными.

Космос бесконечно велик и бесконечно пуст. И все же он полон событий — возникают и исчезают элементарные частицы, излучение пронизывает космос, рои нейтрино мчатся во всех направлениях, сталкиваются звездные туманности, проникают одна в другую и вновь расходятся. Электромагнитные волны несутся в никуда. Метеоры прочерчивают свои орбиты, пыль путешествует, отдельные комочки массы простреливают безвоздушное пространство — отбившись от роя, словно старые волки, которых прогнали из стаи и теперь они блуждают по лесам, не в силах умереть.

То, что происходит в космосе, совершенно не соответствует событиям в жизненном пространстве человека. Эта пустота чужда ему, она враждебна его жизни, смертельна для него, эти регионы настолько удалены от надежного убежища — Земли, что даже время открывает свои бездны. И все же человек вторгается в трудно вообразимое, в необъяснимое. Он запускает свои зонды — радарные и световые импульсы, он вслушивается в безмолвие Вселенной, всматривается в темноту, посылает своих гонцов, корабли и ракеты, где разыгрывается судьба отдельной личности, смехотворно ничтожная в сравнении с великими событиями, но единственно существенная для самого человека...

Корабль пожирает просторы Вселенной. Световой палец ощупывает пространство позади него. Энергия газа, состоящего из мезонов и антимезонов, образует некую материю, отделяющую людей от вечности, и в этом — жизнь, надежда, страх.

На своих койках они были надежно защищены, свободны от силы тяготения, от каких-либо физических ощущений, — и в то же время беззащитны. С каждой минутой они уносились все дальше от опасности, однако в любой момент их могло настичь смертельное дыхание, которое превратит их в пыль — так, что они даже не заметят этого. И все же они отключались от действительности только на

время, необходимое для сна, — словно боялись что-то упустить или все вместе опасались, что пропустят тот миг, когда их настигнет последний удар. Но время шло, а они продолжали жить, и все сильнее разгоралась в них искра надежды.

Мортимер испытывал то же, что и все остальные: никогда еще людям не удавалось передавать свои мысли так ясно и четко, никогда еще не находились они столь долго в непрерывном контакте между собой — крошечные составные большого, высшего мышления.

Они учились пользоваться средствами коммуникации, учились приноравливать скорость своего мышления к скорости восприятия партнера, учились запираить те возбуждения, которые они хотели сохранить для себя как самое личное, в самом отдаленном уголке мозга, учились понимать друг друга не только с помощью слов, но и с помощью невыраженных понятий. На смену хаосу разнородных чувств, угрожавшему поначалу подавить их, пришла абсолютная ясность.

И еще одно: у них было время для того, чтобы продумать собственную жизнь, чтобы осмыслить суждения других, воспринять их знания, сравнивать с собственными воззрениями, формировать и совершенствовать их. Каждый в отдельности, все они были разными, и разными оставались их свойства и побуждения, но теперь все они приобретали способность понимать суждения и помыслы остальных.

Для Мортимера этот период осмысления приобретал еще одно, очень важное значение: он впервые давал ему возможность вслушаться в себя самого, воскресить воспоминания, относящиеся к двум разным судьбам, и привести их к одному знаменателю. Без сомнения, ему приданы научные познания Баравалья, его знание местности, его образ поведения — и его тело, чтобы он мог играть свою роль безупречно. Но система взглядов, желания и идеалы, сила воли, характер и все черты личности были унаследованы от Мортимера Кросса — он хотел бы остаться самим собой, лишь вооружившись маской, маской чужой личности. Впрочем, оказалось, что значения невозможно передать в отрыве от всего остального, нельзя отделить

представления от их эмоциональной окраски и оценок. Так что и личность Баравалья не была вытеснена полностью — какие-то ее черты продолжали жить в Мортимере. Точнее говоря, не было больше прежнего Мортимера, он был принесен в жертву — ради идеала свободы. Теперь это был совершенно новый человек, Мортимер Кросс и Стэнтон Бараваль одновременно, и опять же, ни один из них — в цельном виде, это было скорее раздваивающееся существо, в котором возобладали неумная преданность и воодушевление, одержимость и фанатизм. Но самосознание принадлежало все же Мортимеру Кроссу. Однако последние события привели к тому, что все эти порывы пришлось зажать в рамки, и постепенно складывалась более спокойная, но твердая позиция, в которой несомненно сказывался трезвый ум Баравалья. Поначалу Мортимер сопротивлялся этому навязанному ему сознанию, в нем нередко боролись противоречивые чувства, но в конце концов он с удовлетворением приходил к выводу, что нет и не должно быть в его сознании никаких противоречий, и был готов акцептировать себя самого в новой форме.

Но и это еще было не все из того, что было необычным в его существовании. Не только с самим собой он достиг согласия, но и с другими установил тесную взаимосвязь, неповторимую, не поддающуюся описанию и зачастую просто непостижимую. Конечно, каждый понимал теперь побудительные мотивы другого лучше, чем когда-либо, и потому их отношения с самого начала строились на основе дотоле невиданной толерантности. Однако порой совсем рядом брезжило ощущение чего-то большего, более объемного. Были моменты, когда они думали и чувствовали себя как некое возвеличенное целое, как единый организм, своего рода плюральное существо, которое хотя и не свободно от некоторой противоречивости, но обладает чем-то вроде сверхволи, сверхсознания или сверх-«я». У них складывалось впечатление, будто человеческое существование предоставляет варианты следствий, граничащие с чудом. Но, для того чтобы они проявились, должны были представиться благоприятные возможности.

Совершенно своеобразным было отношение Мортимера к обеим девушкам, с которыми он перед этим вступил в контакт. Его радовало то, что в нем теперь не было ничего ангельского, абсолютно духовного, что он способен на естественные, человеческие чувства. Конечно, разлуки избежать было невозможно, зато мысли не знали границ, и партнер мог соглашаться или нет, мог откровенничать или быть скрытным, мог приспособливаться к другому и вообще держаться фривольнее, чем это допускалось в обычной жизни. От Майды исходили волны страсти такой интенсивности, какую он никак не ожидал от женщины. С Люсин все было лишь игрой, флиртом, скорее платоническим, нежели плотским, скорее светлым, чем трагичным, и тем не менее иной раз и здесь прорывалась симпатия, в основе которой было нечто большее, чем простое взаимопонимание и доверие. Мортимер не мог бы сказать, какую из девушек он предпочел бы: меланхоличную Майду или жизнерадостную Люсин, но этот вопрос тоже его пока не занимал. Возможно, потом...

Но они жили отнюдь не по принципу, что не будет никакого «потом». Им нередко приходилось взвешивать все возможности, однако ни к какому окончательному результату они не пришли. Да они и не могли к нему прийти, ибо будущее их было неопределенно. Приборы все еще отмечали вспышки лучей, вероятность попадания уменьшалась, но она еще не дошла до нулевой отметки, частота понизилась, но все еще находилась в диапазоне рентгена и по своей интенсивности была далеко не безопасна. Им не оставалось ничего другого, кроме как продолжать наращивать ускорение, отчего они все больше выпадали из своего пространства и своего времени.

Намного четче, чем будущее, поддавалось анализу прошлое. Это не означало, что они достигли полного единства мнений, но они воспринимали различия во взглядах вовсе не как непреодолимые противоречия, просто это были проекции различных точек зрения — так их обычно воспринимает каждый отдельно взятый человек. Из всех этих «разговоров» особенно два врезались в память Мортимера.

Первый «разговор»:

Деррек: *Мортимер Кросс, ты наверняка помнишь меня — мы ведь были первыми, кто установил контакт.*

Мортимер: Да, помню.

Деррек: *Мне немного странно с тобой беседовать, так как я вижу в тебе моего друга Стэнтона Баравалья.*

Мортимер: Я долго боролся с этим, но теперь верю, да, теперь я действительно верю, что Бараваль жив. Он живет во мне.

Деррек: *Мне трудно это осознать. Два человека объединились в одном. С кем я говорю? Кто отвечает мне?*

Мортимер: Оба.

Деррек: *Чье мнение я слышу?*

Мортимер: Мнение обоих. Более совершенное, чем мнение каждого в отдельности, — ведь оно базируется на более полной информированности. Мнение, которое ближе к правде.

Деррек: *Ты — а теперь я говорю с тобой, Стэнтон, — ты трезво мыслящий человек. У тебя мощный интеллект, ты признанный специалист в области социологии. Любое нарушение порядка, равновесия должно быть тебе противно. А ты — теперь я говорю с Мортимером, — ты человек чувства, порыва, ты — мечтатель. Ты веришь в предназначение, в судьбу, в идеалы. Ты хочешь сделать людей счастливыми, — пусть даже путем насилия. А теперь я спрашиваю: как это все уживается в одном человеке? В событиях, которые свели нас здесь, в попытке переворота ты участвовал в двойном качестве — как жертва, которую похитили и обезличили, и как организатор, несущий большую часть вины за происшедшее. Что ты теперь думаешь об этом? Кто мне ответит, Стэнтон или Мортимер?*

Мортимер: Я буду отвечать, я, Мортимер. Я чувствую себя Мортимером, несмотря на это чужое тело. Я чувствую себя Мортимером, несмотря на некоторые чуждые мне побуждения. Я чувствую себя Мортимером, правда более зрелым и даже постаревшим. Я чувствую себя Мортимером, и если я ныне думаю о чем-либо иначе, чем прежде, то только потому, что кое-чему научился.

Деррек: *И каков же твой ответ?*

Мортимер: Я думаю, что жизнь человеческая утратила всякую ценность. Надо было что-то предпринимать.

Деррек: *Но то, что предприняли вы...*

Мортимер: Это было, пожалуй, ошибкой. Но ведь все должно было получиться.

Деррек: *Только поэтому ошибка?*

Мортимер: Тогда это оправдало бы принесенные жертвы.

Деррек: *А какие практические последствия имела бы ваша революция? Немного хаоса, а потом новое правительство. Не, больше.*

Мортимер: Больше! Это означало бы свободу для всех.

Деррек: *А что оказалось в итоге? Режим насилия Кардини.*

Мортимер: Это то, о чем я сожалею больше всего!

Деррек: *Не стоит жалеть. Ведь не имеет ни малейшего значения, кто возглавляет правительство — диктатор или либеральная партия, — через некоторое время все неизбежно встают на один путь.*

Мортимер: А в чем причина?

Деррек: *Это же так просто! Шестьдесят миллиардов человек, за немногим исключением, теснятся на Земле. Тот, кто хочет править миром, должен справиться с ними. Кто хочет помешать распаду мирового государства, должен держать в своих руках огромную организацию. Для этого он нуждается в институтах, которые мы, ученые и техники, создавали в течение столетий: органы надзора, статистические бюро, ОМНИВАК. Ну скажи, какое правительство в состоянии хоть на шаг отойти от намеченного пути?*

Мортимер: Да не желаем мы никакого центрального правительства. Каждый человек должен быть достаточно мудрым, чтобы самостоятельно выбирать верный путь. Мы уничтожим систему надзора, ликвидируем статистические данные и выбросим ОМНИВАК на свалку.

Деррек: *Ты и сам, наверное, уже знаешь, что твои друзья не очень-то спешили с уничтожением этих инструментов власти.*

Мортимер: Теперь я понимаю, что это было бы сли-

шком опасно. В течение переходного периода нам пришлось бы прибегать к их помощи.

Деррек: *И постепенно вы убедились бы, что не можете отказаться от прежней системы, вплоть до мелочей. Так было до сих пор со всеми правительствами — демократическими, социалистическими, теократическими, марксистскими и прочими. Любое правительство идет этим путем.*

Мортимер: Потому что каждый из них думает только о власти, а не о благе простого человека.

Деррек: *Напротив: правительство идет по этому пути только потому, что его долг — стремиться к благополучию простого человека. Это основа деятельности любого стабильного правительства.*

Мортимер: Ты хочешь сказать, что состояние невежества и апатии, в коем пребывает ныне человек, его благо?

Деррек: Да, это относительно благоприятное состояние среди прочих возможных.

Мортимер: Но это же смешно!

Деррек: Это однозначно. **ОМНИВАК** все рассчитал.

Мортимер: И все же. Если бы государственные органы отчисляли больше денег на индивидуальное воспитание, у нас больше было бы людей волевых, способных должным образом организовать свою жизнь.

Деррек: *Чтобы в сегодняшнем мире организовать свою жизнь, не обойтись без ОМНИВАКА. Даже гений не располагает и частью той информации, какая имеется в распоряжении компьютера. Это значит, что суждение этого гения основано на меньшем количестве данных и, следовательно, оно менее дальновидно, явно недостаточно и в конечном счете неверно. А этого мы допустить не можем. Если даже два процента людей действуют обособленно, но неверно, то есть идут против общих интересов, вся наша система рушится.*

Мортимер: Как могут оказаться менее верными решения, если все больше добросовестности вкладывается в дело воспитания каждого человека?

Деррек: *Пока за всех решает ОМНИВАК, а он учитывает влияние сомнительных действий на общество бо-*

лее полно, чем отдельно взятая личность. Если ты хочешь построить стабильную систему на решениях отдельных людей, тебе придется всех их превратить в обладателей супермозга. Сомневаюсь, что это сделает их счастливее.

Мортимер: Мне кажется, мы не понимаем друг друга. Ты думаешь о государстве типа муравейника, когда образ мыслей и поведение каждого отдельно взятого человека подчинены бесчисленным зависимостям. Я же думаю об образованных людях, отдающих все свои силы важным проблемам, о людях с независимым образом мыслей, которые создают ценности, неважно какие — в области искусства или науки, но делают это не так, как вы в коллективе, с помощью композиционирующих роботов и парков машин. Я вижу людей, имеющих глубокие познания, но не с помощью автоматов, а благодаря работе интеллекта, благодаря созерцательному мышлению. Вот тебе конкретный пример: представь себе семьи, которые живут в собственных домах, по утрам ходят на работу, а вечером сажают в садах растения, читают книги, ставят пьесы или поют. Я всегда вспоминаю об одном репортаже в старом иллюстрированном журнале, который мой отец сохранил со времен своей юности. Ферма на одном из островов в Средиземном море, побеленная ограда, оросительные каналы, ветряк, миндальные и лимонные деревья, жизнь на природе среди растений и животных, в условиях вечной весны, когда залитый солнцем пейзаж радует глаз и нежный солоноватый ветерок дует с моря. Ты видишь все это. Человек живет в ладу с самим собой, со своим миром, в стороне от больших городов с их автострадами и спортивными аренами. До полудня он возделывает свое поле, собирает плоды, которые дарит ему земля, а после полудня отдается искусству — свободный от бремени суеты, на много миль удаленный от шумных городов. В такие часы человек создает великие произведения, преодолевающие границы столетий, и не имеет значения, что висят они за белыми известковыми стенами среди вывешенных для просушки початков кукурузы и освещает их свет керосиновых ламп, — потому что он знает, что подлинное искусство так или иначе пробьет себе доро-

гу и без помощи менеджеров, это неотвратимо как сама судьба.

Деррек: *Картина, которую ты создаешь, подкупает своей идиллической красотой. Я вижу ее, вижу эти краски, эту белую россыпь цветов в траве, вижу желтые пятна лимонов в зелени листвы и синий иней кактусов. Любой скажет, что эта картина сказочно прекрасна. Но что из этого следует? Простой расчет показывает, что мы не можем дать каждому из шестидесяти миллиардов человек так много пространства, такую свободу передвижения. Вот уже несколько столетий прошло — а именно к этому времени относится издание иллюстрированного журнала твоего отца, — как богатства Земли были поделены между людьми, и поделены неравномерно: две трети населения земного шара было обречено на голодание, причина этого — недостаток технической организации. Тогда люди еще обрабатывали поля, чтобы получать пищу, и разводили скот, чтобы забивать его, — невероятное расточительство!*

Мортимер: Что же принесла техника человеку? Может, он счастливее стал?

Деррек: *Странное желание — ждать от технического прогресса счастья! Не лучше ли подумать о большей безопасности, об избавлении от голода, болезней и нужды! Я знаю, что ты собираешься ответить, можешь не формулировать: безопасность, избавление от голода и так далее немножго стоят в твоих глазах, ты ведь имеешь в виду свободу духа. Но ты должен однажды почувствовать, что означает нехватка этих примитивных форм свободы, чтобы узнать их цену. Но это — не единственный довод. Ты считаешь, что мы с двадцать пятого столетия не достигли никакого прогресса, что и сейчас не меньше голода и нужды, чем в те давние времена? Ты прав — с двадцать пятого века существует мировое государство. С той поры весь мир технизирован. Жизненный уровень Европы распространился на весь мир, это значит — люди избавились от эпидемий, никаких вспышек голода, никаких актов насилия, никаких зон нищеты и безграмотности. В нашем ретроспективном анализе это не имеет большого значения, для больных же, голодных и угнетенных это был огромный*

прогресс. А потом власть взяло в свои руки мировое правительство, не стало больше войн. Для людей прошлого это нечто непостижимое. Но такие перемены происходят медленно, они требуют столетий. За время жизни одного человеческого поколения этого почти не заметишь. Вот и получается: никто не воздает должное добру, которое свершилось.

Мортимер: Свершилось не только добро. Ты считаешь добром то, что ныне все население мира живет одним стадом? Пусть даже они получили все блага цивилизации, но чем они заплатили за это? Своей свободой! Они оказались под игом технической организации, которое душило их. Ты ведь не будешь оспаривать факт, что технический прогресс ограничивает нашу свободу?

Деррек: Да, буду спорить, и весьма решительно. Если технический прогресс и достиг чего-то, так это прорыва к еще большей свободе. Техника прежде всего дала возможность человеку бороться с врагами уже не голыми руками, а более действенным оружием. Теперь для того, чтобы справляться с животными, уже не требуется быстрота ног и грубая физическая сила. С помощью огня человек стал готовить пищу, которая усваивается лучше. Он научился консервировать продукты, сохранять их для дальнейшего использования. Технические достижения помогли ему избавиться от случайностей во время охоты и собирания даров природы. Разведение животных и сельское хозяйство требуют понимания естественнонаучных законов и четкой организации.

Мортимер: Я не называю это техническим прогрессом. Какое это имеет отношение к нашей сегодняшней форме бытия?

Деррек: А где ты хочешь провести границу, что, по-твоему, должно стать рубежом развития? Строительство домов? Ремесла? Ткацкий станок? Порох? Паровая машина? Энергетика? Атомный реактор? Компьютер? Клеточные культуры? Космические полеты? Мозговой фокус? Это ведь все ступени одной лестницы.

Мортимер: Садоводство и разведение животных, гончарное и ткацкое дело, строительство и кузнечное ре-

месло — это естественные вещи; тут человек связан с продуктами Земли, он видит, как создается дело его рук.

Деррек: *Это тебе сегодня так кажется. Лао-Цзы, китайский мыслитель, был иного мнения. Любое ремесло, движение лодок, строительство улиц и мостов он считал явлениями отрицательными, свидетельствующими о вырождении человека, и охотно запретил бы все это. Как видишь, точка зрения зависит от личной позиции. Невозможно искусственно прервать развитие цивилизации, столь же непреодолимое, как тяга человека к технике. Тогда надо было остановить того самого первого, кто обтесывал камень, чтобы сделать из него скребок для снятия шкур убитых животных, или загнать обратно в пещеру того первого, что додумался соорудить шалаш. Но это вне наших сил.*

Мортимер: Ну а где же тогда подаренная техническим прогрессом большая свобода?

Деррек: *Она могла быть использована в двух направлениях. Первое: выигрыш в труде и времени делится на неизменное количество людей. Тут мы уже ближе к твоему идеалу — и как раз с помощью техники, ибо где еще есть области, в которых человек может прожить плодами своего труда? Он нуждается в энергии для освещения и отопления, для расчистки джунглей, для защиты от вредных и опасных животных, от каверз природы. Технический прогресс — это значит «больше», но с меньшими усилиями. При остающемся неизменным числе людей и растущей технизации каждый получил бы больше — вдвое, втрое, в пять, в десять раз. А с сегодняшним уровнем техники — в двести раз. Техника могла бы сделать из Земли рай.*

Мортимер: Но она не сделала этого.

Деррек: *Подожди минуту! Теперь рассмотрим вторую возможность: достигнутый выигрыш распределяется не на неизменное число людей, благодаря чему каждый получает все большее количество благ, а на постоянно растущую массу потребителей. Представь себе: прирост населения настолько велик, что каждый достигнутый в результате технического прогресса выигрыш тотчас же идет на то, чтобы обеспечить выживание очередного человека, потом еще одного, и еще одного, и так далее — так,*

что в конце концов для каждого в отдельности останется не больше, чем было восемьсот лет назад. Представь себе все это зримо: кусок отвоеванной у моря суши, на котором немедленно появляется новый пришелец и завладевает им. Снова идет работа, снова достигается успех, но тут приходит следующий, чтобы использовать и его. И так бесконечно. Ты в состоянии это увидеть? Таково наше положение — положение человечества. Вот тебе и ответ на вопрос, почему технический прогресс не делает нас счастливей.

Мортимер: В таком свете я еще ни разу не рассматривал это.

Деррек: Но это так! Сегодня на Земле шестьдесят миллиардов человек, но мощности наших технических средств исчерпаны. Добавить к ним уже почти нечего. Так что пока все останется в таком виде, никому на Земле лучше не станет.

Мортимер: Тогда людей должно быть меньше!

Деррек: Ловлю тебя на слове! А ты не подумал, к чему ведет эта идея? Меньше людей! Каким образом ты согласишься это требование с твоей свободой? Либеральная партия обиделась на правительство, когда оно двести лет назад ввело практику разрешений на роды. Она осудила это как посягательство на основные права человека и требовала здесь полной свободы. Но как, по-твоему, выглядела бы сегодня Земля, если бы либералам удалось добиться своего? Уже через одно поколение на Земле стало бы столько людей, что она не могла бы их прокормить. Голодные и отчаявшиеся попытались бы силой заполучить то, чего им не хватало. Это был бы возврат к нищете, возврат к естественному отбору, который намного более жесток, чем наше планирование, которое дает столько свободы, сколько возможно, но распределяет ее справедливо. А теперь ты говоришь о необходимости сократить количество населения. Разве ты не понимаешь, что это возможно лишь при торжестве индивидуализма! Если ты хочешь достигнуть этого, ты должен больше заниматься планированием, чем мы, вмешиваться в большее число прав, шире применять принуждение, а то и прибегать к насилию.

Мортимер: Но ведь... должен же быть какой-то выход!

Деррек: *Его нет. И я открою тебе тайну, почему: ОМНИВАК запрограммирован на основе принципа максимальной свободы. Любое отклонение от этого курса означает лишение свободы.*

Мортимер: Значит, мы живем в лучшем из всех миров?

Деррек: Да.

Второй «разговор»:

Мортимер: Профессор ван Стейн, могу я вас побеспокоить?

Ван Стейн: *Ты — это человек с двойным мозгом, не так ли?*

Мортимер: Да, можно и так назвать.

Ван Стейн: *Интересный случай, хотя и вовсе не сенсация. Потенциальные возможности серого вещества головного мозга допускают четырехкратную информационную нагрузку.*

Мортимер: И наверняка мыслительные способности разных людей уже нельзя снова разделить?

Ван Стейн: *Это то, что ты хотел узнать? Нет, биты не поддаются маркировке. Это не индивидуумы, так же как и элементарные частицы квантовой статистики.*

Мортимер: Поначалу я хотел вернуться к своей прежней сущности, но сейчас я уже смирился с этим.

Ван Стейн: *И правильно. Это соединение, безусловно, обогатило тебя, хотя это и не оптимальный вариант, как, скажем, при переносе учебного материала.*

Мортимер: Но я не об этом хотел спросить. Я многое узнал в последнее время об уровне познаний, которого достигли вы и ваши сотрудники. К этому выводу меня привел корабль, который ведь являет собой нечто совсем другое, чем ракета межпланетных сообщений,—это не улучшение прежней модели, как предположили наши люди, а нечто принципиально новое. Чтобы достичь этого, ваши предшественники должны были десятилетиями на-

капливать познания, которые намного превосходят все известное на Земле.

Ван Стейн: *Предшественники — неточное выражение. Скорее наши коллеги, работавшие до нас в лабораториях. Каждому из нас время от времени, чтобы идти вперед в своей собственной области, приходится ждать результатов в каких-либо смежных областях. С тех пор, как мы овладели гормональной биологией и электрохимическими процессами, управляющими функциями человеческого организма, консервация жизнедеятельности тела при сохранении мозговой активности стала испытанным видом научного исследования.*

Мортимер: Именно в биологии и в медицине вы решительно продвинулись вперед. И отсюда мой вопрос: почему вы не употребите ваши знания на благо всего человечества? Почему вы держите их в тайне, хотя используете деньги, заработанные обществом?

Ван Стейн: *Ты заблуждаешься! Все результаты обнародованы! Все до единого: и существенные, и несущественные; и численные значения, и формулы — все было заложено в ОМНИВАК.*

Мортимер: А почему же их не использовали на благо человечества? Ведь это один из способов сделать людей счастливыми. Отчего же вы не пошли этим путем?

Ван Стейн: *Ты опять заблуждаешься. Всему, что пригодно для использования, что служит всеобщему благу, разумеется, дан ход.*

Мортимер: Как же так получилось, что самые популярные технические вспомогательные средства устарели на века?

Ван Стейн: *Нет, они таковыми вовсе не являются. Ведь не устарел же способ передвижения пешком — если расстояние не превышает нескольких шагов, когда использование какого-либо транспорта нерационально.*

Мортимер: Вы открыли новые источники энергии, разработали новые методы операций, создали новые лекарства. Разве можно помнить о каком-то рационализме, если речь идет об избавлении от страданий?

Ван Стейн: *Абсолютно извращенная мысль! Ведь*

именно когда речь заходит о страданиях, высшая этическая обязанность — мыслить и поступать рационально.

Мортимер: Но разве люди прежде всего не нуждаются в сердечности и любви?

Ван Стейн: *Никоим образом! Поддаваться настроением, когда речь идет о социальных нуждах, означает идти на поводу у собственных эмоций. Нужда и страдания — слишком серьезные вещи. Сердечность и любовь! Стоит ли расходовать на это общественные силы?*

Мортимер: Вы действительно полагаете, что в подобном случае теоретические расчеты скорее приведут к успеху?

Ван Стейн: *Только трезвые расчеты. Само собой разумеется, проблемы слишком сложны, чтобы можно было передоверять их решение несовершеннолетним людям. Мы поручили это ОМНИВАКу. Насколько я помню, он ни разу не дал осечки. Я на выборку проверял отдельные операции. ОМНИВАК так запрограммирован, что минимизирует нужду, страдание и боль. Это означает, что любой другой метод увеличил бы их.*

Мортимер: Здесь я усматриваю противоречие. Если существуют медицинские методы, которые действеннее прочих, как может быть нерациональным их применение?

Ван Стейн: *Когда расходы по применению столь велики, что исключаются все другие способы лечения...*

Мортимер: Можно было бы выкроить деньги из других статей расходов. Скажем, из средств на дорожное строительство.

Ван Стейн: *Если мы будем строить меньше дорог, чем это необходимо для оптимизации — а больше мы и не строим, — мы где-нибудь будем работать с убытками. А так как наш земной бочонок битком набит людьми, это означает, что где-то кто-то вынужден страдать от этого.*

Мортимер: Тогда можно позаимствовать из денег на связь и рекламу!

Ван Стейн: *Система информации является инструментом, помогающим нам поддерживать порядок. Если мы изыдем из этого сектора деньги, это приведет к повышению социальной энтропии, иначе говоря, еще большему*

беспорядку. А беспорядок приведет к убыткам, а так как ресурсы Земли мы уже исчерпаем, кто-то вынужден будет в дальнейшем отказываться от самого необходимого. Такую роскошь мы не можем себе позволить.

Мортимер: А огромные расходы индустрии развлечений — это вы не считаете роскошью?

Ван Стейн: *Вовсе нет! Вся индустрия развлечений служит, чтобы дать выход наклонностям. Я имею в виду не что-то низкопробное, а потребность в деятельности, любознательность, страсть к открытиям и так далее. Ну и, конечно, все, что обыкновенно понимается под инстинктами. Они имеют определенный смысл в природе человека — как импульсы, управляющие его поведением. Разумеется, мы могли бы подавить их с помощью медикаментов, но это означало бы подавление личной свободы, мы легко достигаем тех же целей более дешевыми способами: сооружая спортивные площадки, создавая фильмы, устраивая игры, празднества, религиозные собрания и тому подобное. Стоит нам лишить людей одного из этих развлечений, начнутся беспорядки. Дело кончится асоциальными действиями, продиктованными инстинктами, — я имею в виду разрушения и боль, причиняемые другим.*

Мортимер: И из этого нет никакого выхода?

Ван Стейн: *Никакого. Ты же сам знаешь. Как человек, находившийся на государственной службе, ты ведь сталкивался с такими проблемами. Ты же дал задание ОМНИВАКу рассчитать воздействие максимального потребления алкоголя на определенное количество участников общественных мероприятий. Ты ведь как раз об этом думаешь сейчас. То, что все находится во взаимосвязи, еще не доказательство плохой государственной структуры. У системы не бывает холостого хода, не бывает ненужной избыточности.*

Мортимер: Однако значение некоторых этических норм так велико, что они должны действовать определяюще даже в рациональной системе. Я, к примеру, думаю о тех болезнях, что сегодня стали настоящим бичом человечества, — разрушение костей, распад крови, ведь чтобы справиться с ними, придется принести немало жертв

Ван Стейн: Свыше десяти веков назад бичом была другая болезнь, главная причина смерти стариков и людей, предрасположенных к ней,— это рак. С тех пор как мы научились контролировать обмен веществ, происходящий в клетке, мы имеем средство, которое возвращает куда надо рулевое колесо в механизме жизнедеятельности клетки, неожиданно повернувшее на безудержный бурный рост,— мы открыли сложное соединение из сахаров и нуклеиновых кислот, матричный РНК. И чего же мы этим достигли? Продолжительность жизни человека растянулась еще на пять лет. Но зато на первый план вышли другие болезни — мышечная атрофия, старческая дегенерация. Как только мы справимся с этими явлениями, болезни станут атаковать в других местах — в сердце, в легких, в почках. Мы могли бы посадить пациентов на искусственное сердце, легкие, почки. И тогда в организме снова выявятся слабые места — и нам придется заняться трансплантацией органов. В конце концов останется один мозг, и как только и в нем обнаружатся дефекты, мы вынуждены будем перенести весь потенциал на электрический накопитель. Таким образом, спустя одно человеческое поколение на Земле осталось бы не только шестьдесят миллиардов людей, но еще и шестьдесят миллиардов накопителей мозга, шестьдесят миллиардов машин, которые могли бы по своему усмотрению двигаться, испытывать любые эмоции и осязать все, что они хотят: цвета будут ощущаться с помощью телевизионных кинескопов, шумы — с помощью микрофонов, запахи — через химические анализаторы, и даже радость, воодушевление, любовь, разочарование, печаль и ненависть мы будем испытывать с помощью приборов. Вы считаете, что это было бы хорошо?

Мортимер: Не знаю.

Ван Стейн: **ОМНИВАК** однозначно говорит «нет».

Мортимер: Тогда почему вы еще занимаетесь наукой?

Ван Стейн: Не вижу причин, почему мы должны перестать это делать. Конечно, все в меньшей степени те знания, что мы получаем в результате своих экспериментов, пригодны для использования. Но это вовсе не означает, что когда-нибудь мы снова не продвинемся вперед

в областях, из которых кое-что, а возможно, даже и очень многое, окажется весьма полезным.

Мортимер: Что бы это могло быть?

Ван Стейн: *Есть масса вопросов, на которые мы не знаем ответов, некоторые из них ты задал. Например, каково назначение человека. Куда мы должны вести его? Должны ли мы оставить его таким, какой он есть, или должны попытаться усовершенствовать? Для этого есть немало средств — евгеника, генное программирование, хирургия, углубление чувств с помощью лекарств. Пока мы поставили простую задачу — свести к минимуму боль и страдания. Но очень может быть, жизнь без забот — не такое уж благо для человека. Возможно, именно заботы и направляют его к совершенству.*

Мортимер: Что вы имеете в виду? У вас есть конкретные примеры?

Ван Стейн: *Ну конечно. Возьмите хотя бы нашу новую коммуникационную систему. Давно уже стало возможным замораживать организмы, замедлять их обмен веществ настолько, что они могут длительное время существовать не старея. И при этом, как известно, можно поддерживать деятельность мозга. Нужно лишь следить за тем, чтобы сопротивление ионов в синапсах не становилось слишком сильным — энергии даже пониженного обмена веществ вполне достаточно, чтобы вызвать слабое электрическое возбуждение нервных волокон. Люди могли во время сна оставаться в сознании, к примеру, продолжать думать в нормальном темпе. Одновременно, правда, они были отключены от любого информационного влияния, они не могли задавать вопросов, или, точнее говоря, не получали никаких ответов. Они были изолированы, и по истечении определенного времени их контроль за мышлением более не функционировал. Их мысли перемещивались, они впадали в мир фантазии, в мир сюрреализма, из которого они лишь с трудом, а иногда и вообще не могли выбраться. Поэтому не имело смысла, даже было вредным поддерживать их в таком состоянии.*

Но ныне мы уже достигли определенных успехов в экстрасенсорных переносах. Я имею в виду обмен информацией, который происходит без помощи голосовых связей

или других органов, служащих той же цели, без помощи глаз или ушей. Правда, для этого необходимо пунктировать проводками нервные волокна сквозь черепную крышку, а это очень тяжелая и неприятная манипуляция.

С другой стороны, существует еще один, более благоприятный способ. Мыслительные процессы — электрической природы, и, следовательно, они создают электрические переменные поля. Токами мозга занимаются уже давно, но то, что мы принимали, было импульсами вторичного характера, а именно импульсами снабжения энергией для непосредственного мышления. Мы пробовали их отфильтровать, и когда нам это удалось, стало совсем не трудно с помощью модуляторов и антенны направить их в другой мозг. Самой сложной оказалась проблема фокусировки — необходимость запеленговать то место, которое должно служить приемником или передатчиком. Но мы справились и с этим.

Мортимер: Мозговой фокус?

Ван Стейн: Да! Как видишь, и в последние десятилетия сделаны открытия, которые были практически использованы.

Мортимер: Использованы в преступных целях!

Ван Стейн: Ты называешь преступным обращение с асоциальными заговорщиками? Можно спасти жизнь других людей, если мы сумеем вовремя узнать об их намерениях. Или ты имеешь в виду обезличивание? Мы удаляем по каким-либо причинам неблагоприятно скомбинированные информации и заменяем их новыми, взятыми из накопителя, из модельного мозга. Возникает новая, социально ориентированная личность. Что в этом плохого? Ведь раньше вырожденцев убивали.

Мортимер: Возможно, вы правы. Но где же поступательное развитие, движение по пути к чему-то более высокому?

Ван Стейн: Как раз к этому я и перехожу. Разве ты не ощущаешь, какой существенный шаг вперед можно сделать, если соединить множество людей в процессе мышления высшей категории? Возможно, здесь заложено нечто такое, что приведет нас к высшей и доселе неизвестной ступени биологической организации. Я говорю — воз-

можно, ибо здесь я нахожусь вне науки. Вероятно, когда-нибудь мы сможем точно ответить на эти вопросы. Сегодня это еще невозможно, и нам придется еще немного подождать, прежде чем начать действовать.

Мортимер: Такова, значит, причина, по которой проводятся научные исследования?

Ван Стейн: *Не только она — во всяком случае, это одна из многих. Истинная причина в том, что мы считаем это своим долгом. Может быть, наш труд не принесет заметного результата, может, когда-нибудь однажды он ничем не кончится и все уйдет в песок. Но до этого еще далеко. Пока что белые пятна на карте наших познаний еще велики. Каждый шаг в неведомое открывает перед нами новые возможности видения. И все более волнующим представляется то новое, что получается в результате.*

Мортимер: Мозговой фокус. Инструмент умственного насилия.

Ван Стейн: *Давайте не будем намеренно извращать слова друг друга! Я говорил сейчас не о пригодном для использования знании, а о существенном расширении нашего горизонта, расширении, которое позволит нам более осмысленно воспринимать вещи вокруг нас.*

Мортимер: Вы имеете в виду людей, чьи потаеннейшие мысли вы сейчас можете подслушивать?

Ван Стейн: *Вот это как раз невозможно — как мы теперь знаем, человек способен запереть свои мысли, для этого нужно лишь немного опыта. Но возьмем животных! Что мы знали до последнего времени об их образе мышления, об их чувствах, ощущениях, их сознании? Сегодня можно узнать все это. Мы не только подслушивали их — мы закладывали также человеческую информацию в свободные ячейки памяти в мозгу животного и таким образом смогли проводить эксперименты.*

Мортимер: Люди в животных, как Бараваль во мне.

Ван Стейн: *Примерно так. Мы также закладывали информацию, которой располагали животные, в человеческий мозг — животное в человеке, как ты сказал бы. Но я тебе могу признаться, что благодаря этому мы многому научились — тому, в частности, что ценно с этической точки зрения. Мы знаем теперь, как животное страдает*

и отчего оно страдает. Нам известна интенсивность его чувств — она сильнее, чем мы предполагали. Кто участвовал в таких экспериментах, никогда уже не сможет обходиться с животным жестоко. Но никогда не станет и видеть в нем игрушку, предмет забавы, что не менее жестоко, так как нарушает природную систему инстинктов. Здесь сердечность тоже не приводит к желанному результату.

Мортимер: Что меня интересует еще, так это ваш статус в государстве. Вы, как ученый, явно занимаете особое положение. Соотносится ли это с равномерным распределением радостей и страданий?

Ван Стейн: *Соотносится! Разумеется, наши занятия несколько иного рода, чем у прочих людей, интересы которых ограничиваются боксом, жизнью телезвезд, играми и развлечениями. Но наша задача — быть в курсе интересов общества. Мы — управляющие тысячелетним Знанием.*

Мортимер: Но вы образуете замкнутую группу в государстве, группу с особыми правами и привилегиями. Кто у вас становится ученым?

Ван Стейн: *Здесь действительно есть известная проблема. Раньше просто выбирали людей с чрезвычайно высокой квотой умственного развития и готовили для науки. Сегодня мы можем каждого превратить в гения...*

Мортимер: Почему же вы не делаете этого?

Ван Стейн: *Мир, состоящий из одних гениев, был бы обречен на гибель. Гениальность рядовое существо может переносить лишь в крайне разбавленной дозе. И все же — мы повышаем умственные способности у некоторых; с помощью учебных программ, внушения и тому подобного мы ведем их к пику интеллектуальной эффективности. Для этого мы можем выбрать в буквальном смысле любого.*

Мортимер: И вы сами определяете, кто имеет право вкусить счастья?

Ван Стейн: *Думаете, мы действительно счастливее других? ОМНИВАК рассчитал и это: мы к ним не относимся.*

Мортимер: Это все, что я хотел у вас узнать. Благодарю вас.

...Прошел год. Они все еще находились в зоне обстрела из лазерных пушек, но теперь опасное для жизни облучение им уже не грозило. Корабль двигался со скоростью, какой еще никому до сих пор достичь не удавалось, всего несколько миллионных долей секунды отделяли их от рубежа световой скорости. Гамма-излучение казалось сейчас безобидным светом. Мельчайшие частицы, отражая его, искрились, как снежинки. Лучевые импульсы двигались едва ли быстрее, чем они, — словно их постоянные попутчики, мощные световые столбы двигались рядом с кораблем, порой они удалялись от него, но иногда подходили совсем близко. Теперь уже не требовалось выполнять маневры расхождения, чтобы уйти от этого света, корабль двигался строго по прямой.

Доктор Цик счел необходимым обследовать всех, кто находился на борту. Они сбросили ускорение на одно g , и врач, который сам автоматически тут же пришел в нормальное состояние, сделав инъекции, стал следить за тем, как проходит у остальных критическая фаза возвращения к жизни.

...На первой же личной встрече предстояло обсудить дальнейшие шаги. Гвидо пригласил на пост управления ван Стейна. Были вызваны также главный инженер Ольсон — от имени мятежников и Деррек — от группы ученых. Мортимер пришел без приглашения. На экранах они увидели окружающее их корабль пространство. Оно выглядело странно. Все поле зрения было разделено на сферические зоны, расположенные вокруг корабля — они напоминали кованые обручи, стягивающие бочку. Ось симметрии всех этих сферических зон совпадала с направлением движения корабля. Сферы эти были ярко окрашены во все цвета радуги. Если приглядеться, то можно было заметить, что кольца эти распадались на яркие, светящиеся точки — то были звезды. Даже на экранах это было величественное зрелище.

— Вот он, небесный свод, — сказал ван Стейн. — Мы

первые из людей видим его.— Заметив, что Гвидо покачал головой, он добавил: — Это результат эффекта Допплера и замедления хода времени, в принципе то же самое, что и превращение гамма-лучей в свет.

Инженер пристально посмотрел на экраны и потер рукой лоб.

— Что-нибудь не так? — спросил Гвидо.

Инженер, не отвечая, переходил от одного экрана к другому, потом, повернув храповик на коммутационном пульте, изменил контраст и яркость.

Ван Стейн подошел и стал рядом.

— Вы заметили что-то необычное? Эти краски? На самом деле свет, который мы видим, стянут до узкой зоны вокруг конечной звезды-цели, тогда как остальное пространство остается совершенно темным. Но у нас есть преобразователь изображения. То, что мы видим, — всего лишь радиоизлучение, которое трансформируется в видимое.

— Это-то понятно, — произнес инженер. — Но, кроме этого, вам ничто не бросается в глаза? — Он выждал несколько секунд и продолжал: — Странно, что мы видим так много... Несмотря на наличие преобразователя изображений, мы должны были бы улавливать лишь излучение тех звезд, которые находятся под острым углом к направлению нашего движения. Вам ведь ничего не стоит все вычислить!

Ван Стейн зажмурил глаза и некоторое время стоял не двигаясь.

— Проклятье! — пробормотал он. — Кажется, вы правы. Это необъяснимо. Я хотел бы посоветоваться с моим физиком и с астронавигатором. Вы не против? — Ольсон отрицательно покачал головой, и ученый подошел к переговорному устройству. — Доктор Дранат, прошу вас зайти на пост управления. — Он еще дважды повторил эту фразу, после чего появился темнокожий физик, судя по внешности, предки его были выходцами из Индии. Ван Стейн указал ему на замеченное несоответствие, доктор Дранат тут же сел за пульт и принялся следить за навигационными приборами.

Гвидо оторвал взгляд от звездной радуги.

— Господа, у нас есть более серьезные проблемы, чем разгадывание физических курьезов. Прежде всего надо решить вопрос, нужно ли нам делать поворот и лететь к Земле.

— Обстрел гамма-лучами нам уже не страшен,— пояснил Ольсон.— На этих частотах они уже не могут причинить нам вреда, они рассеяны настолько, что их интенсивность снизилась до безопасных величин.

— Но если мы замедлим ход, не станет ли излучение снова сильнее?

— Теоретически да. Но, может, они уже не стреляют по кораблю?

— Да мы же сами видим это!— воскликнул Гвидо, указывая на слегка искривленный световой цилиндр, который, казалось, завис возле корабля.

— Это ни о чем не говорит,— заметил профессор.— Лучи идут из прошлого. На Земле прошли уже столетия. За это время мы уже давно перестали интересоваться всех противников.

— Вы уверены?— спросил Гвидо.

Ван Стейн пожал плечами:

— А в чем можно быть уверенным!

— Может, нам удастся перехватить радиопередачу новостей?— сказал Мортимер.

— Ее мы тоже давно обогнали,— возразил ван Стейн.

— И все же, может быть, нам удастся что-нибудь выведать об их планах, ну хотя бы как долго они собираются продолжать обстрел. Мы еще в состоянии принимать радиопрограммы с Земли?

— Не думаю, чтобы радиоволны здесь уже рассеялись до единичных квантов,— отвечал инженер.— В таком случае мы сможем их принимать. Правда, это очень трудное дело. Чтобы обеспечить одну минуту передачи, нам пришлось бы вести прием в течение полмиллиона минут. Речь доходила бы до нас в сверхинфразвуковом диапазоне. Нам пришлось бы накапливать колебания и тут же ускоренно передавать их в запоминающее устройство.

— Грустная перспектива,— вздохнул Гвидо.— И все же стоит попробовать. А теперь вернемся к нашей проблеме: поворачиваем или нет?

— Можно рискнуть, не откладывая,—ответил ван Стейн.

— Хотя нет никакой уверенности, что Земля вообще еще существует,—бросил Деррек.

— А если даже она и существует, она могла за это время неузнаваемо измениться,—заметил Мортимер.

— Необязательно,—сказал ван Стейн.—Наша социальная система была весьма стабильной. И нет оснований сомневаться, что она просуществует еще несколько столетий, если не тысячелетий.

— И все же это не было бы возвращением в полном смысле слова,—сказал Гвидо.—Мы уже не встретим на Земле ни одного человека из тех, кого прежде знали.

— Но это все же возвращение к Земле,—возразил ван Стейн.—А это уже немало. Мы сможем снова возобновить наши исследования и продолжать двигаться по пути технического прогресса. К тому же мы вернемся туда не с пустыми руками. Мне и моим коллегам удалось сделать кое-какие наблюдения, которые представляют определенную ценность. А если добавить к этому еще и записи автоматов...

— Для нас это не имеет такого значения, как для вас,—сказал Мортимер.—Нас не волнует то, что происходит на Земле. Кто знает, существует ли еще там либеральная партия!

Гвидо взглянул ему в лицо.

— Мы организуем новую,—прошептал он.

— Стоит ли сейчас спорить?—перебил их ван Стейн.—Вспомните о нашем соглашении! Вы дали нам слово.

— Мы могли бы основать новую партию,—повторил Гвидо, на сей раз громко и торжествующе, обращаясь ко всем.—Если хотите знать мое мнение, то я за возвращение к Земле!

Как только он произнес эти слова вслух, у всех словно гора с плеч свалилась, кто-то с облегчением рассмеялся, остальные заговорили наперебой. Однако физик по-прежнему не отрывал взгляда от приборов, наконец, услышав за спиной шум, он обернулся и попросил:

— Подождите! Кое-что еще может нам помешать!

Заинтригованные, все окружили его и тоже стали внимательно следить за стрелками приборов, язык которых они не так хорошо понимали, как он. Судьба их сейчас была в руках этого человека.

— Что ты подразумеваешь под словом «помешать»? — спросил ван Стейн.

Доктор Дранат отодвинулся вместе со стулом в сторону, чтобы остальные могли видеть небесную карту. На матовом стекле возникла четкая проекция расположения звезд, зафиксированная в накопителе центрального компьютера, точно рассчитываемая с переводным коэффициентом, чтобы учитывалось изменение их местоположения.

— Перед вами звездная карта, составленная в соответствии с расчетами, там, на экранах, вы видите их настоящие позиции. Вам ничто не бросается в глаза?

— Они не совпадают, — констатировал Мортимер.

— Находящиеся вблизи от траектории нашего движения звездные системы сместились. — Ван Стейн подошел к скоростному вычислителю и снял несколько цифр. — Сместились на шестьдесят... шестьдесят пять градусов... Или чуть больше.

— И какой же вывод отсюда следует? — спросил Гвидо, недоверчиво следивший за ученым.

— Пока ничего не могу сказать... — пробормотал физик. — ...в крайнем случае... но тогда надо было бы... Впрочем, посмотрим...

Он совместил две масштабные линейки, настроил автоматические часы. И вдруг крикнул:

— Какое ускорение у нас сейчас?

— Одно g , — быстро ответил инженер.

— Двенадцать g ! — ответил доктор Дранат, вскочивший с места. — Двенадцать g , и оно еще будет нарастать.

— Но почему мы ничего не ощущаем? — воскликнул побледневший Мортимер, словно заразившись волнением остальных. — Мы падаем — чем же еще это можно объяснить? — заволновался он.

Деррек кинулся к таблицам.

— Под нами должно быть огромное скопление массы!

Ван Стейн, напряженно всматривавшийся в экран, рез-

ко повернул ручки настройки — черная дыра впереди по траектории движения становилась все больше, но распознать, что находится там, внутри, было невозможно.

— Мы влетаем в жесточайшее гамма-излучение, — крикнул инженер, — преобразователь изображений вышел из строя!

Мортимер схватился за лацкан пиджака ван Стейна.

— Что еще можно сделать?

— Обратное ускорение! — воскликнул ван Стейн. — В этом единственное наше спасение!

Гвидо подошел к микрофону.

— Тревога! Всем лечь на койки. Через две минуты начинаем ускорение. Повторяю...

Спустя пять минут все они лежали в защитных углублениях своих постелей, замершие, надежно укрытые, тесно связанные друг с другом коммуникационной системой и единым страхом перед неизвестностью. Ракета повернулась — кормой к цели. Ван Стейн мысленным импульсом снял торможение, и сила тяги мгновенно выросла до установленной величины. Треск прошел по кораблю, волны скоростного напора побежали от кормы к носовой части, обшивка корабля цвета слоновой кости пучилась, одни предметы силой тяжести придавило к полу, другие рассыпались, подобно сооружениям из спичек. Стрелки приближались к красным отметкам, зазвучали предупредительные сигналы, только они регистрировали сейчас процессы в мозгу спящих — серии волн, смодулированные по образцам, означавшим наивысшую нагрузку.

Крик ужаса пронесся по кораблю:

— Тяги не хватает — мы падаем! Ускорение всего сорок восемь g!

— Отключить первый предохранитель! Увеличить поток энергии!

Повисла зловещая тишина, затем снова раздался отчаянный крик:

— Слишком мало! Восемьдесят g! Мы падаем!

— Второй предохранитель отключить! Уровень потока энергии поднять до отметки безопасности!

Прошло еще несколько минут, и крик отчаянья уничтожил последнюю надежду:

- Мы опрокидываемся! Наша тяга уже не действует! В любой момент мы можем столкнуться. Сто сорок g!
- Дальнейшее ускорение опасно для жизни!
- Надо попытаться!
- Поток энергии на максимальный уровень! Коэффициент аннигиляции — сто!

Поток ионов разбивался о силовые поля автоматической навигации, пробивал стены из электрических и магнитных сил. Ракета выбрасывала сноп темно-пурпурных лучей. Металлический каркас накалился. Стенки корабля вибрировали, точно кожа барабана, в лабораториях с глухим звоном взрывались стеклянные сосуды. Но все это было ничто в сравнении с той мощностью, которая считается самой незначительной среди элементарных сил, — с гравитацией. Выброшенные против направления падения заряды сгорали безрезультатно. Сила тяжести увлекала их. Они падали, так же как и корабль, — неудержимо и тяжело.

Ужас объят людей, следивших из своих убежищ за этой игрой противоборствующих сил. Истерический крик оглушил беспомощных землян:

— На помощь, мы становимся бесплотными, мы превращаемся в излучение!

Неожиданно стрелки прыгнули к нулям. Рев оборвался. Стало невыносимо тихо. И тогда начался флаттер — корабль трясло, он раскачивался, точно на качелях... Время от времени он возвращался в прежнее положение... но амплитуда раскачиваний быстро увеличивалась... он поворачивался... наконец совсем перевернулся, один раз, второй, все быстрее и быстрее... его вертело, как лист на ветру. Световые риски индикатора ориентации бешено плясали, ртутный столбик измерителя гравитации подскакивал, стрелки ускорения качались между минусом и плюсом, подходя все ближе к красной черте.

И тут заблокировало несколько приборов наблюдения — разделенное на восемь зон поле обзора поблекло, шумы исчезли, только несколько второстепенных систем индикаторов оставались еще невредимыми, и вдруг разом все кончилось: рухнула коммуникационная система. Теперь они были отрезаны друг от друга, стали одиночками,

как никогда прежде. Неожиданно они были выброшены в смертельную пустоту абсолютного одиночества; ни малейшего проблеска не пробивалось снаружи, ни малейшего звука — ни голоса, ни дыхания, которое выдавало бы чье-то присутствие, свидетельствовало о том, что что-то живое еще оставалось снаружи. Они не знали, что с ними произошло, разметет ли их в разные стороны в следующую же секунду или у них еще есть время, чтобы проклясть свою судьбу. Незнательность была хуже всего, она доводила до безумия, ибо казалось, что все это будет длиться вечность.

Перистая спираль распускалась веером, превращаясь в окаймленную рубиново-красной и иссиня-черной каймой звезду, чьи лучи смыкались с сетью. Сеть словно полоскалась на ветру, волнилась, надувалась, касалась испещренной прожилками сферы. Звуки переплетались, сливаясь в один синусоидальный тон, снова расходились, между опорными точками пульсировал восьмиголосный ряд. На фоне белого шума плясали звуковые акценты, они сгущались до колкого треска искр...

Мортимер погружался в эту игру, точно в теплую ванну. Это вызывало у него целую гамму ощущений, волнующих и приятных, грустных и радостных. Где-то в глубине его существа звучали струны, и ему чудилось, будто какой-то мост перекинулся между двумя взаимосвязанными вещами, но он не знал, что это были за вещи, да и не желал знать этого. Слева от него сидела Майда, справа Люсин; даже не глядя на них, он ощущал их присутствие как последний штрих в совершенствовании своего бытия.

И тут он услышал зов.

Только он один услышал его, только к нему одному он был обращен. Чья-то холодная рука сжала сердце. Краски и образы на сцене таяли у него перед глазами, звуки стали постепенно затихать... Мортимер был уже не в силах сосредоточиться. Но как раз в тот момент, когда он намеревался встать, поднялась Майда, и Люсин это ничуть не удивило. Они ничего не подозревали о зове, он был беззвучным, однако почувствовали растерянность и даже

смятение Мортимера и сами прервали игру — освещение в комнате разлилось потоком, стало рассеянным, сцена стала всего лишь черным полукругом, воздух наполнился шуршанием кондиционера.

— Уже поздно, — сказал Мортимер. — Очень поздно.

— Снаружи, наверное, уже темно, — заметила Майда.

— На террасе танцуют, — заметила Люсин.

Они медленно подошли к лифту, спустились вниз. Вестибюль был слабо освещен. Люсин села на большие качели «голливуд», с которых открывался вид на сады и на простирающиеся за ними зубчато-рваные холмы. Поверхность их была черной, и над ними откуда-то исходило мерцание под зеленовато-серым небом. С террасы доносилась мелодия старого блюза. По матовой стеклянной стене скользили бесплотные тени двух танцующих пар.

«Уже поздно», — подумал Мортимер. Но он не спешил. Вместе с Майдой он пошел к качелям, и они тоже уселись на них. Мортимер успокаивал себя: еще несколько секунд!

— Всего несколько секунд, — произнес он вслух. — Всего несколько мгновений, несколько вдохов. Это очень мало — и в то же время много.

— Что вы затеваете? — спросила Люсин.

Взгляд Мортимера задержался на черной глыбе скалы.

«Что там, за ней?» — спросил он себя. А вслух сказал:

— Самый свежий воздух по вечерам. Целый день я жду этих нескольких живительных глотков; с тех пор как мы находимся здесь, я вечером всегда выхожу на воздух. Снаружи так неописуемо тихо. Так прекрасно.

— Снаружи сумрачно, — сказала Люсин. — Вы не боитесь сумерек?

— Сумерек? Нет.

Майда коснулась его руки.

— Я иду с вами.

Внезапно Мортимер спрыгнул с качелей. Он снова видел перед собой темные ворота.

— Нет! — сказал он испуганно. Затем подошел к Майде и долго всматривался в ее лицо. — Вы не пойдете со мной. Оставайтесь здесь, пока можете! Прощайте!

Он попятился назад, к воротам. Потом резко повернулся и заспешил вниз по ступенькам.

18

Их пробуждение было подобно чуду. Они чувствовали покалывание в мышцах, гудение в ушах, как от перемодулированного микрофона. Веки их затрепетали, когда вспыхнуло красное свечение, потом они увидели что-то неясное и хаотичное, вызывавшее какие-то смутные воспоминания, но постепенно они обретали четкость.

Первое, что узнал Мортимер, это резкие черты лица врача и его глаза — глаза человека! — он внезапно понял это. Затем его ощущения сконцентрировались в единое целое, и тут вспыхнуло сознание. Сложные неясные образы, мелькавшие перед ним, вдруг померкли и вновь ожило прошлое. Последнее — да, последнее, что он помнил, — было отчаяние. Корабль бешено раскачивался, затем устремился в неизвестность.... Чудовищное ускорение... Отчаянные попытки... Деформация в небесном пространстве! Да, теперь все, что происходило, было логичным продолжением их полета. То, что было между этим, — бессмысленный кошмар.

Спустя несколько часов они снова собрались у пульта управления: Гвидо, главный инженер Ольсон, ван Стейн и Деррек, а также Мортимер, с присутствием которого все молча мирились. Позднее появился физик, доктор Дранат. Это был единственный человек на корабле, у которого они могли получить хоть какие-то разъяснения. Все взгляды с ожиданием устремились к нему.

— Я должен пояснить, почему мы все еще живы, — сказал доктор Дранат. — В принципе для меня это столь же необъяснимое явление, как и для вас. Но я хочу попытаться дать хоть какое-то толкование происшедшему. Прежде всего: установлено, что сработала третья предохранительная система, как известно, она не поддается выключению через мыслительную сеть, и в этом, как оказалось, наше спасение. Это помешало нам превратиться

в раскаленный воздух. Двигатель был отключен, мезонная реакция остановилась. С этого момента уже не было никакой надежды затормозить наше падение.

— Что же произошло? Ракета разломилась? Мы мертвы?

Физик улыбался.

— Мы все сделали поспешные выводы. О разломе не было и речи. Правда, нас могло бы поймать чудовищно тяжелое небесное тело, возможно, из нуклоновой материи, но даже и в этом случае мало вероятно, чтобы мы налетели на него. Намного вероятнее захват — и тогда мы стали бы в качестве спутника блуждать вокруг этого великана.

— Но что же все-таки в действительности случилось? — спросил Деррек с таким растерянным видом, что доктор Дранат поспешил положить ему руку на плечо.

— Во всяком случае, мы еще живы! Насколько я могу судить в настоящий момент, ни одно из небесных тел не было причиной нашего адского спуска «на лифте» — всему виной отклонение от равномерного распределения массы в космосе. Вокруг региона, который, к счастью, мы уже оставили позади, — я имею в виду гигантскую, включающую миллионы звездных туманностей зону — звезды распределились плотнее, чем в других областях. Так возникает нерегулярность в континууме непрерывности «пространство-время». Проще сказать, пространство было там искривлено сильнее, оно как бы стянулось. Это своего рода сужение или порог — гравитационная линза, как мы назовем это явление.

Гвидо нетерпеливо перебил его:

— Не все ли равно?

— Не совсем, — отвечал физик. — По крайней мере благодаря этому обстоятельству мы остались невредимы. В известной степени мы как бы провалились сквозь доннышко чаши, с одной стороны — внутрь, с другой — наружу.

— Почему же мы не остались лежать в самой нижней точке? — спросил Мортимер.

— Мы прошли словно пуля, пробившая самую нижнюю точку чаши, которая тоже не остается внизу, а снова взбирается вверх. Энергия нашего движения не исче-

зает. Мы вначале разогнались, а потом затормозили движение. Потери при трении благодаря нашей собственной скорости с лихвой компенсированы.

— Где мы сейчас находимся? — спросил Гвидо.

Доктор Дранат пожал плечами.

— Определенно могу сказать только одно: по другую сторону сингулярности в пространстве. Это неслыханное открытие. Только представьте: Вселенная не сфера, а нечто вроде двойного конуса! Эйнштейн перевернулся бы в могиле. Радиус кривизны, пропорциональный массе...

Гвидо нетерпеливо постучал по столу.

— Извините, но научные сенсации нас не интересуют! Скажите лучше, как нам вернуться на Землю!

Физик с удивлением взглянул на него.

— Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Мы находимся в незнакомой части Вселенной. Из-за бортовой качки мы потеряли направление. Вследствие статистического собственного движения окрестных звездных систем мы не имеем никакой отправной точки для определения направления нашего курса. Система регистрации вышла из строя — наш путь неизвестен. Взгляните на экран! Вы узнаете хоть одну звездную систему?

Экран снова переключили на цветное воспроизведение, и преобразователь изображений трансформировал все виды излучений в видимый свет. Казалось, доктору Дранату доставляет наслаждение их растерянность — он сделал долгую паузу и продолжал:

— Естественно, вы не узнаете ни одну из них, так как среди них ни одной нам известной. Все они незнакомы нам. Насколько я понимаю, хотя звездные разряды распределены точно так же, как в нашем старом пространстве, у нас отсутствует какая-либо ориентация.

— Это значит... — Гвидо не рискнул произнести роковые слова, но доктор Дранат, не дрогнув, сделал это:

— ...Это значит, что мы не можем вернуться на Землю. Ни сегодня, ни завтра. Никогда.

...На сей раз они собрались все вместе, революционеры и ученые.

Первым взял слово Гвидо.

— Друзья мои! Мы оказались в положении, которое никто из нас не мог предвидеть и которое столь фантастично, что в него невозможно было бы поверить, если б доказательства не были у всех перед глазами. Ни для кого теперь не тайна: мы очутились в одной из частей Вселенной, откуда нет возврата. Не хочу больше говорить об этом, но вы, конечно, можете задать любые вопросы, интересующие вас. В конце нашей встречи доктор Дранат к вашим услугам.

Мы остались живы, потому что сработала предохранительная система, потому что действуют антигравитационные сети и еще потому, что доктор Цик, все еще владевший собственным разумом, собрал всю свою волю и отдал приказ о пробуждении, а затем стал наблюдать за процессом пробуждения всех остальных.

Как мы установили, большая часть чувствительных электронных систем вышла из строя; однако их можно снова привести в порядок. Силовая установка почти не пострадала. Понадобится около недели для того, чтобы произвести генеральную переборку двигателя. Насколько нам известно, корабль снова может войти в строй.

Один из мужчин крикнул:

— А куда мы направимся?

— Это мы как раз сейчас и обсудим, — ответил Гвидо. — Для этого я и собрал всех, кто находится на борту. После того, что нам всем пришлось здесь пережить, стерлись различия в целях и интересах. Мы по-прежнему верны идеалу свободы, но отныне мы должны бороться за него здесь; в рамках нашего небольшого сообщества каждый будет пользоваться абсолютной свободой. Наши исследователи, обладающие массой знаний, будут продолжать свою работу здесь и приумножать эти знания. Ведь задача, которую они выполняли по поручению земного правительства, утратила смысл, так же, как и наша освободительная борьба. Главное сейчас — преодолеть трудности, которые выпали на всех нас в одинаковой степени. Ученые тоже должны употребить все свои способности на пользу нашему общему делу. Я предлагаю отныне похоронить наши разногласия и работать сообща.

Его выступление не вызвало никаких споров — сейчас нужно было и в самом деле решать более неотложные задачи.

— С этого момента руководство будет осуществляться двумя представителями — по одному от каждой стороны. Я за то, чтобы мы выбрали их открытым голосованием.

Голосование прошло при всеобщем одобрении. Гвидо и ван Стейн были выбраны руководителями команды. Отныне в течение двух лет судьбы людей будут находиться в их руках.

— А теперь ван Стейн расскажет о наших дальнейших планах, — объявил Гвидо.

— Прежде всего необходимо привести корабль в порядок, — начал ван Стейн, — тогда перед нами откроются все возможности. Никогда еще люди не были так свободны от каких-либо обязательств, как мы с вами сейчас. Если и существует абсолютная свобода, то именно теперь мы ее и получим! Так как у нас ни перед кем нет никаких обязательств, мы можем мчаться через всю Вселенную, бездельничая до конца дней своих. Мы можем путешествовать от одной звезды к другой, видеть то, чего еще никто не видел, пережить небывалые приключения, получать новые впечатления — и так продолжать эту экспедицию без цели и без конца. — Он окинул взглядом слушателей и уловил на лицах нечто вроде согласия. — Есть и другие возможности полнейшей свободы, — продолжал он, — и если кто-то захочет предложить что-то иное, давайте по-discутируем. Но, насколько мне известен человек как биологическое существо, мне не верится, что он сможет долго жить в условиях такой свободы.

Поэтому я предлагаю другое, хотя это и менее удобно, неопределеннее в смысле результата и вовсе не занимательно. Правда, тут нам придется пожертвовать своей свободой: мы можем попытаться отыскать планету, где климатические условия похожи на земные. Среди нас достаточно молодых и здоровых мужчин и женщин, в нашем распоряжении не самая плохая техника. Мы могли бы поселиться на планете, похожей на Землю, создать коммуну, основать новый человеческий род...

Его слова заглушил шквал аплодисментов — ученые и революционеры с одинаковым воодушевлением одобряли его предложение. Ван Стейн успокаивающе помахал рукой.

— Надеюсь, вы не питаете на этот счет никаких иллюзий — ведь нам будет очень нелегко. Конечно, мы располагаем определенными знаниями и источниками энергии на нашем корабле, и все же во многом придется начинать все сначала.

Снова по рядам прокатился гул одобрения:

— Ничего страшного.

— Возьмемся за дело...

Когда голоса наконец затихли, Гвидо задал решающий вопрос:

— Какие у нас шансы отыскать планету, где были бы сносные условия обитания?

Ван Стейн рассмеялся — и лицо его словно помолодело.

— Шанс из лучших. Насколько нам удалось установить, этот сектор космического пространства не отличается от нашего. Есть множество планет, и существенная их часть имеет сходную массу, сходное удаление от солнца, благоприятный состав воздуха и достаточное количество воды. Доктор Дранат уже ознакомился с одним из таких благоприятных вариантов. Об этом он сейчас скажет сам. Прошу вас, доктор Дранат.

Хрупкий ученый казался им всем сейчас богом, ибо одному ему были известны пути, ведущие в рай.

— Поначалу ситуация выглядела не такой уж благоприятной, как ее описал ван Стейн, ибо в регионе, куда мы попали в результате постепенного замедления скорости, нет ни одной звездной туманности. Есть лишь немногочисленные, в большинстве своем черные погасшие солнца. Правда, я обнаружил в стороне от нашей траектории полета вполне досягаемую изолированную солнечную систему, в которую входят две планеты, и первая полностью соответствует нашей Земле...

Дальше говорить он не смог — его прервал шквал аплодисментов и громкие крики. Да он, собственно, все уже сказал. Сейчас всех их — будь то бывший борец за

свободу или ученый — объединяла общая цель: они желали как можно скорее попасть на эту новую планету, на эту вновь подаренную судьбой Землю.

19

Покончив с ремонтом корабля, они снова заняли свои места на антигравитационных койках, но на этот раз настроение у всех было совсем иным. Казалось, каждый втайне сомневался: стоит ли возвращаться на Землю, постаревшую на тысячелетия, возможно перенаселенную планету, а возможно и превратившуюся в радиоактивную пустыню, разрушенную бомбами, с которыми недоверчивые властители не решились расстаться, пока однажды не погибли от них сами. Во всяком случае, наверняка ничего не осталось от того зеленого рая, который запечатлелся в их памяти, а значит, не сохранилось ничего, что вызывало бы у них тоску по дому.

Другое дело — не тронутое цивилизацией небесное тело, надвигавшееся все ближе в перекрестье визира! Оно, казалось, полностью соответствовало тем представлениям и желаниям, которые глубоко гнездились в душе каждого. Сейчас они снова выходили на первый план, смывали краски столетий, цеплялись за едва различимую точку на экране, которая постепенно росла, превращаясь в свет надежды. Все больше сложных астрономических приборов подключалось к прощупыванию этой звезды, снимая с нее покров темноты и обнаружив у нее два спутника — один зеленовато-светящийся, словно облепленный водорослями, другой — серо-синий, окруженный лучистой зеленой короной.

Мортимер уже переборол чувство разбитости, преследовавшее его с момента поражения восстания. Всеобщая уверенность заражала и его, наподобие лихорадки. И он был поражен, когда вступил в контакт в Дерреком и не заметил у того и намека на радостное ожидание, скорее ощутил знакомую ему разбитость.

«Чего ты опасаться? — спросил его Мортимер. — Ты

сомневаешься в том, что нам удастся справиться с немилостями природы? Или ты думаешь о встрече с аборигенами — живыми существами, населяющими эту планету? Ведь доктор Дранат пока не обнаружил признаков более высоких ступеней развития».

Деррек медлил с ответом, но Мортимер видел, что он полон желания поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, и потому он не оставлял его в покое.

Мои сомнения совсем другой природы, нежели ты полагаешь. Я считаю, что мы сами себя обманываем. Эти поиски новой планеты так же бессмысленны, как и увеселительный полет через космическое пространство.

«Конечно, определенный риск тут есть. Наверняка нас ждут опасности, о которых мы не подозреваем. Но неужели ты считаешь, что это главное для нас?»

Нет, не считаю. Риск есть повсюду. Меня беспокоит то, что невозможно достичь желаемого.

У нас есть шанс для выживания. Но что мы бессознательно связываем с понятием выживания? Дальнейшее развитие человеческой культуры. Все думают, что достаточно всего лишь где-нибудь поселиться и позаботиться о том, чтобы сохранить собственную жизнь и жизнь своего потомства.

«А разве этого недостаточно?»

Нет. Этого абсолютно недостаточно, чтобы остаться цивилизованными людьми. Чтобы удержаться на том уровне, которого мы достигли.

«Что же еще нужно, по-твоему?»

Несколько десятков человек — слишком мало. Они просто не смогут сохранить все то, что мы им оставим в наследство. Уже с первым же следующим поколением основная часть этого погибла бы. А еще через несколько поколений люди перестанут быть людьми. В крайнем случае одичают. Все, чего мы достигли, будет утеряно.

«Ты имеешь в виду информацию? Она накоплена. Как только человечество размножится в достаточном количестве, снова появятся те, кто воспримет эту информацию».

Может быть. Спустя тысячелетия. Но, вероятно, так же, как мы сейчас воспринимаем дощечки с клинописью. Как документы истории.

«Я абсолютно не согласен с таким прогнозом. Почему люди должны одичать? И уж совсем неверно, что нам придется начинать с самого начала. У нас есть знания, помогающие нам иметь достаточное количество энергии. Нам известно, как выращивать питательные растения, как добыть из минералов воздух и воду, как превратить клеточные культуры в белок. Мы знаем, как создаются машины, с помощью которых прокладываются дороги и строятся дома. Нам известны все виды оружия, чтобы в случае нужды защитить себя. Знания, энергия, пища, машины — что же может перечеркнуть все это?»

Чего нам недостает и чего мы не сможем создать в мгновение ока — так это население в несколько миллионов человек.

«Массу людей, теснящихся на Земле? Но что за роль им уготована? Они станут влачить жалкое существование без идей и без идеалов и не создадут ничего ценного, ничего прочного. Все, что им нужно, — это вкусная пища из автоматических кухонь, бездумные массовые развлечения — массовый ажиотаж во время спортивных состязаний, коллективный туризм, модные платья и уютные квартиры, примитивные фильмы и пьесы. Человечество двигают вперед одиночки, а не безликие бездуховные массы. Вы, ученые, никогда не были мне слишком симпатичны, да и среди борцов за свободу едва ли найдется хоть один, к кому я чувствовал бы привязанность, если бы не верил в великую цель — в освобождение человечества. Однако одно нужно признать: и та и другая категория людей привносит с собой то, что ведет к истинному прогрессу. И потому я убежден, что у нас хорошие перспективы».

Было бы прекрасно, если бы ты был прав. Но твои рассуждения неверны. Ни активисты, ни деловые люди, ни интеллигентская элита не выполнили бы своей социальной функции, если бы на каждого из них не приходились тысячи тех, кто реализует их замыслы. От них состояние культуры зависит точно так же, как от ведущей прослойки. Наша цивилизация зиждется на огромном резерве людей. Это кибернетическая проблема: множество маленьких и кажущихся маловажными элементов образуют ком-

плексный аппарат, который без них не может существовать, пусть в нем есть даже и дорогостоящие детали.

«Можно ли всерьез проводить параллель между человеческим обществом и схемой механизма без опасения когда-нибудь подойти к черте, за которой все это приведет к ошибочным выводам? Мы здесь уже достигли такого рубежа. Я думаю, что от культуры, опирающейся на существование массы, мы можем легко отказаться, а вот индивидуальные способности действительно представляют ценность, они могут сохраниться и в малой группе, такой, как наша».

Хотел бы надеяться, что ты прав.

Прошло еще полгода, и однажды главный инженер сообщил остальным неожиданную новость — он уловил электромагнитные волны, модулированные по частоте чередования большой переменности, скорее всего, это был какой-то способ передачи информации, то есть продукт деятельности мыслящих существ. Так как вокруг солнца, к которому они направлялись, кружили лишь две планеты и одна из них проходила по орбите, расположенной вдали от зоны жизнотворного тепла, мыслящие существа могли находиться на родственном Земле зеленом шаре, который они выбрали для себя. До сих пор к ним не поступало никаких сигналов оттуда, и после того, как несколько инженеров и ученых решили провести новое скрупулезное исследование — для чего в течение двух дней ускорение ракеты было снижено на одно g , — ничего нового обнаружено не было. Тем временем непонятные сигналы прекратились, а передатчик запеленговать так и не удалось.

Они залетели уже так далеко, что не было смысла разыскивать другую планетную систему, и все же в последние недели все испытывали смешанные чувства.

За шесть дней до посадки они дали команду разбудить себя. Пока дел было еще немного, и большую часть времени они проводили у экранов, где красовался серозеленый шар — цель их полета. Уже различались серебри-

стые пятна морей и желтые полосы — очевидно, пустыни, зеленые участки означали растительный покров, то была какая-то родственная хлорофиллу субстанция, как показал спектральный анализ, произведенный физиком доктором Белгастом, а солнце высвечивало гряды горных хребтов и складчатые горы, очень похожие на земные. Они часами обсуждали новые данные, получаемые по мере приближения к неведомой планете: состав воздуха, температура, склонение оси и его влияние на смену времен года, а также длительность вращения, гравитация и многое другое. Все это как нельзя лучше подтверждало уже известные данные, полученные доктором Дранатом в результате чисто теоретических расчетов, отклонения от условий Земли были настолько незначительными, что существенной роли не играли. Временами они видели белые туманности, которые приняли за стаи птиц, но, кроме этого, им не удалось обнаружить больше никаких признаков жизни на планете: ни животных, ни человека или каких-либо иных мыслящих созданий.

Наступил великий день выполнения посадочного маневра. В качестве посадочной площадки они выбрали равнину в зоне умеренного климата, которую пересекала большая река. Корабль так плавно начал торможение, что им не пришлось принимать меры по защите от перепада давления. Но все остальные перегрузки они почувствовали основательно, несмотря на совершенство коммуникационной сети, впечатление все же было сильнее, чем предполагалось, — они ощущали сильную вибрацию, их нещадно трясло вместе со всем кораблем, они слышали шипение направленных книзу кормовых дюз, а затем оглушительный гул, когда огненные снопы, скашивая растения и плавя почву, коснулись поверхности планеты. И наконец корабль содрогнулся от резкого толчка — посадка!

Еще несколько последних замеров проб воздуха, последний взгляд на экраны — и шлюзы открылись, путешественники стали спускаться по трапу, они спрыгивали в рыхлый песок, зарывались в пушистой траве, забрасывали друг друга какими-то репьями, сорванными с высоких зонтичных растений, и глубоко, всей грудью, вдыхали све-

жий воздух, подставив лица солнцу. И тут вдруг кто-то запел песенку из старого кинофильма, все вспомнили забытую мелодию и один за другим подхватили ее, мощный хор голосов поплыл над этой чужой и неведомой и вместе с тем удивительно знакомой планетой. Взгляды их блуждали, словно опьяненные этим простором, видом этих лугов, широкой серой реки, зеленых лесных опушек, тонущих в белесом мареве. А потом все столпились вокруг Гвидо и ван Стейна, спрашивая, что им делать дальше. Всем не терпелось поскорее взяться за дело, покорить эту землю, поскорее обжить ее.

20

Прошло восемь недель, как они высадились.

Планета оказалась идеальной — действительно, ничего лучшего они не могли бы отыскать в космосе. Почва оказалась плодородной, здесь произрастало множество растений — как утверждали биологи, довольно примитивных. Но это было и хорошо — очевидно, и фауна здесь не очень-то развита. И в самом деле, им попадались лишь немногочисленные животные, в большинстве своем травоядные, напоминающие странных бесклювых птиц, лишь немногие из них могли летать. Самым крупным видом животных, который им встретился, были пугливые, державшиеся табунами существа, покрытые серым пухом и скакавшие на трех лапах, наподобие кенгуру; по-видимому, можно будет разводить их как домашних животных. Никаких следов мыслящих существ не было.

Первоначальный восторг сменился лихорадочной жаждой деятельности. Первое время они еще спали в своих кабинах на корабле, но всем хотелось поскорее обзавестись собственным домом, соорудив его из обломков скал и тростника, однако от этих честолюбивых планов пришлось пока отказаться. Прежде всего надо было обеспечить себя пищей. Воды и воздуха здесь было предостаточно, а вот запасы продовольствия подошли к концу. К счастью, многие из местных растений оказались съедобны-

ми, нужно было только подвергнуть их химической обработке, так что им не придется страдать здесь от голода. Но они сочли, что этого мало и необходимо улучшить меню. Группа под руководством биолога занялась созданием и разведением водорослевых и клеточных культур, на чужой почве могли иметь перспективы роста и питательные растения, выращенные на гидропонике, однако до урожая был еще долгий путь.

Каждый вечер они собирались возле корабля либо, если шел дождь, в старой совещательной комнате на палубе «А». Там они рассказывали о том, что им удалось сделать за день, делились своими заботами и планами на следующий день. В один из таких вечеров доктор Дранат преподнес им сенсационную новость.

— Я снова принял сигналы, — объявил он. — На сей раз удалось установить их источник: он находится там, — он указал на яркую звезду, блестевшую в восточной части неба, — на этой синей вечерней звезде.

— Неужели там есть жизнь? — спросил Гвидо. — Ведь там царит холод.

— А что нам известно о возможных формах жизни? — вопросом на вопрос ответил физик. — На этой планете средняя температура минус шестьдесят градусов. Это мир без суши, окруженный морем жидкого аммиака. Однако о чем это может говорить?

— А нам не грозит оттуда опасность? — поинтересовался ван Стейн.

— Вряд ли, — сказал физик. — Наверняка этим аммиачным существам наша планета кажется столь же непригодной для жизни, как нам — их синяя звезда. И кроме того, нет никаких признаков того, что им знакомо космическое плавание.

Деррек, необычно бледный, вмешался в разговор:

— Они посылают электромагнитные сигналы, а это значит, что они вооружены техникой. В таком случае рано или поздно они придут к освоению космоса.

— А какое нам дело до их уровня развития?

— Они наши ближайшие соседи в космическом пространстве, — пояснил Деррек, и голос его предательски дрогнул, — и нам совсем не безразлично, как они дей-

ствуют, что делают, о чем думают и как живут. Раз мы решили обосноваться на этой планете, мы должны подумать и о возможных конфликтах, в которые могут быть втянуты наши потомки. Если до этого дойдет дело, они не должны быть побеждены!

— Ну, не думаю. У нас ведь тоже есть оружие! — заметил Гвидо.

— Честно говоря, сомневаюсь, что наши потомки еще сумеют обращаться с ним. Во всяком случае, количественный перевес не на их стороне. Вот над чем нам надо поразмыслить, во всяком случае, мы не должны сидеть сложа руки! Сегодня мы еще что-то можем сделать, а через несколько лет может оказаться слишком поздно.

— А что же мы должны предпринять?

Деррек немного успокоился и теперь говорил не торопясь и очень убедительно:

— Все узнать! Как минимум. Нам надо быстрее слетать туда и изучить эти существа. Дальнейшее зависит от результатов.

— Как вы на это смотрите? — обратился Гвидо к собравшимся, которые напряженно слушали эти дебаты.

Судя по их лицам, они не испытывали воодушевления, хотя и признавали необходимость полета.

— Некоторым из нас стоит позаботиться об этом, — сказал один из слушателей, — и не следует слишком долго ждать.

Было решено по возможности скорее направить небольшую группу на соседнюю планету.

Прошло еще три месяца, прежде чем они смогли наконец покинуть корабль. Однако строительство домов принесло неприятные сюрпризы. Несколько наспех слеplенных строений обрушились при первой же буре, и, чтобы построить хоть один прочный дом, потребовалось бы на несколько недель привлечь к строительству всех. Но были ведь и другие неотложные работы, и прежде всего уход за растениями. К сожалению, роботы оказались здесь почти бесполезными, так как действовали лишь на ровной

поверхности. Единственный электронный трактор был занят на сооружении оросительной системы, необходимой для выращивания растений. В конце концов они удовлетворялись тем, что прилепили к скале навес для защиты от дождя, а по ночам обогревали это примитивное убежище инфразлучателями, работавшими на батареях.

21

Экспедицию на соседнюю планету возглавил Деррек. В небольшой отряд вошли Ольсон — главный инженер, который должен управлять кораблем, биофизик Белгаст и Мортимер — в качестве социолога; благодаря образованию, полученному Стэнтоном Баравалем, он мог выступать в этой роли. Включить еще кого-нибудь в группу было невозможно.

Для старта пришлось лишь расчистить площадку вокруг ракеты, других проблем не было. Вскоре они уже парили высоко над равниной, над континентом, над планетой. Перед тем как начать наращивать ускорение, они улеглись на защитные койки и снова ушли в бестелесное пространство мыслей и образов, непосредственно переданных им впечатлений и эмоций. Мортимер пришел в ужас, когда уловил состояние духа Деррека: сплошная подавленность и отчаяние.

«Что тебя гнетет? — спросил Мортимер. — Ты не хочешь довериться мне?»

Мне нечего тебе доверять, — отвечал Деррек. — Все происходит именно так, как я предвидел. Не хочу об этом говорить!

Через два дня они уже летели по спиральной орбите над синей планетой. Светящаяся холодным блеском, она была похожа на огромную каплю. Лишь когда они спустились пониже, им открылось бесконечное море, без единого островка, на гладкой поверхности жидкого аммиака — ни одного корабля, ни одной мачты, ни единого пятнышка. Наружная температура минус шестьдесят три градуса Цельсия.

Они летели очень медленно, корма ракеты была на-

правлена вниз. Деррек пытался, мобилизовав все оптические средства, заглянуть каким-нибудь образом под жидкую поверхность. Наконец это ему удалось сделать путем диафрагмирования коротковолнового спектра излучения и с помощью поляризационных светофильтров. Они увидели слегка волнистый подводный ландшафт, который пересекали загадочные светлые полосы, абсолютно прямолинейные, чему было трудно найти какую-либо естественную причину. Однако полосы быстро проскользнули мимо и исчезли под мерцающей зеркальной поверхностью, так что они не успели сделать какие-либо выводы.

— Что это там вдали? — вдруг закричал инженер. — Вы видите эти треугольные образования?

Сомнений не было — это были какие-то искусственные сооружения, возможно, машины, а может, и постройки. Они попытались рассмотреть все это, установив крупный план, но оптические приборы были бессильны — изображение сразу же стало зернистым и растаяло.

Деррек повернулся к Ольсону.

— Надо бы поймать одно из этих существ. Мы сможем опуститься пониже? Что будет, если погрузиться в аммиачные волны?

— Можно попытаться. Новая синтетическая обшивка весьма надежна, хотя неизвестно, выдержат ли приборы. Если их зашкалит, мы окажемся беззащитны.

— Нас это не должно остановить, — решил Деррек. — Иначе мы не подступимся к ним. Лучше всего опуститься вон там, в стороне от этих треугольников.

Инженер с явной неохотой согласился:

— Попробую.

Они пролетели еще несколько километров над этим местом, затем Ольсон опустил корабль настолько, что он едва не касался жидкой поверхности. И в то же мгновение его окутали клубы пара. Вокруг что-то шипело и булькало, корабль качало, волны прибоем бились о его стенки.

— Погружайтесь как можно быстрее, — приказал Деррек. — Не хочется маячить у них перед глазами дольше, чем это необходимо.

Инженер дросселировал поток энергии, шумы сразу

стали тише. Корабль, который был тяжелее расплавленного аммиака, медленно опускался на дно.

Как и предполагалось, некоторые индикаторы сразу отключились, однако оптическая система, которая сейчас была важнее всего, продолжала работать. Сначала они ничего не различали вокруг себя, кроме стекловидной массы и каких-то смутных очертаний вдали, затем на экране появилась песчаная поверхность, над которой колыхались пучки похожих на пальмы растений. С мягким скрежетом корабль сел на грунт, к счастью, подняв не слишком много мути, иначе видимость снова пропала бы.

Поначалу они увидели только долину в окружении пологих гор, затем тут и там обнаруживали предметы явно не природного происхождения, даже если учесть, что это море представляет собой водородно-азотное соединение: согнутый шест, на котором висели сети и канаты, несколько мачт с тарелкообразными насадками, затем подобие катка с длинной раздвоенной ручкой. Нигде никаких признаков жизни. Но потом они услышали где-то совсем рядом тихое царапанье. Это не был равномерный стук предмета, прибитого к борту корабля волнами,— похоже, кто-то пытается простучать наружную обшивку.

— Это что-то живое! — прошептал Деррек. — Оно находится за пределами досягаемости наших видоискателей. Но подождите... оно движется вдоль стены!

— Вот оно! — воскликнул Мортимер.

— Тише! — остановил его Деррек. — Оно может услышать нас!

Поперек экрана двигалось странное существо. Поначалу оно выглядело как скелет, но, когда вплотную приблизилось к линзе, стало видно, что между костями или тем, что выполняло эту роль, находятся прозрачные органы. Все было зеркально-симметрично на круглой голове — широкое ротовое отверстие наподобие жаберной щели и шарообразный, поворачивающийся во все стороны глаз. Конечности представляли собой два ряда тонких, разветвляющихся на концах ручек. Вот одна из них поднялась — путешественники увидели некое подобие руки с натянутой между двумя кривыми пальцами прозрачной перепонкой, — и снова послышалось царапанье.

— Похоже, оно ищет лазейку,— сказал биофизик.

— Мы должны поймать его, живым конечно,— решил Деррек.

— Но как?— Инженер вопросительно посмотрел на них.

— По-видимому, это создание любопытно,— заметил доктор Белгаст.— Если мы откроем шлюзовой отсек, возможно, что оно само войдет внутрь.

— Откройте шлюз,— попросил Деррек инженера,— и включите там свет!

В ответ на тихий шорох шлюзовой двери существо, вздрогнув, прижало конечности к телу и, грациозно развернувшись, стрелой прыгнуло в сторону. Однако не прошло и тридцати секунд, как оно появилось вновь, приближалось медленно, словно крадучись, люди у экрана внимательно следили за тем, как оно описало дугу и направилось к шлюзовой двери.

— В любом случае, у него хороший слух!— прошептал Деррек.— И отличная способность ориентироваться.

Тем временем существо исчезло с экрана.

— Мы его никогда больше, вероятно, не увидим,— высказал опасение Мортимер.

И тут все услышали крик инженера:

— Вот оно! Я поймал его! Идите, посмотрите!

Все ринулись по лестнице вниз, на палубу «В», и увидели совсем близко, за стеклом шлюзового отсека, необычное существо высотой около шестидесяти сантиметров, бесцветное и совершенно прозрачное: было видно даже, как пульсирует жидкость в сосудах. Странный пришелец испуганно прижался к внешней стенке шлюза, но вскоре осмелел, подплыл к шлюзовой двери, и его пальчики задвигались, пытаясь повернуть рукоятку внешней шлюзовой двери, которая, разумеется, была зафиксирована изнутри.

Внезапно снаружи послышался какой-то шум и что-то глухо ударило в стенку. Все поспешили назад в рубку — на экранах уже кишело множество прозрачных существ, а издали приближался какой-то вездеход.

— Пора убираться!— крикнул Деррек. Он сделал знак

инженеру, и тот включил приток энергии, установив тягу на минимальный уровень. Снова взметнулся песчаный вихрь, на сей раз более сильный, чем при посадке; и хотя на экране ничего не было видно, все почувствовали, что корабль поднимается. Постепенно изображение стало снова четким, снова на экране заколыхались какие-то неясные очертания, и вдруг раздался громкий хлопок — они вышли на поверхность. Ракета свободно поднималась, оставляя за собой дьявольский пенящийся котел, и несколько секунд спустя уже снова находилась высоко над сверкающим шаром.

— Я думаю, мы можем возвращаться, — сказал Деррек. — Мы получили то, что нам нужно, и доктор Белгаст сможет теперь начать свои исследования.

Следом за ученым они направились к шлюзу.

— Откачайте, пожалуйста, аммиак! — попросил он.

— А нашему подопытному это не повредит? — спросил Мортимер.

— Ничего не могу поделать. В аммиачной ванне нам не удастся установить фокус, поэтому мне необходимо исследовать объект в воздушной среде.

— А если это существо погибнет?

— Если у него имеется мозг, который хоть в какой-то мере соответствует человеческому, я добуду накопленную информацию и после его смерти.

Инженер тронул рукоятку на щите рядом со шлюзом, и все стали наблюдать, как забурилась пена в шлюзовой камере и загадочное существо беспомощно забултыхалось, то и дело попадая в воздушную прослойку.

— Значит, оно может существовать только в аммиаке. Этого следовало ожидать, — тихо пробормотал доктор Белгаст.

Но вот испарилась последняя лужица жидкости в горячем воздухе, который нагнетался в шлюзовую камеру. Еще несколько минут она проветривалась, пока ядовитые пары аммиака не исчезли совсем. Существо еще несколько раз дернулось, а затем затихло, сникнув и превратившись в бесформенный комок.

Они открыли дверь шлюзовой камеры, и биолог осторожно переложил безжизненное тело в заранее пригото-

ленную стеклянную ванну, которую подняли на грузовом лифте в биофизическую лабораторию. Ученый тут же достал укрепленную на штативе параболическую антенну, провел ею вокруг головы странного существа и, указав на пористую массу, слегка вибрировавшую под прозрачной кожей, сказал:

— Вот тут должен быть мозг.

Он быстро переключил несколько кнопок на пульте управления и наладил настройку. Раздалось тихое гудение зуммера.

— Сюда быстро! — приказал он. — Кто-нибудь должен это прослушать.

Деррек подтолкнул вперед Мортимера. Тот сел на стул, над которым висел металлический колпак, напоявший его о часах, проведенных в лаборатории доктора Прокоффа, несколько секунд он прислушивался к тихому шелесту и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться...

На него разом нахлынули чужие восприятия: сначала страх, потом жалобы... но разбуженное сознание ни на чем не задерживалось, оно постоянно блуждало, таща за собой хаотическое нагромождение образов...

Песок, охапка папоротника, игра возле виноградника...

странный бело-желтый корабль...

круглый выпуклый глаз, стеклянная линза...

светлая комната, дверь...

Затем:

треугольные дома, подвесные койки...

два больших белых существа, и рядом — несколько существ поменьше: братья, сестры... церемония чаепития, солодовый сок, грецкие орехи...

Затем:

прогулка, рельсовая дорога в гроте, музыка... школа, доска, длинный рулон с письменами... подвесная койка, клочкотание пузырьков сероводорода...

Затем:

ленточный транспортер, ультразвуковая антенна, волноводный резонатор...

рудник, платиновая руда, руки с кирками...
почтальон, мать, разворачивающая исписан-
ный рулон...

Затем:

ритмичный стук кастаньет, литавры, полицей-
ские на санях...
ребенок с флюоресцирующим цветком, техни-
ческий и социальный президенты...
хоровод у теплых источников...

Затем:

скачки в пальмовом парке, отец за игрой в
гольф...
дети перед сценой в кукольном театре, солодо-
вый сок...
желтые, зеленые, коричневые бойцовые рыбки,
десять рядов белых существ...

Вереница образов, казалось, будет крутиться до беско-
нечности. Подсознательно Мортимер ощущал, что пере-
полнен до краев, до предела.

Но вот впечатления стали блекнуть, замирать.

— Ты смог что-нибудь понять?

Мортимер сбросил кольцо, сжимавшее его голову.

— Ты что-нибудь видел? Да соберись же!

Мортимер понял, что эти слова обращены к нему. Он
встрепенулся, открыл глаза. Перед ним, в стеклянной ван-
не, лежала бесформенная, мокрая масса...

Его вдруг затошнило, и он, спотыкаясь, побрел к нише
в стене.

Биолог осушил его лоб полотенцем, отвел к топчану.
Мортимер почувствовал легкий укол иглы. Его охватил
озноб, казалось, холод пробирается по жилам и перете-
кает из безжизненной руки во все уголки тела. Но мышле-
ние стало вдруг необыкновенно ясным и четким.

— Мы убили это существо,— сказал он.— Гнусное
убийство! Убийство ребенка! О, какие же мы, люди, под-
лецы!

Ученые проанализировали сказанное Мортимером.
Несмотря на то, что многие слова, употребляемые им при

описании пережитого, лишь условно соответствовали видениям и символам, которые он стремился передать, все же из обрывков мыслей, извлеченных аппаратом и перетранслированных в мозг Мортимера, они смогли составить более или менее законченную картину.

Итак, на планете существовала цивилизация, на той ступени развития, которая соответствовала уровню жизни людей несколько столетий назад. Там были улицы и сады, наука и техника, обитатели планеты были знакомы с такими понятиями, как семья и глава государства, соревнования и фестивали, как работа и досуг, радость и симпатии, как города и села, они знали, что такое информация и связь, запрещенное и разрешенное, образованный и невежда, родители и дети, кровати и школы, обеды и прогулки... Одним словом, тут было все, что было и на Земле, хотя и совсем в другой форме, но все-таки в удивительном соответствии. Одного лишь не было здесь — и особенности этой подводной цивилизации указывали на то, чего не было бы еще длительное время, — а именно космических кораблей. Таким образом, ко всеобщему удовлетворению, была решена главная проблема: им ничего не угрожало. Люди могли строить свой новый мир без всяких опасений.

22

Уже шесть месяцев, как поселились они на своей планете, они высадились весной, затем прошумело приятное, не слишком жаркое лето с редкими грозами, и наконец вступила в свои права осень. Листва окрасилась в серый и темно-фиолетовый цвета, но тона были нечистыми, как бы смешанными с серым и коричневым, так что это маленькое отличие чужеродного химизма почти не замечалось.

Путешественники могли считать себя людьми везучими. Их не ждало здесь никаких непредвиденных трудностей, никаких природных катаклизмов — ни нападений чудовищ, ни неизвестных дотоле заболеваний, ни отравлений растительными ядами. На их долю выпало лишь то,

что встречалось и на Земле,—сырость, простуда, насекомые... Да и тут они особенно жаловаться не могли. Единственное, что огорчало их: не так быстро, как хотелось, продвигалось строительство жилищ и их обустройство. Иногда мешали какие-то мелочи, например отсутствие телефона, который помог бы им поддерживать связь. Если где-нибудь ломался механизм и для ремонта нужны были запасные части или специалист, то кому-то приходилось отправляться пешком на поиски. Были, правда, две переносные радиостанции, но их было явно недостаточно. Они могли бы собрать еще несколько радиоустановок, но для этого потребовалось бы отвлечь двоих человек на несколько недель. Пришлось отложить это на более позднее время...

Подобные затруднения обнаруживались повсюду—например, не было подъездных путей к местам, где добывали камень и валили деревья. Приходилось волочить заготовленное сырье и материалы с помощью трактора по лугам или продираться сквозь лес, и постепенно там образовалось некое подобие проселка, который после дождя превращался в топкое болото. Они считали вполне оправданным отказ от использования машин для прокладки дороги, ведь, если бы они захотели, ее можно было бы проложить без труда, но все работы и все агрегаты были заняты на строительстве домов.

Возведение жилищ считалось первостепенной проблемой. В собственном доме все видели подлинное воплощение своих желаний, и потому все работали самоотверженно, не покладая рук, не было времени даже подумать о том, какие примитивные работы им приходилось при этом выполнять. Наконец ван Стейн на одном из их вечерних собраний заявил, что прежде всего надо позаботиться о сохранении зеленых плантаций и клеточных культур. Все неохотно согласились с ним, и несколько домов, уже возведенных на одном из скалистых уступов, срочно были переделаны в защитные ангары для водорослей, питательных растений и синтетических клеточных соединений.

Поздней осенью трактор опрокинулся в овраг, до того заросший мясистыми растениями, что его никто не заметил. Большого труда стоило вытащить его оттуда, и хотя

он был поврежден на первый взгляд незначительно — была сломана муфта фиксатора оси, — но запасных у них не было. Одному из инженеров потребовалась неделя для изготовления новой детали, при этом у него произошел конфликт с той группой, которой предстояло соорудить проводку для подачи тока от корабля к оранжереям, они поссорились из-за автоматического аппарата цветного литья для производства проволоки, которая была нужна и тем, и другим. Таким образом трактор на неделю вышел из строя.

Вечером во время одной из первых осенних бурь они снова собрались на палубе «А». Они уже давно преобразовали совещательную комнату в уютную гостиную, расставив там кресла и шезлонги. Кто-то даже установил тут колбу Эрленмайера с питательной смесью, в которой выросли пышные орхидеи. С той поры, как похолодало, они перестали собираться под открытым небом. Никто не пытался больше ночевать на свежем воздухе. Так постепенно, спасаясь от непогоды, все снова перебрались в помещение корабля.

В тот вечер никто не произносил длинных речей, все устали и были раздражены, всем хотелось только одного — покоя. Однако, когда в одном углу разгорелись шумные дебаты, усталость их словно рукой сняло.

Инициатором оказался руководитель команды, которой были поручены земляные работы для прокладки водопровода, — он должен был связать один из ближайших источников с поселком.

— Не успеем до наступления морозов, — пожаловался он. — Хотел бы я посмотреть на того, кто повезет воду по уши в снегу! Мне нужны еще люди. Если мы все вместе в течение трех дней навалимся на эту работу, можно еще успеть!

Со всех сторон посыпались протесты.

— А как же подводка тока?

— Прежде всего нужно закончить крышу.

— Лучше помогите мне на строительстве канатной дороги!

Гвидо попытался успокоить собравшихся.

— Возможно, мы немного добавим тебе людей.

— Ученые должны быть поактивнее. Трое из них сегодня отсутствовали.

Возмущенный химик, до этого спокойно слушавший эту перепалку, вылез из своего шезлонга.

— Я целый день занимался изготовлением удобрений — далеко не райское занятие! Мне пришлось кипятить фосфорную руду с азотной кислотой в открытом котле. Я и теперь еще чувствую жжение в легких!

— Тогда прекращай эту адскую кухню! Водопровод важнее!

«А что в самом деле важнее, — думал Мортимер, — удобрения, дома, свет, вода?» Он оглядел своих товарищей. Неухоженные, грязные, измученные; на них было больно смотреть. Мужчины были небриты, женщины коротко остригли волосы, словно заключенные, они давно не мылись и не следили за своей одеждой.

Что могло бы помочь противостоять этому распаду? Ванны, массажи, уход за волосами, маникюр, педикюр? Но ведь об этом и думать нечего!

А культурные ценности? Кто из них еще читал хоть что-нибудь? Кто посещал комнату досуга, где стоял проекционный орган, на котором можно складывать свободные композиции форм и звуков? Кто из них занимался самобразованием?

Для всего этого необходимо было свободное время, а его у них не было. Но ведь это всего лишь переходный период! Через год... Мортимер задумался. Через год они не смогут закончить все, возможно, на это уйдет десять, двадцать лет... А может, потребуется... Он с испугом вспомнил пророчество Деррека. Потребуется жизнь нескольких поколений? Тогда упадок уже не остановишь. Сейчас, когда он собственными глазами видел первые его признаки, у него уже не оставалось никаких сомнений: все те достижения культуры, которые им надо было беречь, незаметно исчезали из их жизни.

Зиму они проводили в башне из слоновой кости — в ракете. Лишь изредка кто-нибудь отваживался выбраться наружу и шагнуть в снег и грязную ледяную кашу, теплая

одежда не спасала от мороза, а топтать по долине в неуклюжих подогреваемых вакуумных костюмах было просто смешно. Теперь они подолгу сидели перед экранами, глядя на голые деревья, тяжелые низкие облака, на пелену тумана, поднимающегося от реки, и плывущие по ней льдины. Поверхность планеты постепенно превращалась в пятнистый ковер из луж и земли.

Что же делать? Отправиться в южные регионы? Начать все сначала? А что из этого получится? Опять новые тяготы? Опять дремучие леса, тропические животные, опять сырость и жара. Изнурительный труд в испарениях болот. Непривычный климат. Болезни. Неудачи. Разочарования. Они были слишком инертны. Теперь они спали большую часть суток — еды не хватало, обеспечение продовольствием было сорвано. Снег продавил стеклянную крышу самой большой оранжереи. Весной они снова начнут тут работу. Впереди был новый год... Да, весной...

С весной началось нашествие льда, половодье загоняло серо-коричневые льдины далеко в луга. Все вокруг затопило. В оцепенении смотрели они, как желтая жижа лениво уносит вдаль обломки возведенных ими домов.

Но вот распушился мятлик, на лапах хвойных деревьев появились бледно-зеленые свечки молодых побегов. Солнце подсушило почву, и кое-кто уже отваживался покинуть корабль, чтобы погреться на солнышке.

Не всех еще побороло равнодушие. Некоторые объединялись, начинали строить хижин и разбивать сады — приносили с лесных опушек красивые растения и высаживали их на грядках. Когда ветер ломал непрочные стенки их хижин, а дождь размывал грядки, а также когда их одолевал голод, когда они мерзли или заболели, все снова возвращались в корабль. А здесь царил постоянное тепло. Когда несколько недель проведешь в оцепенении и во сне, тебе хватит питания и из гидропонных оранжерей. А приготовление пищи можно доверить автоматической кухне, не пошевелив и пальцем.

У Мортимера тоже были свои периоды активности. Однажды утром в начале лета он решил разыскать Майду и нашел ее, как и ожидал, неподалеку, на холме — она

смотрела, как убегает к синим горам и исчезает вдали река.

— Где-то там должно быть море,— сказала она, когда Мортимер опустился рядом с ней.

— Давай сходим поищем?— предложил он. Она глядела куда-то вдаль, и на губах ее играла улыбка.

— Пойдем. Завтра, да?

— Возле моря климат мягче,— сказал Мортимер таким тоном, словно рассказывал сказку.— Зима там умеренная. Есть рыба, раки, моллюски, и притом круглый год. Там людям не грозит голод. И у нас было бы время обустроиться.

Майда подхватила его мысль:

— Небольшой домик, сад, играющие дети. Мир и покой. И нет никого, кто командовал бы тобой. В первой половине дня—работа, а после полудня—отдых и обсуждение всего, что произошло за день, воспоминания о прошлом. Я это уже однажды видела во сне. Как это было прекрасно!

Мортимер настаивал:

— Давай попробуем, а, Майда?

— Конечно, давай попробуем.

— Мы здесь совсем одни! Посмотри-ка на остальных, они совсем опустили руки! Ни один больше ни на что не способен. Они деградируют. А мы—нет, мы начнем все сначала, все заново. И никто нам больше не нужен!

— Да, только мы двое,—кинула Майда.

Однако назавтра с утра пошел дождь, и они отложили свой поход. На другой день тоже было ветрено и ненастно. И все же на третий день они отправились в путь. Мортимер положил в карман сверток с едой и взял с собой кое-какие инструменты: нож, топор, рыболовные крючки, фосфорную зажигалку и несколько метров проволоки. Майда несла одеяло. Они ни с кем не попрощались и ушли никем не замеченные.

Десять дней они блуждали и неожиданно снова очутились на прежнем месте. Майда ободрала коленку и засадила в пятку колючку. Оба выглядели изможденными и голодными. Не говоря ни слова, они разошлись по своим кабинам.

Солнце уже достигло наивысшей точки на небосклоне, но никто даже не подумал приступить к строительству поселка. Несколько садовых домиков — это было все, что появилось неподалеку от корабля.

Единственный человек, кому здесь выпала серьезная работа, был врач. Двое мужчин затеяли спор — из-за женщины. Последовал удар ножом, задевший легкое, рану довольно быстро удалось залечить — биофизические приборы работали пока безотказно. На новой планете появились на свет первые дети — плоды надежд минувшего года, — но это не создало особых проблем — лишние пять ртов существенной роли не играли.

Мортимер фиксировал все, что происходило вокруг. Словно сторонний наблюдатель. Он видел, как люди вокруг даром транжирят свое время, как они слоняются без дела или хватаются то за одно, то за другое и ничего не доводят до конца. Он наблюдал за Люсин, которая ухаживала за вьющимися орхидеями, ее усердие заражало и его самого. Хотелось тоже встряхнуться, попытаться начать какое-нибудь дело. Люсин и ее любовь к цветам! Какая выдержка, какой веселый нрав! Но Мортимер тут же пожимал плечами и глушил все эти мечты. Все это было нереально. Ведь райской жизни для отдельного человека не существует, не говоря уже о двоих людях. Впрочем, это было бы возможно, если бы они были дикарями, примитивными созданиями, которые довольствуются несколькими кусками мяса и лесными плодами, если они могут спать на ложе из листьев. Но в том-то и дело, что они не были первобытными пралюдьми. И не хотели сдавать позиции — отказаться от того, чем владели. Вероятно, они просто не смогли бы этого сделать.

Однажды Мортимер отправился навестить Деррека, который ужасно исхудал, хотя ел не меньше других. Причина была не в голоде — об этом говорил его взгляд. Его глаза подернулись поволокой, словно он заглядывал в далекое будущее.

Мортимер положил руку ему на плечо.

— Ты был прав, Деррек, мы обязаны были это знать. Один ты догадался обо всем! Но неужели ничего нельзя предотвратить?

— Ты считаешь, мне действительно следует что-то сделать? — спросил Деррек. — Против воли остальных? Но имею ли я право разрушить их надежды?

Мортимер окинул взглядом простирившуюся перед ним равнину. Тут и там виднелись одинокие фигуры, казалось, люди уже не переносили присутствие друг друга.

— Надежды? А у кого еще осталась надежда? — И тут он обратил внимание на слова Деррека: «имею ли я право...». Не означает ли это, что ему известен еще один выход? Мортимер, взволнованный, повернулся к другу и пристально посмотрел на него. — Что мы еще можем сделать? Мы действительно еще можем что-нибудь сделать?

Взгляд Деррека был серьезным. Минуту помолчав, он спросил:

— Ты в самом деле знаешь, отчего все это? — Он неопределенно повел рукой, указывая куда-то..

Мортимер кивнул.

— Нас слишком мало, ты верно подметил, Деррек. У нас есть знания. И есть средства для осуществления всех целей, мы могли бы претворить в жизнь любой план — скажем, обеспечить питание, изготовить инструменты, построить шоссе, канатную дорогу или водопровод. В энергии мы недостатка не испытываем, и специалистов у нас достаточно. Мы можем выполнить любое задание в отдельности, но не всё сразу. Сейчас нам нужны не столько знания, сколько люди, способные их применить. Простые рабочие, выполняющие все, что им прикажут. Люди, лишённые тщеславия, желания выделиться, честные мужчины и женщины с честными и простыми принципами. Масса... Я еще никогда не ощущал, как она важна.

— В таком случае ты уже сделал вывод?

— Какой вывод?

Деррек с трудом сдерживал нетерпение.

— Единственное решение, которое сейчас возможно! Единственный путь, когда наше существование снова обретет смысл!

— Нет,— пробормотал Мортимер,— я не вижу никакого пути.

— Он есть, и притом он так близко! — Лицо Деррека приобрело совсем не свойственное ему упрямое выражение. У него был такой вид, точно от его слов зависела судьба всех остальных. Он помолчал и горячо продолжал: — Ты помнишь эти маленькие белые существа с синей планеты? Помнишь их образ действий, их технику? Ты не заметил, что они похожи на нас — пусть и не в метаболизме, но в возможностях развития?

— Ты считаешь, мы должны были...

Деррек не дал ему договорить.

— Другого решения нет. Единственное, что сделает осмысленной нашу жизнь,— это полное растворение в них.

— Но их жизненная среда, это аммиачное море...

— Для нашего уровня биофизики это не препятствие. Ты же прекрасно знаешь, что свойства личности можно трансплантировать.

Только сейчас Мортимер ощутил, что на спине у него выступил холодный пот. Он сказал почти беззвучно:

— Мы уже не будем людьми... в телах белых существ...

— Они ничуть не хуже нас,— отозвался Деррек. Он запнулся. А потом добавил почти неслышно: — Ты ведь это хотел знать.

— Дай мне время подумать,— попросил Мортимер.

Целыми днями сидели они у компьютера, проигрывая все возможные варианты. Они ввели информацию об образе жизни морских существ, полученную Мортимером, и компьютер выдал грубо набросанную схему, содержащую тем не менее все необходимые им данные. Сомнений больше нет: тут кроется то единственное, что сохранит их от гибели или в лучшем случае от возврата к примитивности. Те знания и навыки, которыми они владели, в любом случае нашли бы применение на чужой почве, все это безусловно дало бы всходы и принесло плоды, но какие — никто не мог сказать заранее, как никто не мог бы оценить, правильно то было или нет.

— Этот вопрос находится по ту сторону Истинного или Ложного, — сказал Деррек. — Бесспорно только одно: тот уровень развития, который мы собой представляем, — результат эволюции в течение миллионов лет — не теряется, никуда не исчезает, а снова включается в родственный процесс и приводит его в движение. А дальше наши знания обрываются... Лишь одно убеждает нас — что мы поступаем правильно: даже здесь, на безмерном удалении от Земли, происходят схожие процессы развития. И наши действия свидетельствуют только об одном — о признании этой истины.

...Признаки апатии и разложения вокруг них с каждым днем становились все очевиднее. К этому добавлялись прорывы неукротенных инстинктов — одни дрались из-за женщин, другие заявляли претензии на имущество, им не принадлежащее, кое-кто захватывал чужие кабины, показавшиеся более удобными. Эти распоясавшиеся индивидуалисты пока еще получали отпор, их призывали к порядку и напоминали о дисциплине, но неизвестно было, как долго просуществует равновесие.

— Как ты думаешь, они согласятся? — высказал однажды свои сомнения Мортимер.

— Подожди до зимы! — отвечал Деррек. — Я никого не хочу сразу брать за горло. Насколько я понимаю, к зиме угаснут последние проблески инициативы, тогда мы будем все решать за них — и, я думаю, не встретим никаких возражений. В конце концов, мы имеем дело с достаточно образованными людьми, я надеюсь, что сумею им все объяснить. Но я рад, что ты меня поддерживаешь. В одиночку я не смог бы ничего сделать.

В оставшееся до наступления зимы время они решили заняться детальной разработкой плана. Никаких принципиальных трудностей возникнуть не должно. Сам перенос содержимого мозга уже не раз успешно проводился на животных, и чем больше была емкость памяти, тем результативнее была операция. Они посвятили в свой замысел доктора Белгаста, биофизика, который принимал участие в экспедиции на синюю планету. Он имел достаточно полное представление о белых существах и, как ученый, признавал весьма целесообразной операцию переноса

са. Он безоговорочно принял их план. Они разработали и опробовали систему антенн, которая могла действовать даже в жидкой аммиачной среде, а доктор Белгаст приготовил анестезирующий состав, куда входил фосфорсодержащий углеводород, который должен подействовать как кратковременный наркоз на аммиачные организмы: доктор основывался на результатах исследования мертвого тела плененного мальчика.

Они покончили с приготовлениями раньше, чем предполагали, и у них осталась еще масса времени для размышлений. С того момента, когда они приняли решение, мир вокруг них словно изменился. Просторная долина, которая до недавнего времени угнетала Мортимера своей безбрежной пустотой и навевала скуку, превратилась в уютное райское местечко, дарующее покой и безмятежность, словно какой-нибудь природный заповедник во время летнего отдыха. Он теперь подолгу гулял, спускаясь к реке, и глядел на коричневую воду, которую ветер взъерошивал волнами, будто шерсть дикий зверя. Иногда он подолгу сидел с Майдой или Люсин, бездумно перебрасываясь словами,— без желаний, без чувств.

Однажды осенним вечером они с Дерреком забрались на ближайшую высотку и долго смотрели вниз, на посадочную площадку, на которой высилась ракета, похожая на обелиск.

— И все же,— сказал Мортимер,— мы многое потеряем. Теперь, когда я знаю, что нам это предстоит потерять, я понимаю, насколько это значительно.

— Ты думаешь, мне эти сентиментальные мысли не приходят в голову? — отозвался Деррек.

— Нам надо по крайней мере хоть остатки их сохранить,— задумчиво произнес Мортимер.

— Ты думаешь о возвращении? Возвращении из аммиачного моря? Об этом нечего и помышлять.

— Не о возвращении. Скорее об отпуске. Послушай!

И он стал излагать план, который вот уже несколько дней обдумывал и который наконец созрел полностью.

— В нашем распоряжении столько энергии, сколько потребуется. Ракета нам больше не нужна. Ее техническое

оборудование для нас, в нашем новом облике, потеряет всякий смысл. Время, необходимое нам для того, чтобы соорудить остров, тоже не имеет теперь значения. И все же не стоит выбрасывать наши старые тела, словно поношенные костюмы, ведь при случае мы можем снова в них влезть и почувствовать, что они — всего лишь наши сменные формы, просто обличья, взятые напрокат. Они ведь не вечны, и рано или поздно им придет конец, но мы еще можем использовать их — до самого конца.

Деррек держал руку перед глазами, словно пытаюсь удержать картину, возникшую перед его мысленным взором. Потом улыбнулся и сказал:

— Ты прав. Почему бы нам не сделать это?

24

Они отправились в путь зимой. Остальные дали согласие. Возможно, план был им не до конца ясен, но все выглядело так, будто они приветствовали любые планы, ведущие к новой цели. Потребовалось некоторое время, чтобы они вышли из сумеречного состояния апатии и спячки, очевидно, с ними происходило то же, что и с Мортимером: они медленно, но верно пробуждались к новой жизни.

Синяя планета парила под ними, и они долго выбирали незаселенное место, своего рода подводные столовые горы, плато которых находилось в нескольких десятках метров от поверхности аммиака. Они сбросили вниз водородный взрывокомплект и наблюдали, как поднялся огромный гриб, он медленно расплылся шлейфом дыма и наконец совсем исчез. Внизу обнажился небольшой островок, похожий на кратер с темным и обрывистым жерлом, внутри которого тлело красное пятно. Однако вскоре пятно потемнело и погасло, остался клочок ровной суши — небольшая площадка, покрытая лавой и пемзой. Медленно и осторожно они опустились на остров. И снова началась напряженная работа, в которой все до одного приняли участие. На этот раз им ничего не надо было экономить и распределять по нормам. Огромный запас эне-

ргии, хранившийся в замерзших мезонах, они могли теперь со спокойной душой расходовать на отопление и освещение. Самой большой технической проблемой оказались температура и атмосферное давление. Ван Стейн и его физики установили вокруг ракеты зонтообразное антигравитационное поле, не пропускавшее никаких газов и защищавшее от температурных колебаний. Его размеров хватало, чтобы покрыть окружность радиусом в двести метров. В покрывшей островок породе они обнаружили достаточное количество окислов, чтобы создать пригодную для дыхания гелиево-кислородную смесь, наполнившую пространство под «зонтом», по которому они могли теперь свободно передвигаться, и за несколько недель превратили эту площадку из лавы в сад. Размельчив стеклообразную массу в песок и пыль, они получили плодородный подселой, в который высадили растения, привезенные с собой; некоторые из них они захватили еще с Земли. Незначительная радиоактивность почвы не могла повредить цветам, о себе же они сейчас не думали.

Ракету они тоже перестроили внутри. В самые большие отсеки поставили удобные кресла, переделанные из антигравитационных сидений и коек. Некоторые кабины за счет других постарались сделать как можно комфортабельнее — они понадобятся немногим, ибо они уже не смогут вернуться все вместе. Аппаратура, которая не могла быть остановлена, была переключена на режим длительной эксплуатации: снабжение воздухом, отопление и, конечно, система гидропоники, а также всевозможные устройства для обеспечения продуктами питания. Очень пригодились машины-роботы, которые были перепрограммированы на персональное коммунальное обслуживание островитян, так что им не придется в будущем всюду заниматься ручным трудом.

Тем временем ученые произвели несколько взрывов и пробили туннель в кратерной стенке, края которой уже покрылись белым, как снег, затвердевшим аммиаком. Один конец наклонного туннеля выходил под породой, непосредственно в море. Примерно в середине его, там, где воздух смешивался с первыми волнами, они соорудили отсек, который должен служить лабораторией и камерой

хранения для лишенных своих функций тел. На слегка реконструированном космическом боте, предназначенном для ремонтных работ во время полета, доктор Белгаст с Ольсоном отправились на поиски поселений белых существ. Они приблизились к ним ночью и пустили анестезирующий состав в четыре пирамидообразных дома, лепившихся один на другом. Затем биофизик надел костюм, защищающий от холода и давления, и вышел через шлюз. Вскоре он принес в сети несколько усыпленных существ. Обоим пришлось несколько раз повторить эту операцию, пока они не обеспечили каждому астронавту по двойнику.

Теперь было все готово.

Они остановились у входа в туннель и в последний раз окинули взглядом корабль, их башню из слоновой кости, она была сейчас единственным связующим звеном с прошлым. Мортимер встал рядом с Дерреком. Картина расплывалась у него перед глазами...

— Будем ли мы — я имею в виду в нашей новой жизни — вспоминать о былом?

— Нет. Это помешало бы нам полностью включиться в новое сообщество. Появились бы сомнения, колебания... Нет, все будет протекать так же, как в свое время с тобой и Баравалем: мы будем обладать информацией белых существ и при этом останемся самими собой. Только память о былых переживаниях мы сотрем. Но кем мы себя сами в конечном счете будем ощущать, этого тебе сейчас с уверенностью не скажет никто. Даже я.

— А как будут... происходить посещения этого острова?

— По постгипнотическому приказу. И точно так же будут и прерываться.

— А во время пребывания?

— Это было бы мукой, если бы все снова входило в наше сознание ясно и отчетливо. Память останется погашенной. — Он помолчал с минуту. — Ты не так представлял себе это? Иначе не получится. Мы можем сделать лишь небольшой шаг назад. А теперь прощайся!

Говорить больше было не о чем. Они вошли в темный коридор. Один за другим входившие садились на стул, который стоял рядом с большим закрытым резервуаром.

В нем находились несколько дюжин по-видимому безжизненных прозрачных существ, напоминавших отвратительные полипы. Люди один за другим теряли сознание, тело укладывали на лежанку и задвигали его в огромный металлический шкаф. Остальное довершала автоматика. Затем резервуар по рельсам заскользил к шлюзовой двери, миновал ее и открылся. Несколько хрупких прозрачных существ вынесло наружу. Какое-то время они трепетали и вздрагивали всем телом, и вскоре серебристый рой торопливо заскользил в потоке ледящей жидкости в открытое море.

У подножья лестницы Мортимер остановился, словно спохватился, что забыл что-то. Он обернулся и посмотрел назад, на светившееся оранжевым светом здание, только что покинутое им. Одна из женщин, стоя у окна, смотрела сквозь стекло, но она не могла его видеть, глаза ее были устремлены куда-то в неведомую даль, и внезапно ожившее воспоминание заставило биться его сердце. Поднялась другая женщина и встала рядом.

И тут снова прозвучал зов — четкий и решительный. Легкая пелена закачалась вокруг него... Зачем... Куда? Где-то там его ждало нечто, совсем другое, оно нуждалось в нем. Он увидел перед собой пять крохотных одноглазых белых существ, и сердце его наполнилось нежностью.

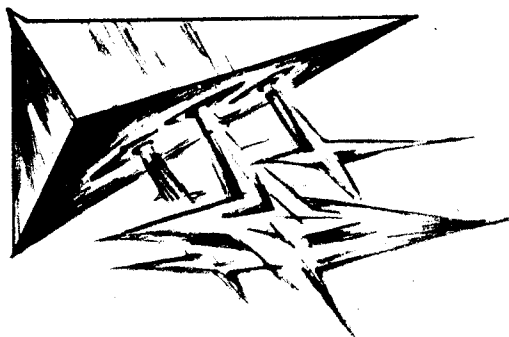
Перед ним, словно экран, возник светлый прямоугольник вестибюля, он был точно окно в другой мир, из которого он был уже исключен, в нечто былое, погруженное.

Эти две тени у окна, прямые и стройные, — не более чем иллюзия.

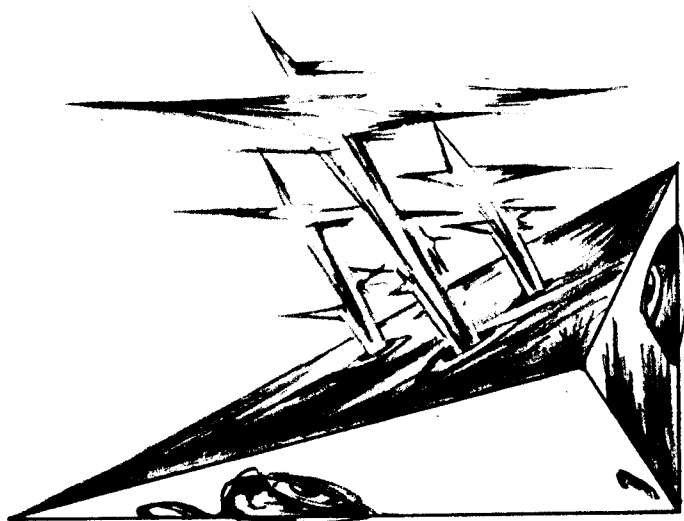
Мортимер резко повернулся. Казалось, он с невероятным усилием отрывается от чего-то такого, что тысячами нитей пытается удержать его, он словно преодолевал какую-то клейкую массу. И тогда он побежал — с трудом, короткими шажками. Песок скрипел под его ногами... было сумрачно... рядом с ним маячила тень от скамейки... Постепенно он чувствовал себя свободнее. Он добежал до цепи, преградившей ему путь, отцепил ее, проскользнул

вперед и снова продел кольцо в ушко. Он видел песчинки на земле и шел вперед все быстрее и быстрее и вскоре задвигался ритмичными, целеустремленными прыжками.

Когда его приняли ворота, он уже не помнил о двух теньях у окна, о долине цветов и скуки, о башне из слоновой кости.

ЖИВЫЕ ТРАНЗИТНЫЙ

SIRIUS TRANSIT

***Перевод Н. Федоровой
Редактор Е. Приказчикова***

ПРИБЫТИЕ

ВЕЧЕР

Город появляется из-за округлой вершины совершенно неожиданно. Справа и слева еще тянется бесконечная вереница агав, опунций, терновника — кулисы долгого, одинокого пути. А над бетонной лентой дороги — близко, рукой подать! — уже маячит искрящаяся огнями громада, вся в росчерках неона, в разноцветье световой рекламы, отблески которой золотой пылью рассыпаны высоко в исчерна-фиолетовом вечернем небе.

Это не простой город. Это место, где исполняются желания и сбываются мечты. Врата и одновременно центр мира. Санта-Моника.

Барри остановил машину на обочине и поднял откидную спинку сиденья. Он еще не вполне стряхнул дремоту, глаза слипаются... но сердце, окрыленное надеждой, начинает учащенно биться.

Какая картина — дух захватывает! Много лет он мысленно рисовал ее себе, сгорая от нетерпения и надежды. Теперь можно и не спешить.

Пронзительное шипенье, нарастающий вой...

Грохот.

Все вдруг озаряется трепетным светом — три огненные стрелы и белый след за ними, медленно тающий в небе. Ракеты уже всего лишь точки в вышине, над западной грядой холмов. Он провожает их взглядом, пока они не исчезают во мраке и мгле. Затем, бодрый,

сосредоточенный, опять выводит машину на направляющую.

Голос по радио. Внимание, внимание! До конца направляющей две тысячи метров. Внимание, внимание! До конца направляющей две тысячи метров.

Звучит тихая музыка — вибрафон, ударные... Барри отключает автоматику и берется за руль. До города осталось буквально два шага. Уже различимы пестрые рекламы увеселительного квартала, освещенные окна вилл на окраине, подсвеченные прожекторами огненные буквы «СТ» над гигантским комплексом зданий. «СТ» — эмблема компании «Сириус-Транзитный».

Голос по радио. Внимание, внимание! До конца направляющей тысяча метров. Внимание, внимание! До конца направляющей тысяча метров.

Опять звучит музыка.

Барри закуривает сигарету, глубоко затянувшись, выпускает дым на ветровое стекло.

Запах табачного дыма.

Взгляд на приборную панель: на часах 20.20 — детское время для города, где рестораны и бары, тир и треки, игорные клубы и театры открыты всю ночь напролет.

Снова шипенье, вой, оглушительный грохот в миг преодоления звукового барьера...

Время от времени пучками поднимаются в небо ракеты, сперва медленно, потом все быстрее, быстрее и наконец исчезают во мгле. Барри уже не замечает их. Он сосредоточенно смотрит вперед: вот уже и первые городские дома. Мотели, заправочные станции и авторемонтные мастерские, склады, треки, площадки для мини-гольфа. Справа стоянка, три видеофонные кабины — все под одной крышей. Не раздумывая, Барри сворачивает туда, останавливается. Тушит сигарету, выходит из машины, захлопывает дверцу.

Свежий, теплый воздух.

Он входит в видеофонную кабину, пробегает пальцами по кнопкам, набирая номер. На мониторе возникает девичье лицо.

Девушка. Справочная к вашим услугам. Что вам угодно?

Барри. Будьте добры, дайте мне номер Гаса Гриффина. Адреса я, к сожалению, не знаю.

Девушка смотрит на него озадаченно.

Девушка (*нерешительно*). Гаса Гриффина? Адрес не знаете?

Барри (*слегка раздраженно*). Да, Гаса Гриффина. Посмотрите, пожалуйста.

Девушка. Минутку.

Она исчезает с экрана. Появляется абстрактный узор и надпись по диагонали: ЖДИТЕ—ЖДИТЕ...

Прислонясь к стене, Барри глядит сквозь стеклянную стену кабины. Поблизости ни души, рядом парк, пальмы, рододендроны, через дорогу спортивная площадка, трибуны, фонари, вытянувшие над ними свои длинные шеи. От городской суеты только блики световой рекламы.

Барри начинает нервничать, поворачивается к микрофону.

Барри. Алло, девушка, я жду. Как насчет номера?

На экране вновь появляется лицо девушки. Вид у нее озабоченный.

Девушка. Еще минутку. Потерпите, прошу вас...

Барри качает головой. С языка уже готово сорваться ядовитое замечание, но тут... Вдали слышится полицейская сирена. Она звучит все громче. Барри настораживается. Из-за угла на полной скорости вылетает патрульная машина, резко тормозит возле видеофона. Двое полицейских с пистолетами на изготовку выскакивают на тротуар. В мгновение ока Барри выдерживают из кабины, и вот он уже стоит, подняв руки вверх.

1-й полицейский. Лицом к стене, парень.

2-й полицейский. Давай-давай. Знаешь ведь, как оно полагается!

Первый полицейский привычно ощупывает его карманы, ищет оружие.

1-й полицейский. Чистый вроде бы.

2-й полицейский. Можешь повернуться, парень.

Барри (*возмущенно*). Что это значит? Что вам от меня надо?

1-й полицейский. Тихо, тихо. Ты взят с поличным.

Барри. С поличным? Ну, братцы, кто-то вас разыграл.

1-й полицейский. Ишь ты! Он еще язык распускает! Что ты здесь делаешь?

Барри. Хотел получить один телефон.

1-й полицейский. Чей же, если не секрет?

Барри. Вас это не касается, но могу сказать: номер моего брата, Гаса Гриффина.

Полицейские удивленно переглядываются.

1-й полицейский (*с расстановкой*). Та-ак, Гаса Гриффина, твоего брата.

2-й полицейский. Предъяви-ка документы, парень!

Барри подносит руку к нагрудному карману, но полицейский прижимает его к стене и сам достает бумажник. Открывает, рассматривает удостоверение.

2-й полицейский. Тут написано: Бартоломью Гриффингер.

Барри. Правильно, Гас тоже Гриффингер, он просто укоротил нашу фамилию.

1-й полицейский. Ну вот что, парень: нам в городе чокнутые не нужны. А уж такие, которые с полицией прекаются, тем более.

Между тем второй полицейский, покопавшись в бумажнике, достает оттуда пачку стодолларовых банкнотов.

2-й полицейский. Хэнк, глянь-ка.

Первый полицейский оторопело смотрит на него, потом пожимает плечами.

1-й полицейский (*тихо*). Тогда он, должно быть, и правда не из этих... (*Громче.*) Похоже, ошибочка вышла, мистер. Вот ваш бумажник, возьмите, пожалуйста. Желаем хорошо повеселиться в городе! Но я бы на вашем месте шутил поосторожнее!

Вернув Барри документы и деньги, они небрежно козыряют, садятся в машину и беззвучно трогают с места. Барри смотрит им вслед, потом, бегло взглянув на видеофоны, пожимает плечами, садится в машину и запускает мотор.

Длинные улицы, прорезанные по лучу лазера, сотни, тысячи улиц, во всех направлениях, сомкнутый строй фасадов, пластмассовая кладка стен — розовых, бледно-зеленых, желтых. Одинаковые дома, одинаковые улицы, одинаковые города, выстроенные по одинаковым планам, подчиняющиеся одинаковым инструкциям, пронумерованные с севера на юг, с запада на восток и все же дремучие, словно джунгли, от беспросветного однообразия, вечный повтор, поменяй местами — никто и не заметит.

Ни деревца кругом, ни кустика. Лишь высокие стебли-мачты криптоновых фонарей, кряжистые пни водоразборных колонок, легкие металлические опоры с дорожными знаками и запретительными щитами, а надо всем — чащоба тонких растяжек и проводов, антенны коммерческого вещания, радиотрансляции, видео- и аварийной системы.

Матрица зданий, растр улиц — система координат для населения. Тротуары узковаты, толчея, несмотря на одностороннее движение — только влево, только вдоль стен, по периметру уличных перекрестков. А трижды в день человечья река вздувалась угрожающим разливом — около восьми, в обед и после четырех. Потоки людей выплескивались из ворот, устремлялись по лестницам к станциям монорельса, бурлили у входов подземки, уносимые движущимися тротуарами в неведомую глубину. Автомобили в эти часы ползли бампер к бамперу — никто не обращал внимания на истошный визг сонаров, означавший превышение минимальной дистанции. Казалось, в ущельях улиц текла какая-то жидкая масса, и, если послушать со стороны, например со станции монорельса, в краткие секунды между прибытием и отходом поездов, воздух наполнился гулом, словно от водяных валов. Потом металлические фермы, огромными арками возвышавшиеся над городом, начинали вибрировать, и их жутковато-пронзительное пение заглушало шум на дне улиц-ущелий.

А вот в ночные часы все было совершенно по-другому: таких, что наперекор предупреждениям полиции сновали по улицам, было очень немного — запоздало протрезвевшие пьяницы, игроки из подозрительных заведений, юнцы, «балдевшие» на вечеринках и теперь спешившие до-

мой. Полное безлюдье царило только между четырьмя и пятью утра: в этот час служба погоды устраивала дождь. Иногда можно было различить шум реактивных двигателей: самолеты сомкнутым строем шли высоко над крышами, опрыскивая тучу смога, которая накрывала город, точно шляпка исполинского гриба. И скоро вниз обрушивались грязно-серые потоки ливня, хлестали по крышам и мостовым, смывали и уносили прочь грязь и мусор, чтобы в конце концов, бурля, исчезнуть в стоках. Недолгое время оставалась еще грязноватая пленка влаги, от которой поднимался тонкий парок... Это был час утренней свежести — иные старики, дождавшись, когда дождь кончится, выходили из дома и, глубоко дыша, гуляли вокруг квартала. Потому что вместе с дневным освещением — его включали в шесть — возвращались сушь, жара и пыль.

Барри тоже знал этот утренний час: дед, которому было уже под восемьдесят, порою будил его и Гаса и брал с собой на улицу. Барри, в общем-то, нравились ранние прогулки — напоенный влагой воздух, капель с крыш, лужи у края тротуаров, — но Гас скоро начал встречать деды приглашения в штывы, и Барри, буквально во всем подражавший брату, тоже предпочел лишний часок поваляться в постели.

Душный, чуть отдающий гнилью запах влажного воздуха был одним из самых ранних воспоминаний Барри и куда ярче зрительных образов, которые память сохранила поблекшими и искаженными, словно в кривом зеркале. Лицо матери — расплывчатое светлое пятно, — согбенная фигура деда, седые пучки волос, бахромой свисающие из-под шляпы... Квартира — обшарпанные стены, кровати, холодильник, телевизор. А вот это он помнил лучше всего: закругленный четырехугольник экрана, вечное мельканье пестрых кадров, причудливые перескоки с ближнего плана на дальний и наоборот. Долгие дни, они с Гасом на куче подушек, в руках у брата блок дистанционного управления, он определял, что смотреть. Драки, стремительно мчащиеся автомобили. всадники, индейцы, астронавты, яхты на синей глади моря, космические корабли среди звезд, солдаты, преступники, вспышки дуль-

ного пламени, кулачные удары, мертвые тела... Гас мог часами сидеть, уставясь на экран, держа пальцы на клавишах, он готов был день и ночь следить за всеми этими событиями, ему хотелось движения, и он не переключал на другой канал, пока на этом что-нибудь происходило, пока люди бежали, сражались, падали... Едва лишь обстановка на экране менялась — начинался разговор, любовная сцена, — Гас, не медля ни секунды, пробегал по всем диапазонам и в конце концов опять ловил приключение, волнующую жизнь, которая существовала где-то вовне, вне их пространства, вне их времени, но все-таки существовала — в воображении авторов, на миллионах экранов, в головах зрителей.

Барри был еще инертнее Гаса. Он смотрел все подряд, не вникая в смысл. Гас и тот не интересовался сутью происходящего, а уж Барри и вовсе воспринимал лишь мгновение — вид в заднем стекле, машины преследователей, перекошенные лица, сжатые кулаки, пальцы на спуске. Для него это был калейдоскоп, случайная смена пестрых картинок, переменчивая мозаика из одних и тех же элементов — суровых мужчин, красивых женщин, мотоциклов, гоночных яхт, самолетов. Только позднее он заметил кулисы: роскошь богато обставленных квартир, пальмы на берегу, сказочные кущи в ярких огнях, вулканические гряды чужих планет, межзвездное пространство. Так они сидели до вечера, когда приходили домой родители и гнали их от телевизора, чтобы посмотреть свои программы.

Тогда разжимались клещи, державшие их дома, и Гас украдкой сбегал на улицу. Возвращался он поздно, зачистую грязный, потный, иной раз в синяках и царапинах, но сияющий торжеством, он тихонько насвистывал сквозь зубы, себе под нос. Время, когда Барри поневоле сидел дома, с родителями и дедом, было для него мукой. Он не сумел бы сказать, что именно внушало ему такую тревогу и недовольство: он слонялся по квартире, то и дело лазил в холодильник, чтоб отхлебнуть из бутылки глоток лимон-ранжа, листал журнальчики, выменянные Гасом в школе, — комиксы и фотосери, «Фантомас», «Доктор Но», «Супермен», «Барбарелла» «Кун-фу», — отирался за спи-

ной у родителей, норовя хоть одним глазком посмотреть на экран, пока они не прогоняли его: «Марш отсюда, это не для тебя». Устав, он ложился в постель, но до возвращения Гаса большей частью не мог уснуть, ждал, вслушивался в тишину квартиры; издали доносились звуки видео, шаркающие шаги, звон бокалов, потом все затихало, и полоска света под дверью гасла. До чего же медленно тянулось время! Сон иногда вдруг как рукой снимало, сердце колотилось громко-громко, Барри места себе не находил, ворочался с боку на бок, вертелся. И вот наконец скрип двери, тихие шорохи в передней, едва слышное на-свистыванье: Гас вернулся. Что с ним произошло за стенами дома, в большом мире? Отчего он был так доволен, так миролюбив? В другое время брат часто бывал не в духе и любил покомандовать, а тут совал Барри пачку леденцов или большущую круглую жвачку; с конфетой во рту, освободившись от напряжения, он и засыпал.

Детский сад у них в квартале был новейшего образца, размещался он в подземной части города и, кроме игровых комнат, имел спортивную площадку и искусственный сад. Надзор был очень суров, и все-таки на первых порах Барри чувствовал себя там превосходно. С другими детьми он водился мало, но и одинок не был — пока Гас тоже ходил туда. Правда, в старшую группу, и потому Барри видел его обычно лишь издали, однако же связь между ними здесь еще укрепилась. Когда дети принимались дразнить, а то и колотить Барри, в ту пору маленького и слабого для своих лет, Гас, бывало, вмиг оказывался рядом. Всего-навсего раза два-три он пускал в ход кулаки, да так, что обидчики удирали от него в крови; обычно же достаточно бывало одного его появления: все подавались назад, образуя круг на почтительном расстоянии, и однажды Гас положил руку Барри на плечо и сказал: «В конце концов, ты же мой брат».

Плохо стало, только когда Гас в шесть лет пошел в школу. Барри порой думал, что больше не выдержит. Стояние в длинных очередях, у спортивных снарядов или у входа в искусственный сад, долгие часы, когда приходилось молчком лаять на бумагу краски, изометрические упражнения по команде магнитофона, пение, декла-

мация стихов. Как он мечтал о тех вечерах, когда они с Гасом сидели у телевизора. Все эти два года он, сгорая от нетерпения, ждал, когда же наконец и его примут в школу. Ему казалось, что там он опять будет вместе с Гасом, как в саду. Но эта надежда не оправдалась. Школа была такой поточной линией, ячеистой структурой из крохотных учебных кабин, до отказа набитых электроникой — повернуться негде. Тускло светящийся экран, скрипучий магнитофонный голос, микрофон, в который надо было отвечать, автоматическая пишущая машинка, которая отстукивала задачи на бесконечной бумажной ленте и запоминала ответы. «Ответ неверен — вторая попытка...» Все это где-то собиралось, регистрировалось, оценивалось, сравнивалось, ведь все они были как-то связаны между собой, работали сообща или соперничали — думай, как хочешь, — и однако были разобщены, изолированы друг от друга, каждый мог рассчитывать только на себя самого, и это когда чужой совет был бы так кстати! Групповые занятия тоже ничего не меняли, потому что и здесь главное было — опередить других, быстрее решить задачи, добиться более высокой доли правильных ответов. С Гасом Барри не виделся совершенно.

И вновь отчаянная скука, время тянется как густая, клейкая масса, постоянное досадливое ощущение, что все зря, все бесполезно. Поначалу он радовался каждому уроку, неизвестно почему и довольно-таки смутно воображал, что окружающий мир станет на занятиях более понятным, а значит, и более сносным. Но занимались они исключительно предметами нереальными, лежащими вне их мира. События, случившиеся в незапамятной древности, процессы, идущие где-то в недрах Земли или в глубинах Космоса, явления микромира, кристаллы, химические соединения, гены и клетки, числовые взаимосвязи, значения символов, столь же искусственных, как и обозначаемые ими предметы. Слова, которыми никто не пользовался, языки, на которых никто не говорил, мысли, которые никому не приходили в голову... Барри подчинился неизбежным приказам, считывал с дисплеев тексты, объяснял символы, появлявшиеся на экране и снова исчезающие, печатал свои ответы и ничем не выделялся, ни в хо-

рошем, ни в плохом. Но были и другие ребята, на которых нет-нет да и накатывало вдруг, и тогда они колотили экраны, пинали ногами клавиатуру, в ключья рвали бумажную ленту, пытались взломать электронные дверные замки. Барри вполне их понимал и даже признавался себе, что охотно сделал бы то же самое, но чересчур труслив. А вот Гас, которому он намекнул на это, презрительно тряхнул головой. «Они действуют сгоряча, необдуманно,— сказал он.— Оттого и попадают. Так им и надо!» Значительно позже Барри волей-неволей вспомнил эти его слова: был решающий день шестидневных гонок, и Гасу непременно хотелось их увидеть. Он тогда смастерил бомбу-вонючку и, парализовав с ее помощью целый школьный этаж, весь день провел на треке. Он не попался.

Барри не знал, откуда бралось недовольство. В нем жила тревога, тоска по чему-то расплывчато-туманному, о котором он знал только, что оно наверняка где-то существует. Школа в этом смысле не изменила ничего. Она попросту заняла место детского сада; как и раньше, он проводил вечера у телевизора, который все больше ему надоедал. И все больше нервничал в те часы, когда брат пропадал в городе и — как думал Барри — участвовал в немыслимых приключениях. Однажды он даже спросил Гаса, нельзя ли пойти вместе с ним, но восьмилетний брат, легонько ткнув его в бок, сказал: «Маленький ты еще». С того дня Барри уже не осмеливался спрашивать, только уныло глядел вслед брату, когда тот за спиной у родителей крался вон из квартиры. А потом вдруг настал день, когда Гас знаком показал ему: идем!

Барри прямо-таки ошалел от счастья. Он шел за Гасом, на несколько шагов отставая от брата, который быстро лавировал в толпе прохожих. По эскалатору они спустились под землю, на один из пешеходных уровней, знакомый Барри лишь постольку, поскольку иногда в субботу после обеда родители брали его с собой по магазинам. Все здесь было совершенно не так, как на поверхности, — ни одного автомобиля, зато полно места для людей, которые могли ходить где угодно, не думая ни о каких правилах. По расположению магазинов можно было сообра-

зять, что возникли они вблизи станций подземки, там, где чуть не все обитатели квартала проходили дважды в день — по дороге на работу и с работы. Здесь сияло море огней, здесь были витрины, полные дорогих товаров, сверкали стекла и зеркала, покоряя слух покупателя, лилась музыка из десятков динамиков, стояли в напольных пластиковых вазах цветы, пестрели украшения, разложенные на столиках, стенды с открытками и книжками карманного формата, гул голосов заливал все вокруг мягкой волною, а из зарешеченных отверстий климатизатора выплескивался поток почти ощутимо густого воздуха. Барри хоть и боялся потерять брата из виду, но все же нет-нет да и поглядывал на замечательные картины, мелькавшие с обеих сторон: газетчики, музыканты и певцы, полицейские и попрошайки, сосисочная, люди на высоких табуретах, а перед ними hot dogs¹, вазочки с мороженым, бутылки кока-колы. Подъезды универсальных магазинов, кино театры непрерывного показа, бары с красными шторами, монахини, накрашенные девицы.

Мало-помалу они выбрались из давки. Редкие слепяще-яркие, защищенные сеткой фонари освещали эти места, товары в магазинах были дешевле и упакованы похуже, табачная лавка, дешевый антиквариат, там и сям стоят, прислонясь к стене, руки в брюки, люди в грязных спецовках, в нишах спят пьяные. Эскалаторов здесь не было, здесь ходили по бетонным лестницам. Узкие коридоры, звездчатые развилки, афишные щиты в рваных клочьях бумаги, древесная стружка и ошметки бумаги под ногами. Гас еще ускорил шаги, и Барри, догнав его, искал поглядывал на брата: Гас с решительным видом глядел вперед, ясно было, что он здесь как дома. Да он наверняка везде чувствует себя как дома.

Впереди слышен глухой шум, изредка даже сильные крики... Они свернули за угол, коридор немного расширился. Тут собрались десятка два мальчишек, в большинстве постарше Гаса, они следили за игрой, то и дело криком подбадривая участников. Игра чем-то напоминала

¹ Сосиски (англ.).

теннис: две команды по пять игроков посылали мяч в стены, отбивая его тяжелыми пластмассовыми ракетками.

Гас и Барри присоединились к зрителям. Игра была яростная — в ней требовались и ловкость, и грубая сила. Барри хотя и не знал правил, но все же смекнул, что дело здесь шло не в последнюю очередь о том, чтобы попасть мячом в противника и вынудить его сдаться.

По дружным восторгам болельщиков команды-победительницы Барри понял, что встреча закончилась. Один из мальчишек подошел к Гасу и, показав на Барри, спросил:

— Это он?

Гас кивнул.

Мальчишка смерил Барри пристальным взглядом.

— Ладно, берем!

Гас повернулся к Барри.

— Слышал? Тебя приняли. — Он дружески ткнул брата в бок. — Видишь черную линию на полу? Это граница игрового поля. Если мяч упадет за нею, ты его подберешь и бросишь мне. Понял? Мне, и больше никому!

От волнения Барри толком не мог говорить, едва выдавал шепотом:

— Порядок!

На площадку вышли Гас и еще несколько мальчишек; в руках у них были ракетки команды-победительницы. На второй половине поля выстроились соперники.

Началась первая перекидка, и очень скоро Барри пришлось взяться за дело. Как выяснилось, за мячом бегал не он один. Его оттолкнули, и мяч достался другому, который и бросил его на площадку — конечно, не Гасу. Судя по всему, у каждого из игроков был свой собственный подносчик. Тому, кто в конце концов получал мяч, разрешалось отбить его, и находился он при этом в меньшей опасности, чем остальные четверо, которые стояли на передней линии, близко от противника. Нередко как раз на них и сыпались молниеносные встречные удары, а при этом легко было вылететь из игры.

Разобравшись в этих тонкостях, Барри решил, что поддержать Гаса для него дело чести. Не щадя себя, он кидался в мельтешащий клубок, возмещая ловкостью недо-

статок силы. Он был не хуже других, а может, и чуточку лучше. И когда во время короткого перерыва Гас кивнул ему, он почувствовал, как его захлестывает гордость.

С того дня Барри всегда сопровождал Гаса, когда тот шел играть. И каждый раз это было настоящее приключение. Уже сама дорога по торговым улицам, роскошные вещи за стеклами витрин, элегантные мужчины и женщины, мелькавшие порой словно экзотические птицы... Да и играть было ужасно интересно, ведь теперь он с каждым днем все лучше разбирался в правилах. За игрой он забывал обо всем, видел только быстрые движения участников, мельканье мяча, контуры игрового поля, других мальчишек-подносчиков, которые постараются отнять у него удачу. Он внимательно следил за каждым поворотом игры, пытался предугадать, куда полетит мяч, чтобы в случае чего первым схватить его. Шум игры музыкой звучал в его ушах — свист рассекающих воздух ракеток, глухие удары мяча, шарканье подошв... Не было для него мгновений чудеснее тех, когда он держал в руке мяч — символ своей удачи! Так здорово — ощущать ладонью гладкую поверхность эбонита, под которым прятался стальной шарик. Несколько раз ему досталось этим мячом — удары были резкие, поначалу они слегка оглушали, лишь немного погодя открывалась сильная боль и на месте удара набухал большущий желвак.

Временами возникали помехи, правда не слишком серьезные. Меньше всего хлопот доставляли случайные прохожие, которые знать не знали, что в этой части подземных переходов обосновалась ребятня. Их быстро учили уму-разуму — бранью и грубыми тычками. Игра на несколько минут прерывалась, и они всем скопом бросались на чужаков.

Иногда заявлялись подростки, ребята постарше, которые забавы ради прогоняли малышей, отнимали у них ракетки, били фонари, раздавали направо и налево пинки и затрещины. Обычно проходил еще день-другой, пока городские ремонтники устраняли повреждения.

Однажды нагрянула полиция — то ли прохожие нажались, то ли служба порядка заметила, что повреждения чаще всего бывают именно в этом углу.

Произошло это как раз, когда один из игроков команды противника послал мяч далеко в коридор — удобный случай для шустрого Барри опередить соперников. Барри пропустил мимо ушей предостерегающий крик, не заметил, что никто из подносчиков даже и не подумал гнаться за ним, и вдруг увидел перед собой реальность, которая в первую минуту буквально ошеломила его: один полицейский цапнул его за воротник, а другой нагнулся за мячом и показал его остальным, словно добычу. Барри и мяч — вот все, что попало в руки полиции, остальные ребята разлетелись, как подхваченное вихрем конфетти, исчезли в боковых коридорах, в люках вентиляции, в контейнерах очистной службы, в канализации...

Несколько часов Барри продержали в участке, требовали назвать имена других мальчишек — судя по всему, за ними водились и иные грешки, о которых Барри не знал. Под яркими лучами юпитеров он вспотел и прямо-таки изнывал от жажды. Но все равно не сказал ни слова. Потом родители забрали его домой, и недели две-три он вечерами сидел в квартире, под замком — время игр кончилось.

В ГОРОДЕ

ВЕЧЕР

Барри добрался до центра. Едет медленно, озираясь по сторонам. Машин на улицах мало, зато множество людей: толпятся возле баров и увеселительных заведений. Обрывки музыки, пронзительные рекламные призывы из мегафонов. Оглушительный шум.

Стены домов тоже пестрят назойливой рекламой, сияют неонами, мигающими гирляндами лампочек.

Несколькими кварталами дальше... Здесь поспокойнее. Отыскав гостиницу, Барри ставит машину в подземный гараж.

Запах смазки.

Он садится в лифт, поднимается на первый этаж, подходит к администратору.

Барри. Есть свободные номера?

Человек в серой ливрее неодобрительно разглядывает его. Потом снимает с доски ключи.

Администратор. А как же, мистер... (*Пододвигает Барри регистрационную книгу.*) Будьте добры, запишите свою фамилию.

Барри записывает, берет ключи. Секунду медлит.

Барри. Вы слышали про Гаса Гриффина?

Администратор. Ну, знаете ли! Кто ж про него не слышал?!

Барри. Большая шишка в городе, а?

Администратор. Пожалуй что так.

Барри. Мне бы хотелось его увидеть.

Администратор. Увидеть? Чего проще... Возьмите в видеотеке парочку кассет. Все его речи записаны на пленку. Первый призыв к освоению Сириуса... Классно! Да вы наверняка и сами знаете!

Барри. Пожалуй, я возьму эту пленку. Где у вас видеотека?

Администратор. В подвале.

Барри. Прямо сейчас и зайду. А сумку пусть отнесут ко мне в номер.

Администратор. Непременно.

ВИДЕОТЕКА

ВЕЧЕР

Барри в видеотеке. Несколько телевизоров, кресла, звукоизолирующие перегородки.

Барри один. Ставит кассету, нажимает на кнопку воспроизведения.

Пощелкивание, потом звуки фанфар, мелодию подхватывает оркестр.

На экране вспыхивают переплетенные буквы «СТ», а внизу — для тех, кто еще не знает, — подпись: «СИРИУС-ТРАНЗИТНЫЙ». Потом в кадре возникает панорама звездного неба, и поверх нее во весь экран снова тот же вензель «СТ».

Наплывами — созвездия, одно, другое, третье; затем как

бы полет в глубины космического пространства... Яркая точка набухает, вырастая в шар, зеленый, вращающийся шар...

В кадре появляется человек в костюме астронавта, он заметно похож на Барри, но старше, крупнее, увереннее, Гас Гриффин.

Гас. Вы уже догадались... Да, это она, наша новая планета в окрестностях Сириуса. Наши астронавты открыли тысячи планет, но эта — подлинная сенсация. Копия нашей Земли.

Корабль заходит на посадку. Ледяные пики гор, ущелья с искрящимися на солнце водопадами, пышная растительность чуть не до самой границы снегов... Горы уплывают из кадра, просторная равнина, луга, заросли кустарника, редколесье...

Гас. Пригодный для дыхания воздух, питьевая вода, множество дичи... Рай! И вот этот вновь открытый мир нам предстоит заселить. Уже создана фирма, которая займется освоением и организует перевозки. Люди, не упустите свой шанс! Это — приключение, подарок человечеству от судьбы. Приходите к нам, все в ваших руках! Участвуйте в освоении планеты — и вы сможете сами выбрать для себя землю! Приходите, люди, давайте работать сообща. Приходите в «Сириус-Транзитный»!

На экране чудесные края — лесные поляны, заросший цветами берег озера...

Виденье исчезает, снова вспыхивают многозначительные буквы «СТ». Заключительный аккорд фанфар. Странное чувство: гордость пополам с умилением.

Секунды через две-три Барри встает, выходит из просмотровой. За дверью, на выдаче — девушка.

Легкий аромат лаванды.

Барри. У вас есть план города? И адресная книга?

Нелли. Конечно, мистер. Даже бесплатно! *(Пододвигнув ему то и другое, она бросает взгляд на счетчик.)* Три-ста десять секунд демонстрационного времени. С вас шесть двадцать.

Барри отсчитывает деньги, потом листает адресную книгу, что-то ищет на карте и наконец складывает ее.

Барри. Возьму на время!
Девушка открывает было рот, собираясь возразить, но в итоге лишь пожимает плечами.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

ВЕЧЕР

Барри снова сидит за рулем, разложив рядом на сиденье план города. Места вокруг тихие, спокойные, и он сбавляет скорость, пытается сориентироваться...

Ставит машину у тротуара и, сунув карту в карман, идет дальше пешком. Перед ним что-то вроде парка; он приостанавливается, заметив табличку: **ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ВХОД ВОСПРЕЩЕН!**

Барри шагает дальше. Он выбирает широкую дорожку, выложенную цветной плиткой, ярко освещенную вереницей фонарей. Впереди какой-то небольшой домик, наверно привратническая, влево и вправо тянется высокий сетчатый забор с колючей проволокой наверху.

Когда Барри подходит к воротам, открывается окошко, в котором видна голова охранника. За спиной у Барри неожиданно вырастают еще двое, эти в мундирах городской полиции.

1-й охранник. Что вам угодно?

Барри. Я — брат Гаса Гриффина. По-моему, он здесь живет? Я хочу с ним повидаться.

Охранник презрительно смотрит на него.

Охранник. Ничего лучше ты не придумал? (*Двум другим.*) Ну никак эти типы не угомонятся. (*Снова обращаясь к Барри.*) Катись отсюда, да поживее, а не то я тебя упеку за нарушение неприкосновенности жилища. Табличку видел?

Барри. Послушайте, я хочу поговорить с братом! Если он узнает, что вы меня не пустили...

Человек в окошке делает знак двум другим. Они хватают Барри за руки, наносят ему несколько ударов.

Ноющая боль в ребрах.

Барри возвращается на улицу и сворачивает налево. Огля-

дывается. Охранники исчезли. Пройдя метров пятьсот вдоль границы сада, он перепрыгивает через цветочную клумбу и под прикрытием кустов и деревьев снова приближается к запретной зоне.

Еще несколько метров — и он у забора. Уже собираясь шагнуть к сетке, замечает на колючей проволоке изоляторы. Медлит.

Собачий лай — как гром среди ясного неба.

Барри резко поворачивается — перед ним снова охранники с четырьмя псами на сворке.

1-й охранник. Так я и думал. Ну, теперь пеняй на себя!

Он спускает собак.

1-й охранник. Вперед! Взять его!

Сердце готово выскочить из груди.

Барри не медлит, мчится прочь, во весь дух, собаки за ним. Они настигают его, но все же ему удастся уйти, хоть и ценою покусанных ног и порванной штанины.

Кожа на икрах саднит.

Он поспешно садится в машину и, газанув, рывком трогает с места.

В ГОСТИНИЦЕ

НОЧЬ

Барри Гриффин ставит машину в гостиничный гараж. Берет ключи от номера и на лифте поднимается наверх, на тринадцатый этаж. Разыскивая свой номер, он замечает, какая здесь царит лихорадочная суета — крохотные киоски, кафетерий, танцевальный салон. Гостиница, похоже, плавно переходит в развлекательный центр. Идущие навстречу люди изумленно шарахаются в сторону, глядя на его изодранную одежду.

Гул голосов, обрывки музыки.

Наконец он находит свой номер, но едва опускается в кресло, как дверь распахивается и входят двое: парень и девушка из обслуживающего персонала, азиаты, вероятно корейцы.

Барри. Ба! Вы тут зачем?

Служитель. Мы к вашим услугам.

Барри. Но мне ничего не нужно.

Девушка пытается затащить его в ванную, а поскольку Барри упирается, она полицейским приемом выкручивает ему руку и швыряет его на диван.

Резкая, но быстро утихающая боль в плече.

Барри. Эй, послушайте, как это понимать...

Служитель. Это входит в обслуживание, сэр.

Бережно и вместе с тем решительно Барри раздевают и вталкивают под душ.

Запах мыла, горячие струи на коже.

Потом ему делают массаж, девушка приносит чистое белье — и Барри, волей-неволей признав, что чувствует себя приятно посвежевшим, одевается.

Ощущение чистоты и свежести; пробуждается предприимчивость.

Служитель. Два доллара пятьдесят центов — за все. Приятного вечера!

Барри сует парню деньги, и тот выходит, вместе с девушкой. Теперь можно и осмотреться: вполне приличная комната окнами на увеселительный квартал, стереоустановка, телеэкран во всю стену и видеофон. Музыка включена на полную громкость, на экране мелькают кричащие яркие балетные сцены. Барри ищет выключатели, но они, похоже, не работают. Сунув в карман бумажник и еще кой-какие мелочи, он выходит из номера.

Всего несколько шагов, и он оказывается в гуще толпы, жаждущей одного — развлечений. Прислонясь к стене, он наблюдает за людьми у игровых автоматов, и тут к нему подходит сильно накрашенная блондинка. Она хватается за локоть, прижимается к нему.

Блондинка. Ну, чем займемся нынче вечером?

Нестерпимый запах духов.

Барри пытается высвободиться, но от нее так легко не отвяжешься.

Блондинка. Ты что, робкий такой или не знаешь, как вести себя с дамой?

Кое-кто из зевак, привлеченные этой сценой, подходят ближе. От толпы отделяется еще одна девушка.

Аромат лаванды.

Нелли. Оставь его в покое, Зисси. Иди отсюда, иди! Блондинка встряхивает гривой и, пренебрежительно махнув рукой, уходит. Барри только через минуту-другую, присмотревшись как следует, распознает, кто вызволил его из неприятности: девушка из видеотеки, которая выглядит сейчас, между прочим, совершенно иначе. Темные волосы до плеч, легкий грим, длинное платье.

Барри. Ах, это вы.

Нелли. Да, я — хотела получить назад карту.

Барри (*слегка смущенно*). О-о, боюсь, я ее потерял.

Нелли. Тем хуже для вас! Придется возместить ущерб.

Барри. Каким образом?

Нелли. Вы должны пригласить меня поужинать. Согласны?

Барри. Согласен.

Барри озирается в поисках ресторана, девушка, догадавшись, что он ищет, показывает рукой.

Нелли. Это вон там. Идемте...

Барри. Меня зовут Барри.

Нелли. А меня Нелли.

Они пробираются сквозь толпу.

В РЕСТОРАНЕ-АВТОМАТЕ

НОЧЬ

Барри и Нелли сидят у стойки ресторана-автомата. Бифштекс выглядит соблазнительно, салат тоже свежий. Барри вспоминает, что последний раз ел много часов назад.

Барри. Ну что ж, приятного аппетита!

Нелли. И вам того же.

Принимаются за еду.

Пряный вкус поджаренного на гриле мяса.

Нелли. Что нужно в Санта-Монике такому, как ты?

Барри. Такому, как я?

Нелли. На авантюриста ты не похож. На игрока тоже. Работу ищешь?

Барри. Здесь ведь есть работа, верно? Ты разве не слыхала про Сириус?

Нелли (с расстановкой). Про Сириус? Ты собрался на Сириус?

Барри. А почему бы и нет?

Нелли. На Сириус... туда многие рвутся. А удача — она выбирает не каждого.

Барри отправляет в рот большой кусок бифштекса. Улыбается.

Вкус жира на языке и нёбе.

Барри. Думаю, у меня есть шанс. Слыхала о Гасе Гриффине?

Нелли. Что за вопрос!

Барри кладет нож и вилку.

Барри. Он мой брат.

Нелли перестает жевать.

Нелли. Да что ты говоришь?

Барри. Не веришь?

Нелли опять принимается за еду, продолжая говорить с полным ртом.

Нелли. Послушай, Барри, со мной этот номер не пройдет. Если хочешь мне понравиться, придумай что-нибудь новенькое.

Барри. Почему ты мне не веришь?

Нелли. Историю Гаса Гриффина все наизусть знают. Он найденный, и семьи у него нет. Жил на свете один-единешенек, а вон ведь как высоко взлетел. От чистильщика сапог и судомоя до руководителя «Сириуса-Транзитного». То, чем стала нынешняя Санта-Моника, целиком его заслуга. Гаса тут у нас в обиду не дадут. Так что ты эту свою басню никому не рассказывай, а то неприятностей не оберешься.

Барри лезет было за документами, но, помедлив, опускает руку.

Барри. Но я же могу доказать, я правда его брат.

Нелли. Ах, да брось ты, Барри. Парень ты хороший и наверняка отлично проведешь в городе пару деньков. А потом наостришь лыжи и все позабудешь, как ничего и не было.

Барри (*раздраженно*). В сущности, какая разница, веришь ты мне или нет. Но почему, черт побери, у меня не может быть шансов попасть на Сириус?

Нелли отодвигает тарелку и пригубливает свой бокал.

Нелли. Господи боже мой! Как по-твоему, сколько людей наскребают последние деньжонки, чтобы приехать в Санта-Монику? Они все воображают, что только их тут и дожидаются.

Барри (*перебивает*). Но люди-то нужны... Сириус — это неосвоенные земли...

Нелли. Знаешь, сколько народу приходит каждый день? Со всех концов света едут. Господа из «Сириуса-Транзитного» могут выбирать. (*Она критически смотрит на него.*) С какой стати им брать именно тебя?

Барри. Даже если Гас не поможет, у меня есть права пилота первого класса. Пять лет на линии проработал. Аттестаты отличные. Прежде чем с такой работы уйти, сто раз все обдумаешь. Скажи лучше, что надо сделать, чтобы меня внесли в список.

Нелли. Обратись в управление кадров. А там видно будет.

Барри. Так я и сделаю, не сомневайся.

Нелли встает, расправляет платье.

Нелли. Предлагаю сегодня больше об этом не говорить. Согласен?

Барри. Ладно.

Она целует его в щеку. Легкое прикосновение приятно.

ИГОРНЫЙ САЛОН

НОЧЬ

Нелли ведет Барри в игорный клуб. Сначала они пытаются счастья у автоматов, потом — в электронной рулетке.

Барри проигрывает, но не расстраивается.

Выпив бокал-другой, они идут в дансинг.
Зажигательные пассажи африканской музыки, подчеркнутый ритм, приглашающий потанцевать.
Барри соблюдает уговор: ни о брате, ни о своих планах не заикается. Игра огней, движение вокруг, музыка, вино...
Все это кружит голову, пьянит.
Терпкий вкус коктейля.
Музыка замедляется, становится более спокойной, почти романтической.
Барри привлекает Нелли к себе, ему хорошо.
Аромат лаванды.

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР**НОЧЬ**

Барри приводит Нелли к себе. Телевизор по-прежнему работает, из стереоустановки гремит музыка.
Барри. Где же выключается эта чертовина?
Нелли. Не так все просто: надо бросить доллар.
Она показывает на ряд прорезей возле выключателя.
Барри. Да, тут смотри в оба: как липку обдерут!
Бросает в щель доллар, телеэкран гаснет.
Нелли. А еще вот сюда, Барри!
Барри. Зачем?
Нелли. Чтоб нам не мешали.
Барри. Невероятно!
Нехотя следует совету Нелли.
Нелли. По-твоему, это не стоит того?
Она подходит к Барри, обнимает, целует. Потом, чуть отстранясь, испытующе смотрит на него.
Нелли. Может, у тебя нет больше денег? Ну-ка, поглядим!

Берет с ночного столика бумажник Барри, открывает... Ее лицо, несколько помрачневшее, опять веселеет.

Нелли. Не знаю, чего ты хочешь, на несколько дней еще вполне хватит.

Барри. Да будет тебе, Нелли, лапочка.

Он опускается на кровать, протягивает к Нелли руки. Она садится к нему на колени. Целуются. Барри ощупью отыскивает выключатель.

Верхний свет гаснет, остается только ночник.

Барри. Хотя бы здесь доллар не нужен.

Нелли. О чем ты, милый?

Барри. Ни о чем, Нелли, ни о чем...

Сильный запах лаванды.

ГОСТИНИЧНЫЙ НОМЕР РАННЕЕ УТРО

Проснувшись утром, Барри с трудом вспоминает, где он. Озадаченно озирается. Он один, постель смята, горит ночник, но сквозь жалюзи на кровать падают полосы солнечного света.

Голова точно обручем стиснута.

Охая, Барри садится. На ночном столике лежит его бумажник, рядом записка. Он берет ее, читает: счет за оказанные услуги (включая пять часов сверхурочных) — 120 долларов. Барри сминает записку, бросает на пол.

Зевнув, опять укладывается.

В дверь стучат.

Дверь отворяется, входят вчерашние парень и девушка.

Служитель. Восемь утра, сэр. Пора принять горячую ванну.

Девушка подходит к окну, начинает поднимать жалюзи.

Барри. Слушайте, мне бы еще чуток поспать.

Парень в белом комбинезоне пожимает плечами.

Служитель. Сожалею, сэр. Вы должны...

Барри. Один час сна. Сколько?

Служитель. Пять долларов, сэр.

Барри достает монету в пять долларов, кидает парню. Тот делает знак своей спутнице, она опускает жалюзи.

Служитель. Приятного отдыха, сэр.

Они выходят. Барри, качая головой, смотрит им вслед. Потом снова ныряет под одеяло.

ОФИС «СИРИУСА-ТРАНЗИТНОГО» УТРО

Спустя два часа Барри входит в офис «Сириуса-Транзитного». Некоторое время он плутает — это целый лабиринт зданий, там и сям соединенных крытыми мостиками, коридоры, холлы, дворики с фонтанами. Наконец он попадает во флигель менее парадного вида и, свернув за угол, видит в коридоре длиннющую очередь. Он проходит мимо нее, читает табличку на дверях: УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ. Оборачивается, с сомнением глядит на вереницу ожидающих, затем на часы. Решительно пробует открыть дверь, и очередь немедленно становится на дыбы.

1-й мужчина. Ишь, какой шустрый выискался! В хвост давай становись, парень, а не в голову!

2-й мужчина. Тоже мне, ловкач!

Теперь Барри приглядывается к этим людям внимательней. Все они на вид какие-то жалкие, одеты плохо, некоторые производят впечатление не то больных, не то калек; преобладает молодежь — от двадцати до тридцати, есть и женщины.

Запах пропотевшего белья.

Барри встает в хвост очереди. Потом обращается к тощему бледному парню с жидкими волосами, который стоит впереди него.

Барри. Это надолго?

Парень. Сегодня точно не попадем, разве что завтра. Эти сволочи мурыжат нас тут, пока не почернеем.

Барри. Сегодня, значит, не попадем?

Парень беззастенчиво глазеет на Барри.

Парень. Тебя что, вышибли?

Он хватает Барри за рукав пиджака, щупает ткань.

Парень. За это вот тебе по-честному отвалят полста! С такими деньгами на всю катушку «двинешься». Показать лавочку?

Барри с омерзением отшатывается.

Барри. Только завтра! Чего терпеть не могу — так это стоять в очередях и ждать.

Парень. Раньше я тебя тут вроде бы не видал. Да и не похоже, что с башлями у тебя туго.

Барри. Ты на что намекаешь? Здесь разве не управление кадров? Мне работа нужна.

Парень *(смеясь)*. Господи, работа ему нужна! А нам, по-твоему, что нужно?

Барри. Н-ну... в самом деле, что?

Парень. Все тут лицемеры хреновые, вроде нас с тобой. Все ведь знают: стоит один раз вылететь с работы, и другой ты уже не получишь. Вот нам и суют десятку в зубы, чтоб на неделю от нас отвязаться. А называют это «социальной помощью». Ты присмотришься, кто тут отирается — сплошь подонки. Что с них возьмешь!

Барри. А как же неосвоенные земли на Сириусе? Ты там бывал? Расскажи, там правда так красиво?

Парень *(задумчиво)*. Сириус... О-о, Сириус далеко, очень, знаешь ли, далеко. А мы здесь...

Некоторое время Барри слушает его, потом молча уходит. Еще раз обводит взглядом очередь. В нем закрадывается подозрение, что здесь что-то не так — это вовсе не окрыленные надеждой молодые люди, стремящиеся к освоению новых земель.

На сей раз он не позволяет остановить себя у двери, нажимает на ручку и входит в управление кадров. Коридор взрывается возмущенным криком.

Толпа. Нет, вы гляньте на него! Эй, малый, мы первые! Ну, попадись только!

В конторе стоят несколько столов, за каждым чиновник,

а против него, на простом жестком стуле,— проситель. Один из чиновников, услышав шум, поднимает голову, неодобрительно смотрит на Барри, встает и идет ему навстречу.

Чиновник. Чем могу служить, мистер?

Барри. Мне бы хотелось получить работу на Сириусе. Я пилот. Полагаю, могу быть вам полезен.

Чиновник. Ну разумеется, мы очень рады молодым пилотам. Вас уже внесли в список?

Барри. В какой список?

Чиновник. Ничего страшного. Я дам вам записку. Идите в шестьсот семнадцатую комнату, этажом выше.

Барри (*неуверенно*). Тут еще одно дело. Может быть, вы мне поможете. Я брат Гаса Гриффина... (*Достает бумажник, вынимает удостоверение.*) ...Мне бы хотелось поговорить с ним. Вероятно, он где-то здесь?

Чиновник смотрит на него слегка озадаченно.

Чиновник. Но, мистер, это вам совершенно ни к чему! За дверью по крайней мере пяток таких, что выдают себя за родных и знакомых Гаса Гриффина.

Он подходит к двери, распахивает ее.

Чиновник. Эй, Стив, ты ведь близкий друг Гаса Гриффина, верно?

От толпы отделяется сутулый мужчина лет тридцати, волосы темные, с проседью, лицо в морщинах.

Стив. Само собой! Вот он я. Как там старина Гас? Хочет потолковать со мной?

Его лицо расплывается в ухмылке — Барри толком не понимает, шутит он или говорит всерьез.

Чиновник. Гляди, это вот брат Гаса, не хочешь с ним поздороваться?

Очередь громко хохочет.

Стив подбегает к Барри, хлопает его по плечу, трясет ему руку.

Стив. Здорово, сынок! До чего ж я рад тебя видеть! (*Обернувшись к другим.*) Он, кажись, меня не узнает!

Громовой хохот.

Стив. Неужто добряк Гас тобой не интересуется? Неужто не рад, что ты здесь? Не расстраивайся, на меня ему тоже наплевать. Он нас обоих забыл. А поэтому подкинька мне денжат, ты ж, в конце концов, младший братишка великого босса!

Чиновник следит за диалогом с явным удовольствием, очередь тоже наслаждается спектаклем. Но когда Стив, пользуясь случаем, норовит пролезть в передние ряды, его бесцеремонно отшвыривают.

Чиновник. Ну все, хватит! (*Повернувшись к Барри.*)
Будьте здоровы, мистер!
Секунду он смотрит Барри вслед, потом захлопывает дверь.

КОМНАТА 617

УТРО

Барри поднимается этажом выше, отыскивает комнату 617, стучится и входит.

Толстячок средних лет встает из-за стола, приветствуя Барри.

Тот вручает ему записку, толстяк читает, просит Барри садиться.

Чиновник (*себе под нос*). Вы, значит, пилот... Хотите на Сириус...

Барри достает из нагрудного кармана пачку бумаг.

Чиновник. Прекрасно, прекрасно... Вас немедля регистрируют.

Он садится к дисплею, набирает на клавиатуре какие-то данные.

Чиновник. Позвольте ваше удостоверение.

Барри подает ему документ.

На дисплее один за другим мелькают портреты молодых людей.

Чиновник (*себе под нос*). Маленькая формальность, недоверие тут ни при чем — вы ведь понимаете...

Барри. Ну разумеется.

Чиновник нажимает на кнопку, экран гаснет.

Чиновник. Как видите, все в порядке. Все замечательно.

Барри. У вас есть для меня работа? Когда можно приступить?

Толстяк встает, сияя благожелательством. Кладет руки Барри на плечи.

Чиновник. Наберитесь еще немного терпения. Претендентов у нас много, но большинство, увы, никуда не годятся. А вот ваши аттестаты! Вы без труда выдержите испытания.

Барри. Испытания? А когда? Когда они будут?

Чиновник. Как я уже говорил, претендентов много. Но я включил вас в список очередников. Возможно, вам повезет, и очередь подойдет быстро.

Чиновник склоняется над столом, накарябывает на листке несколько слов.

Чиновник. Вот! Наведайтесь завтра! Придете прямо ко мне. Я все сделаю, чтобы вам помочь. Желаю удачи!

Барри пожимает толстяку руку и выходит. Не успев отойти от двери, он сталкивается с мальчиком, одетым в куртку с вышитым вензелем «СТ».

Мальчик. Прошу вас, сэр, сюда.

Барри изумленно глядит на него. Мальчик подводит его к одной из дверей, отворяет ее.

Мальчик. Сюда, пожалуйста.

Барри останавливается на пороге, глядит по сторонам. Перед ним большая, со вкусом обставленная комната — окно во всю стену, ковры, огромный письменный стол. За столом молодая женщина, очень хорошенькая, темно-волосая, с овальным личиком, — южный тип, воплощенная грация и изящество. Она встает, протягивает Барри руку.

Прохладное дуновение от вентилятора.

Ютта. Извините, что я вас задержала. У меня сугубо приватный интерес. Совершенно случайно услышала, что вы здесь.

Она листает бумаги; Барри видит, что это ксерокопии его документов. Ютта сует их в приемную щель какой-то машины, та начинает двигаться, разрезая страницы на мелкие клочки.

Ютта. Это никого не касается. Идемте отсюда, а то ведь наверняка кто-то подслушивает.

Она жестом показывает на контрольный пульт, на микрофоны и камеру видеофонной сети.

Ютта. Позвольте пригласить вас на кофе. Это близко, лифтом поднимемся.

КАФЕ НА КРЫШЕ

УТРО

Кафе-бар на крыше центрального корпуса. Чудесный вид на Санта-Монику и далеко за пределы города, до самого ракетодома. Корабли стартуют каждые полминуты, целыми группами, и даже на фоне белесо-голубого неба пламя двигателей слепит глаза.

Ютта и Барри выбрали столик на смотровом балконе; официант расставляет перед ними чашки, наливает кофе.

Ютта дожидается, пока он уйдет.

Ютта. Вы брат Гаса Гриффина, я ужасно рада, что нашла вас. Почему вы не предупредили о своем приезде?

Барри (*неуверенно*). Хотел сделать Гасу сюрприз. Решение пришло как-то вдруг, неожиданно,—и вот я здесь. Пробовал дозвониться, навестить, но не сумел его разыскать.

Ютта. Гас очень занят. Вы же знаете, какова его роль в этом городе.

Барри. Конечно.

Ютта. Вот и надо было предупредить. Вы впервые здесь?

Барри кивает.

Ютта. Ясное дело, откуда вам знать, как тут все обстоит. Гас не просто президент «Сириуса-Транзитного», он еще и знаменитость. Идея принадлежала ему самому:

он не хотел окапываться за столом, принимать решения при закрытых дверях... Он тип современного руководителя и работает в открытую. Так повелось с самого начала. Вы ведь знаете его первое большое выступление... Когда он призвал к освоению Сириуса?

Барри опять кивает.

Барри. Почему я не могу попросту с ним связаться? Мне везде отказывали, даже высмеивали.

Ютта снисходительно глядит на него.

Ютта. Я же сказала: он — знаменитость. Кто к нему только не рвется, любыми средствами! И чего они только не требуют. Одним нужен всего лишь автограф, фотография с посвящением. Другие думают, что он даст им денег или работу. Ведь они доверяют ему — именно с таким расчетом он и создавал свой имидж. Да он и в самом деле постоянно трудится ради всеобщего блага. Только вот о каждом в отдельности заботиться не может. Мы должны оберегать его... Вопреки его желанию.

Барри. Да, но...

Ютта. Для них все способы хороши. То на давнее знакомство ссылаются, то за родственников себя выдают. Иные являются с подарками, которые обязательно надо передать из рук в руки, другие уверяют, будто имеют для него какие-то важные сведения. Все они обманщики.

Барри. Но мне вы верите? Или нет?

Ютта кладет руку ему на плечо.

Ютта. Конечно, верю. Безусловно. Вы совсем другое дело.

Она пристально смотрит на него.

Ютта (*задумчиво, не столь официально*). Вы похожи на него. Да, так Гас выглядел, наверно, еще год-другой назад. Вы моложе и мягче, но сходство неоспоримо... Удивительно!

Барри. Когда же я увижу Гаса? Он наверняка обрадуется.

Ютта. Конечно, обрадуется! Жаль, правда... Но сейчас у него и пятнадцати минут свободных не найдется.

Она жестом показывает на космопорт.

Ютта. Посмотрите, сколько у нас работы! Осваивать целую планету — это вам не пустяк. Вы даже не представляете, сколько всего надо как следует обдумать и учесть. Мы на решающем этапе, и Гас хочет исключить любые случайности. Он за всем следит сам, успевает повсюду. Обстоятельства в самом деле уникальные... К вашему сожалению. Наверно, я вас разочаровала?

Барри. Но должна же быть какая-то возможность...

Ютта. Я вам помогу. Если действовать по инструкции, вы никогда брата не увидите. Но я, кажется, знаю один способ...

Ютта смотрит на часы: похоже, ей вдруг стало некогда. Она встает.

Барри тоже.

Ютта. Давайте встретимся... Может, сегодня вечером? Вам удобно?

Барри. А где?

Ютта. В баре отеля «Шератон». Не возражаете?

Барри. О нет. В восемь?

Ютта. Лучше бы чуть попозже. В десять.

Барри. Хорошо. Я приду. И спасибо вам...

Ютта с улыбкой протягивает ему руку.

Ютта. Зовите меня Юттой. До свидания, Барри.

Барри. До свидания, Ютта.

Нью-Йорк, Бостон, Чикаго — один исполинский город, раскинувшийся по озерной равнине на многие сотни километров, до самой Атлантики. Только станции подземки напоминали о прежних названиях: «Нью-Йоркский муниципалитет», «Чикагский аэровокзал», «Бостонский клуб св. Патрика».

Лишь кое-где уцелели остатки старинных домов, сады и парки; они были отданы ученым, а всем остальным доступ туда был воспрещен. Даже не верится, что где-то на юге и на западе есть якобы еще нетронутая природа — горы, дремучие леса, пустыни, еще не заселенные человеком, не засеянные, не климатизированные. А над этими просторами якобы синее небо, прозрачное, точно купол из синего стекла, а не висит смог из пыли, сажи и крохотных капелек нефти, вынуждающий средь бела дня включать искусственное освещение.

Заметно нарушали эту унылую мозаику из бетона и пластика только аэродромы для внутриконтинентальных рейсов, с косой штриховкой ВПП, да трансконтинентальные ракетодромы с их обугленными посадочными полями. Ракеты стартуют вертикально, поэтому собственно стартовые площадки для ракетных лайнеров были очень невелики, хотя на самом деле места требовалось гораздо больше: вокруг широким двухкилометровым кольцом тянулась защитная зона, население которой пришлось эвакуировать, еще когда освоение новой техники только начиналось. Это была мера предосторожности, ведь катастрофический взрыв на одном из европейских ракетодромов унес сто тысяч жизней. При тамошней нехватке пространства жилые районы непосредственно примыкали к ракетным портам; здесь, в Америке, правительство предприняло определенные шаги, чтобы обезопасить население. Людей в приказном порядке отселили в другие места, которые почти совершенно не отличались от прежних.

Гас и Барри жили как раз неподалеку от такого ракетодрома, всего в нескольких километрах. Доступ в кольцевую зону здесь тоже был воспрещен, только ведь охота пуще неволи, а лазейка всегда найдется. Вот и обретались там всякие отщепенцы, асоциальные элементы, беглые

преступники, люди без роду, без племени, незарегистрированные наркоманы, лица, преследуемые за политику, анархисты. Возможно, среди них были и шпионы с Востока, ведь — хотя об этом уже и думать забыли — война, вспыхнувшая не один десяток лет назад в Северной Азии, еще продолжалась. Пустые дома старели и разрушались. Улицы были усеяны обломками, а кое-где стали непроходимы. И на всем лежал мерцающий серебристо-серый налет — остаточный продукт сгорания ракетного топлива. Мрачный лабиринт без уличных фонарей, без водопровода и электричества. Днем сюда по крайней мере заглядывали лучи ядерных светильников, «подвешенных» на километровой высоте в помощь солнечному свету, едва пробивающемуся сквозь шапку смога, но по ночам в зоне царила крошечная тьма. Лишь временами ярко полыхал над этим призрачным пейзажем трепетный багровый отблеск стартового пламени, и тем непрогляднее казалась чернота, заливавшая округу в следующий миг.

Зона, точно магнит, притягивала банды подростков, которыми кишмя кишел огромный город. Остаться в стороне от этих группировок было практически невозможно, ведь каждая из них сулила своим участникам какую-никакую защиту, а при нападениях конкурирующих банд — хотя бы месть.

Гасу тогда было тринадцать, он примкнул к «Огненным всадникам» и, как обычно в подобных случаях, скоро занял там солидное положение. А Барри опять оказался в проигрыше, опять волей-неволей следил за жизнью старшего брата издали — когда тот изредка рассказывал ему о своих подвигах. Рассказывал об испытаниях мужества, какие должен был пройти каждый, желающий стать постоянным членом банды, расписывал их базу в запретной зоне — брошенный фабричный цех, который они приспособили для жилья, натащив туда мебели из окружающих домов, — говорил о набегах в различные части города. Хотя порой они забирались в магазины и прихватывали там добычу, ни воровство, ни грабеж не были для них самоцелью, речь шла совсем о другом. По существу, у них ведь всего хватало — их кормили-поили, одевали и обували, у всех был дом, все ходили в единую обязатель-

ную школу, которая обеспечивала старательным и смекалистым реальные шансы: по результатам проверок умственного развития, регулярно включаемых в учебный план, компьютеры определяли, в каком направлении стоит продолжать учебу, так каждый и шел своим собственным путем к взрослению, к профессии, которую мог выбрать в пределах своей квалификации. Единственное, что позволяло вырваться из тисков заранее, от начала и до конца, спланированной жизни, были деньги. Впрочем, в виде монет и банкнотов они встречались теперь довольно редко; львиная их доля состояла из одних только цифр и компьютерных данных — магнитные точки на лентах электронной памяти, что-то, по сути не существующее, а все-таки выполняющее определенную функцию; никто этого «чего-то» в глаза не видел, а все-таки мог извлечь из него выгоду, мог использовать, чтобы воплотить свои мечты. Каждому хотелось иметь деньги, многие все бы отдали ради богатства, но давным-давно уже не стало никакой возможности раздобыть его примитивным способом, отняв у другого. Нынче тому, кто норовил присвоить деньги в обход закона, нужно было знать тонкости компьютерной экономики, противопоставить изощренной системе нечто по меньшей мере столь же изощренное, а разве такое по силам заурядному преступнику прошлого, реликту, который, возможно, еще и влачил там и сям незадачливо-жалкое, обреченное существование. Прогресс, приведший к дематериализации ценностей, вызвал к жизни и новый вид преступлений, которые переместились теперь в умозрительные, непонятные народу сферы. Участники подростковых банд преступниками не были, поэтому полиция молча терпела их — хотя и держала под негласным надзором, — видя в их действиях проявления личной свободы, которая по сей день относилась к числу основных прав человека.

Главным для подростков было совсем иное, правда, тогда они наверняка об этом не подозревали: им хотелось вырваться из регламентированного бытия, где нечего ждать и не на что надеяться, хотелось разнообразия и приключений, хотелось распоряжаться территорией, на которой законы не властны, на которой можно устано-

вить свои собственные порядки, охранять ее, отстаивать и таким путем завоевывать снова и снова. Это был недолгий прорыв вспять, в общество прошлого, когда люди еще несли ответственность за то, чем они владели, когда еще действовало право сильного, зиждущееся на власти. хитрости, беспощадности, подавлении и подчинении, борьбе за место под солнцем и интриге. Здесь еще дорожили ценностями, которые для остального мира существовали разве что в умах романистов, — дружба и вражда, борьба. месть и победа. Удивительное дело, те, кто никогда ни с чем таким не соприкасался, мгновенно выучивались уважать авторитет и завоевывать его. Их мир был жесток, но эти годы подростковой анархии помогали в конечном счете уразуметь, что теперешнее государство организовано лучшим из возможных способов.

Обо всем об этом Барри даже не подозревал; слушая рассказы брата, он не задумывался над смыслом, целями и последствиями, его занимали только лишь невероятные события, которые в историях Гаса сверкающими бусинами нанизывались одно рядом с другим, затеи, порознь бессмысленные — и все же полные огромного значения: испытания мужества, самоутверждение, похвалы, встречи с неизвестным, риск, результаты символического толка и все же поразительные, захватывающие дух, неподражаемые, плоды фантазии, которая поневоле ищет выхода и без усталости изобретает диковинные выверты, поступки, на которые никто еще не отваживался и которых никто не повторит, ведь иначе они утратят новизну, исключительность, необычность. Лазанье по фермам монорельса, угон пожарной машины, состязания по бегу в туннеле подземки. Однажды они сыпанули фиолетовой краски в водопровод, питающий переполненный народом бассейн. В другой раз вышвырнули пассажиров из вагона монорельса и устроили там вечеринку. Часто все сводилось к тому только, чтобы проникнуть в запретные зоны, в чужие владения, где поджидали опасности, стычки с хозяевами, блюстителями порядка, соперниками и прочее. По несколько дней кряду они проводили настоящие исследовательские экспедиции — в вентиляционных колодцах подземных со-

оружий, в коридорах заброшенной линии подземки, в лабиринте канализации.

Важное место занимали сражения с другими бандами. Были среди них дружественные группировки, были и прямо-таки заклятые враги, но этот расклад то и дело менялся. Мелкие стычки зачастую быстро перерастали в войны между бандами, а если вдруг воцарялся мир и покой, можно было не сомневаться: скоро опять жди провокаций — возьмут в плен «языка», избыют, измажут краской или, пробравшись на территорию противника, разгромят его базу, захватят трофеи вроде знамен, самодельного оружия, украшенных орденскими регалиями кожаных курток и сверкающих хромом мопедов. Дорожишь честью — изволь нанести ответный удар; день-другой раскачки, и дело доходило до открытых рукопашных схваток. Бывало, такие противоборства тянулись и неделями. Тогда над развалинами запретной зоны повисала затаенная напряженность, едва ли не физически ощутимая. Никто не знал, где ударит противник, укрывались в штабквартире, высылая в разведку лишь самых отчаянных смельчаков, чтобы своевременно выяснить вражеские намерения. Напряженность день ото дня нарастала и наконец разряжалась взрывом. Как правило, та группировка, которая чувствовала за собой силу, шла в наступление, вторгаясь на территорию соперников. И где-нибудь на пыльной площади, на замусоренной, грязной улице происходила решающая битва.

Стремление участвовать во всех этих авантюрах настолько завладело Барри, что он вновь и вновь пробовал увязаться за братом, но несколько раз терял его из виду, а дважды Гас, заметив преследователя, сердито отсылал его домой. Барри, однако, не унимался, он просто хвостом ходил за старшим братом, уже не прячась, а делая вид, будто имеет полное право на участие. В конце концов Гас пожал плечами — дескать, пеняй на себя! — и взял его с собой. Они проехали подземкой две остановки и очутились поблизости от запретной зоны. Гас отпер отмычкой откидную дверь в безлюдном коридоре, и по ветхой железной винтовой лестнице они спустились к какому-то ленивому, зловонному ручью. Сто лет назад он, как и множе-

ство других ручьев, бежал наверху, но город строился. воду отвели и упрятали под землю. Лестницу еще художественно освещали предусмотренные инструкцией аварийные химические лампы, здесь же, внизу, их обступила непроглядная тьма, и Гас достал из кармана куртки фонарик, луч которого едва рассеивал мглу. По узенькой тропке они минут десять шли вдоль речушки, до того места, где сверху падал дневной свет. Подземный канал тут частично обвалился, и по обломкам стен, бетонным блокам, железным сваям и лестничному остову им удалось вылезти на поверхность. Гас намекнул, что это территория противника и, хотя сейчас мир, нужно поскорее отсюда убираться. И они быстро зашагали по улицам, карабкаясь порой через груды развалин, а за ними плыла туча пыли. Наконец они добрались до старой фабрики, которая служила «Огненным всадникам» штаб-квартирой. Несколько «всадников» сидели развалясь на диванах и в креслах, на Барри они не обратили ни малейшего внимания — очевидно, им было достаточно, что его привел Гас.

— Не воображай, что тебя уже приняли, — сказал Гас, — сперва надо выдержать испытание. А пока будешь делать все, что велят.

Кроме Барри, было еще несколько стажеров, в большинстве не намного старше его. Полноправные члены использовали их как прислугу: они бегали с поручениями, носили с холода напитки, мели полы или просто были наготове — вдруг что понадобится. Хотя все это не имело ничего общего с приключениями, Барри чувствовал, что стоит на пороге крупных событий, и без звука делал все, что ему велели, не протестовал, даже когда старшие избирали его мишенью для своих шуточек.

Однажды с улицы донесся топот и пение. Для Барри песня была незнакома — это оказался «Интернационал», — но один из старших вскочил и, подойдя к окну, крикнул:

— А-а, коммунистическое отродье! Правда, их там немного. По-моему, они решили бросить нам вызов. Ступайте-ка и вздуйте их как следует!

Приказ относился к стажерам, они ретиво высыпали на улицу и кинулись на чужаков — на пять-шесть подрост-

ков в черной коже, вооруженных кастетами и велосипедными цепями. Атака ничуть не смутила противника, и, хотя численный перевес был за нападающими, их крепко отколотили. «Огненные всадники» все это время наблюдали за дракой в окно. Когда ребята в черном наконец удалились, взгляду «всадников» открылось довольно-таки жалкое зрелище: кучка стажеров бесславно возвращалась назад, в синяках, с расквашенными носами. Не прошло и пятнадцати минут, как снаружи опять послышалось пение, младших опять послали на улицу, и опять им здорово досталось. На сей раз чужаки, однако, не отступили, а вслед за побежденными вошли в штаб-квартиру, где их с распростертыми объятиями встретили «огненные всадники». Парни были из дружественной банды, а весь инцидент оказался шуткой, забавой из тех, что, видимо, нет-нет да и позволяли себе старшие.

Но в целом это было прекрасное время, хоть и отмеченное кой-какими неприятностями, правда вполне терпимыми. Часто они весь день сидели среди своих, обсуждали разные происшествия, строили новые планы. Пили мексика-колу, которая слегка ударяла в голову — быть может, именно поэтому настроение к вечеру всегда поднималось, по крайней мере так казалось Барри. Когда ядерные светильники вечером гасли, они зажигали свечи, а в окна плескало огненное зарево стартующих ракет. Они как бы держали связь с далекими мирами, которые мнились недостижимыми, во всяком случае до поры до времени, но Барри не оставляло ощущение, что запретная зона каким-то образом причастна к этому, словно преддверие внешнего мира, где сплетались цели всех его мечтаний.

УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЙ КВАРТАЛ ДЕНЬ

Вторая половина дня. Дел у Барри никаких нет, и он осматривает город. Центр — это гигантский увеселительный парк, ярмарка, огромный базар. Пешеходная зона неза-

метно переливается в залы универсальных магазинов, а предлагают здесь не только товары. Фильмы и театр ужасов, эротика и экзотика... И все на глазах у всех — девицы, прогуливающиеся по коридорам, гадалки, предлагающие свои услуги, зазывалы питейных заведений и игорных домов. Эффектное искусственное освещение соперничает с дневным светом, падающим через световые шахты на рифленое стекло.

Рекламные объявления из мегафонов, музыка из громкоговорителей и галдеж толпы соединяются в оглушительную симфонию. Лишь временами шум немного спадает — и тогда порой слышен рев стартующих ракет.

Запах людей, пота, сигаретного дыма.

Здесь можно провести не один день, и притом находить все новые и новые развлечения. Солидный ассортимент. Игры для взрослых — детей в этом городе как бы и нет. Игры для мужчин — ведь на мужчин-то и работала вся эта гигантская машина увеселений, рассчитанных на мужскую доблесть, жажду приключений, воинственность.

Барри ненароком попадает в гигантский полутемный зал — телеэкраны, голографические декорации. Перед ним — стрелковые стенды, всевозможное оружие, точь-в-точь как настоящее. А весь антураж повторяет Сириус — каким его себе представляет бесхитростная душа: сказочный край, джунгли, оазисы, причудливые растения, стада копытных... не то газелей, не то ланей, не то гну. И тут же рядом — свирепые хищники, когтистые чудища, чешуйчатые динозавры, исполинские ящеры, змеи... и на всех на них можно охотиться, можно убивать их, поодиночке и десятками, из пулеметов, лазерных пушек, минометов и прочих смертоносных орудий...

Барри производит впечатление состоятельного туриста, поэтому его поминутно кто-нибудь теребит.

Мужчина. Есть билет в экзотический театр, только для вас, вы непременно должны пойти. Всего лишь пять долларов.

Девушка. Такой милушка — и в одиночестве! Идем, я покажу тебе кое-что интересненькое!

Мужчина. «Побалдеть» не хочешь? Спецзаказ — сплошные ужасы. Уникальное впечатление, можешь мне поверить!

Барри отстраняет назойливых приставал, оставляя без внимания их призывы.

Тычки локтями, скользящие касания.

Немного спустя он попадает в другие коридоры, в другие залы, где нет торговых лотков и обстановка поспокойнее, люди топчутся без дела, стоят привалясь к стенам, сидят на парапетах и перилах. И с виду они мало похожи на веселую толпу в давешних коридорах — хилые какие-то, бедно одетые. Сродни тем горемыкам, которых Барри видел возле управления кадров в «Сириусе-Транзитном». Здесь тоже очереди — по всей вероятности, за билетами в кино или в театр.

Из боковых коридоров временами тянет затхлой сыростью.

В настенных витринах, под стеклом, — яркие картины, эпизоды предлагаемых зрелищ. Барри останавливается, разглядывает фотографии.

И снова все бьет на мужской интерес, все сделано с расчетом на имидж приключения, риска, опасности, ее преодоления и победы. Мужчины в кабинах ракет, в танках, в глайдерах... Мужчины то среди фантастической природы, то в лесах кристаллов, то в вихре песчаных бурь, в бешеных речных стремнинах, на вершинах гор под грозным небом. Мужчины в битвах со змеями и исполинскими насекомыми, с зеленолицыми космическими пришельцами, с роботами и со своими собратьями. Мужчины в дивных садах, мужчины на пляже, мужчины у игорных столов, в обществе очаровательных девушек. Правда, такие кадры редки: в здешнем придуманном мире женщина явно не играла особой роли. Тут все строится на мужской энергии, мужском стремлении к экспансии.

мужской жажде власти, мужской тяге к
завоеваниям...

Рядом с Барри появляется некто — высокий лоб, прическа

во вкусе художников. И с виду он не такой оборванец, как другие. Кивком показывает на серию фотоснимков.

Уэс. Прямо как в жизни. Кое-кто даже верит во все это.

Барри уже готов отвернуться, но любопытство одерживает верх.

Барри. А разве это не правда, не настоящее?

Уэс. Фабрика грез. Диснейленд. Профессионалы, знают свое дело.

Барри. Как же там в действительности? На Сириусе?

Уэс. Утопия все это. Может, когда-нибудь она и станет реальностью — лет через десять, через двадцать. Но сейчас? Сириус пока не освоен. Когда еще там все наладится!..

Барри подходит к другой витрине — опять приключенческие сцены.

Барри. А здесь?

Уэс. Не смешите меня! Великое приключение. Битвы с плотоядными растениями, с чудовищами, с туземцами — курам на смех! Планета Сириус — безмятежный край. Если угодно, скучный. Хищников там нет, туземцев тоже. Сила тяжести чуть поменьше земной, чувствуешь себя на удивление легким. Климат мягкий, таких резких перепадов температуры, как у нас, там нет. Зимой — минус пятнадцать, летом — плюс двадцать четыре, кондиционер и тот лучше не сделает. Синее небо, покатые волны холмов, цветы на берегах ручьев. Зеленые луга, светлые, чистые леса. Красиво, должно быть. Идешь — и ни одного человека. И вообще ничего. Луга, кустарники и лес. Ей-богу, недели через две вам все это опостылеет.

Барри. Не знаю... Звучит по крайней мере увлекательно. А неурядиц и на Земле хватает. Кому охота воевать, может записаться добровольцем на Восток. Драка с красными уже больше ста лет не утихает. О ней даже говорить перестали. Но на Сириусе? Что может быть лучше безмятежного мира.

Уэс. Вообще-то в логике вам не откажешь. Здесь не

много найдется таких, кто смотрит на это, как вы. Вы что, приезжий?

Барри. Да.

Уэс замечает на куртке Барри пилотский значок.

Уэс. Вы пилот? В отпуск приехали?

Барри. Нет, не в отпуск. Пять лет на рейсовых машинах летал. Пять лет — это больше чем достаточно. А о Сириусе я много слышал. Работа на Сириусе была бы мне очень по душе.

Они медленно идут дальше, мимо других театров, изредка задерживаясь у рекламных витрин.

Уэс. Вы летчик. По-моему, у вас определенно есть шансы. Такие люди, как вы... В большинстве на Сириус записываются зеленые юнцы, бродяги, а еще те, у кого земля горит под ногами. Но вы-то летчик...

Барри (*заинтересованно*). Думаете, у меня есть шансы?

Уэс. Конечно. Более того, летчики нужны. Ведь только самолет позволяет освоить безлюдные просторы. Есть громадные территории, которых еще никто не видел, белые пятна на карте. А условия — просто идеальные для летчика! Погода почти всегда замечательная. И каждый полет — прорыв в неведомые края, открытие! Пилот, не старше тридцати... Да вам любой позавидует!

Барри. Вы хорошо осведомлены. Уже бывали на Сириусе?

Уэс (*задумчиво*). На Сириусе? Да, конечно. Бывал.

Барри. А почему вернулись?

Коридор меж тем расширился, превратился в подобие зала. Здесь тоже сумрачно, тоже слоняются какие-то люди. без дела, выжидающе. В боковых стенах — ниши, закрытые двери, над ними лампы, красные или зеленые. Там и сям вывески, обычные или светящиеся: ГЛОБОРАМА.

Уэс. Здесь начинается глоборамная зона. Театр живых впечатлений. Слыхали?

Барри. Слышать-то слышал. Но сам не видел. У нас такого нет.

Уэс (*с коротким смешком*). Охотно верю. Фантастическая штука. Всего несколько лет как придумана. Только в Санта-Монике. Лицензию держит «Сириус-Транзитный». Не хотите словить кайф?

Барри. Кайф... Вы это о наркотиках?

Уэс. Ну что вы. Я имею в виду глобораму. Ведь, собственно, это не зрелище, это непосредственное переживание, прямое участие. Потому мы и говорим «кайф», хотя наркотики здесь ни при чем. Это непревзойденный генератор иллюзий.

На лице у Барри опять мелькает недоверие — недоверие к соблазнам этого города. Он уже готов отказаться. Но тут его взгляд падает на фотографию...

Барри. Ведь это же Гас! Гас Гриффин.

Уэс. Верно, он самый.

Барри. Я его... его родственник. Меня зовут Барри Гриффингер. Гас фамилию укоротил.

Уэс встречает сообщение Барри с полнейшим равнодушием. Вроде бы и не слышит.

Уэс. Меня зовут Уэс Шнайдер. Очень приятно, Барри.

Барри. Гас и глоборама... Какая между ними связь?

Уэс (*насмешливо фыркает*). Гас Гриффин — знаменитость. Он все сделал, чтобы стать популярным. Своим успехом он и обязан этой популярности. Ему ничего не стоило сняться в кино, участвовать в шоу. Теперь у него нет на это времени, а жаль.

Барри присматривается к снимкам внимательней — в основном это полетные сцены. В нем просыпается интерес.

Барри. Здесь что, особая программа? И она имеет отношение к полетам?

Из полутьмы выходит пожилой мужчина в берете с вышитой эмблемой «СТ».

Билетер. Само собой, мистер, тут вы сможете поле-

тать. В ракете, пилотом. Подниметесь высоко в небо — неповторимое впечатление. Можно быть полным профаном в этом деле — и все равно будешь вести машину, что называется, с закрытыми глазами. Доставьте себе удовольствие, мистер. Не пожалеете...

Барри еще сомневается, но тут билетера поддерживает Уэс.

Уэс. А почему бы и нет, Барри? Всего-то несколько долларов, для тебя сущий пустяк. Ты же не из той голытьбы, которая норовит пробраться сюда любыми способами. Они за это последнюю рубашку отдадут. Но впечатление и впрямь необычайное, поверь.

Барри (*билетеру*). Сколько же вы берете?

Билетер. Десять долларов. Прошу, кабина свободна. Заходите.

Уэс (*вдогонку Барри*). Это недолго, каких-то несколько минут, я подожду!

ГЛОБОРАМА

ДЕНЬ

Барри входит в демонстрационную кабину. Это круглое помещение, вместо стен и потолка — серовато-белый купол экрана. Посредине одно-единственное зрительское место, удобное кресло с толстой мягкой спинкой и подлокотниками. Перед креслом пульт, точь-в-точь как в кабине ракеты.

Билетер приглашает Барри сесть.

Билетер. Пристегните ремни! И наденьте вот этот шлем!

Тихий шорох из динамика.

От шлема к штепсельному контакту на приборной доске ведет кабель. Билетер проверяет, правильно ли вставлена вилка. Подтягивает ремни, плотно обхватывающие бедра и плечи Барри.

Билетер. Все в порядке, сейчас начнем! Приятных развлечений, мистер!

Билетер выходит из кабины, закрывает дверь, купол экрана смыкается. Барри один.

Свет гаснет... Мгновение тьмы, затем мигающие сполохи огня, тревожные, резкие. На слепяще-оранжевом фоне четкими линиями прорисовывается оправа выпуклых кварцевых стекол кабины.

Свистящее шипение и треск.

Металлический голос из микрофона. Десятисекундная готовность! Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... пуск!

Последнее слово тонет в оглушительном реве старта.

Тяжесть, кровь отливает от мозга.

В этот миг огненные сполохи уходят вниз, на секунду в поле зрения обозначаются силуэты зданий, а еще через несколько мгновений открывается широкая панорама Земли... Затем горизонт вдруг наклоняется, мимо летят клячья облаков.

Свистящий шум, ракета вибрирует, и внезапно все успокаивается...

Невесомость, мягкое плавное покачивание.

Облачный покров далеко внизу удаляется все быстрее, и вот уже перед глазами вся планета, знакомый любому астронавту голубовато-зеленый шар.

Какой восторг — с головокружительной скоростью мчаться вперед, все дальше от Земли, ощущать за собой могучую силу, которая способна взорвать вековые оковы тяготения.

Голубизна неба давно потемнела, уступив место черной бездне открытого Космоса. Появляются звезды.

Затем почти прямо по курсу возникает светящаяся точка — какое-то раскаленное тело, быстро увеличиваясь в размерах, летит на Барри.

Он мгновенно забывает о своих восторгах, настораживается. Руки автоматически хватают рычаг управления. Взгляд на приборную доску — и решение принято. Не раздумывая он перебрасывает рычаг влево... Неизвестный снаряд проносится мимо...

Нарастающая перегрузка вдавливают Барри в кресло. Поворотный маневр, надо открыть задний обзор: там неведомый объект круто меняет направление, сперва медленно, потом все быстрее, и опять летит прямо на Барри.

Секунду он промедлил, поддался чувству радостного удовлетворения, оттого что мгновенная реакция уберегла его от беды. Но это не случайность, не ошибка навигаторов. Это умысел, агрессия!

Секунды три Барри потерял, но вновь сосредоточился. Он рывком перебрасывает рычаг управления, боковые двигатели плюются огнем, первозданная мощь вдавливают его в сиденье, сознание затуманивается.

Но он берет себя в руки, следит за приборами, ищет противника. Вот он, на экране радара; Барри атакует с тыла, однако противник опять уходит в головоломном выраже. Вскоре Барри свободно и уверенно владеет ракетой, будто всю жизнь только и делал, что управлял ею.

Перепады давления, вибрация.

Град трассирующих снарядов... Еще бы чуть-чуть и... Рука Барри тянется к спусковому механизму собственных орудий, не задумываясь находит его и тоже выпускает очередь фугасов.

Бой продолжается минуты две, не больше, но время в такие мгновения течет по-иному... С тем же успехом могли пройти и два часа, и два дня.

Рефлексы у Барри действуют с автоматической точностью. В одиночестве Космоса ракеты ведут уже не бой на жизнь или смерть, нет, это танец, демонстрация изящества, отраженного в законах силы, массы и ускорения. Вот Барри взял противника на мушку, держит его в перекрестье прицела, жмет на спуск и какие-то доли секунды видит снаряды на линии визира. А потом чужак мгновенно как бы наливается жаром и, точно шутиха, рассыпается огненным цветком.

Внезапная невесомость.

Руки Барри снова машинально нащупывают рычаг управления, на миг он закрывает глаза, вокруг становится все светлее, затем мягкий толчок...

И внезапно он опять в кабине глобоорамы, в зрительском кресле, под куполом экрана.

Барри замечает, что совершенно измучен.

Он расстегивает ремни, но тут же хватается за подлокот-

ники: кружится голова. Чтобы прийти в себя, он несколько раз глубоко вздыхает. Потом встает. На ватных ногах идет к двери, которая сама распахивается перед ним.

ВЕСТИБЮЛЬ ГЛОБОРАМЫ

ДЕНЬ

Билетер и Уэс подходят к Барри, жмут ему руку, хлопают по плечу.

Билетер. Отличная работа, мистер. Я ведь не знал, что вы летчик. Но все равно... (*Облизывает губы.*)

Уэс. В самом деле, отличная работа. (*Кивает на монитор.*) Мы следили за ходом боя на экране. Уму непостижимо, как ты владел ракетой. Ты что, на курсах учился?

Барри качает головой.

Тупая тяжесть в голове, колени слегка дрожат, но он быстро приходит в норму.

Барри. Я кое-что об этом читал, ракетоплавание меня очень интересует, как ты понимаешь. С приборами я знаком. Если умеешь водить самолет, управлять ракетой невелика премудрость. Но скажи, что происходит с теми, кто ничего в этом деле не смыслит? Они же совершенно беззащитны перед противником.

Уэс. Все равно победа за ними. Игра идет тогда несколько иначе, приспосабливается к конкретному субъекту. Глоборама есть глоборама: в итоге ты непременно побеждаешь. Потому парни так сюда и рвутся.

Он кивает на мужчин, которые мало-помалу начинают прислушиваться и подходят ближе.

Уэс тянет Барри за собой.

Уэс. Не знал, что ты такой хороший пилот. С твоими данными работа на Сириусе, считай, обеспечена. У меня есть кой-какие связи, если хочешь, помогу.

Барри. Мне обещали... завтра я должен...

Уэс (*перебивает*). Они так и будут кормить тебя завтраками. Им же невдомек, какой ты мастер! Нет-нет, че-

рез этих бюрократов ты ничего не добьешься. Решено: замолвлю за тебя словечко! Кстати, одолжи сотню — это мне облегчит дело.

Барри с некоторым сомнением смотрит на Уэса. Увы, похоже, и этот зарится на его деньги. А впрочем, кто его знает. Он достает из бумажника стодолларовую купюру, протягивает Уэсу.

Уэс. Спасибо, Барри! Можешь на меня рассчитывать. Жди известий!

Барри открывает рот, хочет что-то крикнуть ему вслед, но Уэс уже скрылся в одном из боковых коридоров.

Дни шли за днями, уходили недели, месяцы, годы, проплывали мимо, словно на транспортере с вечным, бесперебойно работающим мотором,— бегущая лента, с которой не соскочить, попутные события, мельканье огней. мимолетные образы, блекнувшие, не успев еще толком запечатлеться... Годы без зимы, без лета, без погожих и дождливых сезонов, без жары и холода — вечное однообразие искусственного климата, унылый свет ядерных светильников, вяло струящийся затхлый воздух... Все происходило, как бы не затрагивая сути бытия, вне связи с общей судьбой — изолированные процессы, случайности, следствия без причин, процессы без последствий, краткие разрывы бесформенной зыбкой монотонности, материал для дискуссий и рассказов, в целом ничтожный.

Подлинные изменения происходили незаметно: мальчики становились старше, подрастали, узнавали великое множество вещей, не ведая, что важно, а что нет. Школа была доведенным до совершенства механизмом, автономной системой, на первый взгляд никак не связанной с тем, что происходило вовне. Она работала безостановочно, хотя и не безукоризненно, функционировала в силу законов, а не в силу осознания собственной необходимости, впрочем, доказать эту необходимость было бы весьма трудно, ведь никто не задумывался над тем, какие задачи и требования может выдвинуть будущее.

Нет, корни изменений надо было искать не в школе и не в семье, которая так и осталась оптимальной ячейкой человеческого общества, хотя время от времени и приходилось обращаться к помощи психолога из социальной службы.

И все же перемены были, перемены, которые не ощущались как таковые, проходили незамеченными, переломные рубежи, минуты решений... Братья давно вышли из того возраста, когда увлеченно играли в запретной зоне в войну, и пусть не вполне еще забыли эти игры, но уже посмеивались над ними — время романтических чувств, ребячеств, мечтаний и стремлений, которые теперь вызывали только недоумение, если о них вообще заходила речь.

Отныне школа занимала в их жизни больше места,

к аудиовизуальным урокам в учебных кабинетах и к групповым занятиям прибавились разнообразные предметные курсы, якобы подобранные в расчете на будущую профессиональную деятельность, — языки программирования, количественная логика, психология информации, социобибернетика. Занятия продолжались до трех-четырех часов дня, а досуг сместился на вечер. Теперь никто из домашних уже не спрашивал, когда они уходят и когда возвращаются. Радиус их походов увеличился, подземкой или монорельсом они уезжали за двадцать, тридцать, срок километров от дома. Тем самым они узнали множество интересного, в их жизнь вошли новейшие завоевания развлекательной индустрии, невероятные возможности убить свободное время — только выбирай, чем заняться, что испробовать. Например, были огромные, площадью в несколько квадратных километров, катки с круговыми дорожками, которые движет ветер, со спусками, по которым можно было мчаться со скоростью мотоцикла, хоккейные поля и танцевальные площадки. Был плавательный стадион с двумя десятками бассейнов, в том числе один огромный, с морским прибоем, а еще коралловый сад с погруженными в воду воздушными павильонами, длинная скоростная вода, где можно было буквально лететь за реактивным катерком, полоса препятствий для байдарок с искусственным течением и скалами из железобетона, круглый зал для спектаклей балета на воде, дельфинарий и «плавучий цирк» — купол для прыгунов в воду. Рекорд по высотным прыжкам составлял ныне около девяноста метров — при такой высоте у зрителя сердце замирало от страха, что прыгун не попадет в бассейн и разобьется о кафельный борт. Но даже если промаха не было, это вовсе не означало, что спортсмен остался цел и невредим — легкое отклонение от вертикали, плохая выправка, отставленная рука, разведенные ноги... тогда поверхность воды словно превращалась в дощатую стену. Не одного претендента на большой приз доставали из бассейна сетями и увозили прочь. О некоторых никто больше никогда не слышал, а спустя неделю-другую они уже были забыты...

Многих привлекал и мотодром, превосходный гоноч-

ный трек для мотоциклов первого и второго класса, скоростных глайдеров и обычных мопедов; с многоярусных трибун, частью подвешенных на тонких опорах, словно птичьи гнезда, были отлично видны все изгибы и витки, повороты и серпантины, туннели и петли трассы. Каждое воскресенье здесь рождались новые сенсации.

На первых порах все было непривычно и волнующе в этом мире, который только еще предстояло для себя открыть, но постепенно они осваивались в нем, заодно мотая на ус мелкие хитрости, без которых на даровщинку ничего не увидишь,— тайные подвальные ходы, карабканье через ошестиненные острыми пиками барьеры, поддельные магнитные билеты, которые электронный контролер принимал за настоящие. Скоро они знали, с каких мест видно лучше всего, как пролезть в первый ряд, какие есть способы взобраться на осветительные мачты, чтобы следить за состязаниями чуть ли не с птичьего полета,— так раньше боги, наверно, взирали вниз с Олимпа на забавный людской мирок.

И они наперечет знали героев соревнований, бегунов и прыгунов, байдарочников и серферов, гонщиков и пилотов. Они были очевидцами многих громких событий: к примеру, у них на глазах Карло Буэновенте вышвырнуло из мертвой петли, у них на глазах, совершая высотный прыжок, разбился Джек Лентэм, у них на глазах рухнула южная трибуна автодрома — как раз когда под ней находились гонщики... Само собой, они были не одиноки, нашлись сверстники, разделявшие их увлечения и интересы, ходившие на те же соревнования, выбиравшие своих фаворитов. Тесных отношений, как раньше в запретной зоне, не возникало, разве что временные группы, компании, которые отдавали предпочтение одним и тем же командам и во всю глотку их поддерживали, имели на стадионах свои сборные пункты, бесцеремонно занимали лучшие места и, наблюдая за происходящим, вырабатывали чувство локтя. Какая встряска — стоять в сотысячной толпе, быть живой ее клеткой, неотторжимой и все же обособленной частицей, пассивным зрителем и все же деятельным участником, всецело захваченным состязаниями. Там, внизу, соревновались немногие: боролись за сотые

доли секунды, за миллиметровые преимущества, измеримые лишь с помощью точнейшей электроники, старались провести мяч в ворота или предотвратить гол, оказаться сильнее и ловчее других, жаждали вырвать победу, а значит, славу и деньги,— а они соперничали этому, принимали во всем не менее горячее участие, чем спортсмены на беговых дорожках, на игровом поле, на воде. Быть может, их ощущения даже отличались большей яркостью: во-первых, смотрели они со стороны, во-вторых, вынужденная неподвижность позволяла им сосредоточиться на главном — и притом не надо было бороться с усталостью, недостатком сосредоточенности, сомнениями и страхом,— вот почему они переживали то же, но по-другому, в каком-то смысле даже ярче и сильнее. А когда знаменитости, грязные и измученные, шальные и опустошенные, принимали там внизу награды, энергия молодежи разряжалась восторгом или яростью, смотря по тому, выиграл их фаворит или нет, и они еще долгими часами сидели на трибунах, от избытка силы оглашали гулкие помещения неистовыми криками, размахивали флагами и значками, скандировали стихи и лозунги. Порой случались столкновения с другими группами, и тогда дело доходило до жутких драк; порой они, остервенев из-за проигрыша, крушили сиденья и перила, а порой, после победы, шатались по улицам, сбившись кучей, катались на движущихся тротуарах, горлая, врывались в станционные залы ожидания и перекрывали целые улицы, исполняя странный ритуал, который слагался из танцевальных па, жестов и пения.

Но мало-помалу и соревнования, и вообще спорт теряли свою привлекательность, а сами они опять-таки ничего не замечали, все шло своим чередом, они ссорились из-за дешевых билетов и удобных мест, обсуждали игроков, тренеров и стратегию матчей, стремясь блеснуть знаниями, которые день ото дня ценили все меньше и меньше.

Их интересы обратились на совсем другое, важность вдруг обрели вещи второстепенные, вчерашние средства для достижения цели сами стали целью... Первым занять самое опасное место, превзойти остальных, командовать ими — вот что теперь было главным. Они еще не принимали в компанию девчонок, но иные из своих предпри-

тий затевали не без оглядки на девчонок-подростков, которые якобы случайно кучками толпились неподалеку, проявляя к спортивным событиям по меньшей мере сомнительный интерес. Со временем сложились особые формы показательного удалства — например, занятие лучших мест наперекор противодействию стражей порядка, штурм игрового поля после матча.

Вскоре мальчишкам было уже мало таких косвенных демонстраций. Не желая выказывать интереса к тем, кто вообще-то очень их интересовал, они выбирали себе жертву среди зрительниц — девушек постарше и женщин. Шуточки были довольно примитивные, и все же как раз то, что надо, — смесь хулиганства с пробой мужества, бравады со спортом. Нужно было ущипнуть намеченную жертву за грудь или ягодицы, отстричь прядку волос, расстегнуть пояс. В толчее, особенно перед началом крупных соревнований, когда запоздавшие зрители через боковые проходы протискивались мимо пришедших раньше, возможностей для этого было хоть отбавляй. Вся компания, сидя на трибуне, самозабвенно следила за добровольцем, который вызвался доказать свою ловкость и «геройство». Прикинув, где давка сильнее всего, он втирался в толпу зрителей, чтобы найти подходящую жертву или — что было еще труднее — подобраться к намеченной заранее. Для сидящих наверху подобное зрелище было гораздо увлекательней, чем отборочные соревнования, на которые они пришли просто так, лишь бы не потерять свои всегдашние места. На первых порах трудновато было следить за дружком в мельтешенье людского водоворота... Обычно все распадалось на три этапа: во-первых, беспорядочное рысканье в поисках привлекательной особы женского пола (таково было неписаное правило: избранница должна быть хорошенькой, а еще лучше — броской); когда объект был найден, движения становились медленнее и осторожнее — охотник старался незаметно подойти к жертве поближе, а потом как бы случайно притиснуться к ней; затем следовал долгожданный «поступок», большей частью сопровождаемый возмущенным криком, небольшое завихрение в людском море — как правило, никто не понимал, что стряслось, — а виновник смятения тем

временем успевал скрыться. Попадались они крайне редко.

Как и всегда в таких случаях, Гас недолго оставался пассивным наблюдателем, ему надо было участвовать самому, не ради того, чтобы выставиться, скорее, чтобы добиться признания, занять в группе ключевую позицию, а значит, руководить и командовать. И, как водится, все у него шло гладко, без сучка без задоринки: большей частью он выбирал девушек, у которых на лице было написано, что шуток они не понимают и реагировать будут весьма бурно. Поразительно, с какой уверенностью Гас отыскивал свои жертвы: девушек в яркой облегающей одежде, с лиловым или зеленым лаком на ногтях, с белыми или рыжими волосами — короче говоря, таких, что изначально стремились возбудить ажиотаж и привлечь к себе внимание окружающих. При этом Гасу иной раз удавались поистине драматические эффекты, снискавшие ему безграничный авторитет.

Споры о том, можно Барри пойти с ним или нет, больше не возникало: он просто шел с братом, и всё, хотя опять немного опережал события: был самым младшим и самым маленьким. С этой ролью он, кстати, давно примирился; ему достаточно было находиться рядом и хоть изредка перехватить лучик Гасовой славы. Но в самом ли деле достаточно? Временами он ловил себя на диаметрально противоположных мыслях. Иногда им на секунду-другую завладевала ненависть к Гасу, особенно когда тот, играя на своем старшинстве, снова и снова заставлял Барри оказывать ему разные услуги и принимал их как должное, поучал младшего брата, чтобы похвастаться собственным перевесом, подшучивал над ним. Правда, вспышки отрицательных эмоций продолжались недолго, ведь Гас снова и снова делом доказывал, что любит брата и, считая его частью себя, никому не позволит обижать Барри. Тогда Барри испытывал что-то вроде раскаяния, жалел об этих вспышках и старался понагляднее выказать свою преданность.

И все же эти кратковременные эмоциональные срывы не остались без последствий. Мало-помалу в Барри зрело желание реализовать собственные возможности, про-

явить себя. Когда заняться было нечем и время тянулось бесконечно — в школьной столовой, на остановках в ожидании общественного транспорта, перед началом фильма, поп-концерта или спортивных состязаний, — он грезил наяву, рисуя в воображении невероятнейшие ситуации, в которых умудрялся обставить брата. Обставить, но не подставить! Наоборот, высшей наградой в мечтаниях Барри была Гасова похвала. В дерзновенных фантазиях ему представлялось, как он вызволяет Гаса из беды, спасает брату жизнь, вытаскивает его из пылающих развалин или разгоняет толпу вооруженных налетчиков. Он доби-вался Гасова восхищения, а вовсе не победы над ним.

Возможно, подобные мысли и заставили Барри отважиться на «гасовский» поступок. Он, правда, сознавал, что нет у него ни навыка, ни самоуверенности, но надеялся, что сумеет превозмочь трусость и по крайней мере выдержит испытание перед самим собой. С другой стороны, у него хватило осторожности и здравого смысла не объявлять во всеуслышание о своей затее, а попробовать силы тайком от публики, так сказать, для себя.

Было это перед началом важного футбольного матча на первенство континента. По примеру Гаса Барри нырнул в гущу людского потока на одном из ярусов поблизости от главного входа, где толчея была больше всего. Поначалу он в нерешительности «плыл по течению» — инициативы тут не требовалось, он все равно поминутно натыкался на других людей, в том числе на девушек и женщин; на ловца и зверь бежит, мелькало в голове. Но, очутившись вплотную рядом с жертвой, притиснутый к женщине так, что мог ощутить исходящий от нее запах пота и духов, украдкой заглядывая в лицо и видя на нем пласты грима и накладные ресницы, он чувствовал, что любой контакт, пусть даже сколь угодно механический, для него невыносим, и ему ужасно хотелось поскорее убраться подальше. Невольно он стал озираться по сторонам в надежде отыскать более отрадное явление и тут заметил девушку, примерно своего возраста, углядел сперва только синий джинсовый костюм и светлые волосы, а лицо хоть и не мог видеть, но представил себе, и представление было приятное. Он быстро протиснулся ближе

и ни капли не удивился, увидев наконец ее лицо: точь-в-точь такое, как он ожидал, — возможно, оттого, что это было лицо молоденькой девушки, без грима, без краски на ресницах, без особых примет, пожалуй, чуть плосковатое и невзрачное, но как раз оттого полное естественной гармонии. Он вдруг оказался совсем рядом с девушкой, ощутил ее тело, на миг смешался, потом все же поднял руку... Но получилось только легкое прикосновение, секунду-другую он чувствовал на ладони ее грудь... Он был взбудоражен и в то же время спокоен, готов одним прыжком юркнуть в толпу, удрать, сбежать, но, как ни странно, девушка не закричала, он посмотрел ей в глаза и не увидел в них ни ужаса, ни возмущения, разве что некоторое замешательство...

И Барри отпрянул, хотя, может, его и оттерли, еще мгновенье он смотрел девушке в лицо, а потом она исчезла из глаз, и только тогда он с изумлением осознал, что все было не так, как он себе представлял, что невзначай он открыл нечто совершенно новое, распахнул дверь в пространство, глубину которого был не в состоянии измерить.

Он потихоньку вернулся к Гасу, который вместе с другими ребятами стоял на трибуне. Тот ничего не заметил, сказал только:

— Где ты пропадал, а, Барри?

Барри пожал плечами. Второй попытки он так и не предпринял.

ГОСТИНИЧНЫЙ ХОЛЛ

ВЕЧЕР

Барри сидит в мягком кресле, листает газету. Сиденье такое широкое, что удобно не устроишься, и он ерзает туда-сюда. Потом встает — к нему направляется Ютта. Они пожимают друг другу руки.

Ее пожатие энергично, рука прохладна.

Барри. Здравствуйте, Ютта.

Ютта. Здравствуйте, Барри.

Барри. Может быть, сядем?

Ютта. Нет, идемте: Гас хочет вас видеть.

Барри не в силах скрыть удивление.

Барри. Он хочет меня видеть? Правда?

Ютта. Да, он ужасно рад. По-моему, вы ему нужны, и даже очень.

Барри. Нужен? Зачем?

Ютта нетерпеливо взмахивает рукой.

Ютта. Идемте, у меня машина. Я вам все расскажу.

Ютта идет впереди, Барри за ней. В квартале отсюда — автостоянка, роскошный автомобиль с шофером. Завидев Ютту, шофер выскакивает из машины, распаковывает дверцу. Ютта, не обращая на него внимания, усаживает Барри на заднее сиденье. Шофер берется за руль, оборачивается к Ютте.

Ютта. На виллу!

Машина плавно трогает с места, вливается в транспортный поток и вскоре выезжает на городскую окраину, в покой и тишину.

Барри. Как же я рад повидать Гаса. Но почему вдруг такая спешка?

Ютта. Гас объяснит вам. Не все идет сейчас так гладко, как ему хотелось бы. Человек с его положением... Разве вас удивляет, что у него есть враги? Ему пришлось отбиваться от стольких конкурентов! Да и внутри нашей фирмы есть люди, завидующие его положению.

Барри. Вот жалость! Я и не знал, что у него трудности.

Ютта. Трудностей всегда хватает. Но дело не только в этом. Мне кажется, Гас немного устал. Он мог бы защищаться куда энергичней. Как раньше. Порой у меня закрадывается подозрение, что ему все наскучило. А ведь он на редкость деятельный, энергия через край брызжет... Смотреть, как все вроде бы само собой катится по наезженной колее, для него и так нож острый. А тут еще нападки, интриги, шитые белыми нитками, примитивные, мелкотравчатые... Вечно одно и то же.

Отрицательное ускорение медленно тормозящего автомобиля.

Машина останавливается перед роскошной виллой. Здание встроено в склон горы, скальное основание которой образует естественную преграду. Ютта набирает код цифрового замка, и ворота бесшумно скользят вбок. Они поднимаются по лестнице, между растениями альпинария и абстрактными скульптурами временами проблескивает металл самострельной установки.

Вот и терраса. Барри быстро осматривается — великолепный вид на город и окрестности, до самого ракетодрома... Цепочка холмов, замыкающая долину, сереет сквозь тончайшую пелену тумана.

Ютта. Идемте!

Она опять идет впереди, Барри за ней. Холл, широкий вход в салон.

Спиной к ним, на диване, — мужчина.

Ютта (тихо). Гас, я привезла Барри!

Мужчина встает. Он немного выше Барри и более плотного сложения. Вдобавок он заметно старше. Но сходство очевидно. Секунду Барри стоит неподвижно, потом подходит к брату. Они обнимаются. Оба с трудом прячут волнение. Мощный всплеск радости.

Гас. Вот так сюрприз. Ты почему не предупредил?

Барри. Да я понятия не имел, что ты тут воздвиг. Прямо целая империя, а ты император! Ведь от тебя вес точки не дождешься!

Гас. Я был занят, ты же понимаешь. Ну а как там родители? Что поделявает Синди?

Ютта, недвижно стоявшая у двери, сейчас подходит к ним, прерывая эту сцену.

Ютта. По-моему, у нас мало времени, Гас.

Гас поворачивается к ней, вид у него сразу становится серьезный и печальный.

Гас. Ютта права. Ты мне все потом расскажешь. А сейчас... я рад, что ты здесь, Барри. Положение пиковое. Хочешь мне помочь?

Барри. Конечно, Гас.

Гас. Все гораздо хуже, чем кажется. Ты не поверишь, но я вынужден бежать.

Барри. Бежать? Куда?

Гас. Хорошо, что ты пилот. У меня на службе сотни пилотов, только вот ни на одного нельзя положиться.

Барри. На меня ты можешь положиться, Гас.

Гас. Знаю, Барри.

Ютта подхватывает дорожную сумку, подвигает Гасу чемодан.

Ютта. Надо спешить!

Барри. И куда же мы отправимся?

Гас. Как куда? На Сириус. Это мой мир. Он станет и твоим.

Барри (удивленно). На Сириус! Ты имеешь в виду... Ракета...

Гас. Да, ракета. Мне сообщили, как здорово ты водишь ракету. Пошли, все готово!

Он берет чемодан, еще раз быстро оглядывает комнату, решительно выходит. Ютта и Барри следуют за ним.

РАКЕТОДРОМ

ВЕЧЕР

Шофер подгоняет машину прямо к ракете. Все шлагбаумы тотчас открываются, едва охрана прочитывает номер автомобиля и узнает владельца. На последнем отрезке впереди едет красный джип дорожной полиции, как лоцман, направляет их в лабиринте подъездных путей.

Они вылезают из машины. Гас отсылает автомобиль и эскорт.

Два стюарда помогают им подняться в ракету, вносят багаж. Подводят их к креслам в пилотской кабине, усаживают. Один из стюардов надевает им шлемы, второй затягивает привязные ремни.

Гас. Вещи погрузили?

Стюард. Все в порядке, сэр.

Гас. Вот и хорошо. Больше нам ничего не нужно.

По его знаку стюарды уходят.

Пусковая платформа приходит в движение, выезжает на

стартовую позицию. На приборной панели вспыхивает зеленый огонек.

Гас. Теперь твой черед, Барри. Покажи, на что ты способен! Слушай. диспетчера. Маршрут отмечен здесь, в журнале.

Барри. Порядок, Гас.

Голос из динамика. Р-один! К старту готовы?

Гас. Р-один—это мы. Ответь, Барри!

Барри. Я—Р-один, к старту готов.

Голос из динамика. Предстартовая проверка закончена. Старт разрешен. Вы готовы?

Барри. Р-один к старту готов.

Голос из динамика. Внимание! Даем протяжку!

Вой и свистящее шипенье двигателей.

Сполохи огня, клубы пара скрывают обзор.

Голос из динамика. Десятисекундная готовность: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один—пуск!

Последнее слово тонет в реве старта.

Сильная вибрация, резко возрастает тяжесть.

Секунду корпус ракеты сотрясается от дрожи, потом отрывается от пусковой платформы; стартовая площадка, долина Санта-Моники, унылые холмы быстро уходят вниз, вот уже видно морское побережье... Еще несколько тяжелых вздохов под грузом ускорения, и Земля—всего-навсего шар, парящий в черном, затканном звездами пространстве.

Барри переводит дух. Счастье захлестывает его: о таком он даже мечтать не смел—и вот ведет ракету к Сириусу... А рядом брат, нуждающийся в его помощи и получающий ее...

Он смотрит направо, но там ничего нет. А слева... Ютта тоже исчезла.

Неописуемое разочарование.

Барри озадаченно оглядывается. Проводит ладонью по глазам, опасаясь, что все это обман зрения. Окружающие предметы начинают бледнеть, короткая вспышка, горизонт опрокидывается—и внезапно Барри опять в кабине

глоборамы. Он безмерно разочарован и сбит с толку, не понимает, реальность перед ним или частица сна, в котором он заблудился.

ВЕСТИБЮЛЬ ГЛОБОРАМЫ

ВЕЧЕР

Открывается дверь. Входит билетер, отстегивает ремни.

Билетер. Вы превысили время на двенадцать минут. Что, сигнала не заметили?

Барри, не говоря ни слова, изумленно глядит на него, встает; билетер выпроваживает его за дверь.

Билетер. Стоп! Вы задолжали мне еще двенадцать долларов. (*Смотрит на счетчик.*) Ровно двенадцать долларов шестьдесят пять центов.

Барри. Где Ютта? Где Гас?

Билетер. Двенадцать шестьдесят пять.

Барри достает деньги. Чувство раздражения и досады.

Барри. Где Гас?

Билетер. Какой Гас? Какая Ютта?

Барри. Гас Гриффин! Ведь вот только что...

Билетер. Слушайте, мистер, если нервишки шалют, так вам надо не сюда. Ну и ну, совсем парень свихнулся. Он пересчитывает деньги, полученные от Барри, отворачивается, уходит в кассу.

ГОСТИНИЧНЫЙ ХОЛЛ

ВЕЧЕР

В гостиницу Барри возвращается, еще не вполне опомнившись. Вот почему в первые минуты он с удивлением смотрит на Ютту, шагнувшую ему навстречу. Она отнюдь не приветлива.

Все то же раздражение и досада.

Ютта. Я жду уже двадцать минут. Где вы пропадаете?

Барри смотрит на часы, морщит лоб.

Барри. Извините, все как-то перепуталось.

Ютта. Да что с вами такое? Вы забыли о нашей встрече?

Барри. Нет-нет, что вы.

Ютта. Вам больше не хочется повидать Гаса?

Барри. Почему? Хочется.

Они садятся за столик.

Барри. Ну как? Можно к нему съездить? Он у себя на вилле?

Ютта. О чем вы? (*Испытующе смотрит на него.*) Все не так просто, как вам кажется. А колдовать я не умею. Может, завтра, может, послезавтра. Мне надо увидеть его. Если что-нибудь выйдет, я вам позвоню.

Барри (*раздраженно*). Завтра или послезавтра! (*Невольно повышает голос.*) Слушайте, ну к чему эта комедия?! Речь идет как-никак о моем брате! Разве я не вправе повидаться с родным братом?

Ютта с неудовольствием замечает, что на них обращают внимание.

Ютта. В чем дело, Барри? Возьмите себя в руки! Если вы устроите тут скандал, вам никогда не увидеть брата!

Барри затихает. Порыв иссяк, и тотчас до его сознания доходит вся щекотливость ситуации.

Барри. Извините меня.

Ютта. Да, кстати, есть тут одна мелочь... У меня будут расходы.

Барри вздергивает плечи.

Барри (*с ощущением неловкости*). Сколько?

Ютта. Пятисот долларов хватит — для начала.

Барри достает деньги, незаметно передает Ютте. Она бросает взгляд на купюры, встает и, не прощаясь, уходит. Барри чувствует, что за ним кто-то наблюдает, и, оглянувшись, видит Нелли.

Нелли. Ты дал ей денег? За что?

Барри. Почему тебя это интересует?

Нелли садится на стул, где только что сидела Ютта.

Нелли. Она же просто обирает тебя. Неужели не видишь?

Барри. Ты знаешь ее?

Нелли чутьчку медлит.

Нелли. Нет, но я знаю этот тип женщин. Что ты получишь взамен?

Барри. Она обещала свести меня с Гасом.

Нелли (*саркастически*). Ах, с Гасом. Чудесно! Хотя что-то за свои денежки получишь.

Барри. В конце концов, это мое дело. Тебе-то что до моих денег?

Нелли. А еще у тебя есть?

Барри заглядывает в бумажник.

Барри. Да.

Нелли. Так что ж мы тут сидим? Пошли, устроим себе хорошенький вечерок!

По лицу Барри заметно, что ему совсем этого не хочется. Но вечерок в обществе Нелли все-таки лучше, чем в одиночестве. Он встает, она берет его под руку и мягко увлекает за собой.

Раздражение медленно отступает.

Запах лаванды.

Шестнадцать лет, возраст совершеннолетия — рубеж для взрослеющего поколения. Дети покидают семьи, еще два года продолжают учебу, только на более высокой ступени. Гас удачно выдержал тесты и был зачислен в технический колледж, сделал первый шаг к специализации, за которым по завершении общеобразовательного курса следует профессиональное распределение и новая учебная подготовка, на сей раз узкоспециализированная, нацеленная на будущую деятельность, подобранную с учетом задатков и способностей.

Барри опять предстояло два года прожить в разлуке с братом. Впрочем, он уже был достаточно самостоятелен, чтобы в группах и компаниях подростков не дать себя в обиду, обойтись без поддержки старшего брата, и он не рвал эти отношения полностью. А все же что-то утратилось, что-то существенное, мотив, наделявший его поступки смыслом, стимул, возбуждавший в нем напряженный интерес, сеявший тревогу и сомнения, но, с другой стороны, приносящий удовлетворение — вот ведь сколько сумел выдержать и преодолеть. Телевидение вновь заняло довольно большое место в жизни Барри; как и прочие средства массовой информации, оно быстро развивалось, экраны стали огромными, во всю стену, изображение приобрело объемность — зритель как бы заглядывал через окно в иной мир, где не было скуки, мир, полный столкновений, борьбы, поражений и побед. С увеличением формата изображения и появлением голографии иллюзия стала еще реалистичнее. О передаче знаний, об образовательной миссии и думать давным-давно забыли. Сошлись на том, что единственная функция телевидения — помочь людям выплеснуть подспудные эмоции, исполнить подавляемые желания, осуществить тайные мечты, иными словами, как бы компенсировать нереализованное стремление к бурной, полной опасностей, зато так много обещающей жизни.

Другие средства массовой информации тоже, по сути, служили тому, чтобы покрыть громадную потребность в переживаниях и чувствах. Никому теперь даже в голову не приходило считать отпуск временем покоя, он был предназначен для физической и душевной разрядки. Все

вопринимали это как непреложный факт, а рекламные ролики еще и упорно подчеркивали: свободное время есть награда за выполненную работу, компенсация за однообразность бытия среди массы, клапан для подавляемых желаний и стремлений, которые каждый носит в себе и однажды — ради сохранения равновесия — обязан выпустить на волю. Конечно, подлинных приключений представителям многомиллиардного населения ждать было неоткуда — зато к их услугам были сконструированные эмоции, заготовленная заранее щекотка нервов, рассчитанное напряжение, имитация успеха, точно под стать потребностям, по разным ценам, доступно для каждого. И надо сказать, тут непременно учитывалась индивидуальность, переживания отнюдь не были стандартными, на одну колодку, нет, они отличались своеобразием, личной окраской, созданной на основе последних достижений науки об инстинктах и исследования мотивов человеческого поведения.

Этим требованиям прежние зоны отдыха, туристские центры, «райские уголки» и пляжи давным-давно перестали удовлетворять. Их место заняли синтетические ландшафты, оазисы беспечного веселья, волшебные царства и искусственные «райские кущи», исполинский диснейленд — врата довольства, ключ успеха. В этих-то краях, простирающихся на сотни квадратных километров, отпускники проводили свой досуг, жили в роскошных отелях под опекой современнейших автоматов, день и ночь купаясь в звуках музыки, среди довольных и спокойных людей, равно жаждущих впечатлений, радостно предвкушающих любой эффектный аттракцион, благодарных за чудесное. Здесь проводили дни и недели, вживаясь в новую роль, вращаясь в этот мир, словно взятый из книжки с картинками, воссозданный по образцам прошлого, — Венеция, Париж, Гейдельберг, Афины, — становясь путешественниками во времени или первопроходцами, исследователями морских глубин или астронавтами... Пейзаж, рожденный научно-фантастическими грезами, пестрая жизнь кораллового рифа, наблюдаемая с подводной лодки, кратер из Моря Дождей, настоящие лунные скалы, специально привезенные и установлен-

ные в соответствии с натурой.

Барри месяцами ничего не слышал о Гасе и сам себе не признавался, как огорчало его молчание брата. Порой он подумывал навестить его, но в конце концов каждый раз отбрасывал эту мысль: очень уж все было сложно — если не спрашивать у Гаса согласия, нужно набраться смелости и на свой страх и риск проникнуть в совершенно незнакомую среду, а именно таков и был закрытый колледж, учебный городок, государство в государстве, непонятным образом функционирующий организм, диковинная система, в которой можно заблудиться, как раньше блуждали в лабиринте пещер или в джунглях. И даже если он сумеет разыскать Гаса, еще не известно, найдется ли у Гаса время и желание заниматься им, не воспримет ли он неожиданный визит как досадную помеху, не будет ли в этот момент с приятелями, которые станут подтрунивать над недотепой Барри, так что Гас со стыда сгорит. И тем чаще Барри думал: скорей бы и для него настала пора перебраться в колледж; и он изо всех сил старался быть на хорошем счету, особенно в технических дисциплинах, чтобы в итоге получить направление туда, где был Гас. Ему было ясно, что такой близости, как раньше в семье, в играх среди подземных коридоров или в запретной зоне, уже не будет, но Гас до сих пор был единственным, с кем он ощущал связь, единственным существом, с которым можно было поговорить по-человечески... Поэтому вполне естественно, что ему хотелось жить рядом с братом.

И вот однажды Гас вдруг приехал, переночевал на своей старой кровати, рассказал, что у него каникулы, и пригласил Барри в «Волшебное царство», один из крупнейших увеселительных парков, расположенный в нескольких сотнях километров к югу, — миллионы людей стремились в этот парк и находили там именно то, что искали: восторженное изумление и исполнение желаний.

Гас приехал в лимонно-желтом электромобиле, принадлежавшем, как он говорил, колледжу, и уже сама езда, в многих сотнях метров над морем домов, по высотной эстакаде, поддерживаемой редкими, похожими на паучьи ноги опорами, отделенной от бездны синтетической сет-

кой, была для Барри необычайным событием. Удобное мягкое сиденье, обтянутое искусственной кожей, сверкающая хромом арматура, яркие огоньки на приборной доске, панорама города глубоко внизу, упоение скоростью и Гас, уверенно сжимающий руль... Так бы и ехал без конца, хоть по городу, хоть из города, в неведомые, чужие края...

Гас припарковал машину среди сотен тысяч других автомобилей на десятиэтажной стоянке у ворот «Волшебного царства». Пешком они перешли висячий мостик, далеко внизу бешено ярилась река, кольцевой поток, кипящий искусственными водоворотами,—граница между городом и страной чудес.

За восемь долларов с каждого они на целый день получили право свободного передвижения по парку, в том числе пользуясь местным транспортом; лишь за два-три десятка спецаттракционов нужно было платить особо. У входа в большой павильон, который был, так сказать, преддверием блаженства, они миновали шпалеры девушек в голубой и синей форме, с неброским номерком на блузке.

— Не нужна ли вам спутница?—спросил человек в мундире французского кавалериста конца XVII века.

Гас вопросительно взглянул на Барри, но, не дожидаясь ответа, согласно кивнул.

— Две девушки—значит, десять долларов. Желаете выбрать?

Гас потащил Барри за собой, хотя тому пришлось не по душе этот неожиданный поворот. Девушки были какие-то одинаковые, вроде как студентки колледжа, из тех, что по праздникам участвуют в парадных маршах. В общем-то, на вид вполне приветливые и симпатичные, и когда Гас выбрал одну из них, Барри, не долго думая, последовал примеру брата. Звали девушек Сильвия и Салли, и держались обе так непринужденно и весело, что провести в их обществе целый день казалось даже весьма заманчивым.

Входной павильон одновременно служил вокзалом подвесной дороги, которая, то опускаясь к самой земле,

то поднимаясь высоко в воздух, опоясывала всю территорию. Были здесь и другие необычные средства передвижения: например, железная дорога, точная копия старинной — коротенькие электропоезда, которыми управлял человек в форме давнего почтового ведомства. Встречались и совсем особенные экипажи, под стать экзотическим декорациям: в индийском секторе, где высились храмы точь-в-точь как в Куала-Лумпуре, можно было покататься на слоне, в здешнем Гонконге — на рикше, среди антарктического ландшафта из пластика, стекла и искусственных льдов ездили на собачьих упряжках. Однако все это привлекало в первую очередь посетителей постарше, которые довольствовались спокойными прогулками по историческим местам. Молодежи не менее важны были физические ощущения, а для этого существовали беговые дорожки, треки, ракеты, катапульты, реактивные глайдеры, выписывавшие головокружные виражи вдоль незримых магнитных силовых линий. Как раз для девушек — можно с визгом сопротивляться встречному ветру, на поворотах прижиматься к ребятам, цепляться за них. Умопомрачительное катанье на русских горах стало для Барри не просто дерзкой на взгляд затеей, доказательством бесстрашия и самообладания, но и первой встречей с женским существом, с девушкой, которая была не где-то поодаль, а умела показать всю незначительность барьеров, обычно разделяющих посторонних людей, держалась дружелюбно, даже доверчиво — хотя бы и только один день, за плату.

В считанные часы Барри буквально захлестнула лавина новых ощущений, скорее ошеломительных, чем радующих; он бы не смог сказать, что поражало его больше — бесконечные аттракционы или девушка рядом. Он снова и снова косился на Сильвию и с удивлением обнаружил, что она совершенно искренне восторгается здешними красотами. Ведь он знал, что уж кому-кому, а ей это давным-давно знакомо. Конечно, зрелище великолепное, и достоверность соблюдена, и историческая точность, однако же все какое-то слишком гладкое, слишком сверкающее, слишком яркое... Обману поддавался лишь тот, кто хотел обмануться; кто приглядывался, видел, что черепица и кир-

пичная кладка из пластмассы, камень — из гипса, дерево — из пенопласта, и первое впечатление, при всей его неотразимости, вскоре бледнело — что ж, удачная имитация реальности, но и только, а всякая имитация имеет пределы и не способна ввести в заблуждение раз и навсегда. Барри спросил об этом Сильвию и, хоть не получил ясного ответа, решил, что разгадал загадку: девушки чувствовали себя в этом мирке как дома, считали его своей собственностью, своей стихией и хотели, чтобы у гостей осталось от него самое лучшее впечатление. Вот и радовались любому удачному сюрпризу, любому действительному эффекту... Для них иллюзия стала вторым образом реальности — и, возможно, здесь присутствовала на первый взгляд абсурдная и все же существенная убежденность в том, что окольно, через иллюзии, какими-то запутанными путями вновь рождается реальность — реальность восприятия и чувства.

Чего они только не делали: в круглой штуковине вроде батисферы ныряли в водопад, катапультировались высоко в воздух, а потом опустились на парашютах, проехали через деревню в стиле Дальнего Запада, за которую сражались индейцы и ковбои (резиновые пули так и свистели у лица!), крутились в центрифуге пятисотметрового диаметра — неподвижный диск посреди кружащегося мира, — участвовали в родео на электронных лошадях, прыгали с подкидной пневмодоски на многие десятки метров в высоту, скатывались с горы на ренских колесах... После двух часов таких упражнений, счастливые и усталые, они лежали на пляже, на белом песке — это был побочный продукт химической промышленности, — плыли на плоту по нетопливой протоке, между свисающими к самой воде цветущими экзотическими кустарниками, ели зеленое, розовое, желтое итальянское мороженое.

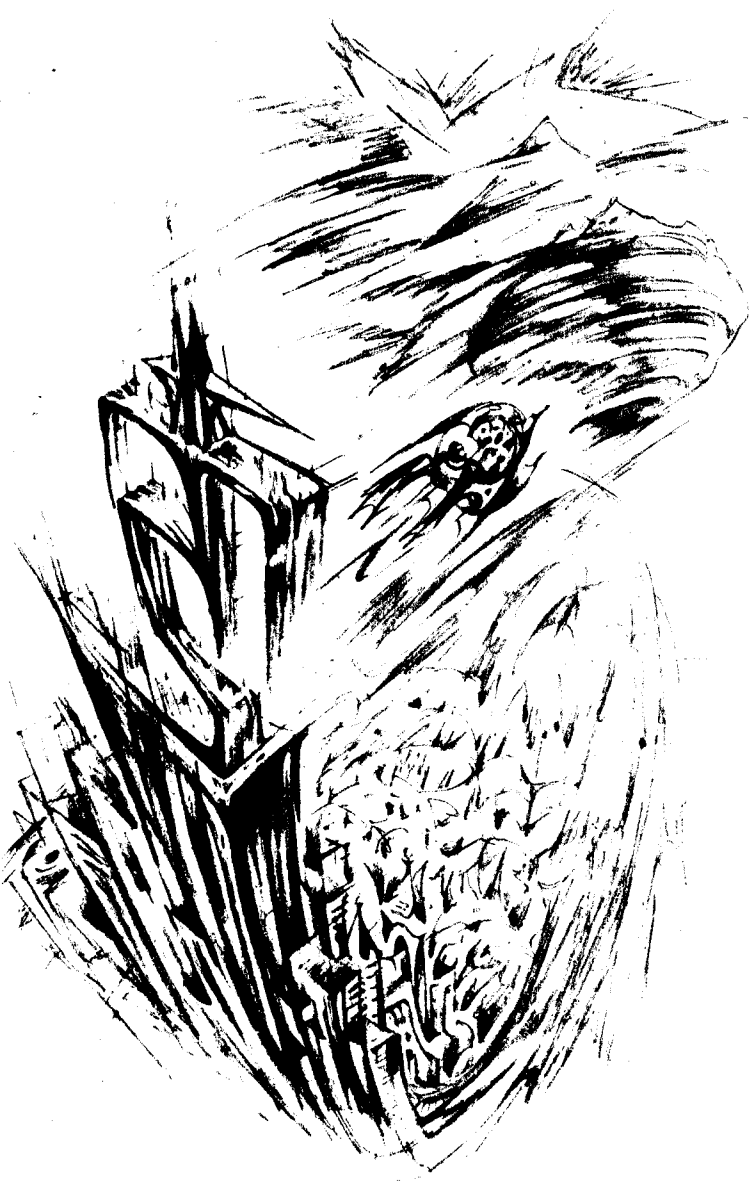
Скоро в них опять воспрянула предприимчивость, они бродили по Историческим залам, видели рыцарей в крестовых походах, Наполеона в битве при Ватерлоо, гибель «Титаника», воздушный бой над Атлантическим океаном, разгром на Плайя-Хирон — не просто картины, но каким-то необъяснимым образом ожившие сцены, электронный кабинет восковых фигур, сочетание робототехники и го-

лографии; и хотя все было технически объяснимо, зритель снова и снова замирал перед неожиданным, непостижимым... Вот зал заседаний ООН, Хрущев стучит ботинком по трибуне; а пока ты удивлялся жизненности происходящего, все-таки узнавая в мерцанье контуров технику «черного ящика», «голубого экрана», тот же Хрущев вставал со стула, выходил из сценического пространства и гладил по головкам маленьких зрителей. Вот Гитлер провозглашает возврат своего отечества в лоно Германской империи, а потом бросает в толпу конфеты; вот Фидель Кастро, произнеся пламенную речь, угощает всех безалкогольным ромом; вот Мао Цзэдун, макая в тушь крохотную кисточку, выводит на шелковой бумаге диковинные знаки — короткие стихи, изречения, китайские мудрости на темы, предложенные посетителями.

В полдень они наведались в Страну Молочных Рек, где сбываются грезы голодных детей, и там действительно были сливочные горы: проешь их насквозь и попадешь в край летающих жареных голубей и прочих лакомых чудес — заливных окороков, жаркого с фруктовым желе, сладких огурцов и острых перчиков, всевозможных соусов и кремов, а запивать все это полагалось шипучим напитком; который снимал ощущение сытости и позволял снова и снова предаваться радостям гурманства...

Из Страны Молочных Рек они попали в зал отдыха — искусственные руки, шерстяные и резиновые, на стальных суставах с приводом от сервомоторов, управляемые адаптивной электронной системой, массировали их, растирали и мяли, они погружались в виброполя, которые снимали усталость и дарили ощущение неисчерпаемой энергии, в облака аэрозолей, мгновенно возбуждавших ожидание, больше того, жажду новых впечатлений и переживаний, и все это сопровождала торжественная и приятно бодрящая музыка.

Во второй половине дня настал черед Современного Мира: они увидели луномобиль с астронавтами среди кратеров и получили по щепотке лунной пыли, запечатанной в пластиковый пакетик, увидели памятную, но неудачную высадку на Марсе, вместе со Слейтером и МакГрегором впервые облетели вокруг Венеры, наблюдали за

полетом сквозь кольца Сатурна и чудесным спасением экипажа, когда посадочный модуль потерпел аварию, участвовали в первой межзвездной экспедиции и дивились релятивистскому «радужному» эффекту на пороге скорости света, следили в смотровой иллюминатор, как первые люди высадились на одной из безжизненных планет Альфы Центавра — триумф человечества и одновременно разочарование для тех, кто втайне надеялся увидеть мир, похожий на земной, райские кущи, полные цветов и ручного зверья. Не день, а сплошная вереница развлечений, беззаботная пора под лазурным сводом подсвеченного стеклянного купола; ближе к вечеру настроение опять заметно поднялось. Хитроумные световые эффекты создавали иллюзию густеющих сумерек, неописуемые переливы розовых и лиловых тонов мало-помалу отступали перед беспредельной тьмой, солнечный диск, точно на шнурах, опускался в гряде облаков, волшебный отсвет бархатистым покровом подернул пейзаж, здания, дороги, и душу вдруг захлестнул дотоле неведомый покой, удовлетворенность, любовь к людям — результат воздействия психотропного газа, который распыляли в воздухе миллионы крохотных форсунок, установленных буквально на каждом шагу.

Еще два часа в запасе — вполне достаточно, чтобы насладиться и этими последними впечатлениями, и по желанию девушек они уселись в маленькие открытые вагончики на двоих и поехали в Панорамный зал, где можно было по своему вкусу выбрать ландшафт, и время дня, и сезон.

Впервые за весь день Барри остался с Сильвией наедине; она сразу вызвала у него огромный интерес, а уж теперь он вообще не мог думать ни о чем другом, и, судя по всему, это было заранее предусмотрено — Барри обратил внимание, что в этот зал тихой услады направлялись в основном парочки.

Они остановились у объемного изображения какого-то романтического острова, и Сильвия поставила регулятор на «ночь» — огромная луна повисла над головой, вспыхнули несчетные звезды. Девушка придвинулась к Барри, поцеловала его, скользнула рукой ему под рубашку, а когда он, с легкой досадой, но без удивления, отпрянул, спросила:

— Не хочешь?

Вместо ответа он только кивнул, хотя толком не видел девушки, но она все поняла, и Барри покорился ее ласкам.

Немного погодя все четверо снова встретились на улице; Барри не мог отделаться от впечатления, что что-то изменилось, сердце у него громко стучало, колени дрожали — поди пойми, отчего девушки хихикают и болтают как ни в чем не бывало. Они расположились на террасе кафетерия, ели пирожные и пили кофе со сбитыми сливками. В конце концов Гас спросил, не сходить ли им напоследок еще раз в Панорамный зал. Барри замешкался с ответом, но девушки не возражали; они вышли из кафетерия — платить было не нужно, ешь-пей сколько хочешь — и побрели через площадь, а потом Гас схватил Сильвию за руку и сказал:

— На этот раз со мной пойдешь ты!

Не прошло и нескольких секунд, как они исчезли в темном въезде.

Барри смотрел им вслед и вздрогнул, когда Салли, тронув его за плечо, сказала:

— Идем, вон свободный вагончик!

На миг он задумался, потом покачал головой.

— Спасибо, Салли. Мне больше не хочется. Ты не обидишься?

Салли не сумела скрыть удивления, но потом улыбнулась и погладила его по щеке.

— Конечно, нет.

Они остались возле павильона, наблюдая, как проекция солнечного диска окончательно утонула за туманной линией горизонта.

УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ. УТРО

Барри стучит, входит в комнату. Чиновник поднимает лаза от бумаг, продолжает сидеть, склонившись над столом.

Барри. Доброе утро. Я хотел узнать... Вы мне разрешили...

Чиновник. Рановато вы пришли. Мы, как видите, просто завалены работой. Рекомендации у вас превосходные, но тем не менее — вы не единственный. Придется вам это учесть и запастись терпением.

Барри не в силах скрыть разочарование.

Уныние, подавленность.

Барри. Когда можно снова зайти?

Чиновник. Завтра, а еще лучше — послезавтра!

Барри. Большое спасибо. До свидания.

Чиновник тем временем возвращается к своим бумагам.

Чиновник (*себе под нос*). До свидания!

ТИП

ДЕНЬ

Барри и Нелли перед голографической картиной: охота на Сириусе. Барри палит по чудовищам, а Нелли встречает ликованием каждый удачный выстрел.

Звонок, отмечающий попадание, тарыхтит почти без умолку.

Барри и Нелли переходят к следующему стенду. Берут в автомате стаканы с напитками, ставят на полку. Игра начинается снова.

ИГОРНЫЙ САЛОН

ВЕЧЕР

Нелли бросает в игральные автоматы доллар за долларом; Барри только смотрит и снабжает ее монетами. Потом они пытаются счастья в механической рулетке. Барри проигрывает.

С высоких табуретов Барри и Нелли смотрят на маленькую круглую сцену, где двое в облегающем золотом трико исполняют какой-то танец.

Музыкальное сопровождение обеспечивает флейтист в индийском костюме и тюрбане.

Нелли знаком просит бармена налить ей шампанского, но тот показывает пустую бутылку.

Нелли. Закажешь еще, милый?

Барри достает бумажник, заглядывает внутрь, снова хлопывает и прячет в карман.

Барри. Сколько с меня?

Бармен предъявляет длинный счет, и Барри выкладывает последние деньги, опустошив свой кошелек; на чаевые не хватает.

Бармен. Будете еще что-нибудь заказывать?

Барри. Нет, спасибо.

Бармен. Тогда освободите место, и поживее!

Барри. Вы, кажется, решили меня вышвырнуть? Я уйду, когда захочу!

Бармен насмешливо смотрит на него. Потом обращается к Нелли.

Бармен. Кто этот чудака? Ты его знаешь?

Нелли искоса глядит на Барри, делает равнодушное лицо.

Нелли. Шапочно.

Бармен. Ну и как?

Нелли. А никак.

Бармен жестом подзывает вышибалу, который внимательно следил за происходящим. Тот подходит и поднимает Барри вместе с табуретом.

Барри охвачен странным оцепенением.

Бармен. Вам не кажется, мистер, что лучше уйти по-добро-поздорову?

Барри соскальзывает с табурета.

Барри. Ну что, Нелли, ты идешь?

Нелли. Знаешь, Барри, я побуду здесь еще немного.
Недоумение, пустота, чувство дурноты.
Секунду Барри без всякого выражения смотрит на нее, потом молча поворачивается и уходит.

ПОДЗЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

НОЧЬ

Только теперь Барри замечает, что пьян.
Самочувствие препаршивое — он подавлен, угнетен.
К нему подходит какой-то парень в меховой куртке и джинсах.

Парень. Здорово тебя скрутило, друг!

Барри хочет отстранить его, но сил нет.
Удивляется слабости, завладевшей всем его телом.

Парень. Ты куда собрался? Сядь!
Он ведет Барри к каменной приступке возле запертого магазина.
Оба садятся.

Парень. Вид у тебя неважнецкий, друг. Зеленый совсем. Глянь-ка, тут у меня есть кое-что, сразу поможет.

Барри. Нет, спасибо. Оставь меня в покое!

Парень. Но это ничего не стоит. Я дарю тебе щепотку. Нюхни — и все!

Достает из кармана бумажный пакетик, разворачивает, подносит к лицу Барри. Тот невольно делает вдох, втягивая часть порошка.

Странное ощущение, легкие будто широко распахиваются, засасывают жидкий воздух.

Парень. Вот видишь, получается. А теперь еще.
Барри безропотно подчиняется. Закрывает глаза — проходит немного времени, и его охватывает необычайная легкость. Лицо озаряется улыбкой. Он поднимает руки, протягивает вперед ладони; точно желая ощутить что-то —

тепло, дуновенье, мимолетный запах еды и аромат духов.
Вихрь разнообразных приятных впечатлений.

Спустя секунду-другую его лицо меняется, он опускает руки.

Дурнота.

Парень. Ну, очухался?

Барри (*невнятно*). Черт... самочувствие... хуже прежнего...

Парень (*чуть резче*). Еще хочешь? Только я эту штуку не для подарков держу. Не воображай, что я из благотворительной конторы!

Достает еще один пакетик.

Парень. Смотри! Я дам тебе еще один — за пять долларов. По-моему, тебе это необходимо! Тот, первый, был так, для затравки, а этот — полная доза, будет действовать до завтрашнего утра!

Барри (*невнятно*). Оставь меня... в покое! У меня нет денег...

Слабость, чувство незащитности.

Парень вытаскивает из кармана Барри бумажник, роется в нем, разочарованно отбрасывает. Потом берется за его кошелек... чертыхнувшись, встает.

Парень. Ворюга, обманщик! А ну, катись отсюда! Он хватает Барри за воротник, ставит на ноги, дает тычка.

Барри автоматически бредет дальше.

Колени дрожат. В желудке тяжелый ком.

Парень. Пьяная свинья!

У ЭСКАЛАТОРА

НОЧЬ

Барри блуждает по коридорам. Он с трудом держится на ногах. То и дело хватается за стену. Он потерял представление о том, где находится. Людей навстречу попадается мало, они равнодушно проходят мимо.

Мешанина отрицательных эмоций вперемежку с провалами в памяти.

Гихо-тихо — словно далекий прибой — доносится музыка, голос информатора, крики...

Коридоры тонут в полумраке. Редкие голые лампочки го-

рят через одну. У стен кучи бумажек и прочего мусора. Там и сям валяется ржавый инструмент. Кажется, он забрел на стройплощадку — не то гараж строят, не то станцию подземки.

Неожиданно Барри выходит к бездействующему эскалатору, который ведет наверх. Пробует подняться по лестнице, но от слабости подкашиваются ноги. Он садится на ступеньку и погружается в забытие.

Неодолимая усталость.

Когда он, проснувшись, встает, опять волной накатывает головокружение. Перед ним какой-то человек, в сумеречном свете Барри видит только, что он плешив и в больших очках. На нем длинный плащ, из-под которого выглядывают ноги в сандалиях.

Аврамис. Что вы здесь делаете? Вы больны?

Барри пытается ответить, но вместо слов у него вырывается стон.

Человек берет его за руку, шупает пульс, приподнимает ему веко. Пожимает плечами, собирается уйти — и тут замечает на куртке Барри пилотский значок. Он внимательно разглядывает значок, потом снова обращается к Барри, на сей раз гораздо дружелюбнее.

Аврамис. Здесь вам оставаться нельзя. Вы же не из тех подонков, которые тут отираются. Они вас догола разденут. Возьмите-ка себя в руки. Ну, давайте!

Барри (*с трудом*). Оставьте меня... я устал.

Аврамис. А, бросьте! Вам, наверно, подмешали чего-то в питье. Деньги есть?

Собрав остатки сил, Барри ощупывает карманы. Потом качает головой.

Аврамис. Послушайте, я врач-психиатр. Вы где живете? В гостинице? Может, у вас там есть деньги? Я хочу вам помочь.

Барри мотает головой.

Аврамис (*задумчиво*). Вы наверняка в городе недавно, я вас раньше не видел. Страховка у вас есть? В какой-нибудь кассе состоите?

Барри кивает. Сияющая улыбка пробегает по лицу психиатра.

Аврамис. Ну так вот, я — доктор Аврамис. Я заберу вас к себе. А перво-наперво сделаю укол — вы мигом придете в себя.

Он достает шприц, набирает из ампулы какую-то прозрачную жидкость и делает Барри укол.

Резкая боль в локтевом сгибе — и сразу же чувство облегчения.

Несколько секунд он ждет. Лицо Барри все больше оживает, он расправляет плечи, выпрямляется и, наконец, при поддержке врача встает.

Аврамис. Ну, что я говорил?! Идемте!

Они идут вверх по эскалатору. Аврамис помогает Барри. Этажом выше — все тот же лабиринт мрачных коридоров, лишь через некоторое время они попадают в более приветливые места. Тут и там на полу сидят люди, глядят прямо перед собой или спят. Кое-кто, похоже, знает Аврамиса. Они встают, машут ему, бегут следом, дергают за плащ.

1-й бездомный. Алло, док, мог бы и для меня что-нибудь сделать!

2-й бездомный. Док, погоди, не оставляй меня здесь.

3-й бездомный. Эй, может, устроишь мне «подвижечку»? Позарез надо!

4-й бездомный. Алло, док, подожди...

Врач не обращает внимания на их призывы. Твердо ведет Барри дальше.

Аврамис. Взгляните на этих людей. Некоторые здесь уже не один год обретаются. Всерьез верят, что их опять примут. Держи карман шире! А как с этими людьми обходятся — безобразие! С ними надо начистоту! Какой смысл вносить их в списки ожидающих, ведь это самый настоящий обман. Уволенные, выздоравливающие... Позор — обнадеживать людей посулами. Ничего удивительного, что они так и болтаются здесь. Но ведь среди них есть и больные, психически неполноценные. Такова, как видите, обратная сторона медали. Сверху блеск и мишура, а внизу полное убожество...

Они опять выходят в людные места. Похоже, здесь

собираются предсказатели, учителя йоги, миссионеры всевозможных сект. Группа молодых парней, преклонив колени на маленьких ковриках, выполняет какой-то странный ритуал. Они склоняются к земле, раскачиваются, делают руками мистические знаки.

И при этом молятся, нараспев, неразборчиво.

Запах курительных палочек.

Доктор Аврамис ведет Барри сквозь толпу, напрямик к какой-то лавчонке. В помещении, напоминающем нишу, выставлено медицинское оборудование — аппарат для диатермии, ультразвуковой прибор, разные массажеры и вибраторы.

Аврамис. Вот мы и пришли. Вам лучше?

Барри. Да, это все пустяки, я, наверно, слишком много выпил.

Психиатр оборачивается к нему, водит пальцем у него перед глазами, туда-сюда, туда-сюда...

Аврамис. Не такие уж и пустяки! У вас был тяжелый психический шок. Мы должны сделать все, чтобы он не повторился. Вы не представляете себе, как легко человеку сорваться здесь, в такой вот обстановке.

Барри чувствует, что силы медленно возвращаются к нему.

Барри. По-моему, в самом деле ничего не нужно. Я здесь долго не задержусь. Мне обещали место пилота — на Сириусе. Меня зовут Барри Гриффин. Я...

Аврамис. Ваши данные я запишу позднее — время терпит. Сперва попробую установить причину шока. (*Задумчиво.*) Эти симптомы... Тут не только алкоголь, тут явно что-то поглубже.

Барри. Пожалуйста, не беспокойтесь. Я наверняка скоро буду в полном порядке...

Аврамис. Вы безрассудны! Я врач, я лучше знаю, что нужно, а что нет. Небольшое обследование вам не повредит.

Он открывает дверь, вталкивает Барри внутрь. Тот упирается, но врач выказывает недюжинную силу, а Барри еще совсем слаб.

Он попадает в круглую комнату, мало чем отличающуюся от кабины глобограмы или самолета. Посредине кресло — врачебное, но тоже мягкое, с привязными ремнями. И приборная панель точь-в-точь такая же, только надписи говорят о ее медицинском назначении: КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ, ТОНЫ СЕРДЦА, ЧАСТОТА ДЫХАНИЯ и т. д. Барри в замешательстве останавливается, но психиатр не дает ему времени на размышления. Подталкивает упирающегося Барри к креслу, заставляет сесть. Пристегивает ремни, проделывает какие-то манипуляции с приборами, надевает на голову Барри шлем, от которого отходит множество проводов.

Аврамис. Так, сейчас мы все узнаем. Это для энцефалограммы... Только не волнуйтесь, больно не будет. И вообще, вы же не боитесь психиатрического обследования?! А тут электроды для ЭКГ.

Прикосновение холодного металла к груди.
Фактически Барри почти обездвижен, а когда он начинает шаркать ногами по полу, психиатр и их прикручивает ремнем.

Неприятное ощущение скованности.
Аврамис упирает руки в боки и испытующе оглядывается — судя по всему, он доволен.

Аврамис. Я оставлю вас на несколько минут одного. Делать вам ничего не нужно — обследование пойдет своим чередом. Расслабьтесь! Ваши реакции фиксируются автоматически.

Кивнув Барри, он выходит.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

НОЧЬ

Свет гаснет, от кругового экрана ползет цветной туман. Мало-помалу он сгущается в зернисто-облачные формы, которые начинают струиться, закручиваться спиралью.

Яркость тоже начинает меняться, сперва медленно, потом быстрее, так что в итоге все сводится к мучительному миганию света и тьмы.

Происходящее на экране сопровождается звуками и шумами — это не музыка, а скорее хаос бессвязных звуковых эффектов. В конце концов комнату наполняет однообразно вибрирующий диссонанс, почти физически ощутимый.

Наплыв — человеческие фигуры в неверном цветовом изображении. Двигутся медленно, неестественно, словно в «лупе времени». Вид непривычный — сразу и не узнаешь, но краски меняются, порой они близки к натуральным, и тогда Барри понимает, что это его знакомые или же люди, с которыми он мельком встречался, — Нелли, Ютта, полицейские и охранники, Уэс и Аврамис, его брат Гас, чиновники и гостиничный персонал, а вперемежку с ними снова и снова шушера, толпящаяся возле управления кадров «Сириуса-Транзитного», в подземных коридорах увеселительного квартала Санта-Моники.

Нарастающее недовольство, отчаянные попытки сосредоточиться.

Очень недолго изображение выглядит нормальным, потом превращается в псевдорельеф, глубокие складки прорезают гладкие лица девушек, здоровый цвет кожи становится серо-зеленым...

Звуковые эффекты под стать зрительным образам — это популярные песни, марши, шлягеры, но исполняются они либо в чересчур высоком, либо в чересчур низком регистре, то чересчур медленно, то чересчур быстро...

Движения людей ускоряются, все они словно куда-то бегут, между ними возникают стычки, они бросаются друг на друга с кулаками, дерутся, катаются по земле.

Сильное чувство страха.

Картины теряют отчетливость, одни наплывают на другие, смысл которых пока непонятен. Лишь мало-помалу проступают кристаллические структуры, волнистый дюнный ландшафт, степь, пески... Барри узнает пейзажи Сириуса, но выглядят они необычно, непривлекательно, все какое-то унылое, серо-коричневое, временами белесое от

света, а в следующий миг уже залитое тенью, словно подернутое пеплом.

Музыка сменяется электронными эффектами, повторяющимися обрывками мелодий, каскадами трескучих, скрежещущих шумов.

И опять люди, эпизоды последних дней, только роли распределены иначе; Нелли и Ютта — гостиничные служащие, Уэс и психиатр — охранники, Гас — бармен, с издевательским смехом наблюдающий за Барри, который сидит на высоком табурете, связанный по рукам и ногам. Пугающие впечатления подкрепляются обрывками разговоров, частью это невнятные слова, частью — какие-то бессмысленные сентенции, произнесенные чужими голосами...

Под конец быстрая серия наплывов — уже невозможно ни различить отдельные фигуры, ни ухватить связь событий. Барри вертится в кресле, пытаясь избавиться от пут, — безуспешно. Он закрывает глаза, но даже сквозь зажмуренные веки мелькают призраки электронного кошмара.

ПОДЗЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

НОЧЬ

Экран бледнеет, дверь открывается, входит доктор Аврамис. Отстегивает ремни, которыми прикручен Барри. Барри встает и нетвердой походкой, на ватных ногах выходит из лаборатории.

Снова усталость и упадок сил, но страх исчез, уступил место странной пустоте.

А в р а м и с. Реакция у вас замечательная — теперь мне все ясно. Хорошо, что я провел этот тест. Вы перенесли посттравматический шок. Наверняка долго таскали в себе груз фрустрации — типичный эффект торможения. Копится, копится, а потом вдруг прорывается наружу... Достаточно самого незначительного повода. В последнее время вы подвергались психическим нагрузкам? Испытывали какие-либо разочарования? Вас обижали, оскорбляли? Возможно, все дело в этом, но так или иначе ничего не-

льзя было предотвратить. Человеческий гомеостаз нарушить непросто. Но уж если он выйдет из равновесия... Эруптивная психотическая обратная связь. Впрочем, худшее для вас позади. Само собой, надо лечиться. Вам повезло, что вы встретили меня, ведь я специализируюсь как раз на такого рода феноменах. Наилучшая методика — интерактивная терапевтическая регенерация. Вот вам бланк — заполните, пожалуйста. Через два месяца вы опять будете здоровы, почувствуете себя лучше прежнего. Ничего страшного, просто легкий социопатический синдром. Больничные кассы обязаны взять расходы на себя. Всем нам порой достается, но нельзя падать духом...

Аврамис пододвигает Барри чековый бланк, тот нерешительно заполняет его, временами скептически поглядывая на психиатра, который сейчас больше смахивает на религиозного фанатика, чем на трезвого врача. Неожиданно Барри замирает в изумлении. Он видит знакомое лицо: снаружи, всего в нескольких метрах, полускрытая колонной, стоит Ютта. Заметив, что Барри ее обнаружил, принимается оживленно жестикулировать. Знаками подзывает его к себе, но прикладывает палец к губам: дескать, не подавайте виду.

Барри протягивает врачу заполненный бланк.

Барри. Большое спасибо за лечение. Мне надо идти. До свидания!

Аврамис пытается удержать его, но потом, передумав, отпускает.

Аврамис. Приходите еще! Завтра к вечеру. Я все время здесь. Не забудьте...

Барри смешивается с толпой. Оглядывается, проверяя, видит ли его еще психиатр, а поскольку тот его не видит, обращается к Ютте, которая по-прежнему стоит за колонной.

Барри. Привет, Ютта.

По Ютте заметно, что у нее хорошие вести.

Ютта. Барри, все в порядке. Скорее, моя машина ждет.

Барри. Ты повезешь меня к Гасу? А почему такая спешка?

Ютта. Идем же, я все тебе объясню!

Она юрко пробирается сквозь толпу, ловко увиливая от встречных прохожих и проскальзывая между беседующими людьми, которые стоят у нее на дороге. Барри спешит следом, отчаянно стараясь не потерять ее из виду.

УЛИЦЫ САНТА-МОНИКИ

НОЧЬ

Вот наконец и автостоянка неподалеку от гостиницы. Там ждет автомобиль Ютты. Завидев хозяйку и Барри, шофер выскакивает наружу, распахивает дверцу.

Ютта торопит его.

Ютта. Скорее, Джимми!

Машина вливается в поток транспорта.

Легкое покачивание на поворотах.

Барри утопает в мягком сиденье. Он смертельно устал и борется со сном. Однако в конце концов стряхивает сонливость и поворачивается к Ютте, ждет обещанных объяснений.

Барри. Ютта, что же все-таки произошло?

Ютта не слышит, наклоняется вперед, к шоферу, торопит его.

Ютта. Нельзя ли поскорее? Сверните направо, там движение меньше.

Когда Барри трогает ее за плечо, она нетерпеливо стряхивает его руку.

Ютта. Позже, Барри, позже!

Барри медленно приходит в себя, силы и энергия возвращаются к нему.

Машина мчится с головокружительной скоростью, прямо страшно становится.

Машина въезжает на закрытую территорию «Сириуса-Транзитного». Эти места Барри незнакомы. Несколько зданий, без окон, удлиненной формы, параллельно друг другу. Над плоскими крышами высятся странные надстройки — подобие ажурной башни, металлические сети, гигантские направленные антенны. Все залито светом прожекторов. Центральный комплекс опоясан дополнительным забором, внутри патрулируют охранники с собаками.

Ютта и Барри выходят из машины, и опять молодая женщина почти бежит, так что Барри едва за нею поспевает. Они входят в большую комнату вроде зала ожидания; обстановка строгая, почти спартанская. У низенького столика к ним спиной сидит мужчина. На миг у Барри замирает сердце: не Гас ли это? Но мужчина оборачивается, это незнакомец, совершенно непохожий на Гаса.

Ютта. Это Вирджил. А это Барри, брат Гаса.

Вирджил. Очень рад, Барри. Гас часто рассказывал мне о своей семье, особенно о вас. Вы уж извините, что я велел привезти вас сюда. Я вам все объясню. А сейчас нельзя терять ни минуты — трансмиттер включен. Позже у нас будет достаточно времени на разговоры.

Барри делает шаг назад; несмотря на усталость, которая еще заметна по его лицу, он снова вполне владеет собой.

И снова чувствует себя сильным и предприимчивым.

Барри. Минуточку! Я не позволю командовать собой как мальчишкой-школьником! Я хочу знать, что здесь происходит. А до того с места не сдвинусь.

Усаживается за столик.

Ютта. Но, Барри, ты нам весь график спутаешь! Вирджил успокаивающе машет рукой. Смотрит на часы.

Вирджил. Брось, Ютта. Он прав. Две-три минуты погоды не делают. Я отлично понимаю Барри. Он вправе узнать самое необходимое.

Помедлив, Ютта кивает. Вирджил садится против Барри.

Ютта устраивается неподалеку.

Вирджил. Позади у вас два беспокойных дня, я знаю. Но определенные причины не позволили мне вмешаться сразу. Отчасти виноваты и вы сами — ваш приезд был для нас полной неожиданностью. Почему вы не предупредили заранее?

Барри хочет ответить, но Вирджил жестом останавливает его.

Вирджил. Что было, то было. Все ведь уладилось. Видите ли, ситуация такова. Гасу еще много лет назад стало здесь невмоготу. Вы же знаете своего брата: человек он на редкость энергичный, и сидеть за письменным столом для него нож острый. Неужто вы всерьез думали, что он киснет где-то тут в конторе? Он дал ход проекту «Сириус». И тем самым здешняя работа для Гаса закончилась. Теперь для него есть только одно место, и вы догадываетесь какое — Сириус. Гас пробыл тут ровно столько, сколько нужно, и ни днем больше.

Барри кивает. Вирджил рассуждал вполне логично.

Вирджил. Но Гас — основа основ нашей фирмы. Ее работа целиком и полностью держится на его личности. Ведь невозможно помыслить «Сириус-Транзитный» без Гаса Гриффина. Вывод мы из этого сделали однозначный: надо скрывать от всех, что Гаса на Земле нет. Чуть-чуть вокруг него поутихло — мы разъяснили: у него, мол, дел выше головы. Время от времени снимаем видео и показываем народу. А раз-другой Гас позволил себя уговорить и даже прилетал сюда на несколько дней, чтобы напомнить о себе, выступал на открытии стадиона, на торжествах по случаю десятилетия «Сириуса-Транзитного». Вы и сами знаете, во имя работы Гас отказался от всякой личной жизни. Вместе с рекламистами-психологами мы создали его имидж, сочинили ему биографию, способную пронять любого. По этой версии, Гас — найденыш, отроду невероятно предприимчивый и энергичный. Благодаря этим качествам он сумел победить тяжелейшие обстоятельства и в конечном счете основал и возглавил самую могущественную фирму на свете. А теперь вот представьте себе: в один прекрасный день появляется человек, который может доказать, что он брат Гаса Гриффина!!

Вирджил замолкает, ждет, пока Барри обдумает его слова. Немного погодя Барри кивает.

Барри. Ладно, допустим, я вам верю. Что же дальше?

Вирджил. Мы связались с Гасом. Это было не так просто — расстояние-то о-го-го! Да и нашли его не сразу. Как всегда, он обретался где-то во вновь освоенных местах. Лишь без малого час назад пришел ответ: он хочет вас видеть! Мы сообщили ему, что вы мечтаете работать на Сириусе, и он решил исполнить ваше желание. По-моему, он очень к вам привязан.

Барри. Ну хорошо. А теперь что?

В разговор вмешивается Ютта.

Ютта. Теперь нам пора на трансмиссионную станцию, время не ждет.

Вирджил встает.

Вирджил. Вы правы, Ютта, пора! *(Поворачивается к Барри.)* Решайте сами. Мы вас принуждать не будем. Нам с Юттой все равно нужно к Гасу на совещание. Ну так как, Барри?

Барри. Договорились. Я с вами.

До станции всего несколько шагов: из зала ожидания они по двору переходят в один из «бункеров». Вестибюль, короткий коридор — ни стульев, ни другой мебели.

У входа в трансмиссионную камеру — двое техников. Один отпирает дверь; Барри идет первым и попадает в помещение, буквально во всех подробностях повторяющее кабину глобоамы.

Барри останавливается как вкопанный. Он вдруг перестает понимать, сон это или явь.

Вирджил. Что с вами, Барри?

Барри. Но это же не ракета! Даже не будь я пилотом... В последние дни...

Вирджил подходит к Барри, успокаивая, кладет ему на плечо руку.

Вирджил. Неужели вы никогда не размышляли

о проблеме полета на Сириус? Понятно ли вам, как велико расстояние? На обычном космическом корабле, на ракете, перелет длился бы сотни лет. Так нам бы никогда не достичь Сириуса. Мы применяем совершенно новые методы: трансмиссию материи.

Подходит Ютта.

Ютта (*раздраженно*). Вирджил, вы ведь не собираетесь читать лекцию по физике!

Вирджил. Конечно, нет. (*Опять оборачивается к Барри.*) Я же сказал, позднее я вам все объясню.

Барри все еще медлит.

Барри. Но это помещение... Я видел кабину глоборама, тут все точно так же...

Вирджил (*уже с явным нетерпением*). По-вашему, это помещение имитирует глоборама? Как раз наоборот: глоборама сделана по образцу трансмиссионной камеры. В том-то и дело: люди, которых мы вынуждены временно отстранить от службы на Сириусе — по болезни или из-за ранения, — вспоминают в глобораме свои подвиги. Ну а теперь быстро, Барри, иначе мы пропустим совмещение.

Барри еще борется с собой, но в конце концов преодолевает сомнения и садится. Техники помогают им пристегнуть ремни и надеть шлемы.

Техники. Порядок?

Вирджил. Думаю, можно начинать.

Двое остальных согласно кивают.

Техники. Счастливого пути!

ТРАНСМИССИОННАЯ КАМЕРА НОЧЬ

Свет мигает, гаснет. Затем, как пузырьки воздуха в шампанском, откуда-то всплывают искорки огней. Цепочки их превращаются в полосы, возникающий зебровый узор колышется вправо, влево, его движение приобретает ровный

волнообразный характер. Но вот оно убыстряется, световые ленты по краям расплываются, смазываются.

Кружит, вскипает красочное море.

Паническое чувство дезориентации. Многоголосые, спокойные звуки, странные, но гармоничные аккорды.

Барри охвачен невероятным напряжением, но не может точно сказать, что с ним творится. Он сидит в своем кресле словно каменный, хотя ракетные перегрузки здесь ни при чем. Его как бы разламывают изнутри, разлагают на микрочастицы и каждую из них отдают во власть какой-то непонятной силы.

Он с трудом следит за происходящим. Замечает, что Вирджил уронил голову на грудь — глаза закрыты, лицо землистое, похоже, он без сознания.

Рядом с Барри возникает какое-то движение, и если в этих условиях еще можно изумиться, то именно сейчас: Ютта с легкостью встает, неторопливо, грациозно, словно в «лупе времени», идет к нему, берет его лицо в ладони, садится к нему на колени.

Благодатное прикосновение прохлады ко лбу.

Ютта. Бедный Барри, что с тобой сделали! Не бойся, все будет хорошо, я присмотрю, я с тобой, совсем близко. Чувствуешь?

Она льнет к нему, гладит, целует лоб, глаза, губы. Ее пальцы скользят под шлем, снимают его. Барри некогда подумать, как она выбралась из привязных ремней, куда дела свой шлем. Длинные мягкие волосы ласкают его, падают на лицо, окутывают легкой дымкой. Время по-прежнему течет замедленно, кажется, будто ветерок играет волосами Ютты, пряди поднимаются и опускаются, как нити паутины.

Ютта. Ну, милый, не надо ни о чем думать, живи минутой, забудь сомнения и страхи!

Ее руки скользят по его плечам, теребят одежду.

Приятное ощущение ласковых прохладных рук.

Ютта (шепотом). Отрешись от мыслей! Не удивляйся ничему! Здесь действуют другие законы. Мы вне

пространства, вне времени. Мы невесомы, бестелесны, свободны. Ничто не связывает нас, ничто не разделяет.

Она припадает к нему. Спинка кресла плавно откидывается. Ютта обнимает Барри. Снова жадно целует его. По их телам пляшут световые блики нереального мира.

Мощный эротический всплеск.

Ютта (*шепотом*). Барри, миленький! Ты намного мягче Гаса. Ты на него похож? Он когда-нибудь был таким, как ты? Теперь он жесткий, суровый. До ужаса суровый. И жестокий. Бедный мальчик, что они с тобой делают?

Эмоциональный подъем достигает пика.

Ютта все гладит его, торопливо, почти неистово, что-то сбивчиво шепчет, прижимается щекой к его щеке, покрывает легкими поцелуями лицо, ласкает.

Долгий миг полного покоя.

Снаружи вихрится пелена переливчатых гранул.

СКАЛИСТЫЙ ЛАНДШАФТ

ДЕНЬ

Три человека в капсуле неподвижно сидят в своих креслах.

Барри первый поднимает голову, прислушивается...

Медленно возвращается сознание. Тишина, лишь едва слышно доносится плеск воды.

Дневной свет. Барри жмурится, озираясь вокруг. В прозрачном стекле иллюминатора нетронутый ландшафт: полоска берега, широкая, но быстрая река, лес — лиственницы и кедры, — а за ним высокая, до неба, отвесная скала с карнизами и выступами.

Вирджил и Ютта тоже приходят в себя. Отстегивают ремни, расправляют плечи.

Барри чувствует себя свежим, словно после долгого бодрящего сна.

Вирджил. Все нормально?

Барри и Ютта кивают. Вирджил нажимает какую-то

кнопку — открывается люк, выдвигается металлическая лестница. Он первым выходит наружу.

За ним Ютта и Барри.

Все трое оглядываются по сторонам, глубоко дышат.

Пряный воздух, запах смолы и лиственничной хвои.

Барри (*шепотом*). Чудесно!

Изумление, растроганность.

Вирджил. Это — Сириус.

Барри (*запинаясь*). Просто не верится... я на Сириусе.

Вирджил с улыбкой смотрит на него.

Вирджил. Довольны?

Барри. Никогда не думал... Этот пейзаж... Разве на Земле есть что-нибудь подобное!

Вирджил. Может, когда-то и на Земле так было. Хотя сейчас там уже не осталось нетронутых уголков. Зато здесь! (*Дышит полной грудью.*) Увидишь, ощутишь все сам — тогда признаешь: вот где должен жить человек, вот для чего он создан. А не для бетонной пустыни, которую мы зовем родиной.

Он взмахивает рукой, словно указывая куда-то в неизвестность. Ютта спускается к реке; там, в нескольких шагах от них, выступает над водой сколоченный из грубых досок причал. К колышку привязана лодка.

Барри никак не может осмыслить происшедшее.

Барри. Уму непостижимо! Только что был на Земле — и уже на Сириусе. Сколько же времени нам понадобилось?

Услышав его слова, Ютта возвращается назад.

Ютта. Материалист ты, Барри. Не успел очутиться на Сириусе — и сразу допытываешься насчет технических данных. Никто тебе не скажет, сколько это продолжалось. Для мнимого пространства нет меры времени.

Барри смотрит Ютте в глаза — вдруг она подаст ему знак, ответит на вопрос, правда ли то, о чем он вспоминает, или иллюзия. Но существует ли во мнимом пространстве разница между реальностью и иллюзией?

Барри. Ну и что дальше?

Вирджил. Скорее к Гасу. Он ждет.

Кивает, показывая на лодку.

Вирджил. Все, что нам нужно, приготовлено.

Запах гнилого дерева и воды.

Ютта с Вирджилом прыгают в лодку, Барри следует их примеру. Пока Вирджил отвязывает трос, он оглядывается вокруг. Лодка замечательная — обтекаемой формы, с мощным подвесным мотором. В ней вполне хватило бы места для десятка людей. На корме под брезентовым навесом сложены какие-то ящики и свертки.

Вирджил дергает шнурок стартера и после нескольких неудачных попыток запускает мотор.

Тарахтящий звук совершенно не вяжется с этим ландшафтом, где, кажется, нет ничего, кроме плеска воды и птичьего щебета.

Лодка быстро набирает скорость, вода вскипает пеной, ветер бьет в лицо, развеивает волосы Ютты, и Барри снова вспоминается таинственное, похожее на сон происшествие за пределами всякой мыслимой реальности. Вирджил правит лодкой, а он тем временем садится рядом с Юттой на одну из поперечин, которые служат скамейками.

Вид, открывающийся перед ними, кажется фантастическим — здесь словно бы ожили давние сказочные представления о мире, не тронутом людьми, о крае безмятежности и чистоты. Ключья тумана над рекой, пена у порогов, радужные солнечные блики. Причудливо изъеденные водою береговые скалы, тени одиноких узловатых деревьев высоко на яру. Неописуемая зелень прибрежного кустарника и травы на склонах. Невобразимые оттенки серого и коричневого — скалы, в тени наливающиеся синевой, подернутые тончайшим серебристым налетом. Воздух необыкновенно чистый, видно далеко-далеко — глубина обзора теряется в бесконечности. Ближний, средний, дальний план — какая четкость очертаний, какие цветовые нюансы! Все это затмевает прежние воспоминания, превращает их в пошлые, тусклые картинки.

Вот это — реальность, да, наверняка реальность! Барри глядит по сторонам, словно ему необходимо навсегда запомнить каждую мелочь.

Чувство огромного счастья.

Барри. Могу понять Гаса. Кто хоть раз видел это...

Ютта. Вот-вот, бессмысленно пытаться это описать.

Барри. Ты хорошо знаешь Гаса?

Ютта. Да.

Барри. Ты его... его подруга?

Ютта. Да.

Барри. Но...

Ютта. Что?

Барри (*нерешительно*). Ничего.

Отвесные береговые скалы мало-помалу сближаются. Местность утрюмее, свежая зелень растений осталась позади. Вирджил едва справляется с лодкой — река стала неистовым бурным потоком, она капризно виляет, с силой бьется о скалы.

Брызги влаги на лице, на руках.

Еще несколько каменных выступов, еще несколько водоворотов — и вот опасный участок позади, перед ними открывается овальная котловина. Течение спокойное, но берега пока высокие — метров пятнадцать-двадцать, — и лодка плывет, утопая в глубокой тени.

Барри снова поворачивается к Ютте.

Барри. Почему ты не с Гасом?

Ютта (*удивленно*). О чем ты?

Барри. Почему ты не осталась с ним? Почему вернулась на Землю?

Ютта (*помедлив*). Долго рассказывать.

Барри. Что случилось с Гасом? Какой он... теперь? В самом деле... жесткий и жестокий?

Ютта удивленно смотрит на Барри.

Ютта. Гас — замечательный человек. Второго такого нет. Но как раз поэтому...

Она умолкает, прислушивается...

К ровному тархатенью мотора примешиваются едва различимые хлопки.

Вирджил тоже услышал. Вид у него встревоженный. Он

рывком выключает мотор, теперь слышно отчетливо...

Хлопки, то одиночные, то целыми очередями...

Барри (*невольно понизив голос*). Что это?

Ютта (*с испугом*). Там за поворотом — Гас.

Вирджил. Должно быть, он в опасности!

Течение еще больше замедлилось, но все равно их поне-
много сносит. Вирджил сует Барри весло, сам берется за
другое. Вставляет его в бортовую уключину. Общими
усилиями они пристают к берегу, Барри выпрыгивает на
сушу, пытается вытянуть лодку.

Они находятся на узкой береговой полосе, а за нею еще
метров на десять в высоту дыбится каменная стена речно-
го каньона. Вирджил кивком указывает на нос лодки. Ког-
да он подходит к Барри, тот видит, что в руках у Вирджи-
ла автомат.

Вирджил. Там есть еще один. Возьмите!

Барри повинуется. Потом они осторожно шагают вдоль
берега, останавливаясь у каждого выступа, чтобы прове-
рить, нет ли опасности.

Настороженность и сосредоточенность.

Они опять осторожно выглядывают — и отпрядают на-
зад: всего в нескольких десятках метров от них к берегу
причалены три лодки. Не такие, как их собственная. Бро-
сается в глаза вооружение: миномет на носу, по бортам
пулеметы. Людей в лодках немного, это мужчины в свет-
ло-коричневой форме. Но чуть дальше впереди, выше по
склону, движется длинная цепочка светло-коричневых.
Они направляются туда, где время от времени заметны
вспышки огня, после чего пулеметные гнезда, устроенные
атакующими в укрытии, за скалами, каждый раз да-
ют одну-две очереди.

Ютта (*шепотом, взволнованно*). Они атакуют Гаса!
Он там, за этим скальным барьером.

Барри. Сколько у него людей?

Ютта. Он один.

Барри. Что здесь происходит? Кто эти люди?

Вирджил (*нетерпеливо*). Расспросы подождут! Надо
что-то делать! Организовать помощь. В капсуле есть ра-
ция, нужно возвращаться!

Барри хватает его за плечо, встряхивает.
Барри. Хотите сбежать?! Бросить Гаса в беде?

Вирджил вырывается.

Вирджил. Вы в своем уме? Сцепиться с такими превосходящими силами?

Барри. А Гас? Он разве не дерется с превосходящими силами?

Вирджил. Гас выбрал отличное место для обороны. Он сможет отбиваться еще довольно долго. Если я поднажму, то, наверно, сумею ему помочь. Вниз по течению идти легче. Наши вертолеты будут здесь в считанные минуты. А вы стоите и задаете нелепые вопросы!

Бежит к лодке.

Вирджил (*Ютте, громко*). Вы что, тоже остаетесь? Скорей сюда!

Секунду Ютта медлит, потом смотрит на Барри.

Ютта. Я остаюсь.

Вирджил чертыхается.

Он подбегает к лодке, прыгает в нее, отталкивается веслом. Некоторое время плывет по течению, потом запускает мотор и, оставляя за кормой шлейф пены и брызг, уносится прочь.

Барри и Ютта провожают его взглядом, затем Ютта поворачивается к Барри.

Ютта. Что будем делать?

Барри опять осторожно подкрадывается к скальному выступу, проверяет обстановку, возвращается к Ютте. На лице его ни следа задумчивости или нерешительности. Черты словно стали жестче. Он выглядит не просто решительно, по всей видимости, ему доставляет радость действовать, иметь четкую задачу.

Полное напряжение всех сил, торжествующее упоение жизнью.

Барри (*тихо*). Попробую пробиться к Гасу. Двое сильнее, чем один.

Он хлопает ладонью по прикладу автомата.

Ютта. А я?

Барри. Вирджил свой забрал. Ты ничего не можешь сделать. Оставайся здесь. Лучше всего — следи, как будут развиваться события. Может, мы найдем более удобное место для обороны, может, сумеем удрать. Если придет помощь, скажешь им, где мы. Только не высовывайся!

Барри отходит на несколько шагов от обрыва, смотрит вверх, прикидывает высоту. Потом вешает автомат на шею и начинает карабкаться. Это легче, чем он думал, так как промоины в камне образуют естественные ступени и карнизы.

Он осторожно вылезает наверх и удовлетворенно вздыхает: у него здесь хорошее прикрытие, можно в самом деле пробраться отсюда к Гасу. Согнувшись чуть не пополам, он бежит вперед — он заметил, что цепь нападающих тем временем продвинулась еще ближе к брату. Но заметил и другое: их ряды поредели — несколько коричневых фигур неподвижно лежат на земле.

Гас стреляет метко.

Барри перескакивает от скалы к скале, прячась за кустами, вверх по откосу к отвесной каменной стене — по счастью, никто до сих пор его не углядел.

А теперь самый трудный участок: вдоль обрыва, где нет прикрытия, разве что кое-где упавшие сверху камни. Барри бежит, падает ничком, опять бежит... Хорошо, что все внимание коричневых приковано к Гасу. Мало-помалу Барри приближается к брату — осталось немногим более полусотни метров.

Барри осторожен, он все время начеку, хотя ликующий восторг переполняет его: вот сейчас он преподнесет брату сюрприз, сейчас исполнится его давнее сокровенное желание — наконец-то он докажет Гасу, что способен совершить ради него.

Еще прыжок от одного камня к другому... Теперь можно глянуть поверх полосы низеньких кустов. От коричневых он надежно укрыт, зато Гаса видно отлично. Он уже совсем близко — никто не помешает их встрече. И даже если оба они погибнут под градом пуль коричневых, все равно ради одной этой минуты стоило жить.

Гас целиком сосредоточен на веренице людей там внизу.

лишь изредка его взгляд скользит вправо и влево — нельзя забывать, что с фланга он тоже уязвим. Барри приподнимается, машет Гасу. Они так близко друг от друга, что он хорошо видит брата, пусть и Гас знает, что Барри здесь. Барри, пришедший из невообразимой дали, чтобы помочь ему, спасти его...

Неописуемое чувство счастья в предвкушении встречи. По легкому движению Гаса Барри понимает, что тот заметил его. На миг брат поворачивается к нему лицом, одновременно поводя автоматом... Барри видит вспышку дульного пламени, чувствует удар под ключицей и слышит хлопок. Его бросает в сторону, он соскальзывает по склону, лежит в траве. Ощупывает плечо — оно мокрое и липкое. Подносит ладонь к глазам, она вся выпачкана красным. Кровь, его собственная.

Легкое оцепенение, боли почти нет.

Барри понимает, что произошло: Гас принял его за одного из нападающих. Откуда ему было догадаться, что это он, Барри. Его появление сейчас на этом месте было настолько невероятно, настолько неправдоподобно, что Гас просто не мог на это рассчитывать. Он увидел крадущегося человека и выстрелил.

Барри слегка удивлен, что почти не чувствует боли. Он пытается шевельнуться, и это ему удастся. Встает, ноги как ватные... Слабость от потери крови, и, наверно, она еще усилится. Но пока у него есть время, и он это время использует.

Серия громких клацающих звуков на скальном обрыве над головой.

Значит, теперь и они обратили на него внимание — возможно, из-за выстрела Гаса, возможно, из-за шума, который он произвел при падении. Прятаться больше незачем. Он снимает автомат с плеча, прицеливается. Нападающие перед ним как на ладони, поле обстрела свободно. И, к собственному удовлетворению, он обнаруживает, что меткость ему не изменила. В первую минуту не разглядишь, сколько ранено или убито и сколько просто бросились наземь, спасаясь от пуль. Потом некоторые вскакивают, в поисках укрытия бегут к скальным уступам, к кустам. Но почти половина остается без движения.

Теперь, видно, и Гас сообразил, что с фланга подходил не враг. Видя, что брат то и дело поглядывает в его сторону, Барри взмахивает рукой. И Гас машет в ответ! Ради этого привет а стоило пострадать!

Твердая уверенность, полнейшая ясность мысли. Внезапно он слышит команды на чужом языке, пронзительные крики.

Нападающих как-никак еще человек двадцать, неожиданно они устремляются в штурмовую атаку. Часть бросается к нему, часть — к Гасу. Братья выпускают из автоматов очередь за очередью, но целиться все труднее, потому что противник подбегает со всех сторон. Теперь уже бессмысленно думать о прикрытии. Барри вскакивает, дает еще одну очередь, бежит к Гасу... Опять падает ничком, стреляет, опять вскакивает на ноги... Краем глаза он видит, что атакующих осталось совсем немного.

До Гаса — лишь несколько метров. Двое коричневых бегут к Гасу, но падают, сраженные пулями. Перед Барри тоже вырастает коричневая фигура и тоже уходит недалеко... На миг замирает без движения, а потом кубарем катится под откос.

Это был последний противник.

Барри выпрямляется. Чувствует, как силы покидают его. Ноги двигаются автоматически, ему кажется, будто он отрывается от земли, парит... Он весь в крови, одежда порвана, автомат выскальзывает из рук — и все же это вершина его жизни. Он жив, и Гас жив, и спас его он, Барри. Гас протягивает к нему руки, но подхватить не успевает, у Барри чернеет в глазах, и он падает без сознания.

Чувства гаснут, тонут в непроглядном безмолвии.

Окончание средней школы было для Барри огромным событием — не потому, что он стал совершеннолетним, не потому, что он покинул семейный круг и распрощался с теснотой родительского жилья. Признавался он себе в этом или нет, но последние годы он жил одним желанием, одной мечтой, которая давала ему силы и упорство, уводила от равнодушия и инертности, заставляя работать целенаправленно, — снова быть вместе с Гасом.

В студенческий городок он приехал немного раньше, чем нужно, и у него было время спокойно выполнить все формальности: записаться, пройти диспансеризацию и психологические тесты, устроиться в общежитии, где ему отвели хоть и крошечную, но одноместную комнату, получить всевозможные карточки, удостоверения и талоны на еду и питье, на единую форму колледжа, на учебные пособия и спортивный инвентарь. Он познакомился с несколькими парнями и девушками, которых нашел вполне симпатичными, хотя и держался от них чуть в стороне, он бродил по городку, осматривая аудитории и лаборатории, концертные залы и театры, спортивные площадки и водные стадионы, и дивился обширности территории обособленной зоны посреди трещащего по всем швам города, — полоска земли без небоскребов, без сетки опор монорельса, без антенн и радиомачт... Ничто почти не мешало видеть пасмурное небо, казалось, сам воздух здесь был чище, прямо как в саду — вдоль дорожек через небольшие промежутки были вкопаны круглые бетонные кадки с настоящими зелеными растениями, гибридами, созданными в «Институте изучения мутаций» при колледже. В городке не было никаких машин — ни автомобилей, ни электрокаров, ни мотоциклов, ни глайдеров. Единственным механическим средством передвижения был велосипед; для этого был проложен целый лабиринт дорожек, и почти все студенты ездили исключительно на этих педальных машинах; добравшись до нужного места, их оставляли на улице, а уезжая, просто брали на стоянке любой другой. Барри быстро наловчился гонять на велосипеде и скоро, как и все остальные, считал, что даже на самые короткие расстояния совершенно естественно ездить на велосипеде, а не ходить пешком.

В глубине души он был немножко разочарован и, наверно, по этой причине не примкнул ни к одной из компаний, возникавших буквально как грибы после дождя, и не удивительно: ведь в эти дни сюда съезжались тысячи сверстников; как и Барри, они выдержали экзамены и были направлены в технические колледжи. Разочарование, в котором Барри себе не признавался, шло от того, что он до сих пор не повидал Гаса. Он, конечно, не надеялся, что брат сам разыщет его — это совсем не в Гасовых привычках, — но втайне ждал, что хотя бы мимоходом тот заглянет к нему, хлопнет по плечу и скажет несколько слов, к примеру: «Вот ты и здесь, Барри!» или «Здорово, что мы опять вместе!» Еще дома, после экзаменов, он долго взвешивал, стоит написать брату или нет, и в конце концов все-таки написал, сообщил о приезде. А теперь вдруг пожалел об этом, решил, что написал зря и лучше бы письмо не дошло.

А потом он случайно встретил брата — однажды вечером, после ужина, когда большинство студентов собрались у летней эстрады, где в период зачисления ежедневно устраивали концерты и танцы; чаще всего выступали студенческие джазы. Барри только-только поставил велосипед на стоянку, как откуда-то не торопясь появился Гас. Причем не один, с ним была девушка, да такая хорошенькая, что Барри прямо онемел от восторга. Заметив его, Гас подошел, положил руку ему на плечо и сказал:

— Привет, Барри! Хорошо, что ты здесь! Позже увидимся.

Он кивнул и исчез в толпе. Все началось и кончилось так быстро, что Барри даже толком не осознал этого. Лишь задним числом он уразумел, что произошло, и заметил, что просто голову потерял от радости.

Гас был зачислен на отделение авиационной техники и организации полетов и мечтал пилотировать ракеты. Этот очередной шаг к специализации — распределение по учебным отделениям — предстоял Барри только через два года; сперва он должен был пройти общую техническую подготовку. Тем не менее он уже сейчас пытался нацелить себя на будущую специальность... Для этого в студенческой среде были свои негласные хитрости; например, на

психологических тестах он интерпретировал предложенные ему ассоциативные фигуры как метеоры, бегущие облака, птиц, самолеты и потому, даже не зная результатов, мог быть уверен, что у него отметят интерес к авиации и воздушным сообщениям. Однако интерес к полетам возник у Барри не только под влиянием Гаса, он коренился глубже. Возможно, определенную роль здесь сыграло и то время, когда он начал выходить из-под родительской опеки, когда впервые почувствовал себя свободным от оков повседневности и грохочущие на взлете ракеты, которые на его глазах поднимались с космодрома и исчезали в ночном небе, казались ему символами далекой обетованной свободы. Самолеты, ракеты — это были средства, позволявшие как бы одним-единственным усилием, одним скачком одолеть все препятствия и барьеры и достигнуть какого-то совершенно иного мира, хотя никто и не знал точно, в чем заключается его непохожесть.

В технический колледж попадали только те, кто на экзаменах и тестах показал способности выше среднего уровня. Но и спрос с них был тоже большой. Особенно первое время, когда Барри еще только принаравливался к новому образу жизни, к новым задачам, потребовало от него максимум внимания и сосредоточенности, и он с удовлетворением заметил, что ему вполне по силам добиться ожидаемых результатов. Если школа была гигантской лабораторией, то колледж был фабрикой. К услугам студентов были все мыслимые вспомогательные средства компьютеризованного обучения: терминалы, клавиатуры, микрофоны и видеокамеры; экраны, проекционные стенки, быстропечатающие устройства и динамики; диалоговые системы для вербального, аудитивного, графического, символьного ввода и вывода. В основе всего этого лежала сложная система компьютеров, контролировавших каждый этап обучения еще более скрупулезно, чем в школе. Столь же детальными были и указания, которые давались студентам, и, чтобы не снижать быстроту реакции и продуктивность, необходимы были упорство и умение как следует сосредоточиться. Работали они поодиночке и в группах, на обучающих машинах и по принципу состязательности. От них требовали самостоятельного мышле-

ния, понимания методики, активного участия в дидактическом опробовании и проверке итогов, подтверждения промежуточных успехов и — важный аспект современной методики — высокого показателя в самооценке, выражающегося в высоком коэффициенте корреляции между ожидаемым и фактическим результатом. Постановка учебных задач, самостоятельный отбор фундаментальных знаний, выбор определений и предпосылок, промежуточные цели, выбор методики, образец, схема, моделирование, порядок и организация, дифференциация учебных единиц, передача информации, максимизация, первая тест-фаза, подтверждение, вторая тест-фаза, пересмотр, контроль результатов, успешное завершение...

Барри недоумевал, что приходится изучать массу вещей, совершенно не связанных с техникой: специфику человеческих реакций, передачу информации, учение о мотивации, социальное поведение, ценностные системы, психологическое руководство и контроль. Лишь мало-помалу он уразумел, что техника не обособленное явление, она обретает смысл и цель только во взаимодействии с людьми, и гораздо важнее знать не физическое устройство вспомогательных технических средств, а то, как человек пользуется этими приборами. С некоторым удивлением он обнаружил, что по поводу обязательных для индивида ценностей — счастья, свободы, здоровья и т. д. — все фактически решено, подписано и обжалованию не подлежит. Такая опека — да еще без ведома подопечных — изрядно раздосадовала Барри, но в конце концов, наблюдая за собой, он вынужден был признать, что на уровне стремлений и целевых установок между ним и другими ребятами почти никаких различий не было, а что касается оптимального пути к той или иной цели, элемент неопределенности все-таки существовал.

Он пробовал поговорить об этом с Гасом, ведь братья изредка встречались — в столовой, на спортивных соревнованиях, на танцах, — и тот как будто бы не возражал, когда Барри присоединялся к нему. Если Гас был с товарищами, Барри держался в тени, ему достаточно было слушать споры старших, более опытных. Если же они встречались один на один, нет-нет да и удавалось погово-

рять, и эти редкие беседы играли в жизни Барри весьма важную роль. Барри всегда смотрел на брата снизу вверх, считал его уверенным в себе, непогрешимым, и в обществе других Гас таким и был, до сих пор. Но в разговорах с Барри порой сквозили скептицизм, недовольство, не имевшее отношения к колледжу, сокурсникам, перспективам и успехам, но каким-то отвлеченным, туманным образом касавшиеся вещей более глубинных — вопросов о смысле всего и о поступках, ему соответствующих. Барри не до конца понимал то, что говорил Гас, и не мог судить, верно это или нет; однако он не сомневался в серьезности этих вопросов, ведь и сам частенько задавался ими, только не умел четко сформулировать. Его слегка удивляло, а пожалуй, и разочаровывало, что брат тоже не знал ответа, впрочем, как раз поэтому он и чувствовал особенно тесную связь с ним.

Лишь на втором году жизни в колледже у Барри опять появилась возможность чаще видеть брата. Всего в часе езды подземкой от студгородка находилась школа дельтапланеризма, которую Гас посещал в выходные дни. Когда пришло время перейти с одноместных аппаратов на двухместные, он предложил Барри составить ему компанию, и Барри, конечно, согласился.

Школа располагалась в природно-спортивном парке. Из отходов мусороперерабатывающего производства воздвигли искусственные горы, куда более причудливого рельефа, чем прежние горы этих мест, давно скрытые или застроенные. Здесь можно было заняться самыми разными видами спорта — альпинизмом, горными лыжами, байдарками, дельтапланеризмом. Бетонные склоны и стены, то уступчатые, то гладкие, позволяли выбрать маршрут любой степени сложности, за почасовую оплату. Тут же рядом — смотровые площадки, откуда публика наблюдала за скалолазами, которые с помощью веревок и крючьев преодолевали опасные участки. Внизу были растянуты сетки — на случай, если кто-нибудь сорвется.

Лыжные трассы были тоже хоть куда, на склонах круглый год лежал снег, его обновляли каждую ночь, а благодаря проложенным в земле холодильным трубам он не таял. Тысячи людей, сохраняя десятиметровый раз-

рыв, съезжали по откосам вдоль специальных направляющих, чтобы приземлиться затем в гигантских горах поролон. Опытные спортсмены, однако, могли пользоваться свободными лыжнями, где они в своих обтекаемых костюмах развивали скорость до ста пятидесяти километров в час. Был здесь и огромный кран, готовый мгновенно подхватить упавшего и перенести его в автомобиль «Скорой помощи», прежде чем по лыжне съедет следующий.

Горный массив прорезали глубокие ущелья, по которым мчались кипучие пенные потоки. Они вливались в большой бассейн, откуда насосы по трубопроводу снова перекачивали воду наверх. Настоящий рай для байдарочников: за двадцать минут скоростного спуска им предстояло осилить хитроумнейшие препятствия и опаснейшие изгибы. Была учтена и вероятность несчастного случая — один процент, — так что многочисленные зрители с фотоаппаратами, толпившиеся на многочисленных мостиках, не оставались внакладе. Обязательная защитная одежда и та иной раз не спасала — бывали раненые, некоторые даже гибли; приходилось с этим мириться, ведь десятки спортивно-научных исследований доказывали, что при полном отсутствии несчастных случаев интерес к соответствующему спорту гаснет.

Но самым чудесным, вне всякого сомнения, был полет на дельтаплане — свободно паришь высоко над фантастическими горными кряжами, отъединенный от всего предметного, как созданного природой, так и искусственного, опускаешься невесомой пушинкой из мглы верхних слоев, плывешь по воздуху в легонько поворачивающемся аппарате, утопаешь в мягком кресле, будто в колыбели, а в то же время тебя обвевают все ветры, и обзор без помех, если не считать нескольких тросов-расчалок перед глазами.

У Гаса были права третьей категории, что позволяло ему летать на двухместном дельтаплане с неподготовленными людьми. Правда, сидеть сложа руки пассажир не мог. Скользил ли аппарат в атмосферном течении, закладывая плавные виражи, уходил ли от клубов удушливого дыма, отдавался ли на волю восходящих токов воздуха — в любой ситуации крайне важно было, чтобы попутчик

с полуслова слушался пилота, понимал его, умел предугадать его команды и исполнить их прежде, чем они будут высказаны вслух. Гас пробовал летать с коллегами, которых ему рекомендовали, но ни в одном из них не находил столь чуткого отклика, как в Барри, вот братья и встречались каждый уик-энд, чтобы испытать высокое чувство полета и парения.

Впрочем, первоначальный восторг мало-помалу остывал, братьям уже было недостаточно спокойно опускаться к земле, недостаточно обводить взглядом кварталы домов, которые лепились внизу, маленькие, ничтожные, пыльные. Теперь им доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие выполнять все более дерзкие виражи, ненадолго переходить в пики, чтобы, нарастив таким образом скорость, снова взмыть «в гору», подняться ввысь и повторять все это до бесконечности. Обретенная уверенность, владение приборами, балансирование на грани риска — вот что наполняло их радостью.

Среди ограничений, которые они обязаны были соблюдать, особенно раздражали рамки секторов. Прекрасно владея своим летательным аппаратом, они теперь могли бы совершать куда более дальние полеты. Гас, тот вообще считал, что, если половчее использовать восходящие ветры, можно покрывать любые расстояния, надо лишь хорошенько подготовиться. На худой конец, есть ведь еще и вспомогательная реактивная система; в нескольких учебных полетах они опробовали ее и выявили, какие в ней таятся энергетические резервы. И хотя они неизменно обсуждали подобные предприятия только в шутку, замысел день ото дня становился все конкретнее, терял черты утопии — достаточно легкого импульса извне, и он осуществится.

И вот такой импульс наконец появился, настал миг, когда жажда свободы одержала верх над всеми сомнениями и страхами. Гас закончил двухгодичную техническую специализацию и получил направление на курсы ракетолетчиков. Для него начиналась новая жизнь, время исполнения желаний, время, когда он сумеет показать, на что способен... Колледж с его суровым распорядком, бессчетными правилами и запретами остался позади; к Гасу все

это более не имело касательства. Для Барри дело обстояло совершенно иначе — его вновь ждала разлука с братом. У него еще были впереди экзамены и тесты накануне заключительного этапа обучения, который Гас только что завершил. Но Гасов энтузиазм передался и ему, как раз в последнее время они снова сблизились, и Барри был уверен, что нынешняя разлука ненадолго, время пролетит быстро, как и все прежние жизненные периоды без старшего брата.

В последний раз лифт привез их на вершину искусственного горного массива, они надели комбинезоны, шлемы, вышли на стартовую площадку и пристегнулись ремнями к сиденьям дельтаплана. По знаку Гаса крюк, к которому был подвешен аппарат, заскользил по направляющей, все быстрее, быстрее, — и вот уже они, словно торпеда, выброшены в поднебесье. Здесь наверху всегда клубилась мгла, но в этот день пелена смога поднялась довольно высоко, и с первых же мгновений полета среди черных туч копоты, ключев серного дыма, полос масляной взвеси и вихрей мельчайших частичек алюминиевых окислов, вырывавшихся из труб бокситовых фабрик, они нет-нет да и видели далеко внизу город, расчерченный на квадраты, протянувшийся на юго-юго-запад, к горизонту. Граница сектора приближалась слишком быстро — кстати, они вышли к ней на гораздо большей высоте, чем предписывала инструкция. Не сговариваясь, оба вдруг решили, что «великий» полет, который никогда не казался им выполнимым, именно сейчас должен стать реальностью. С этой минуты они действовали абсолютно синхронно, без малейшего труда, как и рассчитывал Гас. По легкому мерцанию в просвете туч нашли очередной восходящий поток — над ядерной теплоцентралью, из градирен которой поднимался теплый воздух. Они не обманулись в своих ожиданиях: поток был достаточно силен и помог им набрать высоту; если б не смог, можно было бы взлететь еще выше. А так пришлось выйти из спирали и снова взять курс на юго-юго-запад.

Пока они летели над городом, на пути то и дело встречались заводы, испускавшие мощные столбы теплого воздуха и отработанных газов, которые увлекали за собою

все, что в них попадало,— массы пыли, золы, каких-то склеенных маслом крупинок, мельчайшие капельки различных химических отходов, но, хотя в горле першило и дышать было нечем, Гас и Барри упрямо шли на риск, используя эти потоки по максимуму.

Но вот город остался позади, они парили над открытым пространством — ни следа домов, только бескрайние пустоши, безлюдные, невозделанные, где реки и ручьи с неукротимой яростью вгрызались в землю, где тянулись к небу горы, не было ни шоссейных и проселочных дорог, ни вентиляционных и газовыпускных шахт, а возможно, вообще не ступала нога человека,— раньше они себе даже представить такое не могли, лишь теперь, увидав все это своими глазами, убедились: да, оно существует.

Здесь, на воле, Гасу пришлось туговато. Он, правда, пытался использовать восходящие ветры у горных склонов, но беспорядочность рельефа создавала вихри и флаттер, и ему с трудом удалось выбраться из района атмосферных волнений. Высоту они теряли медленно и все же наверняка сели бы среди гор, если б Гас не задействовал реактивные двигатели. Они опять резко взмыли метров на пятьсот вверх, а затем, плавно обогнув последние горные отроги, не спеша приземлились в безжизненной каменной пустыне.

О возвращении в город они беспокоились зря. Не прошло и двадцати минут, как подъехали два гусеничных тягача. Один увез дельтаплан, второй доставил братьев на городскую окраину, к конечной станции монорельса. Их посадили в опечатанный вагон и отправили в колледж. Гас, который уже не подчинялся тамошнему уставу, отделался денежным штрафом, зато Барри на год отстранили от занятий. Весь этот год он работал на подземной фабрике пенопласта, и выдержать экзамены, необходимые для перевода на следующую ступень, ему оказалось очень нелегко.

Барри приходит в себя. Над головой белый потолок, вокруг белые подушки, белая простыня. Он хочет привстать, но не в силах пошевелиться. Наконец обнаруживает сбоку блестящую хромированную поверхность шкафчика и видит свое искривленное отражение: он лежит на больничной койке, грудь, плечо, шея и голова замотаны бинтами. Только лицо выглядывает, почти такое же белое, как простыни и потолок, лишь глаза словно два темных пятна.

Тягостное чувство оцепенения.

Он пытается говорить, но из горла вылетает хрип. Над ним склоняется медсестра. Она что-то произносит, но Барри не понимает ее.

Он снова пытается заговорить, и опять безуспешно. Лицо медсестры исчезает. Измученный Барри проваливается в сон.

Изнеможение, чернота беспомощности.

Спустя некоторое время он вновь просыпается — от звука голосов.

Вновь пытается пошевелиться, и на сей раз ему сопутствует удача.

Он не знает, сколько прошло времени — может, несколько часов, а может, несколько дней; как бы там ни было, чувствует он себя значительно лучше.

Подходит медсестра, поднимает изголовье. Перед Барри два медика — старший врач и ассистент.

Старший врач. Ну как, нам лучше?

Барри сам удивлен, что может ответить, причем без особого труда.

Барри. Спасибо. Все хорошо.

Старший врач (*смеясь*). Ну-ну, не надо преувеличивать! (*Обращаясь к сестре.*) Когда ему последний раз делали инъекцию?

Сестра. Полчаса назад.

Старший врач. Ну что ж...

Барри (*еще с усилием*). Где я?

Сестра. Разве вы не заметили? В больнице.

Барри. Где?.. На Сириусе?

Врачи и сестра недоуменно переглядываются.

Старший врач. Здорово парню досталось. Перелом ключицы, тяжелое сотрясение мозга. И бесчисленные осадины. (*Опять обращаясь к Барри.*) Где это вас так угрозило?

Барри, похоже, всерьез задумывается, потом качает головой.

Старший врач. Не помните? Или не хотите сказать? Мне-то все равно, пусть полиция выясняет.

Барри (*с трудом ворочая языком*). Я в Санта-Монике?

Сестра (*успокаивая*). Не волнуйтесь, все обойдется. Врачи и медсестра уходят. Барри опять погружается в дремоту, просыпается, засыпает... Лишь стрелки электрических часов на стене говорят о том, что проходит много времени.

Когда перед глазами опять возникает чье-то лицо, Барри испуганно вздрагивает.

Это Ютта.

Ютта. Ну и вид! Кошмар. Как вы себя чувствуете?

Барри. Спасибо, ничего.

Ютта. Наконец-то я вас нашла. Не один час потратила. Такая нелепость — этот несчастный случай!

Барри. О чем вы?

Ютта. Двигаться можете?

Барри. Сил хватит. Только вот повязки...

Ютта. Повязки? Ну, с ними-то мы управимся. Погодите минутку, я сейчас вернусь.

Барри. Вернетесь?

Ютта. Да. Гас, когда узнал обо всем, велел поскорее доставить вас к нему. Вы же понимаете, он хочет избежать шума. Если это выплывет наружу, будет скандал.

Чувство беспомощности — от всех этих событий голова идет кругом.

Барри (*бормочет*). Не понимаю.

Но Ютта уже успела уйти.

Немного погодя Барри слышит, как открывается дверь

и по линолеуму шуршат резиновые колеса. Потом в поле зрения опять появляется Ютта, а за нею — два здоровяка в белых комбинезонах санитаров.

Ютта достает какую-то ампулу, отламывает кончик, выливает содержимое в стакан с водой, который стоит на тумбочке. Затем подносит стакан к губам Барри.

Ютта. Выпейте!

Барри хочет отвернуться, но Ютта силком вливает жидкость ему в рот. Он, захлебываясь, глотает. Вкус горький, тошнотворный.

Барри (кашляя). Что это? Что вы мне даете?

Ютта. Мы сейчас заберем вас отсюда. А перевозка — штука утомительная. Я дала вам всего-навсего болеутоляющее, иначе где-нибудь по дороге могут отказать нервы.

Барри. Но послушайте...

Ладонью Ютта зажимает ему рот.

Ютта. Всё, молчите.

По ее знаку санитары подвозят каталку к кровати. Откидывают одеяло, поднимают Барри. Не слишком бережно перекладывают на каталку.

Головокружение, нарушается ориентация.

Ютта подходит к двери, смотрит направо, налево, потом машет рукой. Она шагает впереди, словно не имеет к ним никакого отношения, санитары толкают каталку следом. Длинные коридоры, люди в пижамах, медсестры и врачи, но никому нет до них дела. На лифте они спускаются вниз, потом везут Барри через двор.

Теперь Ютта идет рядом и, заметив, что он по-прежнему не спит и озирается по сторонам, набрасывает ему на лицо платок. После этого Барри только по чередованию света и тьмы и по тряске догадывается, что каталка еще едет. Ровное покачивание навевает дремоту, он снова погружается в тревожный, полный видений сон.

Барри не знает, что его разбудило. Рядом слышны приглушенные голоса, теплый желтый свет проникает через платок — кажется, приехали.

Платок сдернут — и Барри узнает брата, Гас склоняется над ним.

Недоверчивое удивление, лишь мало-помалу он убеждается, что все происходит на самом деле.

Гас. Привет, Барри! Кто бы мог подумать, после стольких лет!

Барри. Я давно собирался навестить тебя, хотел сделать тебе сюрприз, Гас.

Гас (с улыбкой). Сюрприз удался. (Оборачивается к Ютте.) Сними с него эти причиндалы!

Ютта наклоняется к Барри, снимает пластырь, скрепляющий повязки. Потом разбинтовывает голову, плечи и наконец грудь. Барри лежит на каталке в одних пижамных штанах. Пробует пошевелиться... И, к собственному изумлению, не испытывает никаких затруднений. Он садится, боли нет. Смотрит на себя — ни ран, ни шрамов. Ощупывает голову — тоже ни следа повреждений.

Гас весело глядит на него.

Гас. Полный порядок, Барри. Ты цел и невредим, все тот же милый мальчик, как раньше. Правда, Ютта?

Ютта с улыбкой кивает.

Гас. Вот так и бывает, когда очертя голову кидаешься в джунгли. Ты не знаешь здешних хитростей, малыш, а они тут огонь и воду прошли.

Барри недоуменно смотрит на брата.

Гас. Этот врач, который тобой занимался, доверия не внушает... Его здесь каждый знает как облупленного. Проходимец он, и больше никто. Имитировал несчастный случай, сдал тебя в больницу, а страховку положил в карман. Теперь его не найдешь, опять скрылся на неделю-другую, пока эта история не забудется.

Несколько секунд Барри не может вымолвить ни слова.

Барри (*запинаясь*). Ты имеешь в виду... доктора Аврамиса?

Гас. Да, если не ошибаюсь, это одно из многих его имен. Ну-ну, не тушуйся, мальчуган... Скажи спасибо, что я тебя вытащил. Ютта здорово поработала.

Барри тем временем встал, в своем наряде он явно чувствует себя неуютно. Гас опять улыбается.

Гас. Ютта, дай ему что-нибудь из моих вещей. (*Обращаясь к Барри.*) Великоваты будут, ну да ничего — мы, в конце концов, среди своих. Проведем уютный вечерок, потолкуем о добром старом времени. Но сперва я должен закончить кой-какие дела. А ты, может, ванну примешь? Ютта все тебе покажет.

Жестом, который у него получается слишком властным, он отпускает Барри. И задумчиво смотрит брату вслед, когда тот, пропустив вперед Ютту, выходит из комнаты.

ВИЛЛА

НОЧЬ

Они сидят рядом, в мягких креслах, глядя на проекционную стену. Световой конус рисует на экране идиллическую картину: молодая супружеская пара, двое мальчишек, старик на влажных тропинках.

Ассоциации: детство, игра, дом.

Нажатием кнопки Гас меняет диапозитив, и опять на экране те же двое мальчишек, бегущих вдогонку за большой моделью самолета.

Новое нажатие кнопки — картина исчезает, вспыхивает верхний свет.

Гас. Как видишь, я не забыл те давние дни. Кстати, мне много раз хотелось вас всех пригласить, но вечно что-то мешало. А вот на будущий год непременно устрою такую встречу, клянусь.

Барри откидывается на спинку кресла. Машинально крутит в пальцах золотую зажигалку. В Гасовой одежде, которая ему заметно велика, он выглядит смешновато и хорошо это понимает.

Барри. Что это мы все о прошлом да о прошлом, Гас. Я хотел бы услышать от тебя кое о чем другом.

Гас. О чем же именно?

Барри. Я хочу знать все — о тебе и о «Сириусе-Транзитном». Слышал я много разного, но что же тут правда?

Гас. Что правда? Да ничего, Барри. Здесь тьма людей, которые развлечения ради норовят наплести приезжим новичкам с три короба небылиц и обобрать как липок. Боюсь, и ты попался на их удочку. «Сириус-Транзитный» — самая обыкновенная фирма. Крупная, что да, то да. И я этим горжусь. Но никаких чудес у нас нету. Так что лучше забыть все эти глупости — слухи и домыслы. Тебе же лучше, Барри.

Барри. Ладно, Гас, допустим, меня надули, допустим, я нарвался на обманщиков. Но есть кое-что еще, от чего так просто не отмахнешься. Как насчет Сириуса, Гас? Я слышал твою речь, призыв к освоению. Это-то правда или нет?

Гас закуривает сигарету; впечатление такое, будто он обдумывает ответ.

Гас. Видишь ли, то, что я тогда говорил... Тогда было множество нерешенных вопросов, новых задач. Тогда я был увлечен, восторжен и, возможно, хватил слегка через край. Сегодня я бы высказался более осторожно.

Барри. Что это значит? На Сириусе нет той насыщенной, яркой жизни, о которой все мечтают, так, что ли?

Гас. И да, и нет. Видишь ли, Сириус стал своего рода символом. Обетованием, вызовом для каждого энергичного человека...

Барри. Как это — «символом»?

Гас (*раздраженно*). Ну, в смысле, что Сириус тоже не рай. Человеку, который хочет завоевать новые земли, необходимо умение преодолевать трудности. Так уж оно устроено, даром ничего не дается.

Страшная тревога охватывает Барри.

Барри. Но он хотя бы существует, Сириус-то? Существует для человека задача, пусть трудная, но такая заме-

чательная,— тягаться с трудностями, иметь возможность раскрыть все свои резервы? (*Почти заклиная.*) Он ведь существует, Гас, а? Сириус? Или нет?

Гас кладет руку Барри на плечо. Легкое уверенное прикосновение успокаивает, от него словно исходит таинственная сила убеждения.

Гас. Конечно, существует, Барри. А ты как думал? Существует.

Гас встает, подходит к домашнему бару, смешивает себе коктейль.

Гас. Хотите выпить? Барри? Ютта?

Ютта подставляет Гасу стакан, он наливает. Барри отрицательно качает головой.

Барри. Знаешь, почему я приехал в Санта-Монику?

Гас. Ясное дело! Решил нагрять ко мне — прекрасная мысль!

Барри. Да, и это тоже. А еще я хотел просить у тебя работу на Сириусе.

Гас круто поворачивается.

Гас (*с расстановкой*). Работу на Сириусе? Это исключено! (*Решительнее.*) Выбрось это из головы, братишка. Ни в коем случае.

Барри встает. Заметно, что он очень взволнован.

Напряженное любопытство, сомнения.

Барри (*настойчиво*). Но, Гас, почему? Ведь для тебя это так просто! А я давно ни о чем тебя не просил.

Гас подчеркнуто сердечен, он словно хочет загладить недавнюю резкость.

Гас. Я же только что объяснил тебе, Барри. Условия на Сириусе тяжелые. Там есть опасности, которые тебе и не снились. Ты погибнешь!

Барри. Но других-то людей ты туда посылаешь! Со спокойной душой ставишь под удар?

Гас. В истории были полководцы, посылавшие солдат на верную смерть. У моих людей как-никак есть шанс. В общем, повторяю: это исключено! Мы очень хорошо

провели сегодняшний вечер, а завтра ты вернешься домой.

Барри. Но, Гас...

Растерянность, удивление, разочарование.

Гас. Это мое последнее слово.

Атмосфера вдруг становится ледяной. Ютта подходит к стереоустановке, пытается найти веселую музыку. Через некоторое время выключает.

Обрывки музыкальных пьес попеременно с фрагментами речей, последних известий, радиопьес...

Барри отошел к окну, смотрит на город. Гас становится рядом.

Гас (*примириительно*). Ты же мне доверяешь... Или нет?

Барри. Доверяю, Гас.

Гас. Тогда ты должен поверить, что у меня есть веские причины не посылать тебя на Сириус. Веришь?

На лице у Барри читается сомнение, он не отвечает.

Гас. Пойми, я сделаю для тебя все, что смогу. Дам денег...

Барри отмахивается.

Гас. ...непременно дам. Я же знаю, ты потерял бумажник. А еще вот тебе удостоверение. Неофициальное, но в моей империи трудностей у тебя отныне не будет — стоит только предъявить эту бумагу. Я сам ее подписал. Можешь прийти с ней куда угодно, платить не надо, ни цента, у тебя неограниченный кредит. Доволен?

Барри (*едва слышно*). Я хотел на Сириус...

Гас обнял Барри за плечи и теперь слегка встряхивает, точно желая разбудить.

Гас. Всё, об этом больше ни слова. Ясно?

Прошло без малого десять лет. Гас поднялся на высшую ступень пилотской карьеры — стал ракетолетчиком с лицензией на внепланетные рейсы. Барри ставил перед собой ту же цель, но не достиг ее — хоть и был пилотом, только на межконтинентальных линиях.

Вправду ли сбылась его мечта о полетах? Каждый день он пилотировал свою машину от аэродрома «Запад» к аэродрому «Восток» и обратно, первый вылет в десять утра, второй — в четыре пополудни; рутина приготовлений, формальностей, заполнение бумаг, проверка контрольного списка, ожидание разрешения на взлет, а затем набор высоты, полет, посадка — как он полагал, главные задачи командира корабля... На самом же деле ему почти не приходилось вмешиваться, контроль давно был передан автоматам. Только после посадки он опять принимался за работу — с другими формулярами и перечнями.

Сам полет продолжался час двадцать и в основном проходил внутри смогового слоя. Лишь иногда, при высоком атмосферном давлении, внизу можно было различить город, и пусть сквозь дымку и выхлопные газы он казался плоским и серым, все равно эти редкие дни приятно разнообразили монотонность будней. Однажды, еще во время учебы, Барри получил разрешение пробить смоговый пласт и выйти в прозрачные верхние слои, где пока были белые облака, похожие на комки ваты в незримой жидкости, яркое солнце, темно-синее небо. А ночью, в показательном полете, он даже видел звезды и Луну — и, хотя кое-что знал об этом из учебных программ, все-таки был потрясен, когда наяву увидел то, что до сих пор было лишь умозрительной схемой. Собственно, только тогда он и поверил по-настоящему в прорыв человечества в Космос, в существование чужих небесных тел, которых достигли немногие избранники, в успехи космической техники, новые завоевания науки, позволившие вырваться далеко за пределы Солнечной системы, в наличие чужой жизни, о которой по-прежнему ходили только слухи, в эпохальные достижения высокоразвитой техники, которые по военным соображениям сохранялись в тайне. Ведь где-то в Азии еще шла война, последние схватки с силами

неволи, которые отчаянно отбивались от армий свободного сообщества народов.

Барри всего несколько месяцев работал в авиакомпании, но уже решил сразу по истечении пятилетнего контракта подыскать себе новое поле деятельности. Хотя он и не покидал города, не покидал страны, но все ж таки встречался с коллегами, которые пилотировали более тяжелые машины, летали на более дальних линиях, бывали в других странах, на других континентах. От них он слышал, что даже на Земле еще уцелели нецивилизованные регионы, поселки там лежали среди девственных просторов, и людям был разрешен доступ в этот дикий край, где гражданин, конечно, не мог рассчитывать на столь совершенную безопасность, как в цивилизованных государствах, но зато и меньше был скован всяческими ограничениями; люди энергичные и инициативные еще вполне могли самостоятельно стать на ноги: подыскать жилье, выбрать профессию, решить, чем заняться, использовать удачу и нести за это ответ — остатки давнего, первобытного образа жизни.

Лишь раз он едва не отказался от этой идеи — когда познакомился с девушкой Синди, которая служила в одной из электронных фирм. Хрупкая и впечатлительная, Синди таила в себе неброскую прелесть, которая становилась зримой, только когда девушке было хорошо, когда она радовалась, была счастлива. Барри знал ее пока недолго, видел редко, но все же чувствовал, что мало-помалу между ними возникает близость. И, встречаясь по выходным, заглушая мысли об однообразии своей работы, они оба испытывали чуть ли не блаженство — раньше Барри даже представить себе не мог ничего подобного.

Иногда он рассказывал ей про свои юношеские затеи, про тогдашние мечты, но куда чаще — про Гаса, о котором она скоро узнала больше, чем о нем самом. Однажды — это было летом, на уик-энд, — они поехали в космопорт, откуда уходили ракеты в глубины Вселенной. Долго стояли они на гостевой террасе, облокотясь о высокий парапет, и наблюдали, как стартуют стройные аппараты, похожие отсюда, издалека, на иглы, способные проткнуть смог, а может быть, и небо, на деле же исполнин-

ские сооружения, напоминающие церковные колокольни минувших времен и в какой-то мере даже сходные с ними назначением. Грохот был такой, что они едва слышали друг друга, пламя двигателей слепило глаза, без темных очков невозможно смотреть, а когда наконец ракета на огненном столбе выхлопа поднималась в воздух, смоговый пласт, еще не успев соприкоснуться с ее острием, наступался, и на несколько мгновений можно было заглянуть в синюю беспредельность.

Затем они пошли в большой планетарий, который был создан с одной-единственной целью — передавать народу впечатления, накопленные ракетолетчиками, пионерами нового времени. Они сидели, держась за руки, под огромным куполом, среди многих тысяч зрителей, заполнивших круглый зал. Лампы стали медленно гаснуть, зазвучала торжественная музыка, унылый серый купол вдруг наполнился прозрачностью, засветился синевой, все ярче, все лучезарнее, и наконец, когда лампы совсем погасли, их как бы окутала лиловая пустота — они парили в пространстве словно на обсервационной платформе летательного аппарата. Стемнело, мириады звезд вспыхнули в черноте белыми пунктирными узорами, рисунок созвездий менялся, они собирались в похожие на облака сгустки, мимо мчались метеориты, тучи космической пыли, но вот — чужая солнечная система, планеты... Посадочный маневр, стремительное приближение поверхности, сплошь изрытой глубокими складками, выход на параболическую орбиту, секундное зависание над нужной точкой — и посадка в вихре взметнувшегося к небу, докрасна раскаленного песка. Чужие миры, континенты и моря, горы и доли, экзотические растения, неведомые животные, какие-то хрупкие существа боязливо подходят ближе... Легкий пряный ветерок с холмов обвеивает лицо, доносит аромат странных цветов, хмельной и волнующий... И все это видели астронавты? Именно так выглядят вновь открытые небесные тела? Комментарий отсутствовал — зрители были вольны считать эти картины либо реальностью, либо научной фантастикой. И сделано это было наверняка умышленно, ведь в стране, где еще орудовали шпионы чужой, злонамеренной власти, невозможно без

оговорок демонстрировать общественности последние достижения собственной мощной техники.

Когда сеанс кончился, Барри с большим трудом вернулся к действительности. Он нашел здесь воплощение всего того, о чем много раз грезил наяву в часы уныния и скуки — хотя и далеко не так осязаемо и отчетливо... Быть может, показанное было отчасти выдумкой, плодом воображения сценаристов, но, в конце концов, не могло же все быть обманом, такие совершенные, законченные картины не могли быть рождены одной только человеческой фантазией, во всем этом явно что-то есть, пусть еще не достигнутое, но существующее, и если как следует напрячься, оно будет найдено и открыто.

На несколько минут Барри даже забыл о Синди, которая молча шла рядом, не желая мешать ему. Давние стремления, давние чаяния внезапно вновь обрели необычайную важность, и тут же произошла вторая неожиданность: он вдруг опять поверил в реальность и своих собственных представлений, и тех картин, что видел в планетарии. В эту самую минуту Барри почувствовал на плече чью-то руку — перед ним стоял Гас. Он выглядел чуть старше, чуть суровее, и на миг Барри показалось, будто лицо брата подернуто легкой тенью усталости, смирения, печали.

Барри познакомил Гаса с Синди и теперь, опять вернувшись к действительности, счел добрым знаком, что смог представить своей девушке старшего брата, о котором столько ей рассказывал, и что Гас встретился с Синди, которая сегодня выглядела особенно привлекательно в своем розовом комбинезончике и белых сандалиях.

Барри думал, что, обронив вскользь несколько слов, Гас уйдет, и немножко удивился, когда тот, будто так и надо, остался с ними и предложил вместе пообедать. Заметно было, что он тут как дома, хотя и говорит, что отошел от общественных обязанностей. Барри очень хотелось расспросить о причинах, но он не стал перебивать брата, а тот держался открыто, раскованно и несколько раз насмешил Синди. Он провел их обоих в закрытую для публики часть космопорта, и, сидя в шикарном ресторане, который был заполнен главным образом высшими офи-

церами, они видели в огромном выпуклом окне среди густеющих сумерек вспышки ракетных двигателей, на секунду превращавшие посадочную площадку в огромное кратерное поле, в центре которого как бы начиналось извержение.

После обеда Гас заказал бутылку вина, что сообщило встрече особую, торжественную нотку, не говоря уже о настроении, которое, пожалуй, овладело и Барри, и Гасом — воспоминания о былых днях, мгновеньях ошеломительных переживаний, предчувствии грядущих приключений. И Синди, хоть и находилась вне этого круга общности, все же чувствовала, что волнует братьев, кое в чем удивительно похожих, а кое в чем не менее удивительно разных.

Никогда еще Барри не видел Гаса таким разговорчивым. Он рассказывал о полетах, поднимавших его высоко над землей, о невесомости на орбите, о посадках на Луне, об экспериментах на выживание в скалах одиноких кольцевых гор. Рассказывал о высадке на Марсе, об облетах Плутона, о прорыве к самым удаленным от Солнца планетам и еще дальше. А вдобавок намекал, что участвовал в секретных миссиях, которые побывали далеко за пределами Солнечной системы и обнаружили удивительные вещи, какие обычному человеку и во сне не снились. Говорил он и о новых планах, новых проектах: с группой предприимчивых молодых людей он хотел поселиться где-нибудь подальше от цивилизованного пояса и опробовать там одно изобретение, если все пройдет удачно, оно совершит грандиозный переворот, сделает невозможное явью...

От рассказов Гаса у Барри голова пошла кругом, да и для Синди, которая до сих пор не выказывала особого интереса к рискованным предприятиям и техническим новаторствам, слова Гаса звучали странной, но притягательной музыкой. И, словно облекая плотью словесные описания Гаса, подчеркивая разбуженные ими чувства, заиграл многоголосый оркестр, приглашающий потанцевать на медленно кружащейся, круглой площадке. Они сиделись до глубокой ночи, слушая льющуюся со всех сторон музыку, говорили уже мало, несколько раз — под

медленные пассажи — Гас и Синди выходили на танцевальную площадку, а Барри, так и не научившийся танцевать, издали наблюдал за ними.

Когда музыка смолкла, Гас проводил брата и Синди до ближайшей станции монорельса и вместе с ними дождался поезда, ведь в эту пору суток интервалы движения увеличивались. Наверху дул бодрящий ветерок, от которого тихо и мелодично гудели металлические фермы опор. На космодроме и сейчас еще регулярно пыхали огнем ракетные двигатели, обдавая спящий город темно-багряным отсветом.

— Неужели и вправду где-то там наверху есть иные планеты, неведомые миры, новые земли, которые можно открыть и освоить? — спросил Барри.

— А что есть правда? — отозвался Гас, но смотрел он не на брата, а на Синди. — Правда то, во что мы верим.

Низкий гул ажурных опор возвестил о приближении поезда. Они обменялись рукопожатием, Барри и Синди вошли в вагон, Гас помахал им вслед. Линия плавно поворачивала, и они еще долго видели его — темная одинокая фигура, тень, силуэт, лица уже не различить.

Как ни прекрасен был этот день, ярко запечатлевшийся в памяти Синди и Барри, он повлек за собой и неожиданные последствия. Барри не мог отделаться от впечатления, что Синди переменялась, что теперь она относится к нему иначе — более сдержанно, более рассудочно. Ему хотелось спросить, в чем дело, но он молчал, она тоже не заводила об этом разговора. Возможно, виноват был сам Барри, ведь все вокруг — и работа, и люди — становилось ему день ото дня безразличнее. Он был то нетерпелив, то рассеян, вновь начал искать уединения, предаваться грезам. Мысли его невольно возвращались к рассказам брата, и в нем все больше крепло решение тоже вырваться когда-нибудь на простор чудес и неисчерпанных возможностей.

Барри вернулся в гостиницу. Спал он долго, и никто его не тревожил. Дежурный официант, который принес завтрак, обращается к нему с изысканной учтивостью.

Ощущение пустоты, бессмысленности.

Официант. Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий, сэр?

Барри качает головой, и официант уходит, даже не протягивая руки за чаевыми. Барри смотрит ему вслед с двойственным чувством. Потом собирает свои вещи с полочки в ванной, укладывает рубашки и носки в дорожную сумку. Еще раз оглядывается вокруг, подхватывает сумку и выходит из номера.

ГОСТИНИЦА. ХОЛЛ**УТРО**

Барри у конторки портъе, просит счет. Служащий мотает головой.

Служащий. Все оплачено, сэр. Вы позволите ключи от вашей машины? Я прикажу вывести ее из гаража.

Барри. Спасибо, я сам. До свидания.

Служащий. До свидания, сэр.

Барри медленно идет к лифту, замечает, что к нему спешит какой-то человек. Это Уэс.

Уэс. Ты куда, Барри?

Барри. Домой, куда же еще. Этот город не для меня, я уж и сам понял.

Уэс. Но, Барри, именно сейчас, когда у меня есть для тебя договор!

Барри чувствует, как под бровью начинает судорожно пульсировать какая-то жилка.

Барри. Договор? Бред!

Уэс. Почему бред? Что в этом бредового?

Барри остановился, опустил сумку на пол.

Барри. Ну... я как-то уже не рассчитывал. Думал...

Уэс. Ты чертовски нетерпелив, парень. Почему бы это

должно кончиться неудачей? Ты же подходишь по всем статьям! Ты молод и здоров, у тебя замечательная подготовка. Неужели Сириус больше не соблазняет тебя? Ты уже не думаешь о вольных просторах, об открытиях, которые там сделаешь?

Барри улыбается, с легкой грустью.

Барри. Не слишком ли много розовой краски, а? Знаешь, Уэс, я больше не верю в райские кущи Сириуса. Барри старается держать себя в руках, но волнение, охватившее его, неукротимо растет.

Уэс (*обескураженно*). Но почему, Барри?

Барри. Я говорил с одним человеком, который не может этого не знать.

Уэс. И что же он тебе сказал?

Барри. Жареные куропатки там с неба не падают. Нужно работать не покладая рук. И опасностей хватает. Многие не выдерживают. Кое-кто вообще погибает.

Уэс (*разочарованно*). Ну, если так... желаю счастья. Барри. Добрый путь!

Барри не отпускает Уэса. Его обуревают противоречивые желания.

Барри. Может, покажешь договор-то?

Уэс протягивает ему многостраничный, исписанный
убористым текстом формуляр.

Барри бегло ~~просматривает~~ его.

Вихрь мыслей, полный перелом в настроении.

Барри. Знаешь что, Уэс, я ~~передумал~~.

Уэс. Передумал?

Барри. Да. Я согласен. Что надо делать? Где подписать?

Уэс листает бумаги, тычет пальцем в нужное место.

Уэс. Вот здесь, Барри.

Барри подписывает. Складывает бумаги в пачку, сортирует. Несколько листков отдает Уэсу.

Барри. Ну а дальше что?

Уэс. Если хочешь, можешь вылететь прямо сегодня.

В четырнадцать ноль-ноль надо явиться на ракетодром, подъезд четыре.

Барри. На ракетодром? Ты уверен? Не на трансмиссионную станцию?

Уэс недоуменно смотрит на Барри.

Уэс. Ты это о чем? Не понимаю.

Барри пожимает плечами.

Барри. Ладно, значит, на ракетодроме, подъезд чегыре. Ты не беспокойся, Уэс. Все будет в порядке. И большое спасибо!

Барри поднимает сумку, в нерешительности смотрит на часы, потом поворачивается к лифту, нажимает на кнопку и ждет.

ВИДЕОТЕКА

УТРО

Барри выходит из лифта на том этаже, где находится видеотека. Как и несколько дней назад, на выдаче сидит Нелли. Она в скромном платье, волосы стянуты ленточкой на затылке.

Барри подходит ближе, ставит сумку на пол.

Барри. Привет, Нелли!

Нелли. Привет, Барри!

Облокотившись на стол, Барри разглядывает кассеты, рядами стоящие в шкафу у задней стены.

Нелли. Хочешь взять пленку, Барри?

Барри. Нет.

Нелли. Зачем же ты тогда пришел?

Барри. Хотел повидать тебя еще разок.

Нелли. Уезжаешь, значит?

Барри. Уезжаю.

Нелли. Что ж, всего доброго, Барри.

Барри поднимает сумку, машет Нелли рукой.

Запах лаванды.

Барри. Всего доброго, Нелли!

Он поворачивается, идет к лифту. Кабина еще не ушла. Он открывает дверь, входит внутрь.

РАКЕТОДРОМ

ДЕНЬ

Барри выходит из автобуса, который привез его в космопорт. Машину он продал, всех вещей у него теперь только то, что в дорожной сумке. Давно уже он не чувствовал себя так свободно, раскованно.

Вот и четвертый подъезд. Человек десять толпятся вокруг, подходят все новые люди. Барри присоединяется к ним, ждет.

Сразу после двух ворота открываются — можно заходить. Один за другим они тянутся мимо окошка охраны, предъявляют документы. Потом каждый получает узел с одеждой и вещмешок. Человек в сером комбинезоне, в берете с эмблемой «СТ» отдает распоряжения.

Сотрудник «СТ». Вон там раздевалка. Личные вещи останутся здесь. Возьмите с собой только самое необходимое.

Барри тоже исчезает в кабине и появляется оттуда, как и все остальные, в сером комбинезоне. Вещмешок он закинул за спину. Его сумка, снабженная биркой, отправляется в большую кучу багажа.

Сотрудник «СТ». Все готовы? В колонну по двое становись!

Они строятся в две шеренги. Сотрудник «СТ» делит их на шестерки, которые одна за другой по вызову скрываются в коридоре.

Ожидание длится недолго. Вместе с пятью другими Барри идет по коридору, выходит на улицу. Их сажают в маленький автобус и быстро везут к стартовой площадке.

Тарахтенье автобусного мотора, тряска.

Впервые Барри видит ракеты с близкого расстояния. Он

слегка разочарован, думал, они гораздо больше. Это цилиндрические конструкции метра четыре диаметром и метров пятнадцать высотой. Ракеты установлены на подвижных шасси и по рельсам выводятся на стартовые позиции.

Автобус останавливается, все выходят. До ближайшей ракеты рукой подать. Видно, что металлический корпус покрыт исчерна-бурой коркой, а вовсе не блестит серебром, как на картинках.

По узкой металлической лесенке они поднимаются наверх, на платформу у грузового люка.

Барри на миг оборачивается—последний взгляд на город. Но вот и он скрывается в люке.

Круглое помещение, шесть противоперегрузочных кресел, спинками к люку. Венчик узких иллюминаторов.

Спертый воздух, запах грязи и плесени.

Сотрудник «СТ» вместе с ними поднялся в ракету. Показывает, где разместить вещи. Потом каждый надевает шлем, соединенный кабелем со спинкой кресла.

Сотрудник «СТ». Пристегнуть ремни! Через пять минут старт.

Проверяя, хорошо ли пристегнуты ремни, он переходит от одного к другому, защелкивает замки, которыми фиксируются ремни.

Нажим тугих ремней.

Барри. А как мы их отстегнем?

Сотрудник «СТ». Во время полета они будут на замке. После посадки вас освободят.

Он идет к люку, небрежно прикладывает руку к берету.

Сотрудник «СТ». Удачного полета, ребята.

Люк захлопывается. Немного спустя по корпусу ракеты проходит легкая дрожь—видимо, их везут по рельсам, в иллюминаторах видно только серое небо.

Барри. Сколько продлится полет?

Сосед справа поворачивает к нему голову.

Браш. Ты что, первый раз?

Барри. Да.

Браш. Сколько продлится полет? Трудно сказать...
Смотря куда нас отправят.

Барри. А что, посадочных площадок несколько?

Теперь и сосед слева поворачивается и с удивлением смотрит на него.

Джо. Похоже, ты, парень, влез в это дело очертя голову! Сбежал, поди, откуда-нибудь?

Браш. Все дело в том, куда нас отправят. Может, в рай, может, в ад. Я уж не в одном жутком месте побывал.

Джо. Я тоже, старик. Вспоминать неохота. Острова южных морей — вот это бы по мне. Кокосовое молоко, пальмовое вино. Смуглые девчонки с цветами в волосах...

Барри. Смуглые девчонки? На Сириусе?

Браш. Жди сюрприза, парень. В свое время все узнаешь.

Вибрация металлических колес по рельсам.

Опять толчок — остановка. Кресла автоматически занимают противоперегрузочное положение; шестеро мужчин лежат в них, спиной к движению.

Голос из динамика. Десятисекундная готовность. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один — старт!

Корпус ракеты содрогается, иллюминаторы разом затягивает грязно-бурый дым. Потом перегрузка вдавливают их в кресла, секунду-другую в иллюминаторах мелькает белый свет, затем снаружи воцаряется тьма...

Рев двигателей и свист воздуха. Ракета пробивает атмосферу. Мало-помалу наружные шумы стихают, свист прекращается, только глухой рокот сотрясает кабину. Перегрузка на пределе терпимого. Барри едва не теряет сознание. Вдобавок еще и тошнотворная вибрация, временами ракета содрогается так, что беспомощных людей швыряет в ремнях из стороны в сторону. Затем вдруг снова возникает свистящий звук, громкость его нарастает,

кажется, барабанные перепонки вот-вот лопнут.

Тормозной маневр, шестерка висит в ремнях.

Быстрая смена ускорения. Свист становится все тише, но рев двигателей не умолкает.

В иллюминаторах мало-помалу светлеет... Неожиданно ракета резко разворачивается. Мужчины снова прижаты к креслам. И опять за стеклами черные космы дыма, временами подивеченные снопами искр.

Последний резкий толчок — посадка. Кресла автоматически занимают нормальное положение. Все шестеро заметно возбуждены. Тянут шеи, выглядывают в иллюминаторы, стараясь хоть что-то рассмотреть.

Браш. Небо серое — не нравится мне это.

Джо. Да не каркай ты! Может, тут вечер или раннее утро!

Тихий шорох, свистящий вой.

Люди опасливо переглядываются.

Барри. Что это?

Браш. Черт побери, мне это не нравится.

Барри. Да что же это?!

Браш (*покорно*). Неужто не отгадал? Пурга это, мой мальчик. Нет, надо же, такое невезенье!

РАКЕТНАЯ БАЗА

РАННЕЕ УТРО

Люк открывается, входят двое в военной форме. Вместе с ними внутрь врывается ветер, а с ветром — снежинки. У одного из пришедших на воротнике черная сержантская выпушка. Младший — без знаков различия, но по сигнальному свистку, который висит у него на шее, можно определить, что это начальник караула.

Сержант даже и не собирается помочь им выбраться из ремней. Он развязывает шарф, сплевывает на пол.

Сержант. Ну и вонища! (*Своему спутнику.*) Опять недурная коллекция редких птичек! (*Громче, шестерым*

новоприбывшим.) Лучше скажу сразу: тут с вами цацкаться не будут! Начнете прекословить — в кутузку, и вся недолга! Сутки без пищи, в холодной. Так что думайте сами. *(Опять спутнику.)* Отстегни их, Колли!

Человек со свистком выполняет приказ. Ключом отпирает замки ремней, можно наконец встать, выпрямиться. Тянущая боль в мышцах и суставах.

Сержант. Веселей, ребята, берите вещички. Напоследок, перед выходом, скажу вам еще одно: я — сержант Келлер, командир одиннадцатого поста, куда вас прислали как пополнение. Так вот, парни, если кто из вас думает, что со мной можно шутки шутить, предупреждаю: мигом ребер недосчитаетесь.

Он тщательно укутывает шею шарфом, надвигает поглубже шапку и через люк выходит наружу.

ПОСАДОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

УТРО

Люди спускаются по трапу, который подогнали к ракете. Крепкий студеный ветер набрасывается на них, они с трудом удерживают равновесие. Через несколько секунд все уже промерзли насквозь.

Нестерпимый холод.

Дрожа они бредут по неровной площадке ракетодрома, входят в барак. Им выдают теплую одежду, шапки, сапоги, оружие.

Воет ветер, то громче, то тише.

ТУНДРА

УТРО

Два гусеничных автомобиля ползут по голой равнине. Растительности мало, лишь изредка — хилый кустарник; почва раскисшая, вместо дороги проложенные вкривь и вкось, наполненные водой колеи.

Хмурое, затянутое тучами небо, по временам шквалы до-

жда и снега. В углублениях почвы тоже лежит еще льдистый, грязный снег.

Тряска — сиденья без пружин.

Барри и еще двое парней сидят на железном ящике во второй машине. От ветра они защищены, но совершенно заковчели. Растирают руки, кутаются в шинели.

Озноб, холод, пробирающий до костей.

Парни те же самые, что были спутниками Барри в ракете.

Джо. Вот хреновина! А я-то намылился в южные моря.

Водитель на миг оборачивается. Это Колли.

Колли. Чего скулишь? Вам, считай, повезло: дело к весне!

Он показывает вперед. словно в подтверждение его слов, тучи разошлись, открыв клочок голубого неба. Солнце заглядывает в машину, резко высвечивает контуры рельефа, снежные поля вспыхивают ослепительным блеском, впадины тонут в черной тени. Края туч нежно розовеют, над горизонтом клубится серо-желтый туман.

И снова завыванья ветра.

Тучи смыкаются, пурга швыряет в узкие окна ледяную крупу.

Барри. Что же все это означает?

Он обращается к тому, что постарше и, судя по всему, опытнее.

Браш. Какое-то время нам придется быть вместе. Зовите меня Браш.

Барри. А меня — Барри.

Джо. А я — Джо.

Браш. На первый раз трудненько тебе будет, Барри...

Джо (*перебивая*). ...да и потом не лучше!

Браш (*решительно*). Объяснять тут особо нечего. Сам знаешь, мы должны защищать захваченную территорию.

Барри. Какую еще захваченную территорию? Разве мы не на Сириусе?

Браш. Да кто ж его знает? И какая разница?

Барри. Но я думал... Мне сказали... Это, мол, чу-

лесная страна, нетронутая природа, открытая для всех...

Дж о (*саркастически*). А что, разве не открытая?

Неопределенным жестом показывает за окно.

Барри (*разочарованно*). Мне совсем другое рассказывали. И что мы тут забыли?

Колли опять оборачивается, вмешивается в разговор.

Колли. Мы обязаны защищать эту территорию! Мы ее завоевали и не можем просто так, за здорово живешь, от нее отказаться.

Барри (*с сомнением*). Эту территорию?

Колли. А тебе не нравится? Ну и пускай не нравится. Это стратегически важный район. Хочешь верь, хочешь нет, но мы здесь бьемся за нашу культуру, от нас зависит, быть ей или не быть. Тебе этого мало?

Не дожидаясь ответа, он опять сосредоточенно устремляет взгляд вперед. Впрочем, ответа нет и не будет. Наконец перед ними появляется ряд блиндажей, обнесенный сеткой с колючей проволокой поверху, наблюдательная вышка с кружащейся антенной РЛС.

Часовой открывает ворота, машины въезжают на территорию объекта, останавливаются. Люди выходят.

Ледяная стужа.

ФОРТ ЭСПЕРАНСА

УТРО

Этот блиндаж, на скорую руку сооруженный из блоков облегченного бетона, в ближайшие месяцы будет их домом. Им показывают спальню — трехъярусные койки, узкие шкафчики, лампочка без абажура, проволокой прикрученная к потолку.

Сильный запах дезинфицирующих средств.

Комната отдыха такая же тесная. При раздаче пищи два десятка мужчин подставляют котелки, куда грязный повар бухает порцию бобов с мясом. Затем инструктаж — патрульная служба, караулы, эксплуатация РЛС и рации.

И наконец самое важное: три ракетные установки, заглубленные в землю и снаружи едва заметные, должны круглые сутки находиться в боевой готовности — ракеты с атомными боеголовками, стратегическое оружие.

Вой сирены.

Крики. Низколетящие цели! Направление северо-северо-восток!

Келлер. К бою!

Ужас; цепенящий страх.

Первая группа уже на подлете, пулеметные очереди, разрывы фугасов.

Солдаты бегут к блиндажам, бросаются наземь, снова бегут...

Барри в составе расчета у зенитного орудия, подает из ящика снаряды.

Короткими залпами твякают орудия.

Второй эшелон; снова бомбы, крики раненых...

Один из самолетов подбит, крыло обламывается, и он врезается в землю рядом с блиндажом, так близко, что на людей градом летят обломки и земля.

Едва исчезли самолеты, из-за холма выползают четыре танка. Наводят пушки на блиндаж — и опять шквал огня. Когда они разворачиваются и уходят, на месте блиндажа груда развалин. Раненых относят во временку, крытую железом щель у забора. Уцелевшие принимаются за расчистку территории, но минометный обстрел не дает им работать.

Оглушительный грохот разрывов.

ФОРТ ЭСПЕРАНСА

НОЧЬ

На фоне темного ночного неба едва проступают контуры развалин. Время от времени в воздух поднимается осветительная ракета, заливая все вокруг слепящим светом. В такие минуты видны какие-то фигуры, торопливо ищущие укрытия в складках местности. Это партизаны, види-

мо, они надеются легко завладеть разрушенными укреплениями.

Ощущение холода, голода, изнеможения.

Барри вместе с Брашем и Джо в окопе, все трое стоят по щиколотку в воде, одежда перепачкана глиной. Барри осторожно выглядывает из-за бруствера. На переднем крае завязался рукопашный бой.

Одиночные выстрелы, тяжелое, сдавленное дыхание, истошные крики.

Потом разрывы, совсем рядом, — ошметки грязи, осколки металла. Дымовая граната скатывается в окоп, дышать нечем, они выскакивают из укрытия.

Кругом уже кипит бой, и к ним тотчас же устремляются несколько юрких, как куницы, фигур — пригнувшись, карабины с примкнутыми штыками наперевес.

Смертельная схватка — все смешалось, не разберешь, где друг, где враг; у каждого одна мысль: любой ценой защитить свою жизнь.

Отчаяние, убийственный страх, ненависть.

ФОРТ ЭСПЕРАНСА

ПОЛДЕНЬ

Бой кончился. Кругом лежат убитые и раненые. Невредимых почти нет, каждого хоть чуть-чуть да зацепило. Солдаты в окопах перевязывают раны... Один раздает сухари, другой пытается на сухом бензине вскипятить котелок воды.

Шум, словно что-то волокут по земле, чавкает грязь. Браш выпрямляется, осторожно глядит по сторонам, потом вылезает из окопа, идет навстречу человеку, ползущему на четвереньках. Это сержант Келлер. На ноге у него глубокая рана, которую он сам перевязал какими-то тряпками. Они помогают ему спуститься в окоп.

Келлер (*со стоном*). Ничего. Аптечка есть?

Браш. Есть йод и бинты, только грязные.

Келлер. Всё лучше, чем ничего. Кто-нибудь может меня перевязать?

Браш разрезает ему штанину, пытается очистить рану марлевым тампоном. Потом смазывает йодом, заматывает бинтом.

Браш. Толку-то что?

Келлер приподымается на локте.

Келлер. Сколько нас?

Браш. Четверо, сержант.

Келлер. А с машинами как?

Браш. Все к черту.

Келлер. А рации?

Браш. Под развалинами, сержант.

Келлер ненадолго задумывается.

Келлер. Двое из вас должны привести подмогу. Добровольцы есть?

Все мрачно смотрят друг на друга. Браш поворачивается к Барри.

Браш. Пойдешь со мной, а?

Барри. Пойду, Браш.

Браш. Значит, мы двое, сержант.

Келлер. Возьмите продовольствие, сколько есть. От вас зависит, выберемся мы отсюда или нет.

Остальные выкладывают свой НЗ, отдают Брашу и Барри.

Келлер. Удачи вам, парни!

Браш и Барри берут автоматы, вылезают из окопа, уходят в тундру.

Им предстоит сорокакилометровый форсированный марш по бездорожью, все время под угрозой пурги и стужи, все время рискуя угодить в руки партизан или получить пулю из засады.

Противоречивые чувства — усталость, жажда жизни, покорность судьбе.

Проходят часы. Иногда короткий привал в затишье, среди кустов. И снова в путь.

Браш и Барри в солдатской столовой. Пьют чай с ромом, грызут жесткие ломти черного хлеба.

Свинцовая усталость во всем теле.

Сбоку от них запотевшее окно. Браш протирает его ладонью — по дороге движется колонна из двадцати бронированных машин.

Барри. Пройдут ли?

Браш. Думаю, да. Партизаны атакуют обычно один раз, а потом спешно меняют место дислокации. Так их труднее накрыть.

Барри. Но самолеты? Танки? Я думал, тут всего-навсего кучка плохо вооруженных мародеров — нелегальные иммигранты, беженцы с Земли.

Браш. Да они бы нипочем не продержались так долго без подкрепления. И каким-то образом они ведь сюда попадают!

Барри. Ты считаешь — красные? Здесь, на Сириусе?

Браш. Похоже на то. Только ведь кто знает правду?

Барри опять глядит в окно, вслед колонне, которая медленно исчезает в тумане. Немного погодя он поворачивается к Брашу.

Барри. А в чем она, правда-то, Браш? Я столько пережил в последние дни. Я знал совсем другой Сириус — дикую горную страну с глубокими ущельями и бурными реками. Видел и другие картины — острова в море, леса и луга, замечательный край для колонизации! И клянусь тебе, Браш, все это было не менее реально, чем сейчас. Так что же тут правда, а что — нет?

Браш (*серьезно*). Я тоже не знаю, Барри. Я здесь дольше твоего и много чего повидал. Был и в той сказочной стране, о которой нам рассказывали и о которой толкуешь ты.

Барри. Ты там был? Значит, она существует?

Браш. Не уверен. Просто не знаю, и всё. Может, это реальность, а может, психотехнический эффект, внушение...

Барри. Но зачем, Браш, зачем?

Браш сперва удостоверяется, что никто не подслушивает, потом начинает тихо говорить.

Браш. Я тут кое-что прикинул. Не знаю, конечно, прав я или нет. Но вообще-то иначе быть не может. По-моему, это — реальность. И по-моему... (*Совсем тихо.*) ...Мы на Земле.

Барри (*тихо*). А как же Сириус?

Браш. Сириус — мираж, которым нас обманывают, совершенная техническая иллюзия. Знаешь, зачем создали «Сириус-Транзитный»? Какая у него сперва была задача? Вербовать добровольцев. Нашим парням осточертело вести эту идиотскую войну в чужой стране, а загонять их туда силком, как раньше, правительство оказалось не в состоянии. Но война-то продолжается...

Барри. И ее ведут добровольцы.

Браш. Да, добровольцы. Но откуда они берутся? По-моему, проблему разрешил «Сириус-Транзитный».

Барри (*себе самому*). И поэтому...

Браш. Они воспользовались одним изобретением, так называемой глоборамой. Ее еще зовут «театр наяву». Это как наркотик, только что физического ущерба не причиняет. Речь идет об активации подспудных желаний и закреплении их с помощью глоборамного антуража. Как это работает, ты меня не спрашивай. Человеку кажется, будто он попал в фантастический край, у него разыгрывается воображение, и он как бы наяву переживает все, о чем мечтал в глубине души. А в итоге перестает понимать, где кончается реальность и начинается иллюзия.

Барри. И люди, которые на это клюнули...

Браш. Сперва их приучают к такой масштабности переживания, которая никому до сих пор и во сне не снилась. Их переносят в сказочную страну и предлагают все, что душе угодно, — богатство, дружбу, любовь, успех. А заодно посылают сюда.

Барри. ...И это реальность.

Браш. Боюсь, что да, Барри.

Барри. И из нее не вырвешься?

Браш. Кто бы сумел! Даже если раскусишь игру... Все

равно ведь как замечательно: приключения в чудесном краю вечного солнца, первозданный тропический рай, чудо Сириуса. Кто станет вырываться? Кто захочет? Ты же видел их, видел эту очередь уволенных, без конца выздоравливающих, безнадежных? Выдерживает мало кто, и тех немногих, кому это удастся, отпускают благосклонно. Для них приключение кончилось. Пока они в Санта-Монике, им платят пособие. А иногда устраивают бесплатный сеанс глоборамы.

Барри поднимает было руку, словно желая схватить собеседника за плечо, но тотчас опускает ее.

Барри. Но, Браш, если ты все это раскусил... Почему не поставишь крест? Ведь надо только уехать из Санта-Моники. Или кто-то тебя удерживает?

Браш качает головой.

Барри. Ты же не авантюрист, Браш! Ты же умный, наверно, в колледже учился. А теперь сидишь тут и «служишь» как обезьяна с электродами в мозгу, марионетка, которой управляют на расстоянии.

Браш (*резко изменив тон*). Ну вот что, Барри! Сам не знаю, зачем я тебе все это сказал. Это смутные предположения, вероятно, вообще вздор. Может, все совершенно иначе, и нам никогда не доискаться до истины. Лучше забудь об этом.

Барри отодвигает пустой стакан, встает. Браш тоже поднимается.

Барри вдруг охватывают гнев и решимость.

Барри. Не думать? Забыть? Примириться с этим сволочизмом? Нет, надо что-то делать!

Браш (*тревожно*). Ты что задумал, Барри? Ты же не станешь... Не лезь ты в это дело! Хочешь выбраться, так пробуй! Только не суйся в то, что тебя не касается! И меня оставь в покое!

Барри стоит вплотную перед Брашем, и тот с удивлением читает на его лице решимость.

Барри. Может, меня это все-таки касается, Браш. Тут есть еще кое-что, о чем ты понятия не имеешь.

Браш (удивленно). Что же именно?

Барри. Хочешь верь, хочешь нет. Если угодно, можешь считать меня сумасшедшим... Но ты был со мной честен, и я тоже буду честен. Гас Гриффин — мой брат. А теперь скажи, что меня это не касается.

Барри кивает Брашу и выходит из столовой. Браш стоит как громом пораженный.

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

УТРО

Барри на миг останавливается у двери, на ней табличка:
ДИСПЕТЧЕРСКАЯ. Он стучит и входит.

Офицер с серебряными нашивками на воротнике — руководитель полетов — удивленно поднимает глаза.

Офицер. Вы что себе позволяете? Дверью ошиблись?

Барри. Нет, мне нужно поговорить с вами.

Офицер. Тогда извольте обратиться по команде. А сейчас — вон, или я вызову адъютанта.

Барри вытаскивает из нагрудного кармана удостоверение — это бумага, которую ему дал брат, с собственноручной подписью Гаса. Барри кладет ее перед офицером на стол. Тот пробегает бумагу глазами, настораживается, читает еще раз...

Барри. Это спецудостоверение, выданное Гасом Гриффином.

Офицер встает, подвигает Барри кресло. Вид у него встревоженный. Барри продолжает стоять, офицер, которому хочется сесть, медлит... Удостоверение по-прежнему на столе, Барри забирает его.

Барри. Гас доверил мне особое поручение. Я должен был тут немного осмотреться...

Офицер. И вы осмотрелись? Все в порядке?

Барри (резко). Ничего тут не в порядке.

Офицер. Да, но...

Барри. К вам это не имеет отношения.

Офицер. Что я могу для вас сделать?

Барри. Мне надо срочно вернуться в Санта-Монику. Можете подготовить ракету к вылету?

Офицер (с облегчением). Разумеется. Я сейчас же распоряжусь. Минут через пятнадцать...

Барри. Отлично. Через пятнадцать минут я буду на стартовой площадке.

Он поворачивается и выходит.

РАКЕТНАЯ БАЗА

УТРО

Ракета готова к старту. Несколько человек в серой форме слоняются вокруг, явно встревоженные. Удивленным взглядом провожают Барри, который карабкается вверх по трапу и исчезает в пассажирском отсеке ракеты. Люк закрывается.

Голос из динамика. Ракета к пуску готова. Очистить стартовую площадку! Повторяю: очистить стартовую площадку!

Трап отводят, двое мужчин поспешно уносят его прочь. Остальные тоже расходятся, через несколько секунд площадка пуста.

Голос из динамика. Внимание, протяжка!

Огненный снап вырывается из двигателей; клубы дыма.

Голос из динамика. Десятисекундная готовность: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один — пуск!

Сноп огня резко увеличивается, медленно отжимает ракету вверх, она чуть покачивается, затем, набирая скорость, уходит все выше и выше.

Сильная перегрузка, больно давят ремни.

В пассажирском отсеке одно-единственное кресло. Барри надел шлем, накинул ремни, но замок зашелкнуть не сумел. Руки его лежат на подлокотниках, спина прижата к спинке кресла.

Перегрузка растет, дышать трудно.

Темные космы за иллюминаторами, трепещущий отсвет огня. Свист и рев изрыгающей пламя ракеты.

Мимо иллюминаторов проносятся клочья тумана, потом их заливают голубизна, мало-помалу переходящая в лиловость, а затем в зеленые тона.

Ракета вибрирует, порой грозит войти в штопор... Барри изо всех сил старается сохранить равновесие, но по глазам видно, что он постепенно теряет над собою власть.

Головокружение, дурнота.

Вибрация усиливается, ракету швыряет из стороны в сторону...

Воющий рев переходит в низкое ровное гудение.

Потом вдруг настает тишина.

Барри пробует шевельнуться. Высвобождаясь из ремней, напряженно смотрит в иллюминатор. Он слегка сбит с толку: ему кажется, что ракета утопает в голубовато-зеленом свечении, полном пляшущих бликов.

Выпутавшись наконец из ремней и сняв шлем, он подходит к иллюминатору: голубовато-зеленое свечение словно бы уходит в бесконечность, наверху смутная зыбь пронизанного светом пространства, внизу спокойная, темная синева... А потом вдруг подплывает стайка рыбешек, замирает перед стеклом — на мгновение Барри заглядывает в безучастные глаза рыб,—потом молниеносный поворот, и стайка исчезает.

Сомнений нет — он под водой, вероятно в море.

Барри отрывает взгляд от неожиданного зрелища, открывшегося ему, возвращается к креслу. Снова надевает шлем, накидывает ремни... Затем нажимает стартовую кнопку на приборной панели. Вода снаружи начинает бурлить. Вскипает пеной, потом белый туман и вновь вибрации корпуса. Тем не менее все чуточку иное... более расплыв-

чатое, нереальное... быть может, просто сознание мутнеет от психических и физических нагрузок. Барри встряхивает головой, точно отбрасывая возникающие сомнения. Шумы теперь напоминают скорее музыку, чем рев двигателей.

Смятение, отчаянные попытки упорядочить хаос впечатлений.

Барри борется с дурнотой. Временами голова его падает на грудь, но он снова и снова перелаживает себя.

Всеми силами заставляет себя очнуться. Испуганно вздрагивает — рядом с ним еще двое. Откуда-то появились еще два кресла — слева Гас, справа Ютта.

Столь же необъяснимым образом исчезли узкие иллюминаторы пассажирского отсека. Вместо них выпуклые обзорные экраны космического корабля. И вот они уже парят над изрытым кратерами ландшафтом, местами видны дымящиеся конусы вулканов.

Корабль скользит в пространстве, горы понижаются, переходят в широкие долины.

Мягкое покачивание, голова кружится совсем чуть-чуть. Медленное снижение — спокойно и плавно.

Тихий шорох разреженного воздуха, корабль вошел в атмосферу.

Внизу отлогие холмы, луга, поля, ряды тополей, крытые соломой крестьянские дома, волы в упряжке, дети, играющие у колодца, стада овец в дубовых рощах, пастушата с посохами, девушки в пышных юбках, запрокидывают головы, глядят из-под руки, приветственно машут...

Внезапно наступает удивительная ясность мысли.

Барри. Все это неправда, Гас, я знаю.

Гас неподвижно смотрит на него.

Барри. Зачем ты это делаешь, Гас? Это же обман! Ты эксплуатируешь людей, больше того, крадешь у них достоинство! Лишаешь их воли, выставляешь на посмешище!

Ютта. Что ты, Барри?! Как ты смеешь так говорить с Гасом? Посмотри вниз... *(Она показывает вниз, где мелькают все новые идиллические картины.)* Разве ты не знаешь, как нынче выглядит Земля? Кто увидит такие вот

картины, если их не покажет Гас? Кто узнает дикую природу, чистый воздух, прозрачную воду? Кто почувствует себя открывателем, завоевателем, владыкой этого края? Гас подарок людям делает, и они должны быть ему благодарны.

Барри. Зачем же тогда кошмар партизанской войны?

Ютта. Очень просто: лишь познав уродливое, можно оценить красоту.

Барри. Но ведь это все неправда, обман, иллюзия!

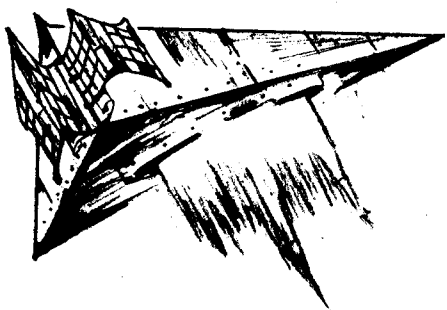
Гас. Что есть реальность, что есть иллюзия? Реальность — то, что человек переживает. А я и предлагаю людям переживания. Они переживают все это наяву, Барри, так ясно, так однозначно... Иначе и быть не может. Вот это и есть реальность, самая настоящая.

Барри (*шепотом, с сомнением*). Но нельзя же успокоиться на этом... Не может это быть конечной целью!

Гас. Чего ты, собственно, хочешь, Барри? Ты своей цели достиг. Нашел свое приключение, увидел Сириус. Ты мой брат, Барри, и я сделаю все, чтобы ты был счастлив. Если хочешь, я поведу тебя к звездам, к пределам Вселенной, к ее началу и концу.

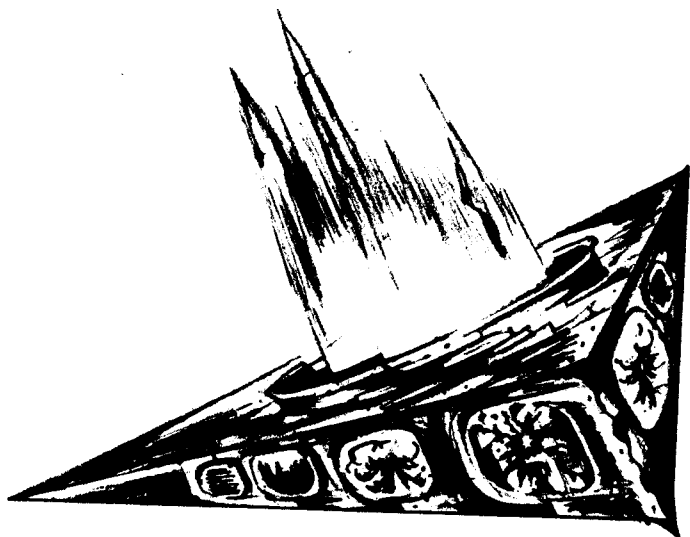
Космический корабль вдруг совершает плавный разворот, забирая круто вверх. Идиллический ландшафт пропадает из виду. Мгновения сумерек, потом — сверкающая россыпь звезд.

Звезды начинают двигаться, уплотняться, становятся туманными сгустками, маревом. Радуга кольцом опоясывает горизонт, вспучивается, смыкается вокруг корабля. Барри смотрит по сторонам. Гас и Ютта исчезли. Он снова один. Поднимает голову... Нос ракеты устремлен в черную бездну полной пустоты.

КОМ
ВНЕШНИЙ

ПОМАН

DIE KÄLTE DES WELTRAUMS

***Перевод М. Харитонова
Редактор М. Финогенова***

Холод. Пустота. Оцепенение.

Небытие.

Нет ничего — ни мысли, ни чувства, ни ощущения собственного Я, ни мира вокруг. Холод окутал все плащом вечности — охраняя, оберегая, благотворя... Ничто не может ни коснуться, ни проникнуть в тебя. Ледяной панцирь кругом, стужа, пронизывающая все до мельчайшей клеточки, до потаеннейших уголков мозга.

Ни времени. Ни сомнения. Ни страха. Ни чувства вины. Полнейшая свобода — большей уже не бывает.

Или, наоборот, неволя? Неподвижность, скованность...

Тихий стук...

Медленно бьется сердце... Разряды клеточных потенциалов... слабые биотоки...

Первые проблески сознания, сделан обратный шаг через границу смерти и жизни, и вот уже осталось лишь воспоминание о свободе небытия...

Сначала легкий зуд, потом резкая пронизывающая боль. словно иглами пронзает внутренности, мышцы разрываются, кожу колет...

Жизнь подает сигналы тревоги. Сейчас ею безраздельно владеет боль. Каждая клеточка тела — на прицеле сознания, каждая — средоточие боли.

Но вот боль утихает, остается лишь судорога, лишь судорогание — потом проходит и это.

Тело уже готово откликнуться... да только на что?

Все чувства обострены и напряжены, однако вокруг лишь пустота. Тьма, тишина.

Впрочем, это не тьма, знакомая слепцу, не тишина, привычная глухому. Органы чувств готовы воспринимать — только воспринимать им нечего.

Ни света, ни звука, ни каких-либо ощущений, нет даже ощущения тяжести.

Есть осознание собственного тела — но ни малейшей реакции, никакого подтверждения, свидетельства.

Внутренние ориентиры искажены до абсурда. Тело кажется бесконечно растянутым, оно вращается... Язык распух, словно огромная глыба, вот-вот разорвет челюсти... Глаза как бы свободно парят в пространстве. Кругом — чернота.

* * *

Все тот же кошмарный сон. Я называю это сном. На самом деле это, наверное, совсем другое: воспоминание о пережитом ужасе, падение в провал времен. Но, может, такое воспоминание действительно не отличается от сна... что-то с тобой произошло, и этого уже не забыть...

Медленно, не сразу проходит головокружение. Я вскинул руки и уперся в металлические прутья кровати.

Больница?

Нет, период ревитализации уже закончился. Я попытался стряхнуть с себя оцепенение, прийти в себя. Это получилось, и довольно быстро, я уже знаю, как справляться с ночными тенями — призраками прошлого... я умею отстранять все это от себя... достаточно лишь несколько секунд... вот и прошло! Теперь я в форме, даже слишком возбужден. Я опять могу сосредоточиться, могу напряженно работать. Могу анализировать, прогнозировать, решать проблемы. В сознании почти не осталось темных пятен прошлого, которые так разрастаются по ночам, когда я беззащитен.

Оторвав влажные ладони от металлических прутьев кровати, я приподнялся. На оконных стеклах — замысловатые ледяные узоры, они напоминают осевшие пылевые завихрения от транспортных ракет, которые доставляют на станцию лунную породу...

Мне нужно еще несколько минут, чтобы собраться

с мыслями... Где я? Застекленный купол, скальное плато с характерным для полярного региона контрастом света и тени. В прозрачных трубопроводах движутся ленты транспортеров. Люди в скафандрах, роботы...

Глаза открыты, но вижу я то, что должно находиться совсем в ином месте, далеко-далеко отсюда. Непонятно. реально ли все это. Прошлое не сходится с настоящим...

Теперь я вижу, что происходит снаружи: порывы ветра, отбрасывая кружащиеся хлопья, на несколько секунд или даже на минуту раздвигают серый занавес, и тогда передо мной открывается даль. С высокого места, где я нахожусь, виден белый ландшафт: округлые холмы и долины, покрытые снегом и льдами, простираются до самого горизонта. Там и тут на белом покрове, словно прорав в нем дыры, торчат серые и черные скалы, на склонах которых поблескивают протянувшиеся сверху вниз ледяные рукава — истоки глетчеров. И надо всем этим — угольно-серое небо, где сквозь разрывы в бурых облаках изредка проглядывает грязно-желтый диск — солнце.

Здесь, на Земле, никогда не бывает по-настоящему светло; то ли дело сияние космоса! И все-таки я крепко зажимаю глаза, меня слепит даже этот рассеянный свет, в котором расплываются очертания предметов. Я отхожу от окна, промокаю бумажным платочком слезы в уголках глаз. Пора все-таки сориентироваться в реальной жизни, может, я напрасно прибыл сюда на несколько дней раньше срока? Эта скованная стужей земля, это одиночество... Для туристов, которые прилетают сюда с самых отдаленных станций и поселений на орбите, пребывание в отеле становится своего рода передышкой, вознаграждением за тяжкий труд, необходимый, чтобы выжить в безвоздушном пространстве. Они видят белые пейзажи лета, толстый слой льда, покрывающего землю, черные вершины гор, поднимающихся из ледяного панциря, словно острова... Должно быть, туристов привлекает именно этот контраст: там залитые светом города, где нашли свое прибежище люди, здесь — вечный сумрак и непривычное чувство тяжести. Главное, конечно, — сознание близости к первоисточнику жизни, к планете, с которой

жизнь начала свое — пока еще медленное — шествие по просторам Солнечной системы.

В сущности, это те же чувства, что испытывал в последние дни и я сам, но если у туристов они связаны с любопытством или ностальгией, то у меня — с печалью, а порой даже с отчаянием. Жизнь под стеклянным куполом, иллюзия силы притяжения, воздух из регенераторов, яркий свет искусственных солнц... разве может привыкнуть к такому тот, кто вырос в ином мире, кто привык к твердой почве под ногами! Древние каменные города, изобилие воздуха и воды, масса зелени повсюду — я не могу смириться с тем, что все это утрачено навеки, погребено подо льдом. То, что прилетающим сюда кажется экзотической белой пустыней, мне представляется могильником. Я навсегда останусь среди них чужаком.

Ну вот, опять эти мрачные мысли. Я решительно вышел из своей комнаты, спустился в холл. Здесь безлюдно, сезон уже закончился. Последняя транспортная ракета прилетела вчера утром, а вскоре после полудня стартовала снова. Вместе с последними туристами отправился и обслуживающий персонал отеля — собственно, это были несколько человек, которые вели хозяйство; каких-либо особых услуг здесь уже практически не оказывают, даже если речь идет об отдыхающих.

В проем двери падает тусклый свет, низкие, обращенные на запад окна закрыты ставнями из пенопласта — от снежных бурь. Интересно, прилетел ли кто-нибудь с последней ракетой? Ведь тот, кто не улетел сегодня, останется здесь на всю зиму. А это означает четыре месяца одиночества, четыре месяца в плену, в этой крепости, воздвигнутой для защиты от холода и зимних бурь. Не могу себе представить, чтобы человек нового поколения согласился остаться здесь надолго, в полной изоляции, даже при самых низких ценах. Я иду в регистратуру взглянуть на список жильцов отеля. Все фамилии незнакомы. Новых записей нет... Впрочем, это еще ничего не значит — кто станет сейчас, в мертвый сезон, заботиться о формальностях?

Захлопнув регистрационную книгу, я медленно побрел по длинному холлу, мимо деревянных столов и кресел.

Да, это настоящее дерево! Подошел к одному креслу, положил руку на спинку — такое чувство, будто меня вдруг коснулся слабый отзвук той живительной силы, что заставляла когда-то расти дерево. Падающий сверху свет тусклым отблеском отражается на полированной столешнице. На ней видны вырезанные ножом инициалы, какие-то символы... эта вершина когда-то манила к себе туристов — еще до того, как горы объявили закрытой военной зоной; раньше люди поднимались сюда из долины, этот отель — один из немногих архитектурных памятников прошлого, переживших катастрофу...

Я перехожу в столовую... Что это, шорох? Остановился, прислушался... нет, ничего. Однако стоило мне сделать несколько шагов, как снова послышался какой-то шум: легкий стук, скрип двери, заглушаемый звуком моих шагов. Я снова замедлил шаги... Неужели померещилось?

Столовая пуста, включены лишь три лампы... На столике возле буфета оставленная кем-то тарелка, стакан, ножи и вилки. На тарелке — остатки паштета, на дне стакана — коричнево-желтый молочный напиток.

Я задумчиво взял из автомата пакетик шоколадных конфет, сунул в рот сладкий кубик.

Значит, здесь в самом деле есть еще кто-то. Но кто? И почему он скрывается? Правда, Эллиот просил не привлекать к себе внимания. Ведь мы в каком-то смысле изгои, поэтому любые наши действия вызывают естественное подозрение. К тем, кого оправдывают за недостатком улик, сейчас относятся не лучше, чем прежде. Так что не зря нас рассовали подальше друг от друга, предоставляя каждому возможность занять то место, которое больше соответствует его способностям, чтобы он мог принести максимальную пользу обществу. Впрочем, наши встречи или какие-то иные контакты не ограничены, например, никто не возражал против того, чтобы мы поддерживали связь по радиотелефону. И все-таки Эллиот просил быть осмотрительнее; у него были на то серьезные причины.

Никак не могу успокоиться. Хожу по коридорам, поднимаюсь и спускаюсь по лестницам. Останавливаюсь то у одного, то у другого окна — всюду одна и та же картина: снежная круговерть, сквозь которую временами проступают

размытые очертания гор. Через стекло и стены доносится глухое завывание — голос разбушевавшейся стихии. Здесь, внутри, тепло и тихо, я чувствую себя очень уютно и в полнейшей безопасности. Я устал и испытываю какое-то умиротворение. После долгих лет напряженной работы это первая более или менее продолжительная передышка. Расширение станции, монтажные работы в невесомости, прием посланных с Луны транспортов со строительными материалами, беспричинная, но неодолимая боязнь сорваться и унестись в космическую пустоту... а ведь я не отличаюсь тем фанатичным энтузиазмом, который переполняет нынешнюю молодежь. Забавно, я говорю «молодежь», хотя среди монтажников немало людей в возрасте; несмотря на воздействие космического излучения, от которого нет надежной защиты, они обычно доживают до пятидесяти, а то и до шестидесяти лет. По сравнению с ними я молод, но если брать абсолютное время, то мне около двухсот лет. Может, в этом все дело? Не здесь ли кроется причина моей усталости? Я бы с удовольствием вернулся сейчас в свою уютную комнату, полежал, вздремнул... Если бы только не эти сны, которые мучают меня и не дают успокоиться. Двести лет космического холода все-таки не прошли бесследно; разве можно очнуться после такого испытания и жить как ни в чем не бывало?

Не знаю, сколько времени я бродил так. Повсюду горели плафоны — что-то вроде постоянного аварийного освещения. Здесь нет нужды экономить электричество, ядерный реактор ни на миг не прекращает своей работы, хотя и работает сейчас на минимальной мощности — только чтобы не прерывать цепную реакцию.

Спустившись в холл, я увидел в дальнем углу какую-то фигуру. Подошел поближе и по длинным светлым волосам сразу узнал Катрин. Погруженная в свои мысли, она глядела в окно: в падающей оттуда полосе света безостановочно кружились снежные вихри.

Катрин повернулась и на миг показалась мне совсем незнакомой. Лишь через несколько минут я пришел в себя и вспомнил, как все мы переменялись, и я сам — тоже. Возможно, именно поэтому и она не сразу поздоровалась со мной. Я протянул ей руку. Узкое лицо... на десять лет

моложе, чем запомнилось мне. Несколько лет подряд я видел ее только в роли Катрин Блийнер, то есть с лицом Катрин Блийнер и манерами Катрин Блийнер. К подлинной ее внешности я еще не привык, я ведь знал ее такой только со времени нашей последней встречи на суде. Сейчас она показалась мне гораздо привлекательней, в ее облике было что-то девическое. Мы сменили и свою внешность, и свою внутреннюю сущность, словно маску. Это новое чувство, к которому всем нам еще надо, наверно, привыкнуть.

— Привет, Рихард!

Даже голос Катрин, прежде такой знакомый, показался мне изменившимся. Мы обменялись ничего не значащими словами — это был, собственно, лишь предлог, чтобы освоиться с новой ситуацией.

— Здесь есть еще кто-нибудь? Эллиот? Эйнар?

— Не знаю. А ты давно тут? Это ты была в столовой? Катрин покачала головой.

— Я прилетела утром. Других пассажиров в ракете не было. Может, кто-то прилетел раньше меня?

— Возможно. Еще два-три дня назад здесь было полно народу. Если кто-нибудь остался в своей комнате, он может скрываться хоть целый месяц — никто им не поинтересуется. Возможно, они и здесь. Поискать их, что ли?

— Зачем? Спешить некуда. Тем более мне все равно нужно время, чтобы немного свыкнуться со всем...

Она кивнула куда-то в сторону, и я понял, что она имеет в виду не отель, а наше положение. Положение людей, возвратившихся на Землю — и уже чужих здесь.

Катрин занимала комнату на втором этаже. Мы перекусили в буфете, и она вернулась к себе.

Я нашел в холле кресло поудобнее и уселся в него, испытывая наслаждение от того, что передо мной настоящий деревянный стол. Там, снаружи, то и дело налетали порывы ветра, и тогда стекла дрожали и звенели. Тусклые рассеянные светильники почти не давали теней; глаза у меня вновь заслезились, взгляду не на чем было остановиться, и приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть хотя бы очертания предметов. Все здесь устойчиво и вполне осязаемо, но предметы кажутся прозрачными,

невесомыми, ирреальными. В комнате тепло, а меня знобит. Я ни на минуту не забываю о бесконечном пространстве, центром которого стало это случайное место, куда я попал; время, лишенное измерений, может бешено мчаться, а может почти замереть. Я чувствую, меня одолевает сон и сеть сновидений опять пытается опутать меня. Но я еще не настолько устал, чтобы не сопротивляться, я могу сделать над собой усилие и сосредоточиться на чем-то другом. Например, думать о Земле и космосе, о прошлом и будущем.

* * *

Судья: Учитывая особые обстоятельства, я хотел бы сказать предварительно несколько слов. Нынешний процесс проходит в условиях, весьма непривычных для обвиняемых; тем не менее он вполне правомочен, поскольку данному суду подсудны все люди, точнее — все их деяния, независимо от того, где и когда они были совершены. Хотя инкриминируемые подсудным преступления совершены двести лет назад, последствия этих преступлений ощутимы до сих пор.

Обвинитель: К истории вопроса. В день 130-й года 2283-го одна из наших наблюдательных станций совершала полет над экваториальной зоной Земли, которая до высоты 40 000 километров замусорена всем, что осталось от прежней космической деятельности, именно тогда экипаж станции принял радиосигналы с находившейся на орбите аварийной капсулы. Как выяснилось позднее, это передатчик среагировал на инфракрасное излучение наблюдательной станции. Пока мы принимали капсулу на борт, были получены радиосигналы трех других капсул — их передатчики среагировали на сигнал первой капсулы. Наблюдатели доставили все четыре капсулы на лунную станцию, где мы обследовали их, а затем вскрыли со всей необходимой осторожностью. В каждой капсуле оказался человек, находившийся в состоянии анабиоза. Там мы нашли также инструкции по выведению людей из этого состояния. Предварительный осмотр, а также последующее изучение

фото документов показали, что речь идет о членах Верховного командования Блока западных стран, которые — вместе с милитаристами Черного блока — повинны в развязывании войны и опустошении всей Земли. Таким образом, возник единственный в своем роде прецедент, когда преступника привлекают к ответственности за деяния, совершенные двести лет назад. Речь идет не только о массовом убийстве, с которым вполне сопоставимо развязывание войны и ответственность за которое не ограничена сроком давности, но и о том, что эта мировая война привела к последствиям, до сих пор не изжитым. Уничтожено оказалось все население планеты, за исключением примерно двадцати тысяч человек, которые находились в то время на значительном удалении от Земли в космосе или на лунных объектах. Прямым следствием применения оружия, и особенно задействованных в критический момент средств глобального уничтожения, стала климатическая катастрофа, завершившаяся обледенением Земли. Похоже, что Земля как среда обитания потеряна навсегда. Таким образом, события, рассматриваемые на данном процессе, по сей день не утратили своей актуальности, и прежде всего по этой причине мы не намерены отказываться от суда, хотя с тех пор и прошло много времени.

Судья: Итак, считаю заседание суда открытым. Установив присутствие обвиняемых, вызываю всех поименно:

Эллиот Бурст, являвшийся во время войны президентом Западного блока.

Эйнар Фергюссон, бывший адмирал, главнокомандующий объединенных вооруженных сил Запада.

Рихард Валленброк, бывший председатель комитетов по технике, средствам массовой коммуникации и пропаганде.

Катрин Блийнер, бывший руководитель объединенных женских союзов Запада.

Экспертная комиссия подтверждает, что все четверо названных лиц находятся в здравом уме и твердой памяти. Длительный анабиоз не повлек за собой никаких отрицательных последствий. Тем самым они признаются способными предстать перед настоящим судом и нести всю полноту ответственности за свои деяния.

Обвинитель: К началу войны в 2084 году Эллиот Бурст уже в течение двух лет находился на посту президента объединенных правительств Запада. Именно на этот период приходится срыв мирных переговоров, известных в те годы под наименованием ОСВ-60, хотя шансы на достижение договоренности между двумя военными блоками были ничуть не меньше, чем прежде. Последовавшее охлаждение международных отношений послужило предлогом для дальнейшего наращивания вооружений, достигшего своего пика благодаря пресловутой «бирмингемской программе», с которой выступил Эллиот Бурст. Ответом на соответствующую реакцию другой стороны, выразившуюся в активизации военного потенциала, стали массированные налеты на города и военные базы противника в Азии и Африке, а на следующий день после этого была объявлена война.

Эйнар Фергюссон, профессиональный военный и один из самых известных «ястребов», принадлежал к числу ближайших сотрудников Эллиота Бурста. Со всей решительностью, не стесняясь в выборе средств, он использовал стоящую за ним военную силу, чтобы привести Бурста к власти. Именно Фергюссону принадлежит концепция превентивного удара, который он и осуществил, используя запрещенные, но тайно производившиеся виды оружия. Он несет всю полноту ответственности за последовавшую затем эскалацию войны, которая длилась два месяца и была рассчитана на полное уничтожение противника.

Рихард Валленброк также принадлежал к кругу ближайших сотрудников Эллиота Бурста. Его пост обеспечивал ему максимальное влияние на всю внутреннюю политику; это влияние он вначале тайно, а затем все более открыто использовал для подготовки к войне. Не в последнюю очередь он несет ответственность за использование в неблагоприятных целях средств массовой информации, которые, с одной стороны, координировали общественное мнение, с другой — разжигали военную истерию. Манипулируя общественным мнением, Валленброк ломал любое сопротивление пагубной политике своего правительства.

Катрин Блийнер оказалась во главе объединения жен-

ских союзов с помощью хитрых уловок Эллиота Бурста во время избирательной кампании. Делая вид, будто она отстаивает интересы женщин, Блийнер на самом деле активно содействовала военным приготовлениям; благодаря довольно успешным выступлениям в печати и по радио ей удалось, взывая к патриотическим чувствам своих сограждан, довести их до фанатизма. Деятельность женских организаций сыграла не последнюю роль в развязывании тотальной войны.

Приведенные здесь в обобщенном виде пункты обвинения будут дополнены и развернуты в ходе процесса. Поскольку действия подсудимых были тесно взаимосвязаны, вносится предложение провести единый судебный процесс с учетом политического характера их деятельности.

Адвокат: Защита считает необходимым указать на то обстоятельство, что неприменение положения о сроке давности преступления к подсудимым представляется отнюдь не таким бесспорным, как это можно заключить из выступления судьи. Однако по желанию моих подзащитных я не стану предпринимать никаких юридических шагов в этом направлении, ибо они не намерены поднимать вопрос о сроке давности, хотя и могли бы это сделать. Тем не менее они настаивают на своей невиновности, ссылаясь на некое обстоятельство, которое не кажется мне убедительным. Однако по долгу защитника я обязан огласить следующее заявление моих подзащитных: «Присутствующие здесь лица протестуют против утверждения, будто являются Эллиотом Бурстом, Эйнарсом Фергюссоном, Рихардом Валленброком и Катрин Блийнер». Они заявили, что являются Джонатаном Берлингером, Жан-Оскаром Шольцем, Абрахамом Шульхаймом и Симоной Эрнэ. Поэтому я, согласно требованию моих подзащитных, ходатайствую о том, чтобы заседание суда было прекращено, а арестованные — немедленно освобождены.

Обвинитель: Это утверждение абсурдно. Личности обвиняемых установлены с достаточной достоверностью. Прошу отклонить ходатайство и продолжить заседание.

Адвокат: Вынужден довести до сведения суда, что в таком случае обвиняемые отказываются отвечать на вопросы и давать какие бы то ни было показания.

Судья: Что могут предъявить обвиняемые в качестве доказательства своих утверждений?

Адвокат: Они требуют, так сказать, произвести хирургическое вмешательство, косметическую операцию... Они просили об этом и раньше экспертную комиссию, однако их просьба была отклонена.

Судья: Коль скоро высказаны сомнения в том, что личности обвиняемых доподлинно установлены, необходимо с этим разобраться. Надо дать обвиняемым возможность привести свои доказательства. Объявляется перерыв.

* * *

Что-то оторвало меня от моих мыслей... в лицо неожиданно пахнуло холодом.

Снаружи завывает вьюга, она обрушивается на окна и стены, силится сорвать крышу. Жалобно поскрипывают балки.

Может, холод проникает сквозь щели? Или это сквозняк оттого, что кто-то приоткрыл окно? Или вошел в дверь? Но кто? Катрин?

Я встал и направился к лестничной клетке, где коридор, ведущий в холл, слегка расширялся.

Я был уверен, что сейчас увижу Катрин. Хорошо бы, а то мне здесь так одиноко! Прошло всего несколько часов, как отель опустел, а я прямо-таки физически ощущал гнетущую тишину, которая с каждым часом становилась все невыносимей.

Нервы пошаливают. Видимо, столетия анабиоза не проходят бесследно. Впрочем, физически я, похоже, здоров, и даже память у меня на удивление сохранилась. Дело в том, давнем времени... Нет, все-таки между прошлым и настоящим — пропасть. То, что осталось там, кажется не просто далеким, оно стало как бы ирреальным. А может, именно настоящее рождает это чувство ирреальности? Может, все дело в тех невероятных переменах, с которыми мне пришлось столкнуться... Нельзя же относиться к абсурду просто как к некой данности, сколь

реальной она бы ни представлялась! С одной стороны, я сознаю, что все это явь и что я действительно живу, а с другой — какой-то внутренний голос повелевает мне не принимать эту реальность...

Я стал медленно подниматься по лестнице. Прошел по коридору, свернул в другой коридор, ответвлявшийся от первого... Комната Катрин! Постучаться? Сердце забилося сильнее. Долгие годы мы были вместе, днем и ночью. И вот что странно: та Катрин Блийнер, которая находится сейчас за этой дверью, близка мне и одновременно чужда. По-настоящему я не знаю ни той, за кого она себя выдает, ни той, что скрывается под этой личиной.

Уже тогда мучительной была необычность всей ситуации: вечная лихорадка, желание выполнить свой долг и сомнение — зачем все это? Потом — разрыв между прошлым и будущим, существование без настоящего. Мы с Катрин вместе пережили темную фазу сознания — вот что нас, очевидно, связывает. Но, едва подумав так, я почувствовал, что это неверно. Ничего мы не пережили вместе! Тут каждый сам по себе. Ничто нас не связывает, такую пустоту не может одолеть никакая мысль, никакое слово, наше одиночество абсолютно... Просто мы случайно выжили, случайно очнулись для жизни в одном и том же месте, в одно и то же время. С таким же успехом одного из нас могло унести куда-нибудь в просторы вечности.

Из всего, что представляется нам сейчас таким странным, самое странное, пожалуй, то, что мы все-таки оба живы, оба существуем. Сблизит ли это нас или еще более отдалит?

Я поднял руку, чтобы постучать... и снова опустил ее. Потом повернулся и пошел прочь. Неважно куда, лишь бы прочь...

Спал я плохо, несмотря на непривычную черноту, которая наваливается здесь на тебя ночью, она окутывает одинокий дом на вершине горы, просачивается через оконные стекла и затопляет комнату.

Я включил свет, чтобы отогнать эту невыносимую

тзму. Она напоминала мне о бесконечно долгом времени...

Спал я плохо. Не привык бездельничать. Мне не хватает каких-то поставленных передо мной задач, строгого распорядка, не хватает отупляющей усталости. Здесь почти нет разницы между сном и бодрствованием, одно незаметно переходит в другое. Никто не указывает мне, что делать. Верно ли я поступил, что приехал сюда? Почему я откликнулся, когда меня позвали? Надо ли что-то предпринимать? Разумно ли я себя веду? Логичен ли ход моих мыслей?

Я встал под горячий душ. Вода здесь хорошая, и напор сильный. Оделся, спустился в столовую. Неистребимая привычка к порядку: утренний душ, гимнастика, завтрак...

В столовой я увидел Катрин. Мне ни разу не приходило в голову назвать ее Симоной.

Я взял завтрак, упакованный в фольгу: «белковые ломтики», разогретые за одну минуту в инфракрасной печи. Сел рядом с Катрин так, чтобы не видеть ее лица. Только я начал есть, как женщина рядом со мной вдруг стала другой; вокруг теснились ряды скамеек, а на стене появились панели с сигнальными лампочками: синий сигнал тревоги, желтый сигнал тревоги, красный сигнал тревоги. На экранах телевизионных мониторов мелькают изображения, громкоговорители приглушены, слышно лишь какое-то бормотание. На этих экранах я частенько вижу нас самих, а из громкоговорителей доносятся наши голоса.

Эллиот: ...боевой потенциал, достаточный, чтобы одним ударом покончить с Северной Америкой и Европой. Программы, заложенные в их ракеты, предусматривают прорыв нашей электронно-защитной системы, уничтожение наших военных баз, промышленных центров, разрушение наших мирных городов. Их гигантские субмарины, каждая из которых несет в своем чреве тысячи черных, коричневых и желтых солдат, ждут лишь сигнала к всплытию у наших берегов, сигнала к началу вторжения. Они хотят завоевать нашу землю, они хотят превратить наших людей в рабочую силу. Их

попытки найти путь к благосостоянию завели их в тупик, и теперь они, отчаявшись, не видят иного выхода, как только изгнать нас из нашей страны, чтобы собрать плоды того, что посеяно нами. С тех пор, как окончились провалом мирные переговоры, стоившие нам таких усилий, мы с растущей тревогой наблюдали за происходящим на противоположной стороне. Однако прошло время, когда мы ограничивались пассивным наблюдением за тем, как Черный блок готовит свою агрессию. Единственный шанс выжить — опередить удар. Мы этим шансом воспользовались. Два часа назад наши войска приступили к активным действиям. Благодаря их смелости и решительности удалось после первой же атаки вывести из строя большую часть ракетных баз противника. Его ответный удар не имел успеха, лишь немногие ядерные ракеты противника смогли преодолеть наш защитный вал, поражена только незначительная часть наших баз и городов. В этот суровый час я призываю союзные народы напрячь все свои силы для нашей защиты и дать отпор ордам с юга. Я объявляю войну. Она принесет нам победу и вечный мир.

— Хочешь ароматку? — Катрин пододвинула мне коробочку с коричневыми палочками.

Я механически взял одну, втянул запахпряного эфирного масла. Женщина, искоса поглядывающая на меня, — вовсе не Катрин. Что со мной?

Наконец я вернулся к действительности. Огромный зал отеля пуст, и эта пустота гнетет меня. Катрин, новая Катрин, о которой, как мне только что стало ясно, я вообще ничего не знаю, все еще глядит на меня. Она моложе, чем та, другая, она нежнее ее, и это удивительно после двухсот лет. А впрочем, может быть, мы эти годы не потеряли, а выиграли... Тогда ведь нам нечего было терять. А теперь? Может, это все-таки выигрыш...

— Это Эллиот придумал нас созвать?.. Он мне позвонил...

Я кивнул. Да, Эллиот звонил и мне.

— А где остальные?

— Остальные? Должны быть здесь. Ведь Эллиот пока тоже не появлялся.

— Пожалуй, не стоило сюда приезжать. Если подумать... К чему копаться в прошлом?

Катрин смотрела прямо перед собой, прищурясь; рассеянный тусклый свет сужал ее зрачки.

— Или есть в этом смысл? Как ты считаешь? — Она повернулась на стуле, смахнула со стола крошки. — Я работаю в регуляционном центре, слежу за регенерацией воздуха, за поддержанием температуры. Жизнь вроде бы продолжается. А зачем?

В самом деле, зачем?

— Я прилетел сюда, — сказал я, — потому что для меня еще не закончились расчеты с прошлым. Я надеюсь... хотя я и сам не знаю, на что я надеюсь. Мне трудно жить с этими людьми, не потому, что приходится много работать, нет, дело в другом. Ведь никто из них не родился на Земле. Может, в этом все дело?

— Может быть. Вероятно, я прилетела сюда по той же причине. Впрочем, зачем нас позвали, я не знаю. А ты?

Я покачал головой. Нет, мне ничего не известно.

— В ближайшие четыре месяца улететь отсюда нельзя. Придется остаться здесь.

Она смотрела на меня, а я на нее. Хорошо знакомая и потому близкая мне женщина, но она же и незнакома, а потому пленительна. И вдруг я взглянул на нее совсем по-другому. То, что было бы немыслимо с прежней Катрин, вдруг стало казаться возможным. Ведь мы здесь вдвоем, одни, единственные на всей Земле. А вокруг нас вечный холод и ледяная пустыня. Ничего на свете я не боюсь так, как холода. Но здесь, в этих стенах...

Догадывается ли она, о чем я думаю?

— Дорога была утомительной, — сказала она. — Впрочем, устала я, наверное, совсем от другого. Да ладно, ничего страшного... Есть время отдохнуть... Пойду прилягу. Мы еще увидимся.

Она кивнула мне, повернулась и вышла. Ее фигура в дверном проеме напомнила мне картину в раме. Слабый свет слегка размывал силуэт. Последнее, что я видел, было гибкое движение ее тела, потом она скрылась.

Я отнес остатки еды в мусоропровод, туда же полетела хрустящая фольга и пластиковые тарелки с пластиковыми вилками и ножами.

Что же теперь? Меня охватило странное беспокойство. Я побродил по отелю, поднимаясь и спускаясь по лестницам, вышагивая по коридорам, я словно искал что-то, как будто надеялся здесь что-то найти... Одна дверь, другая, на каждой — трехзначный порядковый номер. Открыл какую-то дверь, заглянул в комнату — пусто, убрано, все точь-в-точь как у меня.

Я долго глядел в окно; белый ландшафт действовал на меня удручающе. Потом повернулся, вышел из комнаты. Все эти коридоры так хорошо мне знакомы, я ведь обошел их десятки раз.

Здание вдруг показалось мне похожим на тюрьму; было такое чувство, будто я сейчас задохнусь — ведь все последние годы я провел практически только в закрытых помещениях: в глубоких атомных убежищах, в подземном командном центре связи, в госпитале, а под конец несколько недель просидел в одиночке, пока шло следствие. Затем я работал в этих хрупких зданиях из стекла и металла, с помощью которых нынешние люди отвоевывают у космоса убогое жизненное пространство, где есть тепло и воздух. Меня никогда не включали в какую-либо из тех групп, которые надевают защитные скафандры и работают в свободном пространстве, вдали от гравитационных установок. Не знаю, справился ли бы я с такой работой. Да это и не то открытое пространство, не та свобода передвижения, о которых я мечтал.

И вот теперь — совсем другая ситуация. Я оказался на обледеневшей земле, на одинокой горной вершине. Что говорить, давно я не располагал такой свободой передвижения, как сейчас. Никто не указывает мне, что делать, никто не закрывает передо мной двери или шлюзы. Хочешь, ступай на улицу, где царят стужа и вьюга, где повсюду только лед и вечный снег, где обманчивая гладь скрывает глубокие трещины, провалы и пропасти... Нет, меня совсем не тянет туда, и я не воспользуюсь этой внешне обретенной свободой.

Неожиданно для самого себя я обнаружил, что вновь

очутился перед комнатой Катрин; подошел на цыпочках к двери, прислушался... Тихо. Спит? О чем она думает? Единственная здесь женщина, одна-единственная на всей Земле. Я вдруг понял, что хочу быть с ней. Невыносимо так долго оставаться в одиночестве. Говорить с другим человеком, чувствовать его близость — это же настоящее счастье, что может быть. Мне захотелось открыть дверь, объяснить Катрин...

Я остановился. Поспешный шаг, необдуманный поступок — как легко сломать то, что так тонко, так хрупко и соткано из одних чувств. Повернувшись, я ушел так же тихо, как и пришел.

Когда я спускался по лестнице, мне снова почудились чьи-то шаги. Я прислушался... Ни звука. Может, это Катрин?

— Катрин! — позвал я. — Катрин!

Молчание.

Может, там, внизу, стоит кто-то, замерев, как и я, и так же, как я, прислушивается?

Я вдруг сорвался с места, бросился по ступеням вниз, миновал один этаж, второй.

Никого. Я огляделся по сторонам, но ничего необычного не увидел. Сердце у меня колотилось, я задыхался. Я сам себе казался смешным. Может, это галлюцинации?

Маленькое приключение пошло мне на пользу, оно заставило меня очнуться, вернуло к действительности, напомнило, где я и что со мной. Ничего нельзя делать, забыв про все, что произошло, и про то, что из этого получилось. Любое решение должно исходить из сегодняшнего положения дел. Катрин — это, конечно, серьезно, по-настоящему серьезно; тут надо все хорошенько обдумать. Мои мысли о ней, мои желания — естественное следствие наших отношений. Но и с другими, с Эллиотом, с Эйнар-ом, меня тоже связывают особые отношения. Только их тут нет. А Катрин здесь, и она — женщина. Что же в ней так привлекает меня сейчас? Что-то новое, непривычное... Новая, неожиданно открывшаяся личность...

Тогда, двести лет назад... Мы встретились после того, как нам изменили внешность, то есть после пластической операции, которая позволила нам принять чужой облик,

надеть чужую личину, а значит, переменить и внутреннюю сущность. Разумеется, мы находились на службе не круглые сутки, могли и поболтать, так сказать, по-приятельски — о политике, о своих проблемах, мечтах, надеждах. Джонатан был ведущим развлекательных программ, он работал в какой-то провинциальной студии. Актером он не был, но свое дело знал. От него исходила какая-то уверенность, он вызывал доверие у людей и так умело заставлял публику подыгрывать себе, что люди даже не замечали, что выглядят смешными. Его звали Джонатан Берлингер, но мы употребляли в общении между собой лишь имена и фамилии тех людей, которых играли. Для нас он был Эллиотом Бурстом. Понятно, почему его выбрали на роль президента: это был солидный, крупный мужчина с намечающимся брюшком, а все это якобы располагает людей к себе, да и голос у него был почти неотличим от голоса главы нашего правительства. Даже черты лица пришлось изменить не так уж сильно: добавили чуток жиру под подбородком, сделали нос помясистее и порельефнее надбровные дуги... А уж короткая стрижка «ёжиком» — и вовсе не проблема для парикмахера. Однажды мне довелось увидеть их рядом, «подлинник» и «копию» — признаюсь, на несколько мгновений я растерялся, потому что не мог понять, кто из них настоящий.

Эйнар Фергюссон на самом деле звался Жан-Оскар Шольц. Наверное, с ним пришлось повозиться больше всего, чтобы сделать из него главнокомандующего. Черты лица были значительно изменены, пришлось поработать даже над плечевым поясом и спиной, чтобы добиться чопорно-прямой, истинно адмиральской осанки. Труднее всего было усвоить четкость движений, поскольку Шольц от природы был человеком живым и суетливым. Решающим при выборе Шольца на эту роль оказался его талант пародиста — он замечательно имитировал голос адмирала и манеру его речи. Поскольку политическая обстановка была весьма напряженной, Шольц мог выступать со своими пародиями только перед небольшими аудиториями, но зато очень успешно — публика хохотала. Теперь же он произносил речи куда более серьезные.

Что до меня самого, то я почти уже забыл, что меня

зовут Абрахамом Шульхаймом,— настолько сжился со своей ролью. Когда-то я собирался заняться электротехникой, даже проучился несколько семестров в университете. Как раз в это время я познакомился с несколькими молодыми людьми из театра марионеток. Мне открылся совершенно новый мир: куклами управляли с пульта, а мы сидели перед ним и, глядя на экран, могли следить за происходящим на сцене. Мы были очень ограничены в средствах, и потому роли приходилось озвучивать самим. Это и помогло мне приобрести новую профессию: я стал озвучивать фильмы. Однажды я получил секретное задание — проговорить несколько фраз за Рихарда Валленброка. Насколько я понял, нужно было радикальным образом изменить несколько его прежних высказываний. Студийная запись очень удалась, поэтому, вероятно, меня и мобилизовали позднее для особо секретной работы.

О Симоне Эрнэ, игравшей роль Катрин Блийнер, я знаю не очень много. Она была диктором на радио, из тех, кому подсовывают листок с текстом и они читают его с таким пафосом, словно глубоко убеждены в истинности произносимых слов. Тут, безусловно, решающую роль сыграл ее голос — приятного тембра, очень женственный и вместе с тем весьма решительный, ей не хватало лишь некоторой доли фанатизма. Зато для достижения внешнего сходства пришлось потрудиться — у настоящей Катрин Блийнер лицо было значительно полнее, круглее, да и была она на десять лет старше. Вероятно, именно поэтому возвращение прежней внешности поразило меня больше всего именно у Симоны.

Итак, нас приняли за руководство давно исчезнувшего блока. Для миллионов телезрителей мы были всесильными вождами, которые призывали народ действовать, сулили победу и разжигали ненависть. Несколько месяцев подряд нам показывали кинохронику с участием тех людей, в роли которых нам предстояло выступать, чтобы мы не допускали ни малейших отклонений от их стиля поведения и манеры держаться. Школили нас сурово, за нами постоянно следил неусыпный глаз компьютера, и за малейший сбой или ошибку начислялись штрафные очки. Нам не рекомендовалось выходить из роли даже в корот-

кие часы отдыха, тем более что мы уже не могли избавиться от измененной внешности. Когдаходишь в образ, процесс этот настолько захватывает тебя, что затрагивает не только внешние проявления — иногда я ловил себя на том, что усвоил даже образ мыслей Рихарда Валленброка, даже его манеру аргументации; с одной стороны, это меня радовало, с другой — смущало. Оказавшись перед телекамерами и микрофонами с подготовленным для меня текстом выступления, я забывал, что накануне учил его; у меня появлялось такое чувство, будто это я сам принимал решения, приводившие в движение людей и технику, будто я и впрямь действовал по собственному замыслу и плану, охватывавшему буквально все, вплоть до верований и религии.

С моими коллегами дело обстояло точно так же. Мы почти постоянно находились под чьим-то присмотром — если нас не донимал режиссер, то опекал охранник, — однако в хаосе последних недель все чаще возникали моменты, когда нам хотелось поговорить друг с другом наедине и откровенно. Возможно, причина была в том, что в отличие от людских масс, к которым обращены были наши возвышенные речи, сами мы отнюдь не были убеждены в правильности политических и военных доктрин правительства. Наверное, иначе и быть не могло, ведь вся наша деятельность была, в конце концов, жульничеством. Со временем мы начинали понимать все больше и больше. Вожди находились в каком-то тайном и безопасном месте. Там же, где выступали мы — будь то встреча с народом, запись на телестудии или на радио, — даже всемогущая секретная служба не гарантировала нам абсолютной безопасности. Слишком уж много людей принимало участие в таких мероприятиях, так что приходилось опасаться покушений, подброшенных бомб, ядовитых газов, противник мог прибегнуть к любым средствам, чтобы парализовать руководство, уничтожить центр связи. Прошло немало времени, прежде чем мы поняли, для чего мы понадобились, но к этому моменту война уже достигла той стадии, когда опасность грозила всем без исключения, всем, кто находился на территории военных действий, а этой территорией стала уже вся Земля. Мы и сами

не знали, где находится «большая четверка»; об этом известно было лишь узкому кругу лиц, а они, разумеется, молчали.

Конечно, мы не были большими политиками, нам не дано было творить историю, изменять мир. Однако с нас нельзя снять и часть той вины, которую несла «большая четверка». В конце концов, на нас, пусть даже это совершилось помимо нашей воли и в течение лишь нескольких часов, лежала вся ответственность за происшедшее.

Каждый из нас по-своему решал для себя эту проблему. Если отойти от роли было трудно по тем или иным причинам, то Эллиот, например, пускал в ход иронию в качестве средства защиты. Я говорю «Эллиот», потому что имя Джонатан звучит для меня слишком непривычно. Он, скажем, устраивал для нас нечто вроде домашних концертов, где, изображая президента, доводил эту роль до гротеска. При этом он произносил официальные речи, только в его устах они звучали иначе — забавно и вместе с тем страшно. Тем не менее он постоянно подчеркивал, что в целом согласен с решениями президента. Несмотря на то что они обрекали на смерть множество людей не только в рядах противника, но и среди соотечественников, Эллиот верил, что решения эти диктуются обстоятельствами — необходимостью защищать свою жизнь.

Что же касается Эйнара, то он со всей определенностью давал понять, что далеко не так предан режиму, как все мы. Он был единственным, кто осмеливался критиковать решения правительства, а иногда — разумеется, в самом узком кругу — даже предлагал какие-то альтернативы; впрочем, они были ненамного лучше. Мне казалось, что это бунт не столько против правительства, сколько против собственного подневольного состояния. Что же до политических взглядов, тут он был, как и все мы, типичным продуктом того воспитания, которое все мы получили начиная с дошкольного возраста, и, как я понимаю, сегодня оно было ориентировано именно на такое развитие событий, увенчавшееся в конце концов мировой войной.

Да, теперь я могу посмотреть на те события со стороны, могу разобраться в себе самом. Со стыдом должен признать, что я позволил использовать себя в дурных це-

лях и никак этому не противился. Да, у меня были сомнения, но угрызений совести я не испытывал. Я много думал над этим, но ничего не решил. Меня терзало чувство беспокойства, неуверенности, но я объяснял его тем, что меня заставили играть совершенно не подходящую для меня роль. Почему я не остался среди тех, кто, сознавая всю опасность для своего благополучия и жизни, берется лишь за то, что ему по силам? Мы как бы раздвоились: с одной стороны, марионетки в руках министерства пропаганды, с другой — своего рода зачинщики самой страшной войны в истории человечества! Сегодня я понимаю, какой все это было ошибкой, и пытаюсь оправдаться — перед самим собой! — тем, что не мог поступать иначе. Но эти доводы даже мне самому не кажутся убедительными.

Катрин запомнилась мне тихой и неприметной. Но она словно отказалась от себя самой ради порученной роли. Выступая с речами, она преображалась, говорила со страстью и убежденностью, она умела зажигать слушателей, заражать их своей энергией. Когда же мы оказывались вместе в столовой или в комнате отдыха, она становилась замкнутой и вялой. Со всеми она была любезна и предупредительна, со всеми ровна, никому не отдавая предпочтения. Этот тип скромной «матери-домохозяйки», который она для себя избрала, не особенно меня тогда привлекал — да и, честно сказать, никогда не интересовал. Я знал только маску Катрин, но не знал женщину, которая эту маску носила. Я пробовал вспомнить, высказывала ли она когда-нибудь собственное мнение по какому-либо вопросу, соглашалась с кем-то или спорила, — но тщетно. Похоже, что собственного мнения у нее просто-напросто не было.

Возможно ли обратное превращение, возврат к собственной личности? Ведь прошло так много времени, и это было очень ощутимо; никому не дано начать все заново, словно ничего не произошло.

И все-таки нам повезло. Конечно, наш протест могли отклонить — слишком невероятным было то, на что мы ссылались, но у этих людей было обостренное чувство справедливости, и они дали нам шанс.

Выделенный нам хирург был несколько обескуражен поставленной перед ним задачей, потому что ему еще никогда не доводилось делать косметических операций. К счастью, я смог дать ему несколько советов; в свое время, когда моему лицу придавали сходство с физиономией Рихарда Валленброка, я подробно выяснил, каким образом может быть выполнена обратная операция. Вначале проводят курс ультрафиолетового облучения, затем осторожно отшелушивают искусственно приживленные ткани, причем только специалист может отличить эти ткани с измененной структурой от первоначальных. Остатки первоначальной кожи располагаются под ними, они, правда, совсем истончены и пронизаны мельчайшими кровеносными сосудами, однако при достаточной сноровке хирург может их, так сказать, обнажить.

При операции обошлись местным наркозом, надрезы, с помощью которых снимались слои, ощущались мною лишь как легкое прикосновение. И при этом передо мной держали зеркало, чтобы я по ходу операции мог давать указания, так что я собственными глазами видел, как кромсали мое лицо, как оно теряло чужие, искусственно приданные ему черты, поначалу став похожим на кровавый кусок мяса, а затем заблестел розоватый, влажный слой эпидермиса; когда же операционная сестра обработала его ваткой, смоченной в эмульсии, я вдруг увидел свое собственное, родное, но уже почти забытое лицо; у меня было чувство, будто я наконец обрел самого себя, будто все эти долгие годы канули в небытие или по крайней мере померкли — освобождение состоялось!

Остальных я увидел лишь в зале суда. Мы испытали нечто вроде шока, ибо встретились как совершенно чужие люди — ведь никто из нас до этого не видел подлинного лица другого. Разумеется, по фигуре, по манерам можно было угадать, кто есть кто; но по-настоящему я узнал своих товарищей по несчастью, с которыми уже успел сблизиться, лишь после того, как услышал их голоса.

Втайне я опасался, что этого доказательства суду покажется недостаточно и что нас будут допрашивать и дальше, дабы установить меру нашей ответственности и меру вины, однако суд неожиданно потерял к нам интерес.

наша деятельность, о которой мы вкратце попытались рассказать, вдруг оказалась для суда несущественной. Нас отпустили, попытались сделать заурядными членами общества, для которого главное труд, расширение жизненного пространства и создание лучших, более надежных условий существования. Только теперь мы узнали, что было сделано людьми за это время. Местом для строительства двух своих городов они избрали полярные области Луны, ибо только здесь солнечные лучи падали по касательной, смягчая резкие перепады между дневной и ночной температурой; над городами были сооружены купола из стекла (сплав силиция и таллия) — тонкий защитный слой против вакуума, холода и космического излучения. Кроме того, в точках Лагранжа были заложены четыре станции, которые постепенно предстояло превратить в космические колонии. Упорство, с каким люди отвоевывали пространство у пустоты, было достойно восхищения, однако их жизнь, полностью посвященная работе, казалась мне неинтересной и неправильной. Почему они не пытаются снова утвердиться на Земле? Может, потому, что они уже перестали быть детьми Земли? От возвращения на родную планету меня не отпугнули бы ни радиоактивное загрязнение равнинных территорий, пострадавших от атомных взрывов, ни облака вирусных ядов, которые, говорят, окутали там все возвышенности.

Сегодня местный ландшафт выглядел не таким унылым, как обычно, — наступление зимы не согласуется с сезонным графиком туризма. В последнюю неделю сезона не утихали снежные бури, а теперь вдруг — этот тусклый свет, леденящий холод. Я смотрел, как ветер взметает поземку, гонит ее длинными волнами по земле: порывы ветра были мощными, хлесткими.

Нельзя сказать, чтобы подобные картины успокаивали, но мне они по-своему нравятся. Я так и не сумел привыкнуть к жизни на космической станции, к вызывающим головокружение перепадам искусственной гравитации и черному небу, которое кажется навеки замерзшим — настолько неизменен на нем узор холодно светящихся звезд.

Я часами гляжу в окно. Перед глазами у меня переливаются оттенки белого и серого, а в памяти одна картина сменяется другой. Не знаю, стоит ли так копаться в себе, однако я не могу себя пересилить и пойти в читальню или видеосалон. Все равно мне там не удастся отвлечься и сосредоточиться на чем-то другом, ни микрофильмы, ни научные материалы меня сейчас не интересуют.

Настоящее... А меня все преследуют тени прошлого. Нет, оно еще далеко не изжито; именно теперь, в дни покоя и отдыха, я ощутил это особенно явственно. Обычно моя жизнь была полна суеты, для собственных желаний и потребностей почти не оставалось места; ежеминутно приходилось принимать решения, от которых слишком многое зависело. Мое настоящее гораздо расплывчатей, неопределенней. Теперь я понял, зачем прилетел сюда: ради надежды, что обещанная встреча поможет мне избавиться от прошлого навсегда! И вдруг такая неожиданность! Похоже, моим мечтам не суждено сбыться. Ума не приложу, что, собственно, затеял Эллиот и почему его здесь нет. Почему нет Эйнара? Ведь его тоже пригласили сюда вместе с Катрин и со мной. Почему-то, кроме меня, прилетела только Катрин. Как бы ни занимало меня прошлое, сейчас для меня важнее всего Катрин. Стоит мне подумать о настоящем, как я сразу вспоминаю о ней. Вот и сейчас я брожу по вестибюлю, чтобы не проглядеть, когда она выйдет из комнаты. Весь день за ее дверью царит тишина.

Вечером мне послышался скрип открывшейся двери, звук шагов. Я хотел было броситься ей навстречу, но удержался. Когда она показалась в коридоре, я издали приветствовал ее. Она остановилась, махнула мне рукой и пошла навстречу. Мы уселись за круглый столик в вестибюле.

— Что все это значит?

Я сразу понял, что она имеет в виду, но не знал, что ответить.

— Не думаю, чтобы Эллиот мог так подшутить над нами. Видимо, что-то случилось, иначе он непременно был бы здесь.

— А Эйнар? Он ведь тоже обещал, Эллиот сам сказал мне об этом по телефону.

— Что бы там ни было, а последняя ракета ушла. Теперь никто больше не явится сюда, и никому отсюда не уйти. Придется ждать четыре месяца. Четыре долгих месяца...

Катрин уютно устроилась в кресле, которое казалось слишком большим для нее. Подперев ладошкой подбородок, она взглянула на меня.

— Знаешь, что мне поневоле приходит на ум?— медленно проговорила она.— Мы похожи на потерпевших кораблекрушение. Нам удалось остаться в живых, только на что нам теперь жизнь? Да к тому же в чужом, незнакомом краю! Ведь все наши интересы, чаяния, страхи и надежды не имеют ничего общего с жизнью этих новых людей— мы с ними абсолютно разные. Наше время было страшным, ужасным... но ты обратил внимание: они вообще не умеют смеяться?

Я кивнул. Конечно, ее слова не следовало понимать буквально, однако в каком-то смысле она была права.

— Остались только мы четверо,— сказала она,— но мы чужие и друг для друга. Я ничего не знаю о тебе, ты ничего не знаешь обо мне.

— Это новый ледниковый период,— сказал я.— На всей земле сейчас только два человека: ты и я.

Катрин вновь посмотрела на меня долгим пристальным взглядом. Затем она поднялась, повернулась и удалилась тем же путем, что пришла. Она даже не захватила с собой что-нибудь поесть.

А мне снова приснился тот же сон о бесконечном холоде. Нельзя так просто, вдруг стряхнуть с себя состояние, в котором ты провел двести лет — целая жизнь на нулевой отметке. Оно возвращается, тянется к тебе, овладевает тобой, ты цепенеешь и не можешь освободиться от него даже отчаянным усилием воли. Я неподвижен, беспомощен, отдан на волю случая — так, вероятно, чувствует себя человек на пороге небытия.

Парение в полной прострации. Ни проблеска света, ни звука. Впрочем, где-то еще теплится последняя искорка сознания, которую не удастся затушить. Разве это возможно — проблеск сознания в отключенном мозгу? Мне кажется, будто я освобождаюсь от себя самого, сбрасываю путы... но это не свобода, а падение в бездонную пропасть — кругом пустое, черное пространство, которое расступается, растягивается до бесконечности. Мое тело претерпевает фантастические изменения: из плечей вырастают гигантские руки, мозг разбухает, превращается в вибрирующую массу, которая грозит разорвать черепную коробку. В невидящих глазах мерцание, в голове — неумолчный гул...

Галлюцинации. Стоит только пошевелиться, и они исчезнут... Но волевой импульс устремлен в пустоту, сил нет, энергия иссякла...

Гул... он все глубже проникает в мозг...

Если бы я мог повернуть голову, зарыться в подушку, чтобы ничего не слышать...

Внезапное наваждение кончилось. Я обнаружил, что сижу в постели, в комнате горит свет — наверное, я задремал.

Звонок разбудил меня... Телефон!

Я машинально снял трубку, поднес к уху.

И услышал всего одно слово:

— Приходи!

До чего невероятен был этот переход от ледящего холода к теплоте счастья. Я обнял Катрин, прижал к себе. Ее волосы касались моей щеки. Я чувствовал ее податливое теплое тело.

Катрин не произнесла ни единого слова, да нам и не

нужны были слова — мы и так понимали друг друга. И вот забылось все, тяготившее нас. Горная крепость, едва не ставшая нашей тюрьмой, отныне станет пристанищем нашей любви. Она еще очень хрупка, ее нельзя подвергать испытаниям, ее нужно беречь, так что пусть нам никто не мешает. Четыре месяца одиночества, еще недавно представлявшиеся невыносимыми, обещают стать подарком судьбы.

Часов в девять мы спустились в столовую. Настроение у обоих было прекрасное, аппетит — отменный. Мы шли, держа за руки.

В дверях стоял человек. Это был Эйнар. Будто серый занавес упал передо мной, у меня перехватило дыхание.

— А я уж начал терять всякое терпение. Неужели Эллиот подшутил над нами?

Фигура Эйнара, застывшая в дверном проеме, казалась безжалостным, грозным символом, напоминающим о прежнем адмирале. Мы словно вновь очутились в Центре управления... игра продолжается, все, что случилось с нами недавно, — всего лишь сон...

Эйнар повернулся и вошел в столовую.

— Давайте-ка подкрепимся!

Я увидел на миг его профиль: новое лицо, новый человек, незнакомец; но это — один из нас, и его тоже не отпускает прошлое. Еще несколько часов назад я был бы рад увидеть его. Но сейчас... До чего же быстро меняется у меня настроение! Он словно вновь вызвал к жизни призраки прошлого, вновь заставил нас вспомнить мучившие нас вопросы — вернул нас к мрачной действительности.

Мы машинально развернули еду, сняли пластиковые оболочки со стаканчиков.

— Откуда ты взялся? Как ты сюда попал?

— Прилетел с последней ракетой, вместе с Катрин.

— Я тебя не заметила.

— А я вышел с экипажем. Разве вы не знаете, что я работаю в службе обеспечения полетов?

— Почему же ты сразу не объявился?

Эйнар немного помедлил.

— Хотел осмотреться. Зачем Эллиот нас собрал, вы что-нибудь знаете об этом?

Нет, мы тоже ничего не знали. Я искоса взглянул на Эйнара. Стоило мне услышать его голос, и снова показалось, что ничего не изменилось. В этих холодных, официальных интонациях слышались недовольные и даже сердитые нотки. Именно так говорил адмирал, это его тон, его манера разговаривать, они помнятся мне настолько отчетливо, будто все было только вчера. Правда, лицо стало совсем другим, не осталось и следа от прежней холодности и решительности. Лицо Эйнара стало более живым, подвижным. Оно быстро меняется, и я вижу, как самоуверенность уступает место насмешке, а то и грусти.

— Он ничего мне толком не объяснил, отделался лишь намеками: мол, нужно кое-что выяснить, будто не все еще решено. Что он имел в виду, не знаю. И все-таки...— Эйнар поднял голову, пристально взглянул на меня, потом на Катрин.— У вас-то как дела? Вы к такой жизни привыкли, смирились с ней? У меня вот ничего не получается. Все эти полеты между Луной и космическими станциями, все эти перевозки стройматериалов, сумасшедшая тяга к освоению новых и новых регионов... Такое чувство, что ко мне все это не имеет ни малейшего отношения. Помните те последние недели, когда мы были вместе в Центре управления... лихое было времечко... какое напряжение нервов, сколько страхов, надежд... просто не верится, что с тех пор миновало уже двести лет! Иногда мне кажется, что это еще не конец, еще можно кое-что предпринять, как-то поправить дело.

Поправить дело... Странно звучат сейчас эти слова, но, может, в них что-то есть. Может, иногда имеет смысл не отказываться от странностей, в том числе и от своих собственных...

— Все это иллюзии,— сказала Катрин. Она быстро взглянула на меня, ожидая поддержки.— Вы обманываете самих себя. То, что мы натворили в свое время, уже не поправишь. Что было, то прошло. Осталась только вина. Она вполне реальна и потому не дает нам покоя. Да и разве могло быть иначе?— Она махнула рукой на окно, за которым застыла, скованная беспощадным холодом, серая равнина.— Мы тоже тут постарались. Так стоит ли удив-

ляться, что нас не покидает чувство вины. А ведь я уже подумала...

Она замолчала. Какой-то ток перебежал от нее ко мне — я, кажется, догадался, что́ она хотела сказать...

Эйнар встал, направился было к окнам, но вдруг, пожав плечами, вернулся назад.

— Ничего себе сюрприз. Здорово нас одурачили! Сколько месяцев длится зимнее межсезонье? Три? Шесть? Придется нам тут поскучать. — Достав из кармана ароматку, он глубоко затянулся. — Зря я сюда примчался, ведь чувствовал что-то неладное...

— Потому ты и прятался?

Я вдруг разозлился на него, сам не знаю почему.

Резко повернувшись, Эйнар пристально посмотрел на меня.

— Я хотел знать, что тут затевается. Ведь нам могли и ловушку подстроить или еще что-нибудь в этом роде. Да-да, я никому не доверяю. Вот я и решил выждать, присмотреться. Только напрасно! Ничего тут не произойдет. Жаль, что придется потерять несколько месяцев. Не говоря уже о том, что мы порядком надоедим друг другу. Ах, черт!

На несколько минут воцарилось молчание; за окном глухо завывал ветер, а когда он на мгновение стихал, слышался отдаленный рокот... Мы слышали его, но не сразу поняли, что шум этот какой-то странный, нездешний. Все трое мы бросились к окнам.

Огромные окна были похожи на громадную стеклянную стену, за которой открывалась широкая панорама, словно на экране с трехмерным голографическим изображением: ирреальное пространство, серые глетчеры, повисшие в сером воздухе. И вдруг совсем неожиданно: бледно-желтые вспышки, проблески огня, на какой-то миг склоны окутались желтой светящейся пылью. За вспышками вновь раздался оглушительный грохот, разорванный порывами ветра, похожий на громовые раскаты.

Затем мерцающий свет опустился в ледяную котловину. Нам удалось разглядеть черное шарообразное тело с чем-то вроде полозьев по бокам.

Что делать? Выбежать из дома на ледяное поле, на-

встречу вьюге, колючему ветру? До сих пор это никому даже в голову не приходило; прогулки здесь были нежелательны — воздух мог содержать ядовитые газы или болезнетворные вирусы, к тому же отравленным мог оказаться и сам лед, замерзший конденсат радиоактивных растворов. Впрочем, чтобы выйти наружу, у нас не было ни шуб, ни шапок, ни теплых сапог, ни рукавиц. А еще понадобились бы альпенштоки, веревки для страховки, иначе ни за что не устоять под порывами ветра, который уносит все, что не прибито или не привязано.

Мы увидели, как из-за холма появилась гусеничная машина, приземистая, открытая, в ней сидела закутанная фигура. Машина двигалась медленно, направляясь прямо на нас. Когда ветер сбивал ее в сторону, она останавливалась, одна гусеница начинала вращаться назад, другая вперед, машина вновь выходила на прежнюю дорогу и двигалась дальше... Можно было уже разглядеть человека в космическом скафандре, в шлеме с дыхательным аппаратом и баллоном за спиной.

Вот он уже совсем близко, подъехал ко входу и пропал из виду. Словно по команде, мы бросились в холл, принялись раскручивать винтовые соединения, закрывавшие дверь. Могучая сила вдавила створки внутрь, в холл ворвался ледяной ветер со снежными вихрями. Человек в космическом скафандре, пошатываясь, шагнул нам навстречу из серой мглы. Мы изо всех сил навалились на створки, чтобы закрыть их. Наконец защелки опущены, закручены стальные винтовые соединения. Теперь можно заняться гостем. Мы помогли ему открыть шлем, который откинулся на шарнирах назад. Знакомое лицо, хотя таким, какое мы видели сейчас, мы узнали его сравнительно недавно. Это был Эллиот, как мы привыкли называть его, на самом же деле — Джонатан Берлингер.

Вытащив Эллиота из скафандра, мы отвели его в столовую и принесли горячего солодового молока.

Понемногу он отдышался, вытер мокрые руки бумажной салфеткой, пригладил волосы. В зале веяло холодом, но терморегулятор уже включился и тихонько гудел.

Почему же он появился только сейчас, да еще столь рискованным образом?

— Погодите с расспросами! Дайте ему прийти в себя!

— Ну и досталось мне! Спасибо, мне уже лучше. Какой ураган! Я все время думал, что меня вот-вот унесет. — Он огляделся по сторонам. — Ну, здесь-то любую бурю можно переждать. Рад видеть вас.

Он с явным удовольствием прихлебывал горячий напиток. Пожалуй, из всех нас он изменился меньше всего — такой же крупный, открытый, человек, удивительно располагающий к себе. Помнится, его очень любили снимать с детьми — Эллиот гладил их по головкам, этаким патриарх, готовый защитить и любить всех, кто ему доверится. Он прекрасно чувствовал себя в этой роли, ему даже не приходилось притворяться. Как-то он рассказал, что настоящий Эллиот оказался совершенно непригодным для подобных сцен, так как дети действовали ему на нервы и, едва выключали камеру, ребят тут же приходилось уводить.

— Итак, все в сборе? Я был уверен, что вы сюда прилетите. А мне, черт возьми, не повезло с пассажирской ракетой! Вы же знаете, я работаю на энергоплантациях. Их все время расширяют, и мы монтируем экраны из ячеек с водородом. Короче, наш автобус выскочил из колеи на вираже, и мы застряли в пыли. Прошло два часа, пока мы снова тронулись с места. К отлету я опоздал. Смешно, что и говорить. А ведь я все заранее подготовил, отпросился в отпуск, как положено. Правда, нельзя сказать, чтобы мое прибытие сюда совершилось, как положено.

Оказалось, Эллиот попросту угнал ракету, чтобы встретиться с нами. По его словам, он многим рисковал.

— Труднее всего было приземлиться, — сказал он. — У этой ракеты мощность двигателя рассчитана на лунные условия — на меньшую гравитацию. Конечно, кое-какие резервы имелись, я все рассчитал, но шел на пределе. Во всяком случае, стартовать на этой штуковине больше нельзя. Впрочем, через несколько дней ее все равно заметет снегом. Оно и к лучшему. Ведь ракеты уже наверняка хватились. Да только теперь ее уже никогда не найдут.

Мы дали Эллиоту возможность утолить голод и молча смотрели, как он ест. Разумеется, нам хотелось поскорее узнать, для чего он нас созвал, но мы его не торопили.

Вид у Эллиота был очень довольный, самоуверенный; пожалуй, только теперь мы почувствовали, что именно он был стержнем нашей компании и спланировал нас четверых. Он и в самом деле внушал доверие. К тому же этот человек не знал сомнений. Когда его не было, начинались всевозможные шатания и разброд, Эйнар все подвергал критике, а меня одолевала сомнения, и я не знал, что ему возразить, Катрин же обычно присоединялась к большинству. Сам по себе Эллиот не был похож на того человека, роль которого он так долго играл. Он не был народным трибуном, патриархом или исторической личностью, но в такой небольшой группке, как наша, он мог стать лидером, ибо способен был принимать решения — никогда раньше это не было так отчетливо ясно.

Отодвинув тарелку, Эллиот вытер губы ладонью.

— Ну ладно, пошли!

Он вышел на лестничную площадку, быстро огляделся по сторонам и открыл дверь в подвал.

Мы спустились по лестнице двумя этажами ниже, где находились машинные агрегаты, на которые подавался ток со встроенного в скальный монолит ядерного реактора. Я никогда не спускался в этот подвал, Эллиот тоже тут ни разу не был — он ориентировался с трудом.

— Где-то здесь должна быть дверь. Где-то совсем рядом. — Говоря это, он продолжал искать выход. — Не думаете же вы, что я позвал вас просто для того, чтобы вести приятные интеллектуальные беседы или предаваться воспоминаниям. Вовсе нет! Вы же знаете, я этого не люблю. Нет, у нас с вами совсем другая задача. Я уверен, вы меня поддержите.

Наконец он нашел то, что искал. Это была круглая, слегка выпуклая стальная пластина диаметром в один метр, она находилась в стене на уровне талии человека среднего роста. На ней виднелась надпись: *Внимание! Радиоактивная зона!* Рядом Эллиот обнаружил что-то вроде коробочки. Он открыл крышку, под ней оказались кнопки с цифрами. Эллиот уверенно набрал числовой код. Раздалось какое-то шипение, и пластина отодвинулась в сторону. Просунув пальцы в узкую щель между стальной пластиной и стеной, Эллиот попытался открыть люк пошире,

но не тут-то было. Тогда Эллиот налег на крышку всем телом, и проход освободился. Заглянув в него, я увидел коридор, слабо освещенный аварийными лампочками.

— Что мы забыли в этой радиоактивной зоне? — проворчал Эйнар.

— Да нет здесь никакой радиоактивности, — сказал Эллиот. — Табличка повешена просто так, для отвода глаз.

Нагнувшись, что при его комплекции было не так-то просто, Эллиот полез в проем. Мы нерешительно последовали за ним. Мне было немного не по себе. Пахло пылью, старой смазкой, было душно. Мне казалось, будто мы лезем в склеп.

Коридор стал попросторней, по левой его стороне шли перила, а за ними — темный провал. Мы прошли еще несколько метров и увидели крутую винтовую лестницу. Здесь коридор заканчивался нишей со встроенным шкафом.

Остановившись у перил, Эйнар посмотрел вниз. Оттуда доносилось тихое жужжание.

— Хочешь спуститься?

— Нет, где-то здесь есть код.

Эллиот распахнул дверцу шкафа; там висели тяжелые комбинезоны, внизу валялись сапоги. Я заметил справа выдвижные ящики. Заглянув в один из них, я обнаружил коробки с карманными фонариками и батарейками.

— Оставь! — рявкнул Эллиот.

Он хватал комбинезоны вместе с вешалками и бросал их на пол. Обнаружилась задняя стенка шкафа. Эллиот нагнулся к самому днищу шкафа, там, в уголке, виднелись расположенные концентрическими кругами дырочки. Он произнес громко и отчетливо:

— Георг, Оскар, Сильвестр, Норд, Зигмунд, Цезарь!

В наступившей тишине стало слышнее жужжание, идущее откуда-то из глубины. Хотя мы и ожидали чего-то подобного, однако все вздрогнули, когда бесшумно отошла задняя стенка шкафа. Я увидел складки тяжелой красной материи, которая закрывала проем наподобие портьеры. Отодвинув ее в сторону, Эллиот шагнул вперед и скрылся

из виду. Мы нерешительно переглянулись, но любопытство в конце концов взяло верх.

Помещение, в котором мы очутились, напоминало гардеробную: стены задрапированы бархатом, окон нет, на стене — огромное зеркало в золоченой раме, в углу — тяжелые латунные вешалки-стойки. На потолке горела люстра с двумя дюжинами лампочек в виде свечей, вставленных в позолоченные патроны, чередовавшиеся со стеклянными подвесками. Справа виднелись две двери. Эллиот подошел к одной из них и, как мне показалось, в некоторой нерешительности взялся за ручку...

— Стой! — крикнул вдруг Эйнар.

Этот властный возглас прозвучал как приказ, не подчиниться было невозможно. Эллиот опустил руку и обернулся.

— Мне кажется, пришла пора объяснить нам, что здесь происходит, — сказал Эйнар.

Мы обступили его, как бы давая понять Эллиоту, что солидарны с Эйнаром.

Эллиот улыбнулся. Улыбка у него была такая добродушная, что все наше недоверие как рукой сняло. Он пододвинул к себе стульчик с узорчатой обивкой и сел. Стульчик совсем исчез под его грузным телом.

— Дело в том, — сказал он, тщательно подбирая слова, — что возможно, кроме нас, катастрофу пережил еще кое-кто.

— Кто? — этот вопрос вырвался у меня совершенно произвольно, ведь я прекрасно знал, что лишь немногие имели возможность спастись после гибельных событий, виновниками которых были они сами.

— Они же все погибли... Или ты хочешь сказать... — Катрин тоже поняла, о ком идет речь, и все-таки в это было трудно поверить. — Ты хочешь сказать, вся четверка: Бурст, Фергюссон, Эллиот, Блийнер? А может, кто-то еще? Может, их семьи? Или сотрудники?

— Откуда мне знать? — сказал Эллиот. — Я получил тогда один-единственный приказ. Приказ Рихарда Валленброка. Он описал мне эту гостиницу, вход в подвал, в коридор, сообщил числовой код и пароль и подробно объяснил, что я должен делать.

— Но откуда он мог знать, что именно мы выживем? Ты не задавал ему этот вопрос?

— Приказы, как вы знаете, не обсуждаются, и лишних вопросов в таких случаях задавать не положено.— Эллиот так резко повернулся на своем стульчике, что тот жалобно заскрипел.— Мне самому эта мысль пришла уже потом... Тут ведь не нужно быть пророком. Он просто знал, что находится в пакете, который мы вскрыли в последний день. Вот и все...

— Нет, не все! Тогда выходит, он знал и про секретное оружие наших противников? Знал, что именно эта вершина останется торчать надо льдами?

— Вершины гор оставались открытыми и в ледниковый период— додуматься до этого не так уж сложно. А что касается секретного оружия— не забывайте, что Валленброк был еще и шефом разведки.

Что же это такое? Неужели вновь оживут призраки прошлого? И потом разве обязан человек хранить верность присяге, данной столетия назад? А с другой стороны, если там, за дверьми, за этими драпировками, покоятся люди, погруженные в анабиоз, разве можно уйти и бросить их?

— Мне кажется, вы просто боитесь,— сказал Эйнар.— Но подумайте, что они нам могут теперь сделать? Армии у них больше нет, власти— тоже. Их правление кончилось. Они проснутся в совершенно ином мире, где они будут значить не больше, чем мы с вами.

Эллиот кивнул в знак согласия. Слова Эйнара мне тоже показались убедительными. В самом деле: если там окажется кто-то, переживший в ледяном оцепенении катастрофу, вряд ли он будет особенно отличаться от нас. Сейчас он будет вызывать скорее усмешку, чем почтение. Странно, что чувство покорности до такой степени все еще сидит в нас, что мы— вопреки всякому здравому смыслу— еще подвластны устаревшим, утратившим силу представлениям.

Прочь сомнения! Эллиот встал, подошел к двери и снова взялся за ручку. Мы молча следили за ним. Чего нам, в самом деле, бояться? Хотя я не мог утверждать, что страх совершенно прошел— наверно, он затаился

в каком-то уголке души, чтобы при случае дать о себе знать.

Эллиот открыл дверь. Следующее помещение тоже было освещено. Горел ли свет все эти годы или автоматически включился, когда Эллиот потянул на себя дверь? Тяжелые ковры на полу были покрыты густым слоем пыли, и она вздымалась от наших шагов легкими облачками. Мы оказались в комнате, обставленной по моде давно ушедших времен. Я не разбираюсь в стилях — я видел повсюду плюш, красные, золотые и белые тона, разную мебель: комоды, шкафы, громадный концертный рояль и на нем — латунный канделябр с лампочками в форме свечей. Окон не было, зато стены сплошь увешаны картинами, где были изображены какие-то странные люди: женщины с мужскими прическами, с вытянутыми тонкими телами, завитые нагие юноши в немыслимых позах, на некоторых картинах — животные, словно сделанные из фарфора.

Мы переходили из комнаты в комнату — жаловаться на недостаток площади здесь не приходилось: их было более дюжины, и все громадные, высокие, уставленные мебелью, но при этом они не казались загроможденными.

И вдруг мы услышали голос Эллиота, звавшего нас. Мы поспешили к нему и оказались в роскошно обставленной спальне. На кровати стоял гроб, если можно так назвать сооружение, предназначенное для анабиоза. Рядом, на полу, между кроватью и столом оказался еще один такой же ящик, который мы не сразу заметили. В крышке виднелось стеклянное окошечко. Мы заглянули в него и увидели мужское лицо: это был Рихард Валленброк, руководитель технической и пропагандистской служб, грозный шеф тайной разведки — человек, которого я знал, как никто другой, но не способен был ни понять, ни уважать, ни любить. Это привело нас в такое замешательство, что мы едва не забыли про второй ящик. Катрин наклонилась к нему, заглянула в окошечко — и вскрикнула от испуга. Там лежала собака; видна была только ее черная мохнатая голова и передние лапы.

— Нерон!

Все сразу узнали любимого пса Валленброка, с кото-

рым тот никогда не расставался; он оставил собаку при себе даже тогда, когда из соображений экономии всех животных, не имеющих практической ценности, приказано было уничтожить. В свое время обсуждалась идея подыскать двойника и для собаки, чтобы мрачный, нелюдимый Валленброк выглядел перед публикой хотя бы любителем животных. Но пес был такой дикий, такой свирепый — достаточно было только взглянуть на него! — что от этого плана решили в конце концов отказаться, и мне, слава богу, не пришлось иметь дела с подобной же злобной тварью.

Значит, черный Нерон уцелел! Мы тщательно осмотрели комнату в поисках других анабиозных устройств, но больше не нашли ничего. Итак, все эти помещения предназначались для одного-единственного человека — для Рихадра Валленброка, он единственный, кроме нас, пережил катастрофу.

Война, навязанная нам врагом, обернется против ее зачинщиков, и они будут беспощадно уничтожены. Они расплатятся за содеянное, мы добьемся этого и готовы пойти на любые жертвы. Весь наш народ сплочен как один человек. Сколько бы наших городов ни разрушили ракеты с востока и юга, ни один из нас не дрогнет, не смалодушничает. Службы гражданской обороны действуют безотказно, большая часть населения сможет укрыться в заблаговременно подготовленных убежищах. В их распоряжении достаточно теплой одежды и продуктов, все обеспечены электрической энергией и топливом, наши заводы работают на полную мощность, выпуская оружие, необходимое для обороны. Наших резервов хватит еще надолго, превосходство в этой схватке останется на нашей стороне, даже если врагу удастся еще какое-то время продолжать свои разрушительные налеты. Каким бы трудным ни оказалось наше положение, мы знаем, что делать; в нашем распоряжении имеется оружие такой мощной разрушительной силы, что при желании мы могли бы уничтожить всю землю. Мы держим его на крайний случай

и пустим в ход только тогда, когда нас к этому вынудят. Наша цель — не уничтожение, а победа. И даже если нам придется уйти глубоко в землю, когда-нибудь мы выйдем оттуда, государство же наше восстанет, словно Феникс, из пепла.

Ночью я лежу на кровати и все никак не могу успокоиться. Все произошло так внезапно... и в то же время я ожидал чего-то подобного. Каждая такая встреча неизбежно поднимает, словно муть со дна, все, что, казалось нам, погребено навеки. Да еще как все это произошло!

Я один — и чувствую себя очень одиноким. Вспомнилось, как покачала головой Катрин, и я сразу понял, о чем она подумала. Наверное, она права, нашим надеждам не суждено было сбыться. Было бы у нас больше времени... впрочем, шансов, можно считать, все равно нет.

Не слишком ли я быстро отчаялся? Ведь у меня так мало общего с человеком, который лежит там, внизу, в роскошных покоях и медленно возвращается к жизни. Эллиот включил систему ревитализации в точном соответствии с инструкцией. А Катрин вдруг подошла к нему и схватила за руку, когда он уже готов был привести в действие обогревательное устройство. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Катрин опустила глаза и отвернулась. И снова я догадался, о чем она думает. А может, вообразил, что догадался.

Как мало общего у меня было с тем, кого я изображал столько лет! Я всегда был только исполнителем приказов, вот в чем дело. Я исполнял их, несмотря на все свои сомнения, на все оговорки. А каково быть человеком, не верящим даже в собственные слова!

Я ворочался на своей постели. Из-за стены доносилось глухое завывание ветра. В животе тяжесть, слегка подташнивает. Я встал, подошел к умывальнику, сполоснул лицо прохладной водой.

И снова лег в постель. Под одеялом жарко, но меня знобит. О чем бы хорошем подумать, чтобы наконец заснуть... Катрин! Но мысль о ней вновь наполняет мою душу бесконечной печалью. И тошнит все сильнее...

Надо бы все-таки заснуть, но у меня не получается, я слишком ослабел и устал. Наконец, собравшись с силами, я решил встать, умыться и одеться. И уже возле самой двери в нерешительности остановился. Было такое чувство, будто в следующую минуту я переступлю какой-то роковой порог и окажусь в кошмарном мире, где не останется больше никаких надежд. Ну что ж, чему быть, того не миновать. Сделанного не воротишь, надо с этим смириться. И как всегда, расплачиваться за все. Власть имущие распоряжаются жизнью и смертью, решают, быть миру или погибнуть. А их подчиненные не властны даже над собственной судьбой... Но разве в случившемся нет и нашей вины? — вновь спрашиваю я себя. Мы ведь тоже немало натворили — уже хотя бы в силу того, что послушно исполняли все приказы...

Эйнар уже ждал внизу возле регистратуры. Едва завидев меня, он шагнул мне навстречу.

— Я боялся чего-то подобного, — сказал он. — И ведь знал же, что ничего хорошего из этого не выйдет, а все-таки явился. Почему, черт возьми!

Он повернулся, подошел к двери и уставился на снежную круговерть за стеклом.

Катрин сидела в столовой. Я остановился позади нее и положил руки ей на плечи. Она не шелохнулась. Но когда я попробовал погладить ее волосы, она отстранилась.

— Не надо! — Голос ее звучал тихо и ласково, но в то же время в нем слышались решительные нотки.

Я пододвинул стул, сел рядом. Есть совершенно не хотелось.

Вскоре к нам присоединился Эллиот.

— Ждать осталось недолго, — сказал он. — Еще часок-другой, и он очнется. Я дежурил возле него всю ночь. Кажется, там полный порядок. Температура медленно повышается, уже появились мозговые импульсы. В этом ящике я нашел полный набор медицинской аппаратуры.

Я понял, что все его мысли и заботы сейчас сосредоточены только на одном: как бы в соответствии с полученными инструкциями вернуть Рихарда Валленброка к жизни. А он подумал о возможных последствиях?

— Какие последствия? Мы просто растолкуем ему,

как теперь обстоят дела. Пусть сам решает, что делать дальше.

— Если здесь узнают, что он жив, ему придется предстать перед судом, как это случилось с нами. Или ты думаешь, что мы сможем его долго прятать?

— Зачем сейчас ломать над этим голову? И потом, не наша эта забота. Сам разберется.

Эллиот не допускал сомнения в том, что люди, которым мы подчинялись когда-то, способны во всем разобратся. У меня на этот счет были кое-какие опасения, но я промолчал. Что бы там ни произошло, я вправе делать, что захочу, и поступать, как сочту нужным. Я никому не подчинен, я человек свободный. Впрочем, так ли уж я свободен? Так ли себя чувствует действительно свободный человек?

* * *

Когда Рихард Валленброк пришел в себя, Эллиот перенес его в соседнюю комнату. Силы еще не вполне вернулись к нему, он говорил тихим голосом и время от времени опирался о стол, покрытый толстым стеклом, словно не мог совладать с тяжестью собственного тела. Но глаза его блестели и взгляд был беспокоен. Вот чего мне никогда не удавалось по-настоящему воспроизвести — выражение этих глаз...

Он пригласил нас к себе — с видом средневекового владыки, объявляющего о начале аудиенции. Мы расселись на стульях и креслах в одном из просторных помещений, напоминавшем скорее зал, чем просто комнату. Для мебели годы прошли не так бесследно, как для живой материи: ткань настолько обветшала, что обивка лопалась под тяжестью наших тел. Занавеси упали на пол; как только мы открыли дверь, они свалились от сквозняка. Да, время изрядно поработало здесь, но мы делали вид, будто ничего не замечаем.

— Эллиот мне уже доложил обо всем, — сказал Валленброк. — В паршивом же мире мы очутились! Хотя люди все-таки сохранили способность к действию и нашли

в себе силы, чтобы выжить. Это надо признать. Не их вина, что сложилось такое тяжелое положение. И, вполне естественно, они совершенно не представляют себе событий прошлого и не могут их правильно оценить.

Он закашлялся и не сразу нашел в себе силы продолжить.

— В известном смысле я до сих пор за них отвечаю и вижу, чем я могу им помочь. В техническом отношении мы были, видимо, развиты гораздо сильнее — у нас имелись планы, проекты, изобретения; война заставила многое отложить. Но все самое важное должно было сохраниться, мы позаботились, чтобы все это надежно упрятали здесь, внизу, на командном пункте, так чтобы бомбы, огонь, радиоактивность не могли ничего повредить. Да, пожалуй, им можно помочь. Я обдумаю, как это сделать, и думаю, вы меня поддержите.

Ответа ему явно не требовалось; наша реакция его совершенно не интересовала.

— Что мне нужно, — продолжал он, — так это для начала составить общее представление о ситуации. Доложите ее мне как можно точнее. А еще очень важно познакомиться с событиями самых последних дней. Имейте в виду, я был хорошо обо всем осведомлен; сеть моих агентов прекрасно функционировала и внутри страны, и за рубежом. И только в самые последние дни...

Он прикрыл глаза и поднес руку ко лбу.

Эллиот наклонился к нему.

— Вам нехорошо? Может, не стоит так перенапрягаться?

Валленброк поднял на него глаза. Мне показалось, что сейчас он рывкнет на Эллиота; но я неверно истолковал его взгляд, сейчас ему можно было лишь посочувствовать — столько было на этом лице страдания и муки.

Наконец он заговорил снова, еще тише, чем прежде:

— Ничего, Эллиот, уже прошло! Ты выполнил все мои указания — вот и прекрасно! Спасибо. Сам понимаешь, как важно для полководца знать, что он может положиться на своих солдат. Ты хороший солдат, Эллиот.

Он замолк, тяжело, с присвистом дыша, потом снова собрался с силами и продолжал:

— Руководитель должен предвидеть разные варианты, все рассчитать на много ходов вперед. Люди могут стараться сколько угодно, однако взгляд их лишен масштабности, они видят лишь то, что находится непосредственно у них перед глазами. Им невдомек, что нужно всегда учитывать любые возможности — для того и существует двойная, а то и многократная страховка. Их представления слишком узки, фантазия слишком ограничена... По-настоящему отважен тот, кто готов к возможному поражению, временному поражению, такой человек сохраняет твердость, чтобы, несмотря ни на что, прийти... к окончательной победе.

Голос Валленброка начал прерываться, голова клонилась все ниже и ниже. Наконец она коснулась стола, дыхание его опять стало свистящим.

Эллиот с минуту постоял возле него, а потом подозвал нас. Мы отнесли Валленброка в спальню, положили на кровать. Эллиот стал листать «Инструкцию по ревитализации».

— Ему надо беречь себя,— произнес он шепотом.— Он перенапрягся.— Потом добавил погромче: — Нужно обеспечить ему покой. Может, кто-нибудь принесет ему попить чего-нибудь горяченького?

Это прозвучало не как просьба, а как приказ. Мы тихо вышли из комнаты.

Всего несколько дней прошло с тех пор — но как быстро все изменилось! Однажды Валленброк — как ни трудно себе это представить — пришел в ярость и выставил нас из своей комнаты, и мы, словно собаки, ошпаренные кипятком, убрались прочь, поджав хвосты.

Причина этой вспышки гнева была, я думаю, в том, что мы видели его в момент слабости. А такие, как Валленброк, стыдятся своей слабости.

Он довольно быстро пришел в себя. В первые дни адаптации приступы злобы еще несколько раз повторялись, но он все заметнее набирался сил, как будто в периоды этой своей слабости заражался энергией, — и тогда голос его звучал особенно жестко, жесты становились осо-

бенно властными. Эллиот пытался как-то смягчить ситуацию, объяснял, что Валленброку сложно сразу освоиться в новых условиях, надо дать ему время привыкнуть к ним. Возможно, он был прав...

А выдворил нас Валленброк после одного из таких периодов расслабленности. Часа через два он уже явно жалел об этой вспышке и хотел, чтобы мы о ней забыли,— так, во всяком случае, мне показалось. Валленброк поднялся к нам в отель — впервые он покинул свое подземное убежище и впервые снова увидел свет солнца — правда, сквозь завесу густой мглы, которая задерживала и свет и тепло. Держался он дружелюбно, открыто и даже взялся кое-что объяснить нам. Казалось, этого человека интересует все на свете, он вникал даже в такие мелочи, как устройство автоматической системы жизнеобеспечения с замкнутым циклом, а под конец заговорил о том, каким образом ему удалось спастись. Оказалось, что именно он задумал специально оборудовать это здание, официально считавшееся местом отдыха для высокопоставленных военных и гражданских лиц; на самом же деле оно предназначалось для того, чтобы в случае крайней нужды вытащить, как он выразился, «за шкуру» его вместе с небольшой группой сотрудников и обслуживающего персонала. Здесь была установлена дополнительная система жизнеобеспечения — на случай катастрофы, которая в конце концов и разразилась. Однако добраться сюда удалось только ему одному; каким образом — Валленброк нам сообщить не пожелал. То, что никого из родных и сотрудников ему не удалось спасти, казалось, не особенно его удручало.

Валленброк отправился вместе со всеми в столовую, взял себе блюда из протеина, но вскоре с брезгливой grimасой отодвинул тарелки и пригласил нас на торжественный ужин к себе.

— У меня имеются запасы, достаточные, чтобы в течение нескольких лет прокормить такую компанию, как наша, — сказал он. — И там есть такие деликатесы, от которых вы давно уже отвыкли. То-то вы удивитесь!

Это вовсе не было хвастовством, если судить по тому немногому, что он нам продемонстрировал. Мы услышали экзотические названия блюд, о которых и представления не имели: персики в пряном соусе, фаршированная щука с манговым соком, ломтики сельдерея в вишневом ликере, миланское желе с можжевельным суфле, и так далее, и тому подобное. Катрин доставала блюда из инфракрасной печи — они были уже готовы, упакованы в серебристую фольгу и великолепны на вкус. Ничего подобного я в жизни не пробовал. К ним подавались разные вина — их вкус поначалу показался нам неприятным, до того они были терпкие, острые и так непохожи на питательное пиво военных лет или на солодовые и протеиновые напитки Новой эры. Но довольно скоро я сумел оценить их действие: именно терпкость этих напитков придавала особый вкус редкостным блюдам и возбуждала аппетит. Все вокруг словно разом переменялось, голоса стали звучать громче, отдаваясь гулким эхом под высокими сводами; старомодное великолепие комнат, прежде меня угнетавшее, вдруг показалось чертовски милым, прошлое смешалось с настоящим, и было приятно думать, что и другие испытывают то же самое... Атмосфера изобилия и роскоши словно приглушила все чувства, и в этом таилась известная опасность: ведь где-то там, за этими стенами оставался совсем иной мир, полный нерешенных проблем... к тому же это пиршество не могло длиться бесконечно, рано или поздно нам предстоит вернуться, спуститься с сияющих высот на землю и сменить это уютное тепло на стужу, изобилие — на тесные коридоры скудости, зеркальный зал радости — на скорбь прощания с мертвыми. Я опьянел, я начинал и думать и чувствовать совсем по-иному, беззаботное веселье и уверенность поднимались из глубин, о которых я и сам не подозревал, они переполняли мое тело, мои мысли. Я был словно во хмелю, хотя все видел, все слышал и вполне владел своими чувствами и желаниями. Я ощущал поразительную внутреннюю близость с людьми, сидевшими рядом; пусть они были небезупречны, пусть я знаю все их мелкие слабости — от этого они казались мне еще симпатичней. Ведь были у них и свои достоинства, у этих счастливых людей,

они умели радоваться жизни и держались так же раскованно, как я, мы сейчас одинаково чувствовали, мы понимали друг друга без слов. Я заметил, что Катрин не сразу поддалась этой общей эйфории — и это понятно: ведь и мне пришлось преодолеть какое-то внутреннее сопротивление, чтобы обрести это чувство раскованности, — и вот она уже в моих объятиях, мы танцуем, и музыка льется непонятно откуда...

Кружение, вихрь, легкое дуновение касается моей кожи, я ощущаю его, а значит, живу, я освободился от черной вечности, я просто выплюнул ее, эту черноту, и вот ее относит все дальше и дальше от меня, будто мыльный пузырь, будто воздушный шар...

Перевести дух... легкое дуновение касается кожи, звезды плывут хороводом вокруг меня, а центр этого движения где-то во мне, в моей голове, в моем чреве... и вдруг я вздрагиваю, хоровод начинает кружиться все быстрее, стены выгибаются, растворяются в пространстве, мое тело застывает, глаза стекленеют, язык распух и стал шершавым...

* * *

Странно, но я опять просыпаюсь. На сей раз мучителен не только сон, но еще и страх окончательно поддаться ему, остаться в нем насовсем. Мой мозг — сплошной сгусток боли, язык шершавый, распухший; и все же боль в голове, в желудке, во всем теле не так мучает меня, как воспоминание о минувшей ночи. Долгое время я лежу на кровати, не шевелясь, замерев от страха, что меня сейчас стошнит.

Надо бы снова заснуть. Я уже чувствую себя немного лучше, мышцы расслабились, голове полегчало.

Что-то изменилось, и не в окружающем мире, а во мне самом. Что-то прояснилось, что-то решилось.

Выйдя из своей комнаты, я услышал собачий лай. Внизу, в холле, все обступили Валленброка. Он стоял спиной

к двери, широко расставив ноги, уперев руки в бока. Галифе, сапоги, кожаное полупальто. Рядом с ним Нерон, черный пес, уши торчком, язык высунут — такой же, как прежде, Валленброк ревитализировал его по всем правилам. Я на минуту остановился, но пес уже уловил шум моих шагов. Он насторожился, принюхался и громадными прыжками устремился ко мне. Я не сомневался, что он бросился бы на меня, он ведь был натаскан на людей, и лишь в последний момент — конечно, все это разыграно нарочно! — голос Валленброка остановил пса. Нерон с разбега проехался по полу и остановился прямо против меня, с налитыми кровью глазами, шерсть на нем встала дыбом.

— Нерон, ко мне!

Собака неохотно подчинилась и улеглась у ног хозяина. Валленброк нетерпеливо поманил меня, я подошел.

— Я тут поразмышлял о наших делах, — сказал он. — Незачем тратить попусту время, которое у нас еще осталось. Для начала я хотел бы кое в чем разобраться, восстановить весь ход событий, которые привели к катастрофе. Не знаю, сколько это займет времени, но в любом случае мы должны расследовать все самым тщательным образом, не упуская ни одной мелочи. Предлагаю ввести строгий распорядок дня. С восьми утра до восемнадцати мы будем работать, с тринадцати до четырнадцати — перерыв на обед. Начнем с сегодняшнего дня. Я жду вас у себя в десять тридцать.

Он махнул нам рукой и прошествовал со своим псом к двери. Вскоре они скрылись за углом, мы слышали лишь громкий топот сапог и суховатый стук собачьих лап по каменным плитам.

* * *

Валленброк: Для начала несколько слов о ситуации. Мне известно, что земля обледенела и непригодна для жизни людей. Это результат подлой агрессии наших врагов с Азиатского и Африканского континентов. Разумеется, я знал об их намерениях, они давно грозили нам

применить оружие массового уничтожения, и я поручил своим агентам добыть мне нужные сведения. Мне доставили громадную пачку бумаг — научные разработки, — однако разобраться в этом было трудно, и я передал документы своим специалистам. Для тщательного анализа уже не оставалось времени, однако, насколько я мог понять, речь шла о ракетах, каждая из которых могла вывести в тропосферу несколько сотен тонн окиси алюминия и распылить там. Их базы были строго засекречены, и хотя нам удалось уничтожить несколько, у противника еще оставалось достаточно действующих. Эта дрянь, распыленная в космосе, нарушила радиационное равновесие на Земле, и ситуация вышла из-под контроля, так по крайней мере утверждали ученые. Удивительно, как все быстро произошло: дело, видимо, в том, что возникли центры конденсации, образовался облачный покров... как бы там ни было, дьявольский план агрессоров удался. Может, кто-нибудь добавит, дополнит мое сообщение?

Эллиот: Подробностей мы не знаем, мы только видели телевизионную передачу, слышали сообщения... Это было страшно: за один день землю обволокло черносерым покрывалом, более густым, чем сейчас. Потом начались бури, грозы, посыпался град, который шел часами, — градины величиной с теннисный мяч. Но у нас не было времени все это наблюдать. Незадолго перед тем к нам сбросили вражеские десанты. Они прорвались через наши укрепления, начались бои.

Валленброк: Давайте по порядку! Начнем сначала. Мне нужна подробная информация о событиях, начиная с того дня, как нас взяли в плен.

Эллиот: Взяли в плен? Нам сообщили другое: в Ставке главного командования взорвалась бомба, и все члены правительства погибли.

Валленброк: Они сделали все, чтобы захватить нас живыми, поэтому Ставку почти не бомбили — я сразу раскусил их намерения. Только почему все сорвалось?.. Помешала чья-то халатность? Или предательство? Вот что мне хотелось бы знать.

Эллиот: Мы ничего не можем сказать по этому пово-

ду. У нас была своя задача: обезопасить руководство. О том, кто мы такие на самом деле, знало всего несколько человек, остальные не сомневались, что мы именно те лица, кого нам было поручено изображать. Но засекреченного места, где вы находились, мы тоже не знали.

Валленброк: Это моя идея, и она в конце концов должна была сработать. Мы выбрали место поспокойнее, где могли бы считать себя в полной безопасности. Сохранить свою жизнь — ведь это наш долг перед народом. Нельзя же оставить народ без руководства... Но все свинство было в том, что мы действительно оказались изолированы. А когда тело без головы, без мозга — хорошего не жди.

Эллиот: Да и разве можно было вообще что-либо предотвратить? Ведь уже выпущены были ракеты, уже распространилась эта пыль в атмосфере... нет, ничего поделать уже было нельзя.

Валленброк: Безвыходных положений нет, мы об этом еще поговорим.

Эллиот: А где вы находились все это время?

Валленброк: Ну, скажем, на некоем острове. Да, это можно назвать островом. Естественная крепость, хорошо замаскированная, можно сказать, неприступная. Там мы имели возможность в тишине разрабатывать свои планы и передавать приказы по подземному кабелю. Быть уверенным, что действуешь правильно, можно, только если уйдешь от повседневной суеты.

Эллиот: Вашим приказам подчинялись, ваши распоряжения исполнялись, но до нас доходила только малая их часть — лишь то, что годилось для публичных выступлений. Все делалось под строгим надзором секретных служб, и делалось так, как нам было приказано. Но потом, в самые последние дни... Бои подошли вплотную к самому Центру управления, мы слышали грохот разрывов... и наконец пришло последнее сообщение: руководители уничтожены, все погибли геройской смертью, исполняя свой долг.

Валленброк: Это сообщение продиктовал я сам. Мне удалось передать его перед самым уходом. Нельзя было допустить, чтобы руководство оставалось в руках

врагов. Они сделали бы с нами все что угодно, мало ли существует способов сломать человека. Видали вы когда-нибудь этих несчастных пленных, которых мы захватили? Лучше уж смерть, чем бесчестье! Я сам включил взрывное устройство: большая четверка не должна была оставаться в плену. Они все погибли: Эллиот Бурст, Эйнар Фергюссон и Катрин Блийнер. Обстоятельства порой вынуждают нас действовать решительно. И, конечно, думать о будущем... Я поставил часовой механизм на двадцать минут. Это было довольно рискованно — ведь я сам мог оказаться в поле действия взрыва.

Эллиот: А как вам удалось бежать?

Валленброк: Они уже ворвались в нашу цитадель, сняли охрану — вероятно, пустили в ход газы. Мы поняли это лишь тогда, когда к нам вбежал вестовой — и рухнул у наших ног. Мы, конечно, сразу же велели опустить стальные щиты, но это могло дать нам лишь отсрочку. Через системы телевизионного наблюдения мы видели, что происходит снаружи. Выхода не было.

Эллиот: Но для вас он все-таки нашелся?

Валленброк: В этом и заключается принцип многократной страховки... Да, вся хитрость в том, чтобы даже поражение превратить в победу. Я заранее обдумал все возможные варианты. Ведь эти укрепления строились под моим руководством. Никто не знал про одну шахту для пуска ракет, к которой вела потайная дверь в моей спальне. Никто, кроме меня. Никто не знал о взрывных устройствах. Я взлетел на ракете и добрался сюда. Вершины гор были еще безопасны — последние заповедники нетронутой природы. Вначале я собирался взять на себя руководство страной — ведь здесь я действительно нахожусь в безопасности. Люди, которые долбили эти скалы и сооружали подземное убежище, погибли в первые же дни войны после отчаянного рейда штурмовой группы. Я лично посылал эту группу. Они протянули сюда кабель и соединили его с общей коммуникационной сетью. Отсюда я мог бы снова отдавать команды, руководить действиями. Но тут-то я как раз и просчитался — связь была прервана. Может быть, произошел какой-то подземный сдвиг, может, атомный взрыв задел слои более глубокие,

чем мы ожидали? Когда я потом увидел, что землю окутал мрак, увидел эту непроглядную тьму, освещаемую лишь вспышками ядерных взрывов... я вынужден был признать, что первое сражение мы проиграли. Я понял, что моя задача — приготовиться к следующему. Воспользовавшись системой анабиоза, я пустился в одинокое странствие сквозь время; сопровождать меня должен был только Нерон — таково было мое решение.

* * *

Реконструкция событий, происшедших со 2 по 6 марта 2084 г.:

Как и другие помещения подземной крепости, телестудия была обставлена довольно скупой. Лишь одну стену задрапировали полотнищем с изображением головы орла, держащего в клюве оливковую ветвь, — герб Западного блока. Как раз под ним располагался пульт с микрофонами, при желании на нем можно было скрытно от телекамер держать текст выступления. Но этой возможностью пользовался один Эллиот, который плохо запомнил тексты и в свое время на репетициях частенько останавливался посреди выступления. Остальным же пульт служил лишь опорой или деталью внешнего оформления; Эйнар любил говорить, опираясь о пульт обеими руками, наклонясь вперед, словно хотел быть как можно ближе к своей аудитории. Рихард обычно стоял возле пульта, положив на него руку, — эта небрежная поза должна была демонстрировать его превосходство. А Катрин старалась встать так, чтобы пульт был у нее за спиной и чтобы лицо ее оператор подавал крупным планом, — уполномоченный секретной службы Каттегат обычно сердился из-за того, что она заслоняла таким образом орлиную голову. Это была, можно сказать, официальная часть наших апартаментов, другие были отмечены печатью временного пребывания: на голых стенах еще виднелись следы лазерной обработки, и всюду — переплетение про-

водов, труб, отопительных шлангов. На потолке было укреплено несколько прожекторов, справа и слева от телекамеры — два осветительных прибора, позади несколько откидных стульчиков с синтетической обивкой — вот и все.

В тот раз им с трудом удалось без помех довести до конца передачу — звуки сражения начали проникать и сюда, в это глубокое подземелье. Разрывы бомб и снарядов, гул взлетающих ракет — все это сливалось в единый глухой рокот, сквозь который иногда прорывались оглушительные удары. Чтобы продолжать работу в таких условиях, приходилось напрягаться изо всех сил и делать вид, будто ничего не происходит. Долгое время они чувствовали себя в полной безопасности на самом нижнем этаже этого подземного бункера — все остальные помещения находились над ними: и комнаты противовоздушной обороны, и продовольственные склады и арсеналы, и производственные помещения, и электростанции. Они занимались здесь самым важным делом, хотя и были всего лишь инструментом в руках правительства. О том, что происходит снаружи, они узнавали из официальных сообщений, не имея возможности подняться наверх. У них не было отдыха и не было никакого выхода — их охраняли и берегли так, словно они и в самом деле являлись членами правительства. О них заботились больше, чем о самых знаменитых ученых, инженерах и врачах, не говоря уже о деятелях искусства: о телережиссерах и актерах, о сценаристах и композиторах, в чью задачу входило демонстрировать единство в рядах руководства и поддерживать боевой дух народа. Они были до такой степени отгорожены от остального мира, что воспринимали внешние события не как реальность, а как некое подобие учебных маневров. Все, что они делали, совершалось как бы в полусне — ничего другого им просто не оставалось. Они выступали от имени Западного блока, не имея ни власти, ни даже представления о том, какие силы они приводят в движение.

Тем сильнее они были потрясены, когда оказались вдруг втянуты в события. Война добралась и до них. Они, правда, знали, что атаки и контратаки становятся все оже-

сточеннее, знали, что в этой войне не существует четкой линии фронта, что любой стратегический замысел за несколько дней может превратиться в абсурд, что всюду царит хаос, что с обеих сторон нарастает эскалация насилия с единственной целью доказать свое превосходство, и все же они были потрясены, ибо никто из них до сих пор реально не представлял современную войну. Они не предполагали, что боевые действия, несмотря на глубоко эшелонированную оборону, так быстро переместятся к самому центру страны, в районы с высокоразвитой промышленностью и большой плотностью населения, и тем более не могли себе представить, что противник проникнет в подземные укрепления, захватывая этаж за этажом, хотя соединявшие их шахты были снабжены автоматическими взрывными устройствами. Им пришлось убедиться, что самыми ужасными орудиями уничтожения, какие только способен создать человеческий разум, располагало не только их правительство — противник тоже обладал не менее мощной разрушительной техникой. В том-то и заключается одно из величайших несчастий этого мира: разрушать проще, нежели созидать.

Все это оказалось для них весьма неожиданным и потому потрясло сильнее, чем можно было предполагать: картонный домик их безопасности рушился с каждым днем. Разумеется, это можно было бы сказать обо всех, кто воевал, обо всех солдатах, оказавшихся перед лицом смерти вдали от родного дома; и все же тут было некоторое отличие. Осознание смертельной опасности иногда вызывает шок, для многих спасительный, — так, во всяком случае, утверждают военные психологи; человек, только что дрожавший от страха, ощутив себя на краю бездны, начинает бороться за свою жизнь. И тогда на смену равнодушию приходит ненависть к врагу, которая помогает мобилизовать все силы.

В информационном центре все было совершенно иначе. Им нельзя было показать ни малейшего волнения, когда они произносили свои речи и лозунги, нельзя было допустить ни малейшей неуверенности. Они должны были оставаться воплощением спокойствия, и когда однажды Эйнар, говоря о близкой победе, неожиданно закашлялся,

Каттегат заставил его заново отснять всю пленку, да вдобавок еще закатил ему выговор, который, вообще говоря, мог лишить Эйнара очередного повышения зарплаты. Но даже и тут сказалось их особое положение — этих четверых дублеров нельзя было наказывать. Напротив, для продолжения этой масштабной инсценировки необходимо было заботиться, чтобы у них сохранялось хорошее настроение; такие меры наказания, как наряд вне очереди или карцер, исключались. И хотя они прекрасно отдавали себе отчет в том, что сами они ничего не значат и что между ними и теми, кого они изображали, расстояние как между небом и землей, все же некий отблеск власти падал и на них, и все четверо с удовольствием давали это понятие ненавистным опекунам из органов безопасности. Одни пользовались своим положением больше, другие меньше, но так или иначе этим пользовались все. Эллиот добился для себя спецпитания, чтобы поддерживать — как он заявил — подобающую внешнюю форму. Эйнар любил гонять своих охранников, заставляя себя обслуживать и обслуживать, особенно когда готовился к передаче, причем удовольствие было не столько в том, что ему приносили напитки или ароматки, сколько в том, чтобы заставить всех дожидаться, пока будет удовлетворена его прихоть. Рихарду подобные забавы казались недостойными, зато он требовал, чтобы его обеспечивали всей необходимой ему литературой, и важные персоны из службы безопасности кидались разыскивать для него в заброшенных библиотеках какую-нибудь книгу о марионетках, театре теней или кукольном театре. А Катрин сумела выговорить для себя побольше свободного времени и не участвовала ни в утренней гимнастике, ни в вечерних поверках, ей удалось уклониться даже от занятий по военной физподготовке, сославшись на слабое здоровье, хотя по ее виду этого никак нельзя было сказать.

И вот всему этому настал конец, привычный ритм жизни нарушился, весь распорядок летел к чертям. Никто уже и думать не смел ни о вечерних поверках, ни о физподготовке, персонал, занимавшийся их обслуживанием и охраной, был сокращен до минимума, а те немногие, кто еще продолжал нести службу, начали нервничать и не

скрывали своего страха. Тексты сообщений, которые они получали, становились все более скудными, и по ним стало очень трудно судить о ситуации. Насколько можно было понять, большая часть земной поверхности была поражена радиоактивным излучением, плодородные поля в считанные дни превратились в пустыню, от наземных городов не осталось камня на камне, целые промышленные регионы лежали в руинах. Лишь отдельные укрепленные пункты еще продолжали держаться, да кое-где действовали подводные лодки. С этих немногочисленных уцелевших установок продолжали подниматься в воздух ракеты, хотя неизвестно было, долетают ли они до цели или, сбитые с курса путаницей радиосигналов, бесновавшихся на всех частотах, падают со своим смертоносным грузом где попало — лишь бы продемонстрировать видимость силы, которая с каждым днем оборачивалась все большим бессилием.

Людям разных наций на разных континентах все это преподносилось совсем по-другому, их все ожесточеннее натравливали друг на друга, и они, вопреки здравому смыслу, лишь тесней смыкались вокруг своих лидеров, призывавших их бороться до победного конца. Большинство этих людей погибло в первые же недели, от населения Земли осталась какая-то тысячная доля процента. Правительство заботилось в первую очередь о тех, кто был нужен для дела; им выделялись места в убежищах, чтобы они там могли работать во имя окончательной победы. Предусмотрительное правительство позаботилось и о том, чтобы не прекращалось производство продукции, необходимой для ведения войны. Хотя имевшегося оружия было достаточно, чтобы миллион раз уничтожить всю Землю, его продолжали выпускать, тем более что умельцы-изобретатели придумывали все новые и новые системы в надежде создать наконец что-нибудь такое ужасное, такое устрашающее, что сам факт существования этого оружия удержит врага от дальнейшей агрессии. В этом был главный смысл производства оружия.

Все остальные силы уходили непосредственно на военные действия. Люди воевали испокон веков и уже достигли в этом немалого совершенства. Величайшим достиже-

нием электроники было то, что она сделала возможным ведение войны с применением автоматики — так сказать, дистанционное управление военными действиями. Запускавший ракету мог находиться в надежно защищенном месте за много километров и стоять у пульта управления перед монитором, но он знал о том, что происходит, намного лучше, чем солдат на поле боя. Одним нажатием кнопки приводилось в действие сокрушительное оружие, бесчисленные автоматы-разведчики, размещенные в основном на спутниках, фиксировали передвижения войск, места их расположения, удачные или неудачные бомбардировки. А электронные системы принимали эту информацию и рассчитывали ход и последовательность дальнейших действий — функционировала великолепно налаженная обратная связь. Никто из высококвалифицированных специалистов, находившихся возле кнопок и рычагов, даже на миг не допускал мысли, что вся эта система может вдруг выйти из строя, что механизмы замрут, а боевые действия, координировавшиеся из Центра управления, станут неуправляемыми и вплотную приблизятся к уютным, теплым, оснащенным кондиционерами помещениям главного штаба и теоретики войны мгновенно превратятся в практиков самообороны.

Тем не менее это случилось. Четверке дублеров пришлось взять в руки автоматы, гранаты и огнеметы, извлеченные из красных металлических сейфов, на которых темнела надпись: «Резервное оружие службы безопасности». Части противника, преодолевшие с большими потерями полосу минных заграждений, автоматически стреляющих устройств, термитные ловушки и газовые зоны, были измотаны до предела. Тем сильнее ненавидели они вражескую элиту, всех этих штабных офицеров, этих тихих стратегов у пульта управления. Бои шли уже несколько недель, но только теперь, в самые последние дни, когда человечество уже стояло на пороге самоуничтожения, они дошли и до обитателей самых глубоких подземных нор. Впервые четверо дублеров почувствовали, что, возможно, им самим придется вступить в бой с врагом. Но настоящий ужас охватил их, когда стало известно, что весь генеральный штаб Западного блока — Эллиот Бурст со свои-

ми сотрудниками — погиб во время очередной вражеской атаки. Теперь уже никто не мог указать им, что делать, — каждый был предоставлен сам себе.

В последние дни на нашу страну обрушилась лавина бомбардировок, враг пустил в ход свои последние резервы, большинство наших городов разрушено, поступили сообщения о многочисленных жертвах. Но если кое-кому из малодушных кажется, что зло взяло верх над добром, я скажу им, и история подтвердит мою правоту: мы отнюдь не разбиты. В то время как враг исчерпал все свои резервы и его население парализовано нашими ответными ударами, мы по-прежнему способны защищаться, наши возможности далеко не исчерпаны. В подземных шахтах стоят наготове наши ракеты, они будут выпущены против орд агрессора, и мы не откажемся от своей миссии защитников культуры, покуда уцелел хоть один камень. Наши резервы — это железная воля наших воинов и выдержка нашего гражданского населения, которое продолжает мужественно выполнять свой долг. Залог же нашей победы — в той сфере, где соединяются начала духовное и материальное: в таланте наших инженеров, в превосходстве технического знания, в наследии тысячелетней культуры. Взаимодействие этих двух начал позволило нам создать оружие, которого мы еще не применяли. Из уважения к человеческой жизни мы решили применить его только в самом крайнем случае, однако мы предупреждаем неприятеля: если у нас не останется другого выхода, мы медлить не станем, мы полны решимости добиться окончательной победы, чего бы нам это ни стоило.

Когда они собрались в студии, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию, Рихард держал в руках текст обращения, который он должен был зачитать. Пока остальные перебрасывались фразами, свидетельствовавшими об их растерянности, он ломал голову над тем, что делать

с этим текстом. Политические лидеры, втянувшие мир в войну на уничтожение, мертвы, а люди, доверчиво смотревшие им в рот, когда они произносили свои речи, верившие каждому их слову и исполнявшие любой их приказ, пусть даже ошибочный, готовые пожертвовать всем, вплоть до собственной жизни... эти люди сразу почувствовали себя осиротевшими, как только лишились идейного руководства. Столь безусловно было их доверие к этому руководству, столь сильна была преданность ему, а главное, зависимость от него — хотя не было никакого смысла исполнять отданные, в сущности, уже посмертно приказы, не было смысла в этой драматичной преданности, в этой верности мертвым владыкам. Может, они вели себя так, просто чтобы не допустить гибельного малодушия, полного бессилия и окончательного краха?

Тогда-то и возникла эта безумная, но в то же время сулившая надежду идея, которая могла решить судьбу страны и одновременно — всего человечества, не говоря уже о судьбах четверых человек, которым секретная служба поручила особую миссию. Полученное сообщение было абсолютной тайной для всех и предназначалось лишь для самого узкого круга людей, которые постоянно поддерживали связь с главным штабом. Больше никто не знал о гибели руководства. Даже люди из ближайшего окружения, которые участвовали в обороне студии и решили защищать до последней капли крови президента и его соратников, не подозревали о случившемся, не говоря уже о тех, кто воевал на других континентах, — все продолжали считать четырех комедиантов своими вождями и руководителями, и в этом была своя правда, поскольку передачи продолжали с большей или меньшей регулярностью выходить в эфир. Конечно, всем четверым было ясно, что теперь готовые тексты перестанут к ним поступать, но не так уж трудно сочинить их самим — интонацию менять не надо, содержание давно известно, так что приспособиться к конкретной ситуации не так уж трудно.

Не успел Рихард продумать все до конца, как раздалась целая серия взрывов. Они были уже не глухими и отдаленными, они слышались совершенно отчетливо, от них содрогалась земля — видимо, рвалось где-то совсем

близко. Тут же включился громкий сигнал тревоги, а еще через несколько секунд к ним вбежал Каттегат и, задыхаясь, сообщил, что в нескольких сотнях метров отсюда, в шахте, ведущей на верхний этаж, откуда открывается единственный доступ к этому залу, уже идет бой — ударные отряды противника рвутся сюда.

В соседнем помещении собрались сотрудники безопасности, они приступили к осуществлению плана, разработанного на случай чрезвычайной ситуации. Не в пример другим военным, служившим в армии, авиации или во флоте, которым постоянно приходилось иметь дело со сложной техникой, эти люди были обучены в лучшем случае приемам рукопашного боя, и достаточно было взглянуть хотя бы на охранника у дверей, чтобы понять, что со своим оружием они обращаться умеют. Каттегат окинул быстрым взглядом свою команду, убедился, что они готовы, и дал им знак выступать. Они исчезли за стальными дверями, которые открывались на короткое время лишь после набора цифрового кода, менявшегося каждый день. Осталась лишь небольшая группа штатских, тоже, впрочем, числившихся здесь на военной службе. Среди них были два телевизионных техника, оператор и руководитель съемок, одна парикмахерша, она же гримерша, и еще несколько человек из обслуживающего персонала. По мере того как взрывы раздавались все чаще и ближе, люди постепенно собирались в столовой, единственном, если не считать телестудии, просторном помещении.

С первых же слов их беседы стало ясно, что отношения внутри группы изменились. Эллиот, Эйнар, Рихард и Катрин, как их по-свойски называли в этом кругу, всегда занимали здесь особое положение — хотя бы потому, что все хлопотали в основном вокруг них. При этом подразумевалось, что роль четверки в этой большой игре — подчиненная и, хотя они выполняют важную задачу, прав у них не больше, чем у парикмахерши или повара. Подлинными руководителями были сотрудники безопасности во главе с Каттегатом. Но теперь, когда они оказались предоставлены самим себе, становилось все больше заметно, что дублеры выдвинулись на первые роли, они как

бы остались здесь в качестве заместителей — вплоть до особого распоряжения, как будто исчезновение первых лиц в государстве обозначило некий новый самостоятельный этап — заняв место ушедших, они взяли на себя и всю ответственность. Рихард не захотел ни с кем этого обсуждать, но у каждого из четверых появилось такое чувство, будто теперь дело дошло и до них и положение четверки странным образом изменилось — все ждут от них чего-то.

Где-то за стенами раздался новый, особенно сильный взрыв, за ним — короткий скребущий звук, потом все стихло.

Они молча прислушивались. Тишина действовала на нервы сильнее, чем взрывы. Прошел почти час, бездействие становилось невыносимым. Первым, кто (пусть и не сразу) вошел в свою новую роль, был Эллиот. Он составил ударную группу из четырех человек: он сам, Рихард, повар Сильвиано и Блюм, телеоператор. Они достали из металлического красного сейфа автоматы, ручные гранаты и, быстро распределив обязанности, подняли стальную пластину, закрывавшую вход. В лицо дохнуло пыльным горячим ветром, запахло жженой пластмассой и паленым мясом. Освещение было отключено, но коридор был наполнен словно бы серебристым туманом — свет исходил от радиоактивной светящейся краски, широкой полосой тянувшейся по потолку.

Они медленно продвигались вперед, с оружием на изготовку, стараясь держаться плотней, словно надеялись найти друг у друга защиту. Видно было лишь на несколько метров вперед — каждый почувствовал какую-то смутную угрозу: под ногами поскрипывала каменная крошка, которая покрывала пол все более толстым слоем; сильнее становился запах горелого, впереди что-то пощелкивало и журчало... и наконец они услышали тихий протяжный стон.

Все замедлили шаг. Перед ними вдруг открылась картина разрушения. Это было то место, где коридор переходил в шахту, здесь находились самая нижняя площадка лифта и первая площадка винтовой лестницы, которой практически никто не пользовался. Ничего этого теперь не осталось — все было в развалинах, всюду валялись

обломки камней, металлическая арматура, искореженные двери, перепутанные провода, обрывки кабеля, трубы, а надо всем этим висело, оседая, облако пепла и пыли, осыпавшейся тут и там тонкими струйками, видимо, из горловины шахты, и горелая пенистая пластмасса медленно оседала, шипя.

Опустив оружие, они попробовали найти проход, ткнулись туда, сюда... и тут снова услышали стон. Он шел откуда-то слева, со стороны стены, заваленной обломками... опять ненадолго прервался, потом до них донесся полузадушенный голос, и все-таки можно было разобрать слова:

— Я тут... меня зажало... ох... о-ох...

Они осторожно стали разбирать обломки. Скоро показалась рука человека в военном мундире, потом плечо, наконец им удалось высвободить и голову. Это был Каттегат, он лежал головой вниз, грудь его была придавлена обвалившейся опорой—вытащить его из-под бетонной глыбы не было никакой возможности.

Лицо Каттегата под шлемом, на котором еще можно было различить эмблему головы орла с оливковой ветвью, было совершенно белым.

— Господин президент... разрешите доложить... они хотели прорваться... Нам пришлось... в последний момент... взорвать... Удалось... заблокировать... вход... Сюда... не сможет никто... Вы в безопасности... Господин президент... Какие будут... дальнейшие приказания?... Мы готовы бороться до конца... За вас... господин президент... и за блок...

Он мучительно закашлялся.

— У него раздавлена грудная клетка.

Сильвиано попробовал сдвинуть опору, придавившую Каттегата, но едва он ее тронул с места, как сверху с шумом посыпались новые обломки бетона.

Губы Каттегата снова зашевелились, он заговорил едва слышным, свистящим шепотом, и им пришлось к нему наклониться.

— На случай... чрезвычайных обстоятельств... секретный документ... подготовлен для вас... у меня в нагрудном кармане... магнитный ключ...

Он пытался еще что-то сказать, но губы его уже не слушались. Из рта у него потекла струйка крови, он поднял голову, плечи его вздрогнули в последнем порыве...

Рихард уже ощупал его нагрудный карман, открыл застегжку-молнию... там оказалась пластинка...

Возможно, последнее отчаянное движение Каттегата нарушило неустойчивое равновесие нагромодившихся один на другой обломков. Раздался тихий скрежет, посыпался песок... и они едва успели отскочить в сторону...казалось, будто гигантский кулак вдавил в шахту все, чем она была завалена, из горловины хлынули обломки бетона, куски металла, пластмассы, взметнулось удушливое облако и закрыло все.

Они поспешно опустили маски противогазов и смотрели на этот обвал, пока еще ничего не различая в густой пыли.

Кто-то крикнул сдавленным голосом... это подействовало, как команда, все ринулись назад, ударяясь о стены, скользя по саже, толстым слоем покрывавшей пол. Наконец пыль осела и воздух снова стал прозрачным. Оказалось, что герметичная стальная дверь выдержала ударную волну. Едва дождавшись, пока стальная плита поднимется, они проскользнули под нее и тотчас опустили за собой снова. Они побросали оружие и, подняв маски противогазов, стали жадно ловить воздух. Они задыхались, они были глубоко потрясены; кто-то, обессилив, прислонился к стене, кто-то опустился на стул. Их окружили, желая узнать, что они там видели... Однако понадобилось еще несколько минут, прежде чем Эллиот сумел кое-как, торопясь и захлебываясь словами, обрисовать им положение.

Понемногу все пришли в себя и стали обсуждать ситуацию.

— Непосредственная опасность нам пока не грозит, — констатировала Катрин. — Источники энергии у нас тут свои, свет и электричество есть, отопление работает. А продовольствия столько, что можно продержаться чуть ли не целый год.

— Попасть сюда можно только через шахту. Чтобы спуститься по ней, надо ее расчистить. Не знаю, сколько

для этого нужно времени, но, думаю, не меньше нескольких дней.

— Проход легко оборонять,— сказал Эллиот.

— Как ты это себе представляешь? Думаешь, они кинутся его штурмовать, а мы будем отстреливаться? Тебе явно недостает фантазии. Да они могут нас просто выкурить, затопить, отравить или облучить... могут напустить сюда болезнетворных бактерий, привести в действие взрывные устройства. Захотят—могут сбросить на нас атомную бомбу и превратить все, включая горы вокруг, в одну огненную кашу...

Эйнар готов был, кажется, продолжать свой перечень, но у него перехватило дыхание. Он расстегнул воротничок, как будто он его душил, и согнулся пополам, сидя на стуле.

— В таком случае нам даже не придется воспользоваться всеми этими продовольственными запасами.

— Ну, так что же нам делать? Теперь мы сами себе хозяева, некому нам больше указывать.

— Секретный приказ!—Рихард нашарил в кармане куртки металлическую пластину Каттегата. Он вынул ее и показал всем.—Кто говорит, что для нас не существует больше приказов?

— Плевать нам на все приказы!

— И то верно. Какой теперь в них смысл?

— Но, может, там указан выход? Надо посмотреть. Вдруг там именно то, что нам сейчас нужно?

— Наверное, молитвенник,—сказал Эйнар. Собственная шутка показалась ему очень удачной, и он разразился хриплым смехом.

— А что, в самом деле, надо посмотреть. Чем это нам грозит?

Эллиот, Рихард и Катрин принялись искать замок, для которого предназначался магнитный ключ. Задача эта оказалась несложной. В студии они скоро наткнулись на вмурованный в стену ящик, крышка которого отскочила, едва Рихард сунул в щель магнитный ключ. Внутри оказался конверт с надписью: «Секретный приказ 2603—вскрыть в случае чрезвычайной ситуации».

— Сейчас как раз и есть чрезвычайная ситуация,—

сказал Эллиот и надорвал конверт. Там оказались листки огнеупорной бумаги, где подробно описывался доступ к секретному сектору этого подземного убежища. Эллиот уселся на кровать, остальные, заглядывая через его плечо, тоже стали читать. В начале было разъяснение, как открыть дверь из Центра управления; для этого нужно было применить цифровой код, получавшийся путем специальных вычислений из регистрационных номеров доверенных лиц. Дальше следовали указания относительно того, в каком порядке покидать Центр управления, и о том, как обращаться с цифровыми данными, которых, однако, здесь не было.

Не успели они дочитать до конца, как ворвался Блюм с известием, что за стальной дверью со стороны коридора слышен непонятный шум. Все опять побежали в столовую; Эллиот на ходу сложил бумаги и спрятал в карман. Все прислушались: за дверью то нарастал, то затихал равномерный тревожный скрежет и грохот.

— Этого можно было ожидать... но не так скоро!

— Что там?

— По всей вероятности, бурильная установка. Они решили даже не возиться с расчисткой шахты.

— Сколько у нас еще времени?

— Смотря для чего...

Рихард прильнул ухом к стальной двери и вместе с глухим звуком бурения услышал еще другой: что-то трещало и сыпалось.

— Видимо, они пробурили сначала скважину, а теперь хотят ее расширить.

— Значит, ни затоплять, ни травить газом нас не будут?

— Похоже, хотят взять нас живыми. Они ведь считают, что мы и есть Большая четверка.

Шум на минуту замолк, но потом возобновился с еще большей силой, сопровождаемый грохотом обваливающихся камней.

— Пора наконец что-то предпринять.

— Что именно?

Эллиот достал из кармана бумаги.

— Можно просто положиться на судьбу и ждать:

глядишь, ничего особенного с нами и не случится, мы ведь, в конце концов, не те, кого они надеются тут найти. Но есть и другой вариант.— Он постучал пальцем по бумаге.

— Дай взглянуть! — Рихард протянул руку, расправил листы и стал их просматривать.— Тут указаны пути для прохода... некоторые магнитные замки и цифровые коды к ним... А вот еще какой-то план... Танцевальный зал, плавательный бассейн, винный погребок... Что это может быть?

Остальные тоже склонились над листами, пытаются понять, что здесь изображено.

— Слишком роскошно.

— Может, это условные обозначения?

— А вот этот чертеж — смотрите... явно что-то техническое.

— Какой смысл гадать! Давайте посмотрим сами, все равно ничего другого нам не остается!

Рихард огляделся, прикинул расположение комнат и сравнил с планом.

— Проход должен быть там!

— Ага! Вот и кнопки. Ну-ка попробуем: 713 1083299.

Едва Катрин набрала все цифры, часть передней стены отошла в сторону. Они прошли несколько метров и остановились перед следующим препятствием. Это был бетонный блок, плотно закупоривший проход. Справа перед ним на стене виднелась панель с кнопками.

Сзади послышался крик. К ним бежал взволнованный Блюм.

— Снова заработала радиосвязь! Идите скорей, вызывает Верховное командование Южного фронта. Просят позвать Бурста или Валленброка, немедленно!..

Оба застыли на месте в нерешительности. Но Блюм не дал им времени долго раздумывать.

— Кажется, там произошло какое-то важное событие... может, мы добились победы в Африке.

— Пусть один из вас пойдет к телефону,— сказала Катрин. Ее слова вывели обоих из оцепенения, и они направились вслед за Блюмом в студию. Там их ждал Сильвиано с телефонной трубкой в руке.

Эллиот назвал себя, прислушался. Связь была скверная, но слова можно все-таки разобрать:

— Нам удалось сбросить водородную бомбу типа «Суперкилл» на ракетные базы в районе Килиманджаро — они выведены из строя. Но положение наше крайне опасно: десантные отряды черных сжимают вокруг нас кольцо. Противник имеет превосходящие силы, наше оружие дальнего действия в этих условиях бесполезно. Как прикажете действовать?

Эллиот, побледнев, прислонился к пульту.

— Видите ли... отсюда трудно...

Собеседник не дал ему договорить, а может, просто не слышал его.

— Попробовать прорваться? Шансы невелики. Или защищать свои позиции? Мы готовы держаться до последнего.

Телефон был подключен к громкоговорителю, так что разговор слышали все. Что делать?

Эллиот прикрыл трубку рукой.

— Сказать ему всю правду? Объявить, что я не президент?

— У нас нет времени объясняться, да он и не поймет.

— Им надо сдаваться. Другого выхода у них нет. Сопротивление — это смерть.

— Войска нашего блока в плен не сдаются! Тем более командиры!

— Значит, прорываться?

Эллиот немного подумал, потом произнес в трубку:

— Вы офицер нашего блока и знаете, какая ответственность лежит на вас. В подобных ситуациях вы должны принимать решение сами — в соответствии с поставленной перед вами задачей. Выполняйте свой долг! Все!

Эллиот, не поднимая глаз, положил трубку на рычаг. Остальные молча стояли вокруг.

— Господи! — Эллиот вдруг стукнул кулаком по пульту. — А что мне было делать? Сопротивление — это смерть. Если они попробуют прорваться, тоже погибнут. Сдадутся — все равно они обречены.

Трое его товарищей молчали, никто не мог подсказать никакого иного решения. Как ни странно, Эллиота подержал Блюм.

— Все правильно, в такой момент единственное, что можно сделать,— это приободрить солдат. А теперь надо попробовать связаться с другими частями. Может, вам удастся организовать оборону.

Эллиот, явно ничего не понимая, уставился на него.

— Мы люди не военные,— сказал Блюм,— но мы делаем все, чтобы продержаться подольше. Нельзя оставлять армию без руководства, бросать ее на произвол судьбы. Каждый обязан сделать все, что от него зависит. Сейчас я выберусь наружу и приготовлю огнеметы. Пусть только сунутся—мы устроим им хорошую встречу.

— Что он говорит?— обернулся Эллиот к своим спутникам.

— Бред собачий!— возмутился Эйнар.— Единственное, что нам остается,— это осмотреть задние помещения. Если вообще есть какой-то выход из положения, он только там.

Остальные согласились с ним и вернулись назад. Они освободили проход, отодвинув бетонный блок, затем отключили систему фотоэлементов и разрядили несколько минных устройств— все это с помощью цифровых кодов, указанных в инструкции. Наконец они оказались перед прямоугольным проемом, который был просто заклеен обоями. Никаких указаний на этот счет в инструкции не было, и Рихард просто, пнув ногой, прорвал обои и заглянул внутрь. Можно было ожидать здесь какой-нибудь хитроумной ловушки. Однако ничего не произошло. Оборвав все обои, они вошли в проем и оказались в зале, тоже вырубленном в монолитной скале, как и все другие помещения нижнего этажа, но только здесь это было трудно обнаружить. Казалось, они очутились в одном из правительственных апартаментов, так хорошо знакомых по телевизионным передачам, там проводились обычно официальные встречи и дипломатические приемы. Своды огромного зала опирались на мраморные колонны, стены были украшены каменными барельефами с символами разных

родов войск; одну стену занимала громадная картина, изображавшая Сталинградскую битву — и предостережение, и боевой клич. Мебель темного дуба была небрежно расставлена по залу, пустые простенки закрывали толстые ковры, где преобладали светло-синий, белый и черный тона. Судя по всему, зал служил для официальных торжеств, тогда как остальные помещения использовались в качестве частных апартаментов. Они, без сомнения, предназначались для четырех руководителей страны. Танцевальный зал с большим камином, плавательный бассейн с искусственным прибоем, винный погребок и холодильник с батареями черно-зеленых и темно-красных бутылок... все это казалось сейчас таким странным и неожиданным... Однако всеобщее внимание привлекло еще одно помещение, которое было обставлено совсем иначе: нечто среднее между машинным залом и механической мастерской. В глубине на возвышении, куда вело несколько ступеней, стояло металлическое устройство неизвестного назначения, перед ним — рабочие пульта, как у подъемных кранов и металлообрабатывающих станков.

Бегло осмотрев остальные помещения, они, не стовариваясь, остановились перед холодно поблескивающим, загадочным сооружением.

Эллиот подошел к среднему пульту, мгновенно сориентировался и включил главный контакт. На консолях замигали огоньки, засветился большой экран с зеленоватой надписью: «ОТСЧЕТ КОМАНД ДЛЯ ПРИВЕДЕНИЯ СИСТЕМЫ В ДЕЙСТВИЕ».

— Вот оно! Я так и подумал, только не хотел говорить...

— Оружие! Чудо-оружие...

— Я не знал, существует ли оно на самом деле... думал, это просто хитрость, маневр, чтоб поддержать в людях надежду.

Что-то щелкнуло, и из невидимого громкоговорителя послышался голос — безликий и в то же время удивительно живой:

— Дополнение к секретному приказу две тысячи шесть-

сот три. О вводе в действие программы ETERNITY¹ — инструкция на случай вторжения в Центр вражеских войск. Включайте отсчет команд! Внимание, это приказ! Приведите систему в действие — это ваша последняя возможность добиться победы.

Снова наступила тишина. Затем на экране появился квадрат, а рядом светящаяся надпись:

СПИСОК 1: ГЕНЕРАТОРЫ.

Ниже шли ряды каких-то данных, сокращений и цифр.

Все поняли, что у них в руках сейчас разрушительный механизм, самый совершенный из всех когда-либо созданных человеком... Гигант пока еще дремал, но уже появились первые признаки пробуждения! Теперь надо было сравнить символы с данными на консолях, повернуть рычаг, установить нужные параметры, нажать клавиши... все этапы операции были обеспечены сложной, отлично разработанной страховкой, гарантировавшей от всяких случайностей. Человек, которому предстояло принять решение величайшей важности, должен был сохранять ясный разум и обладать достаточным терпением для этой бессмысленной на первый взгляд игры, которая должна завершиться «большим взрывом». Если уж миру суждено погибнуть, пусть все будет сделано обдуманно, ибо просто нет сейчас другого выхода, только этот, последний и неизбежный...

Они не заметили, как в зал вбежал Блюм. Он принес свежие новости и совершенно растерялся, услышав слова о «последнем выходе».

— Последняя возможность... последнее спасение... Только что сообщили... Черный блок... Они пустили в ход свое самое страшное оружие. Может быть... может, мы сумеем их опередить!

Никто еще не успел осмыслить этих слов, как сзади опять послышались шаги. Это был Сильвиано.

— Они прорвались, — кричал он на бегу, — они уже возле самых дверей!

Блюм обернулся к нему.

¹ Вечность (англ.).

— Так почему же вы не обороняетесь? — заорал он. — Почему не стреляете?

— Они выставили ультиматум! Мы должны выдать им... этих...

Он запнулся и обвел взглядом четверых...

— У нас уже нет времени, — сказал Эллиот. — Нужно принимать решение немедленно. Если они пустили в ход свое оружие, мы тоже должны это сделать. Ничего другого просто не остается. Вы согласны со мной?

Он обвел всех взглядом, понимая, что невозможно в считанные секунды принять столь важное решение.

— Раз нам уже нечего терять, пусть будет так, — сказал Эйнар.

Рихард кивнул в знак согласия. Катрин словно оцепенела — она не шелохнулась с того самого момента, как до нее дошел смысл сказанного Блюмом. И вдруг словно очнулась.

— Надо кончать, — сказала она.

— Сколько вам потребуется времени? — спросил Блюм.

— Не могу сказать, — ответил Эллиот. Он окинул взглядом экран, кнопки и тумблеры. — Мы ведь незнакомы с этой системой, только начинаем разбираться. И все же надо попробовать. Идите!

— А что им ответить? — спросил Сильвиано.

— Что мы отклоняем ультиматум! — сказал Блюм. Однако Эйнар возразил ему:

— Нужно выиграть время. Я попробую вступить с ними в переговоры. Может, удастся объяснить им, что мы вовсе не те, кого они ищут. К тому же я в технике все равно разбираюсь хуже вас.

И, не дожидаясь ответа, он исчез вместе с Блюмом и Сильвиано.

Эллиот сел перед экраном, следом за ним уселись и все остальные, они пытались разобраться в светящихся строках. Вскоре им удалось установить, что различные элементы управления обозначены сокращениями из нескольких букв; это позволило определить, какие тумблеры надо включить, и, словно в подтверждение, на экране появилась новая надпись:

СПИСОК 2.

А ниже — следующая серия указаний.

Они работали сосредоточенно: нажимали кнопки с цифрами, поворачивали рукоятки, и каждый раз что-то сдвигалось в находившемся перед ними устройстве: поворачивалось колесо, поднималась металлическая плита, отодвигалась в сторону какая-то крышка, начинал вращаться валик.

Они добрались уже до СПИСКА 50, когда послышался глухой взрыв. Казалось, содрогнулась земля.

— Значит, нам все-таки удалось выиграть несколько минут, — сказал Эллиот. — Я беспокоюсь за Эйнара. Вы продолжайте, а я пойду взгляну, что там происходит.

В зале остались лишь Рихард и Катрин. Они молча ждали. Снова дрогнула земля, а затем послышалось несколько взрывов, с каждым разом они грохотали все ближе и ближе.

Затем раздались шаги. В дверном проеме появились Эллиот с Эйнаром, оба потные и запыленные.

Эллиот снова занял свое место.

— Скорее, надо продолжать!

— С переговорами ничего не вышло, — пояснил Эйнар. — Они не захотели мне поверить. Я спрятал на теле передатчик, чтобы нашим было все слышно. И они вытащили меня оттуда, когда я уже не надеялся остаться в живых. Наши просили передать, что готовы держать оборону столько, сколько понадобится, чтобы мы могли выполнить свою задачу.

— Ну и хватит об этом, — оборвал его Эллиот. — Давайте последим повнимательней, должно быть, в последний приказ вкралась ошибка. — На экране и в самом деле засветилась надпись ERROR¹. — Я сотру последнюю строку — надо повторить снова шестьдесят первый раздел.

¹ Ошибка (англ.).

Несмотря на грохот разрывов, который становился все громче и все ближе, они продолжали ожесточенно работать. К моменту, когда Эллиот крикнул, что осталось выполнить еще три приказа, стены зала задрожали, с потолка посыпалась штукатурка, и Катрин принесла всем шлемы, которые они обнаружили в соседней комнате среди прочего оборудования. Они надели шлемы и продолжали работать как одержимые. Особенно много времени заняла расшифровка знаков, касавшихся системы управления — люди подготовленные привели бы ее в действие в считанные минуты. И ни один из них даже не задумался над тем, что, собственно, произойдет, когда они закончат. Но нельзя же было сидеть и дожидаться, когда вражеские солдаты ворвутся сюда или рухнут своды над головой. Сейчас они не думали о будущем, они с нетерпением ждали той минуты, когда будет отдан последний приказ RUN¹. Но это было еще впереди.

Внезапно зал наполнился белым туманом, удушливый запах окутал их, и они потеряли сознание.

Когда они пришли в себя, то узнали, что прошло двести лет. Со всем, что предшествовало этому пробуждению, каждый должен был справиться в одиночку: с чувством холода, оцепенения и беспомощности, с головокружительным ощущением, будто ты паришь в безвоздушном пространстве, — и с сознанием того, что случилось непоправимое.

* * *

Реконструировать ход событий — занятие и нелегкое, и безрадостное. И дело вовсе не в том, что воспоминания наши со временем тускнеют — многие из нас предпочли бы, чтобы они вообще стирались без следа, ведь вместе с воспоминаниями оживает и все, что с ними связано, а значит, возрождается мучительное, гнетущее чувство безысходности, обреченности и вины. Когда мы лихора-

¹ Пуск (англ.).

дочно работали, нам было не до ощущений, но теперь у нас оказалось достаточно времени, чтобы заново все перебрать в памяти, и чем больше мы углубляемся в это занятие, тем больше убеждаемся, что все было сделано не так, а как надо было — никто из нас не знает.

Валленброк вел беседу так, словно это было судебное разбирательство, где он выступал одновременно и в роли прокурора, и в роли судьи. А мы безропотно подчинились, даже не позволяя себе высказать свое нынешнее отношение к происшедшему, потому что малейшее возражение приводило его в ярость. Он хотел знать все подробно, вникал в каждую мелочь и все время злился, что мы действовали недостаточно четко. Конечно, о своих делах мы могли поговорить и без него, когда обедали наверху, в столовой — он ведь предпочитал наслаждаться в одиночестве своими консервированными деликатесами. Но от таких разговоров не было никакого толку.

Валленброк строго следил за тем, чтобы мы соблюдали распорядок дня. Во время обеденного перерыва он обычно поднимался к себе и — если позволяла погода — поручал Эллиоту полчаса прогуляться с собакой на воздухе. Мы наблюдали в окно за этим забавным спектаклем. Чтобы не замерзнуть, Эллиот надевал скафандр, в одну руку брал ледоруб, который заменял ему палку, на другую наматывал конец поводка Нерона. Этому холод был, казалось, нипочем, и он на своих четырех лапах был куда устойчивей, чем Эллиот, которого пес частенько волочил за собой по скользкому льду. Тот пытался остановить Нерона, дергал за поводок; в результате оба валились на лед, мешая друг другу подняться.

Никто не попытался оспорить приказ Валленброка, и я не без стыда ощущал, как глубоко сидит во мне эта покорность перед властью имущими, даже когда власть эта стала эфемерной. Может, все дело в нашей присяге? Конечно, нас пригнали на присягу, как ведут овечье стадо на бойню, но все-таки мы присягнули, а это значит, что мы не только обязались хранить верность правительству, но — что еще важней — поклялись друг другу в том, что у нас общие взгляды, общие цели и что мы можем друг на друга положиться.

С другой стороны, мы утешали себя тем, что в любой момент можем отказаться от этого сотрудничества. Сейчас мы, так сказать, по доброй воле согласны выполнять распоряжения Валленброка — прежде всего потому, что сами хотим разобраться в прошлом. Разве не для того мы сюда собрались? Во всяком случае, Эйнар, Катрин и я последовали призыву Эллиота именно ради этого. Конечно, невелико удовольствие вновь подчиняться военной дисциплине, да еще после такого долгого перерыва, но мы ведь и не рассчитывали, что нас здесь ждет беззаботный отдых. Да, положение было не из приятных и даже, если угодно, довольно комичное, но ведь у нас не было более быстрого и удобного способа разрешить все проблемы. Валленброк свое дело знал, он учитывал мельчайшие детали и, если возникало едва заметное противоречие, немедленно требовал, чтобы ему снова пересказали тот же эпизод, вникал во все подробности, а как только чувствовал, что от него хотят что-то утаить, настойчиво добивался откровенности. А рядом с ним, словно немой свидетель, постоянно был пес Нерон, следивший за тем, чтобы все беспрекословно подчинялось его хозяину. Стоило кому-то из нас просто повысить голос, как шерсть на загривке у пса вставала дыбом и он издавал глухое грозное рычание. Казалось, Валленброку это очень нравилось — он с явным удовольствием давал псу возможность выразить свои чувства, а потом, положив руку ему на загривок, успокаивал своего верного стража.

К вечеру четвертого дня мы добрались до событий самых последних часов. Валленброк, по своему обыкновению, и тут не оставил без внимания ни малейшей детали.

Валленброк: Попросту говоря, вся эта история мне очень не нравится, это явное свидетельство неудачных действий, растерянности, неподчинения — да-да, неподчинения. Конечно, никто не сопротивлялся открыто, никто не отказывался выполнять приказ, но во многих пунктах, на первый взгляд незначительных, инструкции оказались нарушены. Сколько времени, например, ушло попусту на все ваши споры! А ведь в инструкции прямо сказано, что,

если начальник погиб или связь с командованием прервана, руководство берет на себя старший по званию. И какие-либо словопрения по этому поводу исключаются. Все ваши рассказы свидетельствуют о поразительной расхлябанности.

Кроме того, я заметил, что каждый из вас пытался приукрасить свои поступки и опустить все, что могло бы вызвать упрек. Отсюда расхождения по некоторым пунктам, смазывающие картину, которую я хотел бы для себя составить.

Я по природе человек не мелочный, но каждый раз вновь и вновь убеждаюсь, что солдат надо муштровать так, чтобы они во всем беспрекословно следовали инструкциям, не исключая мелочей даже тогда, когда смысл приказа им непонятен.

Повторяю, я человек не мелочный, но тут особый случай, здесь нет вещей мелких или маловажных. Один этот час, решительный час, должен был подвести, можно сказать, итог всей войне. Все было тщательно подготовлено, и присутствие или отсутствие представителей высшего руководства ничего не меняло — провал исключался. И тем не менее план не сработал — наше оружие не было пущено в ход.

Да, оно не было пущено в ход, и я хочу выяснить, в чем дело. Война охватила все континенты, нейтральных не оставалось, каждый должен был примкнуть к тому или другому блоку. События достигли кульминации, решалась судьба планеты. И тогда противник пустил в ход последнее средство — мне доложили об этом. Результатом стало обледенение Земли, но ничего другого черным не оставалось. Вы сами видите, наступил новый ледниковый период, вся жизнь на планете замерла — враг торжествует. Да, это так, и пусть людей в живых осталось совсем немного — это будет запечатлено на страницах истории: последний удар нанесен Черным блоком. Последний удар! А ведь и мы оказались не безоружны. Оружие наше было уже наготове. У нас имелось средство против обледенения! Это было бы поистине титаническое зрелище, достойный финал величайшей битвы в истории человечества: жар против холода, огонь против льда — последняя

молекула воды испарилась бы и унеслась в пространство. Свет против тьмы, добро против зла... Вот каков должен бы быть финал, наше последнее свершение: пусть погибло бы все, но мы спасли бы свою честь! Ибо честь солдата превышает жизни и смерти.

Но какое вам дело до чести! Вы не понимаете, что значит уйти в вечность с достоинством! Мы делали ставку на победу, но не исключали и возможности поражения. Но поражения, которое отнюдь не означало бы подчинения, оккупации, разорения, рабства, оно означало бы всеобщую гибель. И речь шла только о том... Но к чему я все это говорю?!

Хорошо, что нам удалось здесь собраться, что именно мы остались в живых: я — человек, который постарается, чтобы мы вошли в историю единственным достойным нас образом, и вы — люди, у которых все было в руках. Вы свою задачу не выполнили! Вопрос только, почему? Малодушие, страх... да, эти человеческие слабости тоже учитывались, этим можно объяснить ваше замешательство, но не отказ от последнего шага! Вот чего я не могу понять. Действительно ли в мой план закралась ошибка и я чего-то не учел? Неужели величайшая историческая минута и в самом деле зависит от смехотворной детали — человеческого поведения? Я не могу в это поверить, я не хочу в это верить. Думаю, что наверняка было еще что-то, о чем вы умалчиваете, и доказательство тому — сам факт, что вы живы! Откуда-то вдруг появился туман, дурманящий газ... чудесное объяснение! Правда это или ложь? А может, заговор? Или вы просто испугались, не захотели исполнить свой долг? Может мне кто-то из вас хоть что-нибудь сказать?

Тогда я вам скажу сам, что это было: это саботаж. Я уверен в себе и в своем плане. Если бы все пошло, как задумано, произошло бы то, что должно было произойти. Я хочу знать, что там стряслось. Кто-нибудь знает что-либо об этом? Ну, признавайтесь! Сейчас самое время!

Молчите! Жалкие трусы! Вот вы какими оказались! Если и было в моем плане уязвимое место, так это именно вы! Ошибочным был сам принцип, по которому вас отбিরали! Актеры! Комедианты! Не мужество, не верность, не

сила заставили выбрать вас, а случайное внешнее сходство, всего-навсего физическое подобие. Балаган! Понадобилось имитировать голоса, движения — приличного человека для таких забав среди граждан Объединенных стран невозможно было найти. Надо было добратсья до самого вашего нутра, выдрессировать вас как следует — может, тогда что-нибудь и получилось бы. Да только времени уже не было...

Представлять, играть роль — это вы умеете... Но кто-то один из вас, видимо, знает про себя куда больше, чем хочет показать... Он довел искусство притворства до абсолютного совершенства и с невинным видом делает свое черное дело. Одним словом, среди вас есть предатель!

Вам и в самом деле нечего мне сказать? Никому не хочется сбросить с себя груз вины? Неужели не найдется среди вас такого человека, который ставит правду выше собственных интересов?

Молчите... Не желаете признаваться? Если вы думаете, что я вас оставлю в покое, вы ошибаетесь. Мы будем продолжать в том же духе и дальше. Работа нудная и утомительная, но мне она не в тягость.

Не думаю, что предателю удастся продолжать свое дело, не выдавая себя. Мне нужен хороший помощник, человек, который умеет видеть и слышать и не даст пустить себе пыль в глаза. Каттегат был славный парень, я ему полностью доверял, хотя ему, пожалуй, недоставало фантазии. Он был из тех, кто даже и в мыслях не может допустить предательства. Может, именно поэтому он ничего и не заметил; в своих докладах он всегда характеризовал вас положительно. Ни малейших подозрений. Да и теперь послушать вас — все действительно выглядит в высшей степени безобидно. Как будто каждый из вас только о том и помышлял: как бы до конца исполнить свой долг. И тем не менее... я все больше склоняюсь к мысли, что один из сидящих за этим столом...

Ну что ж, давайте еще раз восстановим весь ход событий или по крайней мере некоторые эпизоды, на которые я обратил внимание. Начнем с секретного документа, где описывался доступ к потайным помещениям. Сначала он

находился у Эллиота, а потом вдруг оказался в руках у Рихарда. Почему?

Пожимаете плечами? Мол, это вышло само собой? Зарубите себе на носу: ничто не происходит само собой! Может, причина была пустяковая, а может, и нет. Итак, я спрашиваю вас: почему?

Не можете вспомнить... ладно, не так уж это важно. А подумал ли кто-нибудь из вас, как должен был бы вести себя в такой ситуации агент? Появился документ с секретными инструкциями... естественно, предатель попытается как можно скорее выяснить, что к чему, просто на всякий случай: ведь неизвестно, чем все может обернуться.

Итак, это улика против Рихарда. Может, он и есть предатель? Что он на это скажет? Какое даст объяснение?

Никакого! Ни у кого нет никаких объяснений. Скажу честно: в данный момент и я не собираюсь ничего утверждать наверняка. Потому что и остальные тоже под подозрением.

Вот, скажем, Эйнар. Вспомните-ка: вы уже начинали приводить систему в действие, и вдруг он вызывается провести переговоры с противником. Якобы для того, чтобы выиграть время. Но так ли это на самом деле? А может, это попытка установить связь с противником, для предателя — со своими? Редкостная возможность сообщить противнику секретные данные величайшей важности! Я думаю, стоило рискнуть и попытаться любой ценой сообщить стоявшему у стен врагу о секретном оружии!

Но почему же он тогда вернулся? Может, там не нашлось никого, с кем он мог бы поговорить? Может, он не имел права раскрыть себя или его просто не поняли? Но, может быть, он действительно хотел помочь вам, выиграть время, и ничего другого. Что вы можете сказать по этому поводу? Ну, какие у вас соображения?

Молчите! Будем надеяться, что не из ложно понятого чувства товарищества. Предателю нет прощенья! Есть у кого-нибудь какие-то подозрения? Какие-либо догадки?

Нет. Можете не сомневаться, я найду этого человека и без вашей помощи.

Теперь вспомним о последних минутах. Тут ваши описания никак не назовешь точными. Напряженная работа,

все внимание сосредоточено на выполнении задачи — все это общие места. Эллиот находился у экрана, он выполнял программу. Остальные лишь следовали его указаниям, поворачивали ручки, нажимали кнопки. Командовал всеми Эллиот. От него зависело, насколько быстро будет продвигаться дело. Он мог ускорить ход работы, а мог и затормозить ее. И вот работа вдруг замедлилась — я правильно говорю? Вы помните? СПИСОК ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН. Вы думали, я не обратил на это внимания? Думали, я пропущу это мимо ушей? Ошибочно набранная строка — и это в такой момент! Ведь тут секунды решали все. Счет шел на секунды — а из-за невнимательности Эллиота они были потеряны. Непростительная небрежность! Или это была не просто небрежность, а умысел? Теперь, перед последней операцией, с помощью таких уловок можно было сколько угодно тянуть время. Затормозить работу, пока не ворвутся вражеские отряды...

Ну что ты на это скажешь, Эллиот? Это была ошибка? Простая оплошность? Жалкие отговорки! Такими ошибками обычно занимается военный трибунал, имейте это в виду. А что, если это не просто ошибка? Неверно набранная строка — а в конечном счете срыв всей операции и весь наш план летит к черту. Есть у кого-нибудь соображения на этот счет? Может, кто-то хочет признаться?

Никто. Я так и думал.

Теперь Катрин. Она здесь единственная женщина. Но исключает ли это подозрения? Как раз наоборот: возможно, тут имеет место особо хитрая маскировка... Мне не сразу удалось найти в действиях Катрин какой-либо изъян. Но, может, именно это и подозрительней всего? Наконец, я обратил внимание на одну мелочь, совершенно незначительную, не заслуживавшую даже упоминания. Вспомните-ка последние минуты отсчета команд. Катрин внезапно встает и направляется в соседнее помещение — якобы за шлемами. Но, может, на самом деле все было совсем не так? Может, в последний момент она попробовала установить связь с противником? Может, она пробежала по коридору посмотреть, не справился ли противник с последним препятствием — бетонным блоком? Или она хотела поднять этот блок, чтобы освободить

проход? Может, уже была щель, через которую можно было переговариваться? Или в эту щель был пущен дурманный газ? И тогда Катрин помчалась назад, чтобы отдать вам шлемы — очень заботливо с ее стороны. Как долго она отсутствовала? Никто из вас не может этого сказать. Была она спокойна или взволнована? Держалась нормально или нервничала? Кто из вас может что-то сказать? Или сообщить какие-то новые детали?

Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не заметили... Я крайне разочарован. Не на такое сотрудничество я рассчитывал. Но я вас расшевелю. До сих пор мы уютно отсиживались в теплых комнатах, в мягких креслах. Теперь условия станут немного жестче.

* * *

Валленброк отпустил нас.

А сам остался внизу, в своих роскошных апартаментах, со своими припасами, со своим псом. Этой ночью он будет принимать решения в одиночку.

Я был измотан, ненадолго задремал и вдруг проснулся.

Мысли еще не улеглись, хотя в голове была страшная путаница. Я думал о судьбе, о предопределении, в эти часы полубодствования-полусна казалось, что выбора не существует — все предначертано заранее, случилось то, что должно было случиться.

Валленброк произнес слово — предатель!

Нам и самим это приходило в голову, но мы держали свои подозрения при себе. Может, тут была своего рода солидарность с товарищами по несчастью, какими бы они ни были. А может, в нас говорил страх — боязнь узнать что-то, что могло усугубить чувство вины. Или всех нас охватила благодарность: благодарность кому-то, кто — такое тоже не исключено — в конечном счете спас нам всем жизнь.

Валленброку такие сомнения были чужды. Он предупредил, что восстановит истину во что бы то ни стало. Он не сомневался, что разоблачит человека, определившего

нашу судьбу. Может, бывший шеф секретных служб знает больше, чем мы? У него, конечно, имеются кое-какие соображения, но скорее всего он просто болезненно недоверчив и готов подозревать любого — мы в этом убедились. Знай он что-то наверняка, он не стал бы грозить. А так... Намерения его уже понятны: он хочет, чтобы мы вместе с ним отправились вниз, к подземным установкам — устроили, так сказать, «следственный эксперимент». Он надеется найти следы, которые помогут разоблачить саботажника. А потом Валленброк перешел к техническому проекту, который нам предстояло осуществить.

Вчера мы слишком устали, чтобы все это обсуждать. А сегодня...

Спустившись после тревожной ночи в холл, я увидел у окна крытой галереи Катрин и подошел к ней. Она мельком взглянула на меня и вновь уставилась в окно — на ледяной пейзаж. Мы находились в задней части здания, на краю плато, которое переходило в крутой склон. Отсюда открывался вид на север... Там, внизу, в долине, среди лесов и лугов находился некогда маленький тихий городок; это была часть горного заповедника. Именно здесь, внизу, в стороне от больших городов и промышленных центров, развернулось строительство укреплений. Под землей, так, чтобы со стороны ничего нельзя было заметить, был выстроен целый лабиринт залов и ходов — один из центров, где могло укрыться правительство. Эллиот Бурст, как стало известно, был особенно равнодушен к этим местам. Он частенько появлялся на телеэкранах на фоне волнующихся нив, и все это подавалось в духе рекламы для туристов: верность традициям, любовь к родному краю, связь с корнями — и горы в качестве декорации. Эйнар Фергюссон больше ценил стратегическое положение этой долины; окруженная скалистыми горами, она была очень удобна для обороны — так полагали тогда. Валленброк же, как выясняется, держал в уме нечто совсем иное — возможность обеспечить для себя лично потайное убежище в непосредственной близости от Центра управления, туда можно без труда добраться подземными ходами, и в то же время убежище расположено в стороне от

больших дорог, в глухих горах, куда прежде наведывались лишь альпинисты, любители острых ощущений; потом здесь соорудили роскошную гостиницу для горнолыжников, ставшую центром зимнего спорта. Подобное строительство было уже давно запрещено, зона на высоте более тысячи метров была объявлена запретной; но перед самой войной гостиницу без лишнего шума переоборудовали якобы под метеостанцию. Теперь-то я знал, что это была маскировка убежища Валленброка. Случайность ли, что новые люди решили его использовать в качестве туристского центра? Конечно, случайность, но, с другой стороны, в этом нет и ничего необычного — в любом горном массиве есть вершины, которые возвышаются и сейчас над покрытой ледяным панцирем равниной, и если на них сохранились какие-то постройки: метеорологические станции, обсерватории, военные сооружения или просто отели для спортсменов, — их используют для пассажиров, прибывающих с лунных станций или с космических поселений.

Все это пронеслось у меня в голове, пока я смотрел на долину. Видимость была неплохая, северный ветер взметал над горными склонами снежные вихри, а у крутых обрывов стихал. Но, как ни завораживал меня этот вид, сейчас больше всего меня занимала Катрин. Я боялся показаться ей навязчивым и потому не двигался с места, делая вид, будто не могу оторваться от пейзажа. Я заметил, как она повернулась ко мне — впервые за последние дни я почувствовал, что она не уходит от встречи со мной, а, напротив, ищет ее. Глазеть и дальше сквозь толстые стекла было незачем, я поднял руку — и встретил ее ладонь, на мгновение ощутив тепло и нежность...

Сзади слышались шаги, и этого тихого звука было достаточно, чтобы спугнуть охватившее нас чувство.

Появился Валленброк. Вид у него был весьма озабоченный, и даже голос звучал без обычной резкости.

— Где остальные?

Мы не знали. И тогда он объяснил:

— Нерону что-то нехорошо. Он со вчерашнего дня ничего не ест. Меня это очень тревожит. Придется отложить

нашу вылазку на день. Завтра, надеюсь, все будет снова в порядке.

Он испытующе поглядел на нас, словно ждал возражения — а может, утешительных слов? — потом круто повернулся на каблуках и ушел.

Я вновь посмотрел на Катрин, но все уже изменилось, что-то исчезло, пронеслось мимо. Мы направились в столовую, и она все время держалась на расстоянии, глядя прямо перед собой, словно меня и не было рядом.

Позавтракали мы без всякого аппетита, половина протеиновой порции осталась нетронутой. Вскоре подошли Эллиот и Эйнар. Мы рассказали им, что неожиданно нам подарили свободный день.

— А разве мы согласились в этом участвовать? — спросил Эйнар. — Ведь заставить нас никто не может.

— Ты прав, определенной договоренности не было. Если мы пойдем, то лишь по собственной воле.

— Ему, похоже, даже в голову не приходит, что мы можем отказаться.

— Ты так считаешь? А я думаю иначе. Достаточно посмотреть, как он все подготавливает, все планирует.

— У него есть оружие?

— Наверняка! Это такой человек... Но как он это себе представляет?

— Я, — сказал Эйнар, повысив голос так, что все на него посмотрели, — в любом случае не намерен безоговорочно подчиняться.

— Ну, а все-таки: ты идешь или нет?

Эйнар помедлил с ответом.

— Пока сам не знаю... С одной стороны, я думаю: что мне теперь эти давние дела?.. С другой стороны...

— ...с другой стороны, тебе хочется узнать, что же произошло тогда на самом деле.

Эти колебания мучили каждого из нас: с одной стороны — с другой стороны... На первый взгляд могло показаться, что мы просто подчинялись ходу событий и, как всегда, ничего не решали. Но это была не вся правда: кто-то из нас действовал по-своему, кто-то вмешался в события и принял это решение сам. Он предотвратил ответный

удар, не дал пустить в ход оружие массового уничтожения — и этим спас нам жизнь.

Почему прошлое нас так крепко держит? — спрашивал я себя. Может быть, потому, что этот новый мир остается чуждым для нас, ведь здесь у нас нет ни цели, ни будущего. Нам нечего ждать... Вот против меня сидит Катрин, ее лицо ничего не выражает. Всего лишь час-другой назад зародилась в моей душе надежда. Надо было бежать — напярчь силы, преодолеть себя. Еще и сейчас... Катрин в разговоре не участвует, но, судя по всему, она согласна с остальными.

Итак, решено. Может, у каждого были свои причины последовать за Валленброком, но это, в конце концов, не так уж важно. Желание получить ответ на неразрешенные вопросы, старая привычка к послушанию, да мало ли что... не знаю, какая из этих причин оказалась решающей для меня... Пожалуй, существовала еще одна, главная причина — в чем я и сам себе не хотел признаться. Может, меня просто не покидало чувство, что драма еще не завершена, а лишь прервана; может, именно это неосознанное желание пройти до конца по цепи событий и влекло всех нас вниз, в глубину...

Наверняка Эйнар тоже чувствовал это. Он обманывал себя, если думал, что можно по собственной воле уйти от неизбежности.

Итак, завтра мы выступаем. Еще один день в нормальных условиях, целый день внутри безупречно функционирующего туристического центра, который обеспечивает нам свет, тепло и пищу, защищает от разгула стихии. Завтра мы покинем отель — и будь что будет.

Пищеварение у пса наладилось. Мы готовы выступать.

Валленброк явно почувствовал облегчение — никаких следов тревоги или слабости. Лицо высокомерное, держится прямо.

Он повел нас в подвал, служивший складом. Каждому полагался комбинезон, теплое белье, шлем с противоголозом, спальный мешок с подогревом, лампы, батарейки.

Мы получили также приборы: счетчик Гейгера, компас, высотомер, а также двухнедельный запас продуктов, главным образом концентратов.

Все надели комбинезоны, укрепили на шлемах фонари, удостоверились, что батарейки заряжены. Валленброк предупредил нас, что энергию следует расходовать экономно, да и продукты распределять разумно. Сейчас, пока мы еще были согреты и сыты, слова его показались излишними; лишь вскользь мелькнула у меня мысль, что мы, собственно, отправляемся в неизвестность — кто знает, что ждет нас уже в ближайшие часы.

Перед выступлением Валленброк устроил еще одну поверку. Каждый по очереди должен был делать шаг вперед, и он, подходя, проверял, правильно ли надет комбинезон, хорошо ли сидит шлем, затянуты ли ремни рюкзака. Затем, отступив на два шага назад, он обратился к нам с речью.

— Мы выступаем в трудный поход, где нет никакой гарантии от опасности. Своей цели мы сможем достигнуть только в том случае, если будем ощущать себя солдатами, идущими в бой. До сих пор я старался не быть слишком строгим, но с этого момента я требую абсолютного повиновения. Обращаю ваше внимание, что остаются в силе законы военного времени: нарушение дисциплины, отказ повиноваться или дезертирство будут караться смертью. Следуя своему принципу многократной страховки, я хотел бы вернуться к вечеру, проведенному нами вместе, — вы помните этот праздник встречи? Вряд ли кто-либо из вас задумался, для чего он понадобился. Так вот, он нужен был мне для того, чтобы предупредить малейшее ослабление дисциплины. Объясняю вкратце: вино, которое вы пили, содержало культуру вируса. Инкубационный период составляет ровно три недели. Затем начинается смертельная болезнь, имеющая симптомы столбняка и чумы. Против нее существует сыворотка, надежно спрятанная мною. Когда мы, к общему удовлетворению, выполним свою задачу и вернемся сюда, я дам ее вам, но не раньше. Надеюсь, вы меня поняли.

И он кивнул, давая понять, что приветствие окончено. Смысл его слов дошел до нас не сразу. Мы просто не успе-

ли их осмыслить — пора было в путь. Валленброк повел нас к своему подземному убежищу и там, где коридор расширялся перед потайной дверью, показал нам винтовую лестницу. Мы включили фонари на своих шлемах и стали спускаться. Заржавевшие металлические ступени дребезжали. Приходилось внимательно смотреть под ноги — ступени были скользкие от влажной пыли, тяжелые рюкзаки давили на плечи, узкий луч фонарика выхватывал из темноты лишь небольшую полоску, а все остальное терялось во мраке. Мы двигались словно во сне — машинально, с трудом. Мы все были в шоке после заявления Валленброка: с помощью своей дьявольской уловки он обеспечил нашу покорность.

Мы спускались уже двадцать минут. Болели мышцы ног, ремни рюкзака врезались в плечи.

Впереди шел Эллиот, за ним следовали Эйнар, Катрин, я и Валленброк. Он тоже был в шлеме, с рюкзаком и держал на поводке пса, который, казалось, без особого труда одолевал бесконечный спиральный спуск.

Время от времени нам попадались площадки, но Валленброк не давал нам отдохнуть. Лишь когда мы добрались до входа в какую-то штольню, он указал нам на кучу полусгнивших досок, сваленных у стены. Мы сели. Только тут я почувствовал, как сильно бьется у меня сердце, как трудно стало дышать.

Валленброк был немногословен. Единственное, что он нам сказал: мы будем спускаться до высоты 3000 метров, а потом вниз пойдет крутой длинный коридор, который, если все будет в порядке, должен привести нас к подземной цитадели.

— Возможно, нам встретятся места, где порода обвалилась, но у нас есть способы обойти их.

Через несколько минут он дал команду идти дальше. Мне казалось, что я успел хорошо отдохнуть, но после первого же шага опять почувствовал, что болят ноги и плечи. Мы шли бездумно, сосредоточившись только на одном: каждый неверный шаг грозит нам падением. От бесконечного движения по спирали невероятно кружилась

голова, и скоро нам стало казаться, что мы движемся на одном месте...

Вдруг снизу послышался испуганный крик, произошло какое-то замешательство — я не видел, в чем дело, только почувствовал, что металлическая лестница под ногами за-колебалась.

— Дальше ступенек нет,— это был голос Эллиота.

— Не может быть! — Валленброк намотал на перила поводок и протиснулся мимо нас. Нерон уселся, скупля.— Возвращаемся назад!

Ничего не объясняя, Валленброк отвязал собаку и пошел первым. Мы поднялись до уже знакомого входа в штольню. Подниматься было гораздо трудней, чем спускаться, и когда наконец мы вновь ощутили под ногами твердую почву, пришлось сначала перевести дыхание. Валленброку тоже понадобилось некоторое время, прежде чем он смог заговорить.

— Действительно... кусок лестницы обломился... хорошо еще, что верхняя часть была закреплена как следует. К тому же я посветил вниз и увидел, что дальше шахта завалена каменными глыбами, не ожидал, что препятствия начнутся уже с первых шагов. Ничего другого нам не остается... пойдем через гидрометрическую трубу.— И он показал на вход в штольню.

Мы немного передохнули и снова двинулись в путь. Теперь впереди шагал Валленброк. Пройдя несколько сотен метров, мы попали в круглый зал, который наискосок пересекала громадная металлическая труба, склепанная из цилиндрических отрезков, каждый метра три в поперечнике. Валленброк объяснил, что через эту трубу поступала когда-то вода из ледникового озера, приводя в движение электростанцию. Из зала можно войти в трубу; этим входом пользовались рабочие, очищавшие трубу от известковых отложений.

Он показал нам заглушку, вставленную в трубу и изогнутую по ее форме. Она крепилась восемью большими болтами, которые открывались и закрывались с помощью вентилях. Даже сейчас, спустя столько лет, они были чистыми, на гладкой металлической поверхности отливала голубизной обильная смазка. Мы открыли крышку,

осторожно сняли ее. Валленброк, изогнувшись, посветил в трубу, затем снял рюкзак и достал веревку.

— Там на стенках есть скобы — видите? Вы трое пойдете первыми, — он обвел глазами Катрин, Эйнара и меня. — Эллиот останется со мной и поможет мне спустить на веревке собаку. Пожалуйста, будьте предельно внимательны.

Прямая труба шла вниз под углом около шестидесяти градусов. Спускаться здесь было невероятно трудно, остановиться было негде, а если сорвешься, то уже не удержишься. Вдобавок ко всему предстояло еще спустить собаку, которую Валленброк обвязал веревкой вокруг груди.

Только что, когда мы стояли на винтовой лестнице, мне казалось, что у меня больше не осталось сил, но лишь теперь я понял, что может сделать человек даже в состоянии полного изнеможения. Спуск казался бесконечным, веревка опускалась снова и снова, но даже во время пауз, когда приходилось дожидаться медленно сползавшего пса, мы не отдыхали — ведь каждому из нас приходилось висеть на скобе, крепко в нее вцепившись.

Теперь первым спускался я, сменив Эйнара. Время от времени я посвечивал фонариком вниз, но конца трубы не было видно, луч терялся в бездонной глубине, и только тускло поблескивали скобы, нижние, казалось, повисли над пустотой.

Наконец — я едва поверил своим глазам — луч света уперся в какую-то преграду, возможно, это конец трубы. Мы спустили веревку еще раз — и оказались в бассейне, по щиколотку в воде. Правда, это обстоятельство никого не смутило — мы все были в непромокаемых ботинках. Все изнеможенно привалились к стене, а Катрин и Эйнар даже присели на узкий бетонный выступ.

Валленброк достал из нагрудного кармана коробочку с ароматками и вручил всем по палочке. Затяжка освежающей эссенции взбодрила нас.

— Мы находимся на уровне самой нижней части долины, недалеко от водохранилища, — сказал Валленброк. — Если бы все здесь не было покрыто льдом, можно бы выйти на свежий воздух. Но отсюда есть и запас-

ной ход к подземным укреплениям — надеюсь, тут мы пройдем.

Все помолчали, а я вдруг заметил, что мои ноги в теплых ботинках совсем застыли. Другие, видимо, почувствовали то же; мы снова надели рюкзаки и двинулись за Валленброком, который прошлепал по воде и скрылся вместе с Нероном в какой-то нише. Оказалось, что это отверстие водослива, отсюда начинался боковой сток. Мы спустились по нему вниз и добрались до другого бассейна. Выбравшись из него, мы оказались на лестничной клетке. Затем спустились на два пролета и очутились в машинном зале с двумя громадными генераторами. Они не работали, но, судя по всему, их можно было в любой момент пустить в ход.

Валленброк объявил, что здесь мы заночуем. Лишь теперь я взглянул на часы — была полночь. Итак, прошел целый день, полный волнений и напряженного труда — неудивительно, что я так устал.

Другие тоже едва держались на ногах. Все стали отыскивать место, где можно было бы разложить спальные мешки. Есть совсем не хотелось, было только одно желание: поскорее лечь и уснуть, но Валленброк велел приготовить горячий ужин.

В рюкзаке у Катрин оказалась электропечь, она достала ее и включила. Эйнар принес из бассейна котелок воды, которую Эллиот продезинфицировал с помощью особого состава. Вода быстро закипела, и каждый развел себе порцию протеинового супа или солодового напитка. Вдобавок полагался еще кубик концентрата — углеводы с витаминами и микроэлементами. От чувства голода мы не избавились, но, если верить надписи на этикетке, эта пища соответствовала по калорийности дневному рациону.

Вначале мне показалось, что здесь очень неплохо и даже уютно, возможно, потому, что во время ходьбы я разогрелся, однако я довольно скоро почувствовал, что начинаю мерзнуть. Температура была, очевидно, близка к нулевой, небольшие лужицы на полу затянула тонкая корочка льда. Валленброк вытащил счетчик Гейгера и удостоверился, что уровень радиации здесь на нуле.

Наконец можно было и отдохнуть. В спальном мешке я вскоре согрелся, хотя и не стал включать батареи.

Все погасили фонарики, и в подземелье воцарилась кромешная тьма. Где-то вдалеке плескалась вода, доносился звук падающих капель.

Я смертельно устал, но долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок в своем спальнике, который был очень тесен и сковывал каждое движение. Я попробовал подложить под голову руку, но тогда рука начала быстро коченеть. Пришлось снова сунуть ее в мешок, и голова откинулась назад. Тогда я приспособил вместо подушки край спального мешка и наконец нашел более или менее удобную позу. Но теперь улетучились последние остатки тепла, меня зазнобило, и уже не хватало ни сил, ни воли, чтобы включить обогрев. Я поджал ноги, обхватил себя руками и сжался в комок, но все равно не мог избавиться от дрожи. В конце концов сон все-таки сморил меня.

* * *

*Кругом чернота, глубокая чернота, ни искорки, ни про-
света.*

Я парю в центре шара, который медленно расширяется от беззвучного взрыва. Вместе с ним взрывается и мое тело, оно теряет целостность, распадается на атомы, и они, словно облако пыли, рассеиваются в безбрежной пустоте Вселенной. Ни звука, ни проблеска света не доходит извне, невидимое силовое поле отталкивает все далеко от меня, я ничего не вижу и не слышу. Я галлюцинирую: вокруг мерцающий хоровод, время от времени слышится непонятный стук, пространство вокруг меня пульсирует... пока наконец где-то в пустоте не вспыхивает светящаяся точка — как весть о реальности, лежащей за пределами понимания, этот проблеск света одновременно успокаивает и угрожает.

Валленброк включил свой фонарь, укрепленный на шлеме. Свет ушел в пустоту пространства и потерялся там...

Мне потребовалось немало времени, чтобы освоиться с новым состоянием... лишь постепенно я вспомнил, кто я... где... и что со мной происходит...

Я лежу в спальном мешке, натянув его на голову и оставив только щелку для глаз; ткань, прикрывающая нос и рот, стала влажной от моего дыхания.

Я увидел, как зашевелились и в других мешках бесформенные фигуры, принимая очертания человеческих тел — на стене, там, куда не доходил свет фонаря, задвигались тени.

Другие тоже включили фонарики, от них во все стороны потянулись конусы света, даже глазам стало больно. Трудно было поверить, что уже наступило утро; казалось, нужна еще одна ночь, чтобы выспаться. Боль в мышцах, еще вчера очень острая, сменилась тупой тяжестью; тело снова налилось свинцом.

Но Валленброк не дал нам времени себя жалеть и заставил всех покинуть теплые гнездышки. Мы выбрались из мешков и, свернув их, уселись на них, собираясь позавтракать. Солодовое молоко живительным теплом побежало по пищеводу. Несмотря на усталость, я почувствовал прилив сил и уже готов был к трудностям нового дня. К этому примешивалось и нечто вроде удовлетворения — я словно выдержал испытание.

— Полпути, можно считать, уже позади, — сказал Валленброк. — Теперь все зависит от того, насколько сильны разрушения. Я прихватил с собой кое-какие инструменты, если там просто небольшие завалы, мы, я думаю, сумеем пробиться. Есть у нас и взрывные устройства, но я предпочел бы использовать их только в крайнем случае. Надевайте рюкзаки! Попробуем пройти вначале напрямую.

Валленброк хорошо ориентировался в этих ходах. Даже при тусклом свете он вел нас уверенно. Мы спустились в какой-то погреб, Валленброк открыл дверь — там что-

то светилось бледно-зеленым светом: это оказалась полоса фосфоресцирующей краски, нанесенной на потолок коридора, пробитого прямо в скале. Мы вошли в него; пес, спущенный с поводка, бежал впереди хозяина и, опустив голову, обнюхивал пол, словно был на охоте.

Через час мы стали замечать, что стены коридора покрыты свежими трещинами, на земле валялись каменные глыбы, то тут, то там зияли щели, верхний свод, казалось, прогнулся. Но мы продолжали осторожно продвигаться вперед, пока путь нам не перегородил каменный завал.

Валленброк попробовал измерить толщину завала с помощью ультразвукового прибора, и результат оказался весьма неутешительным.

— Здесь мы не пройдем. Жаль. Но есть еще другие пути.

Целый день мы бродили по подземному лабиринту, но каждый раз наталкивались на препятствия. К вечеру все были так измучены, что едва держались на ногах. Наконец Валленброк приказал возвращаться — единственно разумное решение, ведь нам надо сохранить силы для следующего дня.

Снова мы провели ночь в машинном зале у подножия гигантских генераторов. Хотя все здесь выглядело каким-то нереальным и наше пристанище трудно было назвать уютным, в этом голом помещении, где мы нашли остатки нашей вчерашней трапезы, мы почувствовали, будто вернулись в родной дом. Как быстро человек свыкается со всем! Я уже приспособился к своему жесткому ложу, знал, какую позу лучше всего принять, и на этот раз спал глубоко, безмятежно, пока голоса спутников не разбудили меня.

За завтраком при свете фонариков мы обсудили дальнейшие планы. Речь шла о конкретных задачах — для обсуждения исторических, моральных проблем, а также отдаленных перспектив и планов на будущее не было времени. Но, может, дело было еще и в том, что свобода наших действий была ограничена, мы были изолированы, окружены пеленой мрака, а значит, и круг наших размышлений был сужен. Сейчас мы как никогда зависели друг от

друга, даже Валленброк стал нам как-то ближе. Разумеется, никто не забыл его слов о смертельном вирусе, и если у нас появлялась возможность поговорить, мы обсуждали и эту угрозу, но так и не пришли к единому мнению, стоит ли принимать ее всерьез. Правду он говорил или просто шантажировал нас? И в том, и в другом случае это была скверная история, раскрывавшая подлинную суть Валленброка.

Впрочем, здесь, глубоко под землей, в мире, где мы были совсем одни, личные счета отступили на задний план. Мы испытывали признательность друг к другу просто за то, что какая-то живая душа была рядом. И это чувство распространялось в какой-то мере даже на нашего начальника. Разве не трогательно была эта его привязанность к собаке? Разве не он раздобыл для нас продукты и распределил их — ведь он нес их в своем рюкзаке, который был тяжелей, чем у любого из нас? Что бы мы о нем ни думали, но эта сила воли, эта решительность заслуживали уважения. Валленброк был старше нас, но отнюдь не слабей. И сейчас он первый справился с апатией. Он встал, стряхнул с одежды пыль.

— Давайте пока оставим груз здесь. Одной сумки с инструментами и взрывчаткой будет достаточно.

Мы снова отправились в путь. У Валленброка была при себе схема, и он время от времени раскладывал ее на земле, чтобы сориентироваться. Мы присаживались на корточках рядом, делая вид, что слушаем его пояснения; на самом же деле нам нужен был только предлог, чтобы несколько секунд передохнуть.

И в этот день нам не удалось пройти дальше. Мы попытались пробиться тремя путями, но всякий раз наталкивались на завалы и вынуждены были искать обход.

Наконец мы вернулись в наш зал, чтобы наскоро перекусить. Однако Валленброку не сиделось на месте, он взял Нерона и пошел поискать с ним еще один обход. Оставшись одни, мы воспользовались случаем, чтобы обсудить положение.

Эйнар уверял, что эта экспедиция ничего не даст и что он бы с удовольствием нас покинул, но он оказался в единственном числе.

— Эта угроза насчет вируса — ерунда! — уверял он. — Меня на таких дешевых фокусах не проведешь. Я не верю ни одному его слову.

Он хорохорился только потому, что Валленброка не было рядом; по-моему, он говорил так, чтобы придать самому себе храбрости. Вряд ли он рискнул бы нас покинуть, пока еще существовало подозрение, что Валленброк не соврал. А ведь это вполне могло быть — шантаж, мне кажется, был в его духе.

Из темноты слышались шаги — вернулся Валленброк. Из-за слепящего света фонаря лицо его различалось смутно, но в голосе звучала надежда:

— Я совсем было отчаялся, но оказалось, есть еще одна возможность. Здесь раньше был ручей, куда уходил избыток воды с подпорных сооружений. Там и сейчас еще течет вода, тоненькой струйкой, впрочем, достаточной, чтобы образовался подземный сток, точнее сказать, подледный. Если пойти по нему, мы спустимся к долине. Надеюсь, оттуда есть возможность попасть на второй или третий этаж. Ручей впадает в подземный канал, обозначенный на моем плане. Вставайте, ребята, еще не вечер! Рюкзаки возьмем с собой, чтобы не пришлось потом за ними возвращаться и тратить время зря.

Мы прошли по водостоку вниз, до места, где заканчивался коридор. Идти дальше вдоль русла ручья надо было согнувшись, потому что ледяная крыша над головой редко была выше полутора метров. Действительно, вода в ручье иссякла, остались только лужи, чередовавшиеся с участками грязи. Идти здесь стало труднее, ноги скользили, каждый шаг поднимал со дна муть, и не видно было, куда ступать, все время приходилось следить, как бы не поскользнуться и не искупаться против желания. Холод от воды проникал сквозь ботинки, и хотя мы вспотели от напряжения, ноги у нас были как лед. К тому же навстречу тянуло холодом, у меня тут же заложило нос, заболело горло. Очевидно, я оказался недостаточно закален для таких испытаний.

Когда продвигаешься по такому пути, приходится быть предельно осторожным. Некогда даже оглядеться по сторонам — а жаль, потому что этот проход подо

льдом был местом по-своему примечательным: в некоторых местах со свода свисали сосульки, иной раз сплошной завесой, сверкающей в свете фонарей,—фантастическое зрелище. Впрочем, как обычно, появление человека несло с собой разрушения: порой чей-то шлем задевал хрупкие льдинки, и они срывались целыми глыбами, осколки с шумом шлепались в лужи.

Мы прошли двести, а может, четыреста метров, точнее в этих условиях определить было трудно, и тут к звуку наших шагов и хрипу нашего дыхания стал примешиваться еще какой-то тихий шум. Мы остановились, прислушались... может, почудилось? Нет, чем дальше мы шли, тем шум становился сильнее. За поворотом ход стал шире, и мы оказались в небольшом зале, где с левой стороны открывался еще один широкий проход, по которому струился поток воды. Внизу образовалось настоящее озеро, спускаться туда было нельзя.

Посоветовавшись, мы решили двинуться по новому проходу. Как считал Валленброк, здесь должна была существовать целая сеть водостоков. Не исключено, сказал он, что мы найдем еще один проход к подземным сооружениям. Он дал еще несколько пояснений насчет границы между ледяным покровом и поверхностью земли и рассказал о трубах и каналах, по которым вода стекает с подтаивающих ледников. Но почему они подтаивают? Возможно, есть где-то неподалеку очаг радиоактивности, оставшийся после взрывов атомных бомб, который разогревает землю и покрывающий ее ледяной панцирь. Из предосторожности он проверил воду на радиоактивность, но уровень ее лишь немного превышал норму. Ничто не мешало нам шагать дальше по этому руслу.

К счастью, вода покрывала не все дно целиком — по краям оставались сухие полоски, по которым можно было ступать. Двигаться здесь было тоже нелегко, ноги вязли в иле, намытом песке и гальке, которая гремела под нашими ногами так громко, словно это сталкивались бильярдные шары.

Наконец мы вышли к новой развилке; с одной стороны из узкого отверстия вырывалась сильная струя воды, пройти там было невозможно. С другой стороны откры-

вался зал, свод которого подпирало множество ледяных колонн.

Этот зал магически притягивал к себе наши взоры, таким он казался приветливым и почти торжественным. По слегка возвышавшимся каменным плитам было легко идти, и каждый шаг постепенно удалял нас от громкого шума воды — только теперь мы заметили, до чего он нас оглушил.

Не сговариваясь, все сбросили рюкзаки и, усевшись на них, решили устроить привал, чтобы немного привести себя в порядок, вытереть лицо, мокрое от влаги и пота, на несколько минут снять шлемы и вымыть руки.

Валленброк попробовал сориентироваться по компасу.

— Отсюда, видимо, идут ходы в разные стороны — но нам лучше пойти вправо. Может, где-то там удастся спуститься глубже.

У него тоже был измученный вид, и сейчас он, похоже, больше не спешил, давая и нам передохнуть.

По форме этого зала можно было судить о его происхождении. Видимо, сюда прежде тоже доходила вода, на стене сохранилась полоса, отмечающая ее уровень. Равномерно сходящиеся готические своды образовались позднее; может быть, их создали потоки относительно теплого воздуха, а может, сверху обрушился лед. Мы установили на земле шлемы со включенными фонариками таким образом, чтобы они освещали зал, — зрелище получилось феерическое.

Правда, холод уже опять стал проникать сквозь наши комбинезоны, из жара нас бросило в озноб. Один ботинок у меня оказался полон воды; я вспомнил, как однажды соскользнул в глубокую яму, не обратив никакого внимания. Пришлось стянуть ботинок, вытряхнуть воду и выжать носки... Но высушить их было негде, а надевать снова сырые вещи очень неприятно...

Постепенно все стали дрожать от холода, поэтому никто не возразил, когда Валленброк снова скомандовал двигаться дальше.

Зал расходился на множество коридоров; мы выбрали один из них, который вел в нужную нам сторону. Он был

уже русла, которое привело нас сюда, зато здесь не было воды и можно было идти посередине, а не по краю. Впрочем, встретилось несколько узких мест, где камни под ногами сменились льдом, и мы не столько шагали, сколько скользили по нему, точно конькобежцы. Затем проход расширился, свод стал выше и стены как бы расступились, мы оказались в своего рода каньоне, от которого расходилось множество мелких ущелий.

Мы были не настолько утомлены, чтобы снова устраивать привал, но Валленброк подозвал всех к себе, и мы попытались сориентироваться по нашему плану.

— Надо было сделать это сразу, — сказал Валленброк, — я просто не думал, что здесь окажется такой громадный лабиринт.

Линия, которую он в конце концов провел жирным карандашом на влажной бумаге, получилась причудливо изогнутой, и у меня не было уверенности, что она показывала нужный путь.

После короткого обсуждения мы опять свернули направо и пошли по дну каньона, усыпанному ледяной крошкой — вероятно, остатками свалившейся сверху глыбы. Иногда мы упирались в завалы таких обломков, но каждый раз находили возможность как-то их обойти. Пройдя около полукилометра, мы снова оказались в одном из низких проходов — они шли параллельно друг другу и кое-где соединялись проемами.

Вдруг произошла непонятная заминка. Валленброк остановился — собака перед ним замерла, насторожилась, шерсть у нее на загривке встала дыбом. Так простояли мы несколько секунд, прислушиваясь. Но нет, кругом было тихо.

— Вперед, Нерон, в чем дело! — Валленброк нетерпеливо дернул поводок. Однако понадобился еще строгий выговор, прежде чем пес сдвинулся с места. Мы прошли еще немного — и снова повторилась та же сцена. Нам стало не по себе. Нерон несомненно что-то почуял — но что? Ведь здесь, внизу, не могло быть никаких живых существ; град бомб, облака ядовитых газов, дождь радиоактивных лучей истребили всякую жизнь, и даже если какие-то люди или животные по счастливой случайности избежали гибели

ли, здесь у них все равно не было шансов выжить. Так я думал. И вдруг услышал какой-то шорох и как будто бормотание... может, это шум далекого водопада или... и вдруг я до ужаса ясно различил: человеческие голоса!

Долго размышлять мне не пришлось. Перед нами возникли три темные фигуры, эти люди, беззвучно вынырнув из темноты, направили на нас оружие... Я оглянулся в испуге, соображая, куда бежать, и увидел, что в боковом проеме возникла еще одна группа, а позади нас замерли несколько человек, закутанных в какие-то странные одеяния, с автоматами на изготовку. Все происходило беззвучно, словно в немой театральной сцене, и было так неожиданно, что мы растерялись...

— На землю! — Человек, издалека показавшийся мне великаном, выступил вперед — он был на голову выше своих спутников. Мы отреагировали не сразу; тогда он поднял автомат и дал вверх очередь — загредел салют, зазвенели, падая вокруг, ледяные осколки.

Мы бросились на землю. Я украдкой повернул голову, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть... Неизвестные подошли ближе, я слышал их шаги, видел сапоги со множеством дыр и заплаток.

— Сразу ликвидируем, или хочешь их сперва допросить? — послышался звонкий голос.

— погоди! — ответил ему низкий бас.

Снова послышались шаги, кто-то подходил к каждому из нас, пинал несколько раз... вот он передо мной, носком сапога бьет мне в бок, переворачивает... на какой-то миг я увидел прямо перед собой неуклюжую фигуру в униформе, составленной из разных частей, грязной и рваной, шея обмотана толстым платком, шапка оставляет открытым только лицо с длинным носом и темными глазами, на голове у человека был шлем. Он посмотрел на меня, как на какие-то отбросы, и снова толкнул на землю.

— Что это за типы?

— Посмотри, какой знак у него на шлеме! Наверно, взял у кого-то из наших.

— Он за это поплатится.

— Выглядят совсем свеженькими!

— Черные что-то затеяли?

Я снова услышал шаги, они направились в сторону Валленброка.

— Эй! Ну-ка пошевеливайся, вставай!

Видимо, Валленброк привлек их особое внимание. Он никогда не упускал возможности наклеить на шлем генеральский знак отличия. Должно быть, поэтому он их и заинтересовал. До меня только что дошло, что говорят они на нашем языке.

Почувствовав, что все их внимание сосредоточилось на Валленбroke, я покосился в ту сторону. Щека лежала на холодном камне, на зубах скрипел песок.

Я увидел, что Валленброка крепко держат за руки двое, а высокий ощупывает его и обыскивает карманы. Вот он достал схему, бросил на нее беглый взгляд, вынул записную книжку, несколько бумажных носовых платков... Бросил все в кучу на землю.

— Кто вы такие? Откуда?

Хотя шлем у Валленброка съехал набок и комбинезон был полурасстегнут, держался он прямо и гордо.

— Я тоже хотел бы спросить, — ответил он, — кто вы такие?

Высокий коротко ударил его по лицу перчаткой и еще раз по другой щеке. Не произнося ни единого слова.

— Я Рихард Валленброк, Верховный главнокомандующий технических войск, мое военное звание — генерал. Судя по вашим знакам отличия, вы принадлежите к нашей армии. Я требую немедленно освободить меня.

— А я Буцук, и мне плевать на твое звание. Если ты меня еще не знаешь, так узнаешь.

Он что-то сказал своему спутнику, державшемуся все время рядом, и несколько человек, подойдя к Валленброку, стали срывать с него одежду. Все члены отряда были одеты во что попало, военная форма сочеталась с гражданской одеждой, на одном была толстая шерстяная кофта до колен, сапоги на другом были явно из разных пар. Лица закутаны; мне показалось, что они страдали от холода больше, чем мы, — так они кутались в свои лохмотья. Выглядели они очень истощенными, щеки ввалились, глаза глубоко запади, как у тяжелобольных. Возможно,

двое или трое из них были женщины, точно я определить не мог.

— Эй, погляди-ка!

Люди, раздевавшие Валленброка, увидели на его правом плече татуировку, такую же, какая была у всех нас: личный номер, темно-синие, несмываемые значки.

— Вроде и правда наш!

Буцук немного подумал.

— Осмотрите других!

Они повиновались, кто-то склонился надо мной, спустил с плеча куртку...

— И у него тоже!

Великан-предводитель помедлил, затем обернулся к Валленброку.

— Одевайся! И давай выкладывай: откуда вы пришли?

Я заметил, что Валленброк дрожит от холода, одеваясь, он не сразу попал в рукава. И при этом он говорил и говорил, пытаюсь объяснить про анабиоз, про то, как нас нашли, разбудили... Буцук недоверчиво смотрел на него. Когда же Валленброк заговорил о внеземных поселениях людей, он злобно велел ему замолчать. Он поворчал себе под нос, покачивая головой, затем снова стал переходить от одного к другому, ощупывая одежду, у одного приподнимал шлем, с другого стаскивал перчатки...

Кто-то окликнул его, он остановился, обернулся — и после короткой паузы мы услышали визг Нерона.

— Что такое? — Буцук сделал несколько шагов вперед и осветил фонарем собаку; она забилась в ледяную нишу.

— Это домашнее животное, раньше такие водились.

— Да, я слышал. И видел на картинках. Это собака.

— Собака! С ума сойти!

Буцук шагнул к Валленброку.

— Что все это значит? Постой-ка, я ее сейчас вытащу! Пристрели ее, но имей в виду, шкура моя!

Валленброк, казалось, остолбенел, но лишь на одно мгновение: потом издал странный звук. Я думал, сейчас он заорет или попросит о пощаде... но он быстро овладел собой, и голос его был таким, как обычно:

— Я не стану этого делать. Буцук.

— Это почему же?

Потому что собака несет военную службу,— объяснил Валленброк.— Она прекрасно идет по следу, может разыскать беглеца, даже спустя несколько часов после того, как он убежал. Неужели вы никогда не слышали о полицейских собаках? О собаках горных егерьей?

— Ты хочешь сказать, что она понимает твои приказы и слушается тебя?

Валленброк кивнул.

— Тогда подзови ее, чтобы мы могли рассмотреть эту тварь поближе!

Валленброк коротко свистнул, и Нерон подбежал к нему. Было заметно, что присутствие незнакомых людей нервнрует пса, он обходил их стороной, но бежал быстро. Уже через несколько секунд он, высунув язык, сидел перед Валленбромом, которого двое мужчин все еще продолжали держать за руки.

— Значит, ты говоришь, он умеет идти по следу?

Валленброк снова кивнул.

— Тогда мы его сейчас испытаем! Серж,— он повернулся к своему спутнику, служившему, видимо, кем-то вроде адъютанта; что-то шепнул ему на ухо. Тот удивленно покачал головой, пожал плечами, затем отошел в сторону и исчез в проеме.

Буцук выждал минут пять, потом подал знак Валленброку.

— Ну, пускай его.

Валленброк стряхнул с себя обоих своих стражей, подошел к псу, взял его за ошейник и ткнул носом в место, где только что стоял Серж.

— Ищи. Нерон! Ищи!

Он спустил пса. Тот принялся, с присвистом дыша, и побежал, пригнув голову к земле. Можно было не сомневаться, что он без труда найдет след. Нерон исчез в проеме, и мы еще некоторое время слышали его сопение.

Не прошло и двух минут, как до нас донесся крик.

Буцук, резко обернувшись, схватил Валленброка за руку.

— Что это такое?

— Это значит, что пес нашел твоего человека. Не

ошибусь, если скажу, что сейчас этот малый лежит на земле и Нерон держит его за горло.

Буцук затряс Валленброка.

— Так вот что ты ему приказал! Ты за это попла-тишься!

— Ничего с твоим парнем не случится,— успокоил его Валленброк.— Пока я не дам команду, пес так и будет стоять над ним.

— Тогда прикажи ему вернуться, сейчас же! — прошипел Буцук.

— Нерон, Нерон! — крикнул Валленброк.— Ко мне!

Вскоре пес показался в проеме. Валленброк кликнул его еще раз — тот подбежал и уселся рядом с хозяином. Наконец появился и Серж. Он был в грязи с головы до ног, по лицу стекала бурая жижа, и он вытирал ее рукой.

Ненадолго воцарилась тишина; пожалуй, никто сейчас не смог бы сказать, что будет дальше. И вдруг Буцук громко расхохотался, он хлопал себя по коленкам и вопил:

— Догнал он тебя, Серж! Ну, ребята, вот это да! Собака — это действительно сила! Этот пес мне нравится!

— Он слушается только меня,— сказал Валленброк.

Буцук повернулся к нему и широко ухмыльнулся.

— Ах, она слушается только тебя! В самом деле?

Великан приблизился к Нерону, тот насторожился, оскалил зубы.

Буцук, ухмыльнувшись, подошел поближе.

Пес изогнулся, прыгнул... В этот момент Буцук ударил его ногой, почти не замахинаясь, но удар получился, должно быть, чудовищной силы... Он угодил псу прямо в хвост и отбросил его метра на три. Нерон так и остался лежать кверху лапами; и только через несколько минут смог перевернуться. Он приник к земле и повизгивал, спрятав голову между передними лапами.

Буцук наклонился к нему, рванул за ошейник и потряс. Потом отпустил пса и отступил на шаг.

— Нерон, ко мне!

Это был решающий миг — Буцук вышел победителем. Нерон подполз к нему на согнутых лапах и уселся рядом.

— Ты, значит, большой начальник, генерал? — Буцук,

вплотную приблизившись к Валленброку, посмотрел на него сверху вниз.— А сам даже не знаешь, как приучают собак к покорности.— Он в задумчивости прошелся взад-вперед. А когда заговорил снова, в голосе его опять зазвучали властные нотки.— И чего я только вожусь с вами, шутами? Мне ведь абсолютно все равно, откуда вы явились — из морозильной камеры или с Луны. Нам нужны солдаты, бойцы. Наш долг — довести войну до победного конца, и мы это сделаем. От кого нет пользы в этой войне, тот нам не нужен и подлежит ликвидации. Хотелось бы мне узнать, стоите ли вы хоть чуть-чуть больше, чем барахло, которое на вас. А пока, ребята, давайте действуйте! Славные на вас комбинезончики, сшиты как на заказ, да и провизия, я думаю, пригодится.

Один из команды подошел ко мне, оглядел сверху донизу.

— А ну, скидывай свои шмотки, да побыстрей!

И чтобы показать, что вовсе не шутит, он направил на меня свой огнемет, изрядно побитый, но наверняка действующий. Через полминуты я уже стоял перед ним в одном нижнем белье. С другими поступили так же. В считанные секунды у нас отобрали одежду, ботинки и шлемы; дошла очередь и до теплого белья. Хорошо, что они хотя бы не запрещали нам надевать свое тряпье, которое сбросили на землю. Мы промерзли до костей, и хотя засаленные вонючие отрепья еще хранили тепло их прежних обладателей, у меня было такое чувство, что я уже никогда не согреюсь.

Я еще не успел осмыслить происходящее, как отряд внезапно снялся с места. Нам было приказано идти вместе со всеми, причем нас предусмотрительно поставили в середину, чтобы никто не мог убежать. Как я понял, подошли еще несколько человек, судя по всему, они принесли какое-то тревожное известие. Наших противников было человек пятнадцать. Я смотрел, как они ловко движутся по крутой дороге, почти не скользя на обледенелом спуске, и вынужден был признать, что, несмотря на их изнуренный вид, мы им в подметки не годимся. Прислушиваясь к речам предводителя, великолепного Буцука, я понял, что кругозор этих людей до крайности ограни-

чен, они даже ничего не слышали о событиях начала войны. Похоже, они продолжают ее до сих пор — действуя в духе давних лозунгов Валленброка; но я сомневаюсь, чтобы это обрадовало его. Что было толку сейчас от наших исторических или технических познаний, чего стоило наше умение воздействовать на людей? Здесь были в цене достоинства совсем иного рода, более примитивные, и исконные человеческие качества: физическая сила, выносливость, умение ориентироваться... Вот какие мысли проносились у меня в голове, пока я шел, внимательно глядя себе под ноги и стараясь не отставать от других — стоило мне замешкаться, конвоиры тут же толкали меня прикладом в спину.

Мы очутились в незнакомом месте; высокий свод пещеры терялся во мраке, пол под ногами ступенями поднимался вверх, пещеру делили на части такое множество ледяных наростов, что рассмотреть всю ее целиком не было никакой возможности.

Мы прошли вдоль стены приблизительно посередине пещеры, ледяные конусы образовали перед нами нечто вроде балюстрады. Буцук сделал нам знак остановиться. Затем последовало еще несколько непонятных мне жестов, но члены отряда его поняли и беспрекословно подчинились. Они расположились в ложбинках, спрятавшись за ледяными наростами и взяв автоматы на изготовку.

Буцук расположился выше других. Нерон улегся рядышком, хотя на расстоянии метра от него находился Валленброк. Я оказался позади них, между двумя вооруженными до зубов конвоирами. Мне тоже сунули в руки винтовку — видимо, все мы должны были отразить нападение невидимого врага. Двое отправились в разведку, они должны были дать нам знать, когда приблизится противник. Остальные, выключив фонари, ждали. На какое-то время стало тихо, затем послышались приглушенные голоса. Я попробовал прислушаться, но понял лишь, что речь идет об оружии, снаряжении, резервах и тому подобном.

Я попытался заговорить с одним из своих охранников. Но, лишь удостоверившись, что Буцук занят беседой с Валленброком, он решил мне отвечать. Постепенно я начал разбираться: в этих местах обитает всего несколь-

ко сотен человек — потомки тех нескольких тысяч, которые выжили в убежищах. Тогда, в последние дни перед тем, как было пущено в ход оружие массового уничтожения, приведшее к оледенению Земли, на подступах к штаб-квартире уже находились крупные соединения Черного блока, некоторые из этих солдат тоже остались в живых. Сначала они покорились черным, но похищение людей, и прежде всего детей, позволило им увеличить свою численность и силы. Однако решающим фактором выживания для всех этих людей оказались неожиданно обнаруженные огромные склады оружия и припасов. Вблизи этих складов они и обосновались, подземные, почти неприступные сооружения стали их прибежищем. Было известно, что существует еще несколько складов; их-то и пытались разыскать обе противоборствующие стороны, из-за них-то и велись кровавые схватки.

Я спросил, не разумней ли было бы заключить мир в этих условиях. Лица своего собеседника я не видел и мог только догадываться, что он смотрит на меня с изумлением, не понимая, о чем я говорю.

— Как можно кончить войну, — сказал он немного неуверенно, — ведь мы еще не уничтожили черных, нам надо против них защищаться.

Казалось, он окончательно был сбит с толку и на дальнейшие мои вопросы перестал отвечать.

Понемногу глаза привыкли к темноте, из черноты стали проступать неясные очертания, из прозрачной глубины как будто исходило слабое свечение.

До меня доносился шепот Валленброка и Буцука, я пробовал разобрать слова.

— Конечно, — говорил Валленброк, — вы знакомы с этой местностью и ваша тактика безупречна. Но, в конце концов, мы тоже профессиональные военные и могли бы быть вам полезны. Ведь это мы начали войну против Черного блока и до сих пор храним верность присяге.

— Что верно, то верно, пополнение нам бы не помешало, но какой сейчас от вас прок? Боюсь, вы будете для нас только обузой, а в таком случае выход один... — он, очевидно, сделал какой-то жест.

— Но у меня есть кое-какие секретные сведения, —

заметил Валленброк. Он пустил в ход все свое искусство убеждения, и я не знал, говорит ли он правду или просто хочет перехитрить своего собеседника.— Я имею в виду подземные сооружения. План создавался под моим руководством. Я знаю расположение складов. Там есть такое оружие, о котором вы понятия не имеете: отравляющие вещества, атомные гранаты, лазеры высокой энергии. И я знаю не только, где все это хранится, но и как с ним обращаться. Я предлагаю вам серьезно обдумать мое предложение!

— Ты имеешь в виду главный штаб? Да ты, видно, совершенно не в курсе дела! Мы давно знаем, что там можно кое-чем поживиться, но я никому не посоветовал бы туда сейчас соваться. Некоторые уже пробовали, да мало кто вернулся, получив смертельную дозу облучения. Ты хоть представляешь, что там, внизу, творится? Там не одну неделю шли жестокие сражения, каждый метр надо было брать с боем, и какие только средства не пускали в ход с обеих сторон: и газ, и бактерии, и радиоактивные вещества! И все это там и осталось и продолжает действовать—хоть многие замечают это слишком поздно. Нет, мой дорогой, если вы хотите остаться в живых, вы должны показать, что умеете воевать. Сейчас вам как раз такая возможность предоставляется.

Внизу мелькнули два огонька, и донеслись приглушенные голоса. Начинается!

Сердце бешено колотилось, я дрожал от страха. Может, для настоящих солдат все это было делом привычным, но я-то не был солдатом, единственное, что я умел,—это выразительно произносить тексты. Наверно, мои спутники испытывали то же самое. А что чувствовали остальные, эти неведомые порождения тьмы, я даже догадаться не мог. Дорога ли им была жизнь, считали ли они ее достаточно ценной, чтобы бояться за нее? А может, они потому и были так бесстрашны, что их убогое существование не имело для них никакой цены и смерть лишь подводила черту под списком их бесконечных лишений и невзгод?

Я не заметил, что схватка уже началась. Тихий металлический звук раздался где-то совсем рядом, с шипеньем

взлетела вверх ракета, так ярко осветившая пещеру, что я даже прикрыл глаза, а когда снова открыл их, заслонившись рукой, я увидел, как замелькали внизу какие-то фигуры, они пытались поскорее укрыться за ледяным валом, но там, внизу, не было ледяных наростов — конусов и сосулек, — которые прикрывали нас, и противник оказался беззащитен перед нашими выстрелами, залпы и взрывы обрушились на него, одни стреляли из автоматов, другие из винтовок, вниз полетели гранаты, которые, описав длинную дугу, взрывались с глухим звуком, среди ослепительно белых ледяных кулис распускались красные цветы огня и дыма.

Мог ли бой так быстро кончиться? Неужели наши соратники и в самом деле настолько превосходили противника?

И вдруг сзади послышалась какая-то возня, затем предостерегающий крик — для отряда это было, видимо, не так неожиданно, как для нас; часть людей тут же развернулась и побежала навстречу прорвавшемуся с тыла противнику, надеясь перерезать ему путь. И в ту же минуту возобновился штурм снизу. Нападавшие лезли вверх, не щадя себя, и хотя многие падали, сраженные пулями, численное превосходство было явно на их стороне, и сдержать их натиск не удавалось.

Наши тут же изменили тактику: мы оставили свои укрепления и отступили в проход. Но это дало нам лишь короткую передышку — в зале уже слышались шаги солдат противника.

Я с удивлением отмечал, с какой беззаветной отвагой сражались эти люди. Казалось, никто из них не думал о собственной безопасности, про нас же, пленных, они и вовсе забыли. Валленброк и тут сумел сориентироваться и отыскал шанс на спасение. Он встал возле узкой расщелины, темневшей слева в стене, и пока вокруг шел кровавый бой, а мы инстинктивно, просто из страха и чувства самосохранения, подались назад, Валленброк подтягивал нас к себе одного за другим, — быстро, не произнося ни слова. Так нам удалось удрать под покровом темноты. Мы прошли по расщелине вперед и попали в маленькую пещеру, такую низкую, что продвигаться по ней можно

было только ползком, и наконец, мокрые, задыхающиеся, залегли в тесной трубе — здесь был тупик, дальше хода не было.

Шум сражения пока доносился до нас, но уже приглушенно, изредка слышался то выстрел, то яростные выкрики, то глухое пыхтение: там, должно быть, дело дошло до рукопашной. Дрожа от холода и страха, мы скорчились в узкой щели и, прислушиваясь, ждали...

Даже когда все окончательно стихло, мы еще долго не решались высунуться из своего укрытия. Наконец Катрин вызвалась разведать ситуацию, а я предложил ее проводить.

Мы продвигались медленно, стараясь ступать как можно тише и притушив фонари. Удивительно, как недалеко мы, оказывается, ушли — всего каких-нибудь двадцать метров. Дойдя до выхода из расщелины, мы остановились, прислушались... Ничего. Только тогда мы осмелились войти в коридор, включили фонари поярче и посветили кругом...

На льду валялось несколько скорченных фигур, здесь нашли смерть человек десять. Мы осторожно осмотрели коридор с одной стороны, потом с другой... Нигде никаких следов жизни. И мы вернулись назад, чтобы рассказать обо всем остальным.

Скоро все опять собрались в коридоре; теперь можно было осмотреться не спеша. Среди убитых мы узнали нескольких членов нашего отряда, но много было и чужих — чернокожих. С них сняли все, что только могло пригодиться: одежду, оружие. На земле валялось несколько фонарей, мы подобрали их — оказалось, что батарейки оттуда вынули.

Валленброк побежал вперед по коридору, потом вернулся, пробежал в другую сторону и исчез. Скоро мы слышали его громкий крик, и только тогда я понял, что он искал. Мы подбежали к нему. Валленброк стоял на коленях, обняв руками собаку; глубокая рана зияла на ее голове, глаза остекленели. Нерон был мертв.

Валленброк мотал головой, словно пытаясь стряхнуть невидимую тяжесть, и бормотал все громче, все отчетливей:

— ...бедное животное! Я отомщу за тебя! Вот во что превратились люди! Зачем таким жить? Я отомщу им, они у меня получают по заслугам...

Он все мотал и мотал головой, словно обезумев. Потом склонился над телом пса, и плечи его задрожали. Никогда бы не подумал, что он может так расчувствоваться. Меня это зрелище потрясло, думаю, другие были поражены не меньше. Однако нельзя было забывать об опасности, ведь она еще не миновала; кто знает, не услышал ли кто-нибудь крик, вырвавшийся у Валленброка? Если немедленно не принять мер, может случиться самое ужасное.

Что бы такое сделать, как успокоить Валленброка, чтобы он вернулся к действительности? Но он уже выпрямился и, все еще стоя на коленях, погладил собаку. Затем снял с нее ошейник, свернул его и положил в нагрудный карман старой форменной куртки. Затем он встал, оглядел нас, точно не узнавая. Мог ли этот человек продолжать руководить нами Положение у нас было довольно скверное: ни припасов, ни батареек — и ни оружия. Сможем ли мы спасти свою жизнь?

Мы переговаривались вполголоса, Валленброк в этом разговоре не участвовал. Вдруг Катрин подняла руку, приказывая всем замолчать...

Она первая услышала какой-то стон, он повторился еще и еще... Кто-то стонал в глубине, у стены. Мы пригляделись и увидели нависшую над ямой ледяную плиту. Под ней лежал человек в незнакомой нам форме, на полу валялся черный с голубыми полосками шлем. Это был юноша, почти ребенок! Темнокожее лицо, курчавые волосы. Глаза юноши были закрыты, но губы зашевелились, и мы снова слышали шедший откуда-то из глубины груди, сдавленный, болезненный стон.

Катрин склонилась над ним, посветила — никаких видимых повреждений.

— Здесь его оставлять нельзя. Помогите мне!

Мы с Эллиотом вытащили юношу из ямы и отнесли на несколько метров выше, где была сравнительно ровная площадка. Глаза его все еще были закрыты, но дышал он

ровно. Катрин, задержавшаяся возле ямы, подошла и укрыла юношу старым плащом. Он был без сознания.

Эйнар пошарил в яме еще и поднялся, держа в одной руке пистолет, в другой — шлем.

— Посмотрите-ка! — Он указал на продолговатую вмятину на шлеме. — Сюда попала пуля.

Катрин откинула волосы юноши со лба, но никакой раны не обнаружила.

— Наверное, он просто контужен и скоро очнется.

Все это время Валленброк безучастно стоял, прислонясь к стене; сунув в рот обломок ароматки, он втягивал живительный запах — должно быть, нашел ароматку в кармане куртки. И вдруг он повернулся к Эйнару.

— Где ты взял пистолет?

Эйнар рукой указал на яму.

— Наверное, этот черный уронил.

— Дай сюда! — потребовал Валленброк.

Эйнар, коротко взглянув на него, спросил:

— С какой стати?

— Дай! — повторил Валленброк.

Эйнар отвернулся с таким видом, словно разговор этот ему надоел.

— Я его нашел, и теперь он мой.

Валленброк злобно покосился на него, но промолчал.

За последние часы ситуация изменилась — и не в нашу пользу. Лишь теперь, когда мы смогли наконец задуматься и оценить обстановку, до нас дошло, насколько плохи наши дела. У нас больше не осталось концентратов, не было спальных мешков... Тряпье, которое мы на себя натянули, конечно, защищало нас от холода, но явно недостаточно. Холод и сырость проникали сквозь прорехи, пробирали до костей; ноги у меня нестерпимо болели от усталости, а потом совсем окоченели, так что я их больше не чувствовал.

— Здесь мы не выдержим и дня — без пищи, без сна. Спать я вам не советую, можно и не проснуться.

— Где мы? Боюсь, нам не найти дороги обратно.

— Я тоже.

— Как нам выбраться из этого лабиринта?

Валленброк указал на лежавшего юношу.

— Он здесь ориентируется, он и поведет нас.

Голос его был тихим и невнятным, он все еще посасывал ароматную палочку; видимо, он уже успокоился и успел оценить и обдумать ситуацию. Мысль его продолжала непрерывно работать, решать проблемы, строить планы, разрабатывать проекты. Как много противоречивого уживалось в этом человеке: с одной стороны, природа наградила его незаурядным интеллектом, он отличался не только фундаментальными техническими знаниями, но и способностью критически мыслить. И вместе с тем он умел ценить прекрасное, неплохо разбирался в искусстве; не скажу, что мне нравилось, как он обставил свое жилище, но надо признать, это был солидный стиль. В конце концов, именно Валленброк в предвоенные годы возглавлял крупнейшие строительные проекты, где сочетались холодный расчет и размах, отвечавший тогдашней политике правительства. И вместе с тем кругозор его был ограничен, побудительные мотивы его деятельности — крайне примитивны, особенно эта безнадежно устаревшая философия власти и чести — столь же плоская, как и те призывы, которые мы по его приказанию передавали в эфир. Как я ни старался, я не мог уловить у него даже намека на простые и естественные человеческие чувства; в период своего обучения я особенно тщательно к нему присматривался, чтобы во всем, вплоть до мелочей, подражать ему. Единственным, к кому он испытывал привязанность, был его пес. Только сейчас я наконец-то понял, что Валленброк психически ненормален. Как бы он трезво ни рассуждал, ему были недоступны те человеческие побуждения, что делают нас людьми. Валленброку не хватало главного качества, которым должен обладать человек, взявший на себя ответственность за других: способности сострадать. Это было явное отклонение от нормы. Но этот ненормальный был единственным, кто мог вывести нас из тупика.

— Надо сматываться отсюда как можно скорей, — сказал он. — Правда, я не думаю, что они нас ищут, похоже, победили черные, а они о нашем существовании даже и не подозревают.

Он по-прежнему стоял, прислонившись к стене. Но вот

он, словно очнувшись, подошел к лежавшему юноше и хлопал его по щекам. По тому, как быстро на темном лице лежавшего сменились боль, удивление и тревога, было ясно, что тот приходит в себя. Вскоре юноша открыл глаза и удивленно огляделся — должно быть, свет наших фонарей ослепил его. Наконец он разглядел наши лица, белый цвет кожи... и медленно прикрыл глаза, словно не желая верить в жестокую реальность. Валленброк потряс его за плечо.

— Эй, давай-ка вставай! Мы тебе ничего не сделаем!

Юноша смотрел на нас непонимающим взглядом. Валленброк попробовал заговорить с ним на других языках, но так же безуспешно.

Мы ломали голову: как же с ним объясниться, но тут юноша неожиданно заговорил сам, заговорил с легким акцентом, однако понять его было все же можно:

— Вы кто? Я вижу, на вас форма Объединенных армий, но оружия нет... Вы дезертиры?

— Не задавай глупых вопросов, — прикрикнул на него Валленброк. — Мы вообще не отсюда, мы... — он запнулся, подбирая слова... — Впрочем, какое тебе дело, ты ведь все равно не поймешь.

Юноша весь дрожал, то ли от холода, то ли от страха.

— Вы взяли меня в плен? Что вам от меня нужно?

Мы ничего тебе не сделаем, если ты окажешь нам небольшую услугу.

Юноша попытался подняться, мы помогли ему. Он держался за голову — по всей вероятности, он ушибся при падении. Как он ни храбрился, по всему видно было, что ему страшно.

— Предателем я не стану, — сказал он. — Делайте со мной, что хотите.

— Не надо громких слов, никто тебя не заставляет предавать, — сказал Валленброк и в нескольких словах объяснил, что от него требуется.

Мы обступили юношу и с напряжением ждали, что он ответит: от этого зависела наша судьба.

— Хорошо, — кивнул он, — я провожу вас до входа, а там вы меня отпустите.

— Он может нам понадобится и внизу, — сказал Эл-

лиот.— Может, он знает и дорогу к складу — ведь у нас нет ни продуктов, ни батареек.

— Нет,— сказал юноша,— вниз я с вами спускаться не стану. Там, внизу, опасно, еще действует заградительная система: радарный контроль, световые ловушки, минные поля. Многие участки заражены радиоактивностью — идешь и ничего не замечаешь, а через два часа помрешь. Если хотите, можете спускаться сами, меня ваши дела не касаются, но я с вами не пойду — лучше убейте меня на месте.

Юноша говорил с трудом, его покачивало, видимо, у него кружилась голова, так что приходилось его поддерживать. Однако слова его звучали ясно и твердо.

Мы ждали, что скажет Валленброк, и тот, не раздумывая долго, согласился.

— Договорились. Значит, ты нас ведешь. В какую нам сторону?

Юноша пошел во главе нашего небольшого отряда. Он уже окончательно пришел в себя, от слабости не осталось и следа. Он на удивление хорошо ориентировался в темноте, которую прорезали лишь несколько слабых лучей наших фонариков. Валленброк шагал за ним следом, а потом и все остальные.

От долгой неподвижности мы заоченели, и движение действовало на нас благотворно. Вначале мы ступали неуверенно, часто спотыкались и скользили на обледенелых местах, но потом, разогревшись от ходьбы, зашагали бодрей.

Ровная дорога скоро кончилась, юноша повернул и вошел в какое-то низкое помещение, откуда круто уходил вниз вертикальный штрек, так что нам пришлось спускаться, преодолевая ступени высотой в человеческий рост. Спустившись на двадцать-тридцать метров, мы вышли к наклонному, извивающемуся змеей руслу, по которому струился тоненький мутно-красный ручеек. Мы заметили, что юноша следит, как бы не ступить в него сапогом. Что это было: радиоактивный раствор, какая-то ядовитая смесь, разлившаяся из пробитых резервуаров? Спрашивать было некогда, мы тоже старались идти по сухому краю, но нам не доставало той ловкости, какой обладал

наш проводник, всю жизнь проведенный в этом подземелье, иногда один из нас, поскользнувшись, попадал ногой в мерзкую жижу... Мы не знали, чем это нам грозит, и потому не обращали на это внимания — как, впрочем, и на многое другое. Ноги у меня были по-прежнему ледяные, похоже, я их обморозил, горло распухло и болело, нос заложило, и я хватал ледяной воздух ртом. По всем правилам полагалось лечь и позвать врача. Но где там! Сейчас ни для отдыха, ни для лечения не было никаких возможностей, и я обреченно плелся следом за другими, словно со стороны наблюдая за реакцией собственного тела, и даже не думал о том, смогу ли я вообще когда-нибудь вылечиться.

Мы сделали уже так много поворотов, что я давно перестал следить за дорогой. Теперь мы шли под сводами, покрытыми льдом, но слева и справа виднелись остатки стен, на земле валялись обломки бетона и кирпичей, то и дело на глаза попадались какие-то дверные или оконные коробки с обугленными остатками рам. Дорога по-прежнему ступенями шла вниз, и красная жидкость все такой же тонкой струйкой текла по руслу. Местами она разливалась пузырящимися лужами. Наконец мы подошли к стене, которая широким прямоугольником перекрывала вход; в стене было пробито отверстие, в которое с тихим журчаньем устремлялась красноватая струйка.

Тупик? Мы беспомощно окинули взглядом стену.

Юноша указал на отверстие.

— Это здесь.

Он выпрямился, выставив перед собой руки, словно ожидая нападения. Вероятно, он не был уверен, что на обещание Валленброка можно положиться.

Все по очереди осмотрели дыру — протиснуться в нее было не так-то просто.

— Значит, это здесь? — пробормотал Валленброк. — Ты хочешь сказать, это единственный путь?

Юноша кивнул.

— А вдруг ты врешь? Ведь это самый удобный способ от нас избавиться. Как узнать, что ты говоришь правду?

Юноша пожал плечами.

— Посмотри сам!

— Эллиот!

Валленброку достаточно было назвать это имя, и Эллиот тут же опустился на колени, потом встал на четвереньки справа от дыры, там, куда не доставал стекавший в нее ручеек, просунул туда фонарик, потом голову... Наконец вся верхняя половина его тела исчезла в отверстии...

Через несколько минут Эллиот, кряхтя, вылез обратно.

— Там можно спуститься. Внизу есть зал, на одной его стороне я видел открытую дверь, на другой — большой бак или что-то вроде контейнера... А больше я ничего не успел разглядеть.

Валленброк задумался, покачал головой.

— Это может быть действительно Западный выход... Третий этаж. — Он кивнул Эйнару. — Пристрели его!

Юноша замер, казалось, ничего другого он и не ожидал. Он молча переводил взгляд с лица Эйнара на пистолет, висевший у его бедра. Тот покачал головой. Неожиданно юноша повернулся и бросился бежать, перепрыгивая через ступени. Темнота поглотила его.

— Идиот! — сказал Валленброк. — Зачем ты дал ему убежать! Теперь он приведет сюда своих.

— Я не убийца. Ты же обещал сохранить ему жизнь!

Все были поражены дерзостью Эйнара, осмелившегося ослушаться приказа.

Валленброк с трудом сдерживал бешенство. Несколько секунд он стоял молча, потом сказал:

— Возможно, они действительно боятся сюда ходить. В таком случае нам повезло! — Он снова помолчал немного и добавил: — По описанию я уже понял, что это за контейнер — в него сносили строительный мусор. А дверь — очевидно, вход в коридоры, которые ведут дальше в глубину. Где-то по соседству должен быть склад — может, нам удастся добыть продукты. Словом, пошли! Эллиот, ты первый!

Это был прежний властный командирский голос, не допускавший никаких возражений. Валленброк, видимо, окончательно вошел в свою роль, и меня это даже обрадовало — мне казалось, что он один был способен найти выход из положения.

Эллиот полез в дыру, а мы, присев на бетонные обломки, стали светить ему. Хотя место, где мы очутились, никак нельзя было назвать уютным, неизвестность, поджидавшая нас внизу, пугала еще больше. Непрерывное тихое журчание доносилось оттуда. Из отверстия тянуло теплом и гнилью. От этого запаха саднило в горле, наверное, в этом теплом воздухе были какие-то химические вещества, возможно, даже кислотные пары или ядовитая пыль, кто знает...

Эллиот уже скрылся из виду, слышно было лишь, как он шуршит и скребется.

— Следующий! — Валленброк подал знак Катрин. С невозмутимым видом она тоже полезла в дыру. Она сделала это более ловко, чем грузный Эллиот, и исчезла буквально через несколько секунд.

Следующая очередь была моя. Я тщательно следил, как бы не угодить ногой в ручей, который сбегал по уступам совсем рядом, образуя крошечный водопад. Это было самое опасное место: нужно было пролезть в дыру, куда тек ручей, и проползти несколько метров по слегка стесанному бревну — тронув его рукой, я почувствовал его шероховатую округлость, потом нащупал острый край... Секунды, когда я, обхватив бревно руками и ногами, повис над пустотой, заставили меня забыть обо всем остальном, сейчас в мыслях было только одно — крепче держаться, сохранять равновесие и, не расслабляясь, доползти до конца... Я добрался до конца и, тяжело дыша, несколько минут сидел в непроглядном мраке, с трудом различая внизу два тусклых огонька.

— На той стороне — лестница! — Голос, шедший снизу, так гулко отдавался под сводами, что я с трудом разобрал слова.

Я пошарил рукой вокруг, нащупал холодный влажный металл, почувствовал запах ржавчины... вот ступенька, вот и еще одна — грязная, сырая. Ноги шарили в темноте, руки судорожно цеплялись за тонкие перекладины... наконец я нашел нужный ритм и стал медленно, но без остановок спускаться со ступеньки на ступеньку, пока не ощутил под ногами твердую почву.

И вот я уже стою рядом с Эллиотом и Катрин. Передо

мной — бассейн, в который выливалась красная жидкость; от нее исходит ни с чем не сравнимое зловоние.

Наверху тускло светилось отверстие, где плясала огненная точка.

Оттуда доносились голоса, однако из-за плеска воды, отдававшегося под сводами, можно было уловить только обрывки.

— ...сначала ты, Эйнар!

— Нет, я пойду последним.

Послышалась какая-то возня, потом снова раздался голос Валленброка:

— Можно идти... — И немного спустя: — ...дай мне пистолет!

— ...Ишь чего захотел...

Звякнул металл, вероятно, Эйнару мешал двигаться пистолет, который он не выпускал из рук.

С минуты на минуту мы ждали появления Валленброка, но наверху ничего не было слышно. Может, он решил передохнуть на бревне или захотел помочь Эйнару...

Но я ошибся, о помощи тут не было и речи... Послышался шум, кто-то чертыхался, крихтел...

Потом опять до нас донеслось:

— ...отпусти, отпусти, я говорю...

И снова раздался крик, какое-то сопение... звуки, отдаваясь гулким эхом в бетонных стенах, вонзались в мозг. Что это было? Крик ужаса? Или возглас торжества?

Все завершилось мгновенно: мимо нас пролетело темное тело и с громким всплеском упало в бассейн.

Свинья, он хотел столкнуть меня вниз, — скулил Эйнар наверху. — ...он вырвал у меня пистолет!

Снова послышался плеск, и при свете фонариков мы увидели, как из бассейна выбрался Валленброк. С него текло, одежда была пропитана ржаво-красной жидкостью, он отплевывался и фыркал; выражение лица его было ужасно, казалось, его свела жуткая гримаса, и трудно было понять, что она означает; когда же я подошел поближе, чтобы помочь Валленброку выбраться, я увидел, что лицо его сияет дикой радостью и торжеством. Он отвел мои руки и, держа перед собой пистолет обеими руками, стал по-

ворачиваться во все стороны, снова угрожая нам всем... Наконец он выбрался и зарычал, отплеываясь:

— Теперь он мой! Из нас только один я владею оружием! Я научу вас слушаться! Кто не согласен, тот получит у меня...

Он повернулся и прицелился в Эйнара, который уже начал спускаться по лестнице.

— Руки вверх! Соппротивление бесполезно! Кто не согласен?

Вопрос относился не только к Эйнару, но и ко всем нам — дуло пистолета описало полукруг, по очереди останавливаясь на каждом из нас. Никто не двигался с места. Эйнар молча поднял руки вверх, злобно сверкая глазами, но не произнес ни слова. Наверное, на уме у него было то же, что у меня: долго ли будет Валленброк угрожать нам вот так, если мы не захотим ему подчиняться? Он устал не меньше нас, и если сейчас мы от возбуждения забыли об усталости, то рано или поздно она все же одолеет нас, заставит прилечь. И тогда...

Валленброк обратился к нам с речью:

— Начинается последний этап нашей экспедиции! События развернулись несколько неожиданно для нас, однако мы преодолели все опасности. Я рад, что в мире, который считался вымершим, еще сохранилась жизнь, что борьба не закончилась и победа еще возможна! Друзья! Понимаете ли вы, что это значит? До сих пор речь шла о том, чтобы просто исполнить свой долг до конца, как подобает последним оставшимся в живых. Но нет! Битва, которую враг, двести лет назад применивший ужасное оружие, считал уже выигранной, продолжается! И хотя в сражении участвуют лишь жалкие остатки наших доблестных армий, история в конце концов назовет их победителями, как они того заслужили!

Это, однако, не означает, что цель, которую мы поставили перед собой, уже утратила свое значение, наоборот! Если среди нас находится предатель, вражеский агент, он так же быстро оценит ситуацию, как и мы. Но я эти намерения уже раскусил и постараюсь вывести его на чистую воду.

Как вы понимаете, сейчас самое важное — прояснить

до конца обстановку и разоблачить изменника. И я надеюсь, именно сейчас нам удастся выполнить и то, и другое: приближается момент, когда он будет вынужден сбросить с себя маску. От каждого из нас требуется теперь бдительность. Опасность грозит всем нам, под угрозой осуществление великого плана, исполнение нашего священного долга. Я требую, чтобы вы следили друг за другом, чтобы никто не убаюкивал себя иллюзией безопасности! Возможно, ваша бдительность усыплена, возможно, вы поддались заразе терпимости, которая действует разлагающе, возможно, совместные испытания породили у всех вас чувство нерасторжимой связи друг с другом, но не забывайте, что, хотя вам приходилось действовать заодно, цели у всех были разные. Среди тех, кто верой и правдой служит нашему блоку, затаился враг, который лишь прикидывается, что он со всеми заодно, на самом же деле он только выжидает момент, чтобы сделать свое черное дело. Нет ничего отвратительнее предательства!

Валленброк говорил с пафосом, он прекрасно владел словом, совсем как в былые времена. Я даже позабыл, сколько лет прошло с тех пор... Призыв подчиниться приказу, неукоснительно исполнять свой долг, предостережение против коварных предателей — все эти давние слова снова были обращены ко мне, словно не было этих столетий, обернувшихся случайной паузой, и теперь нам снова предстояло собрать все силы для решающего удара.

Неужели я остался все тем же человеком, который послушно следовал приказам, не задумываясь, куда они приведут? Неужели я не изменился с тех пор, ничего не осознал и ни разу не задался вопросом о вине, о смысле случившегося?.. «Откликаясь на великие исторические задачи...» Да, все это было у меня в крови, но ведь появилось в душе и что-то другое, что-то нежное и уязвимое, новое и неожиданное... Я думал сейчас вовсе не об исторических задачах, не о надуманных велениях долга и чести — меня больше занимали собственные желания и надежды, которые, казалось, незаметно прорастали в душе, пока еще неопределенные, смутные...

Неужели и этому суждено погибнуть? Прошлое настигло нас. Надежда укрыться от событий абсурдна. Поздно

задавать себе вопрос, почему я в этом участвовал. И уйти уже невозможно, попытка к бегству равна самоубийству. Это невозможно не только физически: я чувствовал, что и мысли мои словно опутаны какой-то сетью и при малейшей попытке высвободиться знакомая сила сжимает все мои помыслы и устремления в одну тоненькую, затухающую полоску, подчиняя меня высшей идее, по сравнению с которой дела и помыслы отдельного человека ничего не значат.

Речь Валленброка возродила в нас давнюю привычку к слепому подчинению... Но, едва я подумал об этом, я понял, что это не совсем так. Да, укрыться от действительности невозможно, как бы трезво я ее ни оценивал, существуют непреодолимые препятствия... И все же в каком-то уголке мозга жила искорка критической мысли, которая дана человеку, вероятно, от рождения,—искорка разумного скептицизма, которая помогает ему вырваться из системы слепого повиновения, не поддаваться инстинктивным порывам, которыми так часто злоупотребляют люди... еще живы были нравственные заповеди и близорукое добро — все, что воспринимается как само собой разумеющееся. Да, меня парализовала привычка подчиняться ходу событий, привычка к насилию... Но я сделаю все, чтобы эта искорка самосознания не погасла во мне — когда-нибудь она еще выведет меня на правильный путь.

Но как велика сила слов! Перед нами стоял человек, непоколебимость которого граничила с безумием,—и все-таки он вызывал у всех восхищение; я видел это по лицам. Слова Валленброка сделали свое дело. При всей своей демагогичности они действовали безошибочно, ибо указывали нам цель и определяли наш дальнейший путь.

Знать бы, что думают другие... Странно, как состояние подчиненности, в котором мы опять оказались, мешало взаимопониманию. За короткий миг свободы мы еще не научились говорить то, что думали и чувствовали, а не то, что полагалось говорить. И вот теперь, когда это действительно стало важно... Если бы кто-то вздумал пошептать, Валленброк немедленно заподозрил бы заговор. Любое произнесенное шепотом слово, любой безмолвный знак приобретали в этой ситуации особый смысл.

Всякий, кто почему-либо оказывался в стороне, мог заподозрить в этом угрозу... Да и слова Валленброка о предательстве уже нельзя было так просто отбросить. Кем-то что-то было разыграно — неизвестно, с какой целью, произошли какие-то события, а о них даже не знали, кто-то решал их судьбы без их ведома и участия... а главное — произнесено слово «предательство», посеяно недоверие, отравлена атмосфера — во всем этом была какая-то неизбежность. Кому можно теперь доверять, кого считать союзником? А вдруг ты ошибешься и станешь причиной таких событий, которых и сам не желаешь?

Сейчас каждый из нас думал и действовал сам по себе, обособленно от других, замкнувшись в собственном мире тайных надежд и страхов, — пять человек, объединенных общей целью, вынужденных действовать заодно, а в сущности разобщенных...

Я встрепелся. Оказывается, на несколько секунд я отключился и ничего не слышал, ничего не видел. Между тем Валленброк закончил свою речь — возможно, это и заставило меня очнуться.

Мы снова выступили в поход. Правда, на этот раз никаких сборов не потребовалось, мы шли налегке, без какой-либо ноши. Мы отправились в путь без припасов, без инструментов и снаряжения, это было чревато опасностью. И всё же я радовался, что иду налегке. Впрочем, о какой легкости можно говорить, если нестерпимо болели ноги, все тело онемело, спину покалывало, а плечи были натерты рюкзаком. Да еще и горло распухло, дышать было трудно. В конце концов голод и жажда напомнили о себе: от пустоты в желудке и слабости всех пошатывало.

Как и предполагал Валленброк, к залу примыкала разветвленная система коридоров. Хотя все повороты были под прямым углом, проследить за этими ходами было невозможно. Они то и дело расширялись, и на этих площадках были сложены строительные материалы. Несколько помещений были приспособлены под машинные залы, но по остаткам оборудования мы поняли: его взорвали то ли наши войска при отступлении, то ли прорвавшийся противник. Следы боев виднелись повсюду: закопченные стены, рухнувшие потолки; на полу валялся всякий хлам: об-

горевшие металлические гильзы, исковерканные автоматы и огнеметы, истлевшая одежда, а порой попадались трупы, превратившиеся в высохшие мумии — человеческие скелеты с остатками кожи и клочками одежды.

Все это быстро проплывало перед глазами и казалось ненастоящим, как в театре. Я плохо соображал, похоже, у меня был жар. Лампы здесь уже никакие не горели, но от светящейся полосы на потолке исходило зеленоватое свечение — Катрин первая заметила это и сказала, чтобы я выключил фонарь на шлеме и сэкономил батарейки.

Валленброк шел последним и все время подгонял нас. Если мы останавливались на очередной развилке, не зная, куда идти, он выходил вперед, держа пистолет на взводе, и быстро ориентировался, не спуская с нас глаз. Вид у него был ужасный. Красный костюм стал грязно-серым, ткань под действием химикатов расплзлась в нескольких местах. Ядовитый раствор оставил следы и на его лице — кожа покрылась струпьями. Но глубоко посаженные глаза были необычайно светлы и блестели.

Первым не выдержал Эллиот. Он шагал все медленней, отставал, жаловался, что хочет пить... Валленброк подгонял его, тыча дулом пистолета ему в спину, но это помогало ненадолго, Эллиота вскоре снова начинало шатать...

Хотя воздух здесь был насыщен влагой, воды нигде не было видно. Наконец мы добрались до небольшого сводчатого зала, который, судя по всему, служил когда-то местом отдыха; рядами стояли простые столы и скамейки: стойки из металла и пластмассовое покрытие. Вдоль самой длинной стены шел барьер, за которым стоял ряд автоматов для питья.

Мы прошли мимо, не оглядываясь. И вдруг — мы не успели еще ничего понять — Эллиот, покачиваясь, бросился назад, к автоматам и принялся вертеть краны... Безрезультатно. В отчаянии он схватил лежавший на земле железный прут и ударил по пузатому резервуару. Мы подбежали к нему и были удивлены не меньше его, когда из пробитой дыры вдруг потекла жидкость. Ему никто не успел помешать, он припал к струе ртом и стал жадно пить.

— Ты с ума сошел! — Валленброк подскочил к Эллиоту, попробовал оттащить его, но тот, вцепившись в автомат, боролся за каждый глоток. И тут же рухнул на землю, хватая воздух ртом.

Мне тоже очень хотелось пить, я чувствовал, как воспалилась и стала сухой гортань, как потрескались язык и нёбо. Но, едва подойдя к автомату, я сразу почувствовал неприятный запах и остановился...

— Не смейте брать в рот эту гадость! — крикнул Валленброк и направил на нас пистолет. — Поднимите его и пошли дальше!

Эллиоту как будто полегчало, он выглядел немного бодрее, правда, по-прежнему прижимал руки к животу. Тащить нам его не пришлось, он держался на ногах сам, хотя колени у него и подгибались.

И вот снова мы стоим в коридоре, снова на прицеле у Валленброка.

— Чтоб больше этого не было! Ничего не есть и не пить без моего разрешения! Эллиот вел себя как скотина. Будем надеяться, что эта гадость не ядовита. А теперь вперед!

Никто не шелохнулся — все будто сговорились. Валленброк обвел нас удивленным взглядом.

Эйнар выступил вперед.

— Долго нам еще оставаться без еды, без питья, без сна? Незачем грозить нам оружием, мы здесь подохнем и так!

— Что вы все о еде да о питье! — рассвирепел Валленброк. — Думаете только о своем брюхе! Да без конца ноете, что устали! Противно слушать, честное слово! Можете вы еще потерпеть без сна?

В своих расползающихся грязных отрепьях, с бледным, изуродованным струпьями лицом, он выглядел хуже всех нас, но совсем не казался усталым. Лихорадочно-деятельный, возбужденный, он словно вел счет секундам. Я подумал: может, на него так подействовало купание в ядовитом бассейне, а может, он облучился еще раньше... Возможно, он чувствует, что ему недолго осталось жить, и именно это заставляет его собрать последние силы.

Он глядел на нас с презрением и, пожалуй, даже с состраданием.

— Ну и что же нам теперь делать, как вы считаете?

Снова Эйнар ответил за всех:

— Я предлагаю поискать склад, там могут быть консервы, напитки. Нет никакого смысла доводить себя до истощения. И потом, нам нужно хоть немного отдохнуть. Иначе я не в силах сделать ни шагу.

— Бунт? — Валленброк держался прямо, но было видно, что ему это стоит невероятных усилий: ноги у него дрожали, он покачивался, точно какая-то неведомая сила влекла его к земле. И вдруг он расслабился, лицо у него сразу стало грустным, разочарованным. — Что ж, хорошо, тут где-то должен быть склад припасов для этой столовой. И потом, раз уж, черт побери, вы не можете без этого обойтись, отдохнем часочка четыре, заночуем здесь.

Заночуем! Как нелепо звучало это слово в подземном царстве, где давно исчезли границы дня и ночи и вообще всякое представление о последовательности времен — кто сейчас скажет, что там на Земле: весна, лето, осень или зима. Но никто, конечно, не возразил Валленброку, и все направились к входу в боковой коридор, на который он нам указал.

Валленброк остановился перед дверью в стене и стал сбивать рукояткой пистолета крышку с магнитного замка, потом на минуту задумался и быстро набрал какой-то цифровой код. Послышалось короткое шипение, затем все стихло. Валленброк оглянулся, убедился, что никто не собирается на него нападать сзади, отодвинул засов и толкнул дверь — она чуть-чуть подалась и отошла тяжело, со скрежетом. Открылась лишь узенькая щелка, потом раздался металлический звук, дальше дверь не двигалась. Валленброк навалился на нее всем телом и отодвинул еще немного, чтобы можно было пройти. За дверью была крошечная тьма, я успел лишь заметить, как Валленброк схватил фонарик и тут же скрылся из глаз.

Немного подождав, мы решили последовать за ним. Но только я собрался переступить через порог, как послышался странный звук, напоминавший пронзительный многоголосый свист, а затем — испуганный крик. Я не

вольно отпрянул назад. Прямо на меня выскочил Валленброк. На руках и ногах у него висели какие-то белые гроздья. Это были крысы-альбиносы с красными или закрытыми бельмами глазами. Они хлынули из-за двери сплошным потоком, их были сотни, тысячи... Мы испуганно прижались к стене — видение пронеслось мимо. Катрин сориентировалась быстрее остальных: не обращая внимания на крыс, она подбежала к двери, рванув ее изо всех сил на себя.

Валленброк сидел на земле. Он скинул с себя крыс и рассматривал укусы на руках, однако, когда мы попытались к нему приблизиться, снова направил на нас свой пистолет. Он успел вытащить пластиковую коробку с металлической ручкой, где аккуратными рядами выстроились покрытые густой пылью банки с пивом. Валленброк достал одну, открыл — зашипела пена... он понюхал ее, попробовал и начал пить... Потом стал бросать банки остальным: сначала Катрин, потом мне, Эйнару, Эллиоту...

На миг мы забыли обо всем. Пиво оказалось прохладным и очень вкусным, оно пенилось, как свежее. С наслаждением глотая его, я чувствовал, как наполняется желудок и как все тело наливается силой.

Валленброк дал нам еще по одной банке, а две последние оставил как резерв.

Мы вернулись в зал, который он называл «столовой».

— Устраивайтесь, как можете, хотите — садитесь, хотите — ложитесь на столы. Там в углу куча стекловаты, можете укрыться.

Сам он уселся на полу перед входом, упершись спиной в стену, держа пистолет на колене.

— Не вздумайте делать глупостей! Я не сплю.

Не знаю, действительно ли он не спал, — сам я мгновенно провалился в сон.

* * *

И вот я парю в пустоте. Вокруг — черная бездна, я крошечный комочек вещества, обреченный на распад, отдан-

ный во власть вечности. Частица за частицей отделяются от моего тела, и уже через мгновение их нет — растворились... Сначала распад этот идет как бы сам собой, без сопротивления, я ничего не чувствую, не шевелюсь, но вот напряжение растет, пространство искажается, изгибается, внезапные разрывы становятся болезненными. Часть моего тела уже растворилась в пустоте, отдельные частицы парят в пространстве, однако сопротивляются, не поддаются распаду, их окружает оболочка из кристаллических иголок, обращенных внутрь, — застывший эфир, через который беспрепятственно проникает неумолимый холод, а вместе с ним — оцепенение, бесчувственность, ничто.

И все же какая-то частица моего существа еще осталась жить, она чувствует, мыслит, страдает...

* * *

Сначала в пространстве возникает шум, его нужно как-то истолковать, найти ему место. Этот тягостный звук, похожий на крик боли, наплывает откуда-то издалека.

Я пробую встать, но тело не слушается меня, оно словно околелело. Оказалось, что не только я — другие тоже не сразу пробудились от сна и, еще не вполне понимая, что с ними происходит, с трудом обретают власть над своим телом.

Разбудил нас своим криком Эллиот. Я пополз к нему — встать просто не было сил. Остальные тоже потянулись к нам, и только Валленброк продолжал сидеть возле двери, привалившись к стене. Сначала мне показалось, будто он спит, но потом я увидел, что он внимательно исподтишка следит за нами, наставив на нас пистолет.

Эллиот был без сознания, но стоны, которые он испускал, и судорожно прижатые к животу руки говорили о том, как ему больно. Он хрипел и то и дело изрыгал какую-то пенистую вонючую жижу.

Боли стали, по-видимому, нестерпимыми, он извивался, корчился, вскидывал руки и тут же снова прижимал

их к животу. Было ужасно смотреть на все это и чувствовать свое бессилие. Минут через пятнадцать судороги стали слабей, крики прекратились, дыхание стало прерывистым и слабым, наконец Эллиот затих. Он лежал на боку, откинув голову на кучу стекловаты.

— Спасибо, мне уже лучше, — донесся до нас его шепот.

Не проронив ни слова, мы двинулись обратно, каждый к своему месту, украдкой поглядывая на Валленброка, который все так же сидел, застыв как изваяние. Каждое движение стоило мне такого труда, что я сразу выдохся. Легничком, уткнувшись лицом в скрещенные руки, голова у меня кружилась. Больше всего мне сейчас хотелось покоя. Я заснул.

Никто не мог сказать, как долго мы спали, был ли это сон или обморок... Неуют нашего временного пристанища, холод — температура была, наверное, чуть ниже нулевой, но мы все продрогли до костей, — усталость и боль во всем теле, донимавшие нас, заставили нас искать спасение в сне, и мы проспали до тех пор, пока не восстановили силы. Я стряхнул волокна стекловаты с одежды, с лица; всюду кололо и зудело.

Не знаю, что чувствовал в это время Валленброк. Мне казалось, он на миг отключился, очевидно, и его все-таки одолел сон. Но уже через несколько минут он очнулся и, упираясь спиной в стену, стал медленно подниматься. Казалось, он вот-вот потеряет равновесие, но он каким-то чудом удержался на ногах и даже попытался принять величественную позу. Ужасный вид был у этого человека в изодранной одежде, с красно-бурыми струпьями на бледном лице. Один только шлем оставался почему-то чистым, будто совсем новенький — даже цвета эмблемы не поблекли. Голос Валленброка стал тихим и хриплым, но звучал по-прежнему властно.

— Поднимайтесь! Еще два часа — и мы у цели.

О какой цели он говорит? Это что-то из области абсурда, никакие цели уже не имели для нас значения. Лично для меня имело значение лишь настоящее, ни о прошлом,

ни о будущем я просто не способен был думать. Я не знал даже, смогу ли стоять на ногах... Смогу ли полной грудью вдохнуть воздух... У меня оставалась еще банка пива, я открыл ее и промочил глотку. Губы онемели, пиво пролилось мимо, стекая по подбородку. И все же этот глоток оказался живительным, острый холодок прошел по пищеводу в желудок и словно дал выход какой-то энергии, которая передалась в мозг и мышцы. Мысли прояснились, я уже отчетливо сознавал, что происходит вокруг...

Поднялись все, кроме Эллиота. Спросонья мы не сразу вспомнили о ночном эпизоде и о том страхе, который мы все тогда испытали. И страх этот, как оказалось, был не беспричинным — Эллиот умер. Он лежал в той же позе, в какой заснул. Мы молча обступили его, Валленброк все так же держался в стороне. Эллиот, наш давний товарищ, мертв... Просто не укладывалось в голове. Однако нужно было продолжать путь...

Мысли мои были поглощены сиюминутными заботами: снова мучила боль в пересохшем горле, ныла правая коленка, от тяжелого шлема, казалось, раскалывалась голова. Однако я собрал всю свою волю, чтобы не поддаваться каждому порыву, пусть шлем мешает мне, я ни за что не сниму его, ведь в этих местах наверняка бывают обвалы, да и воздух мог быть отравлен, так что и противогаз, укрепленный на шлеме, тоже жизненно необходимая вещь в этих условиях. Я старался не отставать от остальных, ведь один здесь пропадешь. А вместе с другими? Не знаю, почему я надеялся на своих спутников, ведь они были так же беспомощны, как и я сам. Может, унаследованное от предков стадное чувство заставляло нас держаться вместе? А может, и в самом деле существует неосознанная тяга к смерти, которая некогда заставляла древних, давно вымерших грызунов стаями бросаться в море?

Валленброк обнаружил лестницу, которая вела на три этажа вниз. Мы спустились и снова наткнулись на закрытую дверь; чтобы открыть ее, надо было набрать код. Валленброк потребовал, чтобы мы ждали метрах в пятидесяти позади него, пока он будет снимать блоки-

ровку. Все были так измучены, что обрадовались возможности передохнуть и тут же сели, а то и легли прямо там, где стояли. Теперь нас, не считая Валленброка, осталось только трое: Катрин, Эйнар и я. Меня восхищала Катрин, которая держалась лучше других, казалось, тяготы и лишения не слишком досаждают ей, удивил меня и Эйнар, который был на несколько лет старше меня, а оказался намного выносливее. Глядя на них, я говорил себе: раз они держатся, значит, и я могу. Но откуда они черпали силы? На что надеялись, чего ждали? Может, один из них и есть тот самый мифический агент, про которого говорил Валленброк? Скажем, Эйнар, может, не случайно держится так мужественно? Впрочем, можно ли считать это поводом для подозрений? Или, к примеру, Катрин, великолепно владевшая собой и по обыкновению сдержанная. Что это — просто характер такой или за этим что-то кроется, о чем мы и понятия не имеем?.. Ненависть?.. А может, желание мести?

— Идите сюда! — позвал Валленброк.

Он поджидал нас. По его поведению, по тому, как блестяли его глаза, мы поняли, что он сейчас сообщит нам какую-то радостную новость.

— За этой дверью электростанция, — сказал он. И, немного помолчав, пояснил: — Кажется, она еще действует, не похоже, чтобы сюда кто-нибудь вторгнулся. Теперь мы в относительной безопасности. Хотя тут и полно всяких запоров, но, если вы станете строго следовать моим указаниям, все будет в порядке. Ведь это я проектировал здешнюю систему безопасности и прекрасно знаю, с помощью каких цифровых кодов можно отключить все ловушки, которые мы устроили, чтобы враг не проник сюда.

Он велел нам пройти вперед и тщательно закрыл позади себя замаскированную дверь. Не знаю, делал ли он это по привычке или опасался преследователей.

Помещение, куда мы вошли, никак нельзя было назвать уютным, но нам оно показалось раем. Вместо тускло светящихся флюоресцирующих полос здесь горели лампы дневного света, испускавшие холодное белое сияние. Лишь теперь мы почувствовали, как угнетающе

действовала на нас темнота в последние дни. Воздух был спертый, но никаких запахов, температура, пожалуй, немного выше, чем везде. Хотя в нашем состоянии это мало что меняло, мы почувствовали себя гораздо лучше, появился даже какой-то проблеск надежды.

Мы прошли мимо шеренги одинаковых, десятикратно повторившихся агрегатов. От них шли толстые трубы, покрытые золотистой металлической сеткой. Вдоль другой стены протянулся узкий бассейн, наполненный чистой водой, гладкой, как стекло. Лишь от наших шагов по ней пробежала еле заметная рябь. Сквозь толщу воды было видно, как сходится в глубине квадратный узор светло-голубого кафеля. Там, на дне, различались какие-то металлические детали, от которых исходило слабое голубоватое свечение, словно нимб, напоминавший гряду облаков.

Не крутились колеса, не вращались оси, никакого дыма и шума — извечных спутников механического движения. И все же, очевидно, запасы электроэнергии еще не иссякли — установки действовали; это можно было определить не только по свечению, но и еще по кое-каким, почти неуловимым, признакам. Хотя до нас не доносилось ни звука, у меня было такое чувство, будто я попал в поле напряжения, вокруг явно шло преобразование энергии: теплоты — в электричество; человек, владеющий гигантским внутриядерным потенциалом, владеющий процессом синтеза и распада, смог отказаться от угля и нефти и создать технику, ознаменовавшую начало новой эры.

Соседние помещения предназначались для измерительной аппаратуры, для пультов управления... Впрочем, я в этом плохо разбирался. Каждый раз, когда мы переходили из одного зала в другой, Валленброк настороженно прислушивался, делал нам знак остановиться, а сам шел дальше, внимательно, сосредоточенно осматривая стены, едва ли не приносясь... и в конце концов находил на стене кнопки для снятия блокировки — иногда это был почти незаметно встроенный шкафчик, иногда ниша, закрытая металлической пластиной и заштукатуренная снаружи. Я бы ничего не заметил, если бы Катрин не указала мне на метки вблизи этих пультов в стене, они были нане-

сены желтой краской почти у самого пола, а иногда просто проведены черточки на потолке и на стенах. Только теперь я понял, что казавшаяся безучастной Катрин на самом деле внимательно наблюдает за всем и все осмысливает, воспринимая окружающее отнюдь не с тем летаргическим безразличием, какое испытывал я.

Пройдя несколько дверей, мы оказались в шестигранном зале, через который вертикально поднималась снизу вверх массивная металлическая лестница. Против двери, через которую мы вошли, был вход в коридор, над которым на стальной опоре висела красная табличка:

РАДИОАКТИВНАЯ ЗОНА 3

ВХОД БЕЗ ЗАЩИТНОЙ ОДЕЖДЫ ЗАПРЕЩЕН!

Мы остановились перед ней.

— Сюда, что ли?

— Да, сюда.

Эйнар заглянул в коридор, потом в отверстие на потолке, куда уходила лестница.

— А эта лестница куда ведет?

Валленброк нервно поиграл пистолетом.

— Наверх. Но этот ход, судя по всему, завален. Сверху к нему не подобраться, я пробовал.

— А почему я должен принимать это на веру? Давайте поднимемся,— сказал Эйнар и, подойдя к лестнице, положил руку на перекладину.

— Нет, мы пойдем туда,—спокойно заявил Валленброк тоном, не допускающим возражений, и махнул в сторону коридора.

— Кто со мной?—спросил Эйнар.— Ты, Рихард? Катрин?

Он подождал немного и ступил на лестницу.

— Валленброк может выстрелить,—сказал я.

Эйнара это не остановило, он поднялся на несколько ступенек.

— Не забудь, что мы заражены вирусом!—напомнил я.

— Плевал я на вирусы,—ответил Эйнар. Он уже поднялся на уровень потолка, и нам видны были только его ноги.— Все это блеф.

Эйнар скрылся из виду, и теперь слышался лишь глухой звон подошв о металлические ступени.

Краем глаза я наблюдал за Валленброком, он поднял пистолет, но тут же опустил.

Никто не двигался с места, все словно ждали чего-то — неужели все так легко и просто кончится? Если это было предчувствие, то оно нас не обмануло. Вверху раздалось шипение, которое длилось несколько секунд, потом вновь наступила тишина. В этом звуке было что-то зловещее, мы замерли. Наконец я стряхнул с себя оцепенение и только хотел ступить на лестницу, как сверху посыпался пепел. Мы не сразу поняли, что это означает. Сердце у меня заколотилось, во рту пересохло. Эйнар...

— Почему ты его не удержал? — крикнула Катрин. — Почему позволил туда пойти?

Отбросив всякую сдержанность, она шагнула к Валленброку. Впервые за долгое время я увидел, что эта женщина способна на бурное проявление чувств. Но она тут же взяла себя в руки.

Валленброк снова поднял пистолет.

— А зачем? Он мне больше не нужен.

Катрин промолчала.

— А с этим как быть? — Она указала на предостерегающую надпись. — У нас ведь нет защитных костюмов.

— Не имеет значения, — ответил Валленброк. — Это написано просто так, для перестраховки. Да мы и пробуем там совсем недолго. Пошли, надо спешить.

— А если мы не пойдём?

Валленброк сжался, точно пружина, и отступил назад, не опуская своего пистолета.

— Вы мне еще нужны, — он махнул пистолетом. — И не думайте, что я кого-то стану жалеть. Для начала я буду стрелять в плечо или в руку. Нет, вы пойдете со мной, даже если мне придется тащить вас на себе.

Не знаю, насколько серьезны были слова Катрин — может, она просто хотела испытать Валленброка. В самом деле, могли бы мы действовать самостоятельно? Ведь мы поняли только, что блокировка действует, но, в отличие от Валленброка, не знали, как ее отключать. А кроме того... Может, Валленброк внушил нам какую-то

надежду: а вдруг стоит нам добраться до Центра управления — и сразу все изменится. Все, что с нами произошло: попытка прорваться... наши страдания и лишения... все это представлялось столь невероятным, что могло оказаться просто кошмаром или хитро задуманным испытанием. И если мы его выдержим, глядишь, вдруг все обернется не так уж плохо...

Валленброк еле держался на ногах. Я заметил, что он пошатывается, видно, и сам он не был уверен в своих силах. Приказав нам идти вперед, он пошел следом. Стоило кому-нибудь из нас обернуться, Валленброк тут же грубым окриком подгонял его. Он все время что-то бормотал про себя — я понял, что он держится из последних сил и надолго его не хватит. Наверное, тот красный раствор, в который он вчера свалился — неужели это было только вчера? — был ядовитым, а может, даже радиоактивным. Обесцвеченная ткань, кожа в струпьях... то было действие химии либо лучей. Конечно, теперь он не боится даже войти в «красную зону».

— Стой! — вдруг крикнул Валленброк. Мы обернулись. Уронив голову, он стоял на коленях, опираясь руками о землю, пистолет валялся рядом.

Катрин подалась было к нему, но Валленброк, быстро выпрямившись, схватил пистолет. Он по-прежнему стоял на коленях, раскачиваясь всем телом, вместе с ним качался и пистолет, но нацелен он был, как и прежде, на нас.

— Надо же, теперь, когда мы так близко... — Было непонятно, обращается ли он к нам или говорит сам с собой. — Жаль... мне так хотелось выяснить.

Не вставая с колен, он подобрался ко входу слева от себя, поднялся, опираясь о стену, и нащупал шкафчик, вмурованный в нее на высоте груди. Открыл его и медленно, одну за другой, нажал кнопки.

— Входите! — Он отступил в сторону, должно быть, боялся, что мы выхватим у него пистолет. Увидев, что мы не двигаемся, Валленброк прицелился. — Церемониться с вами я не буду! Вперед!

Мы вошли и оказались в тесной комнате, стены которой были закрыты полками, там стояли сосуды со знаком радиоактивности: лучи, исходящие из одной точки. Мы

почувствовали какой-то кисловатый запах — неужели радиоактивность здесь настолько сильна, что ионизирует воздух?

Валленброк, оставшийся снаружи, снова нажал на кнопки.

— Мышеловка захлопнулась! — сказал он.

Он стоял перед дверью, в нескольких метрах от нее, широко расставив ноги — иначе он не смог бы удержаться вертикально, его качало так, что для равновесия он делал иногда несколько шагов вперед или назад.

— Ну, так кто же из вас предатель? — спросил он и, подождав немного, продолжал: — Это один из вас... жаль, мы уже так близки к цели — и вот...

— Почему ты подозреваешь именно нас? — спросила Катрин. Любопытно, это ее действительно интересует или она просто хочет выиграть время?

— Я, конечно, не доверял Эллиоту... — пробормотал Валленброк. Он говорил невнятно, и я понял, что мысли у него путаются. Он был словно в трансе, и именно это и было опаснее всего: Валленброк, вероятно, ничего уже не чувствует и собирает последние силы, неизвестно откуда у него взявшиеся. — Эллиот слюняй! — продолжал он. — Брюхо оказалось для него важнее жизни. Нет, он не похож на агента, ни железной воли, ни выдержки... нет, это исключено.

Он опять пошатнулся, сделал несколько шагов назад и, привалившись к стене, закрыл глаза.

— А Эйнар? — спросила Катрин очень громко, словно хотела его разбудить.

— Эйнар? Да, одно время я думал на него. Когда он захватил оружие... Ну, а потом, когда я увидел, как он дал себя одурачить... А главное... Агент не стал бы убегать. Предатель обычно не сдается и идет до конца — это всем известно. Эйнар решил убежать — и получил по заслугам.

— Но ты-то проиграл, — сказала Катрин. Я все больше убеждался, что она хочет его раздражить. — Ты никогда не узнаешь, кто помешал тебе пустить в ход оружие. Ну скажи, может, это была я? А может, Рихард? Ничего ты не добился, ничего у тебя не вышло.

Валленброк исподлобья злобно уставился на нее.

— Дело не в том, чтобы выяснить, как это произошло, дело в том, чтобы наказать предателя. Он подлежит казни и будет казнен. Прямо сейчас.

Он поднял пистолет, широко расставил ноги, чтобы стоять покрепче, и нажал спуск... Ничего. Попробовал еще раз. Снова ничего. Валленброк покачал головой и недоуменно пожал плечами.

— Ладно, еще часок-другой... и вам все равно конец.

Он уронил пистолет, повернулся и, пошатываясь, скрылся из глаз.

Столько всего навалилось на меня за эти несколько минут, что я ничего не мог осмыслить. Только что в глаза мне смотрела смерть, и вдруг... отсрочка...

— Пистолет не сработал,— проговорил я.

— Это я вынула из него батарейку,— сказала Катрин.— Я нашла его там, в яме, на камне, раньше, чем Эйнар.

— Но почему ты это сделала?

— Я поняла, что будет дальше... Этот черный юноша... думаешь, Валленброк дал бы ему уйти? Конечно, я не предполагала, что Эйнар найдет пистолет и оставит себе.

Я прислонился к полке... только теперь я вспомнил, что пребывание в этой комнате, возле этих сосудов, может оказаться опасным. Я вышел на середину комнаты, подальше от смертельного излучения. Выглянул в коридор... Валленброк снова включил блокировку, но какова она была, эта блокировка?

— Можно отсюда выйти? — спросил я Катрин, как будто она знала ответ.

Она подошла к дверному проему, осмотрела косяк.

— Световая блокировка! Вот здесь... и здесь... — Она показала несколько еле заметных углублений в раме, потом провела рукой по полке и сдула пыль — сразу стали заметны тонкие пучки света. Они были расположены так тесно, что проползти между ними не было никакой возможности.

Катрин присела на корточки, примериваясь к уровню нижнего луча.

— Если отключить его, мы могли бы проползти под

ним,—пояснила она. Катрин сняла фонарь со шлема, включила и направила свет прямо в стеклянную линзу.— Ну давай скорей!

Я плохо соображал в этот момент и даже не понял, насколько опасна была эта попытка. Но все обошлось довольно легко. Поднявшись с четверенек, я направил свет своего фонаря на фотоэлемент, и Катрин быстро и ловко проделала тот же путь, что и я. Итак, мы выбрались из плена и пошли в том же направлении, что и Валленброк. Теперь Катрин указывала дорогу. Что она задумала? Может, мне ее следовало бояться?

Катрин была предательница! Кажется, я давно это знал—была одна мелочь, настолько незаметная, что даже Валленброк не обратил на нее внимания. Обратный счет команд, последние минуты в Центре управления... Катрин вышла и вернулась со шлемами. Она надела свой шлем и опустила маску противогаза... Да, да, она опустила на лицо маску противогаза! Все погрузились в сон, кроме нее. Она получила возможность действовать!

Катрин—предательница! До последней минуты я не хотел этому верить; теперь же, когда никакое другое объяснение было невозможно, все, что ужасало меня всего несколько дней назад, вдруг совершенно потеряло значение. За двести лет мои представления, взгляды и предрассудки не изменились. Они как бы законсервировались, а теперь оказалось достаточно нескольких дней, чтобы все во мне перевернулось. Я сам переставал себя понимать! Мы бежали, бежали, насколько хватало сил, и у меня не было возможности расспросить Катрин о том, что еще оставалось для меня неясным. Да все эти детали уже были не важны—лишь настоящее имело значение. Только теперь, когда мы бежали следом за Валленброк, я понял, что ему было важно не столько выявить и наказать саботажника, сколько выполнить гораздо более важную задачу. Ответный удар Союзных армий был предотвращен. Катрин удалось помешать этому. Сумела ли она отключить систему или просто прервала отсчет команд? Меня обожгла мысль, что этот отсчет замер на цифре три. Еще три приказа, три строчки цифр на экране, три переключения, три команды, три нажатия кнопки—и возобновится то,

что было прервано двести лет назад — вплоть до гибельного конца. Застрявшие в памяти обрывки речей Валленброка вдруг сложились в единое целое: надо выполнить свой долг до конца... ответственность перед историей... достойная смерть... Я вспомнил проклятия, которые он произнес над телом Нерона... Вся его воля, весь его фанатизм были нацелены на этот последний удар, кульминация была еще впереди... Не знаю, с самого ли начала Валленброк задумал это, или встреча с отрядами, продолжавшими сражение под землей, навела его на эту мысль, но он явно понял, что великой победы обычным путем ему уже не добиться, и если удержать власть для человека — вопрос жизни или смерти, то гибель неизбежна.

Катрин не приходилось отыскивать дорогу, она превосходно ориентировалась в подземном лабиринте — может, это связано с ее секретной работой, которую она так ловко от нас скрывала? Она ведь и мне ничего не сказала даже в ту ночь, в отеле... Может быть, она решила на краткий миг забыть прошлое, решила посвятить эту ночь своему счастью. И если бы не появился Валленброк, кто знает...

Шли мы не так быстро, как нам хотелось. Катрин приходилось все время следить за предупредительными знаками, и хотя она, очевидно, знала, как находить цифровой код по желтым меткам на стенах, ей все-таки требовалось время, чтобы отыскать эти метки. Наконец мы остановились перед дверью... Катрин огляделась, посмотрела вниз... Видимо, это место ей было знакомо, но она хотела найти следы Валленброка — отпечатки подошв на пыльной земле. Остановившись перед дверью, Катрин что-то обдумывала. Я ждал...

— Валленброк разблокировал вход... В таком состоянии он вряд ли сообразит снова закрыть его. — Я сказал это просто так, следуя естественной логике — но можно ли было сейчас полагаться на логику?

— Пожалуй, ты прав, надо рискнуть. Подожди меня!

И тут произошло нечто совсем неожиданное: стремительно приблизившись, она поцеловала меня в губы. Потом повернулась и бросилась в проход... мимо опасного места...

Все было спокойно. Только теперь я осознал, чем рисковала Катрин, и поспешил вслед за ней.

Мы благополучно миновали еще несколько заграждений, все двери, все бронированные плиты были открыты, путь свободен, мы уже не опасались, что Валленброк где-нибудь вновь включит позади себя систему блокировки. Мы шагали вперед без оглядки, почти бежали.

Я начал узнавать эти места. Миновав узкий проход, мы оказались в знакомом помещении, где провели когда-то годы, здесь был тогда информационный центр. Режиссерская комната, в которую мы вошли, была пуста, через большое окно мы заглянули в студию, где лежало несколько обугленных комков — в них едва можно было узнать человеческие останки. Следы последних боев... прошлое оживало вновь, как будто все было только вчера... вторжение врага, смерть Каттегата, товарищи, прикрывшие нас, чтобы мы без помех могли выполнить приказ. Вины ли мы в их смерти?

Но размышлять было некогда. Катрин уже исчезла в переходе, который был открыт, бетонный блок отодвинут — можно идти. Кто здесь проходил? Если вражеские отряды, давно разрядившие оружие, тогда нам нечего бояться. Катрин, уже поджидавшая меня, указала на свежие следы. Она задавала себе тот же вопрос, что и я. Видимо, бетонную плиту сдвигали совсем недавно: это, судя по всему, был Валленброк, он находился сейчас там, внутри.

Мы замедлили шаг, стараясь ступать тихо... Оружия у нас не было, да в нем и не было нужды! Валленброк уже превратился в развалину, и справиться с ним ничего не стоило.

Мы вошли в большой зал — ничего не изменилось: письменный стол, стулья, на стене громадная картина с изображением битвы...

Не оглядываясь, мы пробежали по громадному ковру, покрытому таким густым слоем пыли, что в ней утопали ноги.

Еще несколько шагов, и мы оказались в Центре управления. Рабочий пульт со множеством рычажков и переключателей, изящная металлическая конструкция. Все го-

тово к работе. В центре зала — большой монитор, на котором светится зеленая строка. Я успел увидеть лишь первые буквы: СПИСОК 0. Перед монитором спиной к нам сидел Валленброк. Он сидел, наклонясь вперед, головой упираясь в консоль, руки бессильно свисали до пола. Рядом валялся шлем, на непокрытой голове осталось лишь несколько клочков волос, белых как снег. Катрин подошла к Валленброку, тронула... он свалился на бок, точно кукла. Валленброк был мертв. Катрин подошла к пульту и набрала приказ: TRACE¹. На мониторе замелькали и установились строки. Нижний край экрана некоторое время оставался пустым, но вот и там появились буквы и цифры... Каждый раз, когда набиралась полная строка, изображение уползало вверх, давая место новой строке. Взгляд Катрин был прикован к экрану, она напряженно следила за ним, все больше волнуясь... Потом повернулась, обняла Меня и прошептала, почти прижав губы к моему уху:

— Поздно! Он все успел сделать. Теперь не остановить.

— Оружие массового уничтожения... — Я мог не продолжать, все и так было ясно.

И все-таки... в это невозможно было поверить. Несколько бегущих строк, движение рычажка, одно нажатие кнопки — и пущен в ход механизм, с губельной неизбежностью ведущий к взрыву.

— И как это будет? Ты знаешь?

— Я не знаю, как... да и не в том дело.

Она взяла меня за руку, мы покинули Центр управления и вышли в большой, ярко освещенный зал. Здесь было спокойно, торжественно.

— Я сделала все, что могла. Теперь моя миссия окончена, я свободна. Можешь ты это понять: я наконец-то почувствовала себя свободной!

— Значит, у нас нет никаких шансов?

— Да ты взгляни на себя! — Катрин улыбнулась, я давно уже не видел улыбки на этом лице. — Мы больны, отравлены, облучены. Мы обморожены, а может, и зара-

¹ Трассировка, отслеживание компьютерной программы (англ.).

жены смертельным вирусом. Какой шанс? О чем ты говоришь!

Мы стояли на ковре, мягком, как луговая трава.

— Валленброк отнял у нас последний шанс,— сказала Катрин.— Я уже была уверена, что смогу его остановить, а он перехитрил нас, да еще таким примитивным образом.

— Почему же ты раньше ничего не предприняла?

— Он один знал, как снимать блокировку, мне надо было какое-то время за ним понаблюдать. Я не сомневалась, что он приведет нас сюда, вот только силы оставили его слишком рано. Мелочь, случайность... но она решила судьбу мира. Просто смешно.

Ее сдержанности словно не бывало. Никогда она не казалась мне такой родной, человеческой. Впервые она стала с маской.

— Наконец-то я свободна! — снова повторила она.

И вдруг на меня нахлынула безумная печаль и поглотила все остальные чувства. Нестерпимая боль пронзила все тело: выхода нет! Надо смириться и ждать гибели. Валленброк победил.

Валленброк... Вдруг сердце у меня заколотилось... Он же все время повторял: «Принцип многократной страховки...» Ведь он делал все, чтобы лично нанести последний удар. Неужели под конец он отдался на волю судьбы?

Я схватил Катрин за плечо.

— У нас еще есть шанс... у нас должен быть выход! Валленброк всегда заранее заботился...

Она с ходу уловила мою мысль, и я почувствовал, как напряглось ее тело.

— У нас еще есть время?

— Он один знал, сколько нужно времени, чтобы система пришла в действие. Наверняка его план бегства был рассчитан на этот срок. Наша судьба зависит от того, успеем ли мы найти...

Мы стали лихорадочно обшаривать комнаты, открывали все двери, все шкафы... Ничего. Когда я снова вернулся в зал, Катрин сидела в глубоком кресле, обхватив голову руками, на коленях перед ней лежал бумажный лист — старый, двухсотлетней давности план с секретным

предписанием. Неужели она поддалась отчаянию? Она вдруг вскочила, указывая на картину, где была изображена Сталинградская битва.

— По плану... должно быть здесь.

Она ногтями вцепилась в холст и оторвала полосу. Стоя рядом, мы начали обрывать лоскут за лоскутом. Открылся кусок стены... сначала просто стена... и вдруг... мы увидели закрытую дверь, а справа — металлическую пластину с прорезью — простой магнитный замок. Если бы у нас был ключ...

Какой-то миг мы озадаченно смотрели друг на друга, потом Катрин повернулась и убежала... Не прошло и минуты, как она появилась снова...

— Это лежало рядом... он все-таки надеялся на свой шанс!

Она протянула мне ошейник, который Валленброк снял с мертвого Нерона и спрятал в нагрудный карман; видно, он берег его до последнего вздоха. Я увидел на ошейнике маленький кармашек из искусственной кожи, открыл молнию... Вот он, ключ! Я подержал перед глазами магнитную пластинку, затем дрожащей рукой вставил ее в щель. Секунды ожидания показались мне вечностью, потом дверь бесшумно отошла в сторону. Перед нами открылась странного вида кабина. Однако времени на раздумья не было. Мы вошли, втиснувшись на единственное свободное место между какими-то аппаратами, шлангами, приборами и другим оборудованием. Дверь закрылась, стало совершенно темно. Мы тесней прижались друг к другу и, услышав под ногами шипенье, поняли, что начали подниматься. Шум компрессора нарастал, сила тяжести увеличивалась, тело с трудом выдерживало перегрузки, но в этой тесной кабине невозможно было даже встать на колени, не говоря уже о том, чтобы опуститься на пол. Я почувствовал на коже прикосновение металла, вокруг рук и ног замкнулись браслеты, и я уже не мог пошевелиться... Со всех сторон на меня полилась ледяная жидкость, она пропитала одежду, покрыла меня всего, проникла сквозь кожу. Я хотел было что-то сказать, но голос мне уже не повиновался.

Кабина тихо вибрировала, я чувствовал, что нас несет

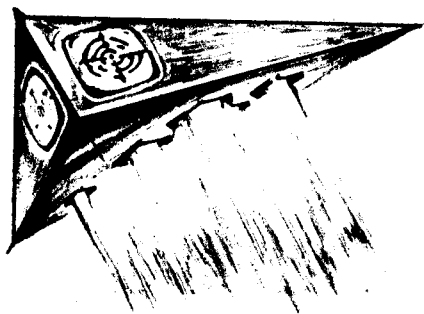
могучая сила — это не была кабина лифта, это был снаряд, ракета...

Наконец сила, увлекающая нас в неизвестность, достигла титанической мощности, ускорение дошло до безумных величин, и где-то там, близко и одновременно далеко, раздался грохот. Но вот он стал слабеть, словно отдалялся и замирал... Все это я ощущал смутно, словно сквозь толстый слой ваты, которая обволакивала меня все плотней — мягкая, парализующая, холодная.

Холод преодолел границу тепла моей кожи, оцепенение неудержимо продвигалось, последние остатки жизни замирали во мне. Лишь где-то глубоко внутри еще оставалось живое ядро — сердце, которое едва билось, как и замирающий пульс в мозгу...

Вновь меня охватил холод Вселенной.

Последнее, что я почувствовал, — тепло тела Катрин.

ПАТКАРНИ

ПАПА ДЖО

ТЕКСТ НА МАГНИТОФОНЕ: ...По этой причине можно предполагать, что в действительности в основе приглашения лежат совсем другие намерения, нежели официально названные. Посему предписывается крайняя сдержанность.

Не давайте никакой информации о типе нашего государства!

Будьте вежливы, но держитесь на дистанции!

Избегайте личных контактов!

Не поддавайтесь на любезности, не принимайте подарки, приглашения и т. д., которые обяжут вас к ответным жестам!

Остерегайтесь психологического воздействия любого вида!

Не принимайте никаких неизвестных медикаментов!

Будьте осторожны даже тогда, когда чувствуете себя вне наблюдения,—помните о подслушивающих устройствах, телешпионах и тому подобном!

Никогда не забывайте: на вас высокая ответственность. Предписывается чрезвычайная осторожность! Будьте всегда начеку!

— В этой стране многое чуждо мне,—сказал высокого роста темный блондин, стоявший у балконной двери пятого этажа в боковом флигеле правительственного дворца, выходявшего на площадь Собраний. Там сейчас

двигалась людская масса, подобная взвихренной ветром жидкости. Приглушенно, но оттого не менее отчетливо доносились сюда, наверх, хоровые выкрики, среди которых постоянный шум возгласов и песнопений временами доходил до рубящего ритма:

Папа Джо, мое сердце — тебе.
Не забудь в своей молитве обо мне!
Прошу, будь терпелив со мной,—
А я — должник навеки твой.

То были восклицания, рожденные мгновением, выражение настроения, ощущавшегося везде и всюду, но именно в такие дни поднимавшегося до экстаза.

Борис ван Фельдерн был руководителем делегации — первой, которая была послана с континента в Новую Америку.

— Никогда прежде не видел я так много счастливых людей, как в последние недели,— сказал он.

Роджер Тайли, его гид и сопровождающий в этой научной командировке, согласно кивнул, выражение самоуверенности, отчетливо проступавшее на его лице, обозначилось сильнее.

— Они верующие,— ответил он.

— Да, вот именно. И это прекрасно — видеть людей, столь единых в своей вере и своей надежде. И все же что-то беспокоит меня...

Теперь Тайли взглянул внимательно на него.

— Что вас беспокоит?

— Собственно говоря, это звучит парадоксально: меня беспокоит, что они так уверены, что у них нет ни малейшего сомнения.

— А в чем они должны сомневаться? О них позаботились. И они знают это, чувствуют это.

Ликование людской толпы стало еще слышнее.

Джин и Карлос, привлеченные нарастающим шумом, теперь тоже вышли на балкон. Джин Макинтайр — сотрудница Тайли, и Карлос Бёрк, ассистент ван Фельдерна, второй член делегации.

— Смотрите,— воскликнула Джин,— там, внизу, на террасе... Пришли строем апостолы!

Было само собой разумеющимся, что Тайли занимался прежде всего Борисом, в то время как Джин опекала Бёрка. Борис слегка сожалел об этом, ибо Джин была не только приятной собеседницей, но и на редкость красивой, обаятельной женщиной.

— Идите сюда,— Джин помахала Борису.— И вы тоже, Бёрк! Отсюда лучше всего видно.

— Спасибо, Джин,— ответил Борис. Голос его звучал намного теплее, когда он говорил с ней.— Я хорошо вижу, однако боюсь, что у меня закружится голова... Эти масштабы, это людское море!

— Сегодня самый большой праздник нашего сообщества: одна из редких возможностей увидеть папу Джо. По-настоящему увидеть — лицом к лицу. Многие встретятся с ним впервые. Не каждый имеет право участвовать в этом торжестве.

— Не каждый? — спросил Бёрк.— Я думал, у вас господствует полная свобода передвижений.

— Нам приходится распределять билеты,— пояснил Тайли,— ибо всем места не хватает. Площадь вмещает миллион человек. Распределение билетов — целая проблема. Проходит два часа, пока все не займут отведенные им места. А в городе живут десять миллионов.

Песнопения стали теперь нетерпеливее, настойчивее, и, несмотря на дробившееся фронтонами домов эхо, можно было хорошо различить слова:

О, папа Джо, будь пастухом,
Будь нашим ты проводником.
Благослови своей рукой
И наш очаг, и наш покой.

— Для чего этот огромный экран? — спросил Бёрк.— Я предполагал, что президент захочет показаться лично.

Джин, смеясь, закачала головой:

— Не говорите «президент»! Конечно, он и церковный и светский глава. Но «президент»... В этом слове слышится какая-то дистанция. Однако никакой дистанции не существует, он близок нам. Совсем близок. Говорите «папа Джо» — как мы все.

— Но почему не можем мы,— Бёрк сказал это с нажи-

мом, — посетить папу Джо? Нам нужно передать приветствие нашего правительства. Это было бы честью для нас.

Тайли решил, что пора отвечать ему.

— Папа Джо уже не молод, — серьезно объяснил он. — Он живет уединенно в дальнем покое этого замка. Посетителей принимает лишь изредка. Но, возможно, он сделает для вас исключение. Если только вы достаточно серьезно подготовлены к этому. Я лишь жду от вас немного терпения.

Снизу шум усилился, и Джин показала на фасад здания:

— Ага, большой экран включен. Вы спрашивали о его назначении, Бёрк? Очень просто: папа Джо появится там, вдали, у окна, и все смогут увидеть его. Но над ним, увеличенное во сто крат, повторяется его живое изображение. Это мы не можем нарушать: люди привыкли видеть изображения на экране.

И снова послышалось пение:

Папа нас объединил,
Солнце нам он подарил.
Слушайте его, все люди:
Как сказал он — так и будет!

— Как долго это еще продлится, Тайли? — спросил Бёрк.

Тайли взглянул на часы.

— Примерно полчаса. У нас еще есть немного времени. Не хотите потолкаться среди людей? Вы можете поговорить с любым, и любой с готовностью даст вам информацию.

— А не увидят ли в нас чужих? Как раз в такой день... — Борис запнулся, увидев отвергающий жест Тайли.

— Сторонники папы Джо доброжелательны и открытвенны. Мы не религиозные фанатики с шорами на глазах.

— Но такое празднество всегда подхлестывает эмоции — чувство общности, монолитности... Настроение может быстро повернуться против того, кто воспринимается чужаком..

— Дорогой господин ван Фельдерн, думается, вы все

еще рассматриваете религиозное веросознание как инструмент для разжигания агрессий, как средство повергать людей в страх и надежду и тем самым еще сильнее их угнетать. Если бы было так, массовая фрустрация могла бы на подобных мероприятиях, разумеется, пробить себе дорогу и обрушиться на все необычное, чужое. Но в течение последних дней вы должны были заметить, что это в любом случае исключено. В том-то и новизна учения папы Джо, что оно делает людей терпимыми и открытыми. Вероятно, применительно к вашей государственной системе вы обратили внимание, насколько ценнее иметь дело с доброжелательными и довольными гражданами.

В разговоре возникла небольшая пауза, и Бёрк воспользовался ею, чтобы напомнить Тайли о его предложении совершить небольшую прогулку по площади Собраний. Через систему горизонтальных эскалаторов с ее сложными переkreщиваниями, позволявшими менять направление, не снижая скорости, они попали в боковой флигель дворца. Отсюда снова на лифте спустились на первый этаж и через узкую дверь вышли на заднюю часть ареала. И хотя и здесь стояли группы людей, однако не было давки и тесноты и можно было проложить путь сквозь толпу.

Теперь они видели сторонников папы Джо так близко, как никогда раньше. Все стояли, повернувшись к большому экрану, занимавшему на фасаде дворца целых три этажа.

— Они не могут дождаться, когда увидят папу Джо,— пояснил Тайли.— Думаю, он скоро покажется, да, точно. В своей большой доброте он им не откажет, он выполнит их желание.

В устах человека, проявившего себя утонченным и высокоинтеллектуальным знатоком происходившего действия, эти слова звучали необычно, и Борис незаметно приоткрылся к нему — не подмигнет ли Тайли, не обнаружится ли какого-нибудь знака насмешки или подобия скепсиса... Однако не было ни малейшего признака чего-либо подобного.

Медленно продвигались они сквозь сутолоку. Все собравшиеся выглядели как-то одинаково, и все же можно было заметить, кто из них является частью целого. Иной

раз это были, похоже, семьи, которые именно здесь нашли друг друга, иногда группы были и побольше — возможно, объединения коллег по профессии или друзей.

Они прошли мимо шеренги стариков; большинство сидело в креслах-каталках, другие принесли складные табуреты, чтобы не стоять слишком долго. Но ни на одном лице не было и следа усталости или плохого настроения — все махали флажками и подпевали или кричали вместе с остальными. Неожиданно Тайли и его спутники оказались в окружении молодых людей — от двадцати до тридцати лет, которые, напирая и толкаясь, но без грубостей или резкости, прокладывали себе путь через толпу.

Даже отсюда, сзади, был хорошо виден огромный экран, не светящийся пока, и динамики тоже молчали. Но все громче, все настойчивее становились скандирования, транспаранты натянулись над головами, они выражали тот же самый дух общности, то же чувство единения, что и выкрикиваемые и распеваемые слова:

...Папа Джо — самый великий...

...Блаженство на земле...

...Протяни нам свою руку...

...Дух над водами...

А тем временем появились объемные портреты папы Джо, голограммы, начертанные в воздухе проекционными стержнями.

Тайли потянул Бориса за рукав, чтобы среди гама и толкотни обратить на себя внимание.

— Там сзади немного потише! Вы не хотели бы поговорить с кем-нибудь из них?

Собственно говоря, Борис такого желания не имел, но, чтобы не обидеть Тайли, он стал осматриваться в поисках подходящего собеседника. Он выбрал человека среднего возраста, и, прежде чем успел задать вопрос, Тайли вмешался и представил Бориса как руководителя делегации из-за рубежа.

— Само собой разумеется — я в вашем распоряжении. Видите ли, моей жене немного нездоровится, поэтому мы остались здесь, сзади.

— Разве вы не могли следить за праздником на телеэкране дома?—спросил Борис.

— Конечно, можно было бы. Но видите ли, нигде не почувствуешь духовную мощь папы Джо так сильно, как здесь, в его непосредственной близости.

— Вы тоже принадлежите к его религиозной общине?

Мужчина посмотрел слегка удивленно.

— Несомненно, иначе бы меня здесь не было.

— Но ведь есть люди, не верящие в папу Джо и его учение. Вы не допускаете, что кое-кто из них тоже может быть здесь, вероятно, лишь из любопытства или жажды сенсации?

— Такое, конечно, может быть...— Мужчина замаялся.— Но они не в счет.

Борис поблагодарил, он сейчас охотнее всего выбрался бы из водоворота, но Тайли как раз только что подошел к предводительнице молодежи или учительнице, стоявшей с группой детей в укромном месте. У детей постарше были бинокли, малыши были вооружены перископами, позволявшими им смотреть поверх толпы. Тайли выудил женщину из группы и представил ее Борису.

— Она — учительница в одной из единых школ папы Джо. Наверняка она сможет дать сведения обо всем, что вас интересует.

Борис ненадолго задумался. Потом спросил:

— Вы считаете, что дети понимают, о чем идет речь?

— Ваш вопрос поставлен не совсем верно. Можно не понимать папу Джо — нужно чувствовать его в себе. Это, естественно, удастся полностью лишь тогда, когда совершено таинство крещения. Важнейшей частью нашего обучения является подготовка к крещению. Оно совпадает с окончанием школы. С той поры дети достаточно зрелы, чтобы вступить в жизнь.

— Дети тоже члены религиозной общины папы Джо?

— Нет, они становятся ими только с момента крещения. Но большинство из них — добровольцы, готовые к этому. Их родители дали обещание зачислить их в Великое Сообщество.

— А что происходит с детьми неверующих? Они ходят в другие школы?

— Никаких других школ нет. Партия папы Джо имеет большинство и в правительстве. Папа Джо всегда активно выступал за хорошую образовательную и воспитательную систему. Одно из первых социальных достижений, которыми мы ему обязаны,—его единая средняя школа. И она, естественно, для всех детей, из какой бы семьи они ни были — верующей или неверующей.

— Я не уверен, поймете ли вы, что я имею в виду... Таким образом, не существует никакой возможности избрать иной путь, нежели ведущий в религиозное сообщество папы Джо. Не означает ли это сильное ограничение свободы выбора?

Учительница взглянула на него в изумлении.

— Да нет же! Только в общине папы Джо люди по-настоящему свободны. Благодаря крещению они обретают свободу поступать правильно. А что может быть более правильным, чем влиться в Великое Сообщество, довериться папе Джо и ангелам, жить наполненной жизнью...

В этот момент их разговор был прерван взрывом ликования, понять, что говорит собеседник, было уже невозможно. Борис поблагодарил кивком головы и, как и все, устремил взгляд на большой экран. По нему уже некоторое время бежали орнаменты — культовые знаки, понятные лишь посвященным. А затем там что-то вздрогнуло, замерцало, затем прошло несколько полос, и появилось неустойчивое поначалу изображение. Это был папа Джо! Лицо старого, доброго человека с длинными белыми волосами и волнистой белой бородой, которое Борис видел уже сто- и тысячекратно и так хорошо запомнил, что мог бы нарисовать даже во сне. Это было лицо, которое трудно забыть: добрая линия вокруг рта, розовые щеки, почти без складок, характерный нос, высокий лоб. Но прежде всего глаза, поразительно темные — черные, словно уголь. Глаза эти были на удивление юными и излучали бесконечную доброту, неопишемую благожелательность. В противоположность многим портретам, украшавшим дома, общественные здания, а также и дома частные, это лицо было живым, оно пластично и объемно выделялось на экране, а теперь зашевелились губы, папа Джо одарил

своих сторонников лучезарной улыбкой и сказал: «Добро пожаловать! Давайте вместе помолимся».

ТЕКСТ НА МАГНИТОФОНЕ: Впервые за последние пятнадцать лет снова установлена официальная связь между Европой и Америкой. До этого все контакты были внезапно прерваны: почтовая, радио- и телеграфная связь, авиа- и морские сообщения. Поначалу мы еще при случае обменивались информацией по радио — несколько любителей выходили нелегально на связь. Мы узнали, что религиозная группа во главе со священником, называвшим себя папой Джо, в результате бескровного переворота взяла власть в свои руки. Папа Джо был провозглашен президентом, и он расставил на все должности служителей своей церкви высокого ранга, так называемых апостолов. Он ввел политику полной изоляции, любая попытка контакта с заграницей стала наказуемой. Вскоре после этого одновременно прервались все радиопередачи из Америки; вместо них мы принимали сильные помехи. Мы предполагаем, что было введено в действие новое техническое средство для контроля за эфиром.

В течение этих полутора десятков лет мы были вынуждены обходиться сообщениями немногочисленных беженцев — в большинстве своем примитивных обитателей приграничных зон, индейцев-арауканов, эскимосов. Из них мы могли заключить только, что система папы Джо все больше консолидировалась. Диссиденты безжалостно преследовались.

Поступившее недавно приглашение к культурному обмену явилось полной неожиданностью. Согласно сведениям, полученным нами, теперь речь идет о миролюбивом государстве, в котором царят урегулированные отношения. Что касается жизненного уровня, ориентации населения, его образа жизни, интересов, его лояльности по отношению к правительству — и тем самым к церкви папы Джо, — об этом мы не имеем ясного представления.

Нет сомнения в том, что будет предпринята попытка показать вам жизнь светлой стороной. Не давайте обмануть себя!

Будьте начеку!

Никогда не забывайте, что вам показывают только то, что хотят показать!

Не давайте убедить себя!

Обращайте внимание на все проявления манипуляции, угнетения, насилия!

Но не подавайте вида!

Будьте бдительны!

Большое торжество было позади. Следующий день отводился отдыху. Хозяева не назначали никаких экскурсий и совещаний, и Борис радовался этому: есть возможность некоторое время побыть одному, разобраться во впечатлениях без постоянных комментариев доброжелательных сопровождающих...

Однако Бёрк не дал ему отдохнуть. Для него, казалось, отдыха не существовало, и если он выполнял одну работу, он тут же принимался за новую — так по крайней мере представлялось ван Фельдерну. Тем не менее ему ничего другого не оставалось, как последовать за Бёрком, потому что речь, очевидно, шла о чем-то важном.

На одной из станционных платформ они вышли из вагона надземной железной дороги, спустились на лифте до уличного горизонта и отправились дальше на рельсовом такси. С удивлением и неудовольствием Борис заметил, что они оказались в городском квартале, который выглядел бедным, неухоженным и грязным. Случайные прохожие, встречавшиеся на улицах, были в рваной одежде и выглядели опустившимися.

— Куда вы меня ведете? — спросил Борис, с трудом поспевая за торопившимся Бёрком.

— Не мог же я его пригласить в «Хилтон», — ответил Бёрк.

Борис огляделся, у него было ощущение, что они обращают на себя внимание.

— Мы под наблюдением?

— Я знаю обоих, приставленных к нам сегодня, —

сказал Бёрк.— Они сейчас сидят наверху, в фойе гостиницы, и не заметили, когда мы вышли через заднюю дверь. А теперь вот сюда, по ступеням!

Он свернул к переходу, в чрево которого сбегали ступеньки неподвижного эскалатора. По нему они спустились вниз и очутились в слабо освещенном зале. Здесь было несколько грубо сколоченных палаток и ларьков, а некоторые торговцы разложили свой товар даже на полу.

— Зброшенная станция подземки,— пояснил Бёрк.— Там внизу — городская канализация.

Борис кивнул. Теперь он и сам слышал легкое журчанье, а неприятный запах чувствовался давно.

Он был крайне обеспокоен. Не только из-за сомнительного окружения — со всех сторон к ним то и дело подступали мужчины и предлагали старые номера «Плейбоя», наркотики, девушек...

— Что это за люди? — спросил Борис.

— Это отвергнутые, диссиденты.— Бёрк остановился и, посмотрев по сторонам, подошел к старику, который сидел с отсутствующим видом, прислонившись к стене и надвинув шляпу низко на лоб.— Это я опять,— сказал Бёрк.— А вот обещанный табак.

Старик протянул шляпу, в ней лежало несколько монет.

— Положите сюда.

Бёрк слегка придержал пачку.

— Минутку. Сначала скажите: ведь вы Самуэльсон? Да?

— Самуэльсон...— Нищий качал головой, но не поднимал ее.— Самуэльсон... Может, и так. Если хотите — я Самуэльсон. Дайте сюда пачку!

— Вы Самуэльсон,— сказал Бёрк настойчивее.— Доктор Самуэльсон. Вы — автор нескольких исторических трудов. Вы помните об этом?

— Исторические труды? О чем это вы? То было, наверно, давно... Исторические труды...

Борис подошел поближе.

— Что с вами сделали? Отчего вы здесь?

— Папа Джо меня наказал,— тихо ответил нищий.—

Я провинился. Он отрекся от меня. Потому что у меня нет веры.

— Что вы натворили? За что вас наказали?

Борис наклонился немного, чтобы видеть лицо сидящего. Под обвисшими полями шляпы он увидел морщинистую серую кожу, раскрытый рот, бескровные губы...

— Я не синхронно думал. Всегда иначе... иначе, чем остальные. Я заслужил свое наказание. Но оставьте меня в покое. Я рад, что могу здесь сидеть. Я внимаю журчанию реки. Оно действует на меня успокаивающе, усыпляюще. Охотнее всего я сплю, да, это то, ради чего еще стоит жить на свете.

Бёрк взял его за плечо и тихо потряс.

— Э, послушайте! Попробуйте сосредоточиться! Как вы были наказаны? Вы были в тюрьме? Вас мучали или оперировали?

— Папа Джо больше не говорит со мной. Я провинился.— Он помолчал какое-то время, словно размышляя. Затем продолжал прерывающимся голосом: — Это все. Да, все. Теперь дайте мне наконец табак и оставьте в покое!

— Но что вам известно о папе Джо? — Бёрк, кажется, терял терпение. Теперь он говорил громче: — Что он сделал с интеллигенцией страны? Какие методы он применяет... чтобы...

Борис прервал его:

— Бёрк, послушай, эти двое мужчин... не они ли...

Бёрк оглянулся.

— Скорее прочь отсюда! — Он швырнул табак в шляпу нищего и схватил Бориса за рукав: — Идемте!

Они помчались по залу, нашли узкий пассаж, добрались до винтовой лестницы и поспешили вверх. Неожиданно вновь очутились на улице. Проблуждав некоторое время в лабиринте тротуаров, лестниц и коридоров, наконец обнаружили пункт вызова такси. Спустя несколько минут, испустив глубокий вздох, они рухнули на подушки сидений. Бёрк набрал код цели.

— Это был один из известнейших американских историков, — сказал он.

— Вы уверены, что это Самуэльсон?

— Почти не сомневаюсь.

— Право, не знаю,— пробормотал Борис,— он производит впечатление свихнувшегося.

— Да, именно,— подтвердил Бёрк.— И как раз это укрепляет меня в моем подозрении.

— Может, это всего-навсего старый пропойца, который не в состоянии приспособиться к социальным условиям. Как вы вообще нашли его?

— Я установил некоторые контакты, прошлые связи. Не хотел бы вас этим обременять.

— Значит, вы установили контакты... — Борис взглянул на собеседника сбоку. — Право, не знаю, Бёрк, не призраки ли вам мерещатся. Мне эта страна представляется мирной. Асоциальные элементы есть всюду. Своими розысками вы можете поставить под угрозу наше задание. Помните о директивах, которые нам дали!

— Я выучил их наизусть,— ответил Бёрк.— И именно потому я буду бдителен.

ТЕКСТ НА МАГНИТОФОНЕ: ...Официально вы не имеете никакой иной задачи, кроме ознакомления с тем, что вам готовы показать. Вы являетесь гостями министерства культуры и досуга Соединенных Американских Республик и должны изучить возможности обмена музыкальными программами и видеолентами. Так как у нас есть основания предполагать, что запускаемые в эфир на американском континенте программы служат индоктринации учения папы Джо, мы не заинтересованы в подобном обмене. Вы не уполномочены заключать соглашения, а уполномочены вести переговоры. Уклоняйтесь от связывающих вас в каком-либо отношении обязательств. Используйте тактику проволочек.

Попытайтесь выиграть время!

Обращайте внимание на всю информацию о политической структуре, уровне технического развития, системах коммуникаций и их организации! Особое внимание уделяйте всему, что указывает на настроение населения, аномалии в поведении, признаки недовольства и тому подобного!

Не делайте никаких записей!

*Важную информацию запоминайте!
Избегайте любого риска!
Остерегайтесь неизвестных нам средств физического
и психического воздействия!
Не дайте себя ни в чем обмануть!
Вы находитесь в стране, политические цели которой
нам неизвестны!*

Они сидели на трибуне трека. Конечно, у них были отменные места, прямо над финишной прямой, и все же ван Фельдерн, как уже не раз в эти дни, чувствовал себя раздавленным огромной людской массой. Ему стоило немалых усилий следить за гонками.

— Как вам нравится здесь? — Джин обратилась непосредственно к Борису, его беспокойство было заметно.

Борис запнулся.

— Это... Это впечатляюще.

— Мы хотели доставить вам небольшое удовольствие, — сказал Тайли, — после нагрузок последней недели.

Беседовать было трудно. Они сидели практически в центре трека, который обвивался вокруг них сложной системой петель. Со всех сторон долетали гул мчащихся автомашин, оглушительный свист и шипение покрышек на бетонных дорожках. Иногда раздавался звучный треск, за которым следовали глухие взрывы, когда очередная машина врезалась в борт или перескакивала через него. Борис удивился, отчего гонки не прерываются, но Тайли объяснил, что эти происшествия запланированы.

— Как раз это и придает состязаниям привлекательность, — сказал Тайли.

— Я удивлен, что вообще находятся водители, которые идут на такой риск, — не сдержался Борис.

— Но за это они кое-что получают, — ответил Тайли. — Это отверженные — люди, которых совратило зло. Если они здесь на службе сообществу докажут свое мужество и свою готовность исправиться, они снова станут его членами. А кто не рискнет ради этого жизнью?

Слева вдруг выскочила группа автомашин с высоко

поднятого виража. В бурном финише — под оглушительный рев зрителей — в лидеры вырвался гонщик в зеленом скафандре и первым пересек линию. Но сразу же, перекрывая шум, почти подавляя громкостью звучания, раздался звон колоколов.

— Богослужение? Сейчас разве подходящий момент? Джин улыбнулась Борису:

— Вы никогда не должны забывать, кому мы обязаны этими прекрасными часами: папе Джо. Успокойтесь, пожалуйста!

Это было почти невероятно — в течение каких-то секунд шум улегся и уступил место прямо-таки нереальной тишине. Потом раздались звуки фанфары — и Борис, и Бёрк не смогли не поддаться неожиданной смене настроения. С каждой минутой менялось и их собственное состояние духа — неожиданно они стали чувствовать себя спокойно и уверенно; возбуждение от гонок, еще наполнявшее их, вдруг стало малозначительным и вскоре почти забылось.

Сейчас был слышен лишь запевала богомольцев; его голос, усиленный тысячами микрофонов, проникал во все уголки города. Видимо, это был древний обряд, потому что люди вели своего рода диалог с голосом, доносившимся отовсюду и ниоткуда.

ЗАПЕВАЛА: Всегда и вечно, повсеместно, на земле, в воздухе и на водах, для тех, кто стар и млад, для всех нас, любящих его, сияет свет папы Джо. Кто дает нам хлеб и вино?

НАРОД: Папа Джо!

ЗАПЕВАЛА: Кто охраняет страну, защищает нашу жизнь?

НАРОД: Папа Джо!

ЗАПЕВАЛА: Кто дарит нам радость в состязании и игре?

НАРОД: Папа Джо!

ЗАПЕВАЛА: Кто всегда за нас — за каждого, кто нуждается в нем?

НАРОД: Папа Джо!

ЗАПЕВАЛА: Так воспоем хвалу в его честь!

Папа Джо,
Отец, веди нас, наставляй,
Глаз с детей своих ты не спускай.

Интермедия была окончена, вспыхнула громкая овация, и моторы снова начинали рычать.

— Следующий заезд,— пояснила Джин.— Хотите для разнообразия поставить на кого-нибудь?

— Пожалуй, нет,— ответил Борис.— Честно говоря, к этому виду автогонок я не могу привыкнуть. Вам это нравится, Джин?

Она помедлила, потом призналась:

— Не очень.

— Тогда у меня есть предложение: пойдемте выпьем по чашке кофе! Как насчет ресторана в башне, там, наверное?

— Согласна!— Джин взглянула на Бёрка и Тайли.— Пойдете, Бёрк?

— Нет,— отмахнулся Бёрк.— Я поставил на того желтого, внизу. Его зовут, кажется, «Счастливый День». Думаю, у него есть шансы.

— Может, вам повезет,— сказала Джин.— Потом увидимся.

Минуту спустя Борис и Джин сидели за столиком на краю террасы ресторана. Вид отсюда был впечатляющий, Борису казалось, что он видит больше половины города, но Джин сообщила ему, что это всего лишь небольшая его часть. Город простирался далеко за горизонт.

— Приятно немного отключиться от суматохи,— сказал Борис.— Эта спешка, эти людские массы, находящиеся в постоянном движении... Мне временами надо немного покоя.

Джин тоже смотрела поверх сооружений, взгляд ее скользил над опорами надземной дороги, над лесом антенн, под которым скрывались крыши.

— Движение — да. Но спешка?.. Эти люди не задыхаются, это не активность стресса. Это готовность вместе с другими что-нибудь предпринять. Почему нужно отделяться? В сообществе человек счастливее.

Бориса, казалось, это не убедило.

— Право, не знаю... Иногда мне нужно побыть одному. С вами не бывает так?

— Кто принадлежит к сообществу папы Джо, тот никогда не одинок.— Джин сказала это без пафоса, словно говорила нечто само собой разумеющееся, даже не нуджававшееся в упоминании.

— Вас понять нелегко.— Борис отодвинул свой стул, чтобы лучше видеть Джин.— Мы уже почти три недели вместе, а я почти ничего не знаю о вас.

— Что вас интересует? Боюсь, что не смогу вам сказать больше, чем Тайли.

«Увиливает»,— подумал Борис, но на этот раз решил не сдаваться.

— Я не говорю о населении, о вашей религиозной общине или вашей организации. Я имею в виду лично вас. Вы тоже верите в обещания и предсказания папы Джо?

На секунду тень нетерпения легла на лицо Джин.

— Вы говорите так, будто речь идет о сказке, о чем-то вроде детской мечты после невинной лжи Деда Мороза. Если вы предполагаете нечто такое, то вы на ложном пути. В пятнадцать лет я была крещена, как другие, и, как они, научилась слышать голоса ангелов. А несколько раз даже обращалась к папе Джо. И он ответил мне.

— Вы хотите сказать, что вы действительно получили что-то вроде ответа? Во время всех религиозных ритуалов, при которых вступают в связь с богами, речь ведь ни о чем другом не идет, кроме как об активизации других сторон собственного «я».

Джин затрясла головой.

— У вас совершенно неверный взгляд, да и как может быть иначе — вы же не крещены. Нет, нет, именно в этом и различие. Все религиозные сообщества и секты, существовавшие до эпохи папы Джо, не могли указать своим сторонникам ничего, кроме пути к внутренней концентрации, к медитационному самопогружению, во время которого они временами слышат голоса или не слышат. А папа Джо дает нам нечто большее, чем гуманную иллюзию. Кто верит в него, тот действительно слышит голоса. Тот может ставить конкретные вопросы и получать конкретные ответы. И ему не нужно ждать жизнеопасных ситуа-

ций, чтобы взывать к своему богу. Нет, тот всегда, во всех обстоятельствах, с ним, за него, и даже сейчас! Если бы я хоть на миг была беспомощной и, допустим, нуждалась в ответе, мне достаточно было бы сосредоточиться на папе Джо, и решение проблемы было бы мне сообщено. Правда, это требует известной тренировки. И голоса не раздаются сразу после крещения... Проходит несколько часов, иногда даже дней, пока не достигается полная коммуникация. Начинается с музыки — прекрасной музыки, — а потом иногда можно разобрать уже слово, даже часть фразы. Но уже и по этой мелочи человек узнает, что связь установлена, что папа Джо здесь. И это придает чувство неслыханной безопасности. Тут уже не приходится долго ждать, пока состоится настоящий диалог. Ты спрашиваешь и тут же получаешь ответ. Чаще всего отвечают ангелы, но если возникает трудная проблема, превосходящая их способности и знания, то папа Джо включается сам.

Они, задумавшись, помолчали немного. Ветер доносил к ним наверх тихую музыку.

Борис смотрел на нее с удивлением. Он повернул разговор на веру только потому, что заметил, что никакого другого способа подступить к Джин не было. Невзирая на ее приятную внешность и дружелюбие, он считал ее обычной чиновницей, благодаря усердию и прилежанию добившейся высокого поста. А теперь он видел, что перед ним не просто высокопоставленная служащая иерархии, а женщина, полная внутренней силы, способная воодушевляться, что, перенесенное на другой уровень, целиком совпадало с воодушевлением масс. Борис решил немного пофлиртовать с Джин, а теперь разговор свернул в другую колею. Чтобы снова попасть в легкий фарватер, он отожалился на небольшую шутку.

— Если вы можете в любую минуту просить папу Джо и ангелов о помощи, то ответьте на такой вопрос: сколько будет 2 в степени 20?

На какой-то момент почудилось, что Джин обиделась, но она тут же рассмеялась:

— Вы не верите мне! Ждете, что я расценю ваш вопрос как насмешку и уклонюсь от ответа. Но я не сделаю этого.

Хоть ваш вопрос и нелеп, по крайней мере в данный момент, но на него можно ответить.— Она на несколько секунд прикрыла глаза рукой, потом сказала: — Решение такое — 1 048 576.

Борис был не готов к этому.

— Да... думаю, верно...— пробормотал он.— Прощу вас, извините меня. То было лишь... Я просто не в состоянии постичь. Мне кажется это невозможным...

— ...И оттого, что вы считаете это невозможным, вы решили, что все это надувательство или самообман. Нет, Борис, вы заблуждаетесь.— Она накрыла своей ладонью его пальцы, впервые назвав его по имени. Потом доверчиво взглянула на него, и он заметил, что обаяние ее намного сильнее, чем он предполагал.— Желание папы Джо — освободить всех людей от их заблуждений. Таково же желание его сторонников. Мы никого не принуждаем. Тот, кто приходит к нам, делает это добровольно. Если хотите, можете испытать это сами. Вам нужно лишь совершить крещение.

— А это возможно?.. Мне?— тихо спросил Борис.

Он уже не смотрел на Джин, его взгляд был где-то далеко у горизонта, затянутого дымкой. Но он ощущал тепло руки Джин.

— Конечно же. Папа Джо не ставит никаких условий. Вас ни к чему не обязывают. Если вы молитесь, то делаете это по собственному побуждению. Если вы присутствуете на богослужении, то это происходит добровольно.

— Хорошо. Я верю вам. Я хочу попробовать. Что я должен делать? Нужны ли для этого какие-нибудь приготовления?

— Нет,— ответила Джин.— Взрослый человек может креститься в любое время. Возможно, без подготовки немного труднее настроиться на голоса, но у вас это получится.

— Идет,— согласился Борис,— но пусть это останется между нами. Лучше, если Бёрк ничего не будет знать.

— Договорились. Между нами. Я помогу вам. Дам вам знать — сегодня или завтра.

Всю заключительную часть поездки они молчали, но Борис положил руку на плечи Джин и не отнимал ее.

К удивлению Бориса, Джин привела его не в одну из церквей, а в огромное здание без окон, которое она называла залом крещений.

Когда они переступили порог, шум города позади них внезапно стих, как отрезанный. И свет пропал. Глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к сумеречному освещению. Не сразу органы чувств стали воспринимать жизнь и движение этого мира, казавшегося совершенно иным в сравнении с тем, что остался за дверями. Красные и фиолетовые нити света сплетались в причудливый узор, занимавший все видимое пространство, на стенах появлялись орнаменты — такие же как на заглавных листах священных книг или на экранах перед проповедями папы Джо и после них. Здесь же звучала тихая, симметричная музыка без кульминаций или ритмов, однако незаметно меняющаяся, обретающая все новые оттенки звука.

Зал имел форму сильно вытянутого овала, грушевидно сужающегося в одной стороне. Длинными рядами стояли люди между скамьями. Атмосфера была торжественной. Не было ликующих криков и песнопений, как на большом празднестве накануне. Только размеренное чтение молитвенных текстов временами заглушало парящую музыку.

Борис и Джин встали в один из рядов, медленно продвигавшихся вперед. Где-то впереди порой вспыхивал яркий синеватый свет, от которого помещение делалось затем еще темнее, а происходящее еще загадочнее.

Борис опять поразился тому, как сильно действовало на него окружение. Он вынужден был признать самому себе, что давно уже не чувствовал такого сильного напряжения, как в эти последние дни. Сперва была Джин, которая необычайно сильно увлекла его. Согласие совершить обряд крещения было вовсе не результатом критических размышлений, а спонтанным решением под влиянием ее личности. Потом его злило, что выполнение задания он ставил под угрозу своими частными поступками, а затем вновь говорил себе, что наверняка переоценил значение

этого религиозного ритуала, крещения, что все это следствие праздничного настроения и восторженных слов Джин. В действительности же это не что иное, как древняя игра церкви — не лучшая, чем трюки гуру и шаманов. Надо было не слишком связывать себя словом, ведь со стороны Джин это было не больше чем дружеский жест по отношению к гостю. Тем не менее он радовался тому, что общая тайна свяжет его с Джин. И все же, хотя он пытался держать в уме все эти заранее выношенные соображения, ему становилось все труднее придерживаться продуманной позиции. Все больше втягивался он в происходящее и в конце концов перестал быть личностью, способной думать и действовать, превратился в пушинку, влекомую течением нежным и ласковым, но от этого не менее мощным.

Поначалу он еще обменивался с Джин репликами, интересовался значением того или иного орнамента, спрашивал о происходящем обряде и его последствиях. Джин отвечала ему шепотом, но коротко и как-то нерешительно — было заметно, что для нее мучение нарушать будничной беседой глубокомысленную сосредоточенность, которая почти физически ощущалась в этом помещении. И Борис в конце концов замолчал. И вот они уже стояли перед подобием барьера, проходом между двумя шлагбаумами, обтянутыми красным и фиолетовым бархатом. Джин ступила в сторону, шепнув: «Отсюда ты должен идти один...»

Борис прошел вперед. Справа рядом с ним, на столе, поблескивал серебром ряд инструментов. Слева стояли двое мужчин, один в пестром облачении и головном уборе с козырьком — обычный наряд жрецов папы Джо, — другой в скромном белом комбинезоне. Борис поклонился жрецу, как делали другие, крестившиеся перед ним. Тот взял его за руки, глубоко заглянул ему в глаза и спросил:

— Готов ли ты, сын мой, к священному крещению?

— Да, — прошептал Борис.

— Хорошо. Когда откроется эта дверь, ты войдешь и дойдешь до алтаря. Ты понял?

Снова прошептал Борис тихое «да».

— Ты преклонишь колена, — продолжал жрец, — и

опустишь голову. Ты закроешь глаза. Ты сделаешь это, сын мой?

Борис кивнул.

— Тогда будь готов! — приказал жрец.

Тем временем второй человек встал позади Бориса. Затем взял его за плечи, выпрямил, уперев колено в спину, а затем нагнул его голову вперед, так что подбородок коснулся груди. Борис почувствовал, как что-то тихо заскользило вдоль его затылка... Одновременно его захлестнула волна дурманящего запаха.

Борис представлял себе крещение несколько иначе — как ритуальное действие наподобие большинства религиозных отправлений в этой стране, в виде массовых церемоний... И потом он вспомнил, что крещения всегда содержали в себе нечто осязаемое: создание души с помощью святого огня или воды — в обход телу. Но у него немного было времени размышлять об этом. Снова стоял он в одном из рядов и тут заметил, что церемония крещения только началась. Ему было трудно сохранять равновесие — дело, видимо, в аэрозоле, которым его опрыскивали. Он с усилием пытался сосредоточиться, но все больше его захватывало общее настроение, игра света на потолке и стенах, величавая музыка — все это, казалось, усиливалось, непосредственным образом воздействовало...

Временами ему казалось, что он прямо-таки погружается в эти облака света, музыки и запаха, и тогда он снова спохватывался и мгновение лихорадочно соображал, где он находится, и в такие минуты ему чудилось, что он — наблюдатель, пытающийся обозреть происходящее со стороны.

Он стоял на коленях, касаясь лбом металлической пластины, и снова жрец бормотал неразличимые слова, и опять один из его помощников совершил странное действие над ним, он чувствовал его позади себя, слышал тихое позвякивание, и вдруг от его позвоночника стал проникать сковывающий, но не неприятный холод — в мышцы, в голову...

Потом он подошел к сужению овала, поднялся на несколько ступеней вверх и очутился перед сооружением из серебра и стекла — огромным трехмерным орнаментом,

скульптурой, по своим формам схожей с эмблемами на печати и знаменах папы Джо.

Жрец в пурпурно-красном одеянии стоял перед ним, на подбородке и губах — подобие полумаски. «Ангел папы Джо крестит тебя молнией...» Опустился занавес, вроде чехла, на мгновение стало темно, и здесь же тесное пространство под чехлом взорвалось от ослепительной вспышки света, и одновременно с этим Борис ощутил мгновенную колющую боль, и словно в нем действительно что-то изменилось и он не был больше тем, кем был до этого, словно он принадлежал сообществу, что лишь подчеркивали эти странные ритуалы, сообществу, в котором он никогда более не будет одиноким или беспомощным...

Он не помнил, как выбрался из здания. Вдруг вспыхнуло ликование вокруг него, он был ослеплен светом тусклого солнца, его обступили ярко одетые мальчики и девочки и возложили на его голову венок из цветов, стали украшать его разноцветными лентами. И Джин тоже была с ним, и он крепко держал ее в объятьях, и чувствовал ее возле себя, и очень ясно сознавал, что теперь связан с нею чем-то таким, что доныне для него не существовало.

Они шли вместе через парк, держась чуть поодаль от людей, стояли на берегу озера, выложенного искусственным камнем, в котором плавали искусственные рыбы...

— Ты уже слышишь что-нибудь? — спросила Джин.

Борис сосредоточился, потом покачал головой.

— Нужно немного потерпеть. Закрой глаза. Вслушайся в себя. Тебе нужно напрячься. Поначалу не так легко поймать волну. Полностью успокойся — я тоже буду спокойна.

Она не касалась его, но он чувствовал ее близость, и вот теперь ему удалось отключиться от окружающего, и одновременно осознание им действительности, смысл его задания, его надежды и желания словно погружались в теплую жидкость... И вдруг, совсем неожиданно, он услышал музыку. Она зазвучала не где-то со стороны, а в нем самом. Непосредственно в нем.

ТЕКСТ НА МАГНИТНОЙ ЛЕНТЕ: ...Мы располагаем лишь скудной информацией о состоянии науки и техники. Известные признаки указывают на то, что никакой исследовательской работы в нашем понимании не ведется. С другой стороны, этот режим никоим образом не враждебен прогрессу. Это проявляется особенно в расходах на технику, связанную с высокоразвитой индустрией развлечений. Далее, имеются налицо признаки высокого уровня коммуникационной техники и обработки данных. На все приметы, способствующие разъяснению ситуации, следует обращать особое внимание!

Проявляйте заинтересованность, но никогда — любопытство!

Действуйте вежливо, но уверенно!

Не обнаруживайте никаких знаний, но пытайтесь другую сторону незаметно вызвать на разговор!

Держитесь корректно и лояльно!

Пользуйтесь гостеприимством, предлагаемым вам, но всегда соблюдайте дистанцию!

Не устанавливайте никаких дружеских связей!

Не проявляйте слабостей!

В последующие дни он чувствовал, будто просыпается после смутного сновидения. Это было неслыханным и невероятным ощущением: из его мышления исчезла неуверенность, даже намек на нее. Правда, сначала он должен был привыкнуть к этому, но это удалось быстро.

В первый раз он просто испугался, когда ему ответил ангел; собственно говоря, вопрос был совсем банальным: «За завтраком я встречу с Бёрком. Должен ли я избегать его? Вообще, у меня нет желания его видеть. Но что он подумает, если я не приду?» И тут раздался голос: «Нет причины избегать встречи. Ты сильный и можешь владеть собой. Садись за стол, как каждый день».

Вопрос не был важным, но он занимал его, и произвольно он отодвинул его в тот уголок своего мозга, где, как он обнаружил, у него был контакт с ангелом папы Джо. И он последовал совету ангела. Ему удалось появиться вполне непринужденным. Отвечать перед Бёрком за свои

шаги ему не надо было. Ни за свои действия в рамках миссии, ни тем более за личные поступки. И все же Бориса одолевали сомнения. Он чувствовал, что крещение означало нечто большее, чем он поначалу думал, — в конечном счете община папы Джо была не только религиозной сектой, она контролировала даже политику, и были признаки, что власть папы Джо простиралась еще дальше. Крещение... Не означало ли оно выражение согласия со всеми этими институтами, контакты с которыми его страна почти отвергала? Видимо, он совершил ошибку. Дело в том, что он, наверно, недооценил эффект религиозных обрядов. Преклонение перед обычаями страны, совершение символического акта крещения как знак благодарности за гостеприимство... Лишь позднее он заметил, что это было не все. Крещение имело последствия, лежащие далеко за узким кругом религиозных настроений; оно имело практические результаты. Никогда уже он не сможет быть таким, как прежде, в основе всех его действий будет его связь с папой Джо. Но тогда сможет ли он еще представлять интересы своей страны? Когда он сосредоточился на этом вопросе, казалось, в его голове открылись вдруг ворота и сам папа Джо сказал ему: *«Тебе не нужно сомневаться, никаких сомнений, никаких колебаний... Принадлежность к нашему сообществу ни к чему не обязывает. Ты ни в чем не виноват. Ты действовал правильно. Ты можешь и дальше служить своей стране, не вступая в конфликт с совестью. Ты можешь быть полезным своей стране даже больше, чем прежде»*. И хотя это были слова, какие мог произнести любой другой, в них выразилась такая огромная сила убеждения, такой позитивный, простой, ясный взгляд на вещи, который делал ненужными любые увертки, лазейки и лицемерие.

Борис смог совершенно естественно разговаривать с Карлосом Бёрком. Это был его давний сотрудник с многолетним стажем, и он необычайно ценил его как спокойного, логически рассуждающего мыслителя, полностью уверенного в своих решениях и преданного государству до самопожертвования. Возможно, как раз это великолепное качество и помешало возникновению дружбы между двумя мужчинами. Они были коллегами, оба ценили друг

друга, но почти не разговаривали на личные темы.

Во время завтрака каждый был погружен в свои мысли. Они были вдвоем — Тайли и Джин должны заехать за ними позднее, и, кажется, на сегодня планировалось что-то важное.

— Мне с самого начала было ясно, — заметил Бёрк, — что нас приглашают не только ради ознакомительной экскурсии. Без сомнения, за этим кроется нечто другое, и безобидно звучащая «информационная поездка» — как раз удобное дипломатическое прикрытие. Думаю, что сегодня мы узнаем несколько больше обычного.

— Хотя я и представления не имею, о чем могут быть переговоры, в принципе исходным пунктом мог бы служить факт, что между континентами перекидываются новые мосты. Разрыв в отношениях последовал ведь не с нашей стороны, и потому вполне логично, что первые шаги предпринимает другая сторона.

— Вероятно, они считают свою систему сейчас настолько консолидированной, что могут больше не бояться контактов. Интересно, что они затевают? Торговые отношения? Культурный обмен? Туризм?

— После всего, что я видел в последние недели, я бы приветствовал установление отношений. Я глубочайше убежден в том, что этот режим человечен и прогрессивен. Будет полезно для всех заинтересованных, если мы немного больше будем знать друг о друге. Технически страна шагнула далеко вперед, и как раз на этой основе можно ожидать конкретную пользу.

— Над этим я тоже думал. Но я считаю, надо быть осторожнее в том, что касается установления контактов.

— У вас есть какие-нибудь опасения? В каком плане?

— Образ мышления этих людей совершенно чужд нам. Прямая конфронтация привела бы к трениям. Различия есть уже в принципе: еще несколько десятилетий назад мы признали стагнацию как предпосылку нашего дальнейшего существования. Она заключается в том, чтобы сохранить источники сырья в мире, довольствоваться достигнутым. И на этом основано все остальное, возведенное нами до уровня общественных ценностей: отказ от социального и технического прогресса, сосредоточение на

духовных ценностях, культура вместо потребительства, образование вместо деловой активности. А здесь как? Ведь вся шумиха вокруг папы Джо не служит ничему другому, кроме как повышению оборота. Папа Джо — апостол экономики роста, потребления развлечений. Радость от труда занимает в его табели о рангах высокую позицию. И сразу за этим идет развлечение, в которое не интегрированы почти никакие духовные ценности. Покой и внутреннее самосозерцание, подготовка к жизни после смерти — для папы Джо ужаснее не придумаешь. Его мир — сей момент, его небо на земле, и чтобы осчастливить людей, он дает им все больше возможностей в играх, спорте и удовольствии. Только в таком государстве могло утвердиться, что человек обязан не только трудиться, но и участвовать в предлагаемых формах свободного времяпрепровождения. То есть мы исходим из совершенно иных основных философских концепций, и проникновение чужих мыслей ни для одной из сторон не желательно.

Так же, как и Бёрк, Борис был борец за идею стагнации, иначе вряд ли он смог бы играть ведущую роль в Центральноевропейской партии. Только в этот момент он заметил, как сильно знакомство с другой культурой — той, от папы Джо — потрясло основы его убеждений. Он уже хотел было начать с возражения, как вдруг услышал в себе шепчущий голос: *«Не ввязывайся в споры, никому не повредит, если ты сейчас согласишься с ним. Только если дело дойдет до решения, будь сильным!»* И снова Борис даже не колебался, следуя этому совету, когда сказал:

— Я думаю, вы правы, Бёрк. Нам нужно хорошенько подумать, на какие шаги мы решимся.

Борис полагал закончить на этом разговор, однако Бёрк не дал это сделать. Он огляделся и придвинул свое кресло поближе к креслу коллеги.

— Послушайте, — начал он тихо. — Раньше вы прежде всего сосредоточивались на том, что вам показали и что хотели показать. И здесь полный порядок, потому что вы официальный руководитель делегации. Но я с первого же момента не верил в то, что люди в этом государстве без колебаний следуют за таким старым демагогом, как этот папа Джо. Перед нашей поездкой я заново установил те

немногие из сохранившихся контактов, которые неофициально связывали нас с этой страной, и был точнейшим образом проинформирован о ситуации, царящей здесь в действительности, а не о той, какую перед нами разыгрывают.

— Но ведь существуют миллионы людей, которые, совершенно очевидно, горой за папу Джо,— вставил Борис.— Мы в этом сами могли убедиться. Вы считаете всех этих людей, с которыми мы разговаривали, обученными актерами?

— Конечно, нет. Но что такое миллион людей в государстве, в котором свыше миллиарда граждан? Выходящие на улицы, чтобы ликовать вокруг папы Джо,— это те, кто поддался на его глупые лозунги. Это те, кто доволен жизнью, полной поверхностных удовольствий. А где интеллигенция этой страны? Или вы действительно верите, что творческие люди находят в земном раю папы Джо свое удовлетворение?

Борис медлил. Интеллигенция?.. Он еще не думал об этом, но Бёрк был прав. Неужели за дружеским внешним ликом этого режима прячется что-то злобное? Подавление инакомыслящих, господство страха для всех, кто не был готов всем и каждому говорить «да»? В нужный момент снова появился успокаивающий голос папы Джо: *«Его предположения неверны. Все люди за нас. Никто не подавляется. Но не противоречь ему, ты его не сможешь убедить. В свое время он еще научится на собственном опыте».*

Бёрк продолжал:

— От координирующих служб я получил указание связаться с некоторыми людьми, с самого начала боровшимися против захвата власти папой Джо. Потрясающие вещи удалось узнать. Думаю, сейчас самое время вам тоже раскрыть глаза. Я предлагаю до полудня снова улизнуть от наших опекунов, я приведу вас к одному человеку, который раньше принадлежал к крупнейшим писателям этой страны. Я отыскал его убежище на окраине города, он живет там с несколькими единомышленниками. Он один из немногих, кто выжил и духовно не сломлен. Он расскажет вам нечто ужасное.

Борис ни секунды не сомневался, что Бёрк говорит правду, и потому тем невыносимее была дилемма, в которой он оказался. Тут он снова услышал голос: *«Соглашайся с ним! Делай так, словно ты ему веришь! Иди с ним! Пусть покажет тебе убежище!»* Однако Борис не мог отойти от своей схемы поведения. Пока не мог.

— Нет! — крикнул он. — Нет, я не возьму такое на себя! Мы будем выглядеть заговорщиками по отношению к хозяевам! Вступайте в контакты, если вам нужно, но оградите меня от таких аутсайдеров. Теперь, когда дружба между нашими народами снова начинает возрождаться! — Он вскочил и выбежал из зала.

Борис был так возбужден, что только сейчас расслышал шепот в своей голове: *«Ты не должен был отказываться! Как ты будешь теперь это мотивировать перед Бёрком? Ты действовал необдуманно. Ты не имел права убеждать!»* А теперь голос стал громче и уже гремел в его мозгу: *«Ты забыл спросить папу Джо! Ты пожалеешь об этом! Ты пожалеешь об этом!»*

После полудня. Они сидели за огромным столом в конференц-зале друг против друга. На одной стороне Борис, Бёрк и три остальных члена их маленькой делегации: госсекретарь министерства иностранных дел и два члена комитета по культуре и технике. На другой стороне — Тайли, рядом с ним Джин и несколько чинов из руководящей верхушки.

— Вы наверняка уже догадались, — начал Тайли, — что, направляя свое приглашение, мы имели в виду нечто большее, чем взаимное узнавание. Ваше пребывание подходит к концу, и я хочу сделать вам предложение, которое, я думаю, соответствует позициям обеих сторон. Наши собственные интересы ясны и понятны. Мы настроены на рост, на расширение. Мы убеждены, что можем предложить нечто такое, что будет полезно человечеству далеко за пределами американского региона, и готовы допустить с участием в этом также других.

— О каких интересах вы говорите? — спросил Борис.

— Возможно, вы этого не знаете, но мы весьма хоро-

шо информированы о ситуации в вашей стране. Вы оба — поборники идеи стагнации, но вы, как и я, поймете, что этот принцип все больше дискредитирует себя. И если вы сами не откажетесь от него, вас заставят сделать это другие партии в вашей стране. Нельзя долго сдерживать человеческую жажду деятельности. Этим у людей отнимаются надежда и удовлетворенность. Народ ваш тоже не будет долго довольствоваться соблазнами мнимого рая. Мы предлагаем большее: рай на земле.

— Кажется, я не совсем понимаю,— заметил Борис. Джин повернулась прямо к нему:

— Может, я смогу пояснить. В Европе есть огромные группы населения, которые влачат почти жалкое существование на прожиточный минимум. Они являют собой потенциальный очаг опасности. Вы находитесь на вулкане, который может начать действовать в любой момент. Самое время вам придумать что-нибудь, чтобы умиротворить людей. Они нуждаются в лучшем питании, новых и гигиеничных жилищах, и они испытывают дефицит свободного времени, чтобы предаваться удовольствиям — для отвода излишней активности. Однако все это будет позже. То, что нужно прежде всего — даже если тесно связано с внешними обстоятельствами, — это радость, уверенность, положительное восприятие жизни, других и самого себя. Если мы вам поможем достичь этой цели, то сделаем что-то для всего человечества. И для мира на земле.

Борис взглянул на Бёрка, тот сказал:

— Было бы наверняка лучше, если бы вы выражались конкретнее. Что вы можете предложить? Мы так же конкретно ответим вам.

— Ладно, попробую объяснить это иначе. — Тайли глубоко вздохнул, словно накапливал энергию. — По своему образованию я — и это вас, возможно, удивит — специалист по экономике промышленности. И папа Джо не только религиозный глава нашего движения и тем самым определяющая сила нашей политики — он еще и крупный акционер. Скажу яснее: поначалу он был всего лишь промышленником, финансистом. С небольшой группой творчески одаренных менеджеров он размышлял

над новыми формами экономики сбыта и потребления. И нашел идеальную систему. Все, что с той поры произошло, есть не что иное, как следствие претворения плана, выработанного этой группой вплоть до мельчайшей детали. Благодаря этому мы достигли всего: у нас процветающая промышленность, у нас есть работа, у нас известное благосостояние и — прежде всего самое важное: у нас довольное население.

— У вас ведь тоже могут быть не одни только довольные люди, — возразил Бёрк. — Много значат образ жизни людей, цели, какие они перед собой ставят, ценности, которые они создают, надежды, которые питают... Все, что вы говорили, годится для широких масс, однако не для той ведущей части населения, которая способна к духовным достижениям. У вас тоже должны быть творческие люди, особо одаренные, выделяющиеся на общем фоне, гении, наконец. Как вы удовлетворяете этих людей? Или они для вас не важны?

— Само собой разумеется, у нас тоже есть люди, отличающиеся особой интеллигентностью или творческой фантазией. Но мы различаем конформистов и неконформистов. Всюду есть лица, которые настроены против всех и каждого из принципа. Часто это очень одаренные люди, но их одаренность нельзя приспособить в социальных целях, и тем самым она остается втуне. Наша система в состоянии немедленно занять интеллигенцию и творческие силы, обеспечить их заказами. Да, мы нуждаемся в этих силах — наверняка даже больше, чем вы. Нам приходится предлагать все новые игры, вводить все новые виды спорта. Мы должны организовывать празднества и придумывать интересные соревнования. Для всего этого нужны люди с особыми способностями — с фантазией, с идеями. И напротив, профессиональные нытики и несогласные не находят у нас поля деятельности. Это деструктивные силы, из которых вербуются революционеры и шпионы. Когда население довольно, они без работы, и у нас как раз тот случай.

Затем Тайли повернулся к Бёрку:

— Мы с известным доброжелательством наблюдали, как вы пробовали установить контакты с асоциальными

слоями нашего населения. Мы смогли хладнокровно взглянуть на это, ибо нам нечего скрывать. Уверен, вы сами убедились в том, что о влиянии этой группы людей не стоит и говорить.

Бёрк улыбался, и никто не знал, смущение то было или превосходство, удивление или удовлетворенность.

— Возможно, — отвечал он, — возможно, и не стоит. Конечно, я пытался восстановить некоторые старые связи с людьми, которые уже давно выступают за поддержание международных отношений. Но ваша страна велика, и в ваших городах живет большое число людей, не относящихся к тем, кто симпатизирует вашему режиму. Бесспорно: при поверхностном взгляде ваша система производит впечатление практичности и функциональности. Но так ли это хорошо, как полагаете? И пригодно ли это для нас? Вы хотите экспортировать. Об этом можно говорить. Но я еще раз хочу спросить: что вы нам предлагаете? И что требуете взамен?

— Дело очень простое, — сказал Тайли. — Вы разрешаете нам в вашей стране открыть миссионерские отделения. Все остальное будет протекать само по себе благодаря привлекательности системы папы Джо. Вам не надо ничего делать. Достаточно, если вы ничего не будете делать против. Другого мы и не требуем.

— Счастливые люди, у нас тоже... — Борис размышлял вслух. — Никаких забастовок, никаких революций. — И внутренний голос неотвязно звучал в нем: *«Ты должен согласиться! Это спасение для Европы! Тебе нужно лишь сказать «да», и ты сделаешь счастливыми миллионы людей!»*

— А какую выгоду вы от этого видите для себя? — спросил Бёрк.

— Введение системы папы Джо будет означать для вас принятие принципа развития. Вам придется перестраиваться. Вы будете нуждаться в новых отраслях промышленности, обзаводиться машинами. Необходимо будет обучать население. И вам придется посвятить людей в то, что на свете не только медитируют, занимаются йогой, изучают тантру... Людям придется научиться участвовать в соревнованиях, играть, разгадывать загадки.

Они должны учиться радоваться и с настроением работать, стать активными в спорте — и при этом им станет необходима масса вещей и они должны будут научиться пользоваться ими. Какую выгоду для себя мы видим? Мы видим новые рынки. Если вы последуете нашему совету, сообщество папы Джо станет всемирной религией.

«Счастливые люди, довольные люди... Все это в твоих руках! Соглашайся! Соглашайся!» Для Бориса наступило захватывающее дух мгновение. Сейчас в его власти было повернуть рукоятку, которая в корне изменит жизненные привычки и цели миллионов, если не миллиардов людей.

Он встал. Голоса все еще шептали и журчали в нем... Казалось, так легко, так естественно следовать им. И тут он вдруг вновь услышал голос папы Джо: *«Борис, слушай внимательно, говорит папа Джо. Я хочу дать тебе последний шанс. Теперь ты сможешь доказать, что ты лоялен. Теперь ты можешь предстать достойным сообщества. Соглашайся! Ты должен согласиться! Я приказываю тебе!»*

Борис застыл. Что-то смущало его. Только что он хотел сказать: я согласен. Только что он был убежден, что поступит правильно, если примет предложение. Но теперь? Приказ... Возможно, как раз это слово усилило его волю. Он вдруг сбросил с себя оцепенение, словно парализовавшее его. Сжал пальцы в кулаки, словно хотел почувствовать сам силу своего сопротивления, и сказал тихо, но отчетливо:

— Сожалею, что вынужден отклонить это предложение. Мне очень жаль, но это окончательно. Я отклоняю его. Со своей стороны могу добавить, что я в тесном контакте наших стран...

— Минутку! — Бёрк перебил его, потом поднялся: — Я должен сделать сообщение, которое, возможно, всех несколько озадачит, особенно вас, ван Фельдерн. — Он вынул из нагрудного кармана какие-то бумаги и положил их на стол. — Я прошу вас взглянуть на эти документы. Правда, могу и сам пояснить. В рамках другого круга задач, которые здесь не обсуждаются, я осуществляю более высокую миссию, нежели мой коллега ван Фельдерн, и, таким образом, именно я буду решать о принятии или откло-

нении вашего предложения.— Он подождал немного, пока бумаги ходили по рукам.

Борис едва ли смог их читать — буквы танцевали у него перед глазами... «внешнеполитический отдел», «секретная служба»...

— Не было бы никаких причин извещать вас о моей миссии,— продолжал Бёрк,— если бы не произошло нечто такое, что сделало этот шаг неизбежным. Вам удалось подвергнуть моего коллегу ван Фельдерна так называемому крещению. Тем самым вы обрели духовное влияние на него, что сделало его непригодным для дальнейшего выполнения им своей роли. Поэтому он не информирован о последних секретных решениях нашего правительства.

В течение минуты атмосфера в зале полностью переменялась. В рядах партнеров по переговорам на другом конце стола стало заметно беспокойство, все удрученно уставились на Бёрка.

Борис подошел к нему и положил руку на его плечо.

— Ради бога, что вы замышляете, Бёрк? Скандал может вызвать ужасные международные осложнения.

— Пожалуйста, успокойтесь,— попросил Бёрк. Он подождал, пока все снова уселись, и тоже опустил в кресло.— У меня нет намерения вызывать скандал. И хотя ясно, что ваше влияние на ван Фельдерна выходит далеко за рамки дипломатических традиций, я не собираюсь делать из этого общепринятые выводы. Ситуация настолько изменилась, что согласие или несогласие ван Фельдерна в этих обстоятельствах были бы недействительны. Поэтому отвечать должен я. И могу вам сообщить, что намереваюсь принять ваше предложение. Вы поняли правильно: я — за. Конечно, еще требуется подтверждение моего правительства, но думаю, что в этом нет более сомнения: о религии папы Джо вскоре заговорят на всей земле.

Теперь уже строгий распорядок дипломатического протокола был полностью нарушен. Мужчины с противоположной стороны стола вскочили с мест, обежали стол, трясли руки визитерам из-за океана, хлопали их по плечам. Это длилось так долго, что Бёрк вынужден был попросить всех снова занять места. .

— У нас не так уж много времени,— сказал он.— Я ду-

маю, последние дни и часы мы должны посвятить изучению вашей системы. Мне ясно, что до сих пор мы видели лишь поверхностный слой. А нас интересуют скрытые стороны вашей организации: пути коммуникации, ваш метод осуществления политической власти.

В то время как другие опустили в кресла, Борис остался стоять.

— Что мне еще здесь делать?—спросил он тихо.— Думаю, моя миссия окончена. Я подам в отставку.

— И что дальше, Борис?—спросил Бёрк, при этом впервые в его голосе слышалось нечто вроде участия.

— Я бы хотел остаться здесь. Да, охотнее всего я остался бы здесь. С Джин.

Тайли, слышавший все это, обратился к Борису:

— Разумеется, вы можете здесь оставаться столько, сколько хотите... Как наш гость. Правда, от Джин вам придется отказаться. Она слишком способная дипломатка, чтобы мы с ней расстались.

Какой-то момент царило молчание, потом Бёрк сказал:

— Вы недостаточно любезны, Тайли.— Он подождал, пока улегся шум.

Когда Борис в сопровождении дежурного спускался по лестнице, он молил папу Джо о помощи, но тот молчал.

Последующий год отпечатался в памяти Бориса всего лишь как год безысходного мучения, жалкого прозябания без цели и смысла. Папа Джо включился всего лишь однажды, сказав: *«Я подверг тебя испытанию, и ты не выдержал его. Я поставил перед тобой задачу, а ты ее игнорировал. Я отдал тебе приказание, а ты воспротивился ему. С сегодняшнего дня ты изгнан из Великого Сообщества. С сегодняшнего дня ты один. Ты провинился. Провинился...»*

С той поры папа Джо больше не отвечал ему, как бы страстно Борис его ни звал. И в словах ангелов утешенья тоже не было:

«Ты отныне не наш.
Мы больше не за тебя.
Мы не можем тебе помочь.
Мы покинули тебя.
Ты остаешься наедине со своей виной...»

Длительное время Борис не сознавал более, что с ним произошло, где он находится. От случая к случаю он улавливал тихое журчание, иногда мимо него плыл запах тухлой воды. Он слышал шаги вокруг себя, жужжанье голов. Он был безучастен ко всему.

В тот период было лишь несколько просветлений. Ему казалось, что он уже видел это помещение — проход со сводчатым потолком, голые бетонные стены, повсюду осколки пестрого кафеля. Люди в лохмотьях, жующие, сидящие на мешках, ноги в рваных башмаках, которые он видел из-под полей своей шляпы появляющимися и вновь исчезающими. Порой кто-нибудь бросал монету, кусок хлеба... Часто ему требовались минуты, прежде чем он решался поднести кусок ко рту. Большую часть времени он находился в дремотном состоянии, и лучшими были те несколько минут, когда он погружался в сон — тяжелый, без сновидений. Но чаще он в испуге пробуждался, и снова чувство муки или вины захлестывало его, и избежать этого ощущения ему не удавалось.

А затем, однажды, его забрали. Мужчины в зеленых халатах, носилки. Его доставили в больницу, позднее он вспоминал о застланной белым койке, голом потолке, ослепительно белом абажуре лампы. Еще он помнил, что его везли на каталке по длинным коридорам, и, наконец, он лежал на операционном столе, почувствовал укол в руку и вокруг стало темно.

Потянулись долгие дни на затянутой белым койке, постепенно он стал замечать, что жизнь снова пробуждается в нем, что он вновь обрел силы, окружающий мир интересен ему — словом, что он снова стал прежним. Ему давали читать, и он читал, давали спортивные снаряды, и он занимался сосредоточенно и долго. А потом пришел день, когда ему принесли одежду. Его провели к ближайшей стоянке гравитопланов. Он забрался в кабину, машина

летела поперек города по длинной вытянутой прямой. Все отчетливее вырисовывалась перед глазами цель: задняя часть дворца, скорее похожего на фабрику, нежели на правительственное здание. И когда машина спустилась и он вышел наружу, навстречу ему шагнул Бёрк.

— Что произошло? — спросил Борис. — Последнее, что я помню, это переговоры. Вы понимаете, что я имею в виду. Все, что произошло с той поры, несущественно. Что-то со мной случилось, а что — я не могу объяснить. Это связано с так называемым крещением?

— Надеюсь, вы не сердитесь на меня, ван Фельдерн, — сказал Бёрк. — Я действовал по прямому поручению президента. Игра, в которую с вами играли, была нечестной. Потому что мы примерно знали, что вас ждет. Но нам нужны были доказательства.

— Никогда не думал, что так сильно подвержен психологическому влиянию.

— Да вы и не подвержены, — ответил Бёрк. — То была не психология, то была биоэлектроника. Крохотная игла с миниатюрным передатчиком. А в острие иглы находится полость с генетически активной субстанцией. Все это накладывается во время так называемого крещения. Подвергающийся обряду местно анестезируется, втыкается игла. Из клеточной субстанции растут аксоны, клеточные ответвления, осуществляющие связь с важнейшими центрами мозга. Благодаря хемотропизму они находят соответствующие места с неизменной гарантией. Таким образом электронная система становится придатком человеческого сознания и волевого центра и так все эмоционально окрашенные значения попадают в передатчик. Излучаемые волны слабы, но их достаточно, чтобы достичь густой сети приемников, которые установлены повсюду в стране. А отсюда информация попадает к папе Джо и его ангелам.

— Кто такой папа Джо? Что произошло? Почему вы здесь?

Бёрк схватил его за плечо и увлек за собой.

— Идемте, я все объясню. Сначала ответ на последний вопрос: я установил связь с силами подполья и, как мы предполагали, они оказались намного сильнее, чем

мы осмеливались думать, и готовыми на все. В этом слабость такой системы с относительно небольшой руководящей верхушкой и большими техническими расходами: можно ею овладеть с незначительными средствами, если имеешь доступ к ключевым позициям. Короче, мы помогли угнетенным кругам населения обрести свободу. Сейчас мы ведем государство с помощью временного правительства, но через несколько лет здесь появятся независимые политики, которые смогут взять на себя эти функции. А теперь идемте — к папе Джо!

Они воспользовались лифтом, потом бегущими дорожками. Им пришлось пройти несколько постов охраны, но, узнавая Бёрка в лицо, их пропускали. Затем они вошли в помещение, где шеренга мужчин сгруппировалась вдоль стены — так им показалось поначалу; и Борис испугался на мгновение, узнав человека, который здесь без конца варьировался в различных позах: папа Джо.

— Это папа Джо, или часть его, — пояснял Бёрк. — Тот, которого показывали людям. Голографические портреты, управляемые с помощью электроники и переносимые в любое место со скоростью света. Но это еще не все...

Он потянул Бориса за собой.

Следующее помещение, круглое и большое, как арена. Множество экранов, окошечки накопителей магнитных лент; за ними непрерывно и рывками вертелись катушки.

— Компьютер, — сказал Борис. — Я предполагал это, что-либо другое с таким огромным объемом информации просто не справилось бы. Это папа Джо?

— Нет. Это ангелы или, если хотите, их мозг. Отсюда разрешались все обычные проблемы, главная часть того, что сюда поступало. Только незначительная часть переправлялась дальше — в высшую инстанцию, папе Джо.

Им потребовалось немало времени, чтобы пересечь этот круглый зал. Снова Бёрк отворил дверь, и снова они видели перед собой техническую аппаратуру. Вокруг сплетения из динамиков, микрофонов и экранов расставлены табуреты. Помещение было пустым. Бёрк опустился на один из табуретов, Борис сел рядом.

— Тут некогда было место действия папы Джо. Отсюда он правил своей империей. Здесь он узнавал все, что

могло ему повредить или принести пользу. И действовал соответственно. Папа Джо действительно был, но он уже давно мертв. В отличие от многих других могущественных мужей он позаботился о своих последователях и отобрал их так, что они продолжали дело в его духе.

Они помолчали какое-то время. Потом Борис сказал:

— Значит, вот он, ключ к власти.

— Да. Нам удалось захватить командный пункт. Тем самым революция была окончена, потому что тот, кто здесь сидит, тот и управляет миллионами людей. Мы знаем, по какому принципу работал папа Джо. Идеалы, которые он внушал, основывались на принципе потребления. Ему было полностью безразлично, увеличивалось ли загрязнение воздуха в его стране, портилась ли вода, истощались ли сырьевые источники. И постепенно дело дошло до того, что государство очутилось на грани разрухи. Чтобы продлить существование, требовалось расширение сфер влияния — новые люди, новые средства власти, новые источники сырья. И тогда вся игра, но в большем объеме, еще какое-то время продолжалась бы. Борис, в тот раз вы всерьез намеревались выступить в пользу этой системы и открыть ей двери в нашу страну?

Борис размышлял с минуту. Потом сказал:

— Не думаю. Пока я был в здравом уме, я успел заметить, что в этой системе фальшиво. Моя ошибка в том, что я сравнительно рано дал себя «повернуть». Это началось еще до «крещения». Они применили старые, проверенные средства — и я клюнул на них. Я был слишком самоуверен. — Он колебался, не спросить ли о Джин, но не сделал этого.

— Они овладели манипуляцией до полного совершенства, — добавил Бёрк. — Их метод был такой: они проникали в психику и формировали волю по своему вкусу. Они украли у человека свободное волеизъявление. Лишили его достоинства. Конечно, это не лучший способ — в чужой стране способствовать перевороту. Но мы должны были это сделать. — Неопределенным жестом он показал на сложное сооружение, когда-то служившее мозгом этой

системы. Теперь оно было мертво — выключено. — Нам придется начинать с самого начала. Я надеюсь, вы опять примете участие, ван Фельдерн. То, что вы сделали, пошло на пользу нашей стране, знали вы об этом или нет. Я могу сообщить вам это от имени нашего президента. Он надеется, что свои знания вы примените здесь, в этой стране.

— Применить здесь? — спросил Борис, смущенный. «Почему бы и нет», — подумал он. Он болел целый год, но теперь был снова здоров. Он снова был активен, как прежде, и сильнее, чем когда-либо прежде, он верил в правильность своих принципов: «...развивать духовные силы... вести людей к осознанному познанию мира... и этот мир поддерживать и охранять, пока есть возможность».

— Я согласен, — сказал он. — Если я могу оказать действительную помощь, я готов. Прекрасная задача: вернуть людям свободу! — Помедлив, спросил: — С чего мы начнем?

— Сначала мы разрушим этот центр. Этот памятник позору человеческого общества. Любое напоминание о папе Джо должно быть стерто с лица земли.

Борис провел пальцами по клавиатуре, находившейся перед ним. Загорелся красный индикатор — устройство еще было готово действовать. От этого передатчика зависели миллионы мозгов. И во всех в них глубоко укоренилась вера в папу Джо. Будет нелегко лишить их этой веры. Но еще труднее будет сообщить им веру во что-то другое — в то, что не было таким благоразумным, как «рай на земле».

Но неисчислимые люди в остальных частях света... Люди, которые требовали благосостояния, требовали работы, хотели извлекать выгоду из богатства. Каких усилий стоило убедить их в том, что было лучшим для них! Сколько неприятностей возникало с теми, кто был упрям, не поддавался обучению или оказывался просто глуп! С этими нерешительными, близорукими массами он имел дело всю свою жизнь...

Еще погруженный в размышления, он нажал на очередную клавишу: вспыхнуло световое табло, из динамика послышался ровный фон. Он поднес микрофон ко рту

и услышал собственные слова: «Папа Джо мертв. Он больше не поможет вам. Его лозунги были фальшивыми. Но есть другие ориентиры для счастливого человечества... Сохранить источники сырья... себя добровольно ограничить... довольствоваться достигнутым... помнить о духовных ценностях...»

ЗРЕЛИЩЕ

Рев стотысячной толпы оглушал. Он доверху наполнил гигантскую чашу стадиона и теперь бился прибоем в ее края, захлестывая верхние галереи и отражаясь от прозрачного куполообразного покрытия. Чудовищной силы глухой рев, способный вызвать колики, разнообразили отдельные выкрики, свист, женские взвизги, рыдания — неконтролируемые проявления экстаза, безумные, пьянящие, ударяющие в голову. Спасть было невозможно, это настигало любого, оставалось реветь и визжать вместе с толпой, растворяясь в стихии высвобожденной первозданной агрессивности.

Альф Фишер стоял далеко наверху, у края южной башни, с незапамятных времен определявшей облик города, в закрытом для публики секторе. Облокотившись на перила, он глядел вниз, на арену. Клубы песка взметались над нею. В смертельной схватке сцепились там два существа. Одно походило на гигантского змея, сплющенное его тело было метров двадцати в длину. Оружием змея было нечто, издали похожее на огромный кривой клюв, им он разил направо и налево, словно гарпуном, хвост заканчивался у него острой иглой, и этой иглой он стремился пронзить противника. Потому-то он и бился на песке, словно выброшенная на берег огромная рыба, подпрыгивал высоко вверх, свиваясь кольцами, и падал стремительно вниз, похожий на гигантскую подкову.

Второе животное представляло летающих ящеров, ему слегка подрубили крылья, чтоб не взлетел под самый купол. Он орудовал когтями и зубами; когда гигантская его пасть хватала пустоту, это звучало как выстрел.

Схватка шла с переменным успехом. Летели в разные

стороны куски рогового панциря, оранжевая студенистая масса сочилась из оставшейся незащищенной плоти, коричневая, с оттенком ржавчины кровь пятнами выделялась на песке. В конце концов устрашающие челюсти все-таки сомкнулись на шее у змея. Тут же, словно электропи-лы, заработали ряды огромных зубов, и когда ящер выпустил наконец своего противника, голова безжизненно отвалилась от все еще извивающегося, сплющенного тела.

Альф шумно перевел дух. Три дня назад вернулся он после долгих странствий на Землю, и казалось, что за многие годы выработался уже некий иммунитет к подобным зрелищам, новый, более трезвый взгляд, несмотря на все бывшие восторги, взгляд более рассудочный и критиче-ский. Но сейчас он понял, что зрелище захватило его, как прежде, когда вместе с воспитателем и школьными то-варищами он теснился где-нибудь поближе к арене, со всех сторон зажатый толпой. Так же бешено заколотилось сердце, то же оцепенение сковало его, тот же восторг со-причастности величайшему приключению в мире. С тех самых детских лет не было у него иной цели в жизни, как стать гладиатором, достичь высшей ступени героизма в их вялом, лишенном противоречий мире. У него все бы-ло иначе, не как у других ребят в интернате, мечтавших стать капитанами межпланетных кораблей, пилотами-испытателями, разведчиками неведомых планет. И у него мечта эта возникла произвольно, из будоражащих ум переживаний, под воздействием увиденного, но он не сра-зу уступил безумным своим помыслам, поначалу прос-то испугался — ведь это значило желать почти невозмож-ного! Со временем, однако, идея все больше вызревала в нем, и он принял решение, наметил ближайшие задачи. С тех пор он твердо шел по однажды избранному пути, шаг за шагом приближаясь к поставленной цели, не огля-дываясь по сторонам, непоколебимо. И вот он на фи-нишной прямой. Сегодня будет принято решение...

Перерыв закончился; фанфары дружно протрубили их гимн — гимн гладиаторов. Настал черед последнего, за-вершающего действия, кульминации всего зрелища — поединок между человеком и чудовищем. Ярчайшее ут-верждение человеческого бытия, древняя и юная драма

истории рода, вечная, как отчаяние и надежда, бесстрашие и страх, победа или смерть.

Раздался рык из брызгающей пеной пасти, и чудище о шести ногах стремительно вонзилось в арену: конусообразная голова, длинный ряд зубов, прячущихся в мясистой пасти, выпуклые фасеточные глаза, ощетинившееся оперение. Это был гигантский тапир из болот Герона-4, очень далекой планеты; через расстояние в сотни световых лет доставлен на Землю, дабы здесь под ударами электрического кнута, лучами лазерного пистолета и разрывными пулями испустить дух в поединке с человеком. Монстр был около десяти метров в длину; пригнувшись, он удивительно быстро неся вдоль ограждения, время от времени останавливаясь и выпрямляясь, при этом тапир перебирал в воздухе передними ногами, словно собираясь боксировать с тенью. Там, где пробегало чудовище, зрители невольно подавались назад, близость животного внушала ужас, хотя все хорошо знали, что арену отделяет от зрителей гравитационный щит, прозрачная, но абсолютно непроницаемая преграда, служащая прекрасной гарантией безопасности публики. Еще более важным, хотя и в прямо противоположном смысле, было это ограждение для гладиатора: он вынужден рассчитывать только на свои силы, он находился, хотя на него устремлены были взгляды многочисленных зрителей на трибунах и перед телеэкранами, в собственном, замкнутом и отрезанном от окружающего, мире, в этот мир никто не мог проникнуть, и помощи ждать было неоткуда. А ведь немало было и тех, кому помощь очень бы пригодилась!

Альф Фишер достаточно представлял себе ситуацию, и тем не менее, когда наконец появился человек, — каким уязвимым, беззащитным выглядел он на арене! И когда монстр внезапно прервал свой бег и замер на миг, подрагивая боками, а закованный в броню человек медленно сделал первые неловкие шаги, вытянув перед собой, словно защищаясь, электрический кнут, на Альфа Фишера вновь накатило не поддающееся описанию чувство, смесь острой зависти, нетерпеливого ожидания, сомнения, соперничества и радостного предвкушения.

Вновь раздался рев толпы, сначала глуховатый, пре-

рываемый отдельными выкриками, свистом, затем нарастающий, увлекающий всех за собой, словно мощный поток. Поединок начался.

Дремучий, темный инстинкт противостоял интеллекту, оснастённому лишь весьма скромными техническими средствами... И как всегда, противостояние это было захватывающим, изматывающим нервы, полным драматизма. Альф Фишер задумался, как удастся им неизменно поддерживать борьбу такой ожесточенности, почти что на равных, когда ни у одного из соперников нет явного преимущества и победа всегда на волоске. Причина, наверно, заключалась в точном выборе партнеров, изучении всех возможностей и повадок животных, в соответствующем подборе допустимого оружия. На сей раз победа досталась человеку. Рэкс Мэнграу, семнадцать побед, суперзвезда. Но человек побеждал далеко не всегда, и многим гладиаторам поединок стоил жизни. Но сражались они отчаянно, дорого продавая свою судьбу, и публика получала ни с чем не сравнимое зрелище. Имена погибших были выбиты золотом на мраморном обелиске у главного входа.

Вновь и вновь взрывалась толпа ликующими криками, когда Рэкс Мэнграу потрясал поднятыми вверх кулаками или высекал искры с помощью электрического кнута.

В свое время Альф Фишер всегда оставался до конца, выжидая, пока схлынет основная масса зрителей; тогда по пустым трибунам он спускался вниз, к самому ограждению, где помещались почетные места для политиков, пионеров космических пространств и знаменитых актеров; он долго стоял там, уставившись на развороченный песок, и в мечтах видел себя на арене один на один с неведомым чудовищем: под ликующий рев толпы он неудержимо стремился к победе. На сей раз, однако, он свернул в другую сторону и стал подниматься по длинной лестнице на террасу южной башни, откуда открывался прекрасный вид на стадион. Нажав кнопку звонка, он произнес свое имя в переговорное устройство. Дверь, управляемая дистанционно, отворилась, и Альф направился вверх по ступ-

пеням, устланным дорогим ковром. Он вошел в просторное фойе: кругом окна во всю стену, дорогие кожаные кресла вокруг курительных столиков, все те же мягкие дорогие ковры.

Дверь напротив распахнулась, показалась молодая девушка: у нее были светлые волосы, очень правильное кукольное личико и безупречная фигура. Рабочий халат сидел на ней, словно творение лучшего парижского модельера. Это была Криста, ассистентка Гёбли, — он узнал ее по многочисленным телеинтервью, правда, она присутствовала там обычно на заднем плане, как драгоценное украшение, демонстрируемое с подобающей благородной сдержанностью. Ходили слухи по поводу ее отношений с Гёбли, обеспечивших ей нынешнее привилегированное положение, но это были всего лишь слухи — как правило, они беспочвенны и абсолютно не соответствуют истинному положению вещей.

— Вы Альф Фишер, знаю, — сказала Криста. — Директор Гёбли ждет вас.

Владелец крупного зрелищного концерна был знаменитым человеком. Это ему принадлежала идея с отдаленных планет доставлять диких животных на Землю и здесь устраивать поединки. Идея имела потрясающий успех. В течение всего нескольких лет увлекательные зрелища Гёбли перекрыли по популярности даже футбол и лыжный слалом. Ибо в этих видах спорта борьба велась за голы и сотые доли секунды, то есть, если уж говорить начистоту, за цели мнимые, не представляющие жизненных интересов человека, популярность футбола и слалома подогревалась разве что усиленной рекламой. В зрелищах же Гёбли воочию проступало то, что таилось до поры в самых отдаленных уголках сознания и подсознания. Борьба шла за жизнь, за жизнь пусть одного представителя человечества, но зато представителя всех тех, кто наблюдал поединок со своих удобных мест. И у них тоже поднималось нечто из глубин собственного «я», выплескивалось на поверхность то, что обычно хранилось под спудом, — жестокость, решимость и беспощадность, готовность убивать, жажда крови... Возможно, это и делало гладиаторов звездами первой величины, героями толпы, кумирами мо-

лодежи. Что могло быть на свете прекраснее, чем стать героем красочных зрелищ Гёбли!

Директор что-то искал среди лежавших на столе папок.

— Вы не представляете, сколько у нас заявлений. Пришлось поручить предварительный отбор компьютеру — это гарантирует объективность оценок. Должно быть, у вас отличные данные, если вы попали в самую последнюю выборку.

Он раскрыл одну из папок, полистал содержимое.

— У меня не было времени подробно ознакомиться с вашими бумагами. Вы действительно считаете себя готовым к подобной деятельности?

— Я тренировался по системе, — ответил Альф. — У меня золотой знак за ряд высших спортивных достижений и карта здоровья «экстракласс».

Директор оценивающе взглянул на него.

— Неплохо, — пробормотал он, отдавая должное сидящему перед ним соискателю.

— Последние пять лет я провел на планетах внешнего космического пояса. Был охотником, отлавливал животных. Я выиграл уже немало поединков там, на природе, на дикой тропе. С животными, которых вы здесь показываете, и со многими другими.

Директор вынул бумаги из папки, разложил перед собой на столе:

— Ага, ваши свидетельства. О, да у вас отличные оценки!

Альф Фишер кивнул. Его сердце забилось чуть сильнее обыкновенного — пока все шло прекрасно. Интересно, что еще от него потребуется?

— Не будете ли так любезны встать? — попросил директор. — Пройдитесь передо мной взад-вперед.

Альф сделал несколько шагов по комнате. Смотрелся он неплохо и знал это. Еще одно очко в его пользу!

Гёбли кивнул.

— Что ты думаешь, Криста?

Криста окинула Альфа странным, пустым взглядом. Равнодушно пожала плечами.

— Ну? — настаивал директор.

— Смотрится неплохо,— с усилием произнесла она. Гёбли вновь откинулся в кресле — его силуэт резко выделялся на фоне огромного, во всю стену, окна, за которым далеко внизу как на ладони раскинулась арена.

— Прекрасно,— сказал он.— Вы добровольно выразили желание стать гладиатором. Следовательно, должны написать письменное заявление, в котором подтвердите, что отказываетесь от любой материальной компенсации в случае возможной неудачи. Надеюсь, у вас нет иллюзий относительно избранной вами профессии. Гладиаторы отнюдь не похожи на светских людей. И жизнь их выглядит совсем иначе, чем представляется со стороны. Подчинение всего жизненного распорядка железной дисциплине, воздержанность в еде и питье, ни грамма алкоголя, никаких любовных историй — таковы необходимые условия. Вам придется строго придерживаться наших правил. У вас есть родственники?

Задавая этот вопрос, директор знал ответ заранее: компьютер согласно заданной программе отбрасывал всех кандидатов, у которых имелись родные, пусть даже самой дальней степени родства.

Альф Фишер покачал головой.

— Нет.

— А друзья? Девушка?

— Нет,— ответил Альф.— Я только что вернулся из внешнего космического пояса. Последние пять лет я провел на необитаемых планетах, как правило, в одиночестве. А здесь я всего несколько дней. У меня решительно нет никаких привязанностей.

— Условия контракта вам, я полагаю, известны,— заметил Гёбли.— Считаю, однако, необходимым подчеркнуть, что рекламный ваш статус участника зрелищных поединков, со всеми вытекающими отсюда правами и другими моментами, целиком передается на усмотрение фирмы. Вы согласны с этим?

— Конечно,— подтвердил Альф.— Для меня ведь главное не заработки. Главное — само дело. Я хочу продемонстрировать, на что способен. Думаю, мир и сегодня нуждается в людях, которые ставят перед собой высокие

цели — и достигают их. Вот это я и хотел бы доказать. Только и всего.

— Чудесно, — сказал директор. Он встал, подошел к Альфу, пожал ему руку. — Поздравляю, вы зачислены. Именно такими хотели бы мы видеть всех наших парней. Сегодня у нас еще много дел. Загляните завтра с утра — Криста уладит с вами все формальности. Но если хотите, можете сегодня же вечером занять одну из наших квартир. Вот адрес.

Криста извлекла карточку из картотеки и протянула Альфу. При этом она избегала смотреть ему в глаза.

— Итак, до свидания! — Гёбли указал на дверь и вновь обратился к бумагам.

Альф Фишер попрощался и вышел. Медленно спустился он по бесконечным лестницам вниз. В ногах ощущалась слабость, словно после дня тяжелых трудов. Он пока не мог поверить в свое счастье — он зачислен! Он стал гладиатором, получил величайший шанс. Сегодня еще неизвестный, завтра он может стать героем!

Альф не заметил, что Криста, стоя наверху у окна, долго глядела ему вслед.

День первого его поединка! Перед выходом на арену он был как в трансе. То не была оцепенелость от страха или неуверенность в себе, просто ему необходимо было сконцентрироваться перед важнейшим в своей жизни мгновением, мобилизовать резервы. Годами вырабатывал он в себе такое умение.

А потом все произошло удивительно быстро — он надел броню, шлем, наколенники из поролона на ноги, защитные щитки на плечи, проверил выданное оружие. Альф прекрасно владел всеми видами, и пистолет удобно поместился у него в руке.

Наконец-то он за ограждением, в центре арены. Хотя свет свободно проходил через гравитационное поле, ощущение было такое, словно он находится внутри матового шара. Кольцо зрителей за ограждением видно было смутно — огромная людская масса колыхалась, будто волны на поверхности моря над большими глубинами.

Но это был всего лишь фон, задняя кулиса, незначительная и недостойная внимания. Важно было сейчас лишь существо, притаившееся на противоположном конце песчаной арены, огромная летающая ящерица с Альдебарана; она словно прислушивалась к чему-то, согнув мускулистые задние ноги, расправив перепонки на крыльях. Он знал этих животных: реакция у них была молниеносной, они предпочитали пикировать сверху, нанося удары огромными сильными челюстями и стараясь пригвоздить жертву к земле. Остальное доделывали острые, как нож, выросты на голеностопных суставах.

У Альфа Фишера не было времени на размышление. Чудовище на мгновение сжалось, а затем стремительным прыжком метнулось прямо к нему — живая стрела со смертоносным острием, далеко выдающимися вперед мощными челюстями. Помедли он хоть секунду, и животное настигло бы его. Но он уклонился элегантно, красивым движением и с этого момента уже не испытывал никаких колебаний, мысли покинули его — он действовал и реагировал гибко, с растущей уверенностью в собственных силах, был спокоен, холоден и трезв, вновь и вновь радовался он точной реакции мозга и мускулов, они словно превращали смертельную схватку в изящную игру, в демонстрацию ловкости и мастерства, в танец, где именно он определял последовательность фигур. Оружием он пользовался экономно, чаще электрокнутом, чтоб еще больше раздражить зверя, это напоминало бой быков из ушедших в прошлое эпох. Он сам определял, когда поставить в этом поединке точку — не слишком рано, но и не слишком поздно. Вот мощный прыжок вознес его на широкую спину рептилии, сотой доли секунды хватило ему, чтобы укрепить приготовленный заряд на одном из шейных позвонков. Альф находился уже в десяти метрах от ящерицы, когда грохнул взрыв, затопив арену потоками крови, расшвыряв обломки костей и кусочки мозга. Чудовище, еще несколько секунд назад внушавшее ужас зрителям, превратилось в груды подрагивающей плоти.

Директор внимательно изучал данные, появившиеся на экране дисплея: количество зрителей на стадионе и количество наблюдавших за поединком по телевизору, данные тотализатора. Цифры на экране он сравнивал с пометками у себя в блокноте, отдельные строки пометал галочкой. Потом занялся анализом более тонким: прогнозы спортивных газет, данные опросов зрителей, коэффициенты популярности.

— А у этого парня дела недурны,— пробормотал он. Неожиданно он поднял голову и взглянул на Кристу.

— Слышала? У него дела весьма недурны.

— У кого?— спросила Криста.

— У Альфа Фишера, у кого же еще?

Криста лишь молча кивнула.

— Парень поистине безупречен. Очень серьезно относится к делу. На тренировки ни разу не опоздал. Ни разу не пожелал развлечься, плюнуть на режим.

Задумчиво покачав головой, он перечитал несколько журнальных вырезок.

— Высок и светловолос, внешность приятна. Однако замкнут, чувство юмора отсутствует. Отважен, но интеллекта явно не хватает. Кого-то он мне напоминает. Не могу только вспомнить имя. Ты наверняка знаешь, о ком я говорю.

Криста покачала головой.

— Нет.

— И абсолютно никаких махинаций! Честность, глупость, равнодушие к благам. Порой я отказываюсь понимать нынешнюю молодежь.

— Разве это обязательно глупость, если кто-то не хочет заниматься махинациями?— вскинулась Криста.

Гёбли сдвинул папки в сторону и принялся молча чертить непонятные знаки на чистом листе бумаги — это были стрелки, показывающие самые разные направления.

— Сколько поединков стоит дать ему выиграть, как ты считаешь?

— Но он ведь пока провел всего три,— ответила Криста. Она хотела добавить еще что-то, но промолчала.

— Он становится слишком популярным — такова статистика. Разве мы можем это допустить? Нам что, так уж

нужна новая суперзвезда? На эту роль я его не нанимал. Да и шансов у него нет стать кумиром. Обаяния маловато. Слишком холоден и трезв. Я распоряжусь им, как требуют того интересы дела. Скорее всего, еще раза три-четыре. А потом...

Он нажал несколько кнопок на пульте. Экран погас.

В этот вечер Криста ждала, когда Альф закончит тренировку. Тот по собственной охоте выкладывался больше, чем требовалось, и ей пришлось прождать лишних полчаса. Она сделала вид, будто их встреча случайна. Для него это была полная неожиданность, но приятная ли — она затруднялась сказать.

— Чем вы занимаетесь в свободное от тренировок время? — спросила Криста, когда они вместе двинулись по аллее, обрамляющей стадион.

— Изучаю повадки животных. Пробую новые виды оружия. Просматриваю видеозаписи прежних поединков. Дел хватает — скучать не приходится.

— Вам в самом деле этого хватает? — продолжала допытываться Криста. — Зачем вообще это все? Неужели вы не понимаете, что рискуете жизнью? Вам что, очень хочется стать героем дня? Зачем?

Альф помедлил с ответом.

— Стать героем дня... Может быть. Но не так, как вы это понимаете. Не в глазах людей, зрителей. Я действительно хочу победить, но это борьба скорее с собой. Я хочу понять возможности человека. Все эти животные сильнее и стремительнее нас, это хищники, любящие кровь. Им противостоит слабое существо, вынужденное защищаться. С этого и началось восхождение человечества — с необходимости защитить себя от внешних врагов. Эту способность люди пока еще не утратили. И нужно обязательно сохранить ее.

— Но разве это борьба на равных? Ведь в этом случае шансы должны быть равны. Раньше, наверное, так и было, но сегодня? Человек, искусственно ограничивающий себя и применяющий лишь легкое оружие, сражается с животным, которое специально привезли с какой-нибудь

дальней планеты, чтобы здесь убить. Неужели этот организованный по всем законам менеджмента цирк имеет что-то общее с существованием человека в древности?

— Но поэтому мы и сводим наше оснащение к минимуму,— возразил Альф.— Единоборство тогда получается настоящим — ведь у соперников примерно равные силы. Эти звери совсем не убойный скот, у них тоже есть шанс. Если они одерживают верх, им сохраняют жизнь — директора зоопарков всего мира счастливы заполучить редкостный экспонат с далекой планеты, да еще способный существовать в климатических условиях Земли.

Слушая рассуждения Альфа, Криста то и дело искоса поглядывала на него. На мгновение он утратил обычную свою сдержанность — в словах почувствовалось волнение. Они трогали ее сильнее, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Когда он замолчал, она тихо произнесла:

— Я ведь имела в виду не животных.

Обычно, чтобы добраться до дома, Альф пользовался подземкой. В этот раз Криста подвезла его в своем автомобиле. Высаживаясь, он спросил, не хочет ли она зайти к нему. Это был внезапный порыв, который он и сам не смог бы себе объяснить, реакция на необычность ее поведения, почувствованную им чисто интуитивно. Он тут же смутился от непроизвольно вырвавшихся слов и хотел уже сгладить их какой-нибудь банальностью, скажем желанием продемонстрировать ей дивный вид, открывающийся из окна, или новую стереоустановку, но прежде, чем он успел раскрыть рот, Криста согласилась. Она оставила автомобиль на стоянке и двинулась вместе с ним к дому.

Альф не избавился от неуверенности, когда они вошли в квартиру. Однако Криста держалась удивительно легко и непринужденно. По собственной инициативе прошла на кухню, приготовила коктейль — смесь молока и фруктовых соков, ведь Альф не мог позволить себе ни кофе, ни алкоголя. Потом они уселись перед огромным окном во всю стену и принялись разглядывать плоские крыши новых кварталов, выросших вокруг стадиона, — теперь это была целая зрелищная индустрия. Но в тот миг они не думали о спортивных журналах, телеинтервью и рекламных

шоу; раскинувшаяся перед ними картина была словно чужая страна, и люди ее населяли совсем чужие — словно кто-то специально соорудил эту дальнюю кулису, чтобы на ее размытом туманом кубистском фоне оттенить яркость и неожиданность происходящего с ними.

Альф никогда раньше не обращал на Кристу внимания, но вовсе не потому, что считал ее непривлекательной, и не потому, что молва сделала ее любовницей директора. Он не интересовался ею точно так же, как не интересовался другими людьми, будучи целиком поглощенным своим делом. Однако нынешним вечером рядом с нею ему было удивительно хорошо, и это поразило его, он словно открыл иное жизненное измерение, прежде ему недоступное. Вечно он рассчитывал только на себя, гордился своей независимостью. Иногда выдерживать дистанцию удавалось с трудом, попадались на его пути надежные парни, такие же искатели приключений, как он, с готовностью протягивающие ему руку дружбы, встречались и женщины, вовсе не собиравшиеся скрывать, что он им нравится. Но Альф упорно избегал всех, расставался без сожаления, порой неожиданно и грубо, стоило ему заметить, что отношения налаживаются и возникает связь, способная ограничить его свободу. Поэтому он предпочитал девиц, промышляющих в окрестностях ракетодомов, — те по крайней мере знали, что требуется мужчине, охотнику или разведчику новых планет, вернувшемуся из дальних галактических странствий, и за что он готов выложить деньги. Это были честные сделки, каждый знал, чего хотел и что мог бы предложить: через несколько часов все было кончено и забыто навсегда, оставалось лишь чувство легкости и свободы.

Теперь же рядом была девушка, ни в чем не похожая на тех, кого он знал прежде. Она была красива и умна, занимала прочное положение в обществе и тем не менее пошла с ним, словно искательница приключений из туристского квартала. Вот она скинула туфли, поджала ноги и слегка склонилась к нему — теперь уже не осталось сомнений в ее намерениях, да она и не пыталась их скрыть. Он среагировал почти автоматически, привлек ее к себе, зарылся лицом в волосы, рукой провел по спине, другой

ласково потрепал по щеке и тут заметил в ее поведении нечто странное, непривычное, хотя делала она, в общем, все то же, что и прочие девушки,— то была пронзительная, самозабвенная нежность, чувство это своей силой напугало его, сделало беззащитным и в то же время наполнило неведомым счастьем. Словно он знал эту девушку с незапамятных времен и она любила его — теперь он знал это наверняка — истинной, жаркой, отчаянной и безответной любовью. Неужели это Криста, с неподвижным кукольным личиком, холодная и неприступная красавица из свиты современного императора, игравшего, как и в старину, судьбами людскими? Она вдруг обрела плоть и кровь, сбросила маску, обнажила иное свое, неведомое «я» — устремленное к людям, способное переживать, уязвимое. И тут его поразило как гром открытие: ему ведь тоже достало нескольких минут, чтоб покачнулись надежнейшие его устои, он уязвим точно так же, как остальные, подвержен влиянию, лишен силы воли...

Он резко поднялся и сказал:

— Завтра бой с пауком-рогоносцем. Прежде с ним был лишь один поединок, я должен проглядеть его в записи.

— Я не помешаю, если пока побуду здесь?

— Ну, если тебе так хочется,— холодно ответил Альф.

Он поставил видеокассету, сдвинул вбок штору на большом настенном экране. Нажал кнопку, и прозрачное стекло огромного окна немедленно окрасилось в коричневый цвет. В комнате стало сумеречно, как будто на улице внезапно разразилась гроза.

А затем на экране начался поединок — в натуральную величину, стерео, словно сидишь на трибуне для самых почетных гостей. Альф вновь обрел обычную свою собранность, теперь он фиксировал каждое движение человека и животного. Высокий светловолосый мужчина двигался по арене уверенно и ловко. Даже Альф заметил, что чем-то он походил на него.

Криста сжалась в комок на стуле, стоявшем в дальнем углу. Надо же так случиться, чтоб на кассете оказался тот самый поединок! Ей хотелось заслонить лицо руками, но

она не могла шевельнуться. Широко раскрытыми глазами наблюдала она происходящее.

Сначала поединок протекал по обычному сценарию: сильный человеческий интеллект навязывал свою волю животному. Мужчина на арене демонстрировал все, на что способен, он словно вел с хищником увлекательную игру: то приближался, нарочито небрежно опустив руки, в действительности же напряженно фиксируя малейшее его движение, то стремительно отскакивал в тот самый миг, когда, казалось, на него неминуемо должен был обрушиться удар рога, да еще успевал полоснуть искрящим кнутом по натянутой коже.

Но затем ситуация изменилась самым непредвиденным образом. Казалось, чудовище обретало с каждой минутой силу и скорость, а человек, хотя и выглядел по-прежнему спокойным и полным самообладания, все чаще вынужден был защищаться, и вот он все-таки получил удар рогом, еще один, кровь хлынула из раны, но он все еще сражался, вот на него обрушился град новых ударов, защищаться стало трудно, и вот он уже неподвижно лежит на песке с раздробленными голенями, пытаясь отражать удары хотя бы мачете. В этом месте оцепенение отпустило Кристу. Она смогла отвернуться, уткнувшись лицом в подушку. Она и так знала, что происходит сейчас на экране — уже не единоборство даже, всего лишь судорожные, отчаянные попытки защититься человека, добываемого эффектно и не без системы. Такое впечатление, будто чудовище осознало наконец свое превосходство и теперь намерено добить противника его же методом, продемонстрировав свое понимание правил игры. Смерть подступала к гладиатору открыто, не внезапно и не из-за спины, она постепенно отвоевывала участок за участком, разрушала не столько тело, сколько гордость и уверенность в себе поверженного на землю человека, с неизбежностью осознавшего, что он побежден и что это конец.

Когда Криста открыла глаза, экран уже не светился. Альф задумчиво сидел на тахте. Криста собралась с духом, чтобы скрыть волнение. Она встала, прошла по комнате, села рядом с Альфом.

— Ты все внимательно рассмотрел? — спросила она.

Альф кивнул.

— Он проиграл,— сказала Криста.

Они помолчали.

Наконец она решилась:

— А тебе не хочется бросить все это?

Альф изумленно взглянул на нее:

— Но почему?

— Неужели ты ничего не заметил? Паук был явно сильнее. Ты же видел сам: все вдруг переменялось, зверь научился уклоняться, сам же наносил удары точно в цель. Ты не боишься, что вот так будешь однажды побежден и ты?

— Я смотрел очень внимательно,— ответил Альф.— Человек просто устал. Он сражался отважно, вне сомнения, но где-то не дотянул. Ты должен расти вместе с противником — ему это не удалось. Кое-что он упустил и тут же поплыл по течению. Он заслужил свою смерть.

— До чего же ты жесток,— прошептала Криста.

— Я должен быть жестоким, иначе мне не победить.

— И ты не бросишь, если я тебя об этом попрошу?

— Нет,— ответил Альф.

Это был всего лишь четвертый его поединок — явно недостаточно, чтобы попасть в любимцы публики. Но каждый поединок приближал его к заветной цели, и уже сейчас он ощущал спокойствие опытного профессионала. Приготовления протекали привычно, он осуществлял их почти механически; шаги к шлюзу, через который гладиаторы попадали на арену, он мог бы проделать даже во сне.

И вот он на арене, под ногами хрустит песок, на нем броня, в руках мачете, электрический кнут и огнемет. Без промедления направился он в центр круга.словно изда- лека донеслись крики толпы, приветствовавшей его появление. Это было удивительное ощущение, без него он уже не смог бы существовать, как наркоман не может существовать без наркотика.

Сердце его, как всегда, билось ровно, он мог хладнокровно наблюдать себя со стороны, анализировать свои

действия, решения, эмоции. Он был прирожденный гладиатор и знал это. Разве выдержит такое тот, кто мечтает лишь о благосклонности публики, о выгодных сделках в рекламе, в шоу-бизнесе?

Он поднял кнут и щелкнул так, что посыпались искры... Ему хотелось раздражить зверя, затаившегося на противоположном краю арены, вывести его из равновесия.

И вот он пришел в движение, паук-рогоносец, огромное даже того, что был вчера на экране. На восьми ногах заскользил он по песку, словно транспорт на воздушной подушке, и хотя он двигался вокруг Альфа по спирали, повернувшись к нему боком, впечатление было такое, будто все пары жутких красноватых глаз уставились прямо на него.

Альф вновь щелкнул кнутом, затем быстрыми шагами двинулся животному наперерез. Паук замер, лишь волоски на коже равномерно колыхались. Потом со скоростью, превышающей скорость всех известных на Земле существ, устремился вперед. Он был почти три метра в высоту и около шести в диаметре, ноги его по охвату превосходили человеческие в несколько раз.

Альф дал короткий залп из огнемета; он бил по длинным членистым конечностям, стремясь сразу лишить паука свободы маневра. Он попал в цель. Паук на мгновение остановился, поднял раненую ногу, однако на остальных семи двинулся вперед так же проворно, как прежде, и прямо на него.

На этот раз Альф использовал кнут и в тот же миг должен был увернуться от нацеленного на него страшного рога.

Лишь теперь началась настоящая схватка — предшествовавшее было лишь легкой разминкой. Альф был в ударе. Залпы из огнемета, щелчки кнута, точные рассчитанные броски с мачете, мгновенное парирование, изящные отходы, уклоны, пасы... игра шла так, как направлял ее он. А он был спокоен, сосредоточен, несмотря на воодушевление, и хотя оглушительный рев толпы доносился до его ушей как сквозь слой ваты, на обочине сознания постоянно присутствовала мысль, что его поддерживают

желания и надежды многих тысяч людей, и это окрыляло и придавало сил.

Но тут вдруг он осознал, что поединок длится намного дольше, чем все предыдущие, и сейчас самое время поставить победную точку. Он вскочил, поднял мачете, и в тот же миг на него надвинулся рог... В сотую долю секунды — никто из зрителей даже не заметил этого момента — он получил сильнейший удар в бедро, рог подкинул его высоко вверх, и он упал на песок. Несколько секунд он пытался перевести дух, шум на трибунах умолк, он лежал неподвижно лицом вверх, и в ослепительной яркости отражающего солнце верхнего купола на мгновение причудились ему рассыпавшиеся золотистые волосы Кристы, они переливались в солнечных лучах, и не хотелось уже ничего, только лежать и наблюдать за этой игрой...

Зловонное дыхание паука вывело его из сомнамбулического состояния, зловонное, вызывающее омерзение дыхание против воли вернуло его в чудовищную, невыносимую реальность. Он словно очнулся, и очень вовремя, — прямо перед ним показалась сетчатка красноватых глаз, ряд внушающих ужас резцов, служащих для раздиранья пищи, теперь эти резцы готовились отхватить кусок его плоти. Он собрал все силы и рывком откатился в сторону; на том месте, где он только что лежал, взметнулся песок.

Альф вскочил. Паук чуть дал назад и теперь надвигался снова. И тут Альф по-настоящему ощутил боль в боку, нехватку воздуха в легких, слабость в ногах...

Паук снова навис над ним, и уже не было времени приготовить мачете, только отпрыгнуть подальше, на безопасное расстояние. Но рог вновь зацепил его, на сей раз от удара безжизненно повисла рука. Он уронил огнемёт.

Альф чувствовал, что силы покидают его. Однако гораздо большим потрясением стало открытие, что ему страшно. Ощущение это было столь внове, что на мгновение он отвлекся, углубился в собственные ощущения — леденящий, парализующий холод сковал желудок, растекаясь по всему телу... Движения стали медленнее и давались с трудом, словно он передвигался в тяжелой вязкой жидкости. Невольно он взглянул на трибуны, но люди,

вскочившие там с мест, не имели человеческих лиц, да и помочь ничем не могли.

Он все еще пытался отражать паучьи удары, время от времени даже попадал в цель мачете или кнутом. Но удары эти словно не оказывали на животное действия. Сопrotивляясь уже больше по инерции, он все еще пытался понять причину собственного поражения. Вспомнил вчерашний вечер, вспомнил, как на мгновение изменил собственным принципам, возможно, это расплата надвигалась сейчас на него. Криста... Не она ли заразила его страхом? Ее предостережения, ее опасения... вновь его настиг удар рога, он упал на колени — силы окончательно покинули его.

Перед глазами встал вчерашний видеофильм. И, скрежеща от отчаяния зубами, в последний момент он понял, что с ним сейчас произойдет то же самое. Он будет умирать долгой, мучительной смертью — как животное.

Рев беснующейся толпы гасили звукоизолирующие стены, но громкоговорители воспроизводили его, хотя и на малой громкости, — звуковое сопровождение разыгравшегося внизу зрелища.

Директор сидел перед видеоэкраном, демонстрировавшим арену сверху. На стекле нанесена была красная координатная сетка. Рядом сидела Криста, держа руку на клавишах автоматического управления.

— Объект на В 7. Ответный удар. Реакция полторы секунды. Объект на В 8, Д 9... Вот так хорошо!

Пальцы Кристи словно играли на диковинном музыкальном инструменте. Со своего места она могла видеть, что происходит на экране, но для нее это было обязательно.

— Объект на Д 7, Д 8... Реакция секунда. Сошлись... Отлично сопротивляется, не так ли? — спросил директор.

Криста чуть заметно кивнула.

— Объект на Е 4, Е 5, Г 6, Г 7... удар отведен — удар — контрудар!

Лицо у девушки дрогнуло. Она медлила.

— Контрудар! — крикнул директор. — Ты что, не слышишь?

Она нажала клавишу. Крик ужаса, вырвавшийся одно- временно из сотен тысяч глоток, заставил завибрировать громкоговоритель.

— Реакция полсекунды!

Криста сняла руки с клавиш.

— Ты что задумал? Это всего четвертый его бой! Ты же хотел...

Шеф на мгновение оторвался от экрана.

— Тебе ведь он безразличен, не так ли?

Девушка кивнула.

— Тогда давай! — скомандовал он. — Г 3, Г 2... Парировано — контрудар!

Директор смотрел на экран, чего-то дожидаясь...

— Зачем ты это делаешь? — спросила Криста.

— А почему бы нет? — ответил Гёбли. — Слишком быстро начал завоевывать популярность, вот и созрел. Обычно ты не столь щепетильна!

— Дай ему шанс! — попросила Криста.

— Как ты себе это представляешь? Мне что, прервать бой?

— Только один шанс, — повторила Криста. — Пусть он просто сражается на равных. Зачем ты вмешиваешься? Он ведь и так скоро погибнет!

— Ты с ума сошла! Зачем, по-твоему, мы вживляем зверью электроды? Зачем сложнейшая система дистанционного управления? Направленные антенны и передатчик? Тогда нам лучше просто устраивать бой быков. — Он ударил кулаком по пульту. — Неужели ты до сих пор не поняла: идея, что принесла нам невиданный успех, — инсценировка. Нужно готовить поединки, планировать их заранее, чтоб зрелище было максимальной напряженности, чтобы дух захватывало!

— Неужели это необходимо? — спросила Криста. — Ты ведь давно на самом верху, никто не может лишить тебя могущества. Даже если ты откажешься от дистанционного управления!

— А тотализатор? Ты забыла, что поступления от тотализатора дают бóльшую часть прибыли? А теперь нако-

нец возьми себя в руки! Объект на Г 5, прыжок на В 2... Атака!

Девушка не шевельнулась.

Шеф пристально взглянул на нее.

— Он ведь тебе безразличен, да?

Девушка кивнула.

— Тогда вперед. И так слишком затянули! Объект на

В 1. Атака!

Девушка сидела не двигаясь.

Мужчина свирепо улыбнулся.

— Пусти-ка меня за пульт. Задача тебе не по плечу!

Криста встала. Теперь она смотрела из огромного окна вниз на арену. Там на песке лежал человек, а прямо над ним с поднятым рогом стояло чудовище. Девушка направилась в глубь комнаты, но потом метнулась к пульту и быстро нажала клавишу. Вскрик многотысячной толпы вновь сотряс динамик. Директор смотрел на экран. Там две точки сошлись теперь в одну. Взгляд девушки был пуст, она смотрела в неведомое. Зрелище кончилось.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.д. Гаков. Свет в конце туннеля</i>	5
<i>Стеклянная западня. Перевод Н. Литвинен</i>	31
<i>Башня из слоновой кости. Перевод Ю. Новикова</i>	201
<i>Сириус-Транзитный. Перевод Н. Федоровой</i>	377
<i>Холод Вселенной. Перевод М. Харитонова</i>	525

Рассказы

<i>Папа Джо. Перевод Ю. Новикова</i>	671
<i>Зрелище. Перевод Н. Литвинен</i>	712

Герберт В. Франке
СТЕКЛЯННАЯ ЗАПАДНЯ
Современная фантастика ФРГ

Составитель Юрий Сергеевич Новиков

Редакторы *Е. Приказчикова, М. Финогенова*
Художник *В. Роганов*
Художественный редактор *В. Тихомиров*
Технический редактор *Е. Золотова*
Корректор *Г. Иванова*

ИБ № 5435

Сдано в набор 6.02.90. Подписано в печать 11.11.91 г. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать глубокая. Условн. печ. л. 38,64. Усл. кр.-отт. 38,85. Уч.-изд. л. 37,89.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 189. „С“—12. Изд. № 6751.

Издательство «Радуга» Москва, 121839, пер. Сивцев Вражек, 43.

Отпечатано с готовых диапозитивов Можайского полиграфкомбината Министерства печати
и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Министерства печати
и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.